

*БОСПОРСКІЕ
ИССЛЕДОВАНІЯ*

Вып. XLVII

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XLVII

Керчь

Kerch

Симферополь

Simferopol

2023

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 8 от 07.11.2023 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор

Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Абрамзон М.Г., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., проф., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Зубарев В.Г., д.и.н., проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула)

Казанский М.М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма (Симферополь)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Смекалова Т.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция).

*Состав редколлегии утвержден Научно-техническим советом Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 14.03.2023 г.)*

Боспорские исследования. Вып. XLVII / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2023. – 352 с.
ISBN 978-5-6046127-6-7

В XLVII выпуске «Боспорских исследований» публикуются статьи и материалы по результатам исследований античных и средневековых памятников Понтийского региона, а также по отдельным вопросам изучения истории материальной культуры и методике археологических исследований.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082

ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938

ISBN 978-5-6046127-6-7

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023

© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2023

© Авторы, текст, 2023

СТАТЬИ

Н. И. СУВОРОВА
N. I. SUVOROVA

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ПАНИАРДИСА И ПАТАРВЫ

ON THE QUESTION OF THE LOCATION OF PANIARDIS AND PATARVA

Местонахождение многих античных греческих городов Северного Причерноморья, упоминаемых в произведениях древних авторов, известно в настоящее время. Среди них Пантикапей, Тиритака, Нимфей, Мирмекий, Илурат, Феодосия, Херсонес, Ольвия и др. Иначе обстоит дело с античными населенными пунктами, удаленными от столицы Боспорского царства, основными торговыми путями древности, и вследствие этого практически не упоминаемыми античными географами и историками. Многие из них небольшие по своим размерам и, вероятно, не имели большой значимости для средиземноморской истории. В полной мере это относится к поселениям, расположенным по побережью Азовского моря, Таганрогского залива и в дельте Дона.

На территории современного города Азова в античную эпоху существовало два городища: Крепостное и Подазовское (рис. 1). Эти названия условные, они были даны археологами при исследовании. Оба городища датируются последней четвертью I в. до н. э. – II в. н. э. и являются более ранними из числа известных тринадцати городищ, относящихся к округе Танаиса. Исследуя нижнедонские городища, И.С. Каменецкий пришел к выводу, что Азовское (Крепостное) было одним из самых крупных в низовьях Дона, а Подазовское – средним [Каменецкий, 1993, с. 11].

В 1987 году В. Е. Максименко предложил отождествить Крепостное городище с Паниардисом, а Подазовское – с Патарвой, упоминаемыми в пятой книге «Географического руководства» Клавдия Птолемея [Максименко, 1987, с. 34], поскольку время существования этих двух городищ вполне согласуется со временем появления труда Птолемея. В качестве главного аргумента было указано, что по результатам многолетних археологических исследований Крепостное и Подазовское городища являются единственными *известными* (курсив мой) крупными поселениями первых веков нашей эры, расположенными «за Танаисом в Азиатской Сарматии». Единственным несоответствием, по мнению исследователя, между описанием расположения Паниардиса и Патарвы Птолемея и отождествлением их с Крепостным и Подазовским городищами являлась река Марубий, устье которой, по описанию Птолемея, располагалось между Паниардисом и Патарвой [Латышев, 1899, с. 236].

В. Е. Максименко отождествлял ее с современной рекой Кагальник, которая, однако, располагается южнее Подазовского городища [Максименко, Проценко, 1992, с. 35].

И. С. Каменецкий предположительно отождествлял Марубий с рекой Мокрый Чубур [Каменецкий, 2011, с. 176]. В таком случае местонахождение Паниардуса и Патарвы должно быть иным – в нескольких десятках километров от города Азова.

Вопрос о местонахождении этих двух древних поселений далеко не праздный, поскольку в 1992 году Ростовским областным Советом народных депутатов был утвержден список памятников истории и культуры Ростовской области, состоящих на государственной охране. В приложении 2 к решению № 301 от 18.11.1992 г. упоминается Крепостное городище (Панеардис). До настоящего времени во всех официальных документах именно так (с орфографической ошибкой) значится античное городище, находящееся в центре г. Азова (рис. 2). Эти древние названия стали привычными и широко используемыми среди археологов и научных сотрудников Азовского музея-заповедника [Минаев, 2019, с. 6]. Кроме того, с 2019 года на территории музея (с внутренней стороны крепостного вала, там, где находилось Крепостное городище) ежегодно проводится масштабный этнокультурный фестиваль «Загадки древнего Паниардуса», популяризирующий историю и культуру древних азовских городищ. В связи с этим в настоящее время возникла необходимость в уточнении локализации античных Паниардуса и Патарвы, упоминаемых Клавдием Птолемеем.

Названия Πανάρδις и Παταρούη известны нам только из знаменитого труда Птолемея благодаря спискам V в., сохранившимся в средневековых рукописях [Кулаковский, 1899, с. 222]. Эти названия встречаются и на средневековых картах, копировавших античные. В XIX веке известными исследователями И. А. Стемпковским, В. В. Латышевым, Ю. А. Кулаковским, Ф. А. Брауном были предприняты попытки создания карт Европейской и Азиатской Сарматии античного времени, основанных на труде Птолемея. При этом исследователи выяснили, что координаты исходного пункта исчислений Птолемея были определены неверно, что привело к искажению изображений многих объектов на карте Северного Причерноморья [Агбунов, 1992, с. 91].

Карта, вычерченная профессором кафедры классической филологии Киевского университета Ю. А. Кулаковским, имела большое сходство с картой Птолемея из атласа 1480 года, изданного во Флоренции Николаусом Лауренти (рис. 3). В ответе на критические замечания академика В. В. Латышева автор упомянул трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при выполнении этой работы: неточности в описании Птолемея, трудно исправимые ошибки гравера, стремление успеть издать карту к открытию Археологического съезда в Киеве в августе 1899 года. При вычерчивании карты Ю. А. Кулаковский следовал методу Птолемея – конической проекции сферы на плоскость (рис. 4). Профессор астрономии Киевского университета М. Ф. Хандриков вычертил в большом масштабе градусную сетку полусферы, на которую впоследствии были перенесены все пункты с черновика Ю. А. Кулаковского [Кулаковский, 1899, с. 14].

Ф. А. Браун, профессор Петербургского университета, использовал карту Птолемея для воссоздания истории готв и аланов. Однако он считал, что «примирить показания древних о Меотиде с современной картиной Азовского моря» невозможно, поскольку со временем изменилась береговая линия моря. Кроме того, Меотида мало посещалась греками: «плавание по ней представляло слишком большие опасности и трудности, которые не искупались торговыми выгодами. Оседлого населения, ради поддержки которого стоило строить эмпории, не было ни на северном, ни на южном побережье». Берег Меотиды посещался лишь рыбаками, и те пункты, которые называет Птолемей, служили целям рыболовства [Браун, 1899, с. 237]. Ф. А. Браун упоминает также о многочисленных ошибках в координатах Клавдия Птолемея и о том, что восточная часть карты слишком вытянута, поэтому необходимо отказаться от точного приурочения отмеченных пунктов по северному берегу Меотиды.

Карта обеих Сарматий по Птолемею В. В. Латышева была опубликована после публикаций карт Ю. А. Кулаковского и Ф. А. Брауна (рис. 5). Для ее создания он использовал проекцию Меркатора [Латышев, 1899, с. 946]. Меридианы в проекции Меркатора представляют собой параллельные равноотстоящие линии. Параллели же являются параллельными линиями, расстояние между которыми вблизи экватора равно расстоянию между меридианами, но при приближении к полюсам быстро увеличивается. Этим можно объяснить искажения на карте В. В. Латышева в изображении северной части Азовского моря, а точнее, Таганрогского залива. Необходимо отметить, что карты, созданные Ю. А. Кулаковским и В. В. Латышевым, имели много общего и опирались на градусные величины, указанные Птолемеем.

В 2005 году В. Г. Зубарев в своем обобщающем труде «Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции» предпринял попытку отождествления всех топонимов и гидронимов Северного Причерноморья, упомянутых Птолемеем. Он сделал убедительный вывод о компилятивном характере его произведения, содержащем разновременные материалы [Зубарев, 2005, с.23], что позволяет отодвинуть верхнюю границу существования интересующих нас Паниардиса и Патарвы, не ограничиваясь I в. до н. э. – II в. н. э. Он также отметил, что у Птолемея Меотида вытянута в северном направлении, а не северо-восточном, как в действительности. Причем искажения касаются прежде всего Таганрогского залива. В связи с этим было предложено разделить район Северного Причерноморья на шесть зон с разными коэффициентами погрешности при вычислении расстояний [Зубарев, 2005, с. 69]. Однако некоторые полученные при этом данные и отождествления древних топонимов и гидронимов, на наш взгляд, носят субъективный характер. Кроме того, они не учитывают результаты геоморфологических и гидрографических исследований. Ведь уже общепризнано, что береговая линия Черного и Азовского морей была иной вследствие фанагорийской регрессии I тыс. до н. э. [Зинько, 2023, с. 11].

По мнению В. Г. Зубарева, некоторые топонимы у Птолемея могли изменить

свое действительное положение в пространстве в местах соединения различных источников [Зубарев, 2005, с. 307]. Так, Паниардис исследователь локализует в районе города Таганрога, считая, что Птолемей мог перепутать восточное устье реки Танаиса (Дона) с западным. И в качестве довода упоминает, что «южное побережье между дельтой Дона и Ейским лиманом не играло сколь-либо существенной роли» [Зубарев, 2005, с. 317]. Конечно, его могло ввести в заблуждение расположение, согласно Птолемею, города Танаиса на восточном устье реки Танаиса. Однако, следуя возобновленным дискуссиям последних лет о двух Танаисах, это не кажется чем-то невероятным или ошибкой. По-видимому, на своей карте Птолемей указал ранний Танаис IV в. до н. э., локализуемый на Елизаветовском городище. При определении местонахождения Паниардиса мы не должны упускать из внимания четкую последовательность при перечислении Птолемеем всех названий рек и поселений «за Танаисом в Азиатской Сарматии».

Реку Марубий В. Г. Зубарев отождествляет с рекой Кагальник, делая субъективные допуски в сложных вычислениях: из расстояния между Танаисом (на месте Недвиговского городища) и устьем реки Марубий (река Кагальник) вычитает расстояние (заведомо большее) от Танаиса до местоположения Паниардиса в районе Таганрога [Зубарев, 2005, с. 317]. Безусловно, с этим трудно согласиться.

Что касается Патарвы, то исследователь отождествляет ее с Подазовским городищем без всяких доводов, называя ошибочное северо-западное направление от устья реки Кагальник [Зубарев, 2005, с. 318]. И здесь снова нарушена последовательность, упоминаемая у Птолемея, Паниардиса, Марубия и Патарвы.

Для того чтобы прояснить вопрос о местонахождении этих античных топонимов и гидронимов, обратимся к самому «Географическому руководству» Клавдия Птолемея. Несомненно, несмотря на многочисленные неточности, на которые указывали многие исследователи, этот труд является ценнейшим источником по изучению античной истории и географии Причерноморья. В первой главе при сравнении хорографии и географии он акцентирует внимание на том, что в географии принято указывать основные крупные части земли [Боднарский, 1953, с. 288]. Поэтому мы можем предположить, что на свою карту Птолемей наносил только большие реки и крупные населенные пункты. За прошедшие две тысячи лет многие античные поселения могли не сохраниться в результате активной жизнедеятельности человека и природы. Иначе дело обстоит с географическими объектами, например, с реками. К крупным рекам, впадающим в Азовское море с юго-востока ниже устья реки Дон до реки Кубань (территория Азиатской Сарматии), можно отнести современные реки: Мокрая Чубурка, Ея, Челбас, Бейсуг, Кирпили, Понура. Вероятно, с ними можно соотносить шесть рек Азиатской Сарматии, упомянутых Птолемеем: Марубий, Большой Ромбит, Феофаний, Малый Ромбит, Аттикит и Псафий.

Утверждение Птолемея «она (*география*) заботится о соответствии расстояний между отдельными пунктами» позволяет считать, что известный математик и астроном своего времени стремился как можно точнее указать расстояния между отдель-

ными объектами. Эти знания Птолемей черпал из трудов Марина Тирского, а тот, в свою очередь, из периплов и описаний дорог путешественников. Координаты объектов (не всех, а только находящихся на широте Родоса и вблизи от нее) определялись исходя из астрономических наблюдений, при которых использовались несовершенные на сегодняшний день приборы и приемы. При составлении карты Птолемей опирался на утверждение Посидония, что в одном градусе помещается 500 стадиев. Причем с удалением к северу число стадиев уменьшалось [Кулаковский, 2000, с.242]. На широтах, нас интересующих, по мнению Птолемея, в одном градусе помещалось 400 стадиев (63 км 200 м, исходя из расчета, что в одном египетском стадии 158м). Однако более близки к современности были Эратосфен и Гиппарх, критикуемые Птолемеем, которые в одном градусе помещали 700 стадиев (110 км 600 м).

На своей карте Птолемей располагал Πανιάρδις на расстоянии в один градус от восточного устья реки Танаис (Дон), т.е. примерно в 63 км. Значит, Πανιάρδις должен был находиться в районе современного села Порт-Катона Азовского района. Тогда реку Μαρούβιος можно соотнести с современной рекой Ея, устье которой находится в половине градуса (32 км) от пункта Πανιάρδις.

Παταρούη, по расчетам Птолемея, находилась на расстоянии в один градус (63 км) от пункта Πανιάρδις, в половине градуса (32 км) от устья реки Μαρούβιος и в двух градусах (126 км 400 м) от восточного устья реки Танаис. Вероятно, древнее поселение Παταρούη следует искать в районе поселка Морского неподалеку от современного города Ейска.

При взгляде на изображение Азовского моря в атласе 1480 года, а также на картах Ю. А. Кулаковского и В. В. Латышева можно увидеть несоответствие расположения северной части моря, точнее, Таганрогского залива: северная его ориентировка. На современных картах Таганрогский залив имеет северо-восточную направленность. При наложении двух карт одинакового масштаба: современной карты и карты Птолемея с измененной северо-восточной направленностью можно увидеть совпадение упомянутых в «Географическом руководстве» объектов Πανιάρδις, Μαρούβιος, Παταρούη с расположением Порт-Катона, устья Еи и Ейска. Может быть, следует искать эти древние поселения именно там?

Рассмотрим данные археологических исследований в этом регионе. Южное побережье Таганрогского залива активно исследовалось с 1950-х гг. (рис. 6). В 1958 году экспедиция Таганрогского краеведческого музея под руководством И. С. Каменецкого провела разведки к югу от г. Азова до озера Ханского с целью подтвердить данные Страбона о сплошном меотском заселении восточного побережья Азовского моря [Каменецкий, 1959, с. 8]. Однако небольшой подъемный материал позволил сделать вывод о возможном существовании здесь в античную эпоху лишь небольших стоянок для ловли рыбы. Тогда же И. С. Каменецким было зафиксировано сильное разрушение береговой линии от хутора Шиловка до села Круглое.

В 1981 году В. В. Чалым были проведены разведки на побережье Таганрогского залива от с. Маргаритово до с. Новомаргаритово, во время которых были обнаружены

фрагменты светлоглиняных амфор II в. н. э., что позволило предположить существование в устье р. Мокрая Чубурка античного поселения [Чалый, 1982, с. 58]. Эта территория неоднократно исследовалась впоследствии сотрудниками Азовского музея-заповедника, ГАУК РО «Донское наследие» и ООО «ОКН-проект» М.В.Дмитриенко, А.Н.Масловским, Э. Б. Широченко, М. Ю. Гончаровым, Д. И.Зенюком, А.П.Минаевым, А. В. Колесником, А. В. Паненко. Было выявлено два многослойных поселения Сухая Чубурка-I у современного села Маргаритово и Чумбурки-I рядом с селом Новомаргаритово, где встречались фрагменты античной керамики VI – IV вв. до н. э. и I – III вв. н. э.

В 1999 году в ходе археологических разведок И. В. Белинским западнее х. Чумбур-Коса было выявлено многослойное поселение, на котором были обнаружены находки VI – IV вв. до н. э., а также I – III вв. н. э. Поселение получило название «Чумбур-Коса-I» и исследовалось позже А. Н. Масловским, М. Ю. Гончаровым, Д.И. Зенюком и А. П. Минаевым, С. А. Кравченко, Б. А. Якиевым и А. В. Паненко [Паненко, 2022, с. 12].

В 2003 году на юго-западной окраине села Порт-Катон, на западном склоне балки Грекова Чубурка М. В. Дмитриенко было обнаружено многослойное поселение Грекова Чубурка-I, на котором встречались фрагменты светлоглиняных амфор первых веков нашей эры [Дмитриенко, 2004, с. 15]. Однако незначительное их количество не позволяет локализовать однозначно крупное античное поселение Πανιάρδις в районе современного села Порт-Катон.

Отсутствие археологических находок на территории Таганрогского залива в районе Порт-Катона можно объяснить изменением береговой линии вследствие нимфейской трансгрессии, достигшей своего пика к V в. н. э., в результате которой уровень моря поднялся на 5 – 7 м, а максимальная скорость абразии берега достигла 3,3 м/год [Матишов и др., 2019, с. 49]. На спутниковой гугл-карте побережья Таганрогского залива в районе села Порт-Катона на расстоянии до двух километров в воде просматривается широкая отмель, возможно, в древности, представляющая собой мыс берега. Возможно, упомянутый Птолемеем Πανιάρδις находился здесь, а сейчас скрыт водами Таганрогского залива¹? Похожую отмель можно увидеть в прибрежной части поселка Морского Ейского поселения Краснодарского края. Может быть, в древности здесь находилось поселение Παταρούη? На карте «Основных геоморфологических элементов азовского шельфа» эти территории отмечены как абразионно-аккумулятивные террасы со скоростью абразии берега от 0,3 до 3,0 м (рис. 7) [Экологический атлас Азовского моря, 2011, рис. 3.17, с. 55].

Однако расчеты Птолемея в стадиях могли быть неточными вследствие ошибок, содержащихся в древних периплах и дорожных описаниях. Кроме того, мы помним об искажениях на картах именно Таганрогского залива и существовании

---

¹Выражаю глубокую признательность за консультацию заведующему отделом археологии Азовского музея-заповедника к.и.н. А. Н. Масловскому.

погрешности в вычислениях. К тому же, древние мореходы ходили по Азовскому морю не всегда вдоль берега, а обходя известные отмели. По описанию Птолемея, Παυιάρδις находился в одном градусе (63 км 200 м) «за устьем реки Танаис». Зная о двух устьях, древний автор не уточняет, от какого именно следует вести отсчет стадиям. Если измерить современный морской путь от Чумбур-Косы до х. Недвиговка (античный город Танаис), то мы получим именно это расстояние. Таким образом, античный Παυιάρδις можно локализовать на Чумбур-Косе, отождествляя с много-слойным поселением Чумбур-Коса-I.

Объект археологического наследия, поселение Чумбур-Коса-I, расположен на территории Азовского района Ростовской области в 100 м на запад – юго-запад от западной границы х. Чумбур-Коса (рис. 8). С восточной стороны поселение ограничено балкой, по которой проложена асфальтовая дорога, с севера и северо-запада – береговым обрывом Таганрогского залива. С юго-западной и юго-восточной стороны границы поселения определены с помощью закладки разведочных шурфов и сбором подъемного материала. Поселение вытянуто вдоль побережья Азовского моря, имеет размеры около 800x300 м [Паненко, 2022, с. 12]. Первые полномасштабные раскопки здесь были проведены А. В. Паненко в 2021 году. Проведенные исследования подтвердили, что данное поселение является многослойным памятником, в котором можно выделить несколько хронологических периодов: VI – IV вв. до н.э., I – III вв. н.э., VIII – X вв., XIII – XIV вв. Доля находок античного времени от общего числа фрагментов керамики составила 8% [Паненко, 2022, с. 39]. За весь период исследований поселения Чумбур-Коса-I были обнаружены находки VI – IV вв. до н. э.: фрагменты амфор Клазомен, Самоса, Лесбоса, Гераклеи, Синопы, Фасоса, Колхиды; фрагменты чернолаковой керамики, а также бронзовые предметы: наконечники стрел, бутероль, литая бляха с орнаментом в виде восьмилучевой звезды, удила, крышка пиксиды с изображением Артемиды, бляшка с изображением Горгоны Медузы и др. [Минаев, 2019 а, с. 381; Паненко, 2022, с. 63] (рис. 9). К находкам I – III вв. н. э. можно отнести фрагменты светлоглиняных амфор первых веков нашей эры, серолощенной и лепной керамики, обломки бронзовых фибул [Минаев, 2017, с. 59; Паненко, 2022, с.34] (рис. 10). Для периода ранней греческой колонизации данное поселение является пока единственным известным памятником на побережье Таганрогского залива в пределах Азовского района.

Вероятно, поселение, которое можно отождествить с поселением Παυιάρδις, существовало длительный период времени – с VI в. до н. э. по III в. н. э. Это подтверждает использование Птолемеем во II в. н. э. при составлении своего руководства более ранних периплов и дорожных описаний.

Изучая топонимику вышеупомянутых древних поселений, В. Е. Максименко и Б. Н. Проценко считали, что в основе их формирования лежат иранские, фракийские и хеттские названия, имеющие эллинскую окраску. Так, Παυιάρδις, по их мнению, можно перевести с греческого, как «Все острие стрелы»; или с иранского – «Путь стрелы»; с фракийского – «Болото стрелы» [Максименко, Проценко, 1992, с. 34].

Другой перевод этого слова с фрако-дакийского предлагает В. П. Яйленко – «белое» или «текущее болото» [Яйленко, 2014, с. 545]. Все толкования древнего названия этого поселения становятся понятны, если посмотреть на современную карту побережья Таганрогского залива: выдающийся в море остроконечный мыс Чумбур-Коса и небольшие глубины у берега.

Итак, если предположить, что Πανιάρδις находился на Чумбур-Косе, тогда реку Μαρούβιος логично было бы отождествить с рекой Мокрая Чубурка, как и предполагал И. С. Каменецкий. В обоих названиях (Марубий, Чубурка) слышатся одинаковые корни. Согласно толковому словарю В. И. Даля, «чубурки» – неводные поплавки, название, имеющее отношение к занятиям людей, живших здесь с древности [Толковый словарь, 2006, с. 597]. В. Е. Максименко и Б. Н. Проценко видели соответствие этого гидронима с лув. *maḡuwa* – «красный» и объясняли наличием в воде вымытой глинистой породы [Максименко, Проценко, 1992, с. 35]. В. П. Яйленко считал, что название реки Μαρούβιος имеет структурную параллель в иллирийском названии города Σούρουβα на реке Вардан (Кубань): «*sur-uba- «кислая вода», что имеет аналогию с иллирийским названием города в Пицене Μαρούβιος». Кроме того, он предлагал объяснять название Μαρούβιος при помощи фрако-дакийских соответствий: *ub- «река, вода» и *maḡ- «море» (или *maḡ- «большой»). Таким образом, значение этого названия можно перевести, как «большая река» или «река, впадающая в море» [Яйленко, 2014, с. 545], что можно вполне отнести к характеристике современной реки Мокрая Чубурка. Помимо Клавдия Птолемея, о реке Марубий упоминает в IX в. Мухаммад ал-Хорезми в «Книге картины Земли» [Булгаков и др., 1983, с. 180].

На карте М. С. Боднарского река Ея обозначена как Большой Ромбит (рис. 11). Это название встречается в «Географии» Страбона и «Географическом руководстве» Птолемея [Боднарский, 1953, с. 201; Латышев, 1899, с. 131, 236]. Упоминание об этой реке можно встретить также в «Книге картины Земли» Мухаммада ал-Хорезми [Булгаков и др., 1983, с. 180]. Поселение Παταρούη Птолемей помещал между устьями двух рек Марубия и Большого Ромбита. Причем расстояние от устья Танаиса до поселения Πανιάρδις было равно расстоянию между поселениями Πανιάρδις и Παταρούη. Следуя логике нашего исследования, поселение Παταρούη должно было располагаться между современными реками Мокрая Чубурка и Ея. Возможно, его следует искать в районе Сазальницкой косы у села Шабельское (рис. 6).

Название поселения Παταρούη В. Е. Максименко и Б. Н. Проценко соотносили со словами хеттского языка *pattar* «крыло» и «табличка, поднос, покрывало, (тростниковая) корзина» и предполагали, что Патарва первоначально могла быть сакрально отмеченным местом, где совершались обряды [Максименко, Проценко, 1992, с. 35]. Если в данном слове увидеть два греческих корня *πατ-* «отец» и *ἀρουρα* (*αρόω*) «пашня, поле», можно предположить, что название городища Патарва связано с основной деятельностью его жителей – земледелием [Вейсман, 1899, с. 198]. Город с похожим названием, Патары, существовал в Ликии и считался крупным экономическим и культовым центром. Страбон сообщает, что он был основан Патаром [Страбон, XIV, 1964, с. 622].

На карте В. В. Латышева, созданной по «Географическому руководству» Птолемея, можно увидеть расположение поселений Παυιάρδις и Παταρούη на мысах, выдающихся в море. Такое же расположение этих географических объектов присутствует на картах Нового времени Абрахама Ортелиа 1590 г. и Герарда Меркатора 1595 года. Причем на карте Абрахама Ортелиа сохранены античные гидронимы, топонимы и этнонимы (рис. 12). На карте Герарда Меркатора из античных названий интересующего нас региона упоминаются только реки Танаис и Большой Ромбит, а также поселение Патарва (рис. 13). Зато на ней можно увидеть названия средневекового Азова, реки Кагальник и поселения Бакручи (Bacrichi), расположенного в районе Чумбур-Косы. Вероятно, его можно отождествить с многослойным поселением Чумбур-Коса-I, крупнейшим в этом регионе после золотоордынского Азака (Азова).

Чумбурская и Сазальницкая косы, на которых предположительно можно локализовать древние поселения Παυιάρδις и Παταρούη, являются косами средней величины и имеют протяженные подводные песчаные гряды, которые в древности могли служить прекрасными природными причалами для кораблей (рис. 14) [Экологический атлас Азовского моря, 2011, рис. 3.5, с.55]. В античное время при выборе места для обустройства гавани учитывалось множество факторов: бассейн с узким входом, защищенный от ветров, хорошее морское дно, способное удерживать заякоренные корабли, окружающая топография, наличие питьевой воды и т.д. [Зинько, 2023, с. 136]. Многие из этих условий соответствуют вышеназванным территориям.

Локализацию крупных древних поселений Παυιάρδις и Παταρούη на Чумбурской и Сазальницкой косах косвенно подтверждает сосредоточение (более восьмидесяти) археологических памятников – поселений и курганных групп раннего железного века, выявленных на побережье Таганрогского залива и по водоразделам рек Сухая Чубурка, Мокрая Чубурка и Ея и состоящих на государственной охране.

Однако только комплексный анализ палеогеографической и геоморфологической информации этих мест совместно с историческими и археологическими источниками поможет окончательно прояснить вопрос о местонахождении античных пунктов Παυιάρδις и Παταρούη.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья. Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука. 1992. 240 с.
- Боднарский М. С.* Античная география. Москва: Государственное издательство географической литературы. 1953. 375 с.
- Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. Санкт-Петербург. 1899. 412 с.
- Булгаков П. Г., Розенфельд Б. А., Ахмедов А. А.* Мухаммад ал-Хорезми. Около 783 – около 850. М.: Наука. 1983. 240 с.
- Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Санкт-Петербург. Издание автора. 1899. 1371 с.
- Дмитриенко М. В.* Отчет о разведках на побережье Таганрогского залива Азовского моря у с.Маргаритово, Ново-Маргаритово и Порт-Катон Азовского района Ростовской области в 2003 г. // 2004. Азов. Архив АМЗ. КВФ 13260/1. 18 с.
- Зинько А. В.* Эллинские мореплаватели Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – VI в. н. э.). Симферополь-Керчь: ООО Соло-Рич. 2023. 272 с.
- Зубарев В. Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры. 2005. 504 с.
- Каменецкий И. С.* Отчет о работах экспедиции Таганрогского краеведческого музея в 1958 г. (разведки) // 1959. Азов. Архив АМЗ. КВФ 9797/48. 20 с.
- Каменецкий И. С.* Городища донских меотов: Вопросы датировки. М.: «Авто». 1993. 176 с.
- Каменецкий И. С.* История изучения меотов. Ред. Е. Е. Сырнева. М.: Таус. 2011. 384 с.
- Кулаковский Ю. А.* Карта Европейской Сарматии по Птолемею // Филологическое обозрение. Том XVI. М. 1899. С. 3 – 9.
- Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. Санкт-Петербург: Алетейя. 2000. 318 с.
- Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Санкт-Петербург. Типография Императорской академии наук. 1899. 949 с.
- Максименко В. Е.* Паниардис и Пагарва Птолемея (к постановке вопроса о возможности установления древних названий некоторых античных городищ на Дону) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (тезисы докладов к областному семинару). Азов: Издательство Азовского краеведческого музея. 1987. 56 с.
- Максименко В. Е., Проценко Б. Н.* Паниардис, Пагарва и река Марубий (попытка историко-лингвистического анализа сведений Птолемея о некоторых древних топонимах в низовьях Дона // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ред. В. И. Литвиненко. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. 1992. 144 с.
- Матишов Г. Г., Польшин В. В., Титов В. В., Шевердяев И. В.* Голоценовая история Азовского шельфа // Наука юга России. Т. 15. № 1. Ростов-на-Дону: РАН ЮНЦ. 2019. С.42 – 53.
- Минаев А. П.* Отчет об археологических разведках в Азовском районе Ростовской области в бассейне р. Кагальник, дельте р. Дон и на побережье Таганрогского залива в 2015 году // 2017. Азов. Том I. Архив АМЗ. КВФ 14438/1. 210 с.
- Минаев А. П.* Отчет об археологических разведках в г. Азове Ростовской области по пер. Некрасова, 47, в 2019 году // 2019. Азов. Архив АМЗ. КВФ 14641. 41 с.
- Минаев А. П.* Поселение Чумбур-Коса-I в Азовском районе – предварительные итоги и перспективы исследований // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и вар-

- варский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь-Керчь, 2019 а. С. 381 – 386.
- Паненко А. В.* Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Чумбур-Коса-1» в Азовском районе Ростовской области в 2021 году // 2022. Азов. Том I. Архив АМЗ. КВФ 14696/1. 167 с.
- Страбон.* География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. Ред. С. Л. Утченко. М.: Наука. 1964. 944 с.
- Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах / Даль В. И. М.: РИПОЛ классик. 2006. /Том 4. Р – Я. 672 с.
- Чалый В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Азове и Азовском районе в 1981 г. // 1982. Архив АМЗ. КВФ 10190/68. 101 с.
- Экологический атлас Азовского моря. Гл. ред. академик Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. 2011. 328 с.
- Яйленко В. П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // Древности Боспора. Выпуск 18. Гл. ред. А. А. Масленников. М.: ИА РАН. 2014. 567 с.

REFERENCES

- Agbunov M.V.* (1992) Ancient Geography of the Northern Black Sea area, I.T. Kruglikova (ed). Moscow: Nauka, 240 p.
- Bondarsky M.S.* (1953) Ancient Geography. Moscow: State publishing house of geographical literature, 375 p.
- Brown F. A.* (1899) Researches in the field of Goth Slavic relations. I. The Goths and their neighbors until the V century. First period: the Goths on the Vistula (Russian Edition). St. Petersburg, 412 p.
- Bulgakov P.G., Rozenfeld B.A., Ahmedov A.A.* (1983) Muhammad al-Khwarizmi (app. 783-850). Moscow: Nauka, 240 p.
- Weissman A.D.* (1899) “Greek-Russian dictionary”. St. Petersburg: Author’s ed., 1371 p.
- Dmitrienko M.V.* (2004) “Report on explorations at the coast of Taganrog Bay, the Sea of Azov near Margaritovo village, Novo-Margaritovo and Port-Katon of Azov region, Rostov Oblast in 2003”. Azov: Archive of AMZ. KVF 13260/1. 18 p.
- Zinko A.V.* (2023) “Hellenic seafarers of Cimmerian Bosphorus (VI BC – VI AD)”. Simferopol-Kerch: OOO Solo-Rich, 272 p.
- Zubarev V.G.* (2005) “Historical geography of the Northern Black Sea area according to ancient written tradition”. Moscow: Languages of Slavic culture, 504 p.
- Kamenetsky I.S.* (1959) “Report on the workings of Taganrog Museum of Local History expedition in 1958 (explorations)”. Azov: Archive of AMZ. KVF 9797/48, 20 p.
- Kamenetsky I.S.* (1993) “Settlements of the Don Meotes: Questions on Dating”. Moscow: Auto, 176 p.
- Kamenetsky I.S.* (2011) “The History of Meotes’ Studies”, Syrnev E.E. (ed). Moscow: Taus, 384 p.
- Kulakovskiy Yu. A.* (1899) “The Map of European Sarmatia according to Ptolemy”. Moscow: Filologicheskoye Obozrenie, Vol. XVI, p. 3 – 19.

- Kulakovskiy Yu. A.* (2000) “Selected works on history of Alanes and Sarmatia”. St. Petersburg: Aleteia, 318 p.
- Matyshev V.V.* (1899) “Data of ancient Greek and Latin authors of Scythia and Caucasus”. St.Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences, Vol. I, 949 p.
- Maximenko V. E.* (1987) “Ptolemy’s Paniardis and Patarva (to the question of possibility of determining several ancient Don settlements’ names // The results of Azov-Donetsk expedition in 1986 (lecture notes to the Oblast seminar”. Azov: Azov Museum of Local History, 56 p.
- Maximenko V. E., Prozenko B. N.* (1992) “Paniardis, Patarva and the Marubi River (an attempt in historical-linguistic analysis of Ptolemy’s Data of several ancient toponyms in the Lower Don // Historical geography of the Don and Northern Caucasus”, Litvinenko V. I. (ed). Rostov-on-Don: Rostov University’s Publishing, 144 p.
- Matishov G. G.* (2011) “Ecological atlas of the Sea of Azov”. Rostov-on-Don: YUNZ RAN Publishing house, 328 p.
- Matishov G. G., Polshin V. V., Titov V. V., Sheverdyayev I. V.* (2019) “Holocene history of the Azov shelf // Science of the Russian South”. Rostov-on-Don: RAN YUNZ, p. 42 – 53.
- Minaev A. P.* (2017) “Report of archaeological explorations in Azov region, Rostov Oblast in the Kagalnik River basin, the Don River delta and at the coast of Taganrog Bay in 2015”, Vol. I. Azov: Archive AMZ KVF 14438/1, 210 p.
- Minaev A. P.* (2019) “Report of archaeological explorations in Azov, Rostov Oblast, Nekrasov lane, 47 in 2019”. Azov: Archive AMZ KVF 14641, 41 p.
- Minaev A. P.* (2019) “Chumbur-Kosa-I settlement in Azov region – preliminary results and research perspectives // XX Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and barbaric world in ancient and medieval times. Key results and research perspectives”. Simferopol-Kerch, p. 381 – 386.
- Panenko A. V.* (2022) “Report of archaeological excavations on the territory of identified site of archaeological heritage “Chumbur-Kosa-I” settlement in Azov region, Rostov Oblast in 2021”, Volume I. Azov: Archive AMZ KVF 14696/1, 167 p.
- Strabo* “The Geographica in 17 books”, Stratanovskiy G. A. (translated) (1964), Utchenko S. L. (ed). Moscow: Nauka, 944 p.
- Dal V. I.* “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes”, Vol. 4. Moscow: RIPOL Classic, 2006, 672 p.
- Chalyi V. V.* (1982) “Report of archaeological excavations in Azov and Azov region in 1981”. AMZ KVF 10190/68. 101 p.
- Yailenko V. P.* (2014) “Thracian-Dacian and Illyrian toponymy of Northern Black Sea area (Sarmatia and Scythia) // Antiquities of Bosporus”, Issue 18. Maslennikov A. A. (ed). Moscow: IA RAN, 567 p.

Резюме

Местонахождение многих крупных античных греческих городов Северного Причерноморья, упоминаемых в произведениях древних авторов, известно в настоящее время. Иначе обстоит дело с античными населенными пунктами, удаленными от столицы Боспорского царства и основных торговых путей древности. В полной мере это относится к поселениям, расположенным по побережью Азовского моря, Таганрогского залива и в дельте Дона.

В 1987 году В. Е. Максименко предложил отождествить два античных городища, нахо-

двищихся на месте города Азова, с Паниардисом и Патарвой, упоминаемыми в пятой книге «Географического руководства» Клавдия Птолемея. Однако появившиеся новые археологические данные, а также геоморфологические исследования Азовского моря позволяют предположительно локализовать эти античные поселения на южном побережье Таганрогского залива.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, историческая география, Клавдий Птолемей, Паниардис, Марубий, Патарва, локализация.

Summary

Nowadays we know the locations of many big ancient Greek cities in the Northern Black Sea area, mentioned in the works of ancient authors. However, when it comes to the ancient settlements, removed from the capital of Bosporan kingdom and major trade routes of the old times, the situation is quite different. It is especially true for the settlements located at the coast of the Sea of Azov, Taganrog Bay and in the estuary of the Don.

In 1987 V.E. Maximenko suggested that two ancient settlements in the territory of Azov, mentioned in Book Five of “The Geography” by Claudius Ptolemy can be identified with Paniardis and Patarva. However, newly discovered archaeological data, as well as geomorphological studies of the Sea of Azov make it possible to tentatively place these ancient settlements at the south coast of Taganrog Bay.

Key words: Northern Black Sea area, Bosporan kingdom, historical geography, Claudius Ptolemy, Paniardis, the Marubi, Patarva, localization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворова Надежда Игоревна,
старший научный сотрудник,
ГБУК РО «Азовский историко-
археологический и палеонтологический
музей-заповедник им. А. А. Горбенко»,
346780, Россия, Ростовская область,
г. Азов, ул. Московская, 38/40.
w.falke@mail.ru
+79045023587.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suvorova Nadezhda Igorevna,
Senior research associate,
GBUK RO “Azov Historical, Archaeological
and Paleontological Museum-Reserve named
after A.A. Gorbenko”,
346780, Russia, Rostov region,
Azov, Moskovskaya St., 38/40.
w.falke@mail.ru
+79045023587.

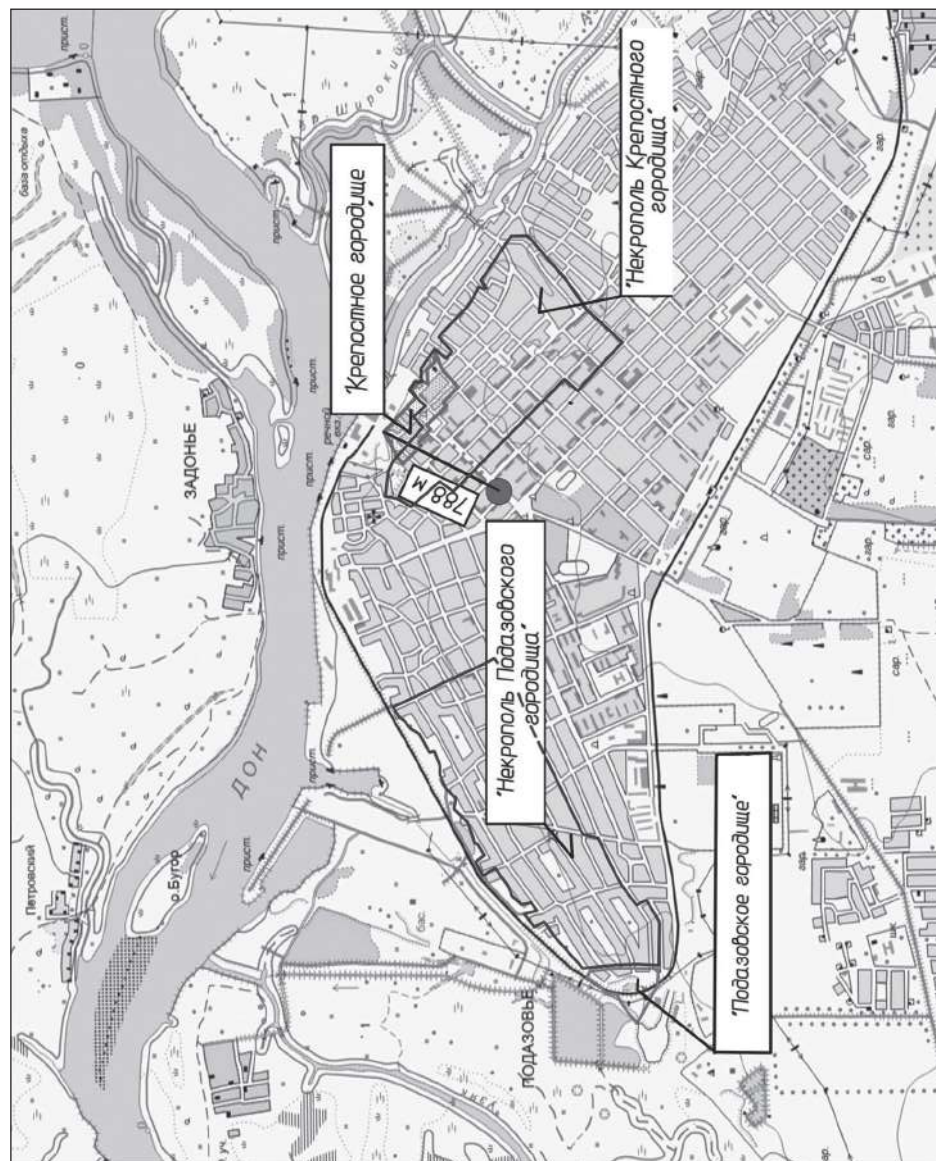

Рис. 1. План города Азова с границами памятников античного времени.

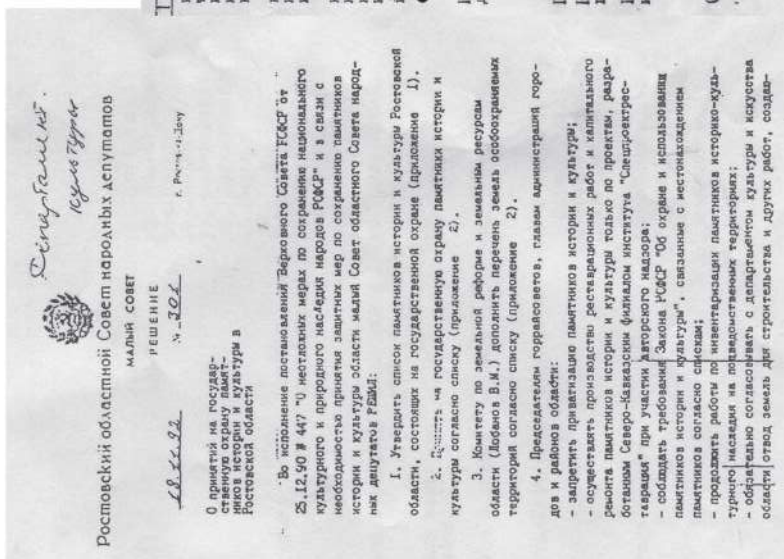

Рис. 2. Решение Ростовского областного Совета народных депутатов о принятии на государственную охрану памятников истории и культуры в Ростовской области от 18.11.1992 г. и фрагмент приложения.

4	б	б	б
Курганы группы "Царонок-Сольман" №1	археологич		с южной стороны от плохойица в 360м от Д створыи
Курган №2	"--"		в 125м от Д створ.
Курган №3	"--"		в 160м от Д створ.
Курганы группы "Аэродром"	"--"		с юго-западной стороны аэродрома
Курган №1	"--"		о западной стороне отШК-17 в 420 м к западу от кургана
Курган №2	"--"		в 16 м к западу от кургана
Курган №3	"--"		в 120м к юго-западу в границах улиц: Октябрьская, Шадринская, п.п.И Катерина, Николая, Московская, Шадта
Крепостной городище (Паневардце)	"--"		в границах улиц: Колетский, п.п.Шадте, рациональная, П.Холодковский, П.Холодковский, Област Октябрь
Ижорская Крепостного городища	"--"		на западной окраине г.Азов в границах улиц:от м/д до улицы Газета Кавкази Мисколка, Лесовица, м/д от акватории
Подозовское городище	"--"		Р.Азовка в границах ул.: С-Я улица, Степной, Ленинградский, на м/д до Железнодорожной, Мланя
Некрополь Подозовского городища	"--"		в границах улиц: Советский, Ленинградский, Шахта, Шора, Московский, Железнодорожный, стучек Молокова
Городище Азак-Танк с некрополем	"--"		
Обогатит Азовской крепости	"--"		

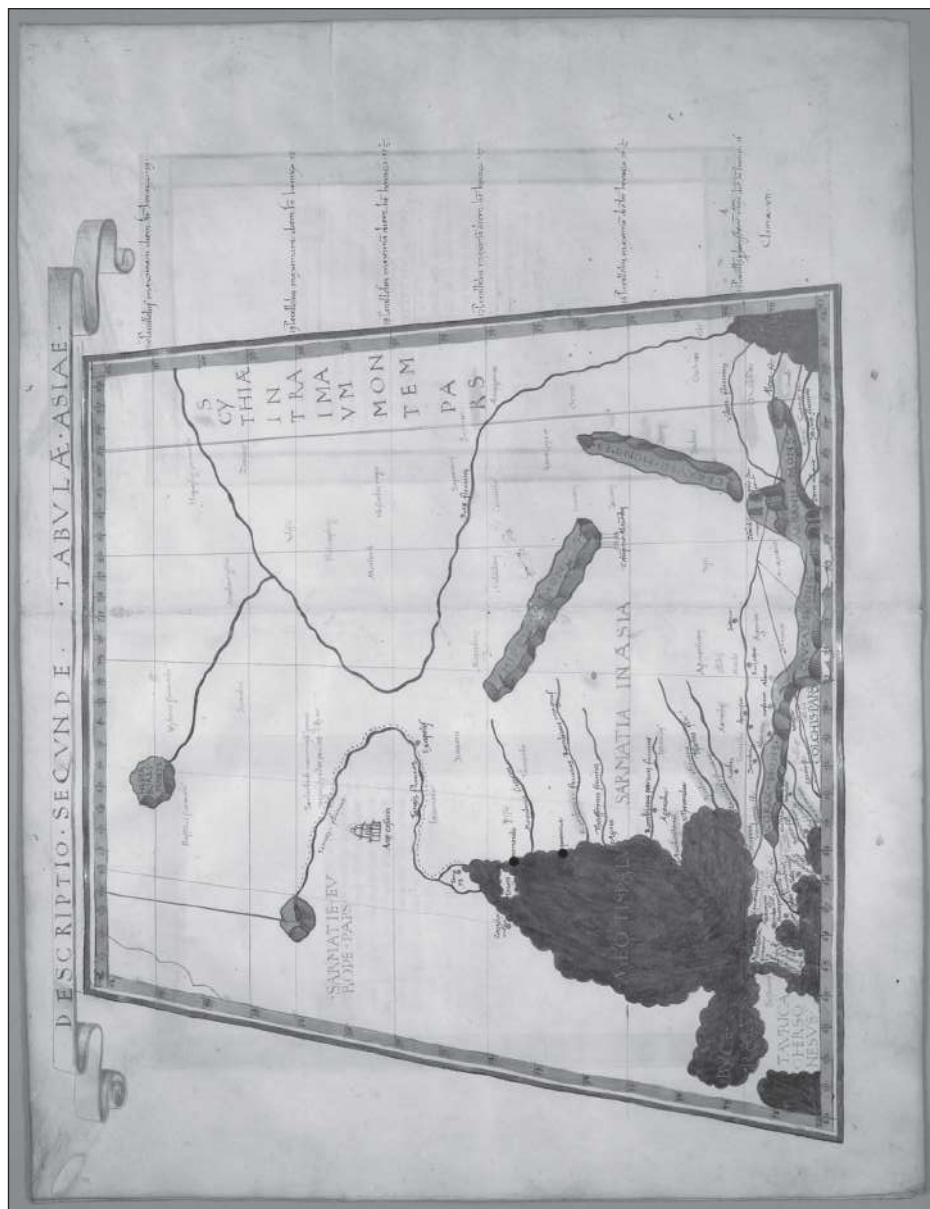

Рис. 3. Карта Азиатской Сарматии по Птоlemeю (из атласа 1480 года).

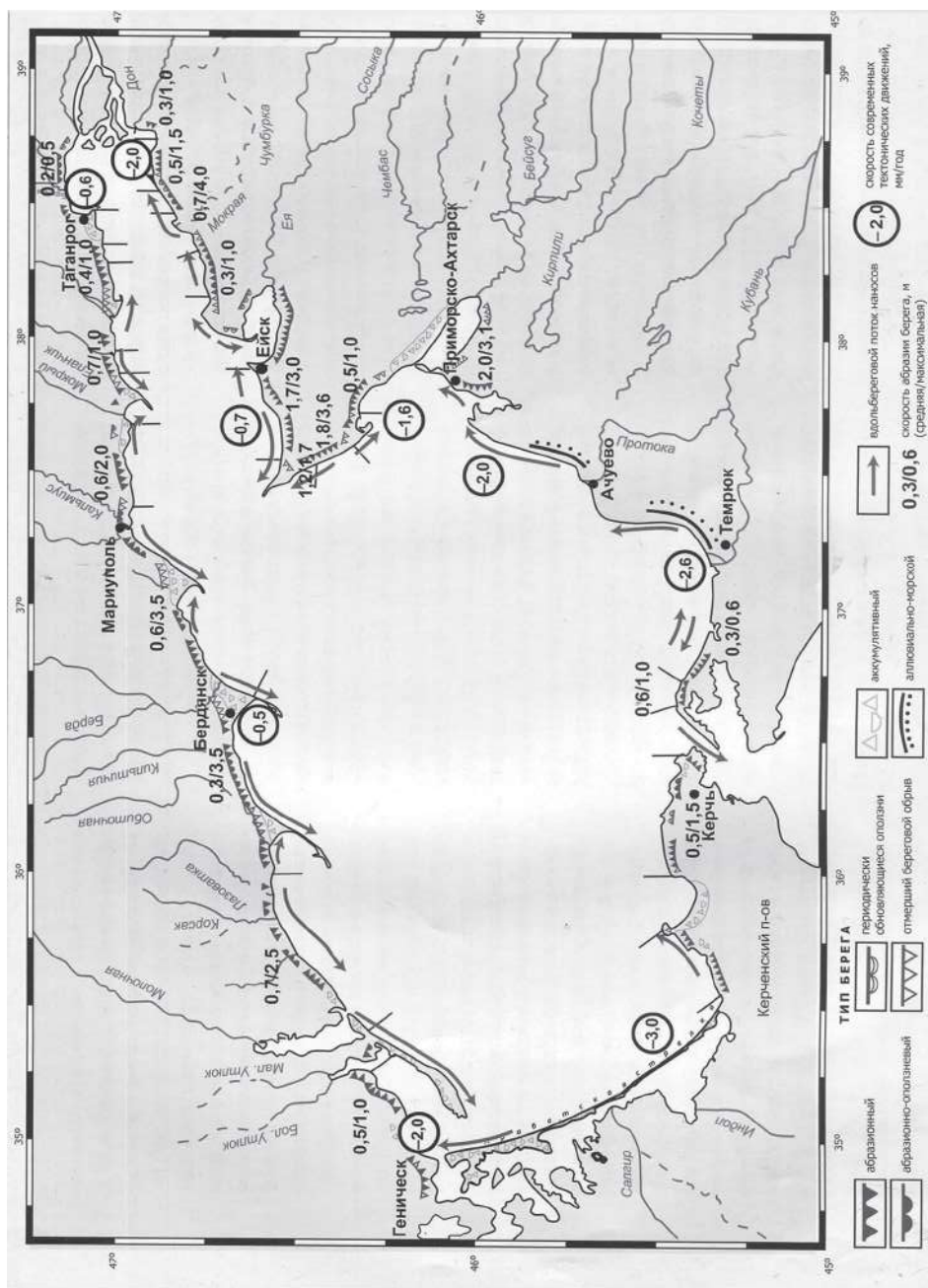
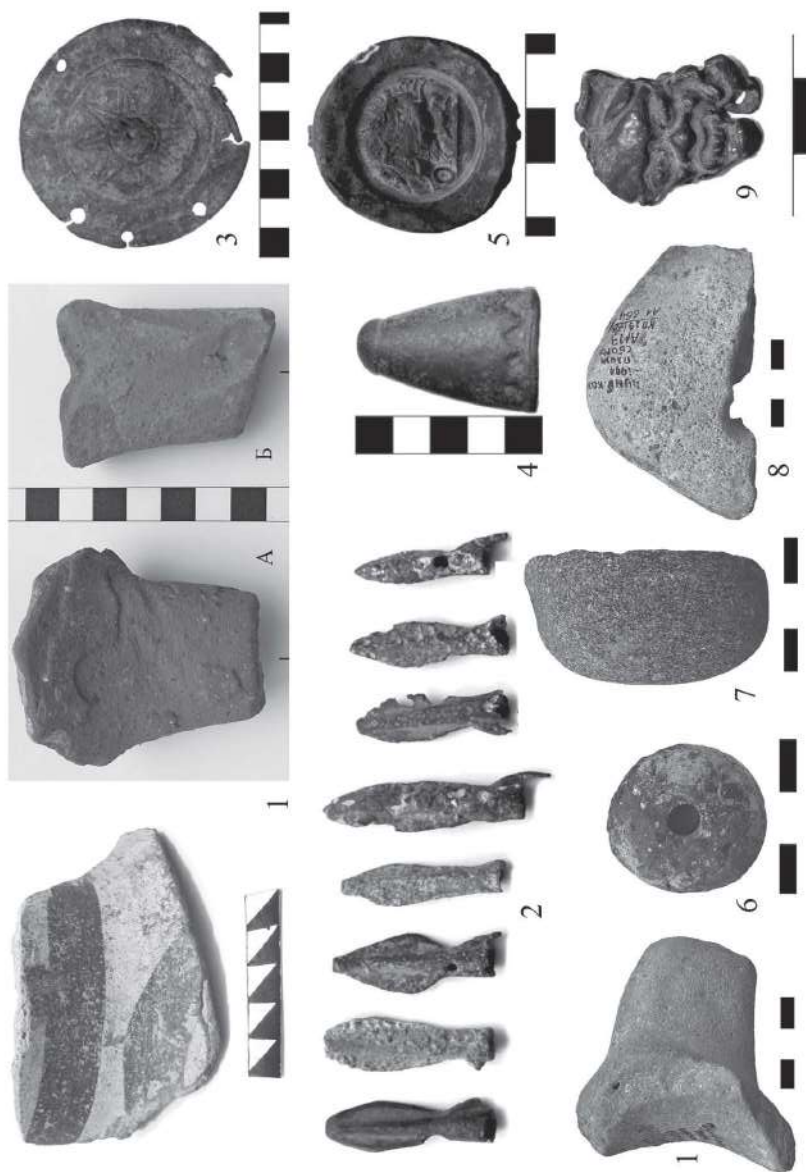

Рис. 7. Геоморфологические процессы в береговой зоне Азовского моря (по Матишов, 2011).

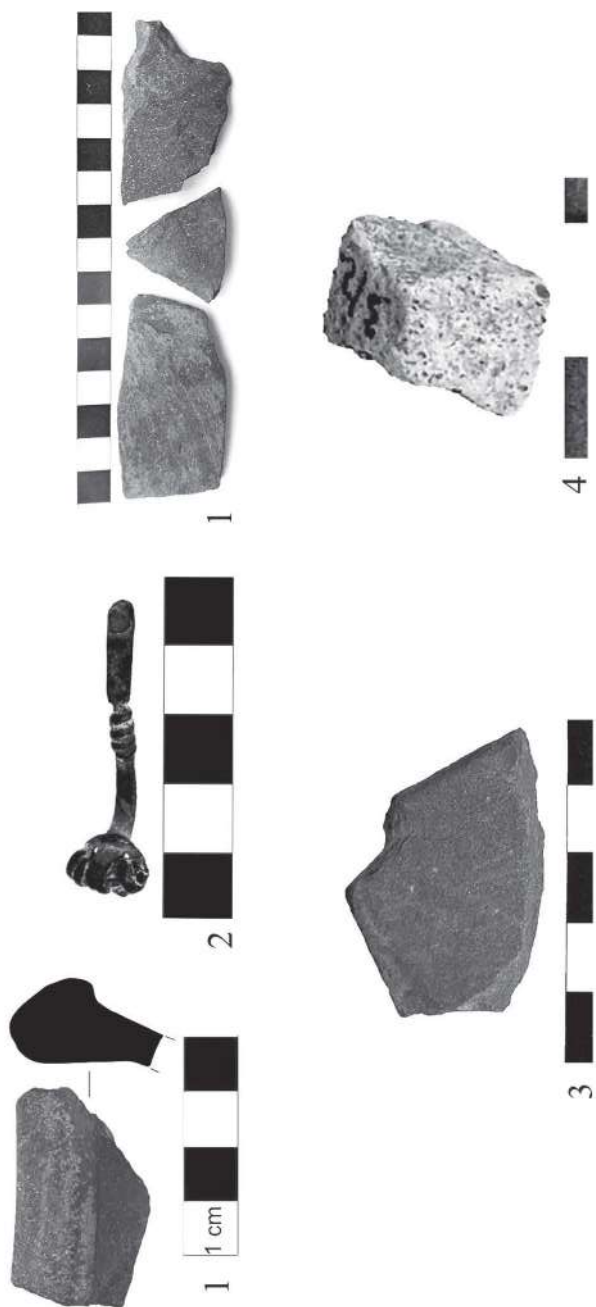

Рис. 8. Поселение Чумбур-Коса-I (по Паненко, 2022).

Рис. 9. Находки с поселения Чумбар-Коса-I VI – III вв. до н. э.: 1 – амфорная керамика, 2 – бронзовые наконечники стрел, 3 – бронзовая литая бляха, 4 – бронзовая бутероль, 5 – бронзовая крышка пиксиды, 6 – глиняное пряслице, 7 – фрагмент каменного штока якоря, 8 – каменное грузило, 9 – бронзовая бляшка с изображением Горгоны Медузы.

Рис. 10. Находки первых веков нашей эры с поселения Чумбур-Коса-I: 1 – фрагменты сероощепной керамики, 2 – бронзовая фибула, 3 – точильный камень, 4 – фрагмент ручки амфоры.

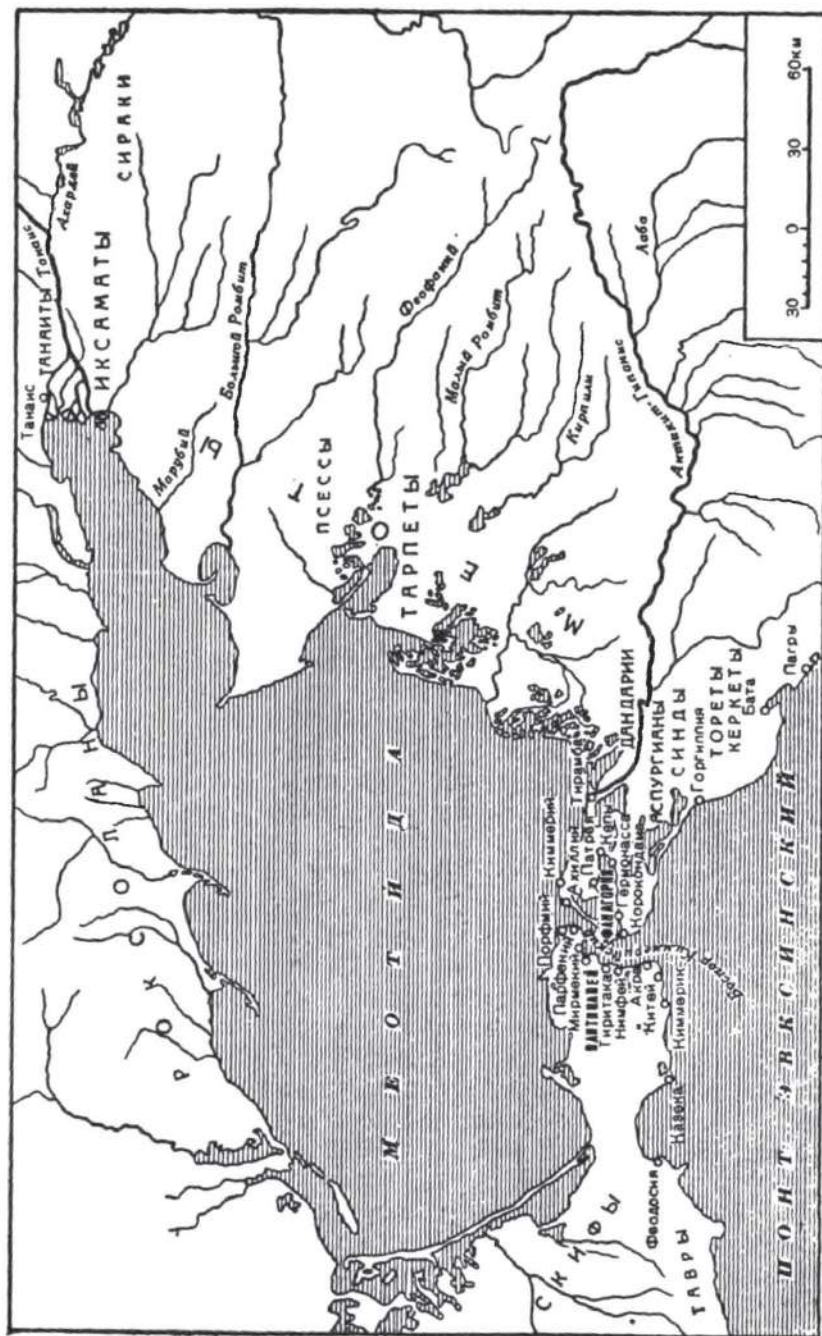

Рис. 11. Карта Азиатской Сарматии М. С. Боднарского (по Боднарский, 1953).

Рис. 12. Карта Абрахама Ортелиа 1590 года.

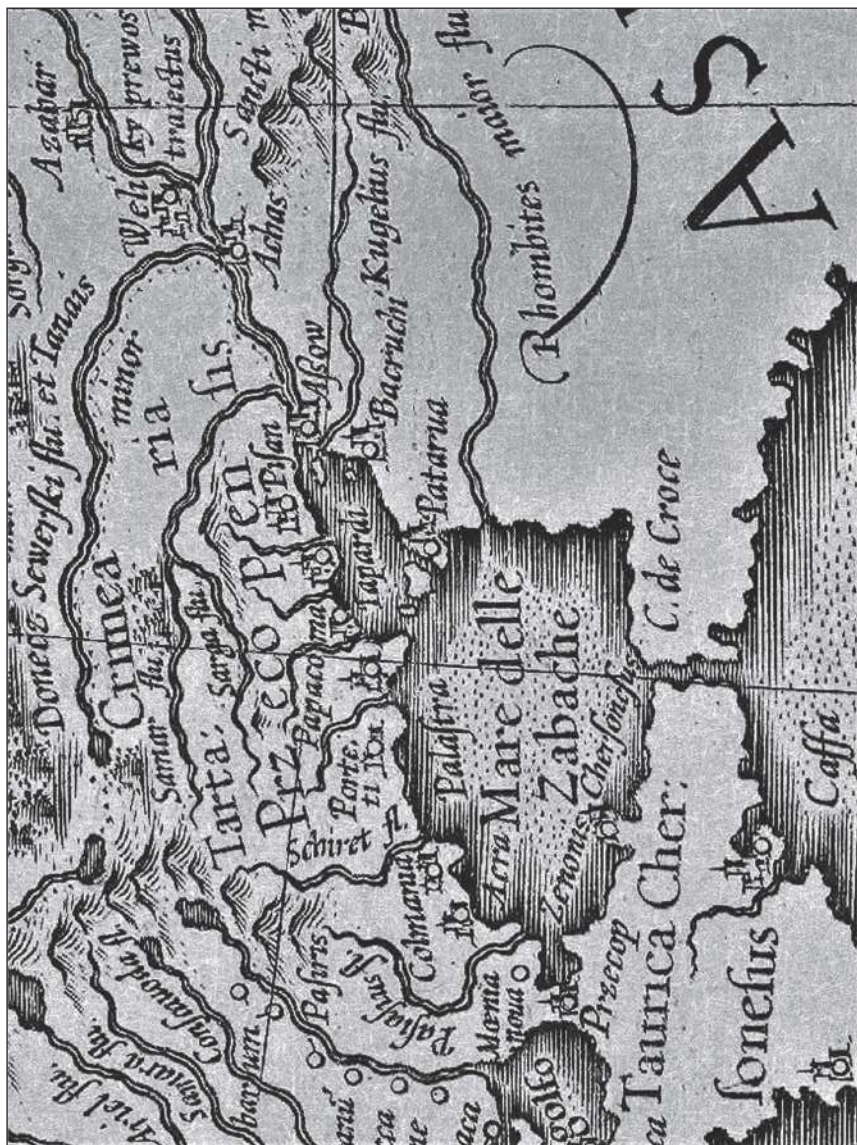

Рис. 13. Фрагмент карты Герарда Меркатора 1595 года.

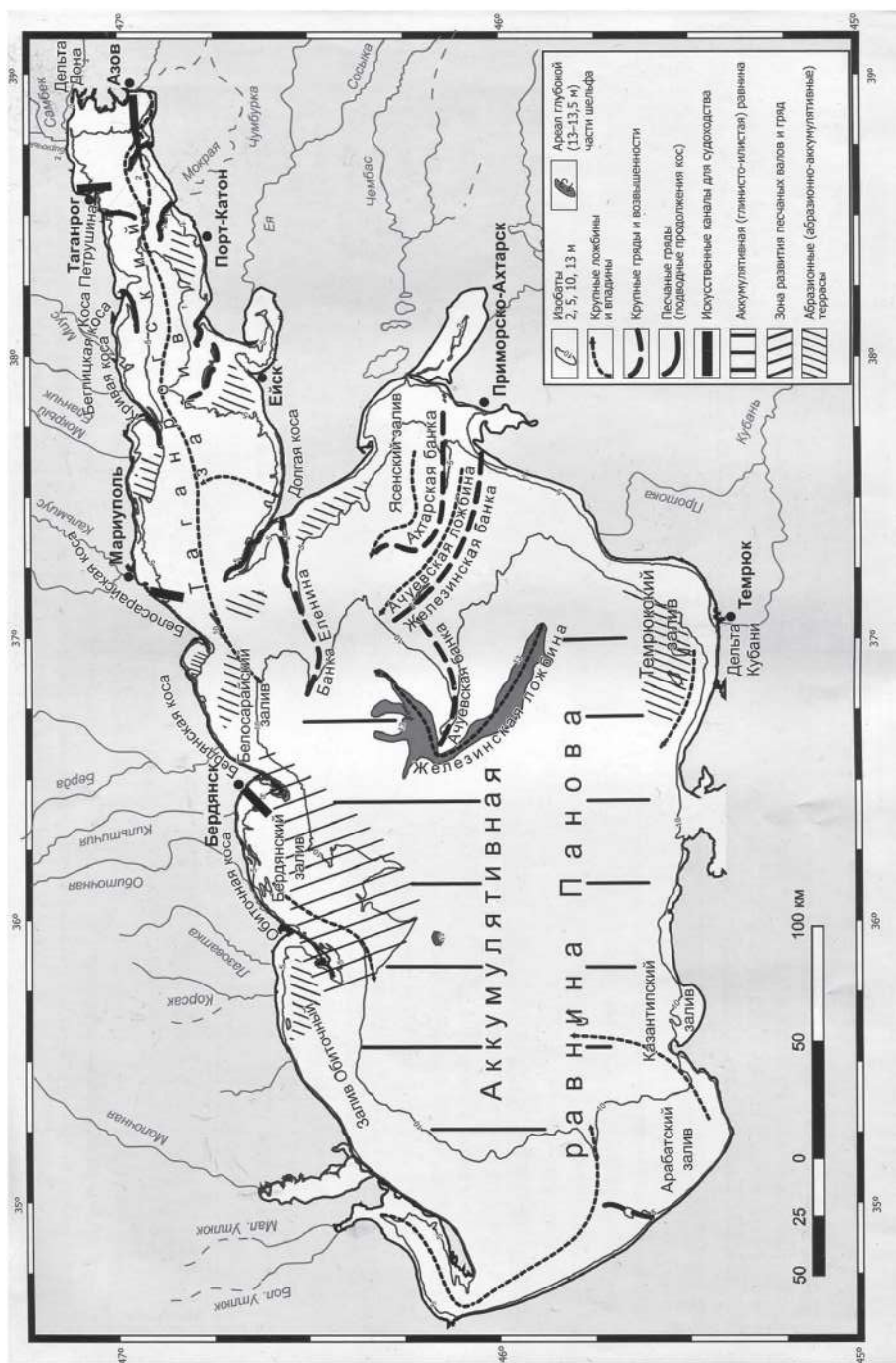

Рис. 14. Основные геоморфологические элементы азовского шельфа (по Матишов, 2011).

М.А. КОЛЕСНИКОВ
M.A. KOLESNIKOV

ПОЖАР В ДЕЛЬФАХ В 548/47 гг. до н.э. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

THE FIRE AT DELPHI IN 548/47 BC AND ITS CONSEQUENCES

Об этом пожаре можно найти в литературе сотни упоминаний, но вряд ли хоть одну специальную работу. Древние авторы сохранили о нём довольно много сведений, но все они оставляют у читателя ложное впечатление, будто на последующую деятельность Дельфийского оракула он никак не повлиял, как если бы природная стихия, показав свою силу людям, сама была вынуждена склониться перед силой бога Аполлона. Даже современники, словно сговорившись, упорно делали вид, что ничего особенного, в сущности, не произошло: в Дельфы, как и прежде, продолжали стекаться паломники и поступать подношения от государств и частных лиц, вдоль Священной дороги возводились новые сокровищницы, а оракул с прежней периодичностью продолжал изрекать пророчества.

Это выглядит тем более странно, что на протяжении как минимум 35 лет после пожара храма Аполлона просто не существовало, – на его месте возвышались лишь остатки обгорелых колонн и руины стен, лишённых крыши, а Пифии было некуда поставить свой треножник. Точную дату пожара можно найти только у Павсания, зато она приведена у него с двойной привязкой и сопоставлена с первым годом 58-й Олимпиады и годом, когда архонтом в Афинах был Эрксихлид, что точно соответствует периоду с июля 548 г. по август 547 г. (Paus.X.5; здесь и далее годы до н.э.)

Пожар возник, скорее всего, случайно, но его последствия были ужасными: он полностью уничтожил так называемый «четвёртый храм», который возведён во второй половине VII в. и был, вероятно, вообще первой каменной постройкой на этом месте. Во всяком случае никаких следов более ранних кладок под его фундаментом обнаружено не было, а находки микенского времени встречались значительно реже, чем в других местах за пределами храма [Homolle, 1896, p.643]. О трёх предшествовавших ему храмах предания донесли лишь сведения сказочного характера (Strab. IX.3.9 421; Paus.X.5 и др.).

Разрушения были настолько основательными, что храм не подлежал восстановлению; его требовалось снести до конца и строить заново. Эту непростую задачу усугубляло ещё то обстоятельство, что новый храм нельзя было поставить где-нибудь рядом, как поступили, например, аргивяне с храмом Геры, который после пожара 423 года был построен заново в 410 г. не на прежнем месте, а неподалёку от сгоревшего (Paus.II.17.7; ср.: Thuc. IV.133). Дело в том, что в массовом сознании греков проро-

ческую силу Дельфийскому оракулу придавало само его расположение поверх некой «священной расщелины», оттуда поднимались «пророческие дуновения» (μαυτικά πνεύματα), обладавшие свойством пробуждать пророческий дар, причём не только у специально подготовленных людей, какой была Пифия, но даже у простых пастухов-козопасов, которые, собственно, это место и обнаружили (Diod.XVI.26; Plut.De def. or.42 433с-е). Очевидно, по этой же причине храм не сменил своего местоположения и позднее, когда подвергся не менее масштабным разрушениям, вызванным землетрясением 373/72 гг. [Andronicos, 1978, p.8, 18; De Boer, Hale, Chanton, 2001, p.707; Худяков, 2009].

Сценарий пожара был, по-видимому, стандартным. В любом каменном храме, будь то святилище Аполлона или современная церковь, обязательно присутствуют деревянные детали, которые дают основную пищу огню. Это, главным образом, балки в потолочных перекрытиях, внутренние лестницы и ставни в оконных проёмах [Максимова, 1948, 34 – 43, 95 – 13; Лаврентьева, 2018, с.112, 116 – 118, 121; Нотр-Дам, 2021, 2023]. Но наиболее легко воспламеняющиеся предметы содержал интерьер. В одной из старых работ П.Гиро приведён впечатляющий перечень горючих материалов, из которых изготавливалась большая часть убранства греческих храмов в архаическую и классическую эпохи: «Столы для перенесения приношений, ложа для выставления статуй... одеяния, множество тканей..., головных уборов и венков, материй, расшитых золотом или пурпуром, которые служили одеждой изображению божества или вместо него одеянием жрецам... Разрисованная мебель, картины, портреты..., деревянные статуэтки людей или животных, статуи Артемиды и Аполлона... из золочёного дерева» [Гиро, 1915, с. 338 – 339]. Поэтому храмы в древности горели часто, некоторые сгорали дотла. Лучший путеводитель по древним памятникам Эллады, Павсаний, описал восемь таких до основания разрушенных пожарами храмов V и IV веков, на восстановление которых у местных жителей не нашлось ни сил, ни средств, и которые потому так и остались навсегда заброшенными (Paus.II.5.2; 5.4; 7.8; 17.7; III.22.5; VIII.45.3; X.5.5; 35.2).

То, что в 548/47 гг. Дельфийский храм сгорел полностью, и что до 514/13 гг. новый ещё не был построен, подтверждается свидетельством Геродота (Her.V.62), который при описании главных событий года – убийства Гиппарха и изгнания из Афин Алкмеонидов попутно сообщает, что «после этого» (ἐπειτα) Алкмеониды «получили от амфикионов подряд на сооружение теперешнего Дельфийского храма, которого тогда ещё не существовало» (пер. Г.А.Стратановского: παρ' Ἀμφικτιόνων τὸν νῆδον μισθοῦνται τὸν ἐν Δελφοῖσι, τὸν νῦν ἔοντα τότε δὲ οὐκῶ, τοῦτον ἔξοικοδομησαί). У Геродота же сохранились некоторые подробности, дающие представление о силе пожара. Так, он сообщает, что от огня расплавилась находившаяся в храме золотая статуя льва весом 10 талантов (ок.260 кг), причём, как утверждали его информаторы, приблизительно треть золота (ок.90 кг) при этом просто испарилась, что следует признать сильным преувеличением, поскольку для кипения золота потребовалась бы температура в 1.5-2.7 раз большая, чем температура горения дерева, колеблющаяся в

пределах 1000 – 1100°С [ср.: Кошман, 2022 и Температуры пожара, 2020, табл.] Тем не менее, даже такого жара было вполне достаточно, чтобы расплавить до жидкого состояния золото самой высокой пробы и создать перепады температуры, приводящие к образованию трещин в стенах из паросского мрамора и местного известняка, и даже в барабанах колонн из оштукатуренного мраморной крошкой пороса [Higgins M.D.&R., 1996, p.80]. Трещины в таких случаях изменяют распределение нагрузок на опорные части постройки, что становится причиной их дальнейших перекосов и разрушения под собственной тяжестью [Хаматов и др., 2015, с.124].

Какой-либо статистикой по срокам постройки античных храмов, сопоставимых по размерам с Дельфийским, мы не располагаем. Обычно такие сроки не превышали 10 лет и зависели, главным образом, от объёма выделенных на строительство средств. Так, упомянутый выше храм Геры в Арголиде был возведён через 10 лет после утверждения проекта и выбора подрядчиков [см. в: Morgan, Whitelaw, 1991]. Сопоставимые по размеру каменные христианские храмы, уничтоженные пожарами уже в Новое время, требовали для своего восстановления от 2 до 12 лет [в среднем ок.7 лет; см., напр.: Ганина Яма, 2015; Заварицкий, 2006; Лаврентьева, 2018; Осколье, 2022; Пример для Нотр-Дама, 2019; Хронология пожаров, 2020]. Несмотря на то, что задачу постройки нового («пятого») храма взяла на себя Пилейско-Дельфийская амфикифия, в состав которой входило несколько десятков густонаселённых и богатых полисов [Кулишова, 2005, с.110], требуемые на строительство 300 талантов пришлось собирать по всей Элладе и даже в Египте (Her.II.180). Но даже при этом нужная сумма была собрана только к 514/13 гг., а полностью строительство было завершено, вероятно, в промежутке между 505 и 500 гг. [Homolle, 1902, p.639; Михаловский, 1977, с.8; Rougemont, 2013].

Но если до последнего десятилетия VI в. храма Аполлона ещё не существовало, а оракулы из Дельф всё так же продолжали расходиться по всей ойкумене, то это ставит перед нами следующие вопросы:

1. Могла ли Пифия в этот период изрекать пророчества в каком-либо другом месте за пределами храма?
2. Могла ли Пифия изрекать пророчества на развалинах сгоревшего храма в каких-либо временных постройках и (или) по какой-нибудь упрощённой процедуре?
3. Все ли пророчества, данные в этот период Дельфийским оракулом, можно считать достоверными по месту и времени?

Ниже мы рассмотрим эти вопросы именно в таком порядке.

1.

Если бы нам с самого начала было точно известно, что само место храма Аполлона обладало в древности такими природными свойствами, отсутствие которых делало выполнение обряда прорицания невозможным или чрезвычайно затруднительным, был бы ответ на первый вопрос безусловно отрицательный. Но дать такой ответ могли только археологи и геологи, а археологические исследования в Дельфах начались только в 1892 г., когда жители полузаброшенной дере-

вушки Кастри, состоявшей из сотни домов на ок.200 жителей, приняли денежную помощь от французского правительства и по его просьбе согласились перенести свои дома с развалин древних Дельф на полкилометра к юго-западу, где и сейчас находится городок под названием Δελφοί [см.: Кастри, 2022]. Лишь после этого на руинах Дельфийского храмового комплекса смогли развернуться планомерные раскопки, организованные тогдашним директором Французской археологической школы в Афинах (далее просто «Французской школы») Т.Омолем (Т.Homolle).

Состояние храма было плачевным. За столетия существования жилых домов прямо на его руинах стены постройки были разобраны местными крестьянами буквально до последнего камня, причём не столько для использования известняковых блоков в качестве строительного материала, сколько с целью извлечения из них бронзовых пирионов, представлявших для местных жителей большую ценность. Но многие из сдвинутых и перевернутых блоков все же продолжали оставаться практически *in situ*, что в конечном счёте и позволило получить ответы, по крайней мере, на два из трёх поставленных выше вопросов [Rougemont, 2013, p.47].

Впрочем, в те годы археологи из группы Т.Омоля такие вопросы перед собой ещё не ставили. Тогда их самым сильным желанием было поскорее углубиться раскопками в нижние слои храма, чтобы проверить новыми находками хрестоматийную картину, вошедшую во все учебники и энциклопедии и сохранившуюся у них в памяти ещё со школьных лет. Эта картина имела гипнотическую силу. В ней получившая вопрос Пифия входила в адитон храма и спускалась по ступенькам в некое подземное помещение, где на поверхность выходила скала с расщелиной, из которой вверх поднимались клубы испарений, а из стены по жёлобу стекала в чашу струйка воды из волшебного источника Кассотиды. Она расчёсывала волосы, пила воду из чаши, брала в руку лавровую ветвь и усаживалась на стоящий прямо над клубящейся расщелиной бронзовый треножник, жевала листик лавра и вдыхала пары, которые постепенно вводили её в состояние некоего транса или исступления, и уже в этом состоянии она изменившимся до неузнаваемости голосом, который становился у неё высокомерным и презрительным, начинала вещать волю бога Аполлона. При этом богу было явно тесно в узких рамках бытового человеческого языка, поэтому он часто сбивался с прозы и начинал говорить стихами, переходя по каким-то непонятным правилам с гекзаметра на ямбический триметр и обратно; иногда он изъяснялся загадками, а порой его речь вообще превращалась в бессвязный набор слов. Стоявшие где-то в пределах слышимости жрецы либо запоминали её слова, либо торопливо их записывали, чтобы затем передать их вопрошающему в более или менее связном виде [ср. с: Латышев 1899, p.195 – 198; Приходько, 1999, с.168 – 169, и др.]

Добавить в эту картину какие-либо новые детали или хотя бы подтвердить её вещественными находками долгое время не удавалось. В своём отчёте за 1897 г. Т.Омоль отметил, что при проведении раскопок в западной части храма, где предположительно находился адитон и стоял треножник, на самых нижних уровнях фундамента, который оказался подтоплен грунтовыми водами, он действительно на-

шёл следы какого-то акведука и предположил, что он был проведён от описанного Павсанием (X.24.5) источника Кассотиды, который находился выше по склону, однако ни следов «расщелины», ни остатков помещения, естественного или искусственного, которое можно было бы идентифицировать как «пещеру Пифии» (l'antre de la Pythie), он так и не обнаружил [Homolle, 1897, p.297].

Позже выяснится, что её там и не могло быть, но это будет установлено лишь много лет спустя, в результате раскопок, которые будут проведены уже без его участия. Дельфийский храм оказался сложнее по структуре, чем все другие известные археологам храмы с оракулами и содержал больше аномалий и отклонений от канона, что не в последнюю очередь объяснялось особенностями его расположения. Он был построен на довольно крутом склоне, идущем с севера на юг, и для того, чтобы уравнивать поверхность пола со скальной подошвой на северной стороне, строителям потребовалось поднять фундамент с южной стороны на высоту ок.5 метров [Holland, 1933, p.211]. В результате в южной части здания неизбежно образовывались глубокие подвальные пустоты, но о том, сколько их было и как они использовались в древности, поначалу можно было только догадываться.

Таким образом, результатом самых первых раскопок явился разочаровывающий вывод о том, что описанная выше картина не имеет под собой никаких других оснований, кроме давно известных описаний древних авторов. Но проблема заключалась ещё и в том, что сами эти описания не поддавались однозначному толкованию и давно вызывали у исследователей вопросы, имеющие прямое отношение к объяснению причины и источника пророческих свойств Пифии. Наибольшее сомнение вызывал вопрос, действительно ли существовала в основании храма некая скала с расщелиной, исторгающей какие-то изменяющие сознание пары или газы, и можно ли считать, что пророческое вдохновение Пифии имело в своей основе химическую природу?

Взгляды исследователей разошлись в этом пункте радикально, разделив исследователей на сторонников и противников этой гипотезы. До появления на памятнике археологов авторитет первых преобладал абсолютно, хотя некоторый диссонанс в их ряды вносило то обстоятельство, что все известные нам описания процедуры прорицания Пифии с такими деталями, как «трещина в скале» и поднимающиеся оттуда «пророческие испарения», были оставлены авторами, жившими не ранее I века: Страбонем, Диодором Сицилийским, Павсанием, Плутархом, Лукианом Самосатским, Эномаем Гадарским, Дионом Кассием, Пс.-Лонгином, Ямвлихом, Иоанном Златоустом и средневековыми схолиастами. Ни у кого из их предшественников – от Гомера и Пиндара до Геродота и Ксенофонта – мы таких подробностей не находим. Правда, труды ранних авторов вообще не содержали сколько-нибудь связной информации ни о конструкции Дельфийского храма, ни о деталях обряда получения в нём пророчеств, поэтому неудивительно, что в антиковедении Нового времени все эти представления основывались на более поздних описаниях [подробнее см. в: Parke, Wormell, 1956. V.1, p.22 – 24; Приходько, 1999, с.166 – 187, 239 – 267, 503 – 558; 2000, 33 – 44].

С появлением первых полевых отчётов и публикаций археологов, в которых делался вывод об отсутствии каких-либо следов подземной расщелины, картина коренным образом изменилась и гипотеза о «расщелине» и «испарениях» стала трактоваться не просто как «не доказанная», а как полностью опровергнутая [Приходько, 1999, с.172]. Примечательно, что проводниками этого нового взгляда в данном случае выступили отнюдь не археологи, а филологи-классики; археологи своего последнего слова тогда ещё не сказали.

Наиболее сильный резонанс вызвала статья молодого британского искусствоведа и филолога А.П. Оппе [Oppe, 1904], который сам в раскопках не участвовал, но внимательно следил за всеми новыми работами Т.Омоля и его коллег и одновременно вёл переписку с одним из ведущих в то время геологов Германии А.Филипсоном, который в 1880 – 1890-е гг. проводил разведки в Италии, Турции и Греции и считался тогда главным авторитетом в вопросах средиземноморской геологии и географии. Статья А.П. Оппе была первой и единственной его публикацией по археологии, но для него она стала звёздной. В ней отстаивались три главных тезиса:

- 1) никакой расщелины в скале под фундаментом храма не существовало;
- 2) ни в какое «подземное помещение» Пифия не спускалась, поскольку такого помещения в храме не было, и
- 3) все пророчества Аполлона Пифия изрекала в присутствии вопрошавших её лиц [Oppe, 1904, p.216].

Нетрудно заметить, что первый из этих тезисов отвечал на вопрос, находящийся в ведении геологии; второй относился к вопросам полевой археологии, и только третий тезис можно было обосновать, оставаясь в рамках чисто семантического анализа текстов письменных источников.

В подтверждение первого тезиса А.П.Оппе сослался на опубликованную в «Realencyclopädie» статью А.Филипсона, в которой тот констатировал отсутствие в районе современных Дельф каких бы то ни было геологических разломов, могущих приводить к выбросу подземных газов [Philippson, 1901, S.2518]. На заданный им А.Филипсону в личном письме вопрос о том, возможны ли были такие выбросы в древности, тот прямого ответа не дал, но высказал своё мнение, что лично ему все эти предания представляются «мошеничеством жрецов» [“Priester-Betrug”: Oppe, 1904, p.234, n.41]. Позже американская исследовательница К.М.Хейнеман справедливо заметила по этому поводу, что «с современной точки зрения, это мнение не выдерживает никакой критики, поскольку не только французские археологи не знали тогда геологии, но и саму геологическую науку в те годы едва ли можно считать современной» [Heineman, 2010, p.9]. В этом она, вероятно, была права, поскольку даже А.Филипсон в то время не знал о таком важном геологическом образовании, как «Дельфийский разлом», о котором речь пойдёт ниже [ср.: Филипсон, 1911, с.27].

Что касается вопроса о «подземном прорицалище», то здесь А.П. Оппе мог располагать лишь результатами предварительных работ Т.Омоля, которые были ещё далеки от завершения, и которые будут продолжены исследованиями Ф. Курби в 1905

– 1927 гг. и П. Амандри в 1937 – 1951 гг. Полностью в его компетенции находился лишь третий тезис о том, что все вопрошавшие Аполлона имели право сами присутствовать при изречении пророчеств и могли прямо обращаться к Пифии без посредничества жрецов. Это утверждение имело в глазах А.П.Оппе особую важность, поскольку было призвано разрушить вызывающий у него отвращение, но господствующий в массовом сознании образ Пифии в виде одурманенной парами несчастной женщины, беснующейся в одиночестве на своём треножнике и извергающей в пустоту бессмысленные слова, которым хитроумные жрецы придавали затем стихотворный вид и переводили в формулы практической политики. В представлении большинства специалистов по классической античности, взгляды которых в основном и выражал А.П.Оппе, эта картина была слишком примитивна и вульгарна, чтобы быть истинной.

С этой оценкой можно полностью согласиться. Трудно согласиться с другим – с той лёгкостью, с какой А.П.Оппе и его последователи отождествили признание факта геологических образований, порождающих выбросы подземных газов под фундаментом храма, с признанием того, что вся деятельность Дельфийского оракула на протяжении столетий была всего лишь фикцией и грандиозным надувательством со стороны дельфийских жрецов, использовавших Пифию как безвольную игрушку в своих руках (об ошибках и противоречиях, к которым приводит такой взгляд см. в: Green, 2009, p.44-45).

Впрочем, А.П.Оппе и в этом вопросе при всём желании не был в силах добавить ничего нового к уже известным сведениям древних авторов. Так, он смог сослаться в своей работе лишь на описанные Геродотом и Ксенофонтом сцены получения пророчеств прямо из уст Пифии Ликургом (Her.I.65; Xen.Ap.Socr.14) и посланцами Креза (Her.I.47), а также на сообщение Ксенофонта о том, что знаменитый оракул Херэфонту, подтверждающий мудрость Сократа, был дан ему в присутствии «многих свидетелей» (Xen.Ap.Socr.14). Этот скромный список примеров позднее дополнила Е.В.Приходько [1999, с.206 – 207], которая включила в него ещё две сцены из Геродота. Первая представляла довольно пространственный диалог ферского царя Гринна с Пифией, в котором тот просил Аполлона не отправлять его в Ливию, ссылаясь на свой преклонный возраст, и даже предлагал себе замену, для чего указывал Пифии на стоящего рядом с ним молодого Батта («ἐδέϊκνυε ἐς τὸν Βάττον»: Her.IV.150). Вторая сцена содержала пример ещё одного диалога пророчицы с лакедемонянином Главком, который умолял простить его за нечестивые помыслы и в ответ получил от Пифии не столько пророчество, сколько весьма эмоциональный упрёк и суровое назидание (Her.IV.86), что, по мнению Е.В.Приходько, было возможно только при непосредственном общении. Кроме того, она добавила в этот список ещё одну тематически сходную сцену, но уже не в описании, а в изображении на внутренней поверхности краснофигурного килика второй пол.V в., хранящегося в Берлинском музее. На этом рисунке была представлена Пифия, сидящая на треножнике и изрекающая пророчество одиноко

стоящему перед ней афинскому царю Эгею [Приходько, 1999, с.205; ср.: Robbins, 1916, p.278-9]. Других примеров в ранних источниках обнаружено не было.

Л.Л.Селиванова [1992, с.72] добавила к этому перечню ещё один сильный аргумент, сославшись на примеры попыток подкупить Пифию с целью получить от неё нужный ответ. В таких попытках обвиняли Алкмеонидов и Клисфена Афинского в конце VI в. (Her.V.63, 66), а также спартанского царя Клеомена (Her.VI.75) и полководца Лисандра в нач.V в. (Diod.XIV.13). Независимо от того, насколько эти обвинения были обоснованы, сами попытки подкупа Пифии имели смысл только в том случае, если просители получали ответы от неё самой, а не от жрецов. В противном случае они пытались бы подкупить жрецов [см. об этом же в: Lewis, 2014, p.59-60].

Поздние же источники, напротив, содержали описания, которые этой картине решительно противоречили. Так, Плутарх прямо говорит о двух помещениях храма, обозначая их двумя разными словами: «адитон» (ἄδυτον), где могла находиться только Пифия, и «ойкос» (οἶκος), где просители должны были дожидаться её ответа (Plut. De def.or.50, 437c.). Павсаний (X.24.4) говорит, по-видимому, о том же «адитоне», описывая его как «запретное место» (букв.: “ἄδυτος τόπος”) «во внутренней части храма (куда) допускаются лишь очень немногие» (пер.: С.П.Кондратьева) А.П.Оппе попытался объяснить это противоречие ссылкой на то, что Плутарх в данном случае употребил «необычный и неправильный термин» («unusual and incorrect term»), а словам Павсания нельзя доверять, потому что он сам никогда не обращался к оракулу [Орре, 1904, p.227], но эти объяснения, видимо, не показались убедительными даже ему самому, поскольку этот раздел своей статьи он завершил выводом о том, что «естественным выходом из этого противоречия в источниках было бы обращение к авторитету археологии», и что «вопрос о расщелине и её испарениях настолько определённо относится к сфере геологии, что можно только удивляться, что к этой науке не обратились раньше» [Орре, 1904, p.231, 232].

Однако именно после этой публикации А.П.Оппе и, надо думать, во многом под её влиянием интерес археологов к храму Аполлона на какое-то время угас, а после ухода Т.Омоля с поста директора и его возвращения во Францию в 1904 г. раскопки в Дельфах надолго приостановились и в прежних масштабах не возобновлялись вплоть до окончания I Мировой войны. М.Олло (M.Holleaux), который стал преемником Т.Омоля на его посту и оставался им до 1912 г., вообще перенёс все основные работы Французской школы с Дельф на остров Делос и в Птою в Беотии, где находились два других знаменитых храма с оракулами Аполлона [Ecole, 2019].

Пожалуй, единственным археологом из команды М.Олло, на которого нашумевшая работа А.П.Оппе, казалось, не произвела ни малейшего впечатления и который продолжил раскопки Т.Омоля в западной части Дельфийского храма и вёл их с перерывами вплоть до 1927 г., был выдающийся специалист по эпиграфике и эксперт по древнегреческой архитектуре Ф.Курби (F.Courby). Результаты его исследований были опубликованы им в виде отдельного завершающего его труды тома в серии «Дельфийские раскопки» [«Fouilles de Delphes»: Courby, 1927].

Наибольшее внимание специалистов привлекли следующие его находки.

№1. В 1913 г. в западной части храма у южной стены был обнаружен ещё один (третий по счёту в Дельфах) омфал, выполненный из мягкого известняка (пороса), имеющий вид полусферы диаметром ок.39 см и высотой ок.29 см, и со сквозным квадратным отверстием ок.4 x 4 см, проходящим от верхушки до основания (рис.1). Согласно предложенной Ф.Курби реконструкции, в это отверстие должен был вставляться деревянный шест с подставкой для двух золотых Зевсовых орлов, которых бог однажды выпустил одновременно навстречу друг другу с запада и востока, и которые встретились в Дельфах, где и был водружён этот омфал, как символ «центра Земли» (Strab. IX.3.6 419-420; Plut. De def.or.1. 409e). В нижней его части находилась небрежно процарапанная и едва различимая надпись, состоящая то ли из трёх, то ли из четырёх знаков, которые Ф.Курби определил как греческие буквы и даже дал им прочтение: «ΕΓΑΣ» [Courby, 1927, p.76 – 77. Fig.64-67; о двух других омфалах см. в: Кулишова, 2006, с.146].

№2. В 1927 г. в той же части храма была найдена прямоугольная плита из местно-го белого известняка длиной ок.155 см, шириной ок.97 см и толщиной ок.45 см, прорезанная поперёк неглубокой бороздой, разделяющей её поверхность на две почти равные половины, поверхность которых носила следы шлифовки (рис.2). На одной её половине отшлифованная поверхность имела форму усечённого круга диаметром ок.90 см, с тремя прямоугольными углублениями ок.5 x 7 см, образующими равно-сторонний треугольник со сторонами ок.30 см. Ровно в центре между тремя этими углублениями находилось четвёртое немного большего размера. На другой половине плиты отшлифованная поверхность имела вид почти правильного квадрата со сторо-нами ок.60 см и со сквозным квадратным отверстием ок.14 x 15 см в центре, которое на глубине ок.22 см ступенчато расширялось до ок.15 x 16 см [Courby, 1927, p.67. Fig.59]. По толщине эта плита не отличалась от остальных плит из покрытия пола в храме, но по длине и ширине подходила только к одному из его помещений, которое Ф.Курби определил как главное место храма, в котором пребывала Пифия во вре-мя изречения пророчеств и которое древние авторы называли «адитоном» (ἄδyton), «мантейоном» (μαντείον) или «прорицалищем» (χρηστήριον): Courby, 1927, p.68]. Там же (p.78) он высказал предположение, что та половина плиты, на которой был обозначен круг, могла служить подставкой для найденного им омфала.

№3. Сам адитон представлял собой некую архитектурную аномалию, аналогии которой (да и то неполные) Ф.Курби смог отыскать лишь в двух храмах Селинунта в Сицилии [Courby, 1927, p.60]. Во-первых, он был обнаружен совсем не там, где ему положено было находиться, т.е. между наосом (“cella” у Ф.Курби) и опистодомом, а был включён в конструкцию самого наоса, причём располагался не на центральной его оси, а у южной стены, точно в том месте, где должна была стоять шестая из семи колонн внутренней колоннады. Эта колонна была пропущена строителями будто на-рочно, чтобы освободить пространство для адитона, который представлял собой не-большое помещение размерами ок.5.4 x 2.9 м, со стенами, сложенными из пороса и

имевшими толщину ок.0,6 м [Courby, 1927, p.59-60, 66, 69. Fig.61]. Вход в него был, по-видимому, с северной стороны, но ни следов дверного проёма, ни кладки передней стены не сохранилось [Rougemont, 2013, n.47. Fig.2; см. ниже рис.3].

№4. Внутри адитона был обнаружен известняковый блок с хорошо различимыми врезами, очень похожими на пазы для лестничных выступов, что заставило Ф.Курби предположить наличие подземного этажа, куда вела деревянная лестница [Courby, 1927, p.58].

№5. Неожиданным оказалось то, что всё пространство перед адитоном на расстоянии 3 – 5 м во все стороны от входа не было замощено плитами, причём вымостки там не было, по-видимому, никогда, и этот феномен французские археологи поныне считают «необъяснимым» (“n’a reçu jusqu’ici aucune explication”: Rougemont, 2013. Note 35]. Раскопки на этом свободном от плит участке были доведены археологами из группы Ф.Курби до материкового слоя, где на глубине 5,5-6,0 м они обнаружили участок гранитной скалы, «потрескавшейся под действием воды» (“le roc fissuré par l’action des eaux”: Courby, 1927, p.66]. Судя по тому, что на той же странице отчёта Ф.Курби делает весьма странное в этом контексте замечание, что «на этом участке никогда не было трещин... ни искусственных, ни естественных» (“Il n’y a jamais eu de fissure en cette partie... artificielle ou naturelle”), он ожидал обнаружить в этой скале некую большую расщелину, соответствующую описаниям Диодора и Страбона, которые сами её никогда не видели, но в своих трудах называли «пропастью» (χάσμα: Diod.XVI.26.2) и «пещерой» (ἄντρον: Strab. IX.3.5, 419c.). Также можно предположить, что, не обнаружив в скальном основании такой расщелины, Ф.Курби счёл сведения древних авторов ошибочными, а свою задачу на памятнике – выполненной.

В известном смысле так дело и обстояло, поскольку ему удалось отыскать то главное, что с самого начала безуспешно пытались найти археологи первой группы Т.Омоля – адитон с омфалом, расположенный прямо над скалой с трещинами (рис.1). Однако многие из его коллег так не считали, и их реакция на эту публикацию Ф.Курби была весьма неоднозначной. Сделанный им вывод об отсутствии «курящейся расщелины» под фундаментом храма был воспринят ими безоговорочно, и на него по сей день ссылаются как на последний и решающий аргумент в давнем споре об источнике вдохновения Пифии.

С другой стороны, его реконструкция дополнительного подземного этажа в адитоне с ведущей в него лестницей вызвала резкое неприятие, выражаемое в основном той частью археологов, которые разделяли взгляды А.П.Оппе [ср., напр., в: Приходько, 1999, с.172 и 170; Amandry, Hansen, 2010, p.73 и p.79, 454, 473; Rougemont, 2013, p.50 и p.51]. Например, П.Амандри выразил сильное сомнение в том, что раскопанное Ф.Курби помещение в разрыве южной колоннады действительно было адитоном «пятого храма», а не какой-нибудь средневековой постройкой, найденный им омфал вообще счёл средневековым артефактом [Amandry, Hansen, 2010, p.23, 91].

Сам же Ф.Курби в своей работе воздержался от комментариев принципиально, твёрдо держась своей позиции беспристрастного регистратора наблюдений, и в сво-

ём 330-страничном итоговом опусе лишь однажды позволил себе показать единственное своё пристрастие, заявив, что «какие бы гипотезы ни предлагались, предпочтень следует ту из них, которая не отрицает письменную традицию» [*“Hypothèse pour hypothèse, celle-la est preferable qui ne nie point la valeur de traditions litteraires”*]. – Courby, 1927, p.66].

Первым, кто попытался ввести находки Ф.Курби в научный оборот в полном объёме, был американский археолог и архитектор, сотрудник Американской школы классических исследований в Афинах (ASCSA), Л.Б.Холленд [Holland, 1933]. Ему это почти удалось. Он согласился с большинством предложенных Ф.Курби интерпретаций и принял все его основные выводы, включая самый последний – об отсутствии расщелины с испарениями под фундаментом храма, но выдвинул собственное предположение о том, что эти испарения могли быть не природного, а искусственного происхождения и являться продуктами сгорания каких-то наркотических веществ, например, семян конопли, которые использовали скифы в их духовных практиках примерно таким же способом. Эти вещества Пифия могла сжигать на специальной жаровне, установленной в нижнем помещении адитона, а затем шла по лестнице на верхний этаж, усаживалась на треножник и вдыхала поднимающийся наверх дым, достигая таким образом нужного ей состояния транса и экзальтации [Holland, 1933, p.214].

На эту мысль Л.Б.Холленда навели две находки: омфал (№1 в приведённом выше перечне) и известняковая плита пола (№2), а также тот факт, что оба этих предмета имели сквозные отверстия, которые при их использовании по прямому назначению были там не нужны и не имели никакого смысла. Смысл в них появляется только в том случае, если два отверстия совместить, т.е. водрузить омфал на плиту в той её части, где был выгравирован квадрат. При такой реконструкции оба предмета приобретали функцию своеобразного канала для проведения дыма («испарений» в текстах древних авторов) из нижнего помещения адитона в верхнее [Holland, 1933, p.213]. Но по логике самой этой реконструкции, треножник Пифии должен был тогда находиться где-то рядом с курящимся омфалом, и Л.Б.Холленд нашёл ему место на второй половине плиты, где на отполированной поверхности круга имелись три симметричных углубления на расстоянии ок.30 см друг от друга, что в точности соответствовало расстояниям между опорами треножника на всех известных нам его изображениях [см.: Holland, 1933, p.202. Fig.1; также: Sacrificial tripod, 2022, etc].

Таким образом, он внёс в реконструкцию Ф.Курби две поправки: 1) перенёс место омфала с одной половины плиты (№2) на другую и 2) отказался от его предположения о том, что отверстие в омфале использовалось как гнездо для подставки, на которой крепились «золотые орлы Зевса», хотя эта идея к тому времени уже была с восторгом воспринята некоторыми искусствоведами [напр., Poulsen, 1920, p.157]. В подтверждение своей догадки о том, что отверстие в омфале использовалось Пифией именно для проведения дыма от воскурений на жаровне, находившейся этажом ниже, Л.Б.Холленд привёл удивительно точный образ «курящегося омфала», найденный

им в одном из дифирамбов Пиндара, который ещё в древности считался главным знатоком и непревзойдённым певцом Дельф (“ὄμφαλον θύβεντα ταῖς ἱεραῖς Ἀθήναις”: Dion.Hal.XXII; см. также: Holland, 1933, p.214, n.1; Приходько, 1999, с.176).

Вопрос об идентификации используемых Пифией веществ он счёл принципиальным, но предположил, что это мог быть какой-нибудь слабый стимулятор или вид лёгкого наркотика, который вызывал у неё изменённое состояние сознания. Им мог быть упомянутый выше канабис, но это вовсе не обязательно. Исходя из того факта, что в описаниях дельфийских пророчеств часто присутствуют листья лавра, Л.Б.Холленд допускал, что это также мог быть олеандр (ρόδοδάφνη), который внешне схож с лавром обыкновенным (δάφνη), но в отличие от него является сердечным стимулятором [Holland, 1933, p.214].

Первое из этих двух предположений (об использовании Пифией канабиноидов) нашло поддержку у этнографов [см.: Littleton, 1986]; второе (об олеандре) – у медиков [см.: HARRISIS, 2014]. Впрочем, для целей предлагаемой здесь работы эта сторона исследований интереса не представляет, и мы вправе оставить её в стороне.

Реакция археологов и историков на предложенную Л.Б.Холлендом гипотезу была столь же неоднозначной, как и на реконструкции Ф.Курби, но большинство исследователей отнеслись к ней холодно [см. в: Селиванова, 1992, с.72; Приходько, 1999, с.173 – 177].

Здесь следует вспомнить историю самого омфала с отверстием, положенного Л.Б.Холлендом в основу его реконструкции. Эта находка с самого начала имела статус сомнительной, поскольку сами условия её обнаружения в сентябре 1913 г. так и остались до конца не выясненными. Омфал был найден «бригадиром рабочих» (“le chef de chantier”) на насыпи отвала из раскопок, куда он уже был кем-то поставлен, но никому не доложил о находке, поскольку счёл её не имеющей значения» [“qu’il ne l’avait signalée à personne parce qu’il la croyait sans valeur”: Bousquet, 1951, p.220; Courby, 1927, p.76]. Поэтому уже первая публикация находки Ф.Курби в 1915г. вызвала довольно бурные споры по поводу того, являлась ли эта известняковая полусфера действительно древним омфалом, не могла ли она быть деталью какой-нибудь средневековой постройки и попала в раскоп по чистой случайности? Главным противником признания находки омфалом выступил тогдашний директор Французской школы П.Руссель (Roussel), к которому примкнули многие из его сотрудников. Сейчас, по прошествии многих лет, эта история производит впечатление каких-то застарелых разногласий и внутренней борьбы, которая некогда кипела в стенах школы, но от которой остались настолько смутные отголоски, что о её подоплёке ныне можно только догадываться. Спорам тогда положил конец выдающийся британский археолог и историк религии А.Б.Кук, авторитет которого в науке о классической античности был в те годы колоссален и непререкаем. Он попросил своего коллегу, археолога и искусствоведа Ч.Т.Селтмана (Seltman), находящегося в то время в Греции, совершить поездку в Дельфы и лично осмотреть памятник. Результаты осмотра Ч.Т.Селтман изложил в своём письме, а его окончательный вывод А.Б.Кук

включил в Примечания ко второму тому своего основного труда по истории древнегреческой религии: «Предположение о том, что это подделка, может быть порождено только безумием или злым умыслом!» [Cook A.V. Zeus II, 1925, p.1216].

После этого дебаты утихли и этот вопрос надолго перестал быть темой дискуссий.

Статья Л.Б.Холленда эту проблему каким-то образом реанимировала. На этот раз против признания найденного Ф.Курби известнякового блока Дельфийским омфалом самым решительным образом выступил сотрудник Французской школы эпиграфист и археолог Ж.Буске, который подверг эту известняковую полусферу повторному осмотру, причём этот осмотр был гораздо более глубоким и скрупулёзным, чем это делалось когда-либо ранее, а в двух случаях он был настолько рискованным, что в его ходе памятник несколько раз оказывался под угрозой повреждения и даже разрушения. Вероятно, поэтому составленное им описание этой процедуры Ж.Буске предварил кратким предисловием, которое было больше похоже на предсмертную записку самоубийцы: «Я прекрасно осознаю, на что обрекаю себя, высказывая в очередной раз сомнения по поводу древности омфала Ф.Курби. Рискуя прослыть, вслед за другими, сумасшедшим или злонамеренным, я привожу здесь описание критического осмотра, которому я подверг этот камень в Дельфах в сентябре 1950г.» [Bousquet, 1951, p.211].

Для начала Ж.Буске смыл водой с камня всю сохранившуюся на нём обмазку и изучил её состав, вязкость и цвет в состоянии водной взвеси. Таким образом, он установил, что на разных участках поверхности камня обмазка была разной. На поверхности основания омфала сохранился тонкий слой хорошо отмученной древней штукатурки характерного светло-жёлтого цвета (p.213), которую он сравнивал с той, что сохранилась на каннелюрах колонн IV века (“des morceaux de stuc provenant des cannelures des colonnes du IVe siècle”; p.214). Кроме того, на очищенной от штукатурки поверхности стали видны следы обработки, идентичные тем, что можно видеть на плитках из облицовки Дельфийских сокровищниц (“comme sur les parements des parpaings archaïques qui appartiennent aux trésors du sanctuaire”. – p.213). Однако на боковых сторонах омфала обмазка была более грубой и больше похожей на известняковый раствор, который применялся при постройке домов Старого Кастри (p.214).

Далее он обследовал сквозное отверстие в камне и обнаружил, что в него было вбито почти на всю глубину лезвие ножа длиной 27 см, а также два железных плотницких гвоздя длиной 12 и 14 см и толщиной ок.0,8 см. Кроме того, в это же отверстие была втиснута плоская (ок.1,5 мм) полоска железа шириной ок.3,5 см и длиной ок.16 см. Все эти предметы были извлечены им наружу и твёрдо датированы второй пол.XIX в. К тому же на лезвии ножа сохранилась фабричная маркировка с датой 1860 г. (p.217, 219). Таким образом, осмотр омфала неоспоримо доказывал его вторичное использование в какой-то постройке второй пол.XIX века (p.213).

Дальнейший ход рассуждений Ж.Буске неясен и доверия не вызывает. Он стал искать ещё одно место, где этот камень мог быть использован. Эти поиски привели

его к гипотезе о том, что эта полусфера вообще не имела никакого отношения к храму, но изначально служила навершием одной из многочисленных придорожных часовенок («проскинитариев»), которые в современной Греции устанавливаются местными жителями либо на выездах из населённых пунктов, либо в тех местах, где некогда стояла церковь или находился заброшенный монастырь [Bousquet, 1951, p.222 – 223]. В XIX в. такие проскинитарии обычно строились из известняка и имели высоту ок.2-3 м, а вместо входа имели нишу, в которой висела икона и стояла лампада. На его навершие, изготовленное из того же известняка, водружался деревянный или металлический крест. В качестве примера Ж.Буске привёл фотографии двух таких проскинитариев, находящихся в нескольких километрах к востоку от Дельф [Bousquet, 1951, p.221. Fig.7-8]. Хотя высота и диаметр их наверший были приблизительно вдвое больше, чем у омфала Ф.Курби, по форме они действительно были похожи.

Эта гипотеза Ж.Буске вызывает сразу несколько вопросов, поскольку она не согласуется с его же описаниями процедуры осмотра омфала. Если этот камень датируется XIX веком, то откуда на нём взялись следы древней штукатурки и почему он носил такие же следы обработки, как и на облицовке дельфийских сокровищниц VI – IV вв.? Без объяснения этих несогласованностей в описаниях Ж.Буске его аргумент ничего не опровергает и ничего не доказывает и остаётся не более чем иллюстрацией общеизвестного факта, что навершия проскинитариев в Греции Нового времени часто (но не всегда) изготавливались из пороса и по форме были похожи на омфалы (что, кстати, тоже вовсе не обязательно; ср., напр.: Проскинитарии, 2010).

В целом складывается впечатление, что подобно тому, как до появления программной работы А.П.Оппе большинство специалистов находились под сильным влиянием описаний этого обряда автором римского времени и средневековыми схолиастами; они же после 1904 г. оказались под гипнозом противоположной парадигмы, из которой исключались все прежние представления о Пифии, сидящей на треножнике где-то в подземелье и медитирующей под действием паров из расщелины. В результате большая часть находок Ф.Курби, не укладывающихся в новую схему, оказалась проигнорированной или попросту отвергнутой без достаточных на то оснований. Из этого уже тогда можно было сделать вывод о недостаточности одних лишь археологических данных для решения главного вопроса, который ставил ещё А.П.Оппе в 1904 г.: действительно ли существовала под фундаментом храма некая расщелина с выходящими оттуда испарениями, которые оказывали воздействие на Пифию, или же это представление явилось всего лишь продуктом позднего рационалистического переосмысления древних преданий историками римского времени?

Как уже говорилось, сам Ф.Курби пришёл к выводу, что никакой расщелины под храмом не было. К такому же выводу пришёл П.Амандри, занявший его место на раскопках храмового комплекса в 1937 г., и этот вывод поделило большинство его коллег [см. в: Приходько, 1999, с.172]. Однако по этому поводу следовало бы вспомнить программную установку самого А.П.Оппе, утверждавшего, что отвечать

на этот вопрос должны были вовсе не археологи, а геологи, поскольку он целиком находится в их компетенции. Тем не менее с конца XIX в. и вплоть до конца XX в. в составе исследовательских групп на Дельфийском храмовом комплексе не было ни одного геолога.

Переломными в этом отношении оказались конец XX – начало XXI в. когда в Дельфах развернули свои исследования целых четыре экспедиции геологов, причём работы на храме и в его окрестностях проводились ими почти одновременно, а публикации результатов полевых наблюдений и лабораторных анализов проб грунта и воды шли непрерывным потоком на протяжении ок.10 лет.

Первая группа прибыла в Грецию в начале 1990-х гг. и состояла всего из двух человек: британского археолога Р.Хиггинса и его сына, геолога из канадского университета Шикутими (Chicoutimi), М.Д.Хиггинса. Для них обоих Дельфы являлись лишь малой частью их грандиозного проекта по созданию полного геологического описания Греции и островов Эгеиды, поэтому они не проводили там раскопок и не брали пробы для геохимического анализа, но лишь отметили наличие геологического разлома, проходящего вдоль долины реки Плейст, и локализовали пять водных источников выше и ниже храма строго на одной линии, которая проходила с юго-востока на северо-запад и пересекала храм. К тому времени действующим из них оставался только один. Кроме того, они осмотрели отложения местного белого известняка (травертина), которого было особенно много в окрестностях храма, и пришли к выводу, что в прошлом здесь были значительные выбросы углекислого газа [Higgins & Higgins, 1996, p.79 – 81].

Вторая группа прибыла в Дельфы в 1996 г., но её организатор и руководитель, американский геолог Дж.Де Бор (J.De Boer) из Уэслианского университета в США, начал здесь свои исследования ещё в 1981 г., когда в греческом правительстве возникла идея постройки ядерного реактора и Греция стала приглашать специалистов из разных стран для оценки сейсмоопасности разных районов страны и выбора наиболее подходящего для этой постройки места [Broad, 2002]. Одним из таких приглашённых оказался Дж.Де Бор, который первым и обнаружил упомянутый выше Дельфийский разлом, причём сделал это открытие совершенно случайно. Дело в том, что за несколько лет до описываемых событий местные власти приняли решение расширить один из участков автотрассы Ливадия-Амфиса немного восточнее Дельфийского храма, чтобы сделать там площадку для разворота туристических автобусов. Для этого рабочим пришлось срезать экскаватором один из западных склонов Парнаса на отрезке дороги протяжённостью ок.150 м на высоту ок.8 – 10 м. Срез обнажил стратиграфию молодого и активного геологического разлома, который до этого был скрыт оползнями. Другие обнажённые его участки, не столь отчётливо выраженные, но всё же различимые, Дж.Де Бор обнаружил далее к северо-западу от Дельф и таким образом установил, что основная линия разлома проходила в точности под древними Дельфами. Его не особенно интересовала тогда Древняя Греция, но из школьных уроков истории он помнил, что где-то в этом месте был древний

храм с Пифией, которая изрекала пророчества под действием паров или газов, поднимающихся из-под земли, и решил, что наличие разлома этот факт хорошо подтверждает, и что именно по этой причине он наверняка уже известен местным геологам и археологам. Поэтому он не стал углубляться в эту тему, тем более что цель проводимых им разведок была совсем другая. Но много лет спустя, в 1995 г., когда он так же случайно познакомился с американским археологом Дж.Хейлом (Hale) из университета Луисвилля и рассказал ему об этом разломе, то, к своему крайнему удивлению, наткнулся на довольно жёсткое неприятие его рассказа и встречные доказательства того, что никакого разлома в районе Дельф нет и быть не может. По словам самого Дж.Де Бора, его это сильно задело, и они договорились свидеться в следующем году в самих Дельфах, чтобы проверить на месте, кто из них был прав.

По существу, в тот вечер составилась костяк будущей исследовательской группы, к которой впоследствии присоединились геохимик Дж.Чантон (Chanton) из Флоридского университета и медик Г.Спиллер (Spiller) из Регионального токсикологического центра Кентукки [см.: Broad, 2002].

В 1996 г. Дж.Де Бор и Дж.Хейл встретились возле Дельфийского храма, где археолог Дж.Хейл проиграл пари, но у них на этой встрече составилась новый план. Следуя этому плану, они обратились в греческое правительство за разрешением на взятие проб для анализов на территории храмового комплекса и стали проводить своё собственное исследование, в результате которого выяснилось, что храм Аполлона стоит на известняковой формации, включающей нефтесодержащие (битуминозные) слои. В настоящее время трещины основного разлома (тогда и получившего название «Дельфийский») полностью закрыты оползнями, но при возобновлении сейсмической активности они могут вновь приоткрыться, и тогда трение плоскостей разлома начнёт нагревать и испарять основные компоненты этих слоёв – углеводороды (метан, этилен, этан и бензол), а также сероводород и углекислый газ, которые станут подниматься вверх по линиям разломов и попадать в воздух и в воду источников [Spiller, Hale, De Boer, 2002, p.192]. А поскольку этот район всегда был сейсмически активен, такие события за два миллиона лет существования Дельфийского разлома должны были происходить не один раз [De Boer, Hale, 2002].

В следующий сезон они обнаружили ещё один разлом меньшего размера, который проходил вдоль пяти отмеченных ранее Хиггинсами водных источников в районе храма и был направлен под углом ок.40° к основному. Второму разлому было присвоено название «Керн», по имени самого северного из водных источников вблизи храма. Оба разлома пересекались в какой-то точке под храмом или вблизи него («at or near the site of the temple»). Точка их пересечения создавала в этом месте «исключительно динамическую геологическую ситуацию», делающую возможными образование здесь скоплений микротрещин, через которые могли происходить эпизодические локальные выбросы углеводородов. В геологическом смысле эти эпизоды были кратковременными, но в масштабах человеческой истории могли занимать целые эпохи [De Boer, Hale, 2002].

Но токсикологам хорошо известно, что все летучие углеводородные соединения, включая перечисленные выше, являются в той или иной степени наркотиками с кратковременным сроком действия [Оруджев, Джафарова, 2017, с.9, 12]. Одной лишь этой причины могло оказаться достаточно, чтобы место схождения двух разломов стало ещё в древности объектом внимания местных жителей, вызывая у них их интерес своей способностью странным образом изменять сознание и влиять на восприятие мира у любого, кто там оказывался. В таком случае рассказы Диодора и Плутарха о пастухах-козопасах, ставших первыми стихийными прорицателями, могли оказаться отголосками той части древней устной традиции, которая была наиболее близка к истине. Столь же естественным на этом фоне представляется вывод о том, что место, пользующееся подобного рода славой, рано или поздно должно было обрести свой храм с оракулом.

В 2000 г., когда к группе Дж.Де Бора присоединился токсиколог Г.Спиллер, сложилась гипотеза о том, что главным активным веществом, которое использовалось в Дельфийском храме для введения Пифии в изменённое состояние сознания, мог быть этилен – бесцветный газ, легче воздуха, который вызывает возбуждение центральной нервной системы и вводит человека в состояние лёгкой эйфории, а также придаёт ему ощущение бестелесности при полном сохранении контроля над телом, меняет стиль и тональность речи, включает свободные ассоциации в процессе мышления, а у верующих людей ещё и усиливает склонность к генерации религиозных откровений [Spiller, Hale, De Boer, 2002, p.193-95]. Поскольку этилен частично растворим в воде, он мог попадать в организм Пифии не только из воздуха в адитоне, но и с водой из источника Кассотиды. Сам он имеет приятный сладковатый запах, который при определённом психическом настрое мог быть воспринят как упоминаемое Плутархом «благоухание роскошнейших ароматов» (“τὰ ἡδίστα καὶ πολυτελέστατα τῶν μύρων”), которое временами исходило из адитона Пифии (Plut. De def.or.50 437c). Повышенная доза этилена может вызвать и более бурную реакцию, проявляющуюся в виде бессвязной речи и нервного подёргивания, а в случаях сильной передозировки может привести к потере сознания и смерти, по внешним проявлениям весьма схожей с описанной Плутархом смертью одной из Пифий, наступившей через несколько дней после проведения обряда прорицания, который жрецы вынудили её совершить против её воли (Plut. De def.or.51 438 ab).

В эту гипотезу также хорошо укладывалось свидетельство Пиндара (Pind.Pyth. IV.72, etc) о существовании в Дельфах обычая прекращать деятельность оракула один раз в год на три зимних месяца, в течение которых бог Аполлон пребывал в стране гипербореев. С точки зрения геологов, существование этого обычая объяснялось тем, что зимой большая часть воды скапливается на Парнасе в виде снега и льда, в результате чего общий объём грунтовых вод и их температура снижаются и выход газов должен был заметно уменьшаться [Spiller, Hale, De Boer, 2002, p.192]. В такие месяцы входящая в адитон Пифия уже не испытывала привычных ощущений, свидетельствующих о соприкосновении её души с богом Аполлоном, и могла за-

являть (и наверняка заявляла) жрецам, что «бог покинул храм», и что она не может здесь пророчествовать. И эта её реакция вполне понятна. Поскольку она не была постоянно медитирующей отшельницей, а вполне обычной женщиной и домохозяйкой, этиленовые пары были ей необходимы как определённого рода стимуляторы, помогающие ей на время отрешиться от бытовой суеты и повседневных хлопот и перейти на какой-то иной уровень восприятия мира, с иными причинно-следственными связями и цепочками смысловых ассоциаций, для чего, вероятно, требовалась активизация каких-то других участков её мозга, в обычном состоянии не задействованных. Но этиленовые пары сами по себе, разумеется, не могли являться для неё источником пророческих откровений, как и для христианского священника церковное вино не является источником таинства Причастия.

Данные геохимического анализа проб воды из источника Керна показали остаточное присутствие этилена в грунтовых водах в совершенно микроскопическом количестве (0.3 nmol/L: см.: De Boer, Hale, Chanton, 2001, p.709, tabl.2]. Возможно, поэтому Дж.Де Бор с энтузиазмом воспринял рассмотренную выше реконструкцию Л.Б.Холленда [1933, p.213], в которой выход испарений из подземного помещения адитона Пифии осуществлялся через совмещённые отверстия плиты и омфала. По его мнению, использование обычной пробки превращало омфал в простое и в то же время весьма эффективное устройство для накопления газа в перерывах между сеансами пророчеств [De Boer, 2019, p.144].

Для историков наиболее привлекательной стороной этой гипотезы может оказаться то обстоятельство, что она хорошо согласуется со сведениями Плутарха – единственного из всех древних авторов, который сам был жрецом Аполлона в Дельфах и в качестве такового имел свободный доступ ко всем без исключения местам, укромным уголкам, священным предметам и архивам Дельфийского святилища. В этом смысле его значение как источника сведений о Дельфийском оракуле бесценно. Если бы кто-нибудь из ранних авторов, например Геродот, пожелал бы в своё время оставить после себя столь же подробные описания обрядов дельфийской дивинации, они всё равно не имели бы никакого преимущества перед свидетельствами Плутарха, поскольку Геродот смог бы увидеть там только то, на что ему было бы разрешено смотреть, как и любому постороннему человеку в статусе паломника или просителя. А Плутарх мог видеть и видел всё. Его сообщения о «пророческих испарениях», как о вполне материальном феномене, трудно поставить под сомнение ещё и потому, что он описывает их не с чужих слов, а как человек, который не раз ощущал их лично. Потому он повествует о них, как о чём-то вполне обыденном, и интерес для него представляют даже не они сами, а вопросы о том, почему он сам в эти моменты не начинал пророчествовать или почему эти испарения за многовековую историю храма то ослабевали, то усиливались и какова была истинная причина и природа этих колебаний?

Примечательно, что последний из этих вопросов имел точно такую же форму в его постановке геологами, и их ответ на него заключался в том, что частые в этом рай-

оне подземные толчки могли попеременно то закупоривать, то приоткрывать каналы выхода газов на поверхность, что, вероятно, влияло на их концентрацию в воде и воздухе [De Voer, 2019, p.146 и др.] Примечательно также то, что ответ на этот вопрос самого Плутарха был точно таким же: он предположил, что «источники пророческой пневы (μαυτικά πνεύματα)... могут уйти глубже в землю, а то и вовсе исчезнуть по причине большого землетрясения (περὶ τὸν μέγαν σεισμόν)» [ср.: Plut. De def.or.43 434c и Piccardi, 2000, p.654].

Что же касается аргумента Ф.Курби и П.Амандри об отсутствии какой либо пещеры или расщелины в скале под храмом, то геологи вообще не восприняли его как аргумент, поскольку для них сам факт наличия каких-либо трещин, обнаруженных в скале под храмом [Courby, 1927, p.68], был достаточным доказательством возможности выхода подземных газов [De Voer, Hale, Chanton, 2001, p.708; Hale, at all., 2003, p.72; ср.: Heineman, 2010, p.9].

Это, в свою очередь, объясняет, почему в текстах Плутарха нет ни единого упоминания какой-либо расщелины под храмом, – её там просто никогда и не было. То, что образ пещеры в литературной традиции о Дельфийском оракуле сугубо вторичен (в отличие, например, от образа треножника) и что он появился в ней уже в римское время, было доказано ещё раньше работами филологов [см., напр.: Parke, Wormell, 1956. V.1, p.19-26; Fontenrose, 1978, p.197 – 212; Приходько, 1999, с.239 – 266 и др.] Израильский антрополог Ю.Устинова вообще считает этот образ универсальным и неотделимым от самой идеи пророчества и объясняет его сенсорной депривацией и связанным с нею уникальным комплексом ощущений, переживаемых теми, кто на долгое время оказывался помещён в замкнутое пространство пещеры [Ustinova, 2009].

В гипотезу геологов укладывался тот факт, что адитон Дельфийского храма располагался на месте пропущенной шестой колонны южной внутренней колоннады [Courby, 1927, p.66].

Как уже говорилось, изучаемый в настоящее время археологами храм Аполлона является пятым по счёту храмом древней традиции, который был построен ок.330 г. на месте «храма Алкмеонидов», разрушенного землетрясением 373/72 г. [Andronicos, 1978, p.18]. Эта новая постройка содержала столько аномалий, что исследовавшие её П.Амандри и Э.Хансен пришли к выводу, что их причиной мог быть конфликт строителей и архитекторов, стремящихся соблюсти архитектурный канон, с заказчиками, которым было важно разместить адитон точно в том же месте, где он находился до разрушения предыдущего храма, пусть даже в ущерб канону и правилам строительства [Amandry, 1969, p.37; Amandry, Hansen, 2010, p.312]. Столь необычная приверженность к старому месту при постройке нового адитона могла объясняться тем, что само это место совпадало с каким-то локальным пучком трещин в скале под храмом где выброс газов был максимальным, что для жрецов и самой Пифии являлось не просто главным, но вообще единственным условием строительного договора. Не исключено, что отсутствие плитовой вымостки на полу наоса перед входом в адитон

также было одним из условий, которое Пифия и жрецы поставили перед строителями; во всяком случае, никакого иного объяснения в современной литературе этой аномалии предложено не было.

Несмотря на то, что последний из выводов напрашивался сам собой, геологи от него воздержались, возможно, потому, что сочли этот вопрос, находящимся скорее в сфере археологии, нежели геологии. Странно, однако, что от него воздержался также археолог Дж.Хейл, при том что в одной из их совместных работ он отметил необъяснимую асимметричность расположения адитона в наосе и аномальный разрыв в ряду южной колоннады, в которую он был буквально втиснут [Hale, at all., 2003, p.70].

Таким образом, исследования уже первых двух геологических групп позволили сделать вывод о том, что в давнем споре сторонников и противников взглядов А.П.Оппе, очевидно, более правы оказались те немногие историки-античники, которые не поверили преждевременным выводам геологов и археологов конца XIX в. об отсутствии подземных испарений и продолжали в своих реконструкциях дельфийской мантики опираться на описания и трактовки Плутарха [напр.: Flaceliere, 1938, p.105 – 106; Селиванова, 1992, с.74 – 76]. Те же из них, кто полностью разделил взгляды А.П.Оппе и П.Амандри, были вынуждены впоследствии прибегать в своих комментариях текстов Плутарха к довольно слабым и рискованным допущениям о том, что тот вкладывал в слова «дуновение» (*πνεύματος*) и «испарения» (*αναθυσιάσεις*) не буквальный, а «метафизический» смысл [напр.: Приходько, 1999, с.242], а его описание «благоухания, исходящего из адитона» объясняли «сквозняками, которые могли занести снаружи аромат цветов или донести запах ладана из других помещений храма» [напр.: Fontenrose, 1978, p.204].

Третья группа геологов, возглавляемая итальянским геофизиком и вулканологом Дж.Этиопе, прибыла в Дельфы в 2004 г. и состояла из пяти человек. В отличие от своих предшественников она была гораздо более однородна по профессиональному составу и включала только геофизиков и геохимиков из Италии и Греции. Тем не менее, они попали на памятник уже после появления в печати первых публикаций участников группы Дж.Де Бора и потому уже не могли обойти молчанием некоторые из поднятых ими вопросов, даже если они выходили за рамки их профессиональной компетенции. Поэтому, подтвердив вывод Дж.Де Бора о том, что Дельфийский храм расположен в месте разлома и что в прошлом здесь могла наблюдаться усиленная дегазация, они сочли нужным заявить, что присутствие этилена в газовых выбросах «не могло быть достаточным для того, чтобы он мог вызывать нейротоксические эффекты», хотя ни токсиколога, ни медика в составе их экспедиции не было [Etiope et all, 2006, p.821]. Вместо этого они предположили, что изменённое состояние сознания у Пифии могло вызываться нехваткой кислорода по причине избыточного поступления углекислого газа и метана в замкнутое пространство адитона. А поскольку у Плутарха также говорилось об исходящих из адитона «благоуханиях», геохимики из группы Дж.Этиопе решили, что источником таких запахов мог быть бен-

зол, следы которого присутствовали в подземных водах и который имеет такой же сладковатый привкус [Etiopie et all, 2006, p.824]. Кроме того, бензол, как и этилен, относится к классу углеводородных соединений и способен оказывать наркотическое воздействие [об этом качестве бензола см., напр., в: Смирнова и др., 2019, p.134]. К сказанному можно добавить, что в грунтовых водах вблизи Дельфийского святилища бензола содержится в 7,3 раза больше, чем этилена [2.2: 0.3 nmol/L; см.: De Boer, Hale, Chanton, 2001, p.709. Tabl.2; Etiopie et all, 2006, p. 823, tabl.2].

Поскольку археологи не могли выступить в этом споре в роли арбитров, в их публикациях на эту тему две приведённые гипотезы рассматривались как «альтернативные» [см., напр.: Heineman, 2010, p.11]. Думается, однако, что в таких случаях (как, впрочем, и во всех остальных) уместнее полагаться на мнение специалиста, которым в данном случае является Г.Спиллер, который настаивал на приоритете этилена [Spiller, Hale, De Boer, 2002, p.189, 193 – 195]. Вариант комбинированного воздействия на психику Пифии смеси этих двух газов, кажется, никем ещё не рассматривался; во всяком случае, работ на эту тему найти не удалось.

Четвёртая группа геологов насчитывала шесть человек и подобно предыдущей включала в свой состав только геофизиков и геохимиков из итальянских и греческих научных центров. Некоторое исключение представлял руководитель группы, Л.Пикарди, который был не только геологом, но и специалистом по древней мифологии, изучавшим мифы и предания как источники по истории геотектонических процессов в самом широком пространственном диапазоне – от Средиземноморья до Экваториальной Африки и от Центральной Азии до Австралии и обеих Америк. Ранее Л.Пикарди уже проводил здесь самостоятельные разведки с целью изучения последствий Коринфского землетрясения 1981 г., но тогда его внимание было сосредоточено на другом районе, находящемся к востоку от Дельф, где стоял храм Афины Пронаи, под которым также проходило одно из вторичных ответвлений Дельфийского разлома [Piccardi, 2000]. К рассматриваемой здесь теме геологических оснований дельфийской мантики их исследование добавило мало. Авторы частью подтвердили результаты полевых наблюдений и геохимических анализов своих предшественников, частью их оспорили, но дополнили своим выводом о том, что в окрестностях храма Аполлона «выброс относительно больших количеств этилена или бензола был очень маловероятен» [Piccardi et all, 2008, p.12].

Следует заметить, что в геологических реконструкциях, сделанных четырьмя исследовательскими группами, имелись расхождения и предложенные ими карты разломов в некоторых местах не совпадали [ср. рис.4, 5, 6 в: Higgins & Higgins, 1996, p.79. Fig.8.4; De Boer, Hale, Chanton, 2001, p.708. Fig.2; Etiopie et all, 2006, p.822. Fig.1; Piccardi et all, 2008, p.14. Fig.7a]. В частности, у них не выработалось единого мнения по поводу второго разлома, проходящего под храмом Аполлона и названного Дж.Де Бором «разломом Керна». Дж.Этиопе считает, что это был не самостоятельный разлом, а одно из вторичных ответвлений Дельфийского разлома [Etiopie et all, 2006, p.821], тогда как Л.Пикарди вообще отрицает существование под храмом ка-

кого-либо разлома, но полагает, что там могли быть временные разрывы поверхности, вызываемые сейсмическими возмущениями [Piccardi et al, 2008, p.6, 17]. Кроме того, они предлагают разные сценарии процесса выхода подземных газов. Пожалуй, единственный пункт, в котором их выводы совпадают полностью, заключается в том, что район Дельфийского храма является зоной повышенной геологической активности, который в древности с высокой вероятностью мог быть местом выхода на поверхность углеводородных соединений, способных вызывать изменённые состояния психики.

В сущности, этот вывод уже содержит в себе ответ на первый из трёх вопросов, поставленных в начале работы. Поскольку обряд прорицания в Дельфах был чрезвычайно жёстко привязан к месту его проведения, никакая смена места была для него недопустима. Более того, адитон, в котором проводилась важнейшая часть обряда, не мог изменить своё место даже в пределах самого храма. Видимо, поэтому архитекторы и строители готовы были пойти на любое нарушение архитектурного канона, лишь бы не трогать адитон.

2.

Это утверждение подводит нас ко второму вопросу: мог ли обряд прорицания проводиться в храме в прежних формах во второй пол.VI в., если сам храм в это время лежал в развалинах? Здесь мы сразу оказываемся в информационном вакууме, поскольку даже о состоянии храма в этот период мы ничего не знаем наверняка. Из сообщения Геродота известно только то, что вскоре после 514 г. храм подрядились строить Алкмеониды и что фасад был возведён ими из паросского мрамора, но это сообщение единственное (Her.V.62). Ни одной строительной надписи, относящейся к храму этого времени, не сохранилось, при том что архив дельфийской эпиграфики содержит более двух тысяч документов [см.: Fouilles de Delphes III; также: Кулишова, 2001, с.23-4].

Из самых общих соображений можно предположить, что служители храма после пожара должны были в первую очередь очистить от обломков место адитона, чтобы удостовериться в том, что мантические испарения по-прежнему продолжают поступать из-под земли. Очевидно также, что первой восстановленной постройкой на расчищенных участках должен был стать именно адитон, который был сердцевиной храма. Учитывая его скромные размеры, сделать это было технически несложно, поэтому Пифия уже в следующем году могла вернуться к проведению обряда пророчеств. Однако на фоне проступающих отовсюду следов огня и разрушений сам обряд терял большую часть своей силы, поскольку разом лишался всех тех его элементов, которые придавали ему особо торжественный и праздничный характер и создавали атмосферу глубочайшего таинства и божественной мощи. Эта атмосфера оказывала сильнейшее воздействие не только на паломников и просителей, но также и на жрецов, и на саму Пифию, которая являлась центральной фигурой этого обряда и которая сама нуждалась в этой атмосфере, может быть, даже сильнее всех остальных, поскольку именно в неё вливались и сквозь неё проходили те волны обо-

жания, ужаса, любви, отчаяния и веры, которые были направлены к богу Аполлону. Пророчествовать без этой эмоциональной подпитки ей было трудно, если вообще возможно.

Но если проведение обряда в храме в прежних пышных формах стало на какое-то время вообще невозможным, мы вправе задаться вопросом: не существовало ли в обрядовой традиции Дельфийского оракула каких-либо других, более простых форм и способов получения прорицаний?

По-видимому, впервые в таком виде этот вопрос был поставлен американским искусствоведом и филологом-классиком Ф.Э.Роббинсом, который высказал предположение о том, что ещё одной и, может быть, самой древней формой мантики в Дельфийском храме была клеромантия, поскольку в описаниях многих пророчеств Пифии используется тот же глагол, что и в описаниях игры в кости или процедуры гадания путём выбрасывания жребия – ἀναίρειω / ἀνεῖλον («поднимать») [Robbins, 1916, p.286]. Кроме того, у некоторых поздних авторов, напр., у Гесихия в лексиконе Свида (Suidae Lex. s.v. Πυθῶ 3137, etc), содержатся отрывочные замечания о Пифии, «трясущей чашу треножника» с находящимися внутри неё жребиями, а некоторые изображения Пифии и Аполлона с фиалом в руке трактуются как сцены гадания путём встряхивания жребиев в сосуде [Robbins, 1916, 281 – 286, 292].

В 1933 г. к этой же идее и вне всякой связи с работой Ф.Роббинса пришёл Л.Б.Холленд [Holland, 1933, p.203 – 204, 206].

Впоследствии эта гипотеза вызвала множество комментариев и породила целое направление в исследованиях Дельфийского оракула [подробнее см. в: Amandry, 1950. Ch.3, 6; Parke, Wormell, 1956. V.1, p.18-19, 25; Глускина, 1961, с.161 – 162; Fontenrose, 1978, p.219 – 223; Malkin, 1987, p.7, 31; Кулишова, 2001, с.85 – 87, 94; Приходько, 1999, с.349 – 351 и др.]

В принципе, Пифия должна была владеть всеми видами мантического искусства, поэтому могла выступать и в роли обычной гадалки, умеющей распознать знаки судьбы в результатах бросания жребиев или путём толкования снов и прочих знамений, для чего сложный ритуал вовсе не требовался. Более того, в отличие от пророчества с треножника такие гадания не были ограничены девятью днями в году и могли совершаться в любой день, кроме тех, что считались неблагоприятными (ἀποφράς) [Parke, 1943; Parke, Wormell, 1956. V.1, p.18-19; Fontenrose, 1978, p.220-21; Кулишова, 2001, с.43, 94]. Нам также известно, что время от времени Пифии действительно приходилось пророчествовать по жребию, причём это случалось как до, так и после разрушения храма. Разумеется, её дарование пророчицы оценивалось на несколько порядков выше, чем мастерство любого клероманта; в своей области она вообще не имела себе равных, но её статус не запрещал ей использовать и низшие формы мантики, и в глазах её современников в этом не было ничего необычного или предосудительного. Как справедливо заметила в одной из своих работ Е.В.Приходько [1999, с.53], Пифия могла заменить любого гадалателя,

как кормчий на корабле мог заменить любого гребца, но при этом никакой гребец не мог заменить кормчего, как и никакой гадатель не мог заменить Пифию.

С другой стороны, в Дельфах со времени пожара 548/47 гг. и вплоть до постройки нового храма должно было иметь место вынужденное упрощение процедуры обращения к оракулу и получения пророчеств, и если Ф.Э.Роббинс был прав в своём предположении, то в относящихся к этому периоду источниках могут обнаружиться какие-то ранее не замеченные следы обряда прорицания по жребию. Целенаправленной проверки этого предположения ранее никто не проводил, хотя данные о дельфийской клеромантии давно известны и хорошо изучены.

Прямых свидетельств бросания Пифией жребиев известно на сегодняшний день всего четыре: два из них содержатся в описаниях древних авторов и ещё два представляют данные эпиграфики.

Первое из них, сохранившееся только у Плутарха, восходит к преданиям о первых правителях Фессалии и датируется временем не позднее кон. VII в. Это предание гласит, что первый царь (таг) фессалийцев Алев Рыжий был выбран Пифией именно по жребию из нескольких кандидатов, имена которых, вероятно, были нанесены на дощечки или черепки (подробностей мы не знаем). Правда, потом Пифия была вынуждена подтвердить этот свой выбор словесно (Plut.De frat.am.20 492ab; см.: Parke, Wormell, 1956. V.1, p.102; Fontenrose, 1978, p.222).

Второй эпизод был связан с реформами Клисфена Афинского в 508-506 гг. [см.: Карпюк, 1986, с.19], когда афиняне выбирали названия для вновь создаваемых фил Аттики и передоверили этот задачу Пифии, которая должна была выбрать 10 имён из 100 предложенных ей Клисфеном (Her.V.66, 69; Arist.Ath.Pol.XXI.6; Paus. X.10.1, etc). О том, каким конкретно способом Пифия выбирала эти названия, нам тоже ничего не известно [Fontenrose, 1978, 222; см.: Глускина, 1961, с.161. Прим.28].

О третьем случае сообщает надпись 352/51 гг., содержащая решение афиняев обратиться к Пифии с просьбой решить их спор по поводу того, стоит ли им застраивать землю одного из священных участков (*ἱερὰ ὀρύγες*) на границе Аттики и Мегариды или следует оставить её нетронутой. Два готовых ответа были записаны на оловянных пластинках, которые были помещены в два закрытых и опечатанных сосуда. От прорицательницы требовалось лишь выбрать один из двух сосудов [Parke, Wormell, 1956. V.2. №262; Fontenrose, 1978, p.221; см.: Глускина, 1961, с.161].

Ещё одна надпись на мраморной плите, относящаяся приблизительно к тому же времени (сер.IV в.) содержит договор Дельф с маленьким островным полисом Скиафосом, в котором устанавливался порядок обращения скиафосцев к оракулу Аполлона. Договор включал один пункт, который можно было понимать как доказательство использования в Дельфах в этот период довольно распространённого у греков способа гадания на жареных бобах (*φрукτός*). Прочтение этой части надписи не бесспорно, поскольку в ней присутствуют лакуны, поэтому она допускает и другие варианты толкования [см.: Amandry, 1939, p.195 – 196, 198; Sokolowski, 1949; ср.: Fontenrose, 1978, p.222 – 223; Malkin, 1987, p.29 – 30].

Как можно видеть из приведённого перечня, одних этих данных явно недостаточно, чтобы можно было делать на их основе какие-то выводы.

Косвенных данных имеется гораздо больше, но все они основаны только на гипотезе Ф.Э.Роббинса о том, что если в описании или цитировании какого-либо пророчества древним автором использован термин ἀναρέω, то это указывает на то, что оно могло быть получено путём бросания жребия. У этой гипотезы нашлось довольно много сторонников. П.Амандри, например, привёл в её поддержку список из 15 оракулов, которые, по его мнению, были, безусловно, получены по жребию [Amandry, 1950]. Этот список был затем подвергнут тщательной проверке Дж.Фонтенроузом, который использовал для этой цели довольно простой, но эффективный способ, впервые предложенный, кажется, Г.Парком и основанный на наблюдении, согласно которому многие ответы оракула представляют собой тот же вопрос, только переведённый в утвердительную форму [Parke, Wormell, 1956. V.1, p.18-19]. Из этого наблюдения следовало, что если пророчество можно переформулировать без потери смысла таким образом, чтобы ответ Пифии выражался одним словом: «да» или «нет», то оно в принципе могло быть получено путём бросания жребия. Перед тем как приступить к проверке, Дж.Фонтенроуз исключил из списка П.Амандри один оракул, который имел стихотворную форму, на том основании, что «жребии могли давать ответы на вопрос: вступать или не вступать в войну, но они не могли писать стихи» [Fontenrose, 1978, p.220]. Результаты проверки показали, что только три оракула из 14 рассмотренных действительно могли быть получены при помощи жребия, что, впрочем, ещё не является доказательством, что они были получены именно так (см.: p.219 – 224). Конечный его вывод был безапелляционным: «В Дельфах существовал только один вид мантического ритуала. Пифия возвещала свои ответы сама, обращаясь к вопрошавшему без каких бы то ни было посредников или толкователей, если, конечно, ей не предлагали вытянуть жребий или указать урну, в которой он находится, но она, вероятно, и тогда сопровождала свои действия словами» [Fontenrose, 1978, p.223].

Американская исследовательница Л.Маурицио, которая всегда была противницей гипотезы Ф.Э.Роббинса и считала порочной саму его идею реконструкции ритуала получения пророчеств только по одному термину в его описании древним автором, провела собственную проверку оракулов, но сделала это своим способом. Она просмотрела все 615 прорицаний, содержащихся в своде Г.Парка и Д.Уормелла, и выбрала из них те, которые имели датировки и в описании которых присутствовал глагол ἀναρέω в любых его формах. Далее она поместила все 44 отобранных ответа на хронологическую шкалу и сравнила их по форме, времени и содержанию, пытаясь отыскать во всём этом какую-либо корреляцию. Вывод, к которому она пришла, был ещё более категоричным: «Оракулы, сопровождаемые глаголом ἀναρέω, равномерно распределены по всему своду, составлены как в прозе, так и в стихах и относятся к самым разным вопросам, поэтому невозможно делать какие-либо выводы, ссылаясь (только) на использование (этого термина)» [Maurizio, 1995, p.80; 2019, p.124 – 225, 130].

Иными словами, Л.Маурицио фактически доказала, что рассмотренные Дж.Фонтенроузом и ею оракулы формально ничем не отличаются от остальных. И у нас нет оснований предполагать, что они были получены каким-то иным способом, чем прорицание с треножника. Также нет оснований считать, что Пифия вообще прибегала к приёмам клеромантии, за исключением тех трёх случаев, которые были приведены выше, и в которых требование использовать именно жребий, а не треножник, исходило от самих вопрошающих.

Какие-либо другие способы получения пророчеств, помимо клеромантии, Пифия, по-видимому, не практиковала, во всяком случае не делала это регулярно. В качестве исключения можно привести два примера, когда ей приходилось отвечать на вопросы, связанные с толкованием снов (*ὄνειροπολίκόν*): первый раз в IV в., второй раз в Iв., но и тогда она, вероятно, делала это, не спускаясь с треножника (Diod. XIX.2; App. B.C. 97; см.: Parke, Wormell, 1956.V.2, p.111 – 112, 176; Fontenrose, 1978, p.341, 348].

Таким образом, высказанное ранее и принятое в качестве рабочей гипотезы предположение автора об упрощении процедуры изречения дельфийских пророчеств после пожара 548/47 гг. приведённые выше данные не подтверждают.

3.

Этот вывод возвращает нас к третьему из поставленных в начале работы вопросов, но теперь его уже можно сформулировать в более развёрнутом виде: «Если Пифия в этот период продолжала давать прорицания с треножника по прежним правилам обряда и она не могла делать это в каком-либо другом месте, кроме храма, который в это время лежал в развалинах, не сохранилось ли свидетельств какого-либо перерыва или упадка в деятельности оракула во второй половине VI века?».

В современной литературе так этот вопрос ещё не ставился, возможно, потому, что в такой форме его никто не ставил и в древней литературе, в результате чего у современных исследователей сложилось впечатление, что деятельность Дельфийского оракула на протяжении всей античной эпохи была распределена во времени более или менее равномерно, за исключением, пожалуй, некоторого всплеска в аномально богатом событиями V веке и некоторого упадка во II в.н.э., во времена Плутарха, который был, вероятно, первым исследователем, обратившим внимание на имеющиеся в ней подъёмы и спады.

Чтобы проверить, как реально распределялась частота обращений к оракулу по временной шкале, необходимо сравнить датировки всех известных нам оракулов, используя для этого имеющиеся своды пророчеств. Таких сводов существует несколько [Кулишова, 2001, с.20 – 22], но на сегодняшний день имеет смысл говорить только о двух, без которых никакое полноценное исследование Дельфийского оракула не представляется возможным.

Первый был составлен профессорами Дублинского университета, историком Г.У.Парком и филологом-латинистом Д.Э.Уормеллом, и включал в себя 615 оракулов, разделённых ими на 2 категории: «достоверные» (authentic, genuine, 590 ответов) и

«сомнительные» (dubious, 25 ответов). Достоверные оракулы также были разделены на 2 группы: с надёжной (519) и спорной (71) датировками и были сообщены скомпонованы в 9 групп, распределённых по девяти хронологическим периодам. Первый период не имеет нижней хронологической границы, поскольку включает оракулы, полученные легендарными персонажами, точные даты жизни которых установить невозможно. Авторы воздержались от попыток дать более точную датировку каждому из оракулов в границах этих девяти периодов, но всё же постарались расположить их в своём списке в более или менее правильной хронологической последовательности [Parke, Wormell, 1956.V.2].

Далее оракулы, приводимые по нумерации этого свода, будут обозначаться аббревиатурой PW.

Этот свод послужил основой для создания другого, во многом совпадающего с ним свода, который подготовил профессор Калифорнийского университета в Беркли, историк и филолог-классик Дж.Э.Фонтенроуз. Его свод включает 535 пророчеств, из которых 75 отнесены к «историческим» (Historical), т.е. изречённым в основном при жизни того автора, в трудах которого оно было найдено; 268 отнесены к «квази-историческим» (Quasi-Historical), куда попали пророчества, относящиеся к событиям не ранее первой Олимпиады (776 г.); 176 названы «легендарными» (Legendary), поскольку относятся к событиям ещё более ранним или же вообще к «вневременным народным сказкам и басням». Оставшиеся 16 определены как «фиктивные» (Fictional), выдуманные в разное время и в разных целях [Fontenrose, 1978].

Соответственно, оракулы, цитируемые по нумерации этого свода, далее будут обозначаться буквами H, Q, L и F.

Для проверки были использованы все оракулы из свода PW, попадающие в рамки II – VIII периодов из девяти, т.е. от начала VI в. до последней трети I века. Использовать первый и последний периоды было нецелесообразно, поскольку первый не имеет нижней границы датировок, а последний содержит слишком много оракулов, которые вообще не имеют датировок. К тому же, по продолжительности он почти равен предыдущим семи периодам в совокупности, что делает сравнение бессмысленным. Далее было подсчитано количество оракулов в каждом периоде и число оракулов, приходящихся на единицу времени отдельно для каждого периода. Для пророчеств, имеющих лишь приблизительную датировку, датой принималась середина датирующего отрезка. Всего оценке было подвергнуто 434 пророчества. Результаты были выведены на график, представленный на рис.7.

График показывает, что частота обращений к оракулу была в разные периоды не одинаковой и что она вначале возрастала, достигая своего пика в период Vв. (ок.430 – 373 гг.), а затем плавно снижалась, достигнув своего минимума в период VIIв. (ок.190 – 30 гг.).

Обращает на себя внимание хорошо заметный крутой прогиб в левой части графики, означающий снижение частоты обращений к оракулу, причём этот спад приходится на период IIIв. (ок.548 – 479 гг.), который полностью покрывает интересующий нас

отрезок 548 – 505/500 гг., когда храм Аполлона находился в разрушенном состоянии.

Таким образом, сравнительный анализ частоты обращений к оракулу в разные периоды доказывает, что его активность в III период заметно снизилась, и это можно объяснить только тем, что Пифия после пожара в храме уже не имела возможности изрекать пророчества так часто, как она это делала до пожара.

Этот период можно рассмотреть немного поближе, но для этого лучше воспользоваться сводом Дж.Фонтенроуза, который содержит гораздо больше точных датировок, правда, чаще не самих оракулов, а напророченных оракулом событий, так что различить, где проходит эта грань, не всегда оказывается возможным. Тем не менее, с помощью его датировок можно рассматривать динамику деятельности оракула на гораздо более коротких временных отрезках, чем «периоды» Г.Парка и Д.Уормелла, продолжительность которых варьируется в среднем от 50 до 150 лет, а на краях диапазона достигает нескольких столетий. С этой целью выбранный нами период с 600г. по 450 г., содержащий 107 пророчеств, был разбит на более короткие отрезки по 25 лет и подсчитана приблизительная частота обращения к оракулу на каждом из этих отрезков. Поскольку все рассматриваемые даты относятся к эпохе «до н.э.», их отбор производился по критерию: «меньше» нижней границы отрезка, и «больше или равно» верхней границе отрезка. Этот критерий важен для проверки полученных автором результатов. Эти результаты также были выведены на график (см.: рис.8).

В нём, как и в предыдущем графике, отразился спад активности оракула после пожара 548/47 гг., но он показал и нечто большее – то, что частота изречений пророчеств внутри этого периода не была равномерной, но постепенно возростала, причём это возрастание началось ещё до окончания постройки нового храма.

Но мог ли этот общий спад активности оракула отразиться ещё и в том, что в этот период появлялось больше пророчеств, не принадлежащих Пифии, но лишь приписываемых ей, и что какая-то часть оракулов была отнесена к этому периоду ошибочно? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сделать последний шаг и проверить даты и аутентичность каждого из оракулов этого периода в отдельности.

Всего в период III свода РW (ок.548 – 479 гг.) попадают 49 оракулов. Интересующий нас отрезок ок.548/47 – ок.505-500 гг. приблизительно на четверть века короче и содержит 26 оракулов. Далее мы рассмотрим их в том же порядке, в каком они приведены в своде РW, добавив к ним датировки Дж.Фонтенроуза (в скобках). В этот список включены те пророчества, даты которых попадают в указанный отрезок хотя бы в одном из двух сводов.

Здесь важно ещё раз подчеркнуть, что согласно принятым Дж.Фонтенроузом критериям все рассмотренные ниже пророчества отнесены им к разряду «квази-исторических» (Q), т.е. таких, которые были приведены авторами, жившими позже того времени, когда он был выдан. Кроме того, все они (кроме двух: РW66 и РW75) были признаны Дж.Фонтенроузом «недостовверными» (not genuine), но это отнюдь не означает, что он считает их подделками (в этом случае они были бы отнесены к категории «фиктивных»). Пометка not genuine

указывает лишь на то, что их датировка древним автором, равно как их принадлежность Пифии, не является бесспорной.

Также следует заметить, что автор предлагаемой работы не разделяет предложенных Дж.Фонтенроуз критериев достоверности пророчеств, поскольку их принятие с необходимостью заставляет признать недостоверными почти все оракулы, датируемые временем ранее V века.

Далее достоверность принадлежности оракулов Дельфийскому святилищу и (или) достоверность их принадлежности к интересующему нас периоду (ок.548/47 – ок.500 г.) будет оцениваться по трёхбалльной шкале, оценка будет приведена в скобках в конце каждого описания: 1 – (почти невероятно), 2 – (неопределённо); 3 – (почти бесспорно).

СПИСОК ДЕЛЬФИЙСКИХ ПРОРОЧЕСТВ, ОТНОСИМЫХ К ПЕРИОДУ

ок.548/47 – ок.500 гг.:

1. PW63 = Q112 (ок.545 г.) Этот оракул был дан книдьянам ок.546/45 гг., когда они перекапывали перешеек, соединяющий их полуостров с материком, чтобы защититься от надвигающейся армии персов. Во время работ их землекопы стали получать необычно частые травмы, и когда книдьяне обратились по этому поводу в Дельфы, Пифия изрекла им стихотворное пророчество, прямо запрещающее им «превращать полуостров в остров»:

Не ройте Истма! Стен не воздвигайте!

Зевс создал остров тут, коль только б захотел

(Her.I.174.5; пер.: Г.А.Стратановского).

После этого ответа работы были свёрнуты, и при подходе войск Гарпага книдьяне сдались им без боя (ср.: Paus. II.1.5).

То, что при написании этого ответа использовался ямбический триметр, а не принятый в Дельфах гекзаметр, показалось авторам обоих сводов подозрительным, поскольку ямбических оракулов за всю историю Дельф насчитывалось всего шесть, и все они относились ко времени не ранее III века [PW63, 329, 420, 421, 464, 597; см.: PW (1), 163, n.2; Fontenrose 1978, 306]. Тем не менее, Г.Парк и Д.Уормелл попытались объяснить эту аномалию ссылкой на то, что ямбический размер ближе к простой разговорной речи и потому мог показаться Пифии «наиболее подходящим для выражения презрительного отказа». На этом основании они признали рассказ книдьян «вполне правдоподобным», а оракул – подлинным [PW (1), 141]. Такое решение следует признать настолько же смелым, насколько и рискованным, поскольку оно заставляет смириться с полным отсутствием ему аналогов на протяжении почти трёх столетий.

Дж.Фонтенроуз [1978, 306], напротив, счёл рассказ книдьян их поздней выдумкой, поскольку в 546/45гг. в условиях нависшей над ними угрозы нападения и вызванной ею спешки им гораздо проще было бы обратиться за оракулом не в Дельфы, а в ближе расположенные Дидимы. То, что книдьяне этого не сделали, Дж.Фонтенроуз счёл

доказательством того, что эта история была придумана ими уже после 494 г, когда Дидимский храм был разорён и сожжён персами в ходе подавления Ионийского восстания (Her.VI.19). По его оценке, датой создания этой легенды об обращении книдян в Дельфы следует считать середину V века, когда память о Дидимском оракуле уже выветрилась из массового сознания греков.

В литературе его аргумент был признан достаточно убедительным [см.,напр.: Parker, 1985, 316], хотя в нём было упущено из виду то обстоятельство, что Дидимский храм Аполлона с его оракулом считался центральным святилищем всех ионийцев, куда вход дорийцам был запрещён если не законом, то традицией, и в источниках не известно ни одного примера, когда бы эта традиция нарушалась [см., напр.: Виноградов, Золотарёв, 1999, 103]. Поэтому книдянам, которые считались потомками лакедемонян (Her.I.174.1), обратиться в Дидимы было отнюдь не проще, чем в Дельфы.

Более серьёзные подозрения вызывает то обстоятельство, что Геродот узнал об этом пророчестве от самих книдян (“ὥς αὐτοὶ Κνίδιοι λέγουσι”: Her.I.174.5), но не сумел найти ему ни подтверждений, ни альтернативных версий в преданиях соседей или в самих Дельфах. Тщательность, с какой Геродот подвергал проверке достоверность цитируемых им оракулов Пифии, недавно хорошо продемонстрировал П.Тонеман, который повторил вслед за ним проверку оракула Амфиарая Крезу и доказал, что Геродот совершил поездку в Фиванский храм Аполлона Исмения, чтобы лично убедиться в подлинности предания о посвящениях, сделанных туда лидийским царём (Her.I.52; 92; V.56-60; Thonemann, 2016, 160 – 61]. Можно предположить, что проверку версии книдян Геродот проводил таким же способом, но в данном случае она ему ничего не дала [см. также: How, Wells (I) 1912, comm. on: I.174.5].

Сомнение это пророчество вызывает ещё и тем, что оно слишком удачно совпало с желанием самих книдян оправдать малодушие и робость перед своими более стойкими соседями, которые сопротивлялись персам до последнего, как, например, приенцы и магнесийцы (Her.I.161), или же вообще отказались подчиниться царю Киру и покинули родину, как фокейцы и теосцы (Her.I.164-5, 168-9).

Все эти соображения скорее склоняют к признанию этого пророчества недостоверным (1).

2. PW64 = Q113 (ок.535-30 гг.) Второй оракул приведён Геродотом в его рассказе о бедствиях фокейцев после 546 г., когда они (в отличие от книдян) не стали дожидаться подхода персидского войска и сами покинули город, отправившись в основанную ими за 20 лет до этого колонию Алалия на Корсике (Her.I. 162 – 7). Там им удалось продержаться всего пять лет, по причине конфликтов с местными пунийцами из финикийской колонии Агилла. Разрозненные столкновения между ними завершились чрезвычайно кровопролитным морским сражением, в ходе которого все сдавшиеся в плен фокейцы были перебиты пунийцами и тирсенами, возможно, в нарушение клятвенного обещания оставить их в живых (Her.I. 167; у Геродота в этом месте лакуна). Некоторое время спустя в области агиллейцев начался падеж скота, сопровождавшийся эпидемией загадочной болезни, заставившей их

припомнить свой давний грех и обратиться за консультацией в Дельфы, где они получили прорицание, которое обязывало их воздвигнуть на побережье алтари в память убитых, приносить им жертвы как героям и проводить в их честь спортивные состязания [см. в: Колесников, 2003, 85].

Битва при Алалии могла произойти в любой год между 540 г. и 535 г. Сколько времени прошло между этой битвой и случившейся эпидемией, нам не известно. Поскольку эти обряды агиллейцы проводили ещё в сер.V в., во время пребывания в Италии Геродота (“καὶ νῦν οἱ Ἀγυλλᾶιοι ἔτι ἐπιτελεῖουσιν”: Her.I.167), датой их обращения в Дельфы мог быть любой год в промежутке между 535 г. и 444 г.

В описываемые времена срок давности для такого рода преступлений ограничивался лишь памятью соседей. Когда нечто подобное совершил афинский архонт Мегакл из рода Алкмеонидов, приказавший убить всех сдавшихся в плен участников «Килоновой смуты» в 630-х гг., проклятие пало на весь род, и греки вспоминали о нём ещё полтора столетия спустя и время от времени требовали возмездия [подробнее см. в: Владимирская, 2001, гл.1].

Достоверность самого пророчества сомнений не вызывает, но его датировка второй пол.VI в. плохо обоснована (2).

Следующие два оракула имели общие место, время и тему.

3. Первый (PW65 = Q114, ок.520 г.) был получен жителями острова Сифнос в ответ на их вопрос Аполлону, как долго ещё продлится их благоденствие? Ответ Пифии изобилует второстепенными деталями и приметам, из которых хоть одна должна была когда-нибудь сбыться: «Лишь когда белизной пританей засияет сифнийский / И когда белой оградой оденется рынок, тогда-то, / Благоразумный, засады древесной, багряного вестника бойся» (Her.III.57 – пер.Г.А.Стратановского).

Позже этот текст стало принято толковать, как предсказание нападения на остров самосских изгнанников, которые в 525 г. или немного позднее приплыли на кораблях, окрашенных (по сведениям Геродота) в красный цвет (“τὸ δὲ παλαιὸν ἄλασαι αἱ νέες ἦσαν μίληφιέες”: Her.III.58). Самосцы тогда осадили город и взяли с островитян огромный откуп в размере 100 талантов. Датировка этого события имеет привязку к двум достоверным датам: году вторжения персидского царя Камбиза II в Египет (ок.525 г.) и году гибели Поликрата Самосского (ок.522 г.) [см.: Колесников, 2003, 96-97]. К тому же Геродот сообщает, что оракул был получен сифносцами как раз в то время, когда они были заняты возведением в Дельфах своей сокровищницы, в архитектурных деталях которой специалисты обнаруживают ряд черт, характерных именно для этого периода [Михаловский, 1977, 13].

Поскольку Сифнос был сравнительно маленьким и слабым полисом, на который однажды свалилось сказочное богатство в виде обнаруженных на нём золотых и серебряных рудников, Г.Парк и Д.Уормелл сочли вполне здравым и разумным предположение Пифии о том, что рано или поздно на такое богатство позарится какой-нибудь сильный хищник [PW (1) 151]. Изречённый ею оракул они с полным основанием признали достоверным (3).

4. PW66 = Q115 (ок.520 г.). Ещё одну причину потери сифносцами их богатств приводит Павсаний, который сообщает по этому поводу совсем другую легенду, согласно которой островитяне пострадали потому, что перестали выплачивать в Дельфы десятину со своих доходов, обещанную по прорицанию, после чего море затопило их рудники, как бы в отместку за невыполнение обета (Paus.X.11.2).

Г.Парк и Д.Уормелл приняли версию о том, что следует видеть два отдельных пророчества. Дж.Фонтенроуз счёл достоверным лишь второе из них и предположил, что именно второй оракул и явился подлинной причиной, побудившей сифносцев на постройку сокровищницы [Fontenrose, 1978, 307].

Оба оракула можно признать, бесспорно, достоверными (3).

5. PW67 = Q116 (ок.525 г.). Следующее пророчество сохранилось только в «Лексиконе» патриарха Фотия (Phot.Lex. s.v. Πύθια καὶ Δῆλα) и было связано с учреждением на Делосе Священных игр самосским тираном Поликратом (Thuc.III.104). По этому поводу он обратился в Дельфы с вопросом: следует ли ему дать этим новым играм название «Делосских» или, может быть, стоит назвать их «Пифийскими»?

Вопрос вызвал у позднейших исследователей споры. Непонятной была цель Поликрата. Непонятен был сам мотив, которым он мог руководствоваться, обращаясь с подобным предложением в Дельфы. Какие-либо аналоги подобного рода инициативе подобрать невозможно. Известны некоторые храмы Аполлона, которые находились далеко от Дельф, но носили название «Пифийских»: в Афинах, в критской Гортине и на Родосе [Колобова, 1951, гл.2; Эндрюс, 2007, 502; Гортина, 2016], но примеров, когда дублировались бы не храмы, а игры, да ещё такие знаменитые, как Пифийские, в античной истории нет.

Г.Парк трактовал действия Поликрата в данном случае, как враждебные Дельфам, поскольку новые Игры должны были отторгнуть от Дельф часть паломников, предлагая им взамен Дельф некий их суррогат по более низкой цене [PW (1) 121-122]. Некоторые специалисты по истории тираний с такой трактовкой не согласны [см., напр.: Макаров 1995, с.121], но в данном случае в её пользу говорит подчёркнуто враждебный тон ответа Пифии, заявившей, что Поликрату скоро будет абсолютно всё равно, как эти Игры будут называться. После гибели самосского тирана в 522 г. на позорном колу (или распятии) в Магнесии современники увидели в этом оракуле сбывшееся пророчество.

Г.Парк и Д.Уормелл включили его в список подлинных. Дж.Фонтенроуз полностью отверг его достоверность, поскольку в источниках не сохранилось упоминаний о том, что на Делосе вообще когда-либо проводились игры, традиция которых приписывалась бы Поликрату [Fontenrose, 1978, p.302].

Достоверность этого оракула следует признать неопределённой (2).

6. PW68 = Q117=PW68 (ок.510 г.). Это сохранённое Павсанием пророчество было получено фокидянами во время одной из их непрерывных войн с фессалийцами и датируется неопределённо «временем до нашествия мидян на Элладу» (Paus.X.1.2). Перед одним из решающих сражений фокидяне обратились за проро-

чеством в Дельфы и получили загадочный ответ: «Биться пошлю я бессмертного мужа со смертным героем. / Дам я победу обоим, но большую – смертному мужу» (пер.П.Кондратьева).

Как это нередко случалось с пророчествами Пифии, истинный смысл предсказания был угадан только после окончания событий, которые в данном случае завершились победой фокидян. Победители вспомнили, что военным паролем фессалийцев в прошедшую кампанию было имя «Афины Итонии» – бессмертной богини, тогда как фокейские полководцы использовали для военного пароля слово «Фокас», обозначавшее имя их эпонима – смертного героя.

Г.Парк и Д.Уормелл датировали этот оракул приблизительно тем же временем, что и впоследствии Дж.Фонтенроуз: «ближе к концу VI в.», т.е. в интересующий нас период он попадает с сильной натяжкой (2).

7. PW69 = Q118 (ок.550 г.). Оракул был дан слабому и болезненному престолонаследнику Кирены Батту III Хромому сразу после его воцарения и повелевал пригласить в Кирену для проведения реформы государственного строя известного в то время законодателя Демонакта из аркадской Мантиней (Her.IV.161.2).

В литературе этот оракул принято датировать временем «после 560 г.» [Берве, 1997, с.157 – 158] или серединой VI века [Белох, 2009, с.362]. Точно так же датирует его и Дж.Фонтенроуз (ок.550 г.), поэтому здесь не было бы необходимости вообще упоминать об этом пророчестве, если бы Г.Парк и Д.Уормелл не поместили его в тот раздел своего свода, который содержал оракулы, суммарно относящиеся к периоду 548 – 479 гг.

Известно, что Батт III взойшёл на трон не сразу после смерти своего отца Аркесилая II ок.560 г., а спустя некоторое время, в течение которого он находился под опекой своего дяди и матери (подробнее об этих событиях см. в: Pol.Strat.VIII.41; Plut.Mor.260d-261d). Возможно, авторы PW решили, что период опекуинства Батта продолжался более чем 12 лет, отделявших смерть Аркесилая II от Дельфийского пожара 548/47 гг. Сейчас об этом можно только догадываться, поскольку авторы в своих комментариях этого оракула обошли этот вопрос молчанием [см.: PW(1), p.151]. Тем не менее, у нас нет никаких оснований ставить под сомнение установившиеся датировки времени воцарения Батта III серединой VI века (1).

8. PW70 = Q119 (ок.530 г.). Ещё один оракул, также относящийся к Баттиадам, был дан шестому киренскому царю Аркесилаю III ок.518/17 гг. В нём, помимо прочего, сообщалось, что его роду отведено править Киреной восемь поколений (Her.IV.163).

Именно потому, что это пророчество сбылось в точно предсказанный срок (конец 40-х гг. V в.), авторы свода PW назвали это совпадение «мистическим» и отнесли к нему с недоверием, а сам оракул отнесли к концу 440-х гг. Дж.Фонтенроуз, хотя и датировал это событие временем гораздо более ранним, чем общепринятые в настоящее время датировки 518/17 годов [напр.: Берве, 1997, с.159], но сам оракул включил в разряд «фольклорных» и признал недостоверным, поскольку он содержал аллюзии

на народные поговорки, которые, согласно его наблюдениям, никогда не присутствовали в наиболее достоверных пророчествах Пифии [Fontenrose 1978, p.61, 87].

В целом, достоверность этого пророчества следует признать почти невероятной (1).

9. PW71 = Q47 (ок.640 г.) Ещё одно относящееся к Баттиадам пророчество было дано первому Батту, будущему основателю Кирены в последней трети VII в. и сохранено Диодором в исходной стихотворной форме (Diod.VIII.29). Примечательно, что в нём говорится не просто о «колонии в Ливии», а названа по имени ещё не существовавшая тогда Кирена. На этом основании авторы PW сочли версию Диодора вторичной и созданной в пропагандистских целях и отнесли её возникновение к последним годам VI в., когда династия Баттиадов переживала трудные времена и нуждалась в идеологической поддержке [PW (2) p.32; ср.: Берве 1997, с.159].

Оракул этот имел как минимум ещё одну реплику, выполненную на мраморной стеле и датируемую В.П.Яйленко первой пол. IV в. [1982, с.61]. Им же была сделана реконструкция нарративного первоисточника, который предположительно лёг в основу этого документа. Датирован этот протограф был примерно тем же временем: конец VI – первая пол. V в. [Яйленко 1982, с.69 – 72].

Таким образом, независимо от того, был ли этот текст санкционирован Дельфийским святилищем или нет, все его датировки попадают в период после конца VI в., т.е. в тот отрезок времени, когда новый храм Аполлона был уже построен (1).

10. PW72 = Q121 (ок.510 г.). Адресатом этого оракула был спартанский царевич Дорией, который ок.515 – 510 гг. пытался вывести колонию в Сицилию, следуя руководству какого-то оракула. Геродот приводит две разные версии его получения (Her.V.46; ср.: Diod.IV.23.3). Согласно одной из них, Дорией в Дельфы не обращался, а оракул получил от некоего хресполога Антихара из Элеона, вероятно, беотийца, который процитировал ему древнее пророчество о том, что в Сицилии есть некая область у подножия горы Эрик, принадлежащая Гераклидам, поскольку ею некогда владел сам Геракл, поэтому спартанский царевич имеет на неё все права (Her.V.43).

Согласно другой версии, которую Геродот услышал от сибаритов, Дорией всё же обращался в Дельфы, а погиб он именно потому, что нарушил предписание Аполлона и на полдороги ввязался в войну между Сибарисом и Кротонем на стороне Кротонцы, в свою очередь, называли этот рассказ сибаритов сплетней и выдумкой.

Геродот, по своему обыкновению, объединил обе версии, представив их таким образом, что Дорией сначала услышал оракул от Антихара, а затем запросил о его подтверждении у Пифии. Тем не менее, в его тексте приведено только пророчество Антихара, тогда как от дельфийского не сохранилось ничего, кроме мнения сибаритов, к тому же предвзятого. Рассматривать его как свидетельство функционирования оракула в период 515 – 510 гг. нет никаких оснований (1).

Следующие два пророчества представляют собой разные версии одного сюжета, касающегося гибели и разрушения Сибариса во время его войны с соседним Кротонем ок.510 г.

11. PW73 = Q122 (не позднее 510 г.). Первое из них, данное в форме четверости-

шения приводит сицилийский историк IV-III вв. до н.э. Тимей Тавроменийский. В нём на вопрос сибаритов о том «как долго ещё продлится их благоденствие?» Пифия ответила, что Сибарис будет «пышно цвести» до тех пор, пока сибариты не станут «почитать смертного больше, чем бога» (F.Gr.Hist. f.60= St.Byz. s.v. Σύβαρις = Athen. XII 520ab; пер. Н.Т.Голинкевич). Уже после разрушения города кротонцами в 510 г. сибариты припомнили, что накануне войны один из жителей, наказывая своего раба плетью, не пожелал остановиться, когда тот укрылся от наказания в храме Геры, но прервал наказание, когда тот стал искать защиты у могилы его отца (т.е. почтение к памяти отца этот сибарит поставил выше уважения к богине)(2).

12. PW74 = Q123 (515-510 г.). Второй вариант этого пророчества также стихотворный, был сохранён Клавдием Элианом (Ael.V.H. III.43). В нём роль раба, спасающегося от наказания в храме Геры, отведена безымянному заезжему кифареду, которого возбуждённые его игрой сибариты убивают в том же храме Геры, после чего в нём «начала бить струя крови, подобно не иссякающему источнику». Когда они обратились за помощью в Дельфы, то получили оттуда недвусмысленное предупреждение о бедах, которые вскоре обрушатся на убийц и их потомков.

Г.Парк и Д.Уормелл сочли загадочным тот факт, что от Сибариса, самой блестящей и знаменитой из ахейских колоний в Сицилии, не осталось ни одного оракула об основании, зато сохранились целых два пророчества о его гибели. Выход из этого противоречия они увидели в гипотезе о том, что при основании колонии в последней четв. VIII в. поселенцы получили в Дельфах два пророчества, одно из которых обещало им процветание, а другое предвещало гибель. После разрушения города современники естественным образом забыли о первом прорицании, но охотно стали вспоминать и цитировать второе [PW (1), p.70 – 71]. Дж.Фонтенроуз отнёс оба оракула к одной и той же разновидности расхожих сказочных преданий об «оскорблении бога», историческая достоверность которых исчезающе мала [Fontenrose, 1978, p.76 – 77].

Можно предположить, что наличие двух разных преданий на одну тему говорит о существовании довольно долгого периода, на протяжении которого сибариты пытались по-разному осмыслить трагический факт гибели своего города и что источник этих преданий следует искать не в Дельфах, а в местной устной традиции и относить ко времени более позднему чем 510 год.

С некоторой натяжкой этот оракул можно отнести к категории «неопределённых» (2).

13. PW75 = Q126 (530 г.).

14, 15, 16. PW76-78 = Q127-129 (580 г.).

Целых четыре пророчества в обоих сводах связаны с одним и тем же событием: войной Кротона и его ахейских союзников, Сибариса и Метапонта, против Сириса и его союзника Локр Италийских в VI веке. Главным источником сведений об этой войне является Юстин (XX.2-3).

Темой первого оракула в этой серии [PW75] было очищение от скверны, которую навлекло на кротонцев убийство безоружных пленников [ср.: PW64]. Во время

штурма Сириса, когда город уже практически пал и оставшиеся в живых обороняющиеся бросились в храмы в поисках защиты у алтарей, опьянённые кровью ахейцы вырезали мечами прямо в храме Афины 50 молящих о пощаде молодых сирийцев и заодно убили жреца богини, пытавшегося остановить побоище. После окончания войны в Кротоне начались междоусобные распри, к которым добавилась эпидемия какой-то болезни, что заставило их обратиться с просьбой о помощи к Аполлону Пифийскому. Текст ответа Пифии не сохранился, но кротонцы поняли его как повеление воздвигнуть в осквернённом храме каменные статуи в честь каждого из убитых (Justin XX.2).

Второй оракул был дан кротонцам уже в следующий год, когда они вели войну против локрийцев и обратились в Дельфы с вопросом, как им победить в этой войне? Пифия дала совет «прежде победить врага клятвами, нежели оружием» («Prius votis hostes quam armis vincendos». – Justin XX.3), на что кротонцы немедленно отреагировали общей клятвой пожертвовать Аполлону десятину от военных трофеев.

Последние два оракула представляли ответы Пифии ветеранам названных войн по поводу излечения ран, полученных ими в сражениях [PW77, 78].

Г.Парк и Д.Уормелл без объяснений и комментариев поместили все четыре оракула во вторую пол. VI века, что выглядит несколько странно, поскольку в современной историографии эту единственную в истории Сириса войну, закончившуюся его гибелью и разрушением, всегда было принято датировать первой половиной VI века [см.: Bicknell, 1966, 299; Boardman, 1980, 184; Ричардсон и др., 2007, 569]. Кроме Юстина, о ней также упоминают Страбон (VI.10 261) и Павсаний (III.19.12), причём последний называет её современником поэта Стесихора Гимерского. Свидя, в свою очередь, помещает годы жизни Стесихора в промежуток между 37-й и 56-й Олимпиадами (632 г. и 556 г.). Следовательно, эта война должна была завершиться в первой пол. VI в., задолго до того, как в Дельфах случился пожар (Suidae Lex. s.v. Στησίχορος).

Первой половиной VI века датировал эту войну и Дж.Фонтенроуз, но при этом первое из четырёх пророчеств [PW 75 = Q126] он почему-то отнёс к 530 г. Отыскать объяснение этим расхождениям в хронологии автору этой работы не удалось, поэтому здесь пришлось ограничиться выводом о том, что датировка рассмотренных выше оракулов временем позже середины VI века представляется почти невероятной (1).

17. PW79 = Q124 (510 г.). В списке имеются ещё несколько оракулов, которые авторы обоих сводов объединили в один только потому, что они были связаны общей темой, которая в период 514 – 510 гг. бурно обсуждалась всеми греками и касалась скандала, связанного с обвинением Алкмеонидов в подкупе Пифии с целью побудить её как можно чаще обращаться к спартанцам с требованием свергнуть афинских тиранов (Her. V, 63). Тексты этих пророчеств не сохранились, и число их неизвестно. Алкмеониды как раз в это время строили храм и находились в постоянном контакте с храмовым персоналом, что, возможно, и послужило причиной слухов [Her. V.62; ср.: Arist. Ath. Pol. 19.4; Plut. Mor. 860d.; см. также: Владимирская, 2001. Гл. 1].

Дж.Фонтенроуз счёл эти слухи правдивыми и полагал, что Пифия могла добавлять это требование в концовку каждого пророчества, которое она изрекала спартамцам, о чём бы они у неё ни спрашивали [Fontenrose, 1978, 53]. С этим предположением можно было бы согласиться, если бы сохранился хоть один оракул, который был дан спартамцам в этот отрезок времени. Но по имеющимся сведениям, никто из них в этот период вообще не обращался к Пифии, если не считать крайне сомнительного примера со спартанским изгоем Дориеем между 515 г. и 510 г. [см. выше: PW72 = Q121]. Поэтому доверия эти слухи не вызывают (1).

18. PW80 = Q125 (510/9 г.). Ещё одно пророчество, данное Клисфену Афинскому и датированное современными исследователями немного более поздним временем: 508 – 506 гг. [см. в: Карпюк, 1986, 19], нельзя даже назвать «пророчеством» в полном смысле слова, поскольку оно представляло классический пример клеромантии, и задача Пифии сводилась здесь к тому, чтобы из ста предложенных на выбор названий для десяти новых фил Афинского государства выбрать десять (Arist.Ath.Pol.21.6; Paus.X.10.1). Такого рода процедуру можно было провести в любое время и в любом месте храма, и даже за его пределами.

Достоверность этого события никаких сомнений не вызывает (3).

19. PW81 = Q130 (после 506 г.). После того как фивяне потерпели поражение от афинян при Эврипе в 506/5 гг., они обратились в Дельфы и получили от Пифии совет «вступить в союз с соседями», что поставило вопрошавших в тупик, поскольку они и без этого совета вели эту войну в союзе с соседними Танагрой, Коронеей и Феспиями. Обсуждая эту загадку Пифии, они пришли к выводу, что, говоря о «соседях», бог имел в виду эгинетов, поскольку в древних преданиях у нимфы Фивы, дочери бога Асопа, была сестра, которую звали Эгиной. После этого они отправили в Эгину посольство с предложением военного союза (Her.V.79-80).

По стилю ответа этот оракул представляет вариант вполне обычной для Аполлона «загадки в ответе». Д.Уормелл нашёл в Геродотовом пересказе этого пророчества следы гексаметра. Ставить его достоверность под сомнение нет оснований (3).

20. PW82 = Q131 (ок.505 г.). Оракул был дан афинянам в ответ на вопрос, стоит ли начинать войну с Эгиной в отместку за её набеги на побережье Аттики? Ответ гласил, что если афиняне желают лёгкой победы, то они должны начать войну через 30 лет; если же они согласны на большие потери и трудности в этой войне, пусть начинают её сейчас (Her.V.89.2). Этот оракул также не даёт никакого повода усомниться в его достоверности (3).

21. PW85 = Q135 (ок.520 г.). Этот оракул представляет фрагмент давней хронологической головоломки. Он был некогда дан одной знатной, но очень болезненной аргивянке Телесилле и содержал совет Аполлона «посвятить себя музам», что должно было исцелить её от всех болезней (Plut. De Mul.Virt.4. 245c). В историю эта Телесилла вошла дважды: как лирический поэт и как народная героиня, поднявшая женщин Аргоса на защиту от нападения спартамцев. Павсаний видел в Аргосе её

статую, изображавшую её в обеих этих ипостасях – со свитками стихов, брошенных ею под ноги, и со шлемом в руке, который она готовится водрузить на голову (Paus. II.20.8).

Война, в ходе которой происходили эти события, не имеет однозначных хронологических привязок в источниках (Her. VI.76-82, ср.: VI.19; Arist. Pol. 1303a5-8; Polyae. I. 14; VIII. 33), поэтому в современной литературе для неё предлагались разные датировки. Большая часть авторов датирует её временем ок.495/94 г. [см., напр.: Печатнова, 2006, 34-35, прим.21 и др.]. Их оппоненты приводят аргументы в пользу более ранней даты – ок.520 г. [напр.: Суриков, 2005, 246 – 247 и др.].

Проблема здесь заключается ещё в том, что сама по себе эта война никак не датирует приведённый выше оракул, поскольку он был дан Телесилле раньше, чем она началась, и неизвестно, насколько раньше. Поэтому датировку Дж.Фонтенроуза следует признать хотя вполне возможной, но не доказанной (2).

Два следующих оракула в списке вводят в рассмотрение римские реалии эпохи царей. Сведения о них не точны и в некоторых пунктах противоречивы.

22. PW438 (190-30 гг.) = Q138 (ок.510 г.).

23. PW439 (190-30 гг.) = Q139 (ок.510 г.).

Последний царь римлян Тарквиний Гордый, вероятно незадолго до его свержения с трона, послал в Дельфы двух своих сыновей, Тита и Аррунта, а также своего племянника, Брута, по поводу эпидемии какой-то загадочной болезни, которая поражала детей и беременных женщин (по Дионисию Галикарнасскому, IV.69.2-3 и др.), или же по поводу некоего зловещего знамения в виде змеи, выползшей из деревянной колонны (по Ливию, I.56.4-10 и др.).

Ни на один из этих вопросов Пифия ответа не дала или они не сохранились [PW438]. Зато оба источника подробно сообщают о том, что высокородные посланцы также задали Аполлону ещё один вопрос от себя лично: кто из них унаследует власть после кончины их отца и дяди, на что Пифия ответила: «Тот, кто первым поцелует свою мать» [PW439]. Согласно ставшему популярным преданию, первым, кто понял скрытый смысл этого ответа, оказался будущий основатель Римской республики Луций Юний Брут, который при выходе из храма (по Ливию) или по возвращении в Италию (по Дионисию) первым поцеловал землю – общую мать всех людей.

Дж.Фонтенроуз воздержался здесь от каких-либо комментариев, но просто указал приблизительную дату самих описываемых событий, привязав их к последнему году царствования Тарквиния, и признал оба сообщения о них недостоверными. Д.Уормелл также не признал их аутентичности и отнёс к I веку, поместив в раздел «Мифические оракулы» (1).

24. PW108 = Q161 (ок.510 г.). Ещё одно пророчество было дано жителям Аполлонии Иллирийской в виде наказания за совершённый ими жестокий поступок: они приговорили к ослеплению одного из своих пастухов, который однажды проспал нападение волков, в результате чего стадо общины потеряло 60 овец. Сразу же (αὐτίκα) после исполнения приговора оставшиеся овцы перестали приносить ягнят,

а земля – плоды, что заставило аполлонитов обратиться по этому поводу за консультацией в Додоны и Дельфы. И там и там приговор был одинаковым: они должны возместить искалеченному ими пастуху ущерб той ценой, которую он установит для них сам.

Главным для нас в этой истории является не её развязка, которую можно найти у Геродота (см.: Нег. IX.92-95), а тот факт, что её рассказал сын пастуха, бывший в 479/78 гг. штатным прорицателем во флотилии спартанского царя Левтихида, что позволило Дж.Фонтенроузу приблизительно датировать время получения пророчества 510 годом.

Как можно видеть, датировка весьма неопределённая, учитывая то, что возраст сына в 479/78 гг. не известен (2).

25. PW116 = Q165 (550 – 500 гг.). Этот оракул был дан жителям Метапонта, ахейской колонии в Италии, и имел отношение к биографии Аристея Проконнеского, пожалуй, самой мифической личности в античной истории. Наиболее полные сведения о нём были собраны Геродотом (Нег. IV.13-15). Согласно его данным, Аристей родился и жил в VIII веке в Проконнесе и там же умер, но тело его исчезло, а через семь лет он вновь появился в родном городе, написал там эпическую поэму «Аримаспея» и снова исчез, чтобы ещё раз объявиться через 240 лет уже на другом конце Средиземного моря, в Метапонте, только для того, чтобы заявить метапонтийцам, что он является слугой и посланцем бога Аполлона, и повелеть им воздвигнуть в честь бога новый алтарь, а подле алтаря – статую самому Аристею. После этого он исчез в третий раз и больше уже не появлялся никогда. Дату его последнего явления в Метопонте Геродот не сообщил, но поведал о том, что метапонтийцы отправили по этому поводу посольство в Дельфы и получили оттуда распоряжение Аполлона выполнить всё, что потребовал от них призрак.

Г.Парк оценил время последнего из этих событий в пределах «столетия или менее от времени жизни самого Геродота» [PW (1), 352]. Таким образом, нижнюю границу времени изречения пророчества он установил в пределах отрезка 550 – 530 гг., а верхнюю поместил, очевидно, в период 479 – 431 гг., поскольку в своде PW оно находится именно в этом разделе, а никаких других комментариев по этому поводу им приведено не было.

Дж.Фонтенроуз также отнёс это событие ко второй пол. VI в. и пометил как недоуверенное, но комментариев к датировке не сделал.

Единственным вещественным доказательством существования Аристея по сей день остаётся его поэма, которая сохранилась в нескольких отрывках и датировки которой колеблются в пределах VII – VI вв. Наиболее близкую к рассматриваемому здесь периоду дату написания поэмы предложил и обосновал методами сравнительной лингвистики А.И.Иванчик, который отнёс её к концу VI – первой четв. V в. [Иванчик, 1989, 37, 41, 48]. Однако для датировки самого пророчества эта дата также не даёт ровным счётом ничего.

В сущности, рассмотренный случай не содержит ни одной точки опоры для его да-

тировки, поэтому здесь для него выбрана самая низкая из трёх оценок достоверности(1).

26. Q204=PW254 (с.520 г.). Павсаний (IX.14.3) вспоминает ещё один старый оракул, якобы данный некогда фессалийцам во время одной из их многочисленных войн с беотийцами (см. также: Xen.Hell.VI.4-7; Diod.XV.54.1-2; Plut.Pelop.XX.7; XXI.1, etc). Пророчество было написано хорошим гекзаметром в прекрасно выдержанном стиле дельфийских пророчеств последней четверти или конца VI века, но проведённая авторами обоих сводов проверка показала, что оно, вероятнее всего, было *vaticinium post eventum*, составленным кем-то из хреспологов вскоре после битвы при Левктрах в 371 г. [PW (2) 103; Fontenrose 1978, 148] (1)

Никаких других дельфийских пророчеств, датируемых второй пол.VI в., в настоящее время не известно.

Таким образом, из приведённых выше 26 пророчеств бесспорно достоверными могут считаться только 5 [PW65, 66, 80, 81, 82]. Все их датировки полностью укладываются в последнюю четверть VI века (ок.520, 520, 508, 506, 505 гг.)

Сравнение оракулов этой группы между собой (главным образом, PW80 и PW81, 82) позволяет предположить, что датой окончания постройки нового храма мог быть 506/505 год.

Ещё 7 оракулов отнесены к разряду имеющих «неопределённую достоверность» [PW64, 67, 68, 73, 74, 85, 108]. Их датировки также почти не выходят за рамки последней четверти VI века (ок. 535 – 30, 525, 510, 510, 515 – 10, 520, 510 гг.)

Обращает на себя внимание очень малое число пророчеств, хотя бы предположительно датируемых третьей четвертью VI века, – их всего три [PW63, 64, 70]. Но даже при этом два из трёх этих пророчеств оказываются на поверку недостоверными, и только одно может быть названо просто «неопределённым» [PW64; 535 – 30гг.] Поэтому ранее высказанное автором этой работы предположение о постепенном восстановлении функций Дельфийского оракула после пожара следует признать ошибочным. Более того, это наблюдение заставляет сделать вывод, что в 548/47 годах Дельфийский оракул прекратил свою деятельность полностью и не функционировал вплоть до рубежа 3-й и 4-й четвертей VI века. Его деятельность возобновилась лишь в начале последней четверти VI в., но и тогда его активность была ещё очень слабой (всего 3 оракула с треножника почти за 15 лет). Полностью она была восстановлена лишь после постройки нового (пятого) храма ок.506/505 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белох Ю. Греческая история. Т.2 (пер с нем.: Гершензона М.О.) 3-е изд. / Под ред. Ю.И.Семенова. Т.2: Кончая Аристотелем и завоеванием Азии. М.: ГПИИБ, 2009. 473 с.
- Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 640 с.
- Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: «Коло», 2005. 671 с.
- Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. IX. С.36 – 46.

- Владимирская О.Ю. Алкмеониды и Филаиды афинские. М., 2001 [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall486758265_1103 (дата обращения: 22.05.2022).
- Ганина Яма. Открыли Державный храм, восстановленный после пожара [Электронный ресурс] // <https://www.vesti.ru/article/1716918> (дата обращения: 26.10.2015).
- Гиро П. Частная и общественная жизнь греков (пер.: Лихарева Н.И.) Пг.: Издание т-ва О.Н.Поповой, 1915. 109 с.
- Глускина Л.М. Из новой литературы о Дельфах // ВДИ. 1961. 4. С.153 – 162.
- Гортина. Завершились раскопки 2016 г. в древнем городе Гортина. [Электронный ресурс] URL: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=698> (дата обращения: 07.02.2022).
- Грехэм А.Дж. Западные греки // Кембриджская история Древнего мира. Т.3.ИИ. / под ред.: Бордмэн Дж., Хэммонд Н.Дж.Л. М.: НИЦ «Ладомир», 2007. С.196 – 233.
- Долгоруков В.С. Градостроительный план Фурий // История и культура античного мира (под ред.: Кобылина М.М.) М.: Наука, 1977. С.48 – 53.
- Заварицкий Д.А. Храм Св.Ап.Петра и Павла при РГПУ им.А.И.Герцена [Электронный ресурс] // Сборник материалов. СПб.: РГПИ им.А.И.Герцена, 2006. URL: <http://hram-rgpu.ru/history/125-main> (дата обращения: 07.07.2022).
- Иванчик А.И. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. 2. С.29 – 49.
- Карпюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. 1. С.17 – 35.
- Кастри, Фокида [Электронный ресурс] (2022) // https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Kastri,_Phocis#cite_note-3 (дата обращения: 27.10.2022).
- Колесников М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). Киев: Изд-во «Союз», 2003. 157 с.
- Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о.Родос в IX – VII вв.до н.э.) Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 339 с.
- Кошман Р. Температура плавления золота: при какой температуре в градусах Цельсия плавится и кипит золото 585 и 999 пробы [Электронный ресурс] // Экспертный журнал DRAGOMET. com. 2022 // <https://dragomet.com/zoloto/temperatura-plavleniya-zolota-vliyaniye-proby-585-ili-999-i-ligatur-vazhnyj-protsess-ochistki-zolota-pered-plavleniem-i-plavka-metalla-v-domashnih-usloviyah/> (дата обращения: 27.12.2022).
- Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.) СПб.: «Гуманитарная Академия», 2001. 432 с.
- Кулишова О.В. Пилейско-Дельфийская амфикистия в «Истории» Геродота // Мнемон. 2005. 4. С.105 – 114.
- Кулишова О.В. Дельфийский омфал: представления о географическом и сакральном центре у древних греков // ВДИ. 2006. 4. С.140 – 153.
- Лаврентьева Е.С. Восстановление храма Гроба Господня после пожара 1808 г. : реставрация Н.Калфаса Комниноса // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-hrama-groba-gospodnya-posle-pozhara-1808-g-restavratsiya-n-kalfasa-komninos> (дата обращения: 02.02.2022).
- Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч.2. (изд.2-е). СПб.: Тип. В.Безобразова, 1899. 327 с.
- Люперольский П.И. Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в Древней Греции. СПб.: Тип. В.Безобразова, 1869. 162 с.
- Макаров И.А. Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII – VI вв. до н.э. // ВДИ. 1995. 4. С.117 – 131.
- Максимова М.И. Строительная техника // Эллинистическая техника / под ред.: Толстой И.И. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С.57 – 194.
- Михаловский К. Дельфы. Варшава: Изд. «Аркады», 1977. 24 с., ил.
- Нотр-Дам, 2021.09.18. Работы по укреплению конструкции собора Нотр-Дам завершены. [Электронный ресурс] // Экономика и бизнес – ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/12440477> (дата обращения: 18.12.2021).

- Нотр-Дам*, 2023.01.19. Пожар в Соборе Нотр-Дам, 2019. [Электронный ресурс] // https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожар_в_соборе_Парижской_Богоматери (дата обращения: 18.12.2021).
- Оруджев Р.А., Джафарова Р.Э.* Особенности токсического действия углеводородов нефти на организм человека // Вестник Воронежского государственного медицинского университета. 16 (4). С.8-15 [Электронный ресурс] https://vestnik.vsmu.by/downloads/2017/4/2017_16_4_8-15.pdf (дата обращения: 16.11.2022).
- Осколье.* История Казанско-Николаевского храма – Православное Осколье [Электронный ресурс] // <https://pravosk.ru/istorija/razrushennye-hramy/istorija-kazansko-nikolaevskogo-hram/> (дата обращения: 05.02.2022).
- Печатнова Л.Г.* Противостояние Клеомена и Демарата // ВДИ. 2006. 4. С.29 – 49.
- Поляковы Е.Н. и О.П.* Святилище Аполлона в Дельфах. Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. №4. 9–36.
- Пример для Нотр-Дамы:* мировые памятники архитектуры, которые восстановили после разрушений и пожаров [Электронный ресурс] // <https://rtvi.com/stories/primer-dlya-notr-dama/> (дата обращения: 16.04.2019).
- Приходько Е.В.* Двойное сокровище. М.: «Прогресс - Традиция», 1999. 592 с.
- Приходько Е.В.* Расщелина в Дельфах: правда и вымысел // Труды каф. древних языков ист. факультета МГУ / под ред.: Чичуров И.С. Вып.15. Сер.3. СПб: «Алетей», 2000. С.33 – 45.
- Проскинитарии* [Электронный ресурс] // <https://3pulse.com/ru/journal/post/v-grecii-est-vse-dazhe-etoproskinitari> (дата обращения: 12.12.2017).
- Ричардсон Н.Дж. и др.* Хронологическая таблица // Кембриджская история Древнего мира. Т.3(3) / под ред.: Бордмэн Дж., Хэммонд Н.Дж.Л. М.: НИЦ «Ладомир», 2007. С.564 – 571.
- Селиванова Л.Л.* О дельфийской мантике // Античность Европы. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 1992. С.67 – 78.
- Смирнова В.М., Борисов А.В., Борисова Г.Н., Ивашкин Е.Г.* Токсикология: промышленные и экологические аспекты. Нижний Новгород: Тип. НГТУ, 2019. 239 с.
- Соколов Г.И.* Дельфы. М: Искусство, 1972. 192 с.
- Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005. 383 с.
- Суриков И.Е.* Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История. Мир прошлого в современном освещении / под ред.: Фролов Э.Д. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008. С.67 – 82.
- Температуры пожара.* Температура возгорания дерева. Таблица [Электронный ресурс] // <https://orozhare.ru/faq/temperatura-vozzgoraniya-drevesiny> (дата обращения: 02.12.2022).
- Филипсон А.* Средиземье. Его географическая и культурная характеристика М.: Тип. Тов-ва И.Н.Кушнерев, 1911. 270 с. [Электронный ресурс] // Библиотека Русского географического общества // <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/227875> (дата обращения: 02.12.2022).
- Хаматов Р.Р., Ситор Р.С., Иванов Ю.П.* Повреждения строительных конструкций при пожарах // Инновационная наука. 2015. №10. С.123 – 136 [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/povrezhdeniya-stroitelnyh-konstruktsiy-pri-pozharah> (дата обращения: 09.12.2021).
- Хронология пожаров* в христианских храмах – Биографии и справки – ТАСС [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/info/8998171> (дата обращения: 18.07.2020).
- Худяков Ю.С.* Сведения о крупных землетрясениях и цунами, происходивших в древности и на рубеже Средневековья в Восточном Средиземноморье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т.8. 2009. Вып.3. С.174 – 179.
- Эндрюс А.* Тирания Писистрата // Кембриджская история Древнего мира. Т.III.3. Расширение греческого мира. VIII – VI века до н. э. / под ред.: Бордмэн Дж., Хэммонд Н.Дж.Л. М.: НИЦ «Ладомир», 2007. С.473 – 506.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. М.: Наука, 1982. 312 с.
- Amandry P.* Convention religieuse conclue entre Delphes et Skiathos. *Bulletin de correspondance hellenique*, 1939, 63, pp.183 – 219.

- Amandry P. *La mantique Apollinienne a Delphes: Essai sur le fonctionnement de l'Oracle*. Paris, 1950 (not available; see: Fontenrose, 1952, pp.445-48; Gluskina, 1961. P.160-62; Prikhodko, 1999, pp.89 – 90, 185 – 186).
- Amandry P. Notes de topographie et d'architecture delphiques. V. *Le temple d'Apollon*. *Bulletin de correspondance hellenique*. 1969. 93 (1) 1969, pp.1 – 38.
- Amandry P., Hansen E. Le temple d'Apollon du IV e siècle. *Fouilles de Delphes II: Topographie et architecture* 14, 2010, vol.2. Paris; Athenes; Rome. Available at: https://www.researchgate.net/publication/314427824_Amandry_P_and_Hansen_E_Le_Temple_d'Apollon_du_IVe_siecle_Fouilles_de_Delphes_II_Topographie_et_Architecture_14_Paris_De_Boccard_2010_Vol_I_text_pp_512_vol_II_figures_vol_III_plans_200_9782869582057 (accessed: 29.09.2022).
- Andronicos M. *Delphi*. Athene, 1978.
- Bicknell P. The Date of the Battle of the Sagra River. *Phoenix*, 1966, 20 (4): pp.294 – 301. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.38a15a6b-638876da-ef24823c-74722d776562/https/www.jstor.org/stable/1087054?origin=crossref. (accessed: 01.12.2022).
- Bousquet J. Observations sur l' «Omphalos archaïque» de Delphes. *Bulletin de correspondance hellenique*. 1951, LXXV, pp.210 – 223 Available at: <https://ancientworldonline.blogspot.com/2012/02/open-access-journal-bulletin-de.html> (accessed: 26.10.2022).
- Cook A.B. *Zeus: a Study in Ancient Religion. Vol.II: Zeus, God of the Dark Sky (Thunder and Lightning). Part II. Appendixes and Index*. Cambridge, UP, 1925. Available at: <https://archive.org/details/p2zeusstudyinanc02cookuoft/page/860/mode/2up> (accessed: 13.11.2022).
- Courby F. *Fouilles de Delphes. II. Topographie et Architecture*. Paris; Athene, Rome, Edition de Boccard, 1927, 331 p.
- De Boer J.Z. The Oracle at Delphi: The Pythia and the Pneuma, Intoxicating Gas Finds, and Hypotheses . Wexler P. (ed.) *Toxicology in Antiquity*. L. etc, Academic Press, 2019, pp.141 – 149. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285406944_Entheogens_in_Ancient_Times (accessed: 14.11.2022).
- De Boer J.Z., Hale J.R. The Geological Origins of the Oracle at Delphi, Greece McGuire W.J., Griffiths D.R, Hancock P.J., Stewart I.S. (eds). *The Archaeology of Geological Catastrophes. The Geological Society*. Special Publication Number 171. The Geological Society of London (UK), 2000, pp.1 – 15.
- De Boer J.Z., Hale J.R. Chanton J. New evidence for the geological origins of the ancient Delphic oracle (Greece) // *Geology*. 2001, august, pp.707-10 (http://academic.brooklyn.cuny.edu/geology/powell/courses/cc3_32/de%20Boer%20et%20al%202001%20-%20Delphic%20Oracle.pdf) (accessed: 29.09.22).
- De Boer Z.J., Hale J.R. The Oracle of Delphi – Was She Really Stoned? *Archaeology Odyssey*. July 17, 2002 Available at: <https://www.biblicalarchaeology.org/daily/ancient-cultures/daily-life-and-practice/the-oracle-of-delphi-was-she-really-stoned/>. (accessed: 06.11.22).
- Ecole française d'Athenes Available at: https://de.zxc.wiki/wiki/Ecole_francaise_d'Athenes (accessed: 09.11.2022).
- Etiopé G., Papatheodorou G., Christodoulou D., Geraga M., Favali P. The geological links of the ancient Delphic Oracle (Greece): A reappraisal of natural gas occurrence and origin. *Geology*. 2006. 34. P.821 – 824 Available at: https://www.academia.edu/64468432/The_geological_links_of_the_ancient_Delphic_Oracle_Greece_A_reappraisal_of_natural_gas_occurrence_and_origin (accessed: 09.10.2022).
- Farnell L.R. *The Cults of the Greek States*. Vol.IV. Oxford, Clarendon Press, 1907.
- Flaceliere R. Le fonctionnement de l'Oracle de Delphes au temps de Plutarque: Etudes d'archeologie grecque. *Annales de l'Ecole des Hautes Etudes de Gand*. 1938. II. P.69-107 (not available; see: Selivanova, 1992, pp.74-75; Prikhodko, 1999, pp.172 – 173).
- Fontenrose J.E. Rev. of Amandry P., 1950. *American journal of philology*, 1952, 73, pp.445 – 448.
- Fontenrose J.E. *The Delphic Oracle: Its Responses and Operations*. Berkeley; Los Angeles; London, California UP, 1978. Available at: <https://books.google.ca/books?id=m4D5Z-Vyb3cC&pg=PA204&dq=pythi>

- a&hl=en&sa=X&ei=7dSNVfeuBobgoATGiqioDg#v=onepage&q&f=false (accessed: 06.02.2022).
- Fouilles de Delphes III. Epigraphie*. 1-6. Available at: <https://inscriptions.packhum.org/book/452?location=1698> (accessed: 01.11.2022).
- Green P. Possession and Pneuma: The Essential Nature of the Delphic Oracle. *Arion*. 2009, 17, 2, pp.27 – 47.
- Hale J.R., De Boer J.Z., Chanton J.P., Spiller H.A. Questioning the Delphic Oracle. *Scientific American*, 2003, 289 (2). pp.66 – 73.
- Harris H. A Bittersweet Story: The True Nature of the Laurel of the Oracle of Delphi. *Perspectives in the Biology and Medicine*, 2014, vol.57, 3, pp.351-360. Available at: https://www.academia.edu/7004301/A_bittersweet_story_the_true_nature_of_the_laurel_of_the_Oracle_of_Delphi (accessed: 29.09.2022).
- Heineman K.M. The chasm at Delphi: a modern perspective. American School of Classical Studies, 2010, 31. Available at: https://www.academia.edu/284281/The_Chasm_at_Delphi_A_Modern_Perspective (accessed: 09.10.2022).
- Higgins M.D., Higgins R.A. *Geological Companion to Greece and the Aegean*. Cornell (UP), 1996. Available at: https://www.researchgate.net/publication/257233658_A_Geological_Companion_to_Greece_and_the_Aegean (accessed: 06.11.2022).
- Holland L.B. The mantic mechanism at Delphi. *American Journal of Archaeology*. 1933. XXXVII. P. 201 – 214.
- Homolle T. Le temple des Alcmeonides. *Bulletin de correspondance hellenique*. 1896, 20, pp. 641 – 654.
- Homolle T. Topographie de Delphes. *Bulletin de correspondance hellenique*, 1897, 21, pp.256 – 420.
- Homolle T. Monuments figures de Delphes. Les frontons du temple d'Apollon. *Bulletin de correspondance hellenique*. XXVI. 1902. P.587 – 639.
- How W.W., Wells J. (I) *A Commentary on Herodotus. Vol.1*. Oxford, Clarendon Press, 1912, 423 p.
- Lewis R. *The Role of the Pythia at Delphi: Ancient and Modern Perspectives*. Pretoria, South Africa UP, 2014. 173 p.
- Littleton C. S. The Pneuma Enthusiastikon: On the Possibility of Hallucinogenic «Vapors» at Delphi and Dodona. *Ethos*. 1986, 14(1), pp.76-91. Available at: <https://archive.org/details/littleton-1986-pneuma> (accessed: 06.11.2022).
- Malkin I. Religion and colonization in ancient Greece. Versnel H.S with van Straten F.T. (eds). *Studies in Greek and Roman religion*. Vol.3. Leiden etc, E.J.Brill, 1987.
- Maurizio L. Anthropology and spirit possession: a reconsideration of the Pythia's role at Delphi. *Journal of Hellenic Studies*. 1995. 115, pp.69 – 86.
- Maurizio L. A Reconsideration of the Pythia's Use of Lots: Constraints and Chance in Delphic Divination. G.Lindsay, L.G.Driediger-Murphy, E.Eidinow (eds). *Ancient Divination and Experience*. Oxford, UP, 2019, pp.111–133.
- Morgan C., Whitelaw T. Pots and Politics: Ceramic Evidence for the Rise of the Argive State. *American Journal of Archaeology*, 1991, 1, pp.79 – 108.
- Oppe A.P. The Chasm at Delphi. *Journal of Hellenic Studies*, 1904, 24, pp.214-40 Available at: <https://pdfslide.net/documents/the-chasm-at-delphi.html?page=1> (accessed: 09.10.2022).
- Parke H.W. The Days for Consulting the Delphic Oracle. *Classical Quarterly*. 37. 1943, pp.19 – 24.
- Parke H.W., Wormell D.E.W. *The Delphic Oracle. Vol.I. The History. Vol. II: The Oracular Responses*. Oxford, Alden Press, 1956. Available at: <https://archive.org/details/delphicoracle0001park> (accessed: 05.10.2021).
- Parker R. Greek States and Greek oracles. *History of Political Thought*. 1985. Summer. 6. 1/2. P.298 – 326.
- Philipsson A. Delphoi. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (Pauly-Wissowa)*. 1901. Bd. IV. 2. S.2518 – 2522.
- Piccardi L. Active faulting at Delphi, Greece: Seismotectonic remarks and a hypothesis for the geological environment of a myth. *Geology*, 28, pp.651 – 654.
- Piccardi L., Monti C., Vaselli O., Tassi F., Gaki-Papanastassiou K., Papanastassiou D. Scent of a myth: tectonics, geochemistry and geomorphology at Delphi (Greece). *Journal of the Geological Society*. 2008, vol.165, pp.5-18. Available at: https://www.researchgate.net/publication/232089076_Scent_of_a

- myth_Tectonics_geochemistry_and_geomythology_at_Delphi_Greece (accessed: 29.09.2022).
- Poulsen F. *Delphi*. London, Guldendal Press, 1920. Available at: <https://archive.org/details/delphidelphi00pouluoft> (accessed: 13.11.2022).
- Robbins F.E. The Lot Oracle at Delphi. *Classical Philology*. 1916. 2. P.278-292. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdf/10.1086/358831>(accessed: 29.09.2022).
- Rougemont G. L'oracle de Delphes. *Kernos*. 26. 2013. P.45-58 Available at: doi.org/10.4000/kernos.2198 (accessed: 25.10.2022).
- Sacrificial tripod*, 1922. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Sacrificial_tripod (accessed: 24.11.2022).
- Sokolowski F. Sur un passage de la convention Delphes-Skiathos. *Revue Archeologique*, 1949, 31/32, pp.981 – 984. Available at: <https://www.jstor.org/stable/41028767> (accessed: 22.12.2021).
- Spiller H.A., Hale J.R., De Boer J.Z. The Delphic Oracle: A Multidisciplinary Defense of the Gaseous Vent Theory. *Clinical Toxicology*, 2002, 40(2), pp.189 – 196. Available at: https://www.researchgate.net/publication/11253586_The_Delphic_Oracle_A_Multidisciplinary_Defense_of_the_Gaseous_Vent_Theory (accessed: 14.11.2022).
- Thonemann, P. Croesus and the Oracles. *Journal of Hellenic Studies*, 2016, 136, pp.152 – 167.
- Ustinova Y. Cave Experiences and Ancient Greek Oracles. *Time and Mind: The Journal of Archaeology, Consciousness and Culture*, 2009, vol.2(3), pp.265 – 266).

REFERENCES

- Beloch, Ju. *Grecheskaya Istoriya*. T.2. Moscow, State Public Historical Library of Russia, 2009, 473 p.
- Berve H. *Tirany Gretsii*. Rostov-na-Donu, Fenix, 1997.
- Buzeskul V.P. *Vvedenie v istoriyu Gretsii. Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoy istorii v XIX i v nachale XX v*. St. Petersburg, Kolo 2005 (1903).
- Khronologiya pozharov, 2020*: Khronologiya pozharov v khristianskikh khramakh – Biografi I spravki – TASS (<https://tass.ru/info/8998171> 18.97.2020).
- Ganina Yama. Otkryli Derzhavny khram, vosstanovlenno posle pozhara. Available at: <https://www.vesti.ru/article/1716918> (accessed: 26.10.2015).
- Giro P. *Chastnaya i obshchestvennaya zhizn grekov* (per.: Likhareva N.I.) Petrograd, Izd. O.N.Popova, 1915
- Gluskina L.M. Iz novoy literatury o Delfakh. *Vestnik drevney istorii*. 4, pp.153 – 162.
- Ivanchik A.I. O datirovke poemy “Arimaspea” Aristeya Prokonnesskogo. *Vestnik drevney istorii*, 1989, 2, pp.29 – 49.
- Karpyuk S.G. Klisfenovskiy reformy I ikh rol v socialno-policheskoy borbe v poxdnearkhaicheskikh Afinakh. *Vestnik drevney istorii*, 1986, 1, pp.153 – 162.
- Khamatov R.R., Sitor R.S., Ivanov Yu.P. Povrezhdnniya stroitelnykh konstruksiy pri pozharah. *Innovatsionnaya tekhnika*, 2015, 10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/povrezhdeniya-stroitelnyh-konstruksiy-pri-pozharah> (accessed: 09.12.2021).
- Khudyakov Yu.S. Svedeniya o krupnykh zemletryasenyakh i tsunami, proiskhodivshikh v drevnodti I ba rubezhe srednevekovya v Vostochnom Sredizemnomore. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*. 2009, v.8. 3, pp.174 – 179.
- Kolesnikov M.A. *Grecheskaya kolonizatsiya Sredizemnomorya (opyt analiza migratsionnogo mekhanizma)*. Kiev, Izd. “Soiuz”, 2003, 157 p.
- Kolobova K.M. *Iz istorii rannegrecheskogo obshchestva (o.Rodos IX-VII vv.do n.e.)* Leningrad, 1951, Izd. Leningradskogo Universiteta, 229 p.
- Koshman R. Temperatura plavlenniya zolota. *Expertnyy Zhurnal DRAGOMET.com*, 2022. Available at: <https://dragomet.com/zoloto/temperatura-plavlenniya-zolota-vliyaniye-proby-585-ili-999-i-ligatur-vazhnyj-protsess-ochistki-zolota-pered-plavlenniem-i-plavka-metalla-v-domashnih-usloviyah/> (accessed: 27.12.2022).
- Kulishova O.V. *Delfyyskiy orakul v sisreme antichnykh mezghosudarstvennykh otnosheniy (VII-V vv.do n.e.)* St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademia, 2001, 432 p.
- Kulishova O.V. Pileysko-Delphiyskaya amfctioniya v “Istoriyi” Gerodota. *Mnemon*, 2005, 4, pp.105 – 114.

- Kulishova O.V.* Delfijskiy Omfal: predstavleniya o geograficheskom sakralnom tsentre u drevnikh grekov. *Vestnik drevney istorii*, 2006, 4, pp.140 – 153.
- Latyshev V.V.* *Ocherk grecheskikh drevnoctey*. St. Petersburg, Tip. Bezobrazova, 1899.
- Lavrentieva E.S.* Vosstanovleniye khrama Groba Gospodnya posle pozhara 1808: Restsvratsiya N.Kalfasa Komninos. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2018, ser.5: Voprosy Istorii i Teorii Khristianskogo Iskusstva, 2018. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-hrama-groba-gospodnya-posle-pozhara-1808-g-restavratsiya-n-kalfasa-komninos> (accessed: 02.02.2022).
- Makarov I.A.* Tyraniya i Delfi v ramkakh politicheskoy istorii Gretsii vtoroy poloviny VII-VI v. do n.e. *Vestnik drevney istorii*, 1995, 4, pp.117 – 131.
- Maksimova M.I.* Stroitel'naya tekhnika. *Ellinisticheskaya tekhnika*. Moskva; Leningrad, 1948, pp.57 – 194.
- Mikhailovsky K.* *Delfi*. Warshava, Arkady, 1977, 24 p., il.
- Notr-Dam*, 2021. Raboty po ukrepleniyu konstruktivnoy sobora Notr-Dam zaversheny. *Ekonomika i biznes*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/12440477> (accessed: 18.09.21).
- Notr-Dam*, 2023. Pozhar v Sobore Notr-Dam. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожар_в_соборе_Парижской_Богоматери 2019 (accessed: 18.09.2021).
- Orudzhiev R.A., Dzhafarova R.E.* Osobennosti toksicheskogo deystviya uglevodorodov nefiti na orfabizim cheloveka. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2017, 16 (4), pp.8-15. Available at: https://vestnik.vsmu.by/downloads/2017/4/2017_16_4_8-15.pdf (accessed: 16.11.2022).
- Oskolje*. Istoriya Kazansko-Nikolaevskogo khrama – Pravoslavnoe Oskolje. Available at: <https://pravosk.ru/istoriya/razrushennyye-hramy/istoriya-kazansko-nikolaevskogo-hram/> (accessed: 05.02.2022).
- Pechatnova L.G.* Protivostoyaniye Kleomena i Demarata. *Vestnik drevney istorii*, 2006, 4, pp.29 – 49.
- Philippson A.* Sredizem'e. Ego geograficheskaya i kulturenaya kharakteristika. Moscow, Tov. I.N.Kushnerev, 1911. Available at: <https://elibrary.ru/handle/123456789/227875> (accessed: 02.12.2022).
- Polyakov E.N. & O.P.* Svyatilische Apollona v Delfakh. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2013, 4, pp.9 – 36.
- Prikhodko E.V.* *Dvoynoe sokrovishche*. Moscow, Progress-Traditsiya, 1999, 592 p.
- Prikhodko E.V.* Rasschelina v Delfakh. *Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakulteta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2000, Vyp.15, ser.3, pp.33 – 45.
- Primer dlya Notr-Dam*. Available at: <https://rtvi.com/stories/primer-dlya-notr-dama/> (accessed: 16.04.2019)
- Proskinitarii* 2010 Available at: <https://3pulse.com/ru/journal/post/v-grecii-est-vse-dazhe-eto-proskinitari> (accessed: 12.12.2017).
- Richardson N.J. et al.* Khronologicheskaya tablitsa. Bordman J., Hammond N.J.L. (eds). *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira. T.3 (3)*. Moskva, Lodomir, 2007, pp.564 – 571.
- Selivanova L.L.* O delfijskoy mantike. *Antichnost Evropy*. Perm, PGNIU, 1992, pp.67-78.
- Smirnova V.M., Borisov, A.V., Borisova G.N., Ivashkin E.G.* *Toksikologiya: promyshlennyye i ekologicheskiye aspekty*. Nizhniy Novgorod, NGTU, 2019, 239 p.
- Sokolov G.I.* *Delfi*. Moscow, Iskusstvo, 1972, 192 p.
- Surikov I. E.* *Antichnaya Gretsia: Politiki v kontekste epokhi: ahkhaika I rannyya klassika*. Moskva, Nauka, 2005, 383 p.
- Temperatury pozhara*, 2020. Available at: <https://opozhare.ru/faq/temperatura-vozhgoraniya-drevesiny> (accessed: 02.12.2022).
- Vinogradov Ju.G., Zolotaryev, M.I.* God rozhdeniya Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskiy Sbornik*, 1998, IX, pp.36 – 46.
- Vladimirskaia O.Yu.* *Alkmeonidy i Filaidy Afinskie*. Moskva, 2001. Available at: https://vk.com/wall486758265_1103 (accessed: 22.05.2022).
- Yaylenko V.P.* *Grecheskaya Kolonizatsiya VII-III vv.do n.e.* Moskva, Nauka, 1982, 312 p.
- Zavaritskiy D.A.* Khram Sv.Ap.Petra I Pavla pri RGPU im.A.I.Gertsena, 2006. Available at: <http://hram-rgpu.ru/history/125-main> (accessed: 07.07.2022).

Резюме

Приведены доказательства полного разрушения храма Аполлона Пифийского в результате пожара 548/47 гг. Показано сравнительное распределение частоты обращений к Дельфийскому оракулу в разные годы в период VII – V вв. и сделана оценка достоверности каждого из оракулов, датируемых второй половиной VI века. Выявлено два ранее не замеченных периода в истории храма: 1) ок.548/47 – 525 гг. – время полного прекращения деятельности оракула, и 2) ок.525 – 506/505 гг. – время медленного восстановления его активности до прежнего уровня. Дан краткий очерк истории археологических и геологических исследований на территории храма Аполлона. Рассмотрены все имеющиеся на сегодняшний день доказательства того, что храмовые постройки находились в точке выхода на поверхность летучих углеводородов через микротрещины в скальном основании храма. Приведены заключения геологов о предполагаемой частоте и интенсивности этих выбросов в прошлом, а также выводы токсикологов о возможном характере воздействия этих газов на нервную систему Пифии и храмового персонала.

Ключевые слова: оракул, пророчество, адитон, Пифия, омфал, расщелина, испарения, жребий, геология, разлом

Summary

The evidence of the complete destruction of the temple of Apollo the Pythian as a result of the fire of 548/47 BC is given. The comparative distribution of the frequency of appeals to the Oracle of Delphi in different years during the VII – V centuries is shown, and the genuineness of each of the oracles dating from the second half of the VI century was evaluated.

Two previously unnoticed periods in the history of the temple have been revealed: 1) ca.548/47 – 525 – the time of the complete cessation of the oracle's activity, and 2) ca.525 – 506/505 – the time of the slow restoration of its activity to the previous level.

A brief outline of the history of archaeological and geological research on the territory of the temple of Apollo is given. All the evidence available to date that the temple buildings were located at the point of release of volatile hydrocarbons to the surface through fissures in the rock base of the temple is considered. The conclusions of geologists about the estimated frequency and intensity of these emissions in the past, as well as the conclusions of toxicologists about the possible nature of the effects of these gases on the nervous system of the Pythia and the temple staff are given.

Key words: oracle, prophecy, aditon, Pythia, omphalos, chasm, vapor, lot, geology, fault.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Михаил Анатольевич,
независимый исследователь,
Россия, Карачаево-Черкесская Республика,
Урупский р-н, пгт Медногорский,
ул. Парковая, 2, кв.11,
+7 960 439 44 83;
makkolesnikow@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolesnikov Mikhail Anatolyevich,
independent researcher,
Russia, Karachay-Cherkess Republic,
Urup district, Mednogorsky village,
Parkovaya St., 2, apt.11.
+7 960 439 44 83;
makkolesnikow@yandex.ru

Рис.1. Омфал из раскопок храма Аполлона Ф.Курби в 1913 г.

Рис.2. Плита для установки омфала и треножника Пифии [по: Courby, 1927; Holland, 1933].

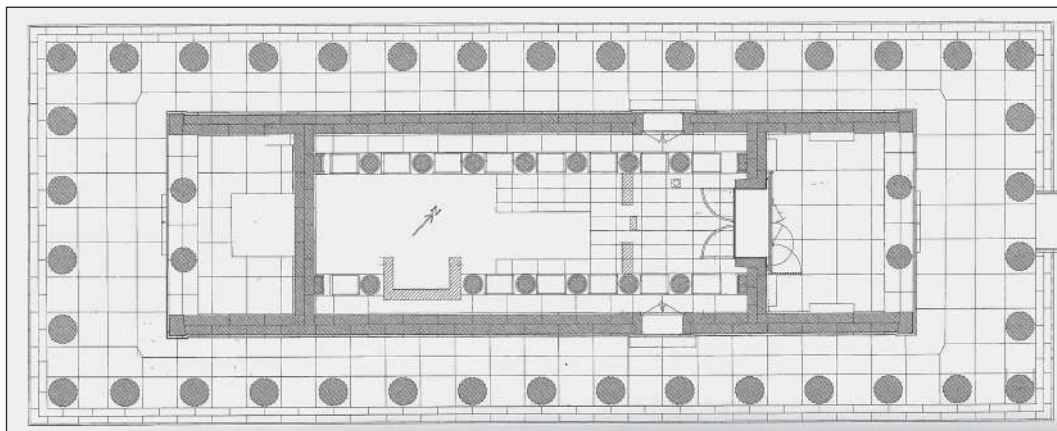

Рис.3. Храм Аполлона в Дельфах (Реконструкция: Е.Hansen, 2010).

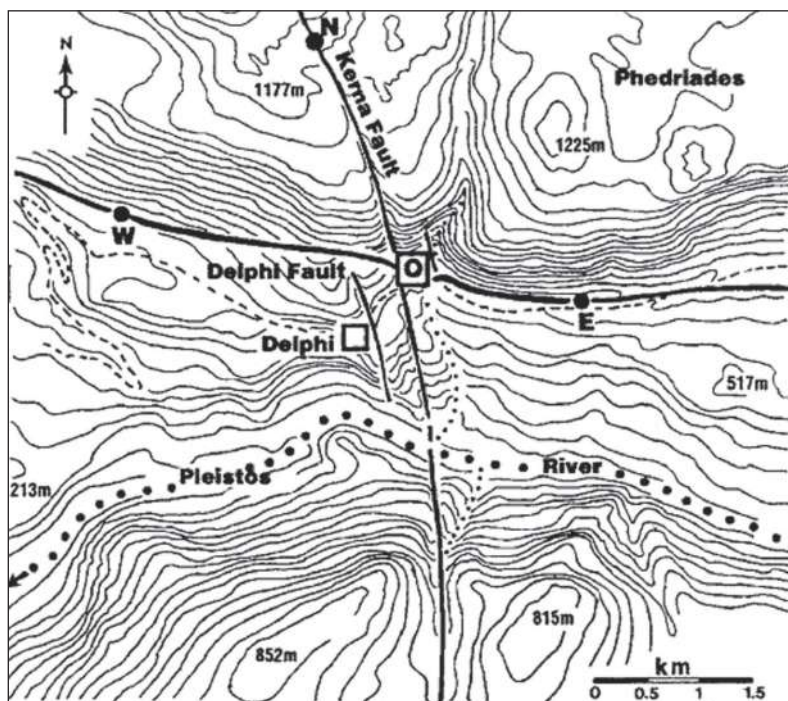

Рис.4. Карта геологических разломов в районе Дельф [по: De Voer, Hale, Chanton, 2001].

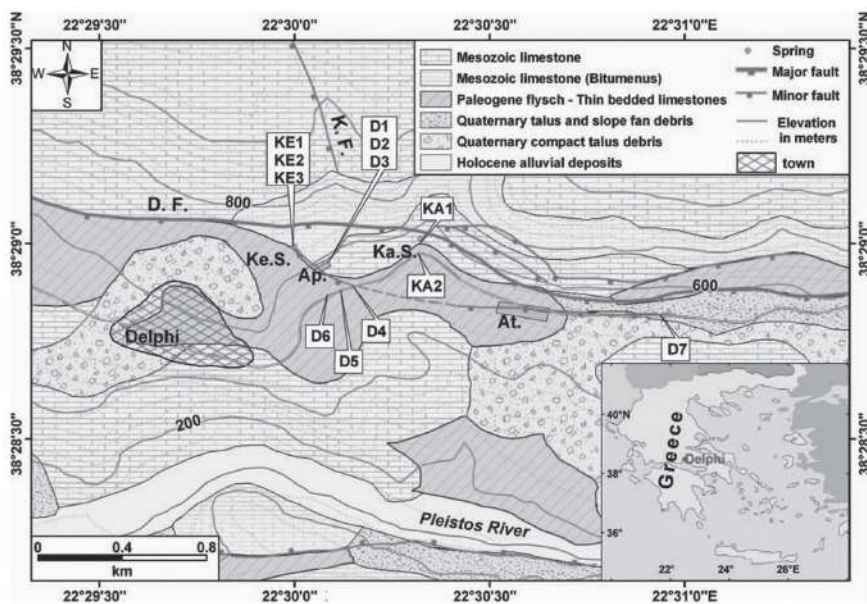

Рис.5. Карта геологических разломов в районе Дельф [по: Етиоре et all, 2006].

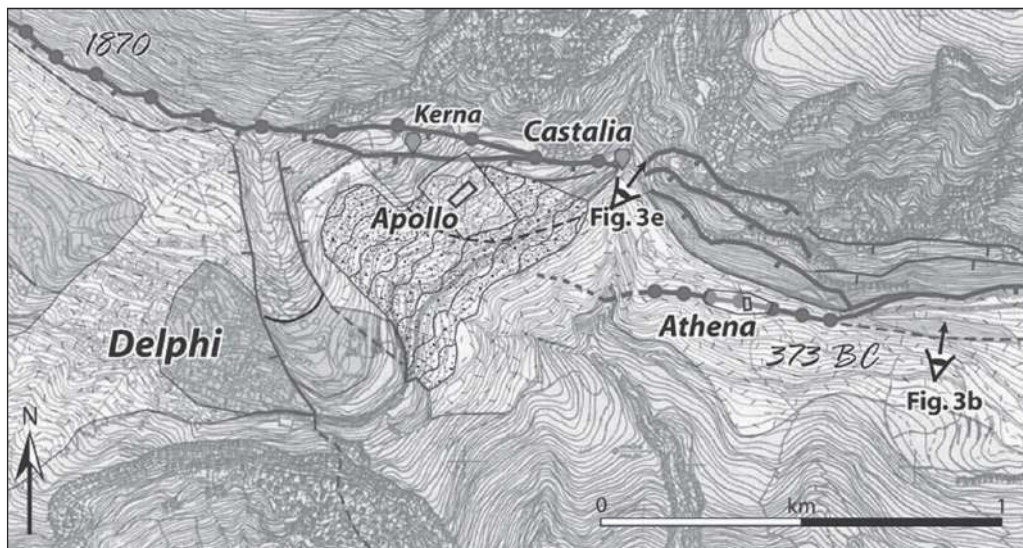
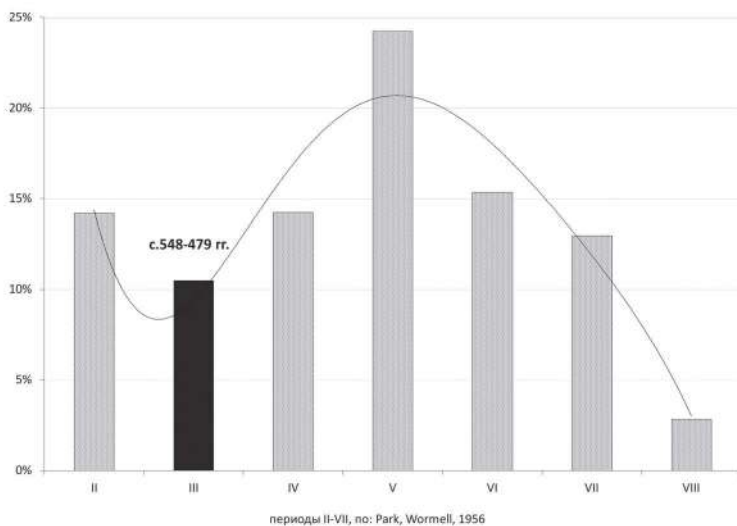
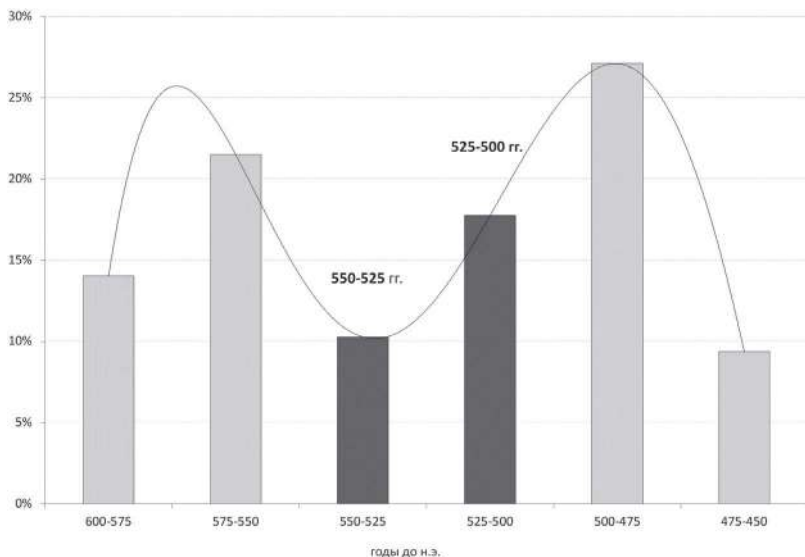

Рис.6. Карта геологических разломов в районе Дельф [по: Piccardi et all, 2008].

Рис.7. Частота обращений к Дельфийскому оракулу в VI – I вв. до н.э. [по: Parke, Wormell, 1956].

Рис.8. Частота предсказанных оракулом событий в VI – V вв. до н.э. по 25-летним отрезкам [по: Fontenrose, 1978].

КОТИНА А.В.
KOTINA A.V.

**РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РУБЕЖА VI – V вв. до н.э.
ИЗ ТИРИТАКИ
THE RITUAL COMPLEX OF THE TURN OF THE 6th – 5th CENTURY BC
FROM TYRITAKE**

В настоящее время боспорский город Тиритака в результате активной работы, выполняемой научным коллективом под руководством В.Н. Зинько, по праву является одним из самых изученных городищ Европейского Боспора [Зинько, Зинько, 2022, с. 244 – 296]. Каждый археологический сезон дает ценный и интересный материал, позволяющий реконструировать историю развития древнего города, а также пролить свет на различные области жизни тиритацкого общества. Известно, что наибольшие сложности вызывает реконструкция элементов духовной сферы древних жителей – их верований, культов, обрядов и пр. Однако археологические свидетельства следов совершения ритуальных действий при надлежащей их фиксации все же могут помочь прояснить некоторые аспекты этой важнейшей части жизни древних боспорян.

Исследователи уже не раз отмечали, что древнегреческая религия была ритуализированной и ритуальные действия сопутствовали практически всем важным делам. Необходимыми составляющими поклонения божеству были молитва и приношения жертв и вотивных даров [Кузьмина, 2013, с. 96]. Письменные источники начиная с Гомера активно сообщают о различных жертвоприношениях, обрядах и других культовых действиях. На основании этих данных, а также имеющихся археологических источников, можно сказать, что процесс организации сакральной жизни боспорян в целом находился в русле общегреческих традиций [Кузьмина, 2013, с. 99], хотя и имел свои местные особенности.

В процессе исследования древней Тиритаки было открыто немалое количество культовых объектов разного рода. О некоторых из них мы ранее уже писали. Особый интерес в этой связи для нас представляет священный участок площадью не менее 500 кв. м, расположенный на западной городской окраине и получивший условное название «Западный теменос Тиритаки». Время его функционирования определяется с 530 – 540 гг. до н. э. вплоть до рубежа эр. В позднеархаическое время Западный теменос, исследованная площадь которого составляет 350 кв. м, с юга и севера был ограничен нежилыми постройками, а с запада – возведенной в последние два десятилетия VI в. до н. э. крепостной стеной. Определение восточной границы священного участка затруднительно в связи с разрушениями, вызванными военными действиями 1943 – 1944 гг. [Зинько, Котина, Каспаров, 2022, с. 45 – 46]. В процессе исследования западного священного участка были открыты интереснейшие культовые объекты,

анализ и осмысление которых дает значимую информацию для реконструкции ритуальной практики. Среди подобных объектов, кроме прочих, ямы, которые принято считать ботросами.

В ходе археологического сезона 2017 г. на XXVII раскопе в квадрате № 24 были зафиксированы две ямы – яма № 33 и яма № 34 [Зинько, Зинько, 2018, с. 50] (рис. 1). Они располагались в северной части квадрата, к северу от восточной оконечности стены № 50а. На уровне фиксации, который соответствовал уровню основания стены № 50а, яма № 33 представляла собой круглое в плане пятно диаметром около 0,85 м более темного с характерным золистым оттенком цвета, яма № 34 – также более темное пятно овальной формы размерами 1,48x1,90 м, большая ось которого ориентирована север – юг. Ямы были прокопаны в плотном серо-коричневом глинистом грунте, на расстоянии примерно 2,55 м (между условными точками в центре горловин) друг от друга, яма № 34 – северо-западнее ямы № 33, на северной границе квадрата.

Яма № 33 (рис. 2, рис. 3) колоколообразной формы, глубиной 2,12 м, горловина круглая диаметром – 0,82 м, незначительно смещена к юго-востоку относительно центра дна ямы, дно ровное диаметром 1,95 м. В придонной части ямы с северо-западной стороны выявлена каменная кладка, перекрывавшая нишу размерами 0,74x0,53 м. Кладка выполнена из разноразмерного необработанного известкового камня (размеры от 0,31x0,10x0,17 м до 0,08x0,05x0,07 м), иррегулярная, однослойная, однолицевая (рис. 2.2). Глубину ниши установить не представляется возможным ввиду того, что задняя ее часть была разрушена, возможно, в результате сооружения ямы № 34. Заполнение однородное по всей глубине ямы и представляло собой рыхлый золистый грунт темно-серого цвета с более темными прослойками и линзами.

Материал из ямы представлен фрагментами светлоглиняных лутериев, хиосских, протофасосских, лесбосских, клазоменских амфор, светлоглиняных аттических и сероглиняных кувшинов, большим количеством фрагментов восточно-ионийской и аттической чернолаковой и чернофигурной столовой керамики, фрагментами светильников, костями животных. Комплекс аттической чернофигурной керамики¹ представлен следующими сосудами: фрагмент тулова чаши «с глазами» (510 – 500 гг. до н. э.), фрагменты чаши «с глазами» типа А с изображением Диониса и сатира (500 – 480 гг. до н. э.) (рис. 9); фрагмент чаши «с пояском и растительным орнаментом» (530 – 510 гг. до н. э.) три фрагмента скифосов типа Е с изображением сфинкса и пальметты (500 – 490 гг. до н. э.), фрагмент скифоса типа О с пальметтой (530 – 500 гг. до н. э.) [Петракова, Букина, 2021, с. 116 – 120].

Остеологические материалы из ямы представлены пятнадцатью фрагментами

---

¹ Здесь и далее описание и датировки чернофигурной и чернолаковой аттической керамики даны по каталогу: Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритакки. СПб.-Керчь, 2021. 312 с.

костей коровы, четырьмя фрагментами костей овцы, а также одной костью свиньи².

Среди индивидуальных находок следует отметить ручку протофасосской амфоры с клеймом (вт. пол. VI – пер. пол. V в. до н.э. по В.И. Кацу) (рис. 4.1), фрагменты горл хиосских амфор с дипинти (вт. пол. V в. до н.э. по С.Ю. Монахову) (рис. 4. 2 – 3), тулово серолощенной ойнохои (вт. пол. VI в. до н.э.) (рис. 5; рис. 7.1), восточноионийскую ойнохою (вт. пол. VI в. до н.э.) (рис. 6; 7.2), граффити на донцах восточноионийских и аттических чернолаковых сосудов (рис. 8), пирамидальное керамическое грузило и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 4. 4, 5). В целом по материалу яму № 33 можно датировать кон. VI – пер. четв. V в. до н. э.

Особенный интерес представляет такой элемент ямы, как ниша, закрытая каменной стенкой, при разборке которой была обнаружена великолепная чернофигурная аттическая ольпа [Зинько, 2021, с. 26, рис. 7] с изображением танцующей менады и двух бородатых вакхантов (рис. 10 – 11). Судя по характеру повреждений и компактному расположению фрагментов, вероятно, ольпа была помещена в нишу целой и разрушилась под воздействием давления грунта.

Сосуд относится к классу Ватикана G. 50, возможно, Мастер Родос 12242 и датируется 510 – 500 гг. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, с. 124]. Как справедливо отмечают исследовательницы, данная ольпа представляет собой редкий пример практически целой чернофигурной вазы из материалов Тиритаки [Букина, 2021, с. 45]. Ольпа с округлым устьем, венчик имеет миндалевидный профиль, с внутренней стороны уплощенный. На венчике – четыре ряда шахматного орнамента, обрамленного сверху и снизу полосами черного лака. На шейке – орнамент из ориентированных вниз бутонов лотоса, соединенных стеблями, между ними точки, снизу и сверху от цепи бутонов – по две линии черным лаком, ниже – поясок с двумя рядами точек в шахматном порядке, соединенных зигзагообразными линиями [Петракова, Букина, 2021, с. 125]. В клейме, на тулове сосуда, изображена танцующая менада в нарядном хитоне с повязкой поверх волос, собранных в узел на затылке; слева и справа от нее помещены фигуры двух обнаженных бородатых вакхантов; снизу, по сторонам от менады, – по виноградской лозе. У всех персонажей выставлена вперед левая нога³.

Известно, что сюжеты дионисийского круга пользовались огромной популярностью на Боспоре. Это касается как изображений самого Диониса, так и персонажей фиаса этого бога, олицетворяющих таинственное единение с божеством. Участниками божественной свиты могли быть сатиры, силены, вакханки, менады, а также реальные люди – почитатели Диониса. Персонажи из свиты пребывали в священном экстазе, выражающемся в танце, а также позах, демонстративно нарушающих социальные нормы [Букина, 2021, с. 44 – 45]. Кроме того, как отмечают иссле-

² Определение остеологических материалов из ям № 33 и № 34 выполнено старшим научным сотрудником института истории материальной культуры РАН в Петербурге, к.и.н. А.К. Каспаровым.

³ Подробное описание ольпы и аналогии к ней приведены в каталоге: Петракова А. Е., Букина А.Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.-Керчь, 2021. 312 с.

дователи, «Дионис имел и ярко выраженное хтоническое значение, выступая покровителем умерших в подземном мире и принося им хоть малую толику веселья через вино, возливаемое на могилах родственниками» [Молева, 2019, с. 310]. Учитывая сюжет, можно предположить, что в ходе проведения какого-то ритуала, связанного с почитанием Диониса в его хтонической ипостаси, ольпа, вероятно в качестве приношения, была помещена в подготовленную нишу, которая затем была тщательно и аккуратно заложена, а сама яма засыпана, одномоментно или в течение некоторого времени. В пользу этого предположения может свидетельствовать и идея, высказанная известным исследователем древнегреческой религии М. Нильссоном, который, рассуждая о типах алтарей в святилищах, приходит к выводу, что в культах хтонических божеств преимущественно использовались алтари с каменной или из сырцового кирпича обкладкой для сжигания (эсхара) и/или ботросы – ямы, символизирующие подземный мир, куда сбрасывались votивные дары или жертвоприношения [Nilsson, 1976, s. 78].

Как было сказано выше, с северо-запада к яме № 33 примыкала еще одна яма, являющаяся составной частью комплекса (рис. 3). Яма № 34, расширяющаяся книзу, глубиной 2,21 м, горловина неправильной округлой формы размерами 1,48x1,96 м в верхней части и 1,48x1,57 м на глубине 0,70 м, за счет формирования на этом уровне выступа шириной до 0,34 м в южной части горловины ямы. Дно ямы круглой формы диаметром около 2,55 м, слабовогнутое, с заметным уклоном к юго-востоку. В придонной части ямы с юго-западной стороны сооружена ниша размерами 1, 21x1,00 м, глубиной до 0,32 м. Заполнение ямы однородное по всей глубине и представляет собой рыхлый мешаный глинистый грунт с разноразмерными фракциями серо-коричневого и желто-коричневого цвета, с включениями светло-желтого сырца. Материал из ямы, как и в случае с соседней ямой №33, представлен различными фрагментами светлоглиняных лутериев, хиосских, лесбосских, протофасосских и клазоменских амфор, многочисленными фрагментами столовой восточноионийской и аттической чернолаковой и чернофигурной керамики, среди которой: фрагмент тулова пиксиды с изображением танцующей женщины (500 – 490 гг. до н. э.); фрагмент плечика гидрии (?) с изображением менады (530 – 510 гг. до н. э.); фрагмент плечика гидрии (?) с изображением сатира (530 – 510 гг. до н.э.); фрагмент чаши «с глазами» (520 – 510 гг. до н. э.); фрагменты чаш «на низкой ножке с широкой полосой по краю и растительным декором» (посл. треть VI в. до н. э.); фрагмент миниатюрной чаши-скифоса с растительным орнаментом (кон. VI – нач. V в. до н. э.); фрагмент скифоса с изображением фигуры в плаще (ок.500г. до н. э.); фрагмент леканы с сохранившейся частью изображения фигуры в плаще и лебеда (третья четв. VI в. до н. э.); фрагмент чернолакового килика (пер. четв. V в. до н. э.). Кроме того, из заполнения происходят фрагменты и целые формы восточноионийских и чернолаковых аттических светильников (рис.12.1), фрагменты печины, каменных изделий и большое количество фрагментов костей животных, представленных двумя фрагментами костей лошади, 54 – костей

коровы, 20 – костями овцы или козы, 9 – костями свиньи, а также 17 – костями рыбы, 3 – костями птицы, 2 – костями собаки и одной костью дельфина. Среди индивидуальных находок следует отметить фрагмент аттического лутерия с граффито, фрагмент ручки протофасосской амфоры с клеймом (вт. пол. VI – пер. пол. V вв. до н.э. по В.И.Кацу) (рис. 12.2), донца чернолаковых аттических сосудов с граффити (рис.13), фрагмент светлоглиняного кувшина с дипинто, лепной горшок (рис. 14), пирамидальное керамическое грузило (рис. 12.5), железный гвоздь (рис. 12.4), бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 12.3) и прекрасной сохранности амулет, отполированный до блеска, с отверстием для подвешивания, изготовленный из клыка дикого кабана (рис. 12.6). По материалу яма № 34, так же как и яма № 33, датируется кон. VI – пер. четв. V в. до н. э. Характер находок, дата и конструктивные особенности позволяют рассматривать ямы № 33 и № 34 как единый комплекс ритуального характера. Стоит отметить, что анализ находок из восьми других ям, исследованных в непосредственной близости от рассматриваемого нами комплекса, сооруженных примерно в то же время и имеющих хозяйственное назначение, очевидно, указывает на исключительный характер рассматриваемого нами объекта.

Ямы, содержащие материал культового характера, широко известны в Северном Причерноморье и на Боспоре со времен архаики и традиционно в среде исследователей обозначаются ботросами. Однако, как представляется из анализа публикаций, в отношении терминологии и классификации подобного рода памятников есть определенные проблемы. Так, в словаре терминов, размещенном на сайте Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, дано определение ботроса как «Ботрос (греч. βόθρος – яма) – яма для захоронения вышедших из употребления ритуального инвентаря и votivov» [<http://www.antic-art.ru/refer/terms/index.php>]. В этом же контексте определяют ботросы исследователи древнейшего теменоса Ольвии. Авторы указывают, что ботрос относится к группе примитивных алтарей и в отличие от бомоса, который предназначался для культа главных олимпийских богов, использовался в хтонических культах, т.к. сброшенные в него пожертвования и возлияния могли достигнуть границ подземного царства. При этом, исходя из того, что на исследованных священных участках Ольвии отправлялись культы не только хтонических божеств, полагают – ботросы служили в основном для «захоронения священного мусора», хотя не исключают, что первоначально ямы могли использоваться и для каких-либо обрядовых действий, а также хранения продуктов для возлияний – вина и масла [Древнейший теменос Ольвии Понтийской, 2006, с. 67]. В результате анализа рассматриваемых объектов исследователи разделяют ботросы на три большие группы, учитывая их размеры: микро-, месо- и макроботросы [Древнейший теменос Ольвии Понтийской, 2006, с. 68].

Исследуя различные типы алтарей в Херсонесе, в контексте семейной религии, Т.М. Шевченко отмечает, что «немаловажными... являлись и ямки с засыпью. Их называют примитивными алтарями, служившими либо маркером и местом для отде-

ления сакральных остатков от профанной территории, или же заменителями алтарей для возлияний» [Шевченко, 2007, с. 163]. Ямки могли заполняться либо остатками ритуальной трапезы, либо разбитой после трапезы или возлияния посудой.

Ямы в качестве «ямных святилищ» рассматривает Д. Агрэ, высказывая предположение, что они являлись «элементом культа мертвых и связанных с ним божеств» и считались местом общения живых и мертвых [Агрэ, 2002, с. 278]. В.Г. Зубарев, анализируя различные культовые объекты городища Белинское, отмечает, что к таковым можно отнести и некоторые ямы, имеющие вполне определенные функциональные различия, а также то, что хотя идея так называемых ямных святилищ в историографии не нова, тем не менее убедительной классификации этих объектов нет [Зубарев, 2015, с. 175]. На городище Белинское выделяются три группы ям: 1. Ямы, которые использовались для сброса отслуживших срок вотивных предметов (ямы-фависсы?); 2. Собственно «ямные святилища», которые использовались для совершения какого-то обряда; 3. Ямы для сброса золы от возжигания священного огня [Зубарев, 2015, с. 175 – 176]. Особый интерес, в связи с нашим случаем, представляет яма, которая относится автором как раз к категории ямных святилищ – в ней на дне лежала зернотерка, а «рядом в небольшом подбое – обгорелый амфориск» [Зубарев, 2015, с. 177].

Рассматривая позднеантичные ямы на юго-западном участке некрополя Китея, В.А. Хршановский предполагает их ритуальный характер, выдвигая идею о том, что открытый некрополь мог одновременно являться и своеобразным святилищем [Хршановский, 2020, с. 424].

В зарубежной историографии исследователи называют ботросами искусственно созданные углубления в земле, которые могли служить различным целям, как ритуальным, так и вполне утилитарным [Hutchinson, 1935, p. 1 – 19]. Таким образом, как представляется, вопрос о терминологии и назначении ботросов является открытым и требует специального рассмотрения.

Что же касается рассматриваемых объектов из Тиритаки, то можно достаточно уверенно констатировать их ритуальный характер. Принимая во внимание все сказанное выше и акцентируя внимание на том, что сцена на чернофигурной аттической ольпе относится к сюжетам дионисийского круга, причем представляет собой конкретное культовое действие, а также преобладание среди чернолаковых и чернофигурных фрагментов сосудов для вина (особенно чаш и скифосов), можно предположить, что ритуальный комплекс из двух ям и захороненной ольпы связан с совершением обряда, относящегося к почитанию Диониса, тем более что в конце VI–V вв. до н. э. получает распространение орфический культ Диониса, где бог выступал в архаической ипостаси Загрея – покровителя душ умерших, способствующего возрождению [Кузина, 2011, с. 650]. Стоит отметить, что за время исследования Тиритаки подобный объект был открыт впервые. На наш взгляд, это крайне важное свидетельство ритуальной практики, которое расширяет наши представления о религиозной сфере жизни древних тиритакцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрэ Д. К вопросу о ритуальных ямах во Фракии и Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002. С. 278.
- Букина А.Г. Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритаки // Боспорские исследования. Т. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021. С. 44 – 73.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской // МАИЭТ, Supplementum 2. Симферополь, 2006. 501 с.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. Исследование боспорского города Тиритака в 2017 г. // История и археология Крыма. №8. Симферополь, 2018. С. 50 – 52.
- Зинько В.Н. Из ранней истории Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021. С. 22 – 43.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. 90 лет археологических исследований Тиритаки на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. Т. XLV. Керчь-Симферополь, 2022. С. 244 – 296.
- Зинько В.Н., Котина А.В., Каспаров А.К. Жертвенно-сакральный комплекс с Западного теменоса Тиритаки // Боспорские исследования. Т. XLV. Керчь-Симферополь, 2022. С. 45 – 72.
- Зубарев В.Г. Культовые объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996 – 2014 гг.) // Древности Боспора. Т. 19. М., 2015. С. 161 – 183.
- Кузина Н.В. К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 649 – 654.
- Кузьмина Ю.Н. Организация ритуалов и жертвоприношений в эллинском святилище // Самарский научный вестник № 4 (5). Самара, 2013. С. 96 – 100.
- Молева Н.В. Терракоты дионисийского круга из фондов Муромского историко-художественного музея (коллекция графов Уваровых) // Боспорские исследования. Т. XXXIX. Керчь-Симферополь, 2019. С. 310 – 319.
- Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.-Керчь, 2021. 312 с.
- Хршановский В.А. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // Древности Боспора. Т. 25. М., 2020. С. 407 – 442.
- Шевченко Т.М. Алтари в семейной религии античного Херсонеса // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб., 2007. С. 162 – 168.
- Hutchinson P.W. Bothroi // The Journal of Hellenic Studies. Vol. LV. London, 1935. P. 1 – 19.
- Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1976.

REFERENCES

- Agre` D. K voprosu o ritual`ny`x yamax vo Frakii i Severnom Prichernomor`e // Bosporskij fenomen. Pogrebal`ny`e pamyatniki i svyatilishha. Ch. 2. SPb., 2002. S. 278.
- Bukina A.G. Mifologicheskie izobrazheniya na chernofigurnoj keramike iz Tiritaki // Bosporskie issledovaniya. T. XLIII. Kerch`-Simferopol`, 2021. S. 44 – 73.
- Drevnejshij temenos Ol`vii Pontijskoj // MAIE`T, Supplementum 2. Simferopol`, 2006. 501 s.
- Zin`ko V.N., Zin`ko A.V. Issledovanie bosporskogo goroda Tiritaka v 2017 g. // Istoriya i arxeologiya Kry`ma. №8. Simferopol`, 2018. S. 50 – 52.
- Zin`ko V.N. Iz rannej istorii Tiritaki // Bosporskie issledovaniya. Vy`p. XLIII. Kerch`-Simferopol`, 2021. S. 22 – 43.
- Zin`ko V.N., Zin`ko A.V. 90 let arxeologicheskix issledovanij Tiritake na Bospore Kimmerijskom //

- Bosporskie issledovaniya. T. XLV. Kerch`-Simferopol`, 2022. S. 244 – 296.
- Zin`ko V.N., Kotina A.V., Kasparov A.K. Zhertvenno-sakral`ny`j kompleks s Zapadnogo temenosa Tiritaki // Bosporskie issledovaniya. T. XLV. Kerch`-Simferopol`, 2022. S. 45 – 72.
- Zubarev V.G. Kul`tovy`e ob`ekty` na gorodishhe u s. Belinskoe v Vostochnom Kry`mu (po materialam raskopok 1996 – 2014 gg.) // Drevnosti Bospora. T. 19. M., 2015. S. 161 – 183.
- Kuzina N.V. K voprosu o rasprostraneni kul`ta Dionisa sredi mestnogo varvarskogo naseleniya Severnogo Prichernomor`ya // Bosporskij fenomen. Naselenie, yazy`ki, kontakty`. SPb., 2011. S. 649 – 654.
- Kuz`mina Yu.N. Organizaciya ritualov i zhertvoprinoshenij v e`llinskom svyatilishhe // Samarskij nauchny`j vestnik. № 4 (5). Samara, 2013. S. 96 – 100.
- Moleva N.V. Terrakoty` dionisijskogo kruga iz fondov Muromskogo istoriko-xudozhestvennogo muzej (kolleksiya grafov Uvarovy`x) // Bosporskie issledovaniya. T. XXXIX. Kerch`-Simferopol`, 2019. S. 310 – 319.
- Petrakova A. E., Bukina A. G. Atticheskaya chernofigurная i chernolakovaya keramika Tiritaki. SPb.-Kerch`, 2021. 312 s.
- Xrshanovskij V.A. Pozdneantichny`e ritual`ny`e yamy` na yugo-zapadnom uchastke nekropolya Kiteya // Drevnosti Bospora. T. 25. M., 2020. S. 407 – 442.
- Shevchenko T.M. Altari v semejnoy religii antichnogo Xersonesa // Bosporskij fenomen. Ch. 2. SPb., 2007. S. 162 – 168.

Резюме

В ходе исследования античного города Тиритака в 2017 г. на территории Западного теменоса городища был открыт комплекс, состоящий из двух ям, примыкавших друг к другу, в стенке одной из которых была сооружена ниша, куда была помещена аттическая чернофигурная ольпа с дионисийским сюжетом. Учитывая этот факт, датировку, а также характер находок из заполнения ям, мы предполагаем ритуальный характер данного комплекса и его возможную связь с хтонической ипостасью культа Диониса.

Ключевые слова: Тиритака, ритуал, ольпа, менада, Дионис, ботрос, вино.

Summary

During the examination of the Tyritake antique settlement in 2017, a complex consisting of two pits adjacent to each other was discovered on the territory of the Western Temenos of the settlement. In the wall of one of these a niche was built in which an attic black-figure olpa with a Dionysian plot was placed. Considering this fact, the dating, as well as the nature of the findings from the filling of the pits, we assume the ritual nature of this complex and its possible connection with the chthonic hypostasis of the cult of Dionysus.

Key words: Tyritake, ritual, olpa, maenad, Dionysus, botros, wine.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котина Алла Викторовна, к.и.н.,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50),
allakotina@mail.ru
+79787775201

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Researcher,
Non-Profitable Foundation Demetra,
Krupskoy st., 50, Kerch,
Republican Crimea,
allakotina@mail.ru
+79787775201

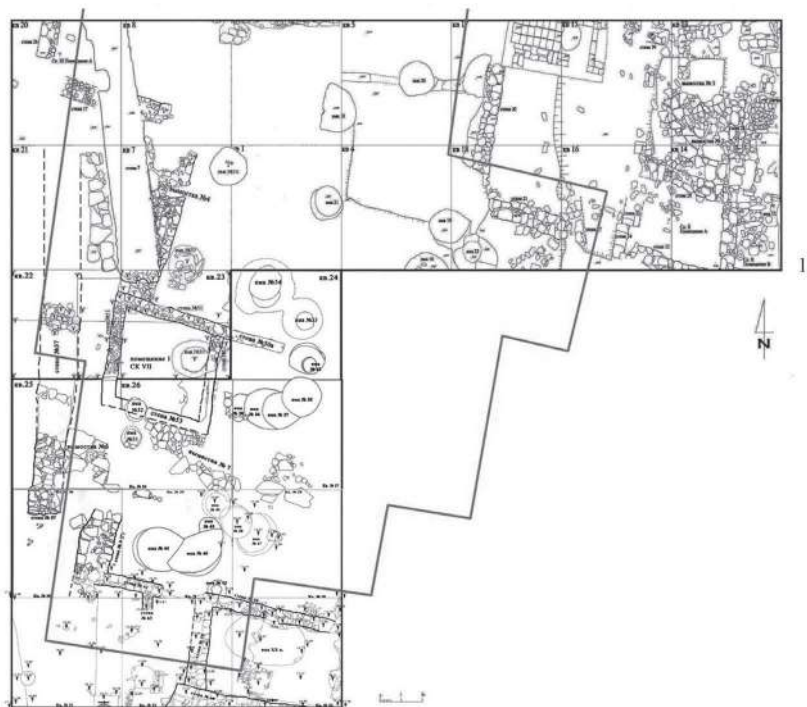
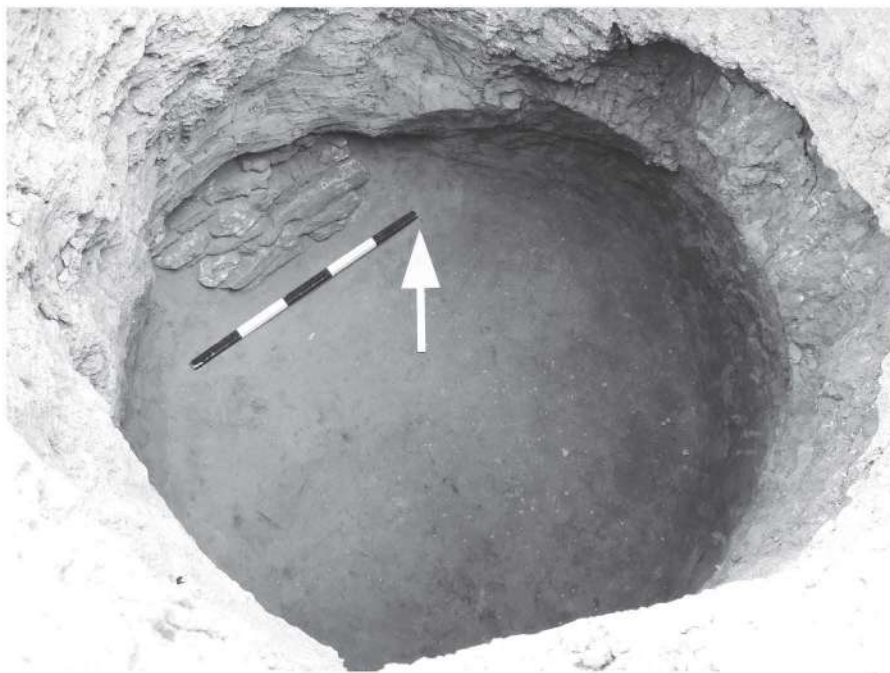

Рис. 1.1. Городище Тиритака. Раскоп XXVII с обозначением расположения ям № 33 и № 34.

Рис. 1.2. Раскоп XXVII. Ямы № 33 и № 34, общий вид.

1

Рис. 2.1. Раскоп XXVII. Яма № 33.

Рис. 2.2. Каменная кладка, закрывающая нишу, в северо-западной части ямы № 33.

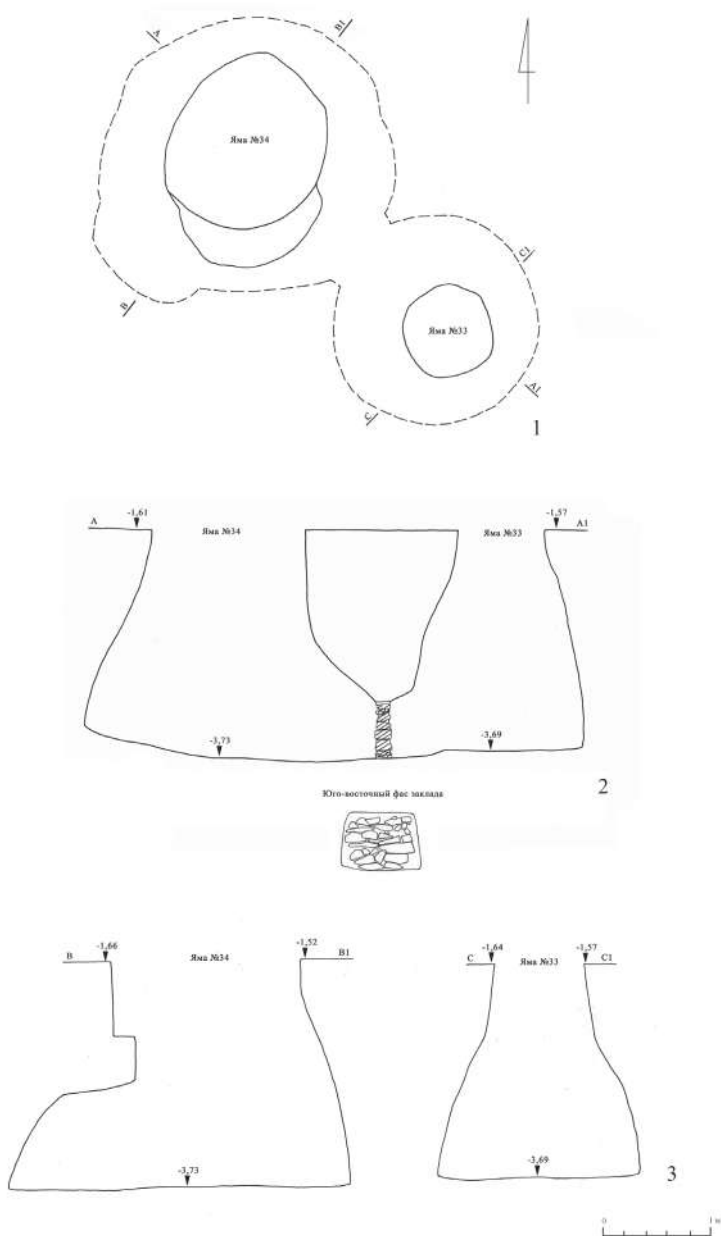

Рис. 3. План и разрезы ям № 33 и № 34.

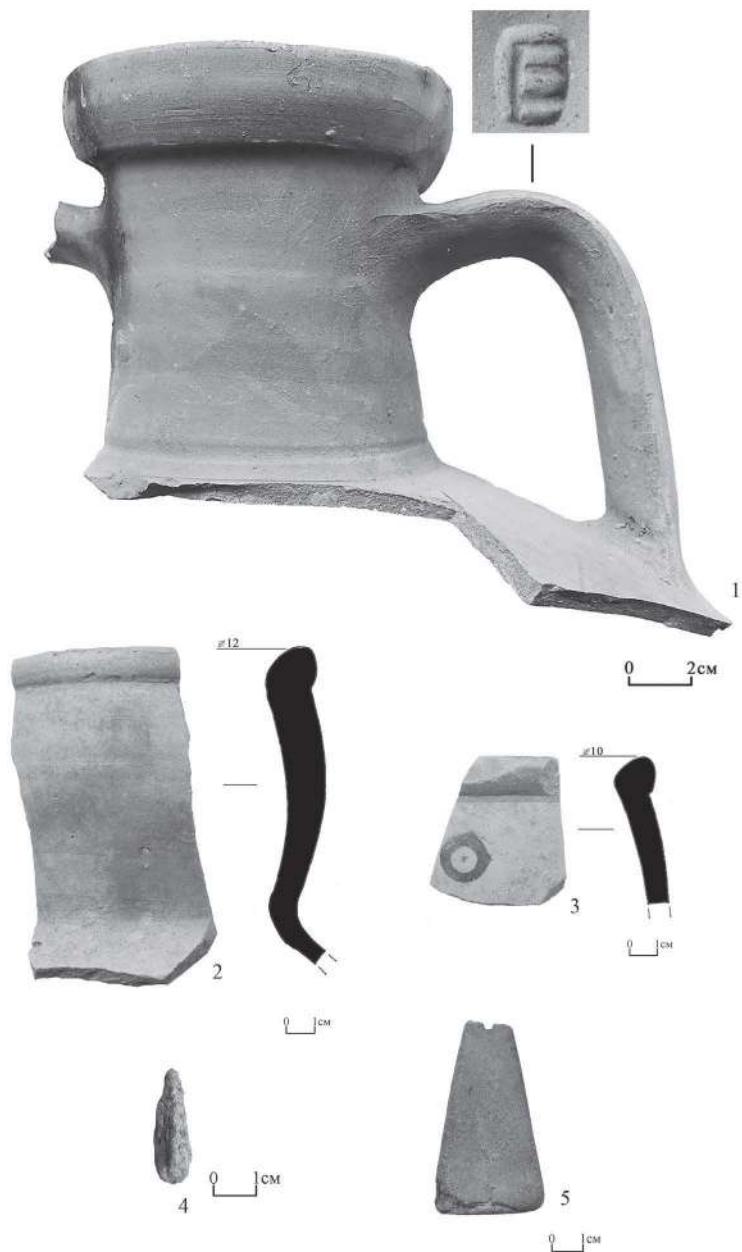
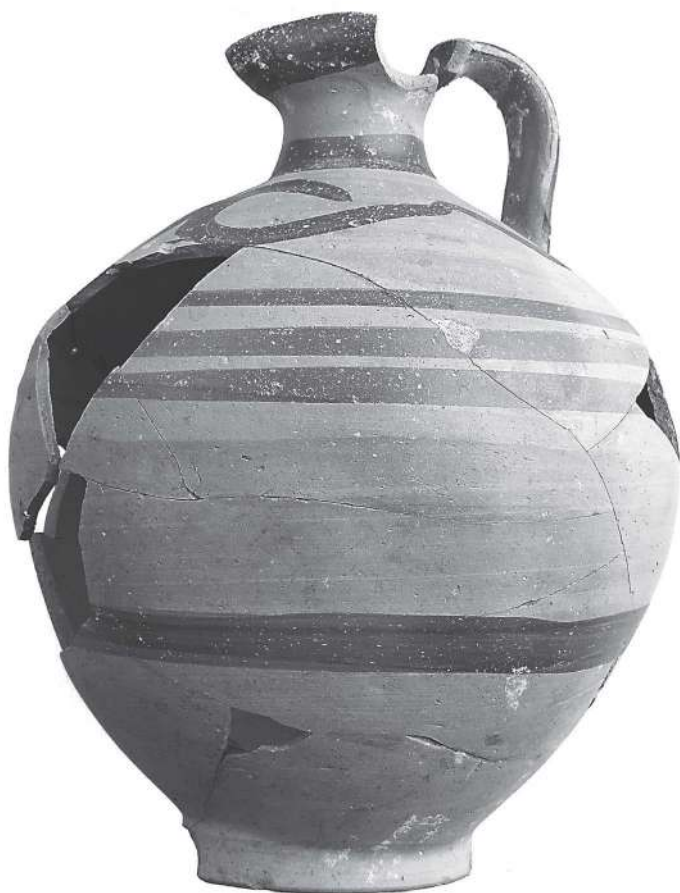

Рис. 4. Индивидуальные находки из заполнения ямы № 33.

0 5 см

Рис. 5. Тулово серолощенной ойнохои, вт. пол. VI в. до н. э. из заполнения ямы № 33.

Рис. 6. Восточноионийская ойнохоя, вт. пол. VI в. до н. э. из заполнения ямы № 33.

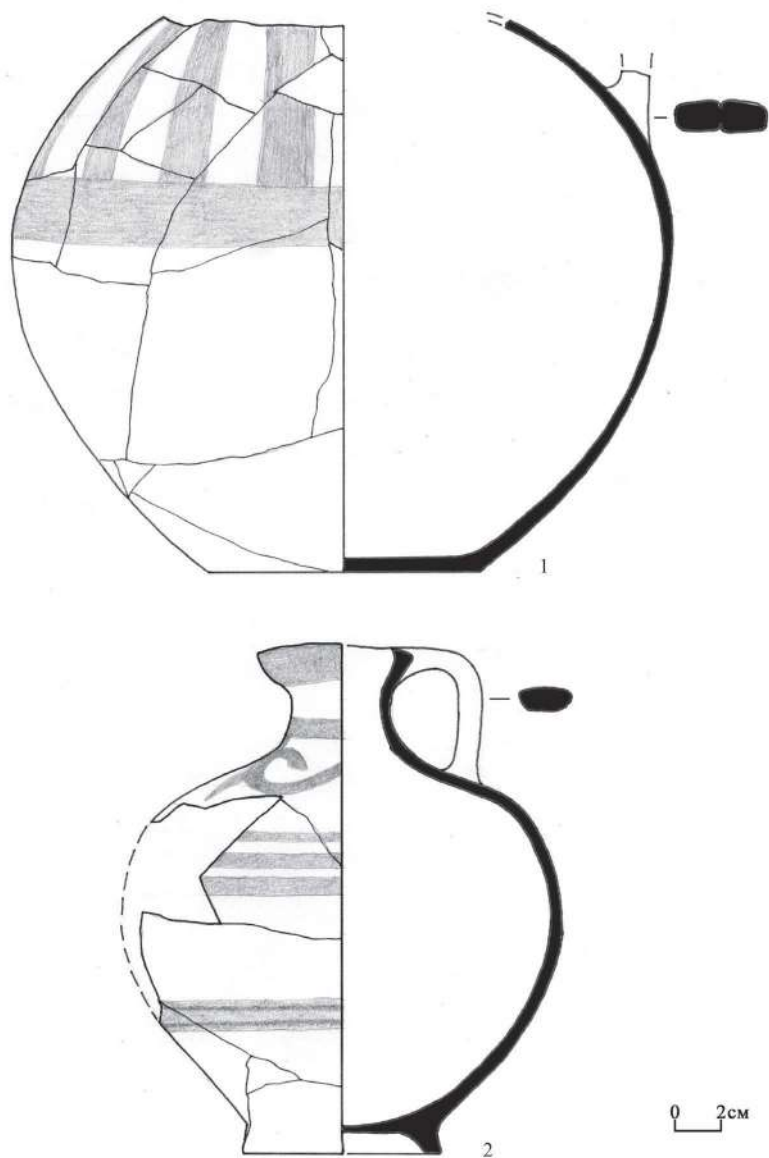

Рис. 7. Тулово серолощенной ойнохои и восточноионийская ойнохоя. Прорисовка.

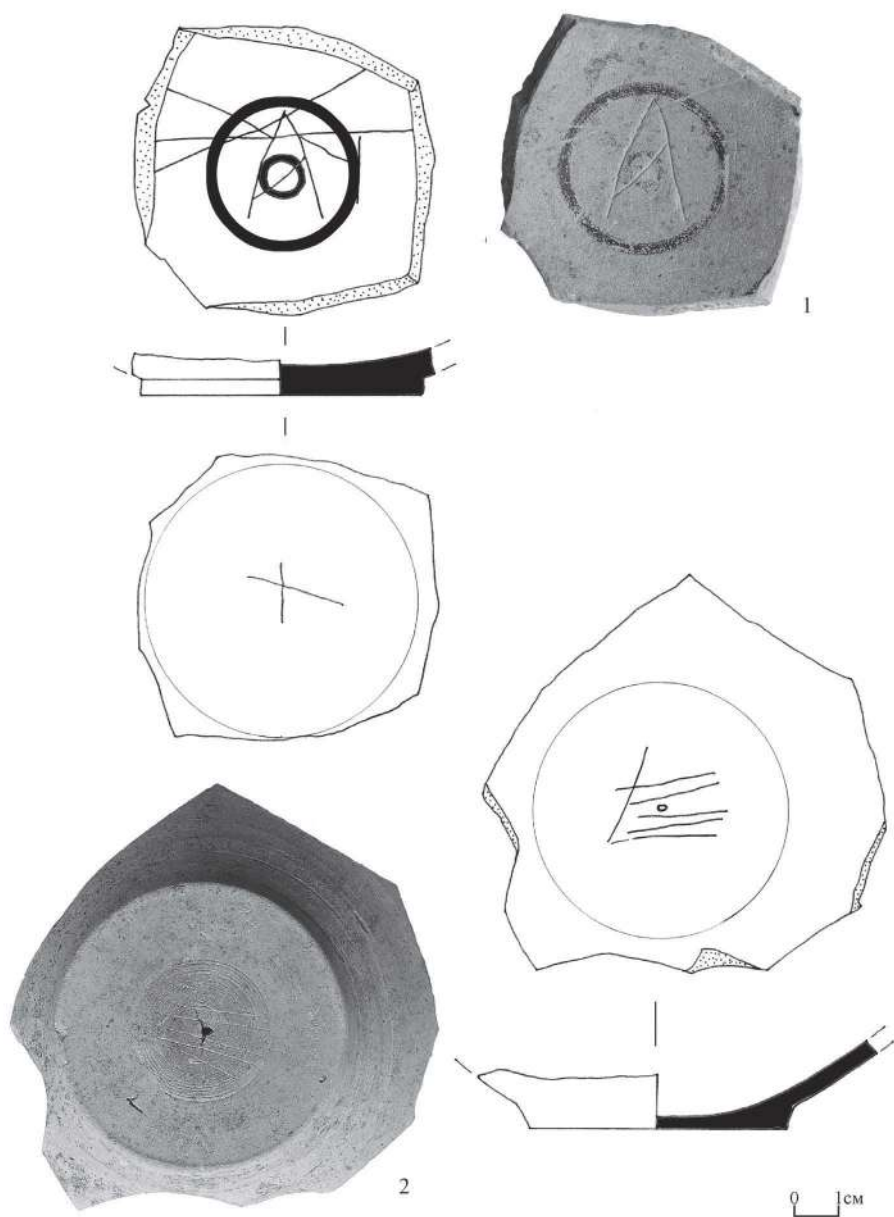
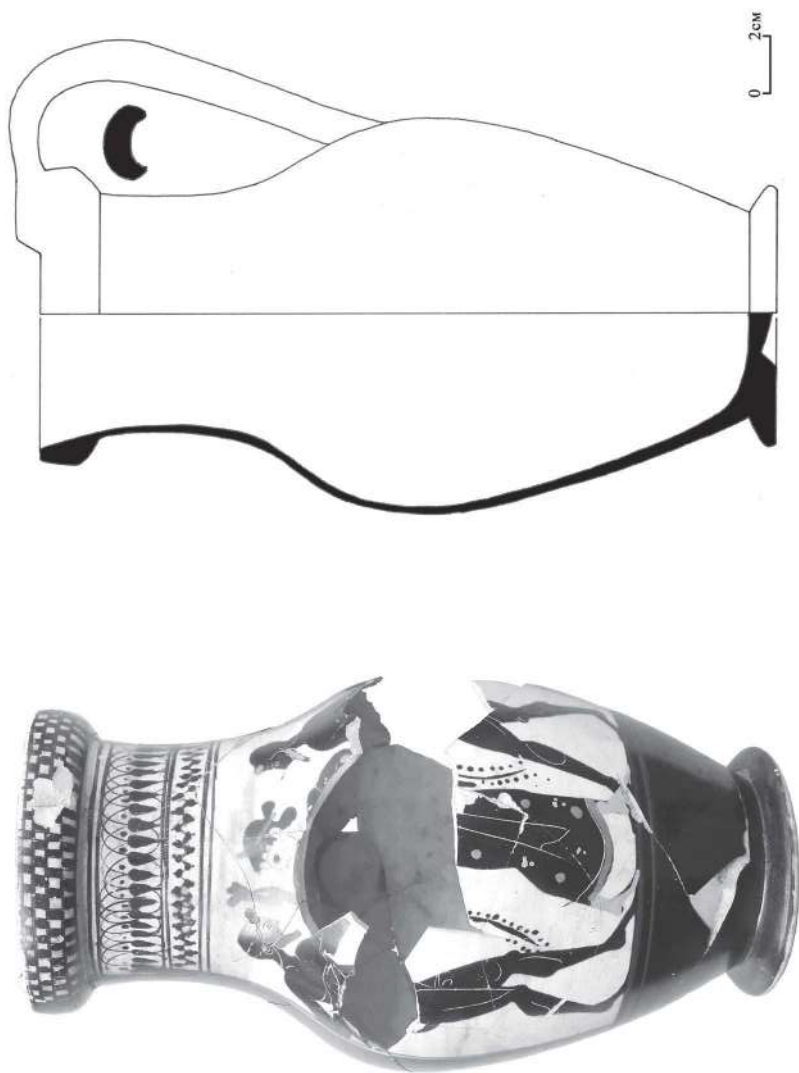

Рис. 8. Граффити на донцах восточноионийских сосудов из заполнения ямы № 33.

Рис. 9. Фрагмент чернофигурной аттической чаши с изображением Диониса и сатира. 500 – 480 гг. до н. э. из заполнения ямы № 33.

Рис. 10. Чернофигурная аттическая ольпа, 510 – 500 гг. до н. э.

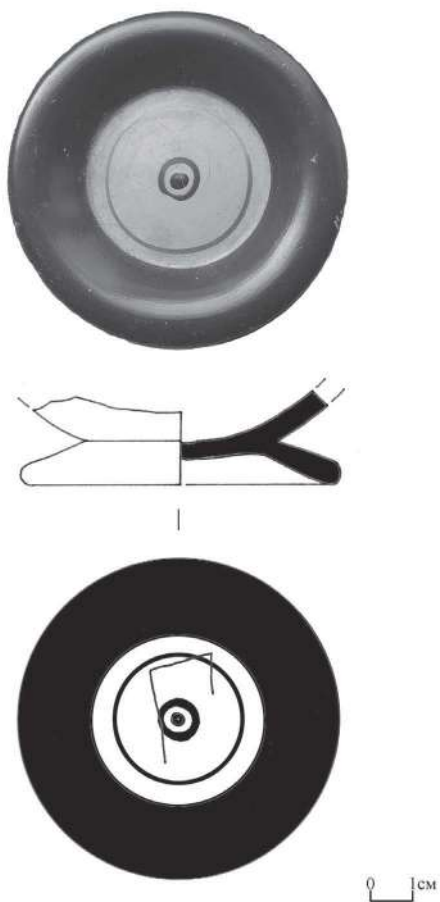

Рис. 11. Чернофигурная аттическая ольпа, 510 – 500 гг. до н. э. Проекция.

Рис. 12. Индивидуальные находки из заполнения ямы № 34.

Рис. 13. Донце чернофигурного аттического скифоса с граффито, кон. VI в. до н. э. из заполнения ямы № 34.

Рис. 14. Лепной горшок из заполнения ямы № 34.

А.А. СУПРЕНКОВ

A.A. SUPRENKOV

АКМОНАЙСКИЙ ВАЛ В СВЕТЕ ИСТОРИОГРАФИИ И НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

AKMONAISKY RAMPART IN THE WAKE OF HISTORIOGRAPHY AND NEW ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Валы Восточного Крыма – устойчивое в научной литературе наименование для древних земляных погранично-оборонительных сооружений на территории Керченского полуострова. Их историография широко известна, а в начале XXI столетия определённый итог исследований этих сооружений был подведён в монографии А.А. Масленникова [Масленников, 2003]. Однако за последнее десятилетие в ходе охранно-спасательных работ было получено множество информации касательно наиболее известных и наилучшим образом изученных среди этих сооружений – Акмонайского вала, Тиритакского вала, вала Безкровного и Тиритакского вала (рис.1). Акмонайский вал – самый западный среди них. Раскопки, осуществлённые на нём автором в 2017 г., были масштабны по площади, но дали лишь незначительную археологическую информацию. В связи с этим изложение материала будет вестись в большой степени с опорой на опыт, полученный нашими предшественниками.

Для удалённых уголков античного мира наличие письменных источников, описывающих конкретную историко-географическую реалию в принципе редкость и исключительный случай для периода начала колонизации. Известный текст Геродота, излагающий противостояние скифов и «детей слепых рабов» [Herod, IV, 3] и подробно описывающий с точки зрения географии интересующий нас объект – «Широкий ров, тянущийся от Таврских гор до Меотийского озера, где оно шире всего», является уникальным историческим источником, точно указывающим Акмонайский перешеек, как местонахождение одного из Боспорских валов. Что же касается текста Страбона [Strabo., VII, IV, 6] о том, что «по сообщению Гипсикрата Асандр построил на перешейке Херсонеса поблизости Меотиды стену шириной в 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен», то он указывает точные временные рамки масштабных фортификационных работ в Восточном Крыму. К этим текстам мы ещё вернёмся в процессе изложения.

Последующие письменные упоминания о валах и рвах на Акмонайском перешейке относятся уже к XIX в. Среди исследователей, писавших об этом, – С. Сестренцевич-Богущ, который упоминает о вале от Арабата к Феодосии [Сестренцевич-Богущ, 1806, с. 6]. Об овраге, который «идёт от Сиваша и тянется к Феодосийским горам», пишет Ж. Ромм [Ромм, 1941, с. 54]. Более подробный текст принадлежит перу П.С.Палласа, называющего татарские селения, через которые

проходят ров и вал [Паллас, 1999, с. 116]. М. Е-Д. Кларк также рассказывает о похожей постройке и делает попытку её интерпретации, предполагая, что стена, начинающаяся от Арабата и заканчивающаяся в горах за Кафой, могла служить «асандровой границей», «пределом боспорцев» [Clark, 1812, p. 301]. П. Сумароков, в свою очередь, указал на вал, который шёл от «Арабата по перешейку Керченского полуострова» на карте. [Сумароков, 2012, с.94]. О каком-то вале в этом районе, ссылаясь на сообщения местных жителей, пишет и М. Муравьёв-Апостол [Муравьёв-Апостол, 1823, с. 256], предположительно связывая эту постройку и с валом Геродота, и со стеной Асандра у Страбона. И.Стемпковский в своём докладе писал о том, что древняя линия обороны, организованная от Арабата до гор вблизи Феодосии, видна возле селения Шибан. Её построил Левкон после включения в состав своей империи Феодосии. Возможно, что этот же вал впоследствии обустроил Асандр. [Stemkovsky, 1827. с. 149]. Ф. Дюбуа де Монпере в свою очередь полагал, что Акмонайский вал, идущий от Таврских гор до Азовского моря за Арабатской стрелкой наиболее древний из известных, и допускал его синдское происхождение [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 62]. Н. Надеждин, И.Браламберг в свою очередь отождествляли земляные укрепления на Акмонайском перешейке со «рвом слепых рабов...» [Надеждин, 1844, с. 66; Браламберг, 1848, с. 7]. А.Б. Ашик в основном дублировал известную ранее информацию, констатируя наличие рва «от Арабата до Феодосийских гор» в районе д. Шибан [Ашик, 1848, с. 24-25]. Е. Мюральт писал о вале, простиравшемся от «последних отрогов гор у Феодосии до косы Зенона [Muralt, 1852, с. 1]. Он также считал, что вал был сооружен Левконом I после присоединения Феодосии, но не отождествлял его со стеной Асандра. А. Фабр в середине XIX столетия описывает вал достаточно подробно, подытоживая совокупный набор доступных ему знаний и отмечая его широтную ориентацию на отдельных участках [Фабр, 1859, с. 60-61], а также указывает на существование ещё одного вала в районе Старого Крыма [Фабр, 1859, с. 60-61].

Во второй половине XIX в. – первой половине XX в. об этом объекте упоминалось не так много, хотя классики отечественной историографии в этот период и уделили ему внимание [Жебелев, 1953, с. 330; Сокольский, 1957, с. 91]. Затем в середине XX столетия выходит полемичная статья Н.И. Бобкова, в которой автор категорично отрицает наличие древних валов на Акмонайском перешейке [Бабков, 1957, с.290-291]. Это несколько революционная точка зрения в течение какого-то времени принимается во внимание антиковедами как реальность. Несколько позднее на наличие древних насыпей в районе Акмонайского перешейка указывает В.В. Веселов [Веселов, 2005, с. 82]. Ближе к концу прошлого столетия к вопросам о существовании античных валов на перешейке вновь обращается В.С. Ольховский [Ольховский, 1981, с. 63], как бы реанимируя точку зрения П.С. Палласа.

В новейшее время история изучения Акмонайского вала связана прежде всего с именами А.А. Масленникова и А.В. Гаврилова. Проанализировав письменные источники и данные аэрофотосъёмки, первый исследователь пришёл к выводу, что древние оборонительные сооружения в районе Акмонайского перешейка, безусловно, су-

ществуют и, скорее всего, речь идёт не об одном вале [Масленников, 2003, с.21 – 27]. Постройки, по его мнению, действительно пересекали перешеек от моря до моря, заканчиваясь восточнее Феодосии. Что же касается ранее упомянутого вала, расположенного в районе Старого Крыма, то хотя он и наиболее близок по географическому параметру описанию Геродота, но его северный участок от Парпачского хребта до Сиваша выявить не удалось и хронология сооружения неоднозначна [Масленников, 2003 с. 35 – 36].

Наконец, автор последних по времени исследований - А.В. Гаврилов. В его работах начала XXI столетия отмечалась недостаточная географическая изученность данного объекта [Гаврилов, 2001, с. 10; Гаврилов, 2004, с. 42], но в статье 2016 г. трасса вала описывается полностью с использованием данных космических снимков. Действительно, на картах высокого разрешения она хорошо прослеживается (рис. 2). Согласно автору, вал начинается на севере на побережье Сиваша (рис. 3) в 3,2 км к западу от п. Львово Семисотского сельского поселения Ленинского района. Далее он следует почти строго к югу на протяжении 5,5 км, делая небольшой поворот к юго-востоку в 2,5 км к северу от с. Фронтное. Длина этого отрезка вала около 4 км. Обойдя это село с востока, он делает небольшой поворот к юго-западу посреди построек насосной станции к северу от Фронтного водохранилища. Далее, сохраняя юго-западную ориентировку, вал проходит через западный край этого водохранилища, обходит с севера-запада г. Окопная, пересекает трассу «Таврида» и теряется среди построек севернее окраины п. Береговое. Общая протяжённость постройки около 21 км. Перечисляя археологические объекты, расположенные около вала, А.В.Гаврилов указывает в его северной части, в районе дороги Владиславовка - Львово две курганообразных возвышенности в створе насыпи (рис. 2.1), возле которых виден проезд, возможно древняя дорога, связывающая Крымское Приазовье с районом Перекопа [Гаврилов, 2016, с. 103]. Второй видимый разрыв, где по обе стороны от линии вала находится распаханное селище IV в. до н.э. (рис. 2.2), фиксируется автором в районе несуществующего ныне с. Птичное Кировского района [Гаврилов, 2016, с. 103], а ещё один высокий курган неизвестной датировки отмечен им возле тракторного стана у с. Фронтное (рис. 2.3). Важную роль в оборонительной системе вала мог играть холм (рис.2.8), где, по мнению Веселова, располагалась башня, а А.В.Гаврилов находил здесь подъёмный материал II-III вв. н.э. [Гаврилов, 2016, с. 105].

На участке к югу от Фронтного водохранилища, в 800 м к северо-западу от заболоченной территории, А.В. Гавриловым был заложен стратиграфический разрез (рис.2.5). Насыпь здесь едва сохранилась, а исследованные параметры рва показали 20 м ширины в горловине при глубине до 1,9 м и треугольной в разрезе форме.

А.В. Гаврилов полагает, что данный археологический объект можно отождествлять со рвом «слепых рабов», упомянутым Геродотом. В первую очередь – это его географическое описание и употребление в других текстах Геродота, где он указывается как восточная граница владений царских скифов и как какой-то объект, который они пересекали во время кочёвок в Синдику [Herod., IV, 28]. Соответственно это со-

оружие может датироваться началом VI в. до н.э. – временем возвращения скифов из Малой Азии в Северное Причерноморье [Гаврилов, 2016, с. 107]. Точной же датой создания рва может быть период, непосредственно предшествующий их перемещению со стороны перекопа – 585 г. до н.э. [Кузнецова, 2009, с. 327].

Наконец, изучением Акмонайского вала занимался А.Л. Ермолин. В 2008 г. исследователем был сделан стратиграфический разрез рва и насыпи в районе Сиваша (рис.2.4). Была установлена глубина рва до 3 м, ширина – до 12 м в горловине и возможная первоначальная высота насыпи – до 2,5 м. Автор описывает ещё несколько археологических объектов поблизости от вала. По его мнению, на его линии существовало четыре проезда, три из которых были фланкированы курганообразными возвышенностями, а также две крепости – Фронтное-2 и Береговое-1. А вероятным временем создания сооружения автор считает эпоху Митридата Евпатора [Ермолин, 2012].

Обратимся теперь к нашим работам.

Место нашего раскопа Акмонайского вала в 2017 г. было расположено приблизительно в 4 км севернее оконечности поселка Береговое. Вал был здесь ориентирован по направлению север – юг с небольшим отклонением по часовой стрелке. Участок исследования представлял собой ровное поле, засаженное ранее подсолнухами. Общий рельеф местности имел плавное понижение к югу – юго-востоку. Насыпь вала сильно распахана и едва заметна в рельефе современной дневной поверхности в пределах обследованного участка, более отчетливо она просматривалась южнее исследованной площади, в полотное грунтовой дороги.

Общая площадь работ составила здесь 1400 кв.м (рис. 4). В ходе работ было сделано несколько разрезов *рва и остатков насыпи*. Эти остатки были представлены слоем плотного комковатого суглинка темно-коричневого цвета, сильно поврежденного распашкой, сохранившегося в высоту на 0,3 м. Его протяжённость достигала 8,5 м.

Его подстилал *слой погребенной почвы*, представляющий собой гуммированный суглинок темно-серого, почти черного цвета, мощность которого достигала 0,2 м. Протяженность этого слоя – 13 м. В слое были найдены стенка гераклейской (?) амфоры и фрагмент стенки лепного сосуда бронзовой эпохи.

Ров располагался закономерно к востоку от вала. Он был устроен в материковой глине белоглазке, меняющей оттенки от светло-коричневого до бледно-желтого в нижней части.

Глубина рва от уровня современной дневной поверхности достигала 3,5 м. Ширина его горловины составляла около 9 м, а с учетом сильных разрушений, особенно контрэскарпа рва, имевшего более крутой уклон, можно предположить, что изначально ширина рва в верхней части вряд ли превышала 5 м. Нами было сделано 6 стратиграфических разрезов рва, давших в целом однообразную стратиграфическую картину его заполнения (рис. 5).

С уровня подошвы слоя пахоты над центром рва выявлен *слой суглинка темно-серого, почти черного цвета*. Толщина этой прослойки по горизонтали в верхней

части достигала 1,6 м. В разрезе он представлял собой сужающуюся книзу вертикальную полосу, имевшую небольшой завал в сторону контрэскарпа и как бы «прорезающую» два нижележащих слоя. Общая его толщина по вертикали достигала 3,08 м. Он плавно светлел к нижней части, которая отличалась включением глины и имела желтоватый оттенок. В отдельных случаях изменение оттенка имело относительно резкую границу, в пределах слоя читались линзовидные горизонтальные прослойки более темного гуммированного суглинка, располагавшиеся как сверху, так и в средней и нижней его части. В верхней части слоя было выявлено незначительное количество керамического материала: фрагмент венчика и две стенки средневекового открытого поливного сосуда. Глина бежевая, розоватая, полива по внутренней стенке желто-коричневого цвета. Прочие находки представлены фрагментами степок амфор и столовых красноглиняных сосудов.

На остальной площади надо рвом, под слоем пахоты, выявлен *слой плотного суглинка серовато-коричневого цвета*. Он прослеживается от западного борта раскопа до верхней части эскарпа рва. Над центральной частью рва он рассечен вышеописанным слоем. Мощность слоя достигает максимального значения – 1,44 м над центром рва.

Ниже него был выявлен *плотный глинистый слой грязно-желтого цвета*, вероятно, сформировавшийся в результате обрушения бортов рва. Он также прорезан слоем гуммированного суглинка темно-серого цвета, мощность его над восточной частью рва достигает 1,75 м. Иногда западная часть слоя, лежащая со стороны контрэскарпа, отличалась более темным коричневатым оттенком.

Нижнюю часть рва перекрывал мощный *слой рушенной материковой глины желтого цвета*, отличавшейся от нетронутого материка чуть более темным оттенком и большей плотностью. В нижней части слоя над центром рва встречаются незначительные скопления мелких угольков, что может свидетельствовать о периодических степных пожарах. Слой достигал мощности 1,83 м над центральной частью рва.

На дне ровика, выявленного в нижней части рва, была расчищена прослойка горелой органики (рис. 6) растительного происхождения толщиной до 0,01 м, отчетливо были различимы обугленные стебли растений. В северной части рва фиксируется 2 уровня таких прослоек, что связано, вероятно, с обрушением придонной части контрэскарпа и оползанием его вниз. Наличие таких прослоек в придонной части Акмонайского рва, отмечалось исследователями и ранее, они были интерпретированы как последствия степных пожаров.

Анализ стратиграфии рва свидетельствует в пользу того, что его заполнение происходило постепенно, в результате поэтапного обрушения и оползания бортов рва, устроенного в глине, а также насыпи вала. Очевидно, что эскарп и контрэскарп вала имели другую конфигурацию и более крутой уклон поверхностей. В результате их обрушения над центром рва постепенно формировалась вертикальная прослойка гуммированного суглинка темно-серого цвета, имевшая незначительный уклон в сторону контрэскарпа. Возможно, это углубление в

определенный период запустения рва являлось сезонным руслом для осадочных вод, вследствие чего произошло его заиливание.

В ходе работ было найдено несколько десятков фрагментов керамики. Среди профилированных отметим ручки эллинистических амфор неизвестного центра оранжевой глины (рис. 7.1-2), ручку амфоры «причерноморского типа» (рис. 7.4) и венчик средневекового сосуда (рис. 7.3).

Малочисленный и разновременный археологический материал выявлен лишь в верхних напластованиях, преимущественно в пахотном слое и верхней части заполнения рва, и не дает основания для датировки исследованного сооружения [Столяренко, Супренков, Прокопенко, 2018].

Обнаруженная сгоревшая органика послужила основой для естественнонаучного анализа методом радиоуглеродного датирования¹. Этот анализ дал мало ожидаемую хронологию: II – начало III в. н.э. В случае, если она соответствует времени попадания сгоревших растений на дно рва, то это свидетельствует о том, что в этот период его глубина соответствовала строительной (?). Напомним, что эпохой Савромата II мы датируем позднюю перестройку проезда через Узунларский вал [Супренков, 2016, с. 255], но у нас недостаточно данных, чтобы соотнести эти факты между собой.

Таким образом, объективной и весомой археологической аргументации относительно датировки рва на Акмонайском перешейке нам получить не удалось. Мы располагаем текстом Геродота, а также можем руководствоваться общей логикой вещей. Согласно последней, с момента вхождения Феодосии в состав Боспорского царства сооружение рва к востоку от неё противоречило практическому смыслу. Ров мог быть выкопан раньше и стать неактуальным в последующий период. В пользу этого говорит наличие единственного строительного периода, который фиксировался на всех разрезах, а также плохая сохранность, «древность» насыпи по сравнению с эллинистическими Узунларским и Тиритакским валами. Это заставляет нас присоединиться к точке зрения А.В. Гаврилова, отметив, однако, отсутствие на сегодняшний день каких-либо убедительных археологических доказательств присутствия в Восточном Крыму многочисленного до-греческого населения – «потомков слепых рабов» на момент возникновения первых боспорских колоний. Если же вал был сооружён в VI в. до н.э., то последующее возведение в эпоху Спартокидов Узунларского и Тиритакского валов является продолжением более древней традиции огораживания целого географического района, в общем-то уникальной для столь раннего периода.

---

¹ Осуществлено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. I. – Одесса: Типография Т. Неймана и К. 1848. 494 с.
- Бабков Н.И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Издательство АН Украинской ССР. 1957. С. 289 – 291.
- Бларамберг И. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД П.И. 1848. С. 2 – 19.
- Веселов В.В.. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949 – 1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum: Том II / Глав. ред. А.А. Масленников. М., 2005. 266 с.
- Гаврилов А.В. О валах на Акмонайском перешейке // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. 2001. С. 10–17.
- Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука. 2004. 368 с.
- Гаврилов А.В. Акмонайский ров и вал на картах // История и археология Крыма. Вып. III. 2016. С. 107 – 108.
- Дюбуа де Монпере. Ф. 2009. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5-6. – Симферополь: Бизнес-Информ. 2009. 328 с.
- Ермолин А.Л. Территория и население Европейского Боспора в позднеантичный период (середина III – конец VI веков) (по материалам городищ, поселений, некрополей) / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Белгород. 2012.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л. 1953. 388 с.
- Кузнецова Т.М.. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // Stratum plus. № 3. 2009. С. 308–328.
- Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К. 2003. 200 с.
- Муравьев-Апостол М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб. 1823. 337 с.
- Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов. // СА. 3. 1981.
- Надеждин Н. Геродотова Скифия, объяснённая через сличения с местностями // ЗООИД. I. 1844. С. 3 – 114.
- Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793-1794 гг. М.: Наука. 1999. 246 с.
- Прокопенко С.Н., Супренков А.А. Валы Европейского Боспора: к истории изучения Акмонайского, Узунларского, Тиритакского и вала Безкровного // Классическая и византийская традиция 2018. Сборник материалов XII научной конференции / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород. Издательский дом Белгород. НИУ «БелГУ». 2018. С. 26 – 37.
- Ромм. Ж. 1941. Путешествие в Крым в 1786 г. Л. Издание Ленинградского государственного университета. 1941. 79 с.
- Сестреневич-Богуш. С. 1806. История царства Херсонеса Таврийского (История о Таврии). Т. I Спб., Тип. Шнора. 1806. 874 с.
- Сокольский Н.И. Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА XXVII. 1957. С. 91 – 106.
- Столяренко П.Г., Супренков А.А., Прокопенко С.Н. Валы Безкровного (Чокракский) и Акмо-

- найский (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. 25. 2018. С. 354 – 362.
- Сумароков П. Г. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Симферополь: Бизнес-Информ. 2012. 207 с.
- Фабр. А. 1859. Достопамятнейшие древности Крыма и соединённые с ними воспоминания. Одесса. Типография П. Францова. 98 с.
- Clark M. E-D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. V. II. Ch. XVIII. Paris. 1812.
- Muralt E. Theodosia et les remparts de Bosphore Cimmerien du cote de la Tauride // MSAN v. 6 № 3. 1852.
- Stemkovsky J. Quelques idées sur la recherche d'antiquité dans le Bospore // Journal d'Odessa. v. 37. 1827.

REFERENCES

- Ashik A.B. Bosporskoe carstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamjatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami. Ch. I. – Odessa: Tipografija T. Nejmana i K. 1848. 494 s.
- Babkov N.I. K voprosu o mestonahozhdenii Asandrova vala // Istorija i arheologija drevnego Kryma / Otv. red. P.N. Shul'c. Kiev: Izdatel'stvo AN Ukrainskoj SSR. 1957. S. 289 – 291.
- Blaramberg I. Zamechanija na nekotorye mesta drevnej geografii Tavridy // ZOOID II.I. 1848. S. 2 – 19.
- Veselov V.V. Svodnaja vedomost' rezul'tatov arheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovah v 1949 – 1964 gg. // Drevnosti Bospora. Supplementum: Tom II / Glav. red. A.A. Maslennikov. M., 2005. 266 s.
- Gavrilov A.V. O valah na Akmonajskom pereshejke // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. Vyp. VIII. 2001. S. 10–17.
- Gavrilov A.V. Okruga antichnoj Feodosii. Simferopol': Azbuka. 2004. 368 s.
- Gavrilov A.V. Akmonajskij rov i val na kartah // Istorija i arheologija Kryma. Vyp. III. 2016. S. 107 – 108.
- Djubua de Monpere. F. 2009. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abhazam, v Gruziju, Armeniju i Krym. V 6 tomah. Parizh, 1843. T. 5-6. – Simferopol': Biznes-Inform. 2009. 328 s.
- Ermolin A.L. Territorija i naselenie Evropejskogo Bospora v pozdneantichnyj period (seredina III – konec VI vekov) (po materialam gorodishh, poselenij, nekropolej) / Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kand. ist. nauk. – Belgorod. 2012.
- Zhebelev S.A. Severnoe Prichernomor'e. M.-L. 1953. 388 s.
- Kuznecova T.M.. Hronologija skifskogo prisutstvija na Blizhnem Vostoke (po sledam Gerodota) // Stratum plus. № 3. 2009. S. 308–328.
- Maslennikov A.A. Drevnie zemljanye pogranično-oboronitel'nye sooruzhenija Vostochnogo Kryma. Tula: Grif i K. 2003. 200 s.
- Murav'jov-Apostol M. Puteshestvie po Tavride v 1820 g. SPb. 1823. 337 s.
- Ol'hovskij V.S. Naselenie Kryma po dannym antichnyh avtorov. // SA. 3. 1981.
- Nadezhdin N. Gerodotova Skifija, ob#jasnjonnaja cherez slichenija s mestnostjam // ZOOID. I. 1844. S. 3 – 114.
- Pallas P.S. Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam russkogo gosudarstva v 1793 – 1794 gg. M.: Nauka. 1999. 246 s.
- Prokopenko S.N., Suprenkov A.A. Valy Evropejskogo Bospora: k istorii izuchenija Akmonajskogo, Uzunlarskogo, Tiritakskogo i Vala Bezkrovnoho // Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija 2018.

- Sbornik materialov XII nauchnoj konferencii / Otv. red. N.N. Bolgov. Belgorod. Izdatel'skij dom Belgorod. NIU «BelGu». 2018. S. 26 – 37.
- Romm. Zh. 1941. Puteshestvie v Krym v 1786 g. L. Izdanie Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 1941. 79 s.
- Sestrencevich-Bogush. S. 1806. Istorija carstva Hersonesa Tavrijskogo (Istorija o Tavrii). T. 1 Spb., Tip. Shnora. 1806. 874 s.
- Sokol'skij N.I. Valy v sisteme oborony Evropejskogo Bospora // SA XXVII. 1957. S. 91 – 106.
- Stoljarenko P.G., Suprenkov A.A., Prokopenko S.N. Valy Bezdrovnoho (Chokrakskij) i Akmonajskij (Respublika Krym, Leninskij rajon) // Goroda, selishha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij. 25. 2018. S. 354 – 362.
- Sumarokov P. Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu. – Simferopol': Biznes- Inform. 2012. 207 s.
- Fabr. A. 1859. Dostopamjatnejšie drevnosti Kryma i soedinjonnye s nimi vospominanija. Odessa. Tipografija P. Francova. 98 s.
- Clark M. E-D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. V. II. Ch. XVIII. Paris. 1812.
- Muralt E. Theodosia et les remparts de Bosphore Cimmerien du cote de la Tauride // MSAN v. 6 № 3. 1852.
- Stemkovsky J. Quelques idées sur la recherche d'antiquité dans le Bospore // Journal d'Odessa. v. 37. 1827.

Резюме

Работа посвящена Акмонайскому валу – древнему земляному пограничному сооружению на одноимённом перешейке в Восточном Крыму. Существует несколько версий о времени и обстоятельствах возведения этого объекта. Цель автора – подвести промежуточный итог его многолетних исследований. Опираясь на опыт предшественников, письменные источники и собственные работы, автор предлагает датировать вал VI в. до н.э.

Ключевые слова: Восточный Крым, Акмонайский вал, античная история, археология.

Summary

The work is dedicated to the Akmonaysky rampart – an ancient earthen border structure on the like-named isthmus in Eastern Crimea. There are several versions about the time and circumstances of the construction of this object. The author's goal is to summarize his many years of research. Based on the experience of predecessors, written sources and his own works, the author proposes to date the shaft to the 6th century BC.

Key words: Eastern Crimea, Akmonaisky rampart, ancient history, archeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Супренков Александр Анатольевич, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
+7 9788163719.
suprenkov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Suprenkov Alexander Anatolyevich,
Candidate of Historical Sciences (CSc),
Senior Researcher,
Institute of Archeology
of Crimea of the Russian academy of sciences,
+7 9788163719.
suprenkov@mail.ru

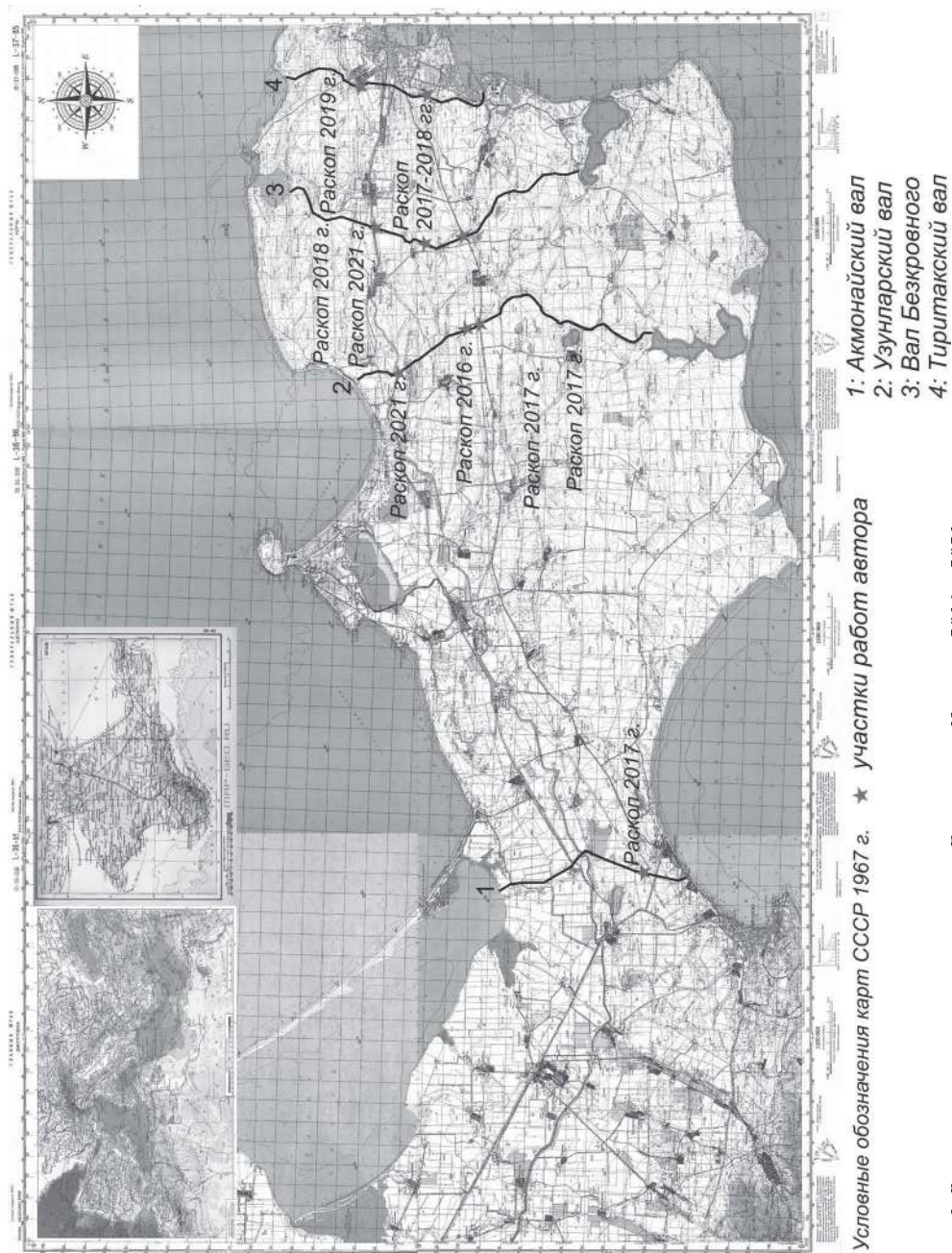

Рис. 1. Раскопки автора на участках валов Восточного Крыма в 2016 – 2021 гг.

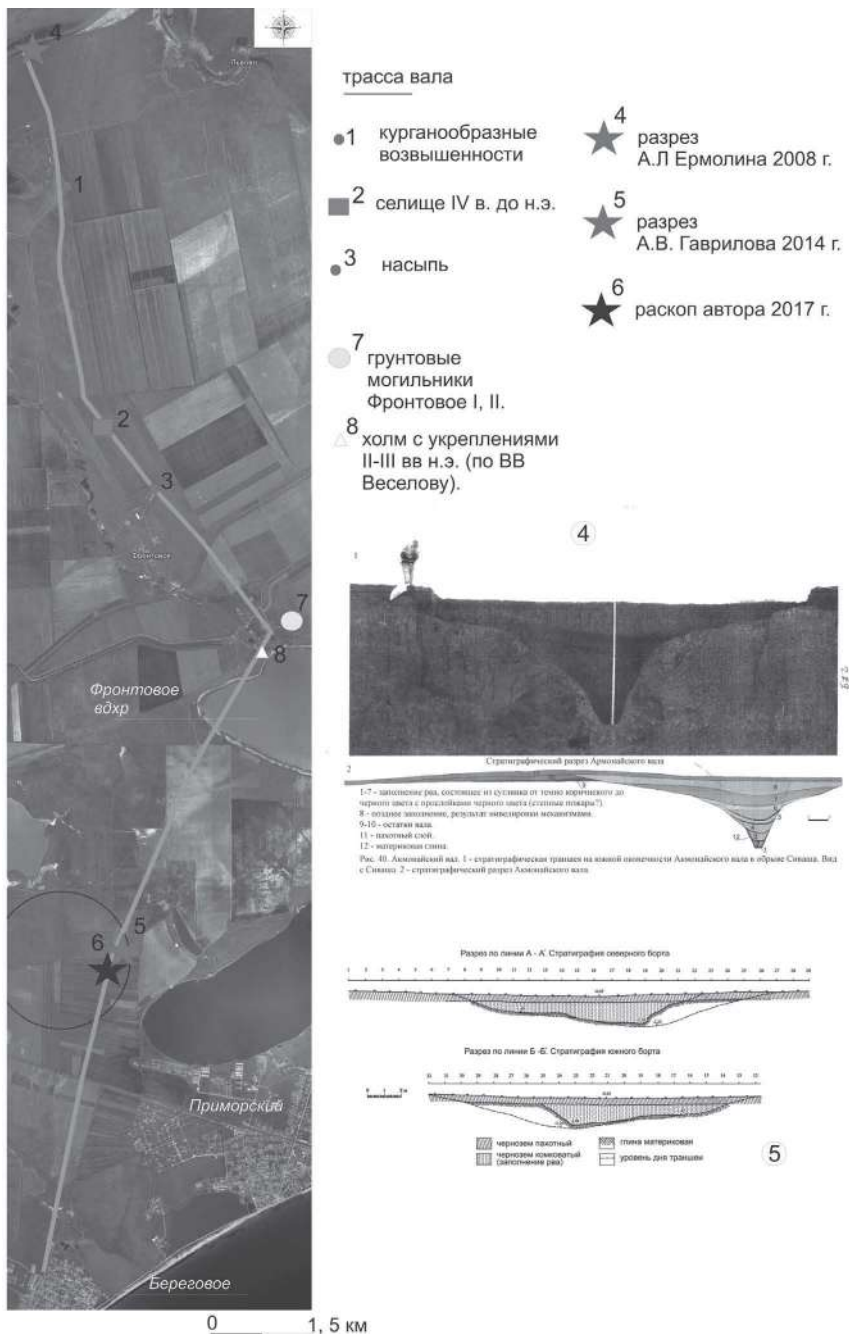
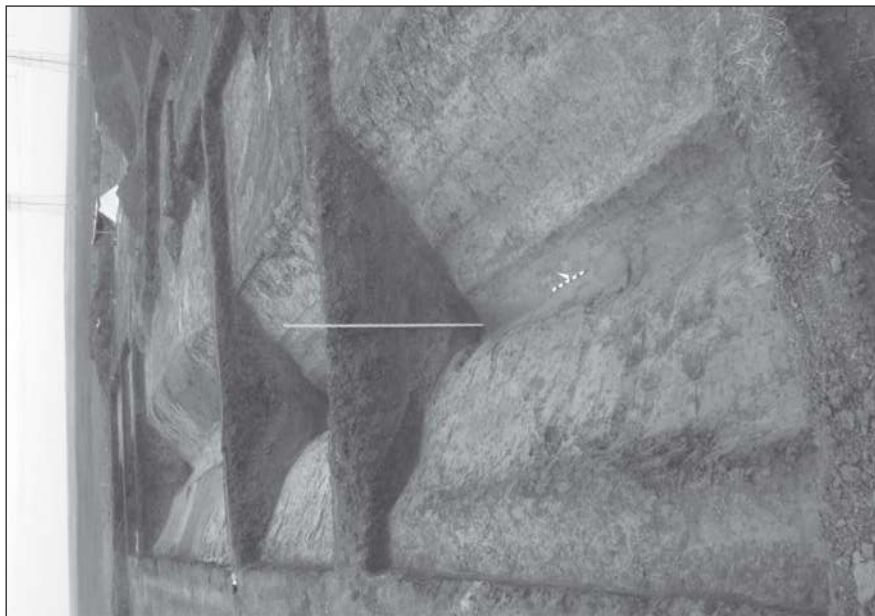

Рис. 2. Акмонайский вал на космических снимках (по А.В. Гаврилову).

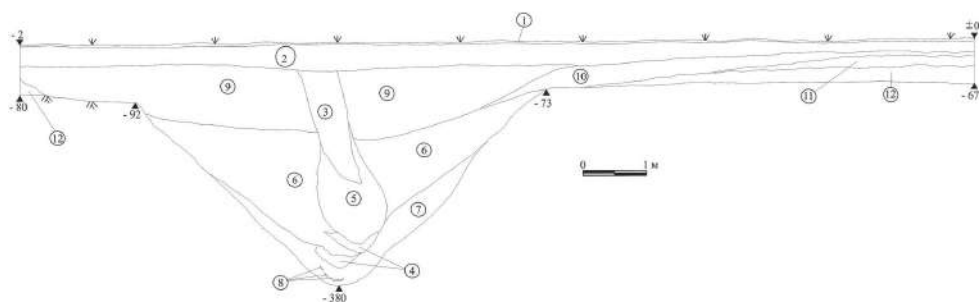
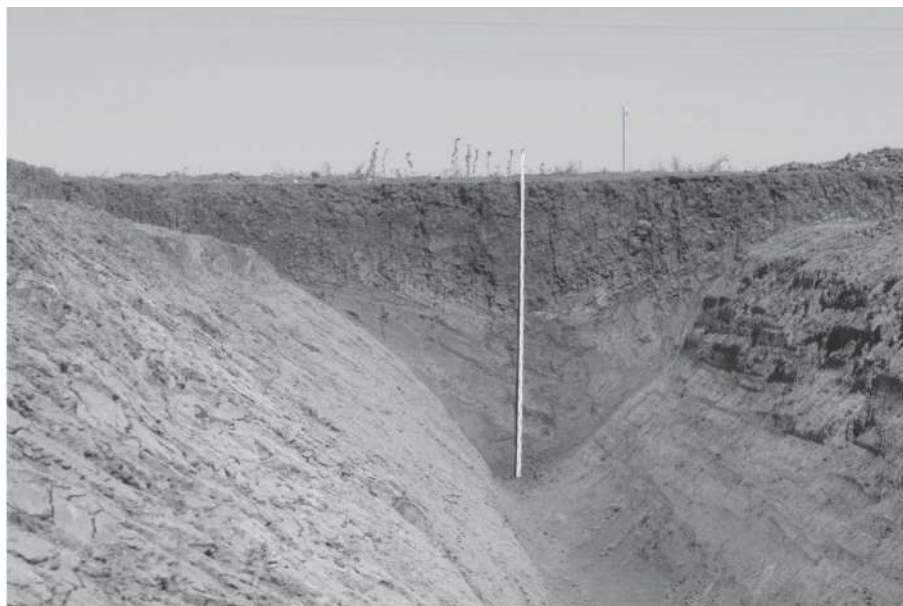

Рис. 4. Акмонайский вал. Общий вид с севера на раскоп 2017 г.

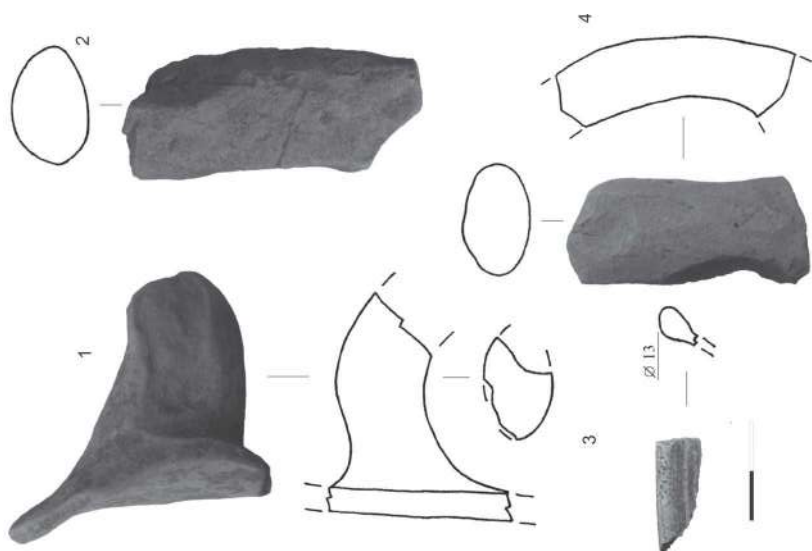
Рис. 3. Акмонайский вал. Вид с севера на северную окраину рва. Фото автора 2023 г.

- 1- дерн
- 2- пашня
- 3- темно-серый гуммированный суглинок (затек)-светлеет к низу
- 4- темно-серый (почти черный) гуммированный суглинок
- 5- темно-серый гуммированный суглинок, светлее, чем слой 3
- 6- грязно-желтый суглинок (оползшая материковая глина стенок рва)
- 7- грязно-желтый суглинок немного темнее материкового
- 8- горелый слой
- 9- серовато-коричневый суглинок
- 10- серовато-коричневый суглинок (насыпь вала)
- 11- серо-коричневый гуммированный суглинок (погребенная почва)
- 12-материк

Рис. 5. Акмонайский вал. Один из разрезов рва, вид с юга.

1-2: ручки амфор оранжевой глины, эллинизм;
3: венчик сосуда, Средневековье,
4: ручка амфоры "тричерноморского типа".

Рис. 7. Акмонайский вал. Находки. Пахотный слой.

Рис. 6. Акмонайский вал. Следы сторевшей органики на дне
рва, вид с севера.

И. В. ШОНОВ
I. V. SHONOV

**О МОНОГРАММАХ НА МОНЕТАХ
СКИФСКИХ ЦАРЕЙ В ДОБРУДЖИ 154 – 116 гг. до н. э.**

**ABOUT MONOGRAMS ON COINS
SCYTHIAN KINGS IN DOBRUDZHA 154 – 116 bc.**

Ввиду того, что в последнее время появляется достаточно большое количество нумизматического материала боспорского, понтийского, скифского царств, имеющих общие монограммы, возникла необходимость в написании данной работы, в которой основное внимание будет уделяться монетам скифского царства в Добруджи во II в. до н. э. Помимо нумизматического материала Малой Скифии, эпиграфический материал позволяет анализировать данный период в целом в Причерноморье. Это время С. И. Андрух относит к IV этапу стабильного проживания скифов в Добруджи в рамках Малой Скифии с середины III – I вв. до н. э. Данный этап основывается на скифских погребениях. Находки скифской керамики на поселениях гетов согласуются с эпиграфическими и нумизматическими материалами. В рассматриваемый период формируется государственное образование, известное, по Страбону, как Малая Скифия, с установлением якобы протектората над греческими городами. Правят Малой Скифией скифские цари Танусак, Канит, Сариак, Акросак, Харасп и Айлий. Завершается этот этап включением народов этого царства в антиримскую коалицию Митридата VI Евпатора [Андрух, 1995, с. 94-95]. Полный анализ о территории Малой Скифии проделан в ряде работ [Knechtel, 1919, p. 29 – 34; Canagache, 1933, p. 77 – 83; 1950, p. 225; Карышковский, 1971, с. 50-51]. Обширная территория, подвластная Малой Скифии, должна была бы привести скифов к господству над всем западно-понтийским регионом и возможности влиять на поселения ближайших регионов [Андрух, 1995, с. 96]. Почему это не происходило? Ответ на этот вопрос является очень важным на сегодняшний день не только для Скифии в Добруджи, но и для всего понтийского региона.

Особо важные в этом вопросе являются работы В. Канараке [1933, p. 60 – 83] и Т. Герасимова [1946, с. 51 – 81; 1953, с. 53 – 85; 1975, p. 25 – 27], а также более современный труд по данной теме С. И. Андрух [1995, с. 205]. Дальнейшее исследование монет Добруджи будет проводиться в той же последовательности, которую придали им данные исследователи. В конце описания этих монет, после расшифровки всех монограмм, они будут выстроены в новый хронологический ряд. Денежные эмиссии царя Канита, как самые обильные, исследователи относят к первой группе монет Добруджи. Данные монеты были разбиты на восемь типов [Андрух, 1995, с. 120-121, рис. 11].

При исследовании монет Добруджи я опирался на три основных момента. Первый – это монограммы сирийских или египетского правителей. Первую группу монет заполняют теофорные имена, которые отвечали за конкретный выпуск. Второй опорной точкой в изучении данного вопроса является имя скифского царя, которое, как и монограммы, поможет более точно объединить исследуемые монеты в группы. Третьей опорой в исследовании данной темы является изображение аверсов и реверсов монет Добруджи. Иконография этих монет схожа и важна для изучения, но является второстепенным фактором в отличие от двух первых. Из-за неполного наличия фотографий монет Малой Скифии я использовал таблицу 1. «Характеристика царских монет» из работы С. И. Андрух, а также описание и изображения этих монет из книги этой исследовательницы [1995, с. 121, рис. 11, с. 125. рис. 12, с. 128 – 131, табл. 1]. Помимо этого, была составлена собственная таблица некоторых изображений монет по этой теме (рис. 1,8). Выводы по изложенному материалу постоянно сравнивались с выводами по монетам Пантикапея этого же времени.

После победы над Лисимахом к 280 г. до н. э. Селевк I решил завоевать северные районы Малой Азии. Боясь нападения Селевка I, Гераклея Понтийская собрала в союз Византий, Колхидон и Понт. Это стало началом Северной Лиги – союза городов Малой Азии и эллинистических монархов для противостояния Селевкидам. Но к 255г. до н. э. при Антиохе II Сирия уже являлась членом Северной Лиги [McGing, 1986, p. 17]. В 279 г. до н. э. был заключен союз между Антиохом I и Антигоном Гонатом [Сапрыкин, 1986, с. 133]. По-видимому, после этих событий произошел раздел территории на сферы влияния в Причерноморье. К 250 г. до н. э. Селевкиды уже имели традиционное влияние в Черноморском регионе [Ранович, 1950, с 117]. В конце III в. – начале II в. до н. э. возросло могущество Антиоха III. Он возвращает себе утраченные территории, такие как Великая Фригия. Это резко изменило ситуацию в Малой Азии. Не осталось без внимания и Северное Причерноморье. Очевидно, по договору Македонии и Сирии Боспорское царство в III в. до н. э. отошло Македонии [Шонов, 2020, с. 101 – 110]. А Херсонес попадает в зону селевкидского влияния [Шонов, 2020, с. 427 – 437]. Очевидно, что при правлении в Сирии Антиоха III Великого укрепляются связи на Балканах. Исключением не стала и Малая Скифия в Добруджи. На это указывает декрет граждан Одеса в честь антиохийца Гермия, который датируется рубежом III – Пвв. до н. э. [Граков, 1939, с. 125; Biblioteca di studi superiori, 1976, № 124, p. 139 – 141; Карышковский, 1962, с. 111]. Благодаря сопоставлению текста этого декрета с документом этого же времени из Аполлонии, который оповещает о заключении оборонительного договора между Аполлонией и Месембрией с одной стороны и Антиохом III – с другой. Х. Данов рассмотрел их как деятельность Антиоха III Великого [1968, с.411, сн. 30]. Очевидно, что чеканка монет Добруджи началась в 154 г. до н. э., что, возможно, связано с каким-то договором о помощи греческим городам Одессу, Томы, Каллатису в случае нападения на них. Во главе этого союза стоял царь Сирии Деметрий I Сотер. Ранее было отмечено, что выпуски мо-

нет скифских царей Добруджи наиболее близки Каллатису и Томы II-I вв. до н. э. [Андрух, 1995, с. 144]. Возможно, что в этих центрах они выпускались. Подобно как монеты царя Скилура выпускались в Ольвии.

Первая группа монет царя Канита 154 – 150 гг. до н. э.

К первой группе монет относятся пять выпусков монет с монограммами теофорных имен и именем скифского царя Канита. На этих монетах Канита присутствуют монограммы **ΒΙΧΟ**, **ΑΡΙΣ**, **ΑΝ**, **ΑΠΟΛ**, **☐** [Андрух, 1995, с. 122-124] (Табл. I, 1-5), которые читаются как имена Арес и Аполлон. Монограмма **ΒΙΧΟ**, на первый взгляд, варварское имя, но в малазийских именах оно отсутствует [Zgusta, p. 320], присутствует в греческих именах, читается Бахус [Dornseiff, Hansen, p. 295].

Первые пять этих выпусков монет царя Канита можно отнести к последним пяти годам правления в Сирии царя Деметрия I Сотера, Никатора, Филадельфа (годы правления – 162-150 гг. до н. э.). Соответственно, эти монеты можно отнести к выпускам 154 – 150 гг. до н. э. Обоснование этих дат будет приведено ниже. Именно при этом сирийском правителе у нас есть доказательства союза Селевкидов и царей скифов в Добруджи. Этот селевкидский правитель в 162 г. до н. э., будучи сыном царя Сирии Селевка IV, бежал из Рима, где он находился в качестве заложника. В побеге ему помогал известный греческий историк Полибий. Расправившись со своими конкурентами: Антиохом V и регентом Лисием, стал править самостоятельно. Позднее Деметрий убил полководца Тимарха, а в Кападокии вместо Ариарата I посадил нового царя [Тарн, 1949, с. 50]. Позже, по-видимому, какую-то смену правителей Деметрий произвел и в Добруджи, укрепив этим позиции скифского царя Канита. Очевидно, что к этому времени весь скифский мир был в союзе с Селевкидами. Парфы – скифское племя по происхождению [Попов, 2008, с. 55]. Цари Парфии издавна состояли в союзе с Селевкидами. Скифы из царского рода служили у Селевкидов верховными военачальниками [Шишова, 1956, с. 117; Шонов, 2022, с. 164 – 166].

Монеты Добруджи данного времени не имеют монограмм селевкидских правителей. Все ограничивалось теофорными именами лиц, отвечающих за выпуск монет. Аналогией безмонограммных монет при правлении в Сирии Деметрия I являются монеты Пантикапея. Это драхмы типа «голова Аполлона вправо – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ» [Шонов, 2021, с. 98 – 100]. Монограммы на данных типах ранее и позже не встречались. К драхмам примыкают безмонограммные гемидрахмы типа: «голова Аполлона вправо в точечном ободке – тирс влево ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ». К этой группе примыкает безмонограммный статер с именем царя Перисада [Анохин, 2011, с. 184, № 1281; Шонов, 2021, с. 98-99, 113, табл. 1, №9-12, 14]. Очевидно, что как и в Пантикапее, так и в Добруджи отсутствие монограмм объясняется отсутствием средств у Деметрия I. Выпуски в Пантикапее при этом сирийском правителе осуществляет царь Боспора Перисад IV. Помимо перисадовских монет, к пантикапейской чеканке этого времени относятся драхмы типа «Аполлон – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, с монограммой **☐**» с весовыми нормами 3,29 – 4,16 г. А так-

же гемидрахмы типа «Голова Аполлона в точечном ободке – тирс влево, внизу монограмма , надпись в две строки ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ», их средний вес 1,73 г [Анохин, 2011, с. 158-159, № 1093]. Впервые монограмма появляется на золотых статерах Александра Македонского, закрепившись в это время за египетскими царями с именем Птолемей (Шонов, 2022, с. 167). Данная монограмма встречается на сирийских тетрадрахмах времени правления в Сирии Деметрия I [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, plate 14, № 1633a, 1635b, 1636]. Данная монограмма встречается на монетах Фарнака I [Сапрыкин, 1996, с. 83], что указывает на крепкий экономический и политический союз между Фарнаком I и Птолемеем VI Филометором, к которому и относится данная монограмма на монетах Пантикапея. Царь Птолемей VI на протяжении долгого времени курировал Сирию при царях: Деметрии I, Александре I Баласе и Деметрии II Никаторе [Тарн, 1949, с. 51]. В Причерноморье ухудшались отношения между скифами и эллинами. В 179 г. до н. э. мирный договор между Фарнаком I Понтийским, Эвменом II Пергамским, Прусием II Вифинийским и Ариаратом V Каппадокийским были включены сарматский царь Гатал и общины автономных городов Гераклеи, Месембрии, Кизика и Херсонеса Таврического [Полибий, XXV, 2]. Союз Херсонеса с Фарнаком продлился до 157 г. до н. э. В 160-159 гг. до н. э. был принят декрет афинян в честь Фарнака I. Из декрета видно, что в эти годы Фарнак взял в жены Нису, сестру или племянницу Антиоха IV Эпифана, сына Антиоха III Великого. Брак позволил укрепить связи с Селевкидами в лице Деметрия I, что позволило Понту выйти из политической изоляции, улучшив отношения с Римом [Сапрыкин, 1996, с. 85-86]. В 156 г. до н. э. в войне Пергама с Вифинией участвовал уже как царь Понта Митридат IV Филометр Филадельф [Полибий, XXXIII, 12. 1]. Отсюда следует, что Фарнак I умер в 157 г. до н. э. либо в начале 156 г. до н. э., прожив в браке с Нисой 2-3 года. Очевидно, что этот брак был закреплен союзом между Фарнаком I и Деметрием I, по которому после смерти Фарнака Херсонес оставался за Селевкидами [Шонов, 2021, с. 405-406]. В эти годы к финансированию Боспора причастен царь Крымской Скифии Аргот [Шонов, 2021, с. 100]. Этот представитель скифского царского рода известен на основании надписи из КБН, упоминающей Перисада IV Филометора, его мать Камасарию, дочь царя Спартока, и Аргота (без царского титула), супруга Камасарии. Камасария Филотекна заключила повторный династический брак с представителем царской семьи таврических скифов между 170 – 150 гг. до н. э. [Vinogradov, 1997, p. 531 – 537; Stolyarik, 1998, p. 96 – 97; Толстиков, Виноградов, 1999, с. 295 – 296]. Благодаря эпитафии скифского царя Аргота [Виноградов, Зайцев, 2003, с. 44 – 53] в истории Таврики выделяется объединение Скифии и Боспора. Очевидно, что этот брак распался не позднее 154 г. до н. э. [Сидоренко, 2005, с. 68 – 69]. Все эти события начались еще при правлении в Сирии Антиоха IV Эпифана (годы правления – 175-164 гг. до н. э.), но большее количество времени этих событий приходится на правление Деметрия I Сотера (годы правления – 162-150 гг. до н. э.), который продолжал политику Антиоха IV, очевидно, объединив под своими знаменами скифов в Таврике,

Добруджи и Парфии. Можно предположить, что брак Камасарии и Аргота был заключен с благословения сирийского правителя не ранее 168 – 167 гг. до н. э., когда в Сирии правил Антиох IV, т. к. к 168 г. до н. э. Сирия отказалась помогать своему союзнику Македонии, перейдя на сторону Рима. Селевкидские цари, очевидно, получают возможность с позволения Рима активно влиять на Боспор и через него на крымских скифов, ранее входивших в зону влияния македонских царей [Шонов, 2020, с. 101 – 114; 2020, с. 427 – 430; 2021, с. 93]. Во II в. до н. э. известны нападения местных варваров на Херсонес [Шонов, 2019, с. 98 – 99], которые, очевидно, случались до 167 г. до н. э. После заключения брака Аргота и Камасарии нападения на Херсонес, скорее всего, прекращаются. Возобновляются они лишь к 116 г. до н. э. В этот год началась война между Антиохом IX Кизикенским и Антиохом VIII Грипом. По договору 116 г. до н. э. Антиоху VIII Грипу отходил Херсонес, а Антиоху IX достался Боспор. Этот договор зависел от куратора Сирии Птолемея VIII [Аппиан, История Рима: Сирийские войны 68]. После этого Херсонес становится лакомой добычей для царя Скилура [Шонов, 2022, с. 164]. Брак Аргота и Камасарии решал проблемы по улучшению политической обстановки в Таврике. Исходя из четвертой строки эпитафии скифского царя Аргота, этот царь, правивший в столице таврических скифов, по отношению к эллинам был настроен воинственно, завоевывал причерноморские греческие города, очевидно, вплоть до Византии. Он покорял фракийцев и меотов, взимая со всех дань. Оберегая города от нападения других варваров, при всем при этом учитывались интересы Боспора и Сирии. Все это длилось до 154 г. до н. э. В этот год умирает царь Аргот. На смену ему в Неаполе, по-видимому, приходит царь Скилур, с которым у Боспора и Селевкидов сохраняются хорошие отношения. Скилуру так же, как и Каниту, представляется возможность курировать для Селевкидов город Ольвию и прилегающую к ней хору. Об этом свидетельствуют, как и в Добруджи, монеты с монограммами египетских и селевкидских правителей, а также надписи на монетах с титулом и именем Скилура [Анохин, 1989, с. 111 – 112, табл. XX, 321 – 331]. Исследователей интересовал политический аспект отношений Скилура с Ольвией, признавая разную степень подчинения города царю, проводя параллель с чеканкой царей Малой Скифии в Добруджи [Фролова, 1964, с. 52 – 54]. Ранее считалось, что выпуски монет Скилура, как и монеты Добруджи, вероятно, должны были удовлетворять амбиции скифских династов, поскольку их монеты очень редки и чеканены в дешевом металле [Анохин, 1989, с. 52-53]. Всех этих исследований явно не хватает, и данная тема требует новых изысканий.

Вторая группа монет Канита 149 – 144 гг. до н. э.

Данная группа монет Канита не имеет на своих реверсах царских монограмм (табл. I, 6-11). Шесть выпусков монет приходятся на 149 – 144 гг. до н. э. В Сирии в это время правит царь Александр I Балас (годы правления 150 – 145 гг. до н.э.). Претензии на престол Александра I были признаны Римом и Птолемеем VI Филометором, который в 149 г. до н. э. отдал замуж за Александра I свою дочь Клеопатру Тею. После чего Птолемей VI осуществлял протекторат над Сирией. Клеопатре в эти годы был отдан доход с Боспора, что отразилось чеканкой монет с ее монограммой [Шонов, 2001,

с. 100 – 101]. В Добруджи все доходы, очевидно, принадлежали царю Каниту. По-видимому, все это продолжалось до 144 г. до н. э.

Третья группа монет Канита и Сариака 143 – 139 гг. до н. э.

Третья группа монет чеканилась со 143 по 139 г. до н. э. (табл. I, 13-16). Первые пять лет монеты выпускал царь Канит (табл. I, 12-15) и лишь в 139 г. до н. э. монеты чеканил царь Сариак. По-видимому, Сариак был старшим сыном Канита. Все монеты данной группы несут на реверсах монограммы Птолемея VI. Этот египетский царь, очевидно, стал получать доход с выпусков монет в Добруджи, разделяя прибыль с царем Канитом. А в 139 г. до н. э. – с царем Сариаком. Это отразилось в монограммах Птолемея VI – **ΠΟΛΥ**, **Πο**, **Π**. Очевидно, что причиной привлечения к чеканке Добруджи Птолемея VI была сложившаяся ситуация в Сирии и тот факт, что Птолемей VI, скорее всего, в это время был соправителем Александра I Баласа. Действия критских войск Деметрия II в Сирии вызвали оппозицию. Полководец Александра I Баласа Диодот посадил на трон юного царевича, сбежавшего в Аравию в 145 г. до н. э. Диодот забрал царевича к себе и провозгласил царем в противовес Деметрию II. В 142 г. до н. э. Диодот свергнул юного царя Антиоха VI, убив его, и сам стал править, приняв имя Трифон. Деметрий II, воюя с парфянами, попал в плен к Митридату I Парфянскому [Тарн, 1949, с. 52]. В Сирии Клеопатра Тея противостояла Трифону. Несмотря на трудности, царица сохраняет за собой Боспор, осуществляя там чеканку монет вместе с Перисадом IV, царем Боспора, и эпистатом Теофилом (Феофилом), который продолжает служить царице до 138 г. до н. э. [Тарн, 1949, с. 52]. А может быть, и дольше [Шонов, 2021, с. 103]. Скорее всего, чтобы сохранить влияние дочери в Добруджи, отец Клеопатры Теи Птолемей VI всячески помогает ей в этом, в том числе финансирует денежные эмиссии в Добруджи.

Четвертая группа монет царя Сариака 138 – 136 гг. до н. э.

Выпуск монет при правлении в Сирии Антиоха VII длился со 138 по 136 г. до н. э. Три года выпусков равны четырем типам монет с именем царя Сариака (табл. I, 17-19a), который финансировал эти эмиссии. Возможно, что в эти годы Сирии не хватало ресурсов из-за войн с Диодотом, чуть позже с парфянами. В 139 г. до н. э. брат Деметрия II, Антиох VII Сидет, вернулся с Родоса на помощь Клеопатре. Чуть позже Антиох VII женится на ней, после чего устраняет Трифона [Тарн, 1949, с. 52]. Но парфяне в противовес Антиоху VII выставили находившегося у них в плену Деметрия II. Войско Антиоха VII было разбито, а сам царь покончил с собой, бросившись в пропасть [Ранович, 1950, с. 133].

Пятая группа монет Канита и Сариака 135 – 131 гг. до н. э.

К этой группе относятся семь типов монет, чеканенных в 135 – 131 гг. до н. э. Монеты этих выпусков несут на своих аверсах монограмму **ΒΑΚ**. Большинство ученых видят в ней собственное имя монетного магистрата. Эти же буквы присутствуют и на монетах царя Танусака (Sutzu, 1916, p. 2; Canarache, 1950, p. 237; Герасимов, 1953, с. 55; Карышковский, 1962, с. 54; Jougoukova, 1977, p. 111). Первые пять лет чеканки царя Канита и два последних года – 130-129 гг. до н. э. монеты чеканит царь

Сариак (табл. I, 20-26). Монограмма **BAK** может принадлежать сирийской царице Клеопатре Теи и читаться – как царица Клеопатра. Очевидно, что в 136 г. до н. э. Птолемей VI передает все доходы в Добруджи своей дочери Клеопатре, которая правит в Сирии, и он продолжает чеканить монеты в Пантикапее [Шонов, 2021, с. 103 – 104]. Неограниченная власть царицы в эти годы ни кем не оспорима. В Добруджи она разделяет доходы с Канитом со 136 до 132 г. до н. э. Очень возможно, что в следующем 131 г. до н. э. скифский царь Канит скончался, оставив царство своему соправителю, возможно сыну. Монеты выпускаются с монограммой **BAK** и именем царя Танусака в 131 – 130 гг. до н. э.

Шестая серия монет царя Акросака 129 – 126 гг. до н. э.

После гибели Антиоха VII к власти приходит царь Деметрий II. Вернувшись домой, Деметрий предъявил претензии на трон и Клеопатру Тею. Став царем, он начал войну с Египтом. Египет в противовес Деметрию выдвинул Александра II Забину, якобы сына Александра I Баласа. Началась гражданская война, которую Деметрий II проиграл, после чего он бежал в Птомелиаду. Там при попытке к бегству в 126 г. до н. э. Деметрия убили по приказу Клеопатры [Тарн, 1949, с. 60]. После смерти Деметрия II Александр II Забина взял под контроль почти всю территорию Сирии. За Теей остались Птомелиада и небольшие земли вокруг нее. Боспор прекращает чеканку монет с монограммой Клеопатры. Очевидно, что Боспор в 128 – 126 гг. до н. э. был потерян для Клеопатры. В Пантикапее, как и в Сирии, выпускаются серебряные монеты с датами правления Александра Забина. Добруджи не стала исключением. В эти годы чеканятся три типа монет с монограммами Александра II Забина (табл. I, 27-32). На аверсе монет стоит имя царя Акросака, очевидно пришедшего к власти при Александре II, сменив царя Танусака в конце 129 г. до н. э. Потеря Боспора для Клеопатры Теи в 128 г. до н. э., очевидно, отразилась и на крымской Скифии. В столице скифского царства Неаполе впервые в 140 г. до н. э. строится первая оборонительная стена, которая сгорела в первом пожаре. Этот первый пожар в городе датировался 135 – 131 гг. до н. э. [Зайцев, 2003, с. 21, табл. 2]. Если судить по родосским клеймам Эпонима Тимофея, данный пожар произошел в 128 г. до н. э. [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 113, прим. 48; Badoud, 2015, p. 258]. Очень возможно, что войска Александра II, возможно наемники-сарматы, вслед за наведением порядка на Боспоре и в Херсонесе выдвинулись в глубь Скифии. Очевидно, скифы были разбиты, а их столица была сожжена. После пожара на месте Мегарона строятся царский дворец и оборонительная стена вокруг акрополя Неаполя [Иванчин, 2017, с. 36, 42]. По-видимому, дворец мог быть полностью отстроен после 126 г. до н. э., тогда, когда сирийский царь Александр II Забина теряет свои позиции в Сирии и Причерноморье.

Седьмая группа монет Хараспа и Айлия 125 – 124 гг. до н. э.

В эту группу входят три типа монет царей Хараспа и Айлия. Эти монеты несут на своих реверсах монограмму **ME** Селевка V, старшего сына Клеопатры Теи. Данная монограмма читается как второе имя Селевка V Филометора. Два типа монет

(табл. I, 33-34) соответствуют двум годам выпуска до н. э. – 125 и 124. Объединившись с Египтом в начале 125 г. до н. э., Клеопатра смещает с трона Александра II Забина и начинает править Сирией. В конце 125 г. до н. э. либо в самом начале 124 г. до н. э. Клеопатра убивает своего старшего сына Селевка Филометора и начинает править с малолетним Антиохом VIII.

Восьмая группа монет царя Айлия 123 – 121 гг. до н. э.

В данную группу входят три типа монет с именем и титулом царя Айлия (табл. I, 35-37). На своих реверсах монеты несут монограммы Клеопатры Теи , , ΤΑΕ и, очевидно, чеканились три года – 123-121 гг. до н. э. В эти годы Клеопатра правит Сирией самостоятельно. Ее соправитель Антиох VIII еще очень молод [Еврейская энциклопедия, 1908, т. 2, с. 783]. С возрастом Антиох VIII стал мешать матери править, предъявив претензии на трон. В 121 г. до н. э. Тея решила отравить сына, но Антиох заподозрил мать в том, что поданное ею вино отравлено. Сын заставил выпить это вино мать, после чего Клеопатра умерла. До 121 г. до н. э. Клеопатра получала доходы с Боспора, что отразилось на выпуске монет Пантикапея с похожими монограммами [Шонов, 2021, с. 105-106].

Девятая группа монет Акросака и Сариака 120 – 116 гг. до н. э.

В эту группу входит четыре типа монет Акросака и Сариака, чеканивших монету в 120 – 116 гг. до н. э. Реверсы этих монет (табл. I, 38-43) имеют монограммы Антиоха VIII Грива , , ΕΥ . Первая монограмма, читается как имя Антиоха, вторая как одно из имен Антиоха VIII – Эвергет. Третья читается как третья часть имени Антиоха VIII – Эпифан. На монетах Сирии этого же времени имеются похожие монограммы [Houghton, Catherin, Oliver, 2008, Part II, Vol. II, p. 508, 509, 511]. В 120 г. до н. э. Антиох VIII еще чеканит свою драхму в Пантикапее, обозначая ее своей монограммой. Очень малое количество этих драхм указывает на недостаток средств у этого царя, который, убив мать в 121 г. до н.э., правит самостоятельно. На Боспоре прекращение чеканки монет с его монограммой происходит к 120 г. до н. э. А к 116 г. до н. э. чеканка прекращается вообще. В Добруджи чеканка монет также прекращается к 116 г. до н. э. При Антиохе VIII в Сирии царило спокойствие со 121 по 116 г. до н. э., но восточные провинции были потеряны. Обострились отношения с Птолемеем VI из-за смерти его сестры. Это вело к полному упадку в Сирии. Попыток вернуть себе утерянные земли не было [Rawlinson, 1899, p. 25]. Антиоху VIII нужны были какие-то меры, чтобы удержать территории Причерноморья в зоне своего влияния. В эти территории входили земли двух Малых Скифий. Антиох VIII пытается наладить связи со скифским царством в Крыму. Все его попытки были безрезультатны. К 117 г. до н. э. этот царь теряет Боспор [Шонов, 2022, с. 163 – 165], а в 116 г. до н. э. теряет часть Сирии, проиграв войну своему брату Антиоху IX Кизекену. Договор, который предоставил Антиоху VIII управлять частью Сирии, очевидно, зависел от Птолемея VIII [Аппиан, История Рима: Сирийские войны 68]. Видимо, по договору с Птолемеем VIII Антиох VIII теряет влияние на Малую Скифию в Добруджи к концу 116г. до н.э. На это указывает полное прекращение монетной чеканки. После 116г. до н. э. невозможно отследить дальнейшую историю скифской династии в Добруджи.

Таблица I. Типы скифских монет в Добруджи 154 – 116 гг. до н. э.

№	Год выпуска до н. э.	Описание монет	Монограмма	Номер по таблице С. И. Андрух	Номер монет по рис. 1.
1	154	Зевс – орел на молнии, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	Α Π	9	
2	153	Деметра и Кора – два факела и колос, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΒΙΧΟ	3	
3	152	Зевс – палица, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΑΠ	15	
4	151	Деметра и Кора – два факела и колос, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΑΡΙΣ	3	
5	150	Гермес – кадуцей и пальмовая ветвь ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	Α Π Λ	22	2
6	149	Деметра и Кора – два факела и колос, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	-	2	1
7	148	Зевс – орел на молниях, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	-	8	
8	147	Зевс – горит и палица, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	-	12 16	
9	146	Геракл – горит и палица, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	-	20	
10	145	Гермес – кадуцей, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	-	24	
11	144	Дионис – тирс, гроздь винограда, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	-		
12	143	Деметра – колос и факел, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΠΟΛΥ	6	
13	142	Деметра – колос и факел, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	Πο	7	
14	141	Зевс – горит и палица, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	Πο	14	
15	140	Диоскуры – головы двух коней, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	Πο	26	
16	139	Деметра – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ	Π	29	

17	138	Деметра – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ	-	28	
18	137	Аполлон – треножник, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ	-	30	
19	136	Гермес – кадуцей, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ	-	31	
19a	136	Гермес – звезда, ΒΑΣ, ΣΑΡ	-	-	3
20	135	Зевс – рог изобилия, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΒΑΚ	11	
21	134	Деметра и Кора – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΒΑΚ	4	
22	133	Геракл – лук и палица, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΒΑΚ	18	
23	132	Гермес – кадуцей, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΒΑΚ	21	
24	131	Аполлон – треножник, ΒΑΣΙΛΕΩΣΚΑΝΙΤΟΥ	ΒΑΚ	23	
25	130	Диоскуры – два коня, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΑΝΥΣΑΥ	ΒΑΚ	50	
26	129	Деметра и Кора – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΑΝΥΣΑΥ	ΒΑΚ	51	
27	128	Деметра и Кора – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΑΝΔΡ	34	
28	128	Диоскуры – два коня, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΑΝΔΡ	38	
29	127	Деметра и Кора – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΑΝΔΡΕ	35	
30	127	Диоскуры – два коня, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΑΝΔΡΕ	40	
31	127	Диоскуры – один конь, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΑΝΔΡΕ	41	
32	126	Диоскуры – два коня, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΑΝΔΡΟ	39	
33	125	Диоскуры – орел на молнии, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΧΑΡΑΣΠΟΥ	ΜΕ	44	4
34	124	Гилиос – две розетки, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΛΙΟΣ	ΜΕ	49	

35	123	Гилиос – две розетки, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΛΙΟΣ		48	5
36	122	Диоскуры – два коня, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΛΙΟΣ	ΤΑΕ	46	6
37	121	Диоскуры – два коня, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΛΙΟΣ		47	
38	120	Головы диоскуров вправо – голо- вы двух коней вправо, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΡΟΣΑ	ΓΕ Ν Ν	-	7
39	119	Зевс – рог изобилия, ΒΑΣΙΛΕΩΣΑΚΡΟΣΑ	ΕΥ	37	
40	118	Деметра и Кора – два колоса, ΒΑΣΙΛΕΩΣΑΚΡΟΣΑ	MP MP	36	
41	117	Гера – палица, колос, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ		27	
42	116	Геракл – колчан, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ		32	
43	116	Геракл – колчан, палица, колос, ΒΑΣΙΛΕΩΣΣΑΡΙΑΚΟΥ		33	8

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрух С. И. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. Запорожье. 1995. 205 с.
 Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. – К.: Изд-во «Стилос», 2011. 328 с.
 Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 1989. 128 с.
 Аппиан. Римская история. Первые книги / Пер. с греч. А. И. Немировского. СПб.: Алтея, 2004. 288 с.
 Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского // Археология. № 1. 2003. С. 44 – 53.
 Герасимов Т. Антични монети с контрамарки от Долна Мизия и Тракия // ИБАИ. 1946. XV. С. 51 – 81.
 Герасимов Т. Монети от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сария // ИВАД. 1953. Кн. IX. С. 53 – 85.
 Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231 – 315.
 Данов Хр. Древна Тракия. София: Наука и изкуство, 1968. 466 с.
 Еврейская энциклопедия / под ред. Л. Каценельсона, Д. Г. Гинцбурга. Т. 2., СПб. 1908. с. 960.
 Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. до н. э.). Симферополь. «Универсум». 2003. 209 с.
 Карышковский П. О. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье // СА. 1962. № 4. С. 49 – 58.
 Карышковский П. О. Из истории отношений Селевкидского государства с городами северо-западного Причерноморья // Палестинский сборник, вып. 9. 1962. С. 105 – 114.
 Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III – II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2. С. 35 – 55.
 Мордвинцева В., Хабарова Н. Древнее золото Поволжья. Симферополь. 2006. 139 с.
 Полибий. Всеобщая история / пер. Ф. Г. Мищенко. М.: Директ-Медиа, 2008. 3319 с.

- Попов А. А. Греко-бактрийское царство. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2008. 240 с.
- Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль / предисл. В.Н. Дьякова и др. М.: Издательство АН СССР, 1950. 382 с.
- Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI – I вв. до н. э. Монография. М.: Наука, 1986. 247с.
- Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. Москва. «Наука». 1996. 348 с.
- Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2. 2015. С. 98 – 119.
- Сидоренко В. А. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. Выпуск. XI. Симферополь. 2005. С. 59 – 70.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Изд-во Иностранной литературы. Москва. 1949. 371 с.
- Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН. 1999. С. 282–305.
- Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА. № 1. 1964. С. 44 – 55.
- Шонов И. В. Монограммы и изображения на монетах Пантикапея, как атрибуты македонских царей 256 – 221 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Вып. XII. Симферополь. 2020. С. 101 – 114.
- Шонов И. В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 178 – 164 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Вып. X. Симферополь: Колорит. 2019. С. 97 – 105.
- Шонов И. В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 246 – 189 гг. до н. э. // МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь. 2020. С. 427 – 437.
- Шонов И. В. Клад серебряных херсонесских монет 178 – 157 гг. до н. э. // МАИЭТ. Вып. XXVI. Симферополь. 2021. С. 402 – 410.
- Шонов И. В. Монограммы правителей на золотых и серебряных монетах Пантикапея 175 – 122 гг. до н. э. // БИ. Вып. XLIII. Керчь-Симферополь. 2021. С. 92 – 115.
- Шонов И. В. Монограммы правителей на серебряных монетах Пантикапея 121 – 109 гг. до н. э. // БИ. Вып. XLIV. Керчь-Симферополь. 2022. С. 162 – 176.
- Шишова И. А. Дура-Европос – крепость Парфянского царства // УЗ Ленинградского ун-та. 1956. № 192. Вып. 21. С. 107 – 125.
- Badoud N. Le temps de Rhodes. Une chronologie des inscriptions de la cite fondee sur l'etude des institutions (Vestigia. Beiträge zur alten Geschichte, 63) München/ 2015.
- Biblioteca di studi superiori. Storia antitica ed epigrafia. Vol. XII. Iskrizioni storiche ellenistiche. Vol. II. / Agura di Luigi Moreti. Firenze. 1976.
- Canarache V. Regii sciti si regatele lor dintre Istru si Pontul Euxin in lumina monetelor // BSNR. 1933. T. 27 / 28. 81 / 82 (1933-1934). P. 60 – 83.
- Canarache V. Monetele scitilor din Dobogea // SCIV. 1950. Vol. 1. 1. P. 213 – 257.
- Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen Berlin: Akademie-Verlag. 1957. P. 914.
- Gerasimov T. Un tresor de monnaies antiques du sud de la Dobroudjia // Studii si cercetari de numismanica. Bucuresti, 1975. Vol. VI. P. 25 – 27.
- Houghton A., Catherin L., and Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vols. II. New York and Lancaster, PA, 2008. 536 pages.
- Jouroukova J. Nouvelles donnees la sur la chronologie des rois scythes en Dobrudza // Thracia. 1977. IV. P.105 – 121.
- Knechtel W. O noua moneta a regelui Kaanites // BSNR. 1919. Vol. 14. 24 – 32. P. 25 – 34.
- McGing B. C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden.: E. J. Brill – 1986.
- Stolyarik E. The region and chronology of the archon Hygiaenon // American Journal of Numismatics. Second Series 10. 1998. P. 94 – 112.
- Sutzu M. C. Monetele regilor sciti din Dobogea, Regele Tanusa // BSNR. XIII. 1916. P. 1 – 3.
- Rawlinson G. History of the Syrian Kingdom of the Seleucids (312-65 BC). Ancient history:

from the earliest times to the fall of the Western empire : comprising the history of Chaldaea, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phœnicia, Syria, Judæa, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Parthia, and Rome. New York : Colonial Press, 1899. 488 p. om the earl.

Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz: von Zabern. 1997. – 703 p.

Zgusta L. Kleinasiatische personennamen. Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften Prag. 1964. P. 701.

REFERENCES

- Andruh S. I.* Nizhnedunajskaja Skifija v VI — nachale I v. do n. je. Zaporozh'e. 1995. 205 s.
- Anohin V. A.* Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ja: Katalog. – K.: Izd-vo «Stilos», 2011. 328 s.
- Anohin V. A.* Monety antichnyh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja. Kiev: Naukova dumka. 1989. 128 s.
- Appian.* Rimskaja istorija. Pervye knigi / Per. s grech. A. I. Nemirovskogo. SPb.: Alteja, 2004. 288 s.
- Vinogradov Ju. G., Zajcev Ju. P.* Novyj jepigraficheskij pamjatnik iz Neapolja Skifskogo // Arheologija. № 1. 2003. S. 44 – 53.
- Gerasimov T.* Antichni moneti s kontramarki ot Dolna Mizija i Trakija // IBAI. 1946. XV. S. 51 – 81.
- Gerasimov T.* Moneti ot Kanit, Tanuza, Harasp, Akroza i Sarija // IVAD. 1953. Kn. IX. S. 53 – 85.
- Grakov B. N.* Materialy po istorii Skifii v grecheskih nadpisjah Balkanskogo poluoostrova i Maloj Azii // VDI. 1939. № 3. S. 231 – 315.
- Danov Hr.* Drevna Trakija. Sofija: Nauka i izkustvo, 1968. 466 s.
- Evrejskaja jenciklopedija / pod red. L. Kacnel'sona, D. G. Gincburga. T. 2., SPb. 1908. s. 960.
- Zajcev Ju. P.* Neapol' skifskij (II v. do n. je. – III v. do n. je.). Simferopol'. «Universum». 2003. 209 s.
- Karyshkovskij P. O.* Monety zapadnopontijskih dinastov, najdennye v Severnom Prichernomor'e // SA. 1962. № 4. S. 49 – 58.
- Karyshkovskij P. O.* Iz istorii otnoshenij Selevkidskogo gosudarstva s gorodami severo-zapadnogo Prichernomor'ja // Palestinskij sbornik, vyp. 9. 1962. S. 105 – 114.
- Karyshkovskij P. O.* Istrija i ee sosedi na rubezhe III – II vv. do n. je. // VDI. 1971. № 2. S. 35 – 55.
- Mordvinceva V., Habarova N.* Drevnee zoloto Povolzh'ja. Simferopol'. 2006. 139 s.
- Polibij.* Vseobshhaja istorija / per. F. G. Mishhenko. M.: Direkt-Media, 2008. 3319 s.
- Popov A. A.* Greko-baktrijskoe carstvo. Spb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. 240 s.
- Ranovich A. B.* Jellinizm i ego istoricheskaja rol' / predisl. V.N. D'jakova i dr. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 382 s.
- Saprykin S. Ju.* Gerakleja Pontijskaja i Hersones Tavricheskij. Vzaimootnoshenija metropolii i kolonii v VI – I vv. do n. je. Monografija. M.: Nauka, 1986. 247s.
- Saprykin S. Ju.* Pontijskoe carstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. Moskva. «Nauka». 1996. 348 s.
- Saprykin S. Ju., Vnukov S. Ju.* Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyj Krym) // VDI. 2. 2015. S. 98 – 119.
- Sidorenko V. A.* Jepitafija skifskogo carja Argota // MAIJeT. Vypusk. XI. Simferopol'. 2005. S. 59 – 70.
- Tarn V.* Jellinisticheskaja civilizacija. Izd-vo Inostrannoju literatury. Moskva. 1949. 371 s.
- Tolstikov V. P., Vinogradov Ju. G.* Dekret Spartokidov iz dvorcovogo hrama na akropole Pantikapeja // Evrazijskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arhivnye materialy, publikacii, stat'i. M.: IA RAN. 1999. S. 282–305.
- Frolova N. A.* Monety skifskogo carja Skilura // SA. № 1. 1964. S. 44 – 55.
- Shonov I. V.* Monogrammy i izobrazhenija na monetah Pantikapeja, kak atributy makedonskih carej 256 – 221 gg. do n. je. // Istorija i arheologija Kryma. Vyp. XII. Simferopol'. 2020. S. 101 – 114.
- Shonov I. V.* Serebrjanye monetnye vypuski Hersonesa Tavricheskogo 178-164 gg. do n. je. // Istorija i arheologija Kryma. Vyp. X Simferopol': Kolorit. 2019. S. 97 – 105.

- Shonov I. V.* Serebrjanye monetnye vypuski Hersonesa Tavricheskogo 246 –189 gg. do n. je. // MAIJeT. Vyp. XXV. Simferopol'. 2020. S. 427 –437.
- Shonov I. V.* Klad serebrjanyh hersonesskih monet 178 –157 gg. do n. je. // MAIJeT. Vyp. XXVI. Simferopol'. 2021. S. 402 –410.
- Shonov I. V.* Monogrammy pravitelej na zolotyh i serebrjanyh monetah Pantikapeja 175 –122 gg. do n. je. // BI. Vyp. XLIII. Kerch'-Simferopol'. 2021. S. 92 –115.
- Shonov I. V.* Monogrammy pravitelej na serebrjanyh monetah Pantikapeja 121 – 109 gg. do n. je. // BI. Vyp. XLIV. Kerch'-Simferopol'. 2022. S. 162 –176.
- Shishova I. A.* Dura-Evropos — krepost' Parfjanskogo carstva // UZ Leningradskogo un-ta. 1956. № 192. Vyp. 21. S. 107 –125.
- Badoud N.* Le temps de Rhodes. Une chronologie des inscriptions de la cite fondee sur l'etude des institutions (Vestigia. Beiträge zur alten Geschichte, 63) München/ 2015.
- Biblioteca di studi superiori.* Storia antica ed epigrafia. Vol. XII. Iskrizioni storiche ellenistiche. Vol. II. / Agura di Luigi Moreti. Firenze. 1976.
- Canarache V.* Regii sciti si regatele lor dintre Istru si Pontul Euxin in lumina monetelor // BSNR. 1933. T. 27 / 28. 81 / 82 (1933-1934). P. 60 – 83.
- Canarache V.* Monetele scitilor din Dobogea // SCIV. 1950. Vol. 1. 1. P. 213 – 257.
- Dornseiff F., Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen Berlin: Akademie-Verlag. 1957. R. 914.
- Gerasimov T.* Un tresor de monnaies antiques du sud de la Dobroudjia // Studii si cercetari de numismanica. Bucuresti, 1975. Vol. VI. R. 25 – 27.
- Houghton A., Catherin L., and Oliver H.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vols. II. New York and Lancaster, PA, 2008. 536 pages.
- Jouroukova J.* Nouvelles donnees la sur la chronologie des rois scythes en Dobrudza // Thracia. 1977. IV. R. 105 – 121.
- Knechtel W.* O noua moneta a regelui Kaanites // BSNR. 1919. Vol. 14. 24-32. P. 25 – 34.
- McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden.: E. J. Brill – 1986.
- Stolyarik E.* The region and chronology of the archon Hygiaenon // American Journal of Numismatics. Second Series 10. 1998. P. 94 – 112.
- Sutzu M. C.* Monetele regilor sciti din Dobogea, Regele Tanusa // BSNR. XIII. 1916. R. 1 – 3.
- Rawlinson G.* History of the Syrian Kingdom of the Seleucids (312-65 BC). Ancient history: from the earliest times to the fall of the Western empire: comprising the history of Chaldaea, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phoenicia, Syria, Judaea, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Parthia, and Rome. New York : Colonial Press, 1899. 488 p.om the earl
- Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. Mainz: von Zabern.1997. – 703 r.
- Zgusta L.* Kleinasiatische personennamen. Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften Prag.1964. R. 701.

Резюме

История Северного и Северо-Западного Причерноморья во II в. до н. э. была связана с династией Селевкидов и Птолемеев. Изучение скифских монет Добруджи II в. до н. э. и сличение их с нумизматическим материалом Сирии, Египта и Боспора по сходным монограммам проливают свет на политическую ситуацию Причерноморья во II в. до н. э. Данная статья предлагает анализ нумизматического материала скифских монет Добруджи 154 – 116 гг. до н.э. Селевкиды и Птолеми в эти годы занимали доминирующее положение в Причерноморье, обладая огром-

ными экономическими и военными возможностями, влияя на понтийский регион в целом. Все изучаемые монеты с именами скифских царей медные, имеют на своих реверсах монограммы селевкидских и египетских правителей и являются индикатором денежно-торговых операций, доходы от которых получали цари Египта, Сирии и Малой Скифии, контролируя при этом греческие города.

Ключевые слова: Селевкиды, скифы, Добруджи, Сариак, Акросак, Аилиос, Харасп, Танусак, Канит, Птолеми, Боспор, монограмма.

Summary

History of the Northern and Northwestern Black Sea region in the 2nd century. BC e. was associated with the Seleucid and Ptolemaic dynasties. Study of Scythian coins of Dobruja of the 2nd century. BC e. and their comparison with numismatic materials from Syria, Egypt and the Bosphorus based on similar monograms sheds light on the political situation of the Black Sea region in the 2nd century. BC e. This article offers an analysis of the numismatic material of the Scythian coins of Dobruja 154 – 116. BC e. During these years, the Seleucids and Ptolemies occupied a dominant position in the Black Sea region, possessing enormous economic and military capabilities, influencing the Pontic region as a whole. All the studied coins with the names of the Scythian kings are made of copper, have monograms of Seleucid and Egyptian rulers on their reverses and are an indicator of monetary and trade transactions, the income from which was received by the kings of Egypt, Syria and Scythia Minor, while controlling the Greek cities.

Key words: Seleucids, Scythians, Dobrudzhi, Sariak, Akrosak, Ailios, Haraspes, Tanusak, Kanit, Ptolemies, Bosphorus, monogram.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шонов Игорь Валентинович,
младший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В. И. Вернадского, 2,
295007, г. Симферополь,
Российская Федерация.
crimea_1604@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Shonov Igor Valentinovich,
Junior Researcher,
Institute of Archeology of Crimea RAS,
ave. Academician V.I. Vernadsky, 2,
295007, Simferopol,
Russian Federation.
crimea_1604@mail.ru

Рис. 1. Изображения монет скифских царей в Добруджи 154 –116 гг. до н. э.

В.А. СИДОРЕНКО
V.A. SIDORENKO

ХАН МАМАЕВОЙ ОРДЫ МУХАММЕД ТУЛАК¹

KHAN OF THE MAMAY HORDE MUHAMMAD TULAK

Для выяснения ряда деталей биографии Мамаю и членов его семьи немало-важное значение может иметь свидетельство, автором которого является Вели ад-Дин Абдеррахман Абу Зейда эль-Малики эль-Хадрами ибнун Хальдун (ум. в 808 г.х./1406). Оно содержится в 5-м томе его многотомника «Книга назидательных примеров и сборник подлежащего и сказуемого по части истории арабов, иноземцев и берберов». Наиболее доступным библиографическим очерком по его ранним изданиям является заметка В.Г. Тизенгаузена² [Тизенгаузен, 1884, с. 365], опубликовавшего касающуюся Мамаю выдержку из текста и ее приблизительный перевод [Тизенгаузен, 1884, с. 373, 389]. Исследование текста сообщения обнаруживает в нем корректуру с перестановкой слов и грамматически несоответствующими стилю Хальдуна вставками. Текст следующий:

مامای المتغلب علی مملکة صراى ولما هلك بردى بك خلف ابنه طقطمش
غلاما صغيرا وكانته اخته (حانم- ب) بنت بردىک تحت کبير من امراء المغل اسمه مامای
وكان متحکما فى دولته وكانته مدينة القرم من ولايته وكان

Обычно, в соответствии своему времени, так же и при переводе этого отрывка В.Г. Тизенгаузен не учитывал, что **إبن** «ибнун», ‘сын’, ставится после личного имени отца перед именем сына, а **بن** «бну», ‘сын’, употребляемое непосредственно при именах собственных, помещается после его имени перед именем отца. Скрытое местоимение не позволяет присоединения к находящимся при именах «ибнун» и «бну» слитных местоимений. Этому правилу не подчинены «ибнун», ‘сын’, отделенное от имени, и происходящее от общего с ним масдара – **بنت** «бинтун», ‘дочь’. У Хальдуна перед именем Токтамыш к слову «ибнун» ‘сын’ присоединено исключая-

¹Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

²Перевод В. Г. Тизенгаузена: «Мамаю, завладевший Сарайским царством. По смерти Бердибека, ему наследовал сын его, Токтамыш, малолетний ребенок. Сестра его, Ханым, дочь Бердибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамаю, который в его царствование управлял всеми делами. К владениям его принадлежал город Крым. В то время его там не было (?)» [Тизенгаузен, 1884, С. 389].

ющее его из действия правила слитное личное местоимение 3-го лица, ед.ч. – ‘его’, связанное с подлежащим «Мамай». В. Г. Тизенгаузен поставил в своем переводе точку после начальной фразы «Мамай, завладевший Сарайским царством», что не соответствует принципу грамматики. Разделителями между предложениями в приводимом тексте являются союзы **و** «ва» (‘и’), при которых повторяется частица **كأن** или **كأنت** (м. или ж. род) ‘будто’, не переводимая В. Г. Тизенгаузенем. На такой же частице, относящейся уже к следующему за ней тексту, мы обрываем цитату.

Точка принуждает пользующихся переводом читателей думать, что речь идет о сыне Бердибека, в то время как о пресечении на этом хане мужской линии потомков Бату сообщают многие авторы. В частности, Абу-ль-Гази писал: «Бердибеком кончалась прямая линия детей Саин-хановых. Ныне между узбеками есть пословица: “В Бердибеке ссечён ствол гранатового дерева”» [Абу-ль-гази, 1906, с. 75].

Правившим после Бердибека назван сын Мамаю, о котором говорится, что он был **غلاما صغيرا** «гулам-ма сагийран» – не «малолетний ребенок», как понимал В.Г.Тизенгаузен, а «как ребенок (صغيرا) малым (ростом)». Грамматически не вписывающееся в текст имя Токтамыш нужно рассматривать как не увязанную с текстом вставку, сделанную без дополнения **اسم** «исмун» ‘имя’), **اسم** ‘его имя’, **اسم** ‘по имени’. Можно сравнить с текстами Абд аз-Захири, сына Мухйи, на литературный язык которого ориентировались египетские и сирийские хронисты и историки: ‘имя ее Крым’ ‘именем Тук Буга’ и др., но также найти и в приведенном тексте Хальдуна: **اسمه مامای** – ‘его имя Мамай’ (у В.Г. Тизенгаузена «по имени», что не точно, хотя и не принципиально). Можно заключить, что вставка имени Токтамыш была сделана для согласования первой части свидетельства Хальдуна со второй, оканчивающейся словами «Токтамыш, сын Бердибека».

Слитное личное местоимение при слове «сестра» **اخته** – (أخت + ه) ‘сестра его’ – не может относиться ни к Мамаю, ни к его сыну. Она, как сообщается, была замужем за Мамаем и, как можно понять, матерью его сына. Будучи же сестрой Бердибека, она не могла одновременно быть его же дочерью, что делает более очевидной необходимость корректировки текста. Не названная по имени сестра Бердибека должна быть дочерью Джанибека, имя которого следует поставить вместо имени Бердибек, а последнее – переместить к слову ‘сестра’, где удаляется слитное личное местоимение 3-го лица.

Корректированный перевод с конъюнктурой следующий: «Мамай завладел Сарайским царством, когда за покойным Бирдибеком следовал его (Мамаю – В.С.) сын <...>, как ребенок малый (ростом); и будто сестра (Бирдибека), ханым, дочь [Джанибека], была замужем за одним из старших монгольских эмиров, его имя Мамай; и будто он управлял в его (т. е. сына – В.С.) царствование; и будто столица Крыма относилась к его (Мамаю – В.С.) вилайату; и будто...».

Эль-Калькашанди, ссылаясь на Хальдуна, повторяет встречающееся только у него двукратное правление Токтамышя, якобы, сына Бердибека, и двукратное прав-

ление Мамаю, называя его наместником: «Сведения, которые дает главный кади Велиэддин Ибнхальдун в летописи своей, заключаются в том, что после Батухана царствовал <...> Джанибек; потом сын его Бирдибек; потом сын его Токтамыш; потом наместник его Мамай; потом Абдаллах, сын Узбека; потом Кутлуктемир; потом вторично Мамай; потом Хаджичеркес; потом Айбекхан; потом сын его Карибекхан (?); потом Урусхан; потом Токтамышхан, сын Бирдибекхана...» [Тизенгаузен, 1884, с. 405–406]. Возвращаясь к Хальдуну, не называющему своих источников, нельзя не отметить отличия обстоятельности описания в его первой части от некоторой сумбурности во второй, что заметно и в пересказе ее эль-Калькашанди. Эти же сведения Хальдуна повторяются другими арабоязычными авторами со ссылкой на источник или без, но каждое компилирование вносит свою редакцию. В. Г. Тизенгаузен приводит текст и перевод заметки неизвестного авторства из Готской Герцогской библиотеки, где Токтамыш назван «сыном ханским», якобы правившим до Мамаю: «Так писано было <...> каану Даулетбирди, который предшествовал Мухаммеду; Мухаммед же предшествовал Идики (Едигею), Идики – Токтамышу, сыну ханскому, а Токтамыш – Мамаю, который был (сначала) обыкновенным эмиром, но (потом) усилился и сделался могущественным каном» [Тизенгаузен, 1884, с. 409, пр. 1]. Но здесь мы также имеем дело с неточностями в переводе В.Г. Тизенгаузена, который должен быть следующим: «Так писано было <...> каану Даулетбирди, которому предшествовал Мухаммед; Мухаммеду же предшествовал Идики (Едигей), Идики – Токтамыш, сын ханский, а Токтамышу – Мамай, который был (сначала) обыкновенным эмиром, но (потом) усилился и сделался могущественным каном». Таким образом, заметка из Готской библиотеки достоверно передает последовательность правлений главных правителей и ханов, не переключаясь с подверженным правке вариантом Хальдуна. Можно предполагать, что Хальдун черпал сведения из устных источников информации о не так уж давних для него событиях, на что может указывать повторяющаяся у него в начале каждого глагольного предложения частица «будто».

Возможно, Эль-Калькашанди пользовался не дошедшим до нас ранним вариантом рукописи Хальдуна. Указанное им правление Мамаю перед Абдаллахом подтверждается чеканкой в Азаке монет «хана» Мамаю [Френ, 1832, с. 20, о)]. Эта чеканка приходится на конец 763 г.х. (31.10.1361–20.10.1362), как это видно на схеме-выборке из корпусного³ исследования штемпельных связей от Ордумелика до Мамаю (рис. 1, 37). Использование для чеканки монеты Мамаю последнего штемпеля оборотных сторон азакских монет Кильдибека (рис. 1, 36) с достоверностью криминалистической дактилоскопии или баллистической пулевой экспертизы свидетельствует о ее подлин-

³ «Корпусное исследование» подразумевает использование всех доступных и известных экземпляров каждого монетного вида. Невозможность окончательного и непополняемого корпуса предопределяет отнесение результатов такого исследования только к «Материалам к корпусу монет». Брошюрное издание В. Лебедева «Корпус монет Крыма» не относится даже к «Материалам», представляя собой коллекционный определитель.

ности. Подобные «непрерывные» чеканки с вынужденной эксплуатацией старого монетного типа оборотной стороны (надпись и рисунок картуша), когда с лицевым штемпелем нового правителя используются еще не достигшие износа оборотные, могут не соответствовать изображенным на штемпеле цифрам даты, захватывая реальным временем своего производства начало следующего года. Судя по тому, что в азакской чеканке Абдуллаха 764 г.х. (21.10.1362–9.10.1363) монетный тип реверса полностью обновляется, между мамаевым и абдуллаховым выпусками (Азака) существовал перерыв, во время которого в Сарае могли осуществляться серебряная и медная чеканки Хас Пулада.

Лиц.: السلطان العادل خٹ بولاد خان حلد ملكه	‘ас-Султан правосудный Хас Пулад хан, да длится его правление’	Об.: ضرب سراى المجديده ٧٦٤	‘чекан Сарая новый 764’

А. Гафуров в своем словаре антропонимов приводит имя Хаспулад в тюркском написании, отличающееся от арабского – монет передачей звука «с» и алифом, но так же составленное из двух слов: خاص بولاد [Гафуров, 1987, с. 204]. Концевое положение согласной «са» явилось причиной чтения ее как «ра», не соединяемое со следующей за ней буквой при письме, но не в монетных надписях Орды второй половины XIV в. Х.М. Френ предполагал чтения имени хана как «Мир (или Хейр) Пулад» [Fraehn, 1826, p. 278; Френ, 1832, с. 18, № 154, табл. IV, *CXVIII*; № 155–157; Янина, 1954, № 97–98]. А.П. Григорьев именует его Хейр Пуладом, выбирая одно из прочтений Х.М. Френа и даже пытаюсь отыскать в словарях его перевод [Григорьев, 1983, с. 29]. Нет необходимости перечислять всех авторов, доверявших авторитету Х.М. Френа, в то время как сам он не был уверен в правильности своего чтения.

Имя жены Мамая, приходившегося зятем Джанибеку, Тулунбек-ханум (Товлунбика). От ее имени в 773 г.х. (15.07.1371–2.07.1372) чеканились медные монеты в Сарае [Fraehn, 1826, p. 294, № 1–2; Френ, 1832, № 179–181, табл. V, *CXXXVI*; Янина, 1954, № 106]. После смерти Мамая она становится женой Токтамышша. В Троицкой летописи говорится: «Токтамыш <...> шед взя орду Мамаеву и царици его» [Приселков, 1950, с. 421]. И.М. Миргалеев обращает внимание на слова «взя ... царици его», рассматривая их как бессмысленное «выделение титула» [Миргалеев, 2010, с. 187]. Но на русском языке летописи это значит, что взял в жены. В Рогожском летописце сообщается под 6894 годом (1386): «Того же лета царь Токтамышь убил сам свою царицу, нарицаему Товлунбека» [ПСРЛ, XV, 1, стб. 152]. И. М. Миргалеев безапелляционно отрицает женитьбу Токтамышша на вдове Мамая, дававшую опору легитимности его прав на занятие ордынского трона, называя «несурязицей» (Sic!) цитируемое им соображение [Миргалеев, 2010, с. 189]. Его аргумент: «...нет причин не принимать данные Утемиша-хаджи и Абд ал-Гаффара Кырыми», – не убеждает в большей достоверности двух поздних нарративных источников над одним, более близким описываемым событиям и подтверждаемым другими источниками. Следует понимать, что и для Мамая юридическим обоснованием провозглашения себя ханом

Орды и чеканки своей монеты, то есть права сикки и хутбы, являлось не наличие у него сына – внука Джанибека, а причастность его самого как гургена хана к дому потомков первого правителя Орды – Бату. Так же и Токтамыш, причастный не к дому Бату, а его брата, даже не побывавшего, в отличие от Берке, на престоле Орды, имел меньше прав на этот престол, чем значившийся самозванцем Кильдибек, вероятно, сын одного из покойных братьев Бердибека, а не его самого, каким себя выдавал. Поэтому-то Мамай, имевший меньшие, чем Кильдибек, права, только после его смерти мог объявить себя ханом и отчеканить свои монеты.

О том, что Мамай был женат на дочери Джанибека, сестре Бердибека, упоминается в сочинении Абд ал-Гаффара Кырыми, который сообщает: «У Мамай бека женой была дочка покойного Джанибек-хана и сестра Бердибек-хана. Ее звали Бисулу ханум» (перевод И. М. Миргалеева) [Миргалеев 2010, с. 191]. Другим автором, Утемиш-хаджи, повторяется эта версия: «...одна из дочерей хазрэти Джанибек-хана была за Мамаем. Эта ханум была схвачена Токтамышем и он ее отдал Урик Тимуру» [Миргалеев, 2010, с. 188]. Правда, в опубликованной в 1992 г. рукописи Утемиш-хаджи этих слов нет [Утемиш-хаджи, 1992]. Автор публикации перевода выдержек на русский язык, похоже, ставит это под сомнение, констатируя: «При хане Бердибеке Мамай занимал должность беклербека и являлся зятем хана» [Миргалеев, 2010, с. 186]. Подобное мнение о Мамае, как беклярбеке, высказывают авторы историографических работ о нем или ханах его времени [Варваровский, 1999; 2008; Кучкин, 2010; Миргалеев, 2004; 2006; 2007; Почекаев, 2004; 2008; 2010]. Но судя по всему, при Бердибеке Мамай не был ни беклярбеком, ни его зятем.

В документально достоверных источниках отмечается отсутствие упоминаний имени Мамае среди четырех улусных эмиров, из которых один – беклярбек, ни при Джанибеке, ни при Бердибеке. Эль-Муhibби сообщает в разделе «Переписка с Мамаем, (одним) из правителей в землях Узбековых»: «Он также (один) из тех, с которым переписка была открыта в последний десяток ребиэляхыра 773 года (=нач. ноября 1371 г.). Говорят, что он правил землями Узбековыми и что при хане Мухаммеде, о котором было упомянуто выше, он занимал положение, подобное тому, какое занимал при высочайшем дворе (Египетском) его покойное степенство, Сейфи (т.е. Сейфеддин) Иелбога Эломари...» [Тизенгаузен, 1884, с. 350]. Эль-Калькашанди пишет: «...в 773 году отправлено было письмо к Мамаю, также с обозначением титулов его, и что будто бы этот Мамай при хане Мухаммеде играл такую же роль, как эмир Иелбога Эломари, т. е. окольничий султанского двора, в Египте» [Тизенгаузен, 1884, с. 412, пр. 2]. Как видим, Эль-Калькашанди дополняет текст эль-Муhibби пояснением. В разделе «Правитель Крыма» им сообщается: «Я (Эль-Калькашанди) видел в некоторых летописях, что правителем в нем, в течение 776 года, был Мамай...» [Тизенгаузен, 1884, с. 413].

Наиболее ранние сведения о Мамае обнаруживаются в Рогожском летописце по 6868 годом (1360/1361) и почти дословно повторяются в Никоновской летописи: «А Мамай князь Ординьский и осилел с другую сторону Волги, царь же у него

именем Авдуля, а третий царь в тоже время в Орде вста в них и творяшес[ь] сын царя Чанибека именем Килдибек и тот тако же дивы многи творяше в них» [ПСРЛ, XV, 1, стб. 69 – 70]. Но если о Мамае нет упоминаний ранее 1360 г., то сведения о Малом Мухаммеде, будущем хане, обнаруживаются значительно раньше. Еще при Джанибеке в 1353 г. венецианцы ограбили в море две компании ордынских купцов, двое из которых были убиты. Общий ущерб, нанесенный ограблениями, считался суммой в 4500 сомов, часть которой составляли вклады, вероятно, и самого хана, и джанибековой матери Тайдулы, и достоверно – членов семьи и старших эмиров с членами их семей. Ко времени занятия ордынского престола Бердибеком (осенью 1358 г.) была возвращена часть похищенного, оцениваемая в 1670 сомов, и оставался долг в 2830 сомов. [Diplomatarium, 1899, p. 54, № 28; Григорьев, Григорьев, 1999, с.177 – 182]. Бердибек распорядился ускорить разрешение тяжбы с венецианским дожем Джовани Дольфино, представителем которого выступал консул венецианской фактории Таны в золотоордынском Азаке. Переписку с дожем вела ханша Тайдула, бабка Бердибека, участие которой в осуществлявшейся на столь высоком уровне тяжбе было связано, возможно, не только с крупной суммой понесенного купцами ущерба и нахождением в их числе старших эмиров, но и ее причастностью к получению компенсации из суммы в 1670 сомов еще при жизни Джанибека. К ней посылались для переговоров от консула и совета нобилей Таны труциман (переводчик) Гульельмо Бон, которому разрешалось при необходимости для урегулирования финансовых вопросов прибегнуть к кредиту, который должны были погасить власти Таны [Карпов, 2001, с. 14]. Таким кредитом была осуществленная ею выплата (при свидетелях с венецианской стороны) из собственных средств долгов членам понесшего убытки купеческого сообщества, отраженная в ведомости с включенными в нее побочными расходами. Эта платежная ведомость Тайдулы [Diplomatarium 1899, p.53, № 27] является неоценимым документом, имеющим значение индикатора высокого уровня развития основанной на торговле экономики Золотой Орды, роли в ней торгового контракта комменды, когда объединение купцов знатного происхождения и вкладчиков различного статуса предоставляет капитал для путешествия и снабжения товаром их агента и компаньона, преследуя цели увеличения общей суммы торгового оборота и уменьшения рисков благодаря знатности компаньонов. Очевидно, М. Л. Абрамсон ошибается, не соглашаясь с С. П. Карповым [Карпов, 1990] и считая, что привлечение к участию в комменде менее состоятельных, чем представители патрициата, членов возможно «только в социальном и психологическом климате Италии» [Абрамсон, 1992, с. 188]. В платежной ведомости Тайдулы фигурируют малые вкладчики и армяне, на долю которых приходится значительная часть суммы.

Перевод с латинского ведомости Тайдулы был опубликован А.П. и В.П. Григорьевыми [Григорьев, Григорьев, 1997]. Отметим перечисляемых в ней старших эмиров Джанибека и Бердибека: Молгабуга бей (Molgabogabeo), Кутлу(бу)га бей (Cotulugabeo), Тимур, сын Мо(л)габуги бея (Timoros filio Mogabogabey), и Кечи (Малый) Мухаммад (Chessi

Mahometh). Тот же состав старших эмиров и Мухаммад представлен в договорах венецианских купцов Таны (Азака) с Джанибеком (1342 и 1347 гг.) и Бердибеком (1358 г.) [Diplomatarium, 1899, № 167 – 169; Григорьев, Григорьев, 1995(1–2); 2002, с. 28, 73, 120, 166].

Мусульманское и тюркское имена сына Мамая передают его хаджитерханские монеты, чеканенные в последний для его правления 782 г.х. (7.04.1380–27.03.1381) с развернутой в «шестерку» цифрой единиц даты – Гийас ад-Дин ва ад-Дуния Мухаммад Товлак (по-тюркски – Мухаммед Тулак). Такую монету, впервые описанную Х.М.Френом [Fraehn, 1826, p. 290, № -о-; Френ, 1832, № 176], исследователи до недавнего времени относили к Мухаммеду Булаку (как было переведено М.Волковым латинское *Buläk* Х.М. Френа) или, по А. П. Григорьеву, Бюлеку [Григорьев, 1983, с.41]. Начиная с 771 по 781 г. известны монеты, в надписях которых сын Мамая выступает только под именем Мухаммад [Fraehn, 1826, p.288, № 2; Френ, 1832, №172, 174, tab. V, *CXLVII*, *CXLIII*] или лакабом и мусульманским именем Гийас ад-Дин ва ад-Дуния Мухаммад [Fraehn, 1826, p.290; Френ, 1832, № 176], а в 782 г.х. – как хан Тулак [Сидоренко, 2000, с. 279–280, рис. 1], имя которого тоже читалось Х. М.Френом как *Buläk* [Fraehn, 1826, p.291, № 10; Френ, 1832, № 177, tab. V, *CXLIV*]. Даты монетных выпусков согласуются со свидетельством летописи, что после убийства своего ставленника Абдуллаха «Мамаю у себя в Орде посадил царя другаго Мамат-Солтана» [ПСРЛ, XV, 1, стб. 92]. Понятны и разногласия в сообщаемых летописями именах. В другой говорится, что после убийства Абдуллаха Мамаем был возведен на ордынский трон хан Тулякбек, который «не владеюща ничим же перед Мамаем, но всяку старшинство воздержаша» [ПСРЛ, V, с. 48]. А. П. Григорьевым опубликовано летописное переложение ярлыка хана «Тюляка», выданного им на митрополитство 28.02.1379 г. в местности Великий Луг и составленного «отцом нашим Мамаем» [Григорьев, 1980, с.35–38; 1983, с. 35], где отцовство Мамаю следует понимать буквально. Хан Мухаммад Тулак, согласно летописи, принимает вместе с Мамаем участие в Куликовской битве: «...сам же великий князь наеха наперед в сторожевых полцех на поганого царя Теляка, на реченого плотнаго дьявола Мамаа». В Никоновской – он назван Тетяком, на что обращал внимание А.П. Григорьев, старавшийся перевести летописные имена как прозвища [Григорьев, 1983, с. 47, пр.151]. Но читаемое по-арабски, как все надписи на серебряных монетах ханов после 761г., имя Тулака – Товлак имеет общий масдар с именем его матери Товлун-бики, что едва ли нуждается в комментарии.

К числу документально достоверных источников можно отнести записи армянских каллиграфистов, являвшихся свидетелями описываемых ими событий. Карапет из Каффы пишет: «Завершен этот (Лекционарий) в лето армянское 814 (1365), августа 15, <...> в горькое и трудное время, когда показался в сем году нэр из рода исмаелского, и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, который и называется именем Чалибэг, и который всю страну, что была поблизости, денно и ночью держал в ужасе и содрогании, почему и по божественному проведению, из ромайского и арийского рода по приказу владыки Нерсэса в этом году исполнитель прибыл в кла-

доносный город, по приказу ромайцев, по божественному провидению взял город Сууда и арестовал все, что в нем находилось, а что (до) исмаелян и ебраи (мусульман и евреев), кто есть суть враги креста Христова и христиан, (то) всех полностью истребил и имущество предал (конфискации)» [Свод, 2010, с. 157]. Как можно понять, в 1365 г. в ответ на притеснение христиан в округе Каффы и Сугда (Сугдеи, Судака) мусульманином Чалибегом, очевидно, владельцем Судака, этот город был захвачен генуэзцами и армянами Каффы силами наемников, а мусульманское и еврейское население его было истреблено. Но в тот же год в Крыму объявляется Мамай, захвативший остальную территорию Крыма от Сару Кермена (византийский Херсон) и до Корчева (Керчь), о чем узнаем из памятных записей армянского писца Аветиса, сын Натера, из города Крыма (Солхата) к лекционарию (Матенадаран, рукопись 4656). На полях оборота листа 206 находится заметка: «С войною скорбь объяла все границы города Крым, ибо начальник-князь его не смог противостоять, будучи побежденный сбежал, и нападавшие присоединили к войску около 2000 мужчин и, забрав вместе с припасами оружия, увели на мол» [Свод, 2010, с. 159]. Следующая приписка (лист 288 б – 289 а) оканчивается замечанием о перемещении войск в регионе Солхата: «... а если ошибка какая найдется в нем, минуй (без порицания), ибо при движении войск и в скудную пору писано» [Свод, 2010, с. 159]. В заключение Аветис сообщает: «А написан этот (Лекционарий) в городе Крым, в земляных жилищах верхних, в лето 814 (1365), месяца августа, в (пору) многонародного возмущения, ибо вся страна от Кеча до Сару кармана здесь собралась – люди и скот, и Мамай в ҧарасу с бесчисленными татарами, и сей город (Крым) пребывает в сотрясении и содрагании...» [Свод, 2010, с. 158]. Им конкретно указано место ставки Мамай – «ҧарасу», то есть Kārāsu, Карасубазар (совр. Белогорск). Он же – столица Крымского улуса, местопребывание с 50-х гг. XIII в. владельца улуса Тука Тимура, брата Бату и Берке, и первый монетный двор золотоордынского Крыма [Сидоренко, 2022]. В рассмотренном ранее тексте Хальдуна говорится о Мамае: «...и будто, столица Крыма принадлежала его владениям...». Непоименованный город назван «мадинат» т.е. ‘столица’, что применительно к городам Крыма встречается впервые, в том числе и на монетах, где ‘город’ – «баладат». Здесь уместно вспомнить название Багдада: «Мадина́т ас-Салам» – ‘Столица Ислама’, ‘Главный Город Ислама’. Тем не менее, какой из городов – Солхат или Карасу (Карасубазар, Ордубазар) – назван Хальдуном столицей, понять по его тексту нельзя.

О том, что во время пребывания в Крыму Мухаммеда Тулака его резиденция находилась в Карасу (Карасубазаре), можно судить по письму 1376 г. египетского султана, адресованному Мухаммеду в ‘Арасу (перевод А.Н. Поляка) [Поляк, 1964, с. 41, пр. 58]. Вероятно, в рукописи над первой буквой потеряна диакритическая точка, и название места адресата начиналось не с «айн», а с «гайн»: «Гарасу».

Можно не сомневаться, что сопутствуя своему отцу в Куликовской битве, потерпев затем поражение от Токтамыша и пытаясь спастись от преследования вместе с Мамаем в Крыму, хан Мухаммед Тулак разделит его печальную участь.

Нельзя не упомянуть о переводах на лигурийское наречие договоров консулов Каффы с ордынскими ханами, датированных 28.11.1380 г., 23.02.1381 г. [De Sasy, 1827, p. 54–57; Desimoni, 1887, p. 54, 57; Basso, 1991, p. 25–26.]. Несомненно, что они, схожие по содержанию, состоялись, поскольку датированы и снабжены подписями представителей сторон. Из этих подписей с измененным составом подписавшихся со стороны хана, в том числе и его послом, ясно, что между 28 ноября 1380 г. и 23 февраля следующего года произошла смена ханов, первым из которых был, очевидно, Мухаммед Тулак, пытавшийся вместе с Мамаем найти защиту от преследований посланного Токтамышем войска у генуэзцев в обмен на возвращение им всех захваченных Мамаем территорий. Второй договор заключался уже с Токтамышем; в нем нет отсылки к первому, так как он не был легитимен, потеряв силу со смертью Тулака и Мамая. А она произошла между 28 ноября 1380 г. и 8 февраля 1381 г., ближе к последней дате, когда консул Каффы принимал у себя нового посла нового хана [Jorga, 1927, p.16, doc. 8/02/1382]. Вопросы, с кем из ханов заключался договор 1387 г., мы не касаемся, отметим лишь, что в нем уже не фигурируют селения, принадлежавшие Судаку и отобранные Мамаем.

В 90-х годах прошлого века на восточной окраине Старого Крыма М.Г.Крамаровским был раскопан курган, носивший название Мамаевого. В центральном курганном захоронении обнаружен скелет необычайно малого роста (не более полутора метров). Устанавливаемый по антропологическим данным возраст погребенного – около 50 лет. М.Г. Крамаровский отмечает большой размер перекрытия камеры и ряд признаков обряда, свидетельствующих о высоком ранге погребенного [Крамаровский, 1996. С. 38–41; 2005, с. 77]. Благодаря сведениям Хальдуна о малом, как у ребенка, росте хана Гийас ад-Дин Мухаммада Тулака, сына Мамая, мы с достаточной долей достоверности можем заключить, что именно он был захоронен в кургане на окраине Старого Крыма. Уместный теперь вопрос М. Г. Крамаровского: – Где могила Мамая? [Крамаровский, 2005, с. 77], – пока остается без ответа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамсон М.Л. Рецензия на: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с. // Византийский временник. 1992. Т. 53 (78). С. 187–190.
- Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана / Перевод и предисл. Г.С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Том XXI, Вып. 5-6. Казань, 1906. – 246 с.
- Варваровский Ю.Е. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // STRATUM. 1999. № 6. С. 189–217.
- Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.

- Григорьев А.П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. V. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 17–36.
- Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология аравлений // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. VII. / Отв. ред. Г.Я. Смолин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 9–54.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека от 1347 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. СПб., 1995 (1). Вып. XV. С. 36–83.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. СПб., 1995 (2). Вып. XVI. С. 24–66.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 1997. Сер. 2. Вып. 3. С. 18–27.
- Григорьев А. П., Григорьев В. П. Предписание Бердибека правителю Крыма Кутлуг-Тимуру (1358 г.) // *Востоковедение*. СПб., 1999. Т. 21. С. 177–182.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: СПбГУ, 2002. – 276 с.
- Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.
- Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360 гг.) // *Причерноморье в средние века*. Вып. 5. М.; СПб, 2001. С. 9–26.
- Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамай (?): археологические наблюдения и исторический контекст // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. СПб., 1996. С. 38–41.
- Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // *Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие*. М., 2002. С. 212–224.
- Кучкин В.Л. Ханы Мамаевой Орды // *Мамай: Опыт историографической антологии*. Сборник научных трудов / Ред. И. М. Миргалеев, В. В. Трепавлов. Казань: «Фэн», 2010. С. 119–128.
- Миргалеев И.М. К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах // *Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог Культур Евразии»*. Вып. 4. Казань: «Фэн», 2004. С. 96–99.
- Миргалеев И.М. К проблеме прихода Токтамышя к власти в Золотой Орде и к вопросу о значении Донского побоища // *Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи: Материалы историко-филологического семинара, проводимого в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VII Кирилло-Мефодиевских чтений*. Ч. III. Вып. 2. М.–Ярославль: Ремдер, 2006. С. 10–18.
- Миргалеев И. М. К вопросу о политической обстановке в Золотой Орде во времена эмира Мамай // *Материалы Лихачевских чтений*. 5–7 апреля 2006 г. Казань: РИЦ «Школа», 2007. С. 216–219.
- Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // *Мамай: Опыт историографической антологии*. Сборник научных трудов. Ред. И. М. Миргалеев, В. В. Трепавлов. Казань: «Фэн», 2010. С. 183–197.
- Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 29–66.
- Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2008. № 2. С. 53–77.
- Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // *Мамай: Опыт историографической антологии*. Сборник научных трудов / Ред. И. М. Миргалеев, В. В. Трепавлов. Казань: «Фэн», 2010. С. 206–238.
- Почекаев Р.Ю. Образ Мамай в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // *Герои и антигерои в исторической судьбе России*. СПб., 2004. С. 29–34.

- ПСРЛ, V. Полное собрание русских летописей. Том V. Издание 1-е. Псковская вторая и Софийская первая летописи. СПб., 1851. – 286 с., 2 табл. снимк.
- ПСРЛ, XV, 1. Полное собрание русских летописей, издаваемое Государственной археографической комиссией Российской академии наук. Том пятнадцатый, издание второе, выпуск первый. Рогожский летописец. Петроград, 1922. – 132 с.
- Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 518 с.
- Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2010. – 312 с.
- Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // МАИЭТ. Вып. VII / ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь, 2000. С. 267–288.
- Сидоренко В.А. Первый монетный двор Крымского улуса Золотой Орды – $\bar{A}QR\bar{A}$ (ارلك) // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Сакральное и материальное. Симферополь, Керчь, 2022. С. 298–314.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1884. 566 с. (арабские тексты с переводами).
- Утемиш-хаджи. Ченгиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания В.П. Юдина. Подготовка к изданию Ю.Г. Барановой. Комментарии и указатели М. Х. Абу-сеитовой. Алма-Ата, 1992. – 244 с., XLVIII табл.
- Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому университету. Перевел с немецкого Михаил Волков. СПб., 1832. — XVI, 80 с., 17 табл.
- Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 424–457.
- Basso E. Il «bellum de Sorcati» ed I trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Gunuesi. Nuova serie. Vol. 8 (1990). Genova, 1991. P. 25–26.
- De Sacy A.I.S. Pièces diplomatiques tirées des archives de la république de Gènes // *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques*; publiés par l'Institut Royal de France. T. XI, Paris: Imprimerie Royale, 1827. P. 1–96.
- Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381. Scritto in lingua volgare // *Archivio Storico Italiano*. 4a Serie. 1887. T. 20. P. 161–165.
- Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* / Ed. by R. Predelli. Pars 2: 1351–1454. Venetiis, 1899. – 490 p.
- Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. *Échos d'Orient*, tome 26, n°146, 1927. p. 244.
- Fraehn Ch.M. Recensio numorum muchammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli, 1826. – xxxviii, 743 p.

REFERENCES

- Abramson M.L. Recenziya na: Karpov S.P. Ital'yanskije morskije respubliki i YUzhnoe Prichernomor'e v XIII—XV vv.: Problemy trgovli. M.: Izd-vo MGU, 1990. 336 s. // *Vizantijskij vremennik*. 1992. T. 53 (78). S. 187–190.
- Abul'-Gazi. Rodoslovnnoe drevo tyurkov. Sochinenie Abul'-Gazi, Hivinskogo hana / Perevod i predisl. G.S. Sablukova, s poslesloviem i primechaniyami N.F. Katanova // *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete*. Tom XXI, Vyp. 5-6. Kazan', 1906. – 246 s.
- Varvarovskij Yu.E. «Mamaeva Orda» (po dannym pis'mennyh istochnikov i numizmatiki) // *STRATUM*. 1999. № 6. С. 189–217.

- Varvarovskij Yu. E. Ulus Dzhuchi v 60–70-e gody XIV veka. Kazan', 2008.
- Gafurov A. Imya i istoriya. Ob imenah arabov, persov, tadjikov i tyurkov. Slovar. M.: Glavn. Red. Vost. Lit. Izd-va Nauka, 1987. – 221 s.
- Grigor'ev A.P. K rekonstrukcii tekstov zolotoordynskih yarlykov XIII–XIV vv. // Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. Vyp. V. L.: Izd-vo LGU, 1980. s. 17–36.
- Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie hany 60–70-h godov XIV v.: hronologiya aravlenij // Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. Vyp. VII. / Otv. red. G.Ya. Smolin. L.: Izd-vo LGU, 1983. S. 9–54.
- Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Yarlyk Dzhani-beka ot 1347 g. venecijskim kupcam Azova (Rekonstrukcija sodержaniya) // Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. SPb., 1995 (1). Vyp. XV. S. 36–83.
- Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Yarlyk Berdibeka ot 1358 g. venecijskim kupcam Azova (Rekonstrukcija sodержaniya) // Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. SPb., 1995 (2). Vyp. XVI. S. 24–66.
- Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Platezhnaya vedomost' Tajduly (1359 g.) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1997. Ser. 2. Vyp. 3. S. 18-27.
- Grigor'ev A. P., Grigor'ev V. P. Predpisanie Berdibeka pravitel'yu Kryma Kutlug-Timuru (1358 g.) // Vostokovedenie. SPb., 1999. T. 21. S. 177–182.
- Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Kollekcija zolotoordynskih dokumentov XIV veka iz Venecii: Istochnikovedcheskoe issledovanie. SPb.: SPbGU, 2002. – 276 s.
- Karpov S.P. Ital'janskije morskije respubliki i YUzhnoe Prichernomor'e v XIII-XV vv.: Problemy trgovli. M.: Izd-vo MGU, 1990. – 336 s.
- Karpov S.P. Venecijskaya Tana po aktam kanclera Benedetto B'yanko (1359-60 gg.) // Prichernomor'e v srednie veka. Vyp. 5. M.; SPb, 2001. C. 9–26.
- Kramarovskij M.G. Pogrebenie beklyaribeka Mamaya (?): arheologicheskie nablyudeniya i istoricheskij kontekst // Ermitazhnye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo. SPb., 1996. S. 38–41.
- Kramarovskij M.G. Simvol'y vlasti u rannih mongolov. Zolotoordynskie pajczy kak fenomen oficial'noj kul'tury // Tyurkologicheskij sbornik 2001. Zolotaya Orda i eyo nasledie. M., 2002. S. 212–224.
- Kuchkin V.L. Hany Mamaevoj Ordy // Mamaj: Opyt istoriograficheskoi antologii. Sbornik nauchnyh trudov / Red. I. M. Mirgaleev, V. V. Trepavlov. Kazan': «Fən», 2010. S. 119–128.
- Mirgaleev I.M. K voprosu ob edinstve Zolotoj Ordy v 1359–1380 godah // Kul'turnye tradicii Evpazii: voprosy srednevekovoj istorii i arheologii / Seriya «Vostok-Zapad: Dialog Kul'tur Evrazii». Vyp. 4. Kazan': «Fən», 2004. S. 96–99.
- Mirgaleev I.M. K prblme prihoda Toktamysya k vlasti v Zolotoj Orde i k Voprosu o Znachenii Donskogo poboishcha // Dialog kul'tur: russko-tatarskie vzaimosvyazi: Materialy istoriko-filologicheskogo seminara, provodimogo v ramkah Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii «Slavyanskaya kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie» VII Kirillo-Mefodievskih chtenij. Ch. III. Vyp. 2. M.–Yaroslavl': Remder, 2006. S. 10–18.
- Mirgaleev I. M. K voprosu o politicheskoi obstanovke v Zolotoj Orde vo vremena emira Mamaya // Materialy Lihachevskih chtenij. 5–7 aprelya 2006 g. Kazan': RIC «Shkola», 2007. S. 216–219.
- Mirgaleev I.M. «Chernyj chelovek» Mamaj // Mamaj: Opyt istoriograficheskoi antologii. Sbornik nauchnyh trudov. Red. I. M. Mirgaleev, V. V. Trepavlov. Kazan': «Fən», 2010. S. 183–197.
- Polyak A.N. Novye arabskie materialy pozdnego srednevekov'ya o Vostochnoj i Central'noj Evrope // Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. I. M.: Nauka, 1964. S. 29–66.
- Pochekaev R.YU. Mamaj letopisnyj i Mamaj istoricheskij (popytka razvenchaniya stereotipov) // Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana. 2008. № 2. S. 53–77.
- Pochekaev R.YU. Mamaj letopisnyj i Mamaj istoricheskij (popytka razvenchaniya stereotipov) // Mamaj: Opyt istoriograficheskoi antologii. Sbornik nauchnyh trudov / Red. I.M. Mirgaleev, V.V. Trepavlov. Kazan': «Fən», 2010. S. 206–238.

- Pochekaev R. Yu. *Obraz Mamaya v russkom letopisanii kak sredstvo delegitimizacii vlasti ordynskogo hana // Geroi i antigeroy v istoricheskoy sud'be Rossii*. SPb., 2004. S. 29–34.
- PSRL, V. *Polnoe sobranie russkikh letopisej*. Tom V. Izdanie 1-e. Pskovskaya vtoraya i Sofijskaya pervaya letopisi. SPb., 1851. 286 str. + 2 tabl. snimk.
- PSRL, XV, I. *Polnoe sobranie russkikh letopisej, izdavaemoe Gosudarstvennoy Arheograficheskoy komissiey Rossijskoj akademii nauk*. Tom pyatnadcatyj, izdanie vtoroe, vypusk pervyj. Rogozhskij letopisec. Petrograd, 1922. – 132 s.
- Priselkov M.D. *Troickaya letopis'*. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 518 s.
- Svod armyanskih pamyatnyh zapisej, odnosyashchihsya k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV–XV vv.) / Sostavlenie, russkij perevod, vvedenie i primechaniya T.E. Sargsyan*. Simferopol': SONAT, 2010. – 312 s.
- Sidorenko V.A. *Hronologiya pravlenij zolotoordynskih hanov 1357–1380 gg.* // MAIET. Vyp. VII / red.-sost. A. I. Ajbabin, V. N. Zin'ko. Simferopol', 2000. S. 267–288.
- Sidorenko V.A. *Pervyj monetnyj dvor Krymskogo ulusa Zolotoj Ordyy – ĀKRĀ (الكر)* // XXIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noe i material'noe. Simferopol', Kerch', 2022. S. 298 – 314.
- Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordyy*. T. I. *Izvlacheniya iz sochinenij arabskikh*. SPb.: Tipogr. Imp. AN, 1884. 566 s. (arabskie teksty s perevodami)
- Utemish-hadzhi. *Chengiz-name / Faksimile, perevod, transkripciya, tekstologicheskie primechaniya V.P.Yudina. Podgotovka k izdaniyu Yu.G. Baranovoj. Kommentarii i ukazateli M.H.Abuseitovoj*. Alma-Ata, 1992. – 244 s., XLVIII tabl.
- Fren H.M. *Monety hanov ulusa Dzhuchieva ili Zolotoj Ordyy, s monetami raznyh inyh muhammedanskikh dinastij v pribavlenii; iz prezhnego sobraniya g-na professora, statskogo sovetnika i kavamera K.Fuksa v Kazani, prinadlezhashchego nyne tamoshnemu Imperatorskomu Universitetu. Perevel s nemeckogo Mihail Volkov*. SPb., 1832. – XVI, 80 c., 17 tabl.
- Yanina S.A. *Dzhuchidskie monety iz raskopok i sborov Kujbyshevskoj ekspedicii v Bolgarah v 1946–1952 gg. Trudy Kujbyshevskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. I / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 42. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. S. 424–457.*
- Basso E. *Il «bellum de Sorcati» ed I trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro* // Studi Gunuesi. Nuova serie. Vol. 8 (1990). Genova, 1991. P. 25–26.
- De Sacy A.I.S. *Pièces diplomatiques tirées des archives de la république de Gènes // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques; publiés par l'Institut Royal de France*. T. XI, Paris: Imprimerie Royale, 1827. P. 1–96.
- Desimoni C. *Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381. Scritto in lingua volgare* // Archivio Storico Italiano. 4a Serie. 1887. T. 20. P. 161–165.
- Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia / Ed. by R. Predelli. Pars 2: 1351-1454. Venetiis, 1899. – 490 p.*
- Iorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Échos d'Orient, tome 26, n°146, 1927. p. 244.*
- Fraehn Ch.M. *Recensio numerum muchammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli, 1826. – xxxviii, 743 p.*
- Olivieri A. *Carte e cronache manoscritte per la storia Genovese esistenti nella Biblioteca della R. Università Ligure. Indicata ed illustrate. Genova: Co' Tipi del R.I. de'Sordo-Muti, 1855. – 241 p.*

Резюме

Для биографии хорошо известного правителя Золотой Орды Мамаю и членов его семьи исследователями привлекается в числе других источников свидетельство Вели ад-Дин Абдеррахман Абу Зейда эль-Малики эль-Хадрами ибнун Хальдун (до 808 г.х./1406), содержа-

щеется в 5-м томе его труда «Книга назидательных примеров и сборник подлежащего и сказуемого по части истории арабов, иноземцев и берберов». Но знакомство с опубликованными В.Г.Тизенгаузеном его текстом и переводом побуждает к необходимости не только уточнения последнего, но и корректуры самого текста, включающего не соответствующую стилю Хальдуна вставку и претерпевшего перестановку слов, возможно, сделанные его переписчиком. Перевод В.Г. Тизенгаузена некорректированного текста следующий: «Мамай, завладевший Сарайским царством. По смерти Бердибека, ему наследовал сын его, Токтамыш, малолетний ребенок. Сестра его, Ханым, дочь Бердибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами. К владениям его принадлежал город Крым. В то время его там не было (?». Перевод скорректированного текста отличается от него: **«Мамай завладел Сарайским царством, когда за покойным Бирдибеком следовал его (Мамаю – В.С.) сын <...>, как ребенок малый (ростом); и будто сестра (Бирдибека), ханым, дочь [Джанибека], была замужем за одним из старших монгольских эмиров, его имя Мамай; и будто он управлял в его (т. е. сына – В.С.) царствование; и будто столица Крыма относилась к его (Мамаю – В.С.) вилайату...».**

Свидетельство Хальдуна сообщает неизвестные ранее исследователям сведения о том, что второй хан Мамаевой Орды Гийас ад-Дин Мухаммед Тулак (тюркское), или Мухаммад Товлак (арабское), был сыном Мамаю и имел малый, как у ребенка, рост. Оно уточняет, что Мамай был зятем Джанибека, а не его сына Бирдибека, как это считалось ранее со слов перевода В.Г. Тизенгаузена. Хальдун упоминает владение Мамаем столицей (мадинат) Крыма, но не городом (баладат) Крым, подтверждая более позднюю дату именованія Крымом – Солхата (современный Старый Крым).

В 90-х годах прошлого века на восточной окраине Старого Крыма археологом М.Г. Крамаровским был раскопан курган, носивший название Мамаево. В центральном курганном захоронении обнаружен скелет необычайно малого роста (не более полутора метров). Устанавливаемый по антропологическим данным возраст погребенного около 50 лет. Исследователь отмечает большой размер перекрытия камеры и ряд признаков обряда, свидетельствующих о высоком ранге погребенного. Благодаря сведениям Хальдуна о малом, как у ребенка, росте хана Гийас ад-Дин Мухаммада Тулака, сына Мамаю, мы с достаточной долей достоверности можем заключить, что именно он был захоронен в кургане на окраине Старого Крыма.

Summary

For the biography of the well-known ruler of the Golden Horde Mamay and members of his family, researchers use, among other sources, the testimony of Veli ad-Din Abderrahman Abu Zeid al-Maliki al-Hadrami ibnun Khaldun (before 808 AH/1406), contained in the 5th volume of his work “The Book of Instructive Examples and a Collection of Subject and Predicate on the History of Arabs, Foreigners and Berbers.” But acquaintance with the published V.G. Tiesenhause’s text and translation prompts the need not only to clarify the latter, but also to correct the text itself, which includes an insertion that does not correspond to Khaldun’s style and has undergone a rearrangement of words, possibly made by his prescriber. Translation by V.G. Tiesenhause’s uncorrected text is as follows: “Mamay, who took possession of the Sarai kingdom. After the death of Berdibek, he was succeeded by his son, Toktamys, a young child. His sister, Khanym, daughter of Berdibek, was married to one of the senior Mongol emirs, named Mamay, who managed all affairs during his reign. The city of Crimea belonged to his possessions. He wasn’t there at that time (?).”The translation

of the corrected text differs from it: “Mamay took possession of the Sarai kingdom when the late Birdibek was followed by his (Mamay - V.S.) son <...>, like a small child (in stature); and as if the sister (Birdibek), khanim, daughter of [Dzhanibek], was married to one of the senior Mongolian emirs, his name was Mamay; and as if he ruled during his (i.e. son - V.S.) reign; and as if the capital of Crimea belonged to his (Mamay – V.S.) vilayat...”

Khaldun’s testimony provides information previously unknown to researchers that the second khan of the Mamay’s Horde Giyas ad-Din Muhammad Tulak (Turkic), or Tovlak (Arabic), was the son of Mamay and had a small, child-like stature. It clarifies that Mamay was the son-in-law of Dzhanibek, and not his son Birdibek, as was previously believed from the translation of V.G. Tiesenhausen’s. Khaldun mentions Mamay’s ownership of the capital (madinat) of Crimea, but not the city (baladat) of Crimea, confirming a later date for the naming of Solkhat (modern Old Crimea) – Crimea.

In the 90s of the last century, on the eastern outskirts of Old Crimea, archaeologist M.G. Kramarovsky excavated a mound called Mamaevsky. A skeleton of unusually small stature (no more than one and a half meters) was discovered in the central burial mound. The age of the buried person, determined based on anthropological data, is about 50 years. The researcher notes the large size of the chamber’s ceiling and a number of signs of ritual, indicating the high rank of the buried person. Thanks to Khaldun’s information about the small, child-like stature of Khan Giyas ad-Din Muhammad Tulak, son of Mamay, we can conclude with a fair degree of certainty that it was he who was buried in a mound on the outskirts of Old Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидоренко Валерий Анатольевич,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Федерального государственного
образовательного учреждения
«Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского»,
проспект Академика Вернадского, 2,
г. Симферополь, 295007.
E-mail: niciak_crfu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sidorenko Valery Anatolievich,
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
Research Center history
and archeology of Crimea
Federal State Educational Institution
«Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky»,
Academic Vernadsky Avenue, 2,
Simferopol, 295007.
E-mail: niciak_crfu@mail.ru

Рис. 1. Монетная чеканка Азака, монеты Кильдибека и Мамаю: выборка из штемпельного исследования.

В.В. СИМОНОВ
V.V. SIMONOV

ВОИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ АДЖИМУШКАЯ
(к постановке проблемы подсчетов захоронений и останков,
найденных в каменоломнях)

MILITARY NECROPOLIS OF AJIMUSHKAY
(with reference to the formulation of the problem of calculations of burials
and remains found in quarries)

История изучения обороны Аджимушкайских каменоломен насчитывает без малого 80 лет. За это время появилось значительное количество разнообразных работ и публикаций, посвященных этой легендарной эпопее. Однако ряд весьма значимых вопросов, помогающих лучше понять суть и характер происходивших событий, до сих пор остается вне поля зрения исследователей.

Этому есть объяснение: подавляющее большинство опубликованных книг и статей относится к мемуарному или историко-публицистическому жанру. Естественно, в них присутствуют все недостатки, характерные для подобного рода произведений, начиная от большей или меньшей субъективности авторов в передаче и оценке произошедших событий и, заканчивая определенной узостью их кругозора в силу сравнительно ограниченного круга источников. Главным же недостатком этих работ можно считать бесконечное тиражирование уже известных фактов, эпизодов, обстоятельств, документов. Научных публикаций по теме, если говорить о второй половине XX века, сравнительно немного¹. Не считая обстоятельной статьи Н.И. Ваулина, написанной (но не опубликованной) в 1946 г. [Ваулин, 2014], и публикации первых документов об обороне каменоломен, составленных представителями органов и соединений Отдельной Приморской армии еще в 1944 г. [Аджимушкайская трагедия, 1962, с. 72-76; Подземный гарнизон, 1962, с. 76 – 91], к ним, без сомнения, можно отнести лишь ставшие хрестоматийными, написанные на основе огромного массива информации² работы ленинградского историка В.В. Абрамова [Абрамов, 1983; Абрамов, 2006; Абрамов, 2016], единичные публикации первого директора подзем-

---

¹ Нам в этой связи хотелось бы подчеркнуть существование разницы между исследованием и популяризацией. В случае с Аджимушкаем, как нам представляется, эта разница довольно размыта. Огромное количество вышедших книг и статей, не имеющих никакого отношения по своей сути к научным исследованиям, зачастую воспринимается сторонним читателем подтверждением достаточной разработанности темы. Мы видим причину этого явления в том, что изучением обороны каменоломен практически не занимались профессиональные историки, что исключило формирование критического отношения и подходов к оценке опубликованных работ.

² В части, касающейся обороны каменоломен, это, прежде всего, воспоминания участников событий.

ного музея в Аджимушкае С.М. Щербака [Щербак, 1989] и некоторые материалы из сборника «В катакомбах Аджимушкая», выдержавшего несколько переизданий, среди которых особо отметим небольшую статью И.П. Кондранова [Кондранов, 1982]. Лишь в 2000-е гг. начали появляться работы нового поколения исследователей³, отличающиеся комплексным подходом при рассмотрении ряда специальных вопросов. Последнее особенно важно, поскольку без привлечения, к примеру, результатов поисковых работ, способных дать наиболее объективную информацию в случае их правильной интерпретации, трудно рассчитывать на воссоздание объективной картины событий в целом.

Среди вопросов, пока еще не привлекавших внимания специалистов, несмотря на их явную значимость для оценки и отдельных эпизодов, и обороны каменоломен в целом, вопрос об останках и захоронениях под землей⁴. Работа по их поиску ведется на протяжении вот уже более 50 лет [Демиденко, Симонов, 2004]. За это время накоплен довольно значительный объем информации, но никакой отдельной работы по этой теме до сих пор не было. Исключением можно считать лишь вышедшую в 2007 г. статью, затронувшую небольшую часть этой проблемы [Симонов, 2007].

Это тем более странно, что обобщенные данные о захоронениях и погибших в каменоломнях могли бы служить пусть косвенным, но весьма существенным подтверждением версий и гипотез по одному из самых важных, но пока еще дискуссионных вопросов – численности подземных гарнизонов⁵. Эти же сведения могли быть включены и в расчеты потерь. Поэтому нам представляется весьма важным восполнить этот пробел, обобщив имеющуюся в нашем распоряжении и ранее введенную в широкий оборот информацию по теме, и попытаться ответить на вопросы о том, сколько человек погибло и осталось в каменоломнях, где и как хоронили погибших, по возможности проследить особенности воинских погребальных ритуалов, бытовавших в этих специфических условиях.

Источниковой базой исследования стали опубликованные документы и воспоминания участников событий, работы В.В. Абрамова и С.М. Щербака, а также отчеты экспедиций за период 1983 – 2015 гг.⁶, и информация о результатах их работы

---

³В этой связи можно отметить работы И.О. Грека, О.И. Демиденко, К.К. Пронина, В.М. Соколова, В.В. Симонова и, с некоторыми оговорками, В.К. Щербанова.

⁴Видимо, в первую очередь это можно объяснить не инертностью исследователей или отсутствием интереса к подобной теме, а тем, что в советские годы об этом не принято было говорить во всеуслышание или публиковать научные материалы [Любецкий, 2022, с. 21].

⁵Например, см.: [Абрамов, 2016, с. 130 – 132; Аджимушкай. 1942., 2017, с. 363 – 364; Симонов, 2004, с. 228 – 229].

⁶Имеются в виду опубликованные в рамках серии «Военно-исторические чтения» отчеты В.В. Симонова, В.М. Соколова и В.К. Щербанова [Симонов, 2019; Соколов, 2020; Щербанов, 2021] и отчеты, подготовленные и опубликованные в этой же серии специалистами Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017а; Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б].

в 2016 – 2022 гг.⁷ Следует отметить, что при формировании обобщенных данных по захоронениям и останкам в каменоломнях определенную сложность вызвал подсчет результатов работ экспедиций 1972 – 1982 гг. Это связано с тем, что в научный оборот такая информация не введена (есть лишь, к примеру, отдельные публикации в журнале «Вокруг света» и упоминания в работах В.В. Абрамова и С.М. Щербака, о чем подробнее будет сказано ниже), а доступ к архивным материалам, хранящимся в Научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, в настоящее время по ряду причин затруднен. Тем не менее, данные о результатах этих работ (несмотря на некоторые противоречия, отмечаемые в отчетах и различных публикациях) приводятся нами на основании других документов, хотя и без какой-либо детализации.

Если проанализировать источники и литературу по указанной теме, то мы найдем минимум упоминаний по интересующему нас вопросу.

Обратимся, прежде всего, к документам.

Самые известные данные о количестве погибших и захороненных под землей, правда, относящиеся лишь к одному дню – дню первой газовой атаки⁸, содержатся в Дневнике Сарикова-Трофименко⁹: *«Прежде всего командование занялось уборкой трупов. Целый день пришлось закапывать своих боевых товарищей, а конца и края не было. Вести учет по фамилиям не было возможности, потому что ежедневно враг пускал газ, который он называл нейтральным. За один день мы только на своей территории зарыли 824 человека. Что же делалось на территории других батальонов, то, наверное, не меньше, чем у нас»* [Дневник, найденный в катакомбах, 1970, с. 62]. Более ни в этом документе, ни в еще одном дневнике, найденном в каменоломнях, – дневнике старшего лейтенанта А.И. Клабукова¹⁰ [Дневник старшего лейтенанта Клабукова., 2014], нет интересующих нас сведений. В советских источниках первые обобщенные данные о погибших и похороненных под землей приводятся в «Акте от 16 февраля 1944 г.», составленном представителями 414-й стрелковой дивизии. В документе сообщается, что в подземных братских могилах в общей сложности похоронены более 3000 человек. Число вызывает определенные вопросы [Симонов, 2007, с. 88-89], но это единственное известное на настоящий момент в советских документах упоминание о количестве похороненных воинов-аджимушкайцев. Таким образом, исходя из этих данных, следует допустить, что только

⁷Информация о результатах работ за каждый поисковый сезон в этот период публиковалась на страницах социальной сети ВКонтакте в группе «Военно-археологические экспедиции Аджимушкой» (<https://vk.com/adjimushkai>).

⁸24 мая 1942 г.

⁹Трофименко Александр Иванович, 1908 г.р., Краснодарский край, ст. Ахтырская, мл. лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, автор известного дневника, вошедшего в историю под названием «Дневник Сарикова-Трофименко» [Абрамов, 2006, с. 100-101].

¹⁰Клабуков Александр Иванович, 1901 г.р., урож. г. Вятка, старший лейтенант (капитан), участник обороны Малых каменоломен, автор известного дневника, найденного под землей.

в Центральных каменоломнях остались тела **более чем 3000** воинов подземного гарнизона. Более, потому что число 3000 относится, видимо, только к погибшим в ходе первых газовых атак (именно их массово хоронили в братских могилах, о которых и идет речь в Акте). Следовательно, количество оставшихся в выработках погибших (как похороненных, так и нет) должно быть гораздо большим.

Немного информации можно найти и в выявленных на настоящий момент документах противника. Понятно, что подобные сведения не находили отражения в текущих оперативных документах подразделений, участвовавших в подавлении подземных очагов сопротивления в Аджимушкае, но косвенные данные можно найти в «Обобщающем донесении о советском движении сопротивления в каменоломнях Аджим-Ушкой (Крым)». Там сказано, что от голода и ран под землей умерло 600 человек (и можно считать, что все они были похоронены в каменоломнях), расстреляно «за нарушение дисциплины» 100 человек, еще 350 человек погибли под завалами – «смерть от взрывов» (понятно, тела их тоже оставались в выработках) [Керчь. 1942.., 2011, с. 458]¹¹ – итого 1050 человек. Характерно, что в немецких документах нигде нет упоминаний о смерти защитников каменоломен от газов¹². Получается, что в общей сложности, по представлениям противника, под землей остались тела чуть **более 1000** аджимушкайцев, в том числе более 700 человек – в Центральных и более 300 – в Малых.

Как видим, фигурирующие в советских и немецких документах числа не просто сильно разнятся, они не дают достаточных оснований для доказательного подтверждения того или иного количества погибших, оставшихся в каменоломнях.

Еще меньше информации можно найти в воспоминаниях участников событий. Фактически, сами авторы лишь констатируют факт погребения павших, сообщая минимум деталей, и таких свидетельств очень немного. Приведем самые характерные из них. Так, бывший 1-й помощник начальника штаба гарнизона лейтенант Н.А.Ефремов¹³ пишет: *«И в этом могильном мраке вела свою страшную работу похоронная команда, назначенная комиссаром Парахиным¹⁴. В угрюмом молчании солдаты переносили в боковую штольню тела погибших... Трупы складывали в не-*

---

¹¹Как можно понять, это общие данные по Центральным и Малым каменоломням, поскольку в другом месте есть данные конкретно по Малым: умерло от ран и голода 110 человек (100 и 10 соответственно), расстреляны 10 человек, погибло от взрывов около 200 человек. При этом есть уточнение и по Центральным, где, по данным противника, убито в результате взрывов около 200 человек [Керчь. 1942.., 2011, с.457 – 458]. Данные приблизительные, на основе показаний пленных, как отмечается в документе.

¹²Упомянуты лишь о сдаче в плен (после «атаки с дымовыми бомбами») около 1000 солдат и около 800 гражданских лиц [Керчь. 1942.., 2011, с. 457].

¹³Ефремов Николай Арсентьевич, 1921 г.р., Саратовская обл., с. Подгорное, лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, остался жив, автор известной книги «Солдаты подземелья» [Ефремов, 1970].

¹⁴Парахин Иван Павлович, 1903 г.р., Орловская обл., Ливенский район, с. Успенье, старший батальонный комиссар, один из руководителей и организаторов обороны Центральных каменоломен – комиссар гарнизона, погиб в плену в ноябре 1942 г.

сколько рядов. Большинство было захоронено неопознанными» [Ефремов, 1970, с. 89-90]. Подобное описание, правда, чуть более подробное, мы находим и у участника обороны Н.Д. Немцова¹⁵: «Когда начали хоронить первые трупы, мы поняли, что у нас ничего не получится: ракушечник был крепкий, и с помощью наших инструментов вырыть несколько братских могил просто не в наших силах. Надо было придумать нечто другое. Заметили, что прошло уже почти две недели, а трупы не разлагаются и не издают неприятного запаха. Решили тогда поглубже в каменоломне выбрать место и там погибших солдат складывать один на другого штабелем, а когда освободимся, то перехоронить их. Место для кладбища выбрали в глубине каменоломен между 1 и 2-м батальонами и складывали там умерших до последнего дня. Когда убрали задохнувшихся, каменоломню подмели и к этому вопросу больше не возвращались» [цит. по: Абрамов, 2006, с. 310]. Отметим, что в обоих случаях речь идет о групповых захоронениях (братских могилах), могилы эти находились в глубине каменоломен или боковых штольнях и, как можно понять, поскольку о низовках авторы не упоминают, представляли собой штреки, где просто складывали тела¹⁶. Еще раз подчеркнем, приведенные выше воспоминания относятся к массовому захоронению погибших после первых газовых атак. Без сомнения, именно этот факт даже в череде постоянных смертей был настолько неординарным, что не мог не остаться в памяти навсегда, очень часто – единственным. Довольно интересную информацию, также относящуюся к братским могилам, сообщает и медсестра подземного госпиталя М.Т. Шкандина-Мелохина¹⁷: «У нас был комендант похоронного бюро, который также регистрировал каждого умершего бойца, которого принесли хоронить в братскую могилу. Он записывал каждого человечка, без него мы не могли хоронить. У нас были определённые часы ночные для похорон. И он же следил за порядком, как мы укладываем покойника, чтобы мы укладывали аккуратно, трупы не бросали как попало и мы старались, как могли, хотя у нас уже не было тоже сил» [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 351]. Есть у нее и еще одно упоминание о братских могилах, в котором она касается процесса захоронения: «А вот вторая могила братская, о которой я вам говорила, ... находилась почти что в конце нашего госпиталя, это была огромная могила, и мы её наложили пол-

¹⁵ Немцов Николай Дмитриевич, 1922 г.р., Украинская ССР, Донецкая обл., г. Горловка, курсант Ярославской военно-авиационной школы, участник обороны Центральных каменоломен, остался жив.

¹⁶ Следы подобных захоронений мы находили в каменоломнях [Симонов, 2007, с. 97; Симонов, 2019, с. 327 – 329]. Видимо, наличие отгороженных бутовыми стенками захоронений, которые не раз находили в послевоенное время, стало причиной появления в Аджимушкае среди местных жителей многочисленных легенд об открывшихся за обвалившимися внезапно стенами тел стоявших советских солдат (см., напр.: [Воспоминания жителей Аджимушкая..., 2017, с. 344].

¹⁷ Мелохина (Шкандина) Мария Тимофеевна, 1924 г.р., Курская обл., Хомутовский район, д. Вяженка, участница обороны Центральных каменоломен, медсестра подземного госпиталя, попала в плен, осталась жива, автор воспоминаний, опубликованных в 2014 г. [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 336 – 366].

ную и укладывали аккуратно и плотно ... покойников. Правда, в эту могилу вторую мы уложили [всех] до [последнего] умерших раненых... И мы эту могилу как могли, так и засыпали, уже обессилевшие. Но нужно было укрыть своих умерших раненых бойцов и офицеров землёй. Но у нас не было земли, была каменная тырса, и её мы и засыпали. Каждый слой, как уложим. И хоть немного, но засыпали тырсой...» [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 362].

Других развернутых упоминаний по интересующей нас теме найти не удалось. Видимо, и сама смерть, и похороны павших товарищей были настолько обыденным явлением, что в отличие от постоянных угроз собственным жизням, не оставляли в памяти бойцов и командиров заметных, сохранившихся надолго воспоминаний¹⁸. Причем это касалось как самого процесса захоронений, так и общего количества погибших и захороненных, которого многие просто не знали.

Понятно, что, поскольку свидетельств очевидцев по этому вопросу практически не осталось, сама тема погребения погибших защитников каменоломен под землей как с точки зрения описания отдельных эпизодов, так и попыток анализа, обобщения ситуации практически не нашла отражения в работах исследователей.

Лишь у С.М. Щербака, возможно, на основании рассказов других аджимушкайцев¹⁹, есть упоминание о различных типах погребальных сооружений, хотя опять без какой-либо особой детализации: «После газовых атак, после кровопролитных вылазок живые, если можно было подобрать тела мертвых, убитых, хоронили их в подземелье... Кроме низовок, могилами служили различные другие углубления, ниши, отвалы каменных опилок и крошки. В конце обороны, когда гарнизон уже был в агонии, мертвые оставались на месте в том положении, в каком их настигала смерть» [Щербак, 1989, с. 65].

Никакой дополнительной информации, кроме уже приведенной выше выдержки из воспоминаний Н.Д. Немцова, мы не видим и у В.В. Абрамова (не считая подробного описания нескольких захоронений, обнаруженных в ходе поисковых работ, участником которых он был).

Таким образом, вынуждены констатировать, что в опубликованных работах и мемуарах можно найти лишь упоминание о разнообразии погребальных сооружений, которыми в зависимости от ситуации могли служить как просто штреки или участки штолен, так и различные технологические углубления (например, низовки), а также специально вырытые могилы. Но никаких деталей, связанных с погребени-

---

¹⁸ Специалисты так оценивают подобное явление: «Еще в годы Первой мировой войны было отмечено «равнодушное» отношение к павшим бойцам, отсутствие к ним должного внимания отмечалось на передовых линиях фронта, что выражалось в постепенной секуляризации и минимизации погребальных ритуалов по причине неподходящих условий. Особенно это ярко проявлялось в периоды массовой гибели солдат, когда «бережливость» людей по отношению к телам убитых резко снижалась» [Любецкий, 2014, с. 22].

¹⁹ Впрочем, не исключено, что эта констатация стала результатом увиденного в ходе поисковых работ.

ем погибших, мы не видим, так же как и каких-либо упоминаний об их количестве.

Естественно предположить, что в таком случае восполнить недостающие пробелы, хотя бы отчасти, могли бы результаты эксгумационных работ. Известно, что масштабные эксгумационные работы проводились в каменоломнях в 1961-1962 гг.²⁰, видимо, инициированные общегосударственными акциями по благоустройству, упорядочению и укрупнению воинских захоронений. А затем, начиная с 1972 г., на протяжении многих десятилетий в рамках экспедиции «Аджимушкой» под землей велся целенаправленный поиск незахороненных останков и неизвестных захоронений. К результатам этих работ мы и обратимся в попытке ответить на вопрос о количестве погибших и похороненных в каменоломнях.

Как следует из документов, за два года – 1961-й и 1962-й, в каменоломнях были собраны и впоследствии торжественно перезахоронены на городском воинском кладбище останки **2028** человек (405 и 1623 соответственно) [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед. хр.903, л. 4]. Можно допустить, и ранее мы об этом уже писали, что тогда под землей были собраны практически все незахороненные останки, а также останки из больших братских могил, устроенных в отгороженных бутовками штреках [Симонов, 2007, с. 93]. Не исключено, хотя и вызывает некоторые сомнения, что могла быть произведена эксгумация и из братских могил в низовках – некоторые из них были хорошо видны без проведения поисковых работ. В любом случае, эта цифра – 2028 человек, останки которых были собраны в каменоломнях, фигурирует в официальных документах, и игнорировать ее мы не можем.

Следующий этап планомерных эксгумационных работ связан с работой экспедиций «Аджимушкой»²¹. При этом нужно иметь в виду, что поиск незахороненных останков и неизвестных захоронений изначально не ставился главной целью работ. Такой целью был подземный архив [Демиденко, 2006], а поиск останков считался лишь одной из нескольких задач, стоявших перед участниками экспедиций. Видимо, это сказалось на том, что информация, сохранившаяся в отчетах первого десятилетия исследований, не давала исчерпывающих сведений о результатах, особенно в части найденных и эксгумированных останков²². А в отчетах, так же, как и в публикациях журнала «Вокруг света», редакция которого выступила одним из инициаторов и организаторов поисковых работ в каменоломнях и какое-то время регулярно публиковала статьи на эту тему, можно найти явные несоответствия.

Так, например, в публикациях об экспедициях «Аджимушкой-72» и

²⁰Есть неподтвержденные официально сведения о том, что останки в каменоломнях собирали и сразу после войны – во второй половине 1940-х гг. Если это и так, то никакие документы по этому поводу на настоящий момент не выявлены и не введены в научный оборот. Результаты этих работ нам неизвестны.

²¹Подробно см.: [Демиденко, Симонов, 2004; Грек, 2017, с. 87-89; Симонов, 2017, с. 230-321].

²²Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к отчетам, хранящимся в Научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед. хр. 53, 79, 432, 508, 509, 571, 572, 725, 726, 797].

«Аджимушкай-73» нет никаких упоминаний о найденных останках или могилах, но в статье А. Рябикина «Было много дней», опубликованной в 1974 г., читаем дословно: «В прошлом году (следовательно, в 1973-м – В.С.) мы обнаружили подземную братскую могилу» [Рябкин, 1974, с. 4]. В журналах «Вокруг света» за 1974 – 1975 годы мы опять не видим никакой информации об останках, найденных в каменоломнях. А в книге В.В. Абрамова «Керченская катастрофа 1942» приводится детальное описание обнаружения и эксгумации останков 5 человек на различных участках работ в ходе экспедиции «Аджимушкай-75» [Абрамов, 2006, с. 258 – 269, 261 – 262, 263]. Подобная ситуация сохраняется и в дальнейшем. При отсутствии подобных сведений в отчетах, относящихся к концу 1970-х гг., мы вдруг видим у С.М. Щербака упоминание об обнаружении и эксгумации останков, как можно понять, в эти годы: «Взрыв перекрыл пересечение пяти галерей, где имелись глубокие низовки²³. Их засыпало не полностью, и впоследствии здесь можно было производить раскопки. В одной низовке обнаружили захоронение 25 воинов. Из другой в разные годы извлекли более десяти человеческих останков. Экспедиция 1979 года нашла между двумя воронками останки еще 31 человека. Некоторые черепа были с пулевыми отверстиями, кости конечностей в бинтах и шинах. Рядом могила еще пяти воинов. И нигде никаких документов» [Щербак, 1989, с. 81]. Более того, в одной из публикаций в журнале «Вокруг света» мы находим даже обобщенные сведения (пусть и весьма приблизительные) о количестве останков, эксгумированных в первое десятилетие поиска: «За эти годы останки около двухсот защитников Аджимушкая были с воинскими почестями перезахоронены на воинском кладбище в Керчи» [Рябкин, 1983, с. 3]. Возникает вопрос: насколько точно это число отражает результаты работ за период 1972 – 1982 гг.?

В Научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника хранится «Тетрадь учета перезахороненных на воинское кладбище из Аджимушкайских каменоломен»²⁴ [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед.хр. 921], в которой за период 1961 – 1987 гг. значатся перезахороненными 2409 человек. Количество останков, эксгумированных в 1961 – 1962 гг., нам известно (оно приводилось выше, упоминается и в этом же документе) – 2028 человек. Легко подсчитать и количество останков, найденных и эксгумированных в 1983 – 1986 гг.²⁵, поскольку они отражены в отчетах, подробнее о которых будет сказано ниже, – это не менее 157 человек. Получается, что в ходе экспедиций 1970-х – начала 1980-х гг. (до 1982 г. включительно) в каме-

---

²³Можно предположить, что речь идет о завале, получившем впоследствии название «Большой спуск».

²⁴Документ представляет собой рукописные записи, сделанные научным сотрудником Аджимушкайского музея С.П. Литвиновой в обычной ученической тетради, с данными о перезахоронениях по годам, без ссылок на какие-либо источники.

²⁵В данном случае мы ограничиваемся 1986 г., учитывая то, что экспедиции проходили летом, а перезахоронение останков проводилось, как правило, весной следующего года. Таким образом, в 1987 г. могли перезахоронить останки, найденные не позже 1986 г.

ноломнях были найдены и эксгумированы останки 224 человек, что в целом соответствует данным из публикации в журнале «Вокруг света» и может быть принято во внимание, несмотря на отсутствие документально подтвержденных сведений об обнаружении останков по годам.

Теперь обратимся к результатам экспедиций за период 1983 – 2022 гг. Но прежде чем перейти к изложению статистических данных, остановимся еще на нескольких немаловажных моментах, связанных, прежде всего, с точностью подсчета найденных и эксгумированных останков, нашедших отражение в опубликованных экспедиционных отчетах.

Со второй половины 1980-х гг. поиск останков погибших аджимушкайцев, при сохранении основной цели – подземного архива, становится приоритетной задачей экспедиций почти на два последующих десятилетия. Естественно, это нашло отражение и в изменении методики работ, и в изменении отчетной документации, что выразилось в большем внимании к фиксации найденных останков и захоронений. Правда, говоря о тщательной фиксации, следует иметь в виду скорее сам факт их обнаружения и места, где они были найдены. Первые попытки сколь-нибудь подробного описания захоронений, предпринятые В.К.Щербановым в первой половине 1980-х гг.²⁶ [Щербанов, 2021, с. 50-51, 56-57, 97 и др.], по ряду причин «не прижились», поэтому до конца 1990-х гг. это делалось лишь эпизодически, в исключительных случаях, что значительно снижает информативность отчетов в этом плане. И лишь в последние годы XX века и начале 2000-х гг. детальное описание найденных останков и захоронений стало постоянной практикой и было максимально приближено к требованиям археологических методик [Симонов, 2023, с. 38]. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что поиск останков и захоронений в каменоломнях к этому моменту вновь отошел на второй план, прежде всего благодаря результатам работ предыдущих десятилетий, когда были не просто обследованы значительные открытые площади, но и собраны практически все останки, разбросанные по штрекам и штольням в результате грабительских работ. Тем не менее, накопленные материалы позволили вплотную подойти к анализу полученного массива данных и оценке состояния проблемы в целом.

Классификация захоронений и останков в данном случае особых вопросов не вызывает. Традиционно, если говорить о воинских захоронениях в местах проведения боевых действий, мы выделяем собственно **захоронения** (могилы) и **незахороненные останки** (останки, оставленные на поле боя). Понятно, что и подземное поле боя не является исключением – в каменоломнях были и те и другие.

---

²⁶ Справедливости ради, следует упомянуть о подробном описании могил и останков в материалах В.В. Абрамова уже в 1975 г. [Абрамов, 2006, с. 258 – 269, 261 – 262, 263], но эти записи носили дневниковый характер и по какой-то причине не вошли в отчет экспедиции. Сам же В.В. Абрамов, хотя и обладал статусом консультанта экспедиции, участвовал в работах лишь несколько раз.

Все захоронения под землей относятся к категории неизвестных воинских захоронений, поскольку никаких сведений о них в архивных документах, по понятным причинам, не отложилось. Как и повсеместно в период войны, захоронения под землей были групповыми (братские могилы) и индивидуальными. Отдельно можно выделить госпитальные захоронения, которые, как правило, были групповыми (братские могилы).

Не захороненные останки в Аджимушкае – это те, кто погиб под завалами или был оставлен на месте в последний период обороны, когда хоронить умерших у оставшихся просто не было сил. Большая часть погибших при взрывах до сих пор, видимо, и остается под рухнувшей кровлей, поскольку завалы в каменоломнях почти не разбирали. Тела умерших в госпиталях или просто в местах проживания личного состава были собраны в послевоенные годы еще до начала экспедиций, хотя отдельные случаи обнаружения подобных останков фиксировались даже в 1990 г. [Соколов, 2020, с. 185].

Поскольку на протяжении всех послевоенных десятилетий каменоломни были (и остаются) местом не только работы экспедиций, но и несанкционированных²⁷ и грабительских раскопок, значительное число захоронений и незахороненных останков были «осквернены». Однако вопрос о том, какие именно захоронения и останки считать «оскверненными», имея в виду под таковыми останки, подвергшиеся грабительским раскопкам, не совсем прост. Имеющиеся в нашем распоряжении неофициальные сведения о характере эксгумационных работ в ходе экспедиций 1970-х гг. позволяют предполагать, что часть найденных, к примеру в 1990-е гг. нарушенных захоронений и останков, были следы некачественной работы первых экспедиций. Вопрос, относить ли их к категории «оскверненных», остается открытым. Очевидно лишь то, что это может существенно влиять на окончательные подсчеты, то есть фактически какая-то часть останков (из захоронений и незахороненных), носящих признаки «оскверненных», могли быть учтены дважды. Это же относится к результатам работы по сбору останков в каменоломнях, к которым привлекались местные жители, зачастую изымавшие из захоронений только черепа²⁸. Естественно, спустя несколько десятилетий при обнаружении подобных захоронений они учитывались повторно. С учетом этих обстоятельств мы посчитали целесообразным отнести к категории «оскверненных» все найденные захоронения, сохранившие следы предыдущего вмешательства.

---

²⁷ В данном случае несанкционированными (в отличие от грабительских) мы называем раскопки, которые проводились в годы, когда отсутствовала четкая законодательная база, регламентирующая подобные виды работ, а сами раскопки не преследовали каких-либо материальных целей.

²⁸ В подобных случаях работы выполнялись на законных основаниях, но фактически налицо «осквернение» захоронения. Впрочем, такие случаи, связанные с переносом и укрупнением воинских захоронений, широко известны.

Кроме захоронений и незахороненных останков в практике поисковых работ в Аджимушкае широко распространен термин **разрозненные останки**²⁹. Фактически это останки, подвергшиеся незаконным раскопкам (то есть «оскверненные» останки), но не оставшиеся на месте захоронения, а разбросанные и растянутые по штольням и штрекам. В таких случаях установить точное количество погибших, места их захоронений, принадлежность отдельных костей одному скелету, время раскопок не представлялось возможным. Ясно только, что это останки советских воинов. Еще в начале 1990-х гг. в Центральных каменоломнях на отдельных участках таких костей было разбросано множество и лишь постепенно, в ходе целенаправленных мероприятий в рамках экспедиций середины 1990-х гг. они были собраны. Подсчет их проводился очень условно – по характерным костям³⁰, но тем не менее эти сведения нами приводятся.

Из сказанного выше становится очевидным, что проблема точного подсчета найденных и эксгумированных в ходе экспедиций останков (если термин «точного» здесь вообще уместен) стала самой сложной. По крайней мере, затруднения при подсчете «оскверненных» и разрозненных останков возникали уже в ходе экспедиций, поскольку, например В.М. Соколов, под руководством которого осуществлялась наиболее активная зачистка каменоломен в середине 1990-х гг., не редко использовал при составлении отчетов формулировки «несколько» или «много» (человек). В подобных случаях при подсчетах мы принимали во внимание минимальные цифры: не менее 2-х («несколько») или не менее 3-х («много») человек. У В.К. Щербанова есть разночтения при указании количества найденных останков в отчетах и дневниках за один и тот же год (например, 1985-й [Щербанов, 2021, с. 129 – 208]. Информация о раскопках некоторых объектов выглядит недостоверно, к примеру, в 1986 г. В.М. Соколов упоминает об эксгумации 11 человек из братской могилы под надписью «*Простите, други*»³¹ [Соколов, 2020, с. 48], причем, по его мнению, могила раскопана ростовчанами. Но у В.К. Щербанова в отчете за 1986 г. (так же, как и за предыдущие годы) ничего подобного нет. И похожие примеры можно продолжать.

Несомненно, все эти нюансы следует учитывать при составлении общей картины, но в любом случае отчеты экспедиций, начиная с 1983 г., содержат сведения о проведенных эксгумационных работах, которые могут быть исходными данными для интересующих нас подсчетов.

---

²⁹ В практике российских поисковиков используется термин «добор», который, как нам представляется, наиболее близок по смыслу к тому, что мы называем «разрозненными останками». Тем не менее, точного определения термина «добор» мы не встречали, что порой ведет к разночтениям и неточностям при составлении отчетной документации.

³⁰ Разрозненные останки были представлены, как правило, позвонками, ребрами, мелкими костями конечностей, реже – лопатками, костями таза, крупными костями конечностей. Черепа встречались только в виде отдельных костей или их фрагментов.

³¹ На поисковых картах место № 95.

Известно, что наиболее активно поиском захоронений и сбором незахороненных останков в каменоломнях занимались одесские группы, а затем объединенная экспедиция под руководством В.М. Соколова [Соколов, 2020, с. 6]. Этот период охватывает 1984 – 1997 гг., и в общей сложности за эти годы были обнаружены и эксгумированы (собраны) останки не менее 317 человек.

Таблица № 1

Сведения о количестве найденных и эксгумированных останков одесскими поисковыми группами и объединенной экспедицией «Аджимушкай» за период 1984 – 1997 гг. (по [Соколов, 2020])³²

Год	Центральные каменоломни			Малые каменоломни			Всего
	из захоронений	незахор.	разрозн.	из захоронений	незахор.	разрозн.	
1984	>2/-	-/-	>10	-/-	-/-	-	>12
1985	-/>6	-/-	>32	-/-	-/-	>15	>53
1986	-/2	2/1	>13	-/-	-/-	>11	>29
1987	>2/-	1/>3	-	3/-	1/-	>6	>16
1988	-/-	-/-	-	-/20	4/-	-	24
1989	10/12	2/-	>4	-/-	>3/-	-	31
1990	1/7	2/-	>7	1/1	1/-	-	20
1991	-/-	-/-	-	>8/-	-/-	>3	>11
1992	-/>3	1/-	>3	-/-	-/-	-	>7
1993	-/4	-/-	-	-/1	-/1	>2	>8
1994	5/>15	-/-	>2	1/-	-/-	-	>23
1995	3/15	-/-	3	3/10	3/-	-	37
1996	3/>13	4/1	>5	-/1	3/-	1	>31
1997	-/>10	-/-	>3	-/>2	-/-	-	>15
	>26/>87	12/>5	>82	>16/>35	15/1	38	>317
Всего							>317

Параллельно (до момента объединения в 1993 г.) работали ростовские группы, возглавляемые В.К. Щербановым. Им за период 1983 – 1992 гг. удалось найти и эксгумировать останки 95 человек.

³²Здесь и далее в числителях указаны неповрежденные останки, в знаменателях – «оскверненные».

Сведения о количестве найденных и эксгумированных останков ростовскими поисковыми группами за период 1983 – 1992 гг. (по [Щербанов, 2021])

Год	Центральные каменоломни			Малые каменоломни			Всего
	из захоронений	незахор.	разрозн.	из захоронений	незахор.	разрозн.	
1983	6/8	4/-	14	-/-	-/-	-/-	32
1984	2/-	3/-	-/-	-/-	-/-	-/-	5
1985	11/4	2/-	-/-	-/-	-/-	-/-	17
1986	8/-	1/-	-/-	-/-	-/-	-/-	9
1987	7/-	-/-	-/-	2/-	-/-	-/-	9
1988	1/-	3/-	-/-	-/-	-/-	-/-	4
1989	3/-	6/-	-/-	-/-	-/-	-/-	9
1990	2/7	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	9
1991	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	-
1992	-/1	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	1
	40/20	19/-	14	2/-	-	-	
Всего							95

Впоследствии эта работа была продолжена, и до 2017 г. (включительно)³³ найдены и эксгумированы останки еще не менее 117 человек.

Таблица № 3

Сведения о количестве найденных и эксгумированных останков экспедицией «Аджимушкой» за период 1998 – 2017 гг. (по [Симонов, 2019])

Год	Центральные каменоломни			Малые каменоломни			Всего
	из захоронений	незахор.	разрозн.	из захоронений	незахор.	разрозн.	
1998	1/-	-/-	3	-/-	-/-	-	4
1999	2/2	-/-	>16	-/-	-/-	-	>20
2000	-/-	-/-	1	-/-	-/-	-	1

³³ В 2018 – 2022 гг. при проведении экспедиций останки в каменоломнях не находили.

2001	-/-	-/-	>3	-/-	-/-	-	>3
2002	-/-	4/-	-	-/-	-/-	-	4
2003	1/2	1/1	>6	-/-	-/-	-	>11
2004	1/-	1/-	-	-/-	-/-	-	2
2005	-/-	2/-	>2	-/-	-/-	-	>4
2006	-/1	1/-	>24	-/-	-/-	-	>26
2007	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2008	-/-	-/1	>2	-/-	-/-	-	>3
2009	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2010	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2011	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2012	-/-	-/-	>7	-/-	-/-	-	>7
2013	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2014	-/-	-/-	-	-/3	1/-	4	8
2015	3/6	5/-	3	-/1	-/-	-	18
2016	-/1	1/-	1	-/-	-/-	-	3
2017	-/-	3/-	-	-/-	-/-	-	3
	8/12	18/2	>68	-/4	1/-	4	>117
Всего							>117

Таким образом, за период 1984–2022 гг. в Центральном и Малых Аджимушкайских каменоломнях экспедициями были найдены и эксгумированы останки не менее **529 человек**. Ниже мы приводим характеристики найденных останков с учетом обозначенной ранее классификации (захоронения, незахороненные останки и разрозненные останки).

Захоронения

Всего в отчетах отмечено 143 случая обнаружения захоронений (63/80). Из них, в Центральном каменоломне – 123 (52/71) – 86%, в Малых – 20 (13/7) – 14%. В 10 случаях (6,9%) отмечено, что захоронения госпитальные (5/5); в 3 случаях погибшие были захоронены в жилых комнатах (2/1), в 1 (-/1) – в газубежище. В 99 (49/50) случаях (69,2%) захоронения одиночные, в 44 (14/30) – (30,8%) – групповые (2 человека – 18 захоронений, >2 человек – 5 захоронений, 3 человека – 11 захоронений, 4 человека – 2 захоронения, >4 человек – 2 захоронения, 5 человек – 1 захоронение, 7 человек – 1 захоронение, >7 человек – 1 захоронение, 8 человек – 1 захоронение, 9 человек – 1 захоронение, 20 человек – 1 захоронение). В 10 случаях не указано точное количество эксгумированных останков, они считались по условным значениям.

Идентифицированы по медальонам-смертникам – 7 человек (Зайцев, Закиров,

Король, Мейлахс, Мисников, Поляков, Суroveň), по другим документам – 1 человек (Ройтберг), по результатам судебно-медицинских исследований – 2 человека (Исаков, Манукалов)³⁴.

Останки 19 (7/12) человек принадлежали командирам (определены по медальонам-смертникам, по результатам судебно-медицинских исследований, по фрагментам обмундирования). Останки 5 человек – гражданским лицам, кроме того, были найдены останки 3 женщин и 4 детей (одна из которых девочка).

В общей сложности из захоронений в Центральных каменоломнях эксгумированы останки не менее 74/119 человек, в Малых – не менее 18/39 человек, всего – не менее **250 человек**, что составляет от общего числа найденных и эксгумированных останков 47,2%.

Незахороненные останки

Всего в отчетах отмечено 48 случаев обнаружения незахороненных останков (42/6); из них в Центральных каменоломнях – 36 (31/5) – 75%, в Малых – 12 (11/1) – 25%. В 44 (38/6) случаях отмечено, что бойцы погибли при взрывах под завалами, в 1 (1/-) – погибший, лежавший в штольне, впоследствии был засыпан завалом, в 3 (3/-) – погибшие были расстреляны. В 1 случае количество эксгумированных останков не указано, они считались по условным значениям.

Идентифицированы по личным документам – 4 человека (Глебкин, Казазаев, Сушко, Янгуразов), по подписным предметам – 2 человека (Донцелян, Соленьй³⁵).

Останки 7 человек принадлежали командирам (определены по фрагментам обмундирования), 2 человек – гражданским лицам, 2 – женщинам.

В общей сложности в Центральных каменоломнях были эксгумированы останки не менее 56 (49/7) человек, в Малых – не менее 17 (16/1) человек, всего останки не менее **73 человек**, или 13,8% от общего числа.

Разрозненные останки

В отчетах упоминаются 84 случая обнаружения «разрозненных» останков, в 43 случаях указано примерное количество, в 41 случае – нет.

В целом, можно считать, что в Центральных каменоломнях в общей сложности были собраны останки не менее 164 человек.

В Малых каменоломнях: с указанием точного количества собранных останков – не менее 27 человек, в случаях, когда количество не указано, – не менее 11 человек, всего – не менее 42 человек.

Всего по категории «разрозненные останки» в Центральных и Малых Аджимушкайских каменоломнях были собраны останки не менее **206 человек**, или 39,0% от общего количества.

³⁴ Сведения на военнослужащих, личности которых были идентифицированы, смотри в *Приложении № 1*.

³⁵ Из отчета не совсем понятно, найден ли был подписной котелок на останках или рядом с ними.

Возникает вопрос, могут ли эти числа быть использованы при общем подсчете погибших и похороненных в каменоломнях и далее при расчетах, к примеру, потерь? На первый взгляд, учитывая их очень приблизительный характер, обусловленный сложностями подсчетов, нет. Но это не совсем так, и косвенными подтверждениями для некоторых выводов они все-таки могут быть.

Например, как мы уже отмечали выше, советские источники указывают, что в каменоломнях погибли и были похоронены более 3000 человек. Немецкие, отрицающие использование против аджимушкайцев боевых отравляющих веществ³⁶, указывают гораздо меньшую цифру – 1050. Если принимать во внимание все выявленные на настоящий момент документы, характеризующие поиск останков в каменоломнях и их эксгумацию, можно допустить, что в общей сложности за все годы были найдены останки не менее 2781 человека. Даже если согласиться с тем (и это вполне справедливо), что разрозненные останки фактически могли быть учтены дважды, итоговая цифра уменьшится ненамного и составит более 2,5 тысячи (2575 человек). На наш взгляд, это может служить убедительным доказательством гибели гораздо большего количества защитников каменоломен, чем было указано в документах противника, и, следовательно, косвенным подтверждением применения немецкими войсками отравляющих веществ.

Можно, к примеру, сопоставить количество найденных захороненных останков – 73 (а в нашем случае это в подавляющем большинстве военнослужащие, погибшие от взрывов кровли) с числами из немецких документов – 350, чтобы понять, сколько тел погибших бойцов и командиров могут все еще оставаться под завалами.

Впрочем, анализ полученных результатов, кроме попыток использовать их в расчетах численности гарнизонов и их потерь, расширяет наши представления и по такой специфической теме, как воинские погребальные ритуалы.

Для понимания характеристик погребальных сооружений и практиковавшихся погребальных обрядов (как части ритуала) интерес, как вполне очевидно, представляют только захоронения. Поэтому ниже более детально остановимся именно на этой категории.

В отчетах В.М. Соколова захоронения как непотревоженные, так и «оскверненные» описаны предельно кратко. Обычно он сообщает место обнаружения, количество захороненных, перечисляет вещевой материал или документы, найденные на останках. Вещевой материал, как правило, стандартный и представлен фрагментами и обрывками обмундирования и обуви, деталями снаряжения, патронами к стрелковому оружию, единичными личными вещами (монеты, мундштуки, расчески и пр.³⁷).

---

³⁶ Вопрос о точном составе использовавшихся немецкими войсками газов остается открытым. На наш взгляд, наиболее убедительна и обоснована версия О.И. Демиденко, предположившей, что в каменоломнях были использованы, прежде всего, боевые отравляющие вещества раздражающего действия [Демиденко, 2014].

³⁷ Это же справедливо и в отношении вещевого материала, зафиксированного в захоронениях другими исследователями (В.К. Щербановым и В.В. Симоновым). Если говорить о личных вещах и вообще о предметах, оставшихся в карманах погибшего, то традиционно считается, что эти предметы носили

Из 84 эксгумированных захоронений (24/60) лишь в отношении 15 отмечены детали, которые условно можно отнести к характеру погребальных сооружений и их характеристикам.

В 4 случаях говорится, что погребение было совершено в навале мелкого бута (или забросано камнями) [Соколов, 2020, с. 185, 237, 395, 430], в 1 случае зафиксирован очень тонкий слой камней – останки находились практически на поверхности [Соколов, 2020, с. 430]; в 5 случаях погребение было совершено в неглубоких ямах или углублениях в полу³⁸ [Соколов, 2020, с. 354, 357, 365, 391, 395], в 1 случае – в яме размерами 2x1,2 м, глубиной около 1 м [Соколов, 2020, с. 320]. В 5 случаях зафиксирована глубина могильных ям или глубина погребения (когда они были совершены в навалах камней) – 0,2-0,3 м (в 1 случае эта величина еще меньше – 0,15-0,2 м) [Соколов, 2020, с. 237, 314 – 315, 429 – 430]. В этом ряду выделяется могила, найденная в южной части Малых каменоломен, из которой были эксгумированы останки ст. политурака А.Н.Манукалова: в углу тупика, вплотную к двум его стенам, в полу была выдолблена прямоугольная яма размерами 2,00x0,65-0,80 м, глубиной 0,2 м. Двумя стенами могилы служили нижние части стен тупика, две оставшиеся стены были сформированы вертикально стоящими плоскими плитами размерами от 0,7x0,2x0,14м до 0,4x0,25x0,10м, костяк в верхней части прикрыт плоской плитой размерами 0,46x0,44x0,10 м, после чего могила засыпана тырсой [Соколов, 2020, с. 243 – 244]³⁹.

Есть у В.М. Соколова и отдельные упоминания деталей, которые можно отнести к погребальному обряду. В 3 случаях погибшие были уложены в могилы на спины [Соколов, 2020, с. 391, 394, 395], в 1 – на бок [Соколов, 2020, с. 395] (при различном положении рук и ног). Также в 3 случаях отмечается, что погибшие были завернуты в плащ-палатки, при этом один из них был уложен еще и на матерчатую подстилку [Соколов, 2020, с. 185, 354, 357].

В отчетах В.К. Щербанова обнаруженные и раскопанные захоронения описаны более подробно. Всего ростовскими группами было найдено 43 (32/11) захоронения и в 23 случаях, кроме самого факта обнаружения и мест их нахождения сообщаются дополнительные интересующие нас детали.

В 8 случаях отмечается, что захоронение произведено в толще тырсы (не уточняется, имеются ли в виду технологические насыпи вдоль стен или слой тырсы на подошве

утилитарный характер и их наличие объясняется только случайностью. В то же время ряд исследователей склонен считать некоторые из подобных предметов оберегами, придавая им совершенно другой смысл (см., напр. [Зверев, 2014, с. 25 – 27]).

³⁸Здесь и далее следует иметь в виду, что пол – это поверхность очень плотного слоя технологических отходов (тырсы и мелкого бута), достигавшего на разных участках толщины от нескольких до нескольких десятков сантиметров, а не скальное основание, подошва выработок.

³⁹Известно, что А.Н. Манукалов умер под землей от истощения осенью 1942 г. То, что его товарищи соорудили в дальней тупиковой части такую могилу, по мнению В.М. Соколова, свидетельствует, что при жизни А.Н. Манукалов пользовался огромным авторитетом среди бойцов и командиров гарнизона Малых каменоломен.

выработок), как можно понять, на небольшой глубине (хотя конкретно эта деталь, применительно к захоронениям в тырсе, уточняется только 1 раз – 0,2 м) [Щербанов, 2021, с. 81, 104-106, 133, 182, 197, 254, 261, 279] и 1 раз используется термин «неглубокая могила» [Щербанов, 2021, с. 277]. 1 раз говорится об эксгумации останков из траншеи глубиной 0,5 м [Щербанов, 2021, с. 174-175] и 2 раза – об останках, извлеченных из низовки⁴⁰, в которой одно захоронение было обнаружено на глубине 0,1 м, второе – 0,5 м. Характерная деталь: если описанные В.М. Соколовым могилы располагались вдоль стен целиков, то В.К. Щербанов упоминает об 1 групповом, многослойном захоронении, сооруженном «*посредине прохода*» [Щербанов, 2021, с. 182, 197], и как минимум, 2 могилах, выкопанных поперек штреков – под прямым углом к стенкам целиков [Щербанов, 2021, с. 254, 261]. Говоря о глубине погребальных сооружений (кроме уже упомянутой выше), в одном случае уточняется, что погибший был захоронен на глубине 0,05 м от поверхности, во втором – 0,25-0,3 м [Щербанов, 2021, с. 374, 394].

Что касается положения костяков, то и в этом у В.К. Щербанова мы находим больше различной информации. В 9 случаях погибшие были уложены в могилы на спины [Щербанов, 2021, с. 81, 104 – 106, 139, 180 – 181, 222, 279, 374 – 375], в 7 – на бок [Щербанов, 2021, с. 133, 182, 220 – 221, 223, 252, 254], в 7 – на животы, лицом вниз [Щербанов, 2021, с. 133, 182, 220 – 221, 223, 261 – 262]. При этом в 3 случаях погибшие были положены на плащ-палатки (или завернуты в них) [Щербанов, 2021, с. 133, 174 – 175, 374], в 1 случае погибший лежал на деревянном щите (настиле), в 1 – на тело ребенка была положена широкая доска [Щербанов, 2021, с. 165 и 279, соответственно]. Зафиксированы и интересные детали, имеющие непосредственное отношение к погребальному обряду: в одном случае на лицо погибшего был положен стальной шлем (каска) [Щербанов, 2021, с. 195], в двух – лица погребенных были прикрыты кусками фанеры [Щербанов, 2021, с. 81, 279].

За период 1998 – 2016 гг.⁴¹ экспедицией «Аджимушкай» было найдено 16 захоронений (7/9). Отметим, что начиная с 1998 г. подходы при составлении отчетной документации изменились и непотревоженные захоронения фиксировались достаточно подробно. Все сохранившиеся детали отражались и при описании «оскверненных» захоронений, за исключением 3 случаев, когда захоронения были полностью разрушены в ходе грабительских раскопок и кости разбросаны.

Из найденных в этот период захоронений 2 были произведены в специально выдолбленных в полу выработки могилах глубиной 0,15-0,2 м [Симонов, 2019, с. 22; Симонов, Демиденко, 2016, л. 8]; 3 – в технологических насыпях тырсы на глубине 0,05м, 0,15м и 0,4 м, сверху присыпанные тонким слоем тырсы или заложенные мелким бутом [Симонов, 2019, с. 214, 215, 287]; 1 – в низовке, также присыпанное тырсой и мелким бутом [Симонов, 2019, с. 78-79]. Еще 1 захоронение было найдено в естественном углублении (0,25 м) у стены целика, но по ряду косвенных признаков можно предполо-

⁴⁰ Имеется в виду так называемая яма «Почта» – место № 7, на поисковых картах.

⁴¹ После 2016 г. экспедиции в каменоломнях захоронения не находили.

жить, что в данном случае останки принадлежали расстрелянному (либо пленному, либо осужденному военным трибуналом) и то, что они были захоронены, а не просто брошены в тупике, в стороне от основных мест дислокации и маршрутов, вызывает определенные сомнения [Симонов, 2019, с. 77]. Остальные захоронения были произведены непосредственно на полу выработки, присыпаны тонким слоем тырсы или камня и, без сомнения, являлись частью больших братских могил, частично раскопанных в предыдущие десятилетия [Симонов, 2019, с. 327; Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288].

Интересно, что все похороненные военнослужащие (12) лежали на спине. Исключение составлял боец, останки которого были найдены в низовке, лежавший на животе, но судя по всему, он был просто присыпан там и в том положении, где умер (погиб) [Симонов, 2019, с. 78 – 79]. Положение «на животе» было зафиксировано еще в 2 случаях, но один из них – расстрелянный, о котором мы упоминали выше, а второй – ребенок [Симонов, 2019, с. 225]. В одном захоронении тело было положено на бок, но и в этом случае останки принадлежали гражданскому лицу – женщине [Симонов, 2019, с. 214]. Что касается погребальных сооружений, то они, как правило, располагались вдоль стен целиков. Одно частично раскопанное захоронение было найдено посредине штрека, но оно когда-то было частью большой братской могилы [Симонов, 2019, с. 327]. То же самое можно сказать и в отношении нескольких захоронений, в которых погибшие были уложены поперек прохода, головами к целику – это тоже было частью большой братской могилы, где погибших укладывали то вдоль, то поперек прохода [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288]. Хотя и в 1 индивидуальном захоронении погребение было произведено поперек прохода, а тело уложено головой к целику [Симонов, 2019, с. 287].

Это захоронение, в отличие от подавляющего большинства погребальных сооружений в каменоломнях, было сделано с особой заботой о погибшем. Тело положено в небольшое углубление на слой морской травы (*Zostera marina*), под головой устроено небольшое возвышение из мелкого бута, в области груди костяк накрыт мелкими плоскими плитками, могила засыпана тырсой и прикрыта сверху кусками фанеры и досок.

Если говорить о других элементах погребального обряда, то в 2 случаях погибшие были накрыты плащ-палатками (или завернуты в них), в 1 – на лицо погибшего был положен кусок фанеры размером примерно 0,3х0,2 м [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288].

Таким образом, полученные в ходе раскопок материалы дают возможность выделить несколько типов захоронений и сделать выводы об их характерных особенностях⁴².

⁴² Всего за время работы экспедиций в 1984 – 2017 гг. было обнаружено 143 захоронения, из которых эксгумированы останки 193 человек. Кроме самого факта обнаружения захоронения и количества останков в нем, в отчетах содержатся дополнительные сведения (пусть даже минимальные), характеризующие конкретные объекты и элементы погребального обряда, в 52 случаях (36,4%). Если рассматривать ситуацию более детально, то в отчетах В.М. Соколова описаны 19% захоронений (16 из 84); в отчетах В.К. Щербанова – 53,5% (23 из 43), в отчетах В.В. Симонова (включая написанные совместно с коллегами из Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований) – 81,3% (13 из 16).

Для больших братских могил (групповых захоронений) использовались либо нишечки, в которые в зависимости от ситуации тела погибших укладывали с разной степенью аккуратности, либо отдельные участки штолен или штреков, где тела складывали штабелями, с последующей блокировкой этого участка бутовыми стенами. В некоторых случаях погибших складывали на пол выработки, ничем не отгороженной от остальной части каменоломен, засыпая каждый ряд тел тонким слоем тырсы или мелких камней. В таком случае останки могли укладываться как вдоль стен целиков, так и перпендикулярно им. Подзахоронение останков могло производиться в это же место спустя некоторое, иногда довольно продолжительное время, причем в период между подзахоронениями по телам, лежащим даже на совсем небольшой глубине, могли ходить⁴³.

Одиночные могилы представляли собой либо специально подготовленные сооружения, либо естественные (технологические) углубления. Что касается первых, то это были ямы, близкие к прямоугольной форме, выдолбленные в полу либо выкопанные в технологических насыпях тырсы или бута. Глубина таких сооружений составляла не более 0,3 м, после погребения они засыпались, как правило, мелким камнем и тырсой. Фактически, во многих случаях отдельные части тел оставались почти на поверхности, едва прикрытые тонким (около 0,05 м) слоем породы. Как правило, эти могилы выкапывались вдоль стен целиков, хотя бывали и исключения⁴⁴. К естественным углублениям можно отнести понижение профиля технологических насыпей к стенам целиков, «траншеи» – фактически также представлявшие собой углубления вдоль стен целиков из-за неравномерного наброса большого количества бута на пол отработанного штрека, не полностью за-

---

⁴³Подобное многослойное захоронение, частично разрушенное грабительскими раскопками, было найдено нами в южной части Централных каменоломен. Стратиграфические наблюдения однозначно указывали на то, что по телам погребенных, слегка присыпанных породой, активно ходили, и так повторялось не один раз [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288]. Интересно в этой связи отношение к подобным вещам самих участников событий. Вот как описывает подобный процесс М.Т. Шкандина-Мелохина: «О том, как мы хоронили умерших раненых – это ещё тяжелей. Это даже я не могу описать. Мы всегда хоронили умерших ночью. Когда раненые остальные спят. Мы делали всё машинально. Наверное, если бы не было коменданта похоронного бюро, который требовал от нас полного порядка, и сам смотрел, как мы обессиленно укладываем трупы. А ведь мы ходили по ним для того, чтобы уложить поплотнее... Ям-то готовых уже поблизости нет, и мы [заполняли] огромную яму нашими умершими ранеными. Но это нужно, и с нас строго требовали. И пусть меня и всех моих сотрудников умерших тоже люди простят, [за то] что приходилось по телам умерших ходить, чтобы поплотнее уложить трупы. Нет, невозможно это всё описать» [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 363]. По мнению специалистов, в этом можно увидеть результаты эмоционального выгорания, равнодушия и обесценивания смерти военнослужащих, обусловленные особыми условиями подземной жизни и борьбы. В целом эти процессы характерны для периодов боевых действий, связанных с большими потерями и невозможностью достойно похоронить павших товарищей [Любецкий, 2022, с. 21-22].

⁴⁴Примером такого исключения может быть так называемый «район могильных ям», исследованный ростовскими поисковиками в 1987 г. [Щербанов, 2021, с. 282].

сыпанные обработанной породой участки низовок и ступеньки, образовавшиеся при сбойке районов с разным уровнем пола. В таком случае похороненный мог лежать на глубине до 0,5 м (и более) за счет набросанного сверху камня.

Могильные ямы, не просто выдолбленные в полу или прокопанные в отвалах обработанной породы, а сохранившие дополнительные конструктивные элементы, практически неизвестны. Кроме описанных выше могилы А.Н. Манукалова и могилы неизвестного аджимушкайца с насыпью из мелкого камня в изголовье, к ним можно отнести еще только могилу первого командира подземного гарнизона Центральных каменоломен полковника П.М. Ягунова⁴⁵. По свидетельству В.К.Щербанова, осматривавшего могильную яму спустя несколько дней после обнаружения захоронения, могила была выкопана в слое тырсы глубиной 0,85-0,9 м и углублена дополнительно в скальную подошву на 0,2-0,25 м для установки гроба. Яма – близкая к прямоугольной формы, по углам – камни, то ли для сохранения габаритов могильной ямы, то ли для выравнивания гроба. П.М.Ягунов был захоронен в деревянном гробу, рядом на плащ-палатке лежал еще один офицер [Щербанов, 2021, с. 267 – 269]⁴⁶.

Практика захоронения военнослужащих завернутыми в плащ-палатки довольно хорошо известна. Возможно, что это некое подобие савана в тех условиях, тем более что захоронения производились без гробов. Тем не менее, если говорить о захоронениях в Аджимушкае, то из 193 найденных в могилах останков только 8 человек были завернуты в плащ-палатки или лежали на них. Еще более редкими были случаи, когда погибших укладывали на какие-либо подстилки или подложки (материю, доски и т.п.), это отмечено лишь 3 раза. Практически столь же редки были элементы погребального обряда в виде накрывания головы (лица) погибшего – их 4: в одном случае был использован стальной шлем (каска), в 3 – небольшие куски фанеры. Что касается положения тел в могилах, то чуть более чем в половине случаев погибших укладывали на спины, таких в отчетах отмечено 24 из 43 описанных, примерно одинаковое количество тел было уложено на живот или на бок – 10 и 9 соответственно.

⁴⁵Захоронение П.М. Ягунова было найдено случайно при проведении строительных работ на территории запасного выхода подземного музея. Обстоятельства обнаружения захоронения П.М. Ягунова подробно см.: [Тарунов, 1987; Щербанов, 2021, с. 264 – 271]. Для точной идентификации личности похороненного было проведено судебно-медицинское исследование [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед. хр. 910].

⁴⁶ Более детального описания могилы нет. В настоящее время она представляет собой яму прямоугольной формы, размерами 2,70x0,80 м (внутренние габариты), глубиной 0,50-0,55 м. По периметру могильная яма укреплена стенами, сложенными из обрезков камня. Очевидно, что из-за этого первоначальные размеры ямы уменьшились, иначе в нее невозможно было бы поставить гроб и положить рядом останки еще одного человека. В.К. Щербанов ошибочно указывает, что стенка «низовки», в которую был поставлен гроб, не пиленая, а «рубаная». Она сохранила явные следы пропилов, в связи с чем вызывает сомнение предположение, что для гроба специально делали углубление в скальной подошве выработки. Представляется более вероятным, что это следы работы камнерезчиков.

Выборка из отчетов информации о конкретных найденных захоронениях, с последующим нанесением их на карту⁴⁷, позволила более точно представить территории, которые использовались в гарнизонах под кладбища. Ранее нами на основе рабочих материалов В.М. Соколова была выдвинута гипотеза, что в Центральных каменоломнях полоса захоронений шла вдоль всей территории, на которой базировались подразделения, создавая своеобразную границу между жилыми районами и малопосещаемой глубиной каменоломен [Симонов, 2003, с. 74, 87]. Теперь очевидно, что это не совсем так. Притом что в каменоломнях существовали отдельные участки, где захоронения располагались достаточно плотно (и в какой-то степени это совпадает с ранее предложенной локализацией «кладбищ»), фактически захоронения были распространены почти на всей территории выработок. Они фиксируются от привходовых районов до тупиков вдоль западного периметра шахтного поля с выделением нескольких отдельных участков, где плотность их, видимо, была наибольшей. Можно осторожно предположить, что, понеся огромные потери в первые дни обороны, защитники каменоломен действительно выбрали для подземных кладбищ какие-то конкретные участки. В дальнейшем гарнизон, ведя боевые действия, все так же нес потери, хотя не столь большие, а погибших стали хоронить просто чуть в стороне от мест дислокации подразделений. По мере того, как аджимушкайцев оставалось все меньше и районы их проживания «сжимались», территории, занятые захоронениями, наоборот расширялись. Видимо, к концу обороны, когда у оставшихся защитников уже не было сил хоронить павших, эта граница практически исчезла. В Малых каменоломнях эта картина не столь очевидна, что может объясняться как иной ситуацией (связанной с другим уровнем организации обороны), так и существенно меньшим объемом информации, поскольку исследования там велись не так интенсивно, как в Центральных.

В заключение, еще раз отметим:

- в Аджимушкайских каменоломнях вот уже более 50 лет ведется целенаправленная работа по поиску и изучению воинских захоронений, как составная часть исследований истории обороны каменоломен в целом;

- за прошедшие десятилетия накоплен значительный материал, позволяющий оценить общее количество эксгумированных останков и получить дополнительную информацию, характеризующую особенности воинского погребального обряда, сложившегося в специфических подземных условиях;

- анализ результатов поисковых и эксгумационных работ дает возможность подойти к ответам на наиболее сложные вопросы истории обороны, используя эти результаты в качестве косвенных доказательств при подсчетах численности и потерь

---

⁴⁷ Эта работа была выполнена О.И. Демиденко в виде демонстрационной карты, подготовленной в рамках грантового проекта «От поиска – к военной археологии. Шаг второй», получившего поддержку Фонда президентских грантов.

гарнизонов каменоломен, оценке их боевой активности, а также лучше понять процессы, происходившие в ходе обороны, связанные с морально-психологическим состоянием военнослужащих;

- дальнейшее продолжение исследований в этом направлении, при тщательной фиксации полученных результатов позволит получить новые данные, способные еще более конкретизировать наши представления об этом аспекте событий, связанных с обороной каменоломен подземными гарнизонами в мае-октябре 1942 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В.В.* Аджимушкай, 1942. Симферополь, 2016.
- Абрамов В.В.* Героическая оборона Аджимушкайских каменоломен. М., 1983.
- Абрамов В.В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006.
- Аджимушкайская трагедия // Военно-исторический журнал, 1962. № 7. С. 72 –76.
- Аджимушкай, 1942, май (перевод – *И.В. Скляренко*, подготовка текста, предисловие и комментарии – *В.В. Симонов*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 5-й. Символ памяти – Аджимушкай. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017. С. 362 –386.
- Ваулин Н.И.* «Трагедия Аджимушкайских каменоломен» (подготовка текста, предисловие и комментарии *В.В. Симонова*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 306 –335.
- Воспоминания участницы обороны Центральных Аджимушкайских каменоломен медсестры подземного госпиталя М.Т. Шкандиной-Мелохиной (подготовка текста, предисловие и комментарии *О.И. Демиденко*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 336 –366.
- Воспоминания жителей Аджимушкайской Ивановой (Чичеровой) Н.С. и Чичерова К.П. (подготовка текста, предисловие и комментарии *О.И. Демиденко*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Симферополь, 2017. С. 334 –350.
- Грек И.О.* Реестр каменоломен Керченского полуострова. Исследование каменоломен экспедициями клуба «Поиск» // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017. С.85 –96.
- Демиденко О.И.* К вопросу о поисках архива подземного гарнизона // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Выпуск I. С. 421 –436.
- Демиденко О.И.* К вопросу о применении немецкими войсками боевых отравляющих веществ в Аджимушкайских каменоломнях в мае-июне 1942 г. // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 61 –89.
- Демиденко О.И., Симонов В.В.* Военно-поисковая экспедиция «Аджимушкай». Страницы истории // Керчь военная. Сборник статей. Керчь, 2004. С. 440 –463.
- Дневник, найденный в катакомбах // В катакомбах Аджимушкай. Документы, воспоминания, статьи. Симферополь, 1970. Изд. 2-е.
- Дневник старшего лейтенанта Клабукова (копия) (подготовка текста, предисловие и комментарии *В.В. Симонова*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 248 –305.

- Зверев С.Э. Суверения как компонент воинской субкультуры // Вестник СПбГУКИ, 2014. № 2 (19). С. 22 –28.
- Керчь. 1942 г. Немецкие документы свидетельствуют (подготовка документов к публикации Н. Геец, В.В. Симонов, предисловие и комментарии В.В. Симонова) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Выпуск III. С. 434 –463.
- Кондранов И. Признания врага // В катакомбах Аджимушкая. Симферополь, 1970. Изд. 2-е. С. 209 –213.
- Любецкий А.Е. Захоронение красноармейцев в годы Великой Отечественной войны: правовые нормы и практика // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. №3. С. 21 –28.
- Подземный гарнизон // Военно-исторический журнал, 1962. № 8. С. 76 –91.
- Рябкин А. Было много дней // Вокруг света, 1974. № 4. С. 1 –5.
- Рябкин А. Возвращение к Аджимушкаю // Вокруг света, 1983. № 6. С. 1 –4.
- Симонов В.В. Братские могилы в каменоломнях: легенды или реальность? // VIII-е Таврические научные чтения. Сборник материалов. 2 часть. Симферополь, 2007. С. 87 –99.
- Симонов В.В. Использование картографических материалов в исследованиях обороны Аджимушкайских каменоломен // Спелеология и спелестология, 2023. № 1. С. 31 –46.
- Симонов В.В. К вопросу о численности, структуре, боевой активности, потерях гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен по материалам военно-поисковой экспедиции «Аджимушкай» второй половины 1980-х – 1990-х гг. // Военно-исторические чтения. Выпуск 1-й. Крымфронт-Аджимушкай. Сборник научных статей. Керчь, 2003. С. 69 –87.
- Симонов В.В. Оборона Аджимушкайских каменоломен подземными гарнизонами в мае – октябре 1942 года // Керчь военная. Сборник статей. Керчь, 2004. С. 208 –237.
- Симонов В.В. Традиции, проверенные временем. Из опыта работы военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017. С.228 –235.
- Симонов В.В. Экспедиция «Аджимушкай». 1998-2012. Военно-исторические чтения. Выпуск 6-й. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2019. 516 с.
- Симонов В.В., Демиденко О.И. Отчет о результатах работ военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» в 2016 г. Рукопись. 2016 // Личный архив автора.
- Симонов В.В., Демиденко О.И., Мамуль С.Р. Работы военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» и Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований в 2013 г. // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017а. С. 122 –227.
- Симонов В.В., Демиденко О.И., Мамуль С.Р. Работы военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» в 2014 –2015 гг. // Военно-исторические чтения. Выпуск 5-й. Символ памяти – Аджимушкай. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017б. С.250 –329.
- Соколов В.М. Экспедиция «Аджимушкай». 1983 –1997. Военно-исторические чтения. Выпуск 7-й. Сборник научных отчетов. Редактор В.В. Симонов. Симферополь, 2020. 480 с.
- Тарунов А. Командир подземного гарнизона // Вокруг света, 1987. № 12.
- Щербак С.М. Легендарный Аджимушкай. Симферополь, 1989.
- Щербанов В.К. Экспедиция «Аджимушкай». 1983 –1992 (работы ростовских групп). Во-

енно-исторические чтения. Выпуск 9-й. Полевые дневники и отчеты. Научный редактор В.В. Симонов. Симферополь, 2021. 424 с.

REFERENCES

- Abramov V.V. Adzhimushkaj 1942. Simferopol', 2016.
- Abramov V.V. Geroicheskaya oborona Adzhimushkajskix kamenolomen. M., 1983.
- Abramov V.V. Kerchenskaya katastrofa 1942. M., 2006.
- Adzhimushkajskaya tragediya // Voенно-istoricheskij zhurnal, 1962. № 7. S. 72 – 76.
- Adzhimushkaj. 1942, maj (preved – I.V. Sklyarenko, podgotovka teksta, predislovie i kommentarii – V.V. Simonov) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 5-j. Simvol pamyati – Adzhimushkaj. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol', 2017. S. 362 – 386.
- Vaulin N.I. «Tragediya Adzhimushkajskix kamenolomen`» (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii V.V. Simonova) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 306 – 335.
- Vospominaniya uchastnicy oborony` Central`ny`x Adzhimushkajskix kamenolomen medsestry` podzemnogo gospitalya M.T. Shkandinoj-Meloxinoj (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii O.I. Demidenko) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 336 – 366.
- Vospominaniya zhitelej Adzhimushkaya Ivanovoj (Chicherovoj) N.S. i Chicherova K.P. (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii O.I. Demidenko) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Simferopol', 2017. S. 334 – 350.
- Grek I.O. Reestr kamenolomen Kerchenskogo poluostrova. Issledovanie kamenolomen e`kspediciyami kluba «Poisk» // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol', 2017. S. 85 – 96.
- Demidenko O.I. K voprosu o poiskax arxiva podzemnogo garnizona // Nauchny`j sbornik Kerchenskogo zapovednika. Kerch`, 2006. Vy`pusk I. S. 421 – 436.
- Demidenko O.I. K voprosu o primenenii nemeckimi vojskami boevy`x otravlyayushhix veshhestv v Adzhimushkajskix kamenolomnyax v mae-iyune 1942 g. // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 61 – 89.
- Demidenko O.I., Simonov V.V. Voенно-poiskovaya e`kspediciya «Adzhimushkaj». Stranicy istorii // Kerch` voennaya. Sbornik statej. Kerch`, 2004. S. 440 – 463.
- Dnevnik, najdenny`j v katakombax // V katakombax Adzhimushkaya. Dokumenty`, vospominaniya, stat`i. Simferopol', 1970. Izd. 2-e.
- Dnevnik starshego lejtenanta Klabukova (kopiya) (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii V.V. Simonova) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 248 – 305.
- Zverev S.E`. Sueveriya kak komponent voinskoj subkul`tury` // Vestnik SPbGUKI, 2014. № 2 (19). S. 22 – 28.
- Kerch`. 1942 g. Nemeckie dokumenty` svidetel`stvuyut (podgotovka dokumentov k publikacii N. Geecz, V.V. Simonov, predislovie i kommentarii V.V. Simonova) // Nauchny`j sbornik Kerchenskogo zapovednika. Simferopol', 2011. Vy`pusk III. S. 434 – 463.
- Kondranov I. Priznaniya vraga // V katakombax Adzhimushkaya. Simferopol', 1970. Izd. 2-e. S. 209 – 213.
- Lyubeczkiy A.E. Zaxoronenie krasnoarmejcev v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: pravovy`e normy` i praktika // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya. 2022. T. 6. № 3. S. 21 – 28.

- Podzemny`j garnizon // Voенno-istoricheskij zhurnal, 1962. № 8. S. 76 – 91.
- Ryabikin A. By`lo mnogo dnej // Vokrug sveta, 1974. № 4. S. 1 – 5.
- Ryabikin A. Vozvrashhenie k Adzhimushkayu // Vokrug sveta, 1983. № 6. S. 1 – 4.
- Simonov V.V. Bratskie mogily` v kamenolomnyax: legendy` ili real`nost`? // VIII-e Tavricheskie nauchny`e chteniya. Sbornik materialov. 2 chast`. Simferopol`, 2007. S. 87 – 99.
- Simonov V.V. Ispol`zovanie kartograficheskix materialov v issledovaniyax oborony` Adzhimushkajskix kamenolomen // Speleologiya i spelestologiya, 2023. № 1. S. 31 – 46.
- Simonov V.V. K voprosu o chislennosti, strukture, boevoj aktivnosti, poteryax garnizona Central`ny`x Adzhimushkajskix kamenolomen po materialam voенno-poiskovoj e`kspedicii «Adzhimushkaj» vtoroj poloviny` 1980-x – 1990-x gg. // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 1-j. Kry`mfront-Adzhimushkaj. Sbornik nauchny`x statej. Kerch`, 2003. S. 69 – 87.
- Simonov V.V. Oborona Adzhimushkajskix kamenolomen podzemny`mi garnizonami v mae-oktyabre 1942 goda // Kerch` voennaya. Sbornik statej. Kerch`, 2004. S. 208 – 237.
- Simonov V.V. Tradicii, proverenny`e vremenem. Iz opy`ta raboty` voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2017. S. 228 – 235.
- Simonov V.V. E`kspediciya «Adzhimushkaj». 1998 – 2012. Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 6-j. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2019. 516 s.
- Simonov V.V., Demidenko O.I. Otchet o rezul`tatax rabot voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» v 2016 g. Rukopis`. 2016 // Lichny`j arxiv avtora.
- Simonov V.V., Demidenko O.I., Mamul` S.R. Raboty` voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» i Vostochno-Kry`mskogo centra voенno-istoricheskix issledovanij v 2013g. // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2017a. S. 122 – 227.
- Simonov V.V., Demidenko O.I., Mamul` S.R. Raboty` voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» v 2014 – 2015 gg. // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 5-j. Simvol pamyati – Adzhimushkaj. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2017b. S. 250 – 329.
- Sokolov V.M. E`kspediciya «Adzhimushkaj». 1983 – 1997. Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 7-j. Sbornik nauchny`x otchetov. Redaktor V.V. Simonov. Simferopol`, 2020. 480 s.
- Tarunov A. Komandir podzemnogo garnizona // Vokrug sveta, 1987. № 12.
- Shherbak S.M. Legendamy`j Adzhimushkaj. Simferopol`, 1989.
- Shherbanov V.K. E`kspediciya «Adzhimushkaj». 1983 – 1992 (raboty` rostovskix grupp). Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 9-j. Polevy`e dnevniki i otchety`. Nauchny`j redaktor V.V. Simonov. Simferopol`, 2021. 424 s.

Приложение № 1

Социально-демографические данные на идентифицированных военнослужащих, останки которых были найдены и эксгумированы экспедициями «Аджимушкай» в период 1984 – 2017 гг.

Глебкин Филипп Севастьянович, 1920 г. р., Орловская обл., Вытегорский район, с. Бородино, курсант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб под завалом, останки найдены в 2017 г., идентифицирован по медальону.

Донцелян Аршак Д., сержант, участник обороны Малых каменоломен, погиб 29.05.1942 г., останки найдены в 1988 г., идентифицирован по надписи на котелке.

Зайцев Иван Филиппович, 1918 г.р., Краснодарский край, Павловский район, Белохуторский с/с, хут. Белый, мл. лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, в ЦАМО значится пропавшим без вести в апреле 1942 г., останки найдены в 1994 г., идентифицирован по медальону.

Закиров Салих Закирович, 1918 (1908) г.р., Марийская АССР, Парангинский район, Инарский с/с, д. Параньга, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1994 г., идентифицирован по медальону.

Исаков Сергей Михайлович, 1906 г.р., Новосибирская обл., Здвинский район, с. Ленино, ст. политрук, участник обороны Центральных каменоломен, комиссар штаба гарнизона, умер в каменоломнях в августе 1942 г., останки найдены в 1994 г., идентифицирован по результатам судебно-медицинского исследования.

Казазаев Иван Васильевич, 1908 г.р., Ставропольский край, Гофицкий район, с.Гофицкое, сержант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб под завалом в конце мая 1942 г., останки найдены в 1992 г., идентифицирован по медальону.

Король Александр Карпович, 1917 г.р., Каменец-Подольская обл., Полонский район, с. Горошки, лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб не позднее 7 августа 1942 г., останки найдены в 1989 г., идентифицирован по медальону.

Манукалов Алексей Николаевич, 1908 г.р., Донбасс, ст. политрук, участник обороны Малых каменоломен, умер в каменоломнях от истощения в конце обороны, останки найдены в 1991 г., идентифицирован по результатам судебно-медицинского исследования.

Мейлахс Бенсон Давыдович, 1912 г.р., Украинская ССР, г. Харьков, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1986 г., идентифицирован по медальону.

Мисников Виктор Дмитриевич, 1889 г.р., Белорусская ССР, Могилевская обл., интендант 3-го ранга, участник обороны Центральных каменоломен, в ЦАМО числится пропавшим без вести в июне 1942 г., останки найдены в 1996 г., идентифицирован по медальону.

Поляков Григорий Романович, 1921 г.р., Украинская ССР, Запорожская обл.,

Советский район, Павловский с/с, д. Павловка, курсант, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1994 г., идентифицирован по медальону.

Ройтберт, 1922 г.р., Украинская ССР, Киевская обл., г. Дарница, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, в ЦАМО числится пропавшим без вести 12.05.1942 г., останки найдены в 1986 г., идентифицирован по записке в личных документах.

Соленый Виктор Петрович, участник обороны Центральных каменоломен, предположительно погиб под завалом в каменоломнях в сентябре 1942 г., идентифицирован по надписи на котелке.

Суровец Владимир Антонович, 1908 г.р., Украинская ССР, г. Житомир, лейтенант, участник обороны Малых каменоломен, останки найдены в 1988 г., идентифицирован по медальону.

Сушко Игнат Андреевич, 1908 г.р., Украинская ССР, Запорожская обл., Ореховский район, с. Ярковка, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1996 г., идентифицирован по медальону.

Янгуразов Ибрагим Гуссейнович, 1920 г.р., Грузинская ССР, г. Тбилиси, лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб под завалом, останки найдены в 1985 г., идентифицирован по личным документам.

Резюме

В статье затрагиваются проблемы, связанные с подсчетом останков советских воинов, погибших в ходе обороны Аджимушкайских каменоломен в мае – октябре 1942 г. и похороненных под землей. При отсутствии достоверных данных о численности подземных гарнизонов эти сведения могли бы стать отправной точкой для выстраивания версий как о количестве защитников Аджимушкая, так и их боевой активности и связанных с ней потерями. Автором проанализированы сведения по данной теме, содержащиеся в выявленных на настоящий момент источниках противоборствующих сторон, опубликованной литературе, документах о проведении эксгумационных работ в каменоломнях. Значительную часть исследования составляет детальный разбор информации, содержащейся в отчетах о проведенных поисковых работах за период 1983 – 2022 гг., позволивший не только обобщить имеющиеся сведения о найденных останках и захоронениях, но и частично детализировать наши представления об особенностях воинских погребальных ритуалов, бытовавших в этих специфических условиях.

Ключевые слова: Аджимушкай, оборона каменоломен, поисковые работы, воинские захоронения, погребальные ритуалы.

Summary

The article touches upon the problems related to the counting of the remains of Soviet soldiers who died during the defense of the Ajimushkai quarries in May – October 1942 and are buried underground. In the absence of reliable data on the number of underground garrisons, this information could become a starting point for creating versions, both about the number of defenders of Ajimushkaya, and their combat action and losses related to it. The author analyzes the information on this topic, which is contained in the currently identified sources of the warring parties, published literature, documents on exhumation work in quarries. A significant part of the study is dedicated to a detailed analysis of the information contained in the reports on the search work carried out for the period 1983 – 2022. It allowed not only to summarize the available information about the found remains and burials, but also to partially detail our ideas about the features of military funeral rituals that existed in these specific conditions.

Key words: Ajimushkai, defense of quarries, search works, military burials, funeral rituals.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонов Владимир Владимирович,
Крымская региональная общественная
организация «Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»
(Республика Крым, г. Керчь,
Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129),
председатель правления.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Simonov Vladimir Vladimirovich
Crimean Regional Public Organization
“East Crimean Center for Military-Historical Researches”
(Vokzal’noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea),
Chairman of the Management Board.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

ПУБЛИКАЦИИ

В. Ю. КОНОНОВ, Л. Ю. ПОНОМАРЕВ
V. IU. KONONOV, L. IU. PONOMAREV

ГОНЧАРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАРНАВИНСКОЕ-3 НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ КУБАНИ (по итогам работ на раскопе I в 2010 – 2011 гг.)

POTTERY COMPLEXES OF THE EARLY MEDIEVAL SETTLEMENT OF VARNAVINSKOYE-3 ON THE LEFT BANK OF THE KUBAN (based on the results of excavation I in 2010 – 2011)

В 2010–2011 гг. экспедиция ООО «Южно-Российский центр археологических исследований» под руководством В. Ю. Кононова провела охранно-спасательные раскопки поселения Варнавинское-3 в зоне строительства трассы «ВЛ 220 кВ Крымская – Вышестеблиевская» и «ВЛ 220 кВ Славянская – Крымская2». Поселение расположено в 1 км к северу от северо-западной окраины с. Варнавинское (Абинский район Краснодарского края, в 16 км к северо-востоку от г. Крымск) на правом берегу р. Сухой Аушедз (левый приток р. Кубань) в 1 км к югу от Варнавинского водохранилища (рис. 1, 1). Открыто оно было зимой 2009–2010 гг. В. А. Крутоголовенко, И. В. Озерским, И. С. Логиновым, А.А.Сазоновым в процессе разведок, проводившихся по трассе строящейся высоковольтной линии электропередач. На момент начала работ территория памятника была задернована, в 2011 г. – частично распахана под посевы. На поверхности встречались фрагменты керамики и костей животных.

В 2010–2011 гг. в пределах небольшого всхолмления в центральной части поселения на расстоянии 50 м друг от друга по линии запад – восток в створе линии электропередач было заложено два раскопа общей площадью 1792 кв. м. Раскоп I (западный) площадью 792 кв. м (рис. 1, 2; 2, 1, 2) и раскоп II (восточный) – 1000 кв. м. В пределах раскопа I (50–55×15 м) выделено три слоя: 1 – слой дерна (гумус с суглинком серого оттенка) толщиной 10–20 см (на отдельных участках перепаханный на всю глубину); 2 – слой суглинка серо-коричневого оттенка (культурный слой поселения) мощностью 45–60 см (на отдельных участках перепаханный на глубину до 20 см); 3 – материковая глина серо-желтого оттенка, залегающая на глубине 60–70 см (рис. 2, 3).

По итогам работ в раскопе I исследованы два гончарных комплекса, глинобитная бытовая печь, 60 хозяйственных ям и участки двух дренажных траншей, равномерно располагавшихся в его пределах (рис. 2, 1, 2). Все хозяйственные и производственные комплексы впущены в материк и датируются находками керамики VII–IX вв. В пределах этого периода некоторые, частично прорезавшие друг

друга ямы, а также одну из дренажных траншей и гончарные комплексы можно условно разделить на три хронологических (строительных) периода.

Гончарный комплекс № 1 (объекты 8–9) обнаружен в северной части раскопа в квадрате 3 и северной прирезке к квадратам 2 и 3. Он состоял из котлована заглубленной рабочей площадки с предгорновой ямой в центре и двумя ямами неизвестного назначения в южной части. Гончарная печь пристроена к северо-восточному углу котлована и частично выходила за его пределы (рис. 2, 2; 3, 1, 2).

Котлован рабочей площадки имел в плане форму, приближенную к прямоугольнику, ориентирован по длинной оси в направлении север – юг. Его длина – 5,50 м, ширина – 4,0 м, глубина – 0,40–0,50 м. Заполнен он суглинистой рыхлой супесью серого оттенка с примесью древесных угольков и золы. В центральной части котлована устроена предгорновая яма (яма № 1), благодаря которой обеспечивался свободный доступ воздуха в гончарный горн и куда выгребали остатки сожженного топлива. В плане она имела форму, приближенную к прямоугольнику, ориентирована по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Стенки сужаются по направлению к дну. Ее размеры: длина – 3,30 м, ширина – 2,25 м, глубина у бортов – 0,20–0,34 м, в центре достигает 0,40 м. Дно с округлым углублением в центре размерами – 1,42 × 1,35 м, глубиной – 0,41 м и небольшими углублениями в северо-западном и юго-восточном углах «семечковидной» и сегментовидной формы, размерами 1,7 × 0,65 × 0,26 м и 0,63 × 0,31 × 0,12 м.

В юго-западной части котлована прослежена яма № 2 прямоугольной в плане формы, ориентированная по длинной оси в направлении север – юг. Ее размеры: длина – 1,75 м, ширина – 1,25 м, глубина – 0,38 м. Стенки сужаются в направлении дна, которое, в свою очередь, понижается к центру. В южной части котлована прослежена яма № 3 прямоугольной в плане формы, ориентированная по длинной оси в направлении запад – восток. Ее размеры: длина – 1,62 м, ширина – 0,87 м, глубина – 0,14 м. Стенки сужаются в направлении дна. Как и сам котлован, предгорновая яма № 1, ямы № 2 и № 3 были заполнены суглинистой рыхлой супесью серого оттенка с примесью древесных угольков и золы. Функциональное назначение ям № 2 и № 3 установить не удалось. В северной части котлована зафиксирована небольшая площадка (подход к загрузочно-разгрузочному устройству гончарной печи) размерами – 1,87 × 1,62 м и глубиной – 0,12 м.

Гончарная печь представляла собой двухъярусную конструкцию вертикального типа. Целиком сохранились два ее функциональных блока – топочный и тепловодно-разделительный. От обжигового блока уцелела только нижняя, врытая в материк, часть загрузочной камеры (рис. 3, 3–9). Топочный блок ориентирован по линии СВ–ЮЗ, устьем на юго-запад. В составе блока полностью сохранились три спецустройства: камера для размещения и сжигания топлива и камера для первичной концентрации тепла, которая, в свою очередь, имела устройство для распределения тепла по кольцевой траектории в виде опорного столба в центральной части.

Спецустройство для размещения и сжигания топлива – периферийного типа –

находилось к юго-западу от камеры первичной концентрации и распределения тепла и выходило устьем канала на дно рабочей площадки. Камера для сжигания топлива снаружи имела в плане трапециевидную форму и сохранилась практически полностью (за исключением края устья), в виде прямоугольного (с закругленными углами) канала длиной 0,70 м, высотой 0,35 м и шириной 0,42 м. На его дне по всей длине зафиксирован слой золы и частиц древесных углей толщиной до 5 см. Без видимого расширения, но с постепенным утолщением стенок, канал выходит в камеру для первичной концентрации и распределения тепла. Его стенки прокалились на всю толщину и приобрели в результате длительного температурного воздействия красный цвет.

Камера для первичной концентрации и распределения тепла имела в плане округлую форму. Ее диаметр – 1,55 м. Свод плоский. Дно вогнуто, слегка понижается к центру (вокруг опорного столба) и повышается в северо-восточной части. За счет перепадов уровней дна высота камеры вокруг опорного столба достигает 0,28 м, а в направлении северо-восточного борта уменьшается до 0,12 м. Стенки камеры имеют с внешней стороны углубления (для уменьшения объема камеры с целью концентрации тепла), разделенные «ребрами»-утолщениями, внутри которых были размещены теплопроводные отверстия¹. В центральной части камеры находился цилиндрический опорный столб, выполнявший, помимо этого, функцию обтекателя горячих газов (горизонтально-диагонального распределителя тепловой энергии по кругу). Высота столба – 0,30 м, диаметр – 0,30 м. Как и стенки камеры, его внешняя поверхность при длительном температурном воздействии приняла красный цвет, а внутренний монолит – серый оттенок. Внутренний объем камеры для концентрации и распределения тепла, как и канала камеры для сжигания топлива, был заполнен затечным суглинком.

Тепловодно-распределительный блок – плоский с двух сторон глиняный монолит диаметром 1,70 м и толщиной 0,38–0,43 м – представлен двумя спецустройствами: разделителем топочной и обжигательной камер (самим монолитом) и теплопроводными каналами – 14 цилиндрическими отверстиями, 10 из которых на равных расстояниях расположены по краям монолита, а 4 – в центре, образуя углы условного квадрата вокруг опорного столба. Диаметр отверстий составляет около 5 см, внутренняя их поверхность заглажена². Обжиговый блок сохранился частично в виде нижних участков стенок камеры для размещения изделий, предназначенных для обжига. В разрезе, расширяясь в нижней части и сужаясь кверху, она, вероятно, имела куполообразную форму. Верхняя ее часть с дымо-газоотводным и тяговым отверстием выполняла одновременно функцию загрузочно-разгрузочного устройства.

---

¹Они же могли служить своеобразными «ребрами жесткости», распределявшими нагрузку, размещенными сверху топливно-разделительного блока, обжигательной камеры и керамических изделий.

²В плите топливно-разделительного блока зафиксированы округлые в разрезе отверстия горизонтальных кротовых ходов, хорошо заметные на его стратиграфическом разрезе.

Нижняя часть камеры для обжига изделий имела в плане круглую форму. Ее диаметр на уровне тепловодно-распределительного блока составлял 1,50 м, на уровне верхних участков уцелевших стенок – 1,70 м. Стенки двухслойные, толщиной 5–6 см прослежены на высоту до 0,40 м. В отличие от топочной камеры, стенки камеры для обжига изделий по всей толщине имели серый оттенок, что было обусловлено воздействием гораздо более низких температур (исключительно горячих газов). Использовалась ли при ее сооружении в качестве каркаса плетеная конструкция из прутьев, неизвестно, поскольку их отпечатков на расслоившихся нижних участках стен выявлено не было.

На полу обжигательной камеры найдено скопление фрагментов сероглиняных лощеных кувшинов (рис. 3, 8, 9). Частично удалось реконструировать пять из них (рис. 4).

Сосуд № 1. Кувшин яйцевидной формы, одноручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком с носиком-сливом. Высота кувшина – 38 см, диаметр венчика – 10 см (по линии носика-слива – 11 см), диаметр дна – 13 см. Тулово в средней части украшено четырьмя горизонтальными желобками, шейка – двумя желобками. Овальная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 1).

Сосуд № 2. Кувшин яйцевидной формы, трехручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком со слегка опущенным носиком-сливом. Высота кувшина – 41 см, диаметр венчика – 10 см (по линии носика-слива 13 см), диаметр дна – 15,4 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения, шейка – тремя горизонтальными желобками. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Боковые ручки плавно изогнуты, овальные в сечении, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 2).

Сосуд № 3. Кувшин яйцевидной формы, трехручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком с носиком-сливом. Высота кувшина – 39 см, диаметр венчика – 12 см (по линии носика-слива – 13 см), диаметр дна – 12,6 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения, проведенными от горизонтального желобка, шейка – тремя горизонтальными желобками. Верхняя овально-подтреугольная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Боковые, овально-подтреугольные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 3).

Сосуд № 4. Кувшин яйцевидной формы, трехручный. Верхняя его часть не сохранилась. Диаметр дна – 13 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения. Боковые овальные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову

в месте наибольшего диаметра. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Обжиг неравномерный, нижняя часть тулова серого оттенка, верхняя – с коричневыми пятнами. (рис. 4, 4).

Сосуд № 5. Кувшин яйцевидной формы, трехручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком с расширяющимся носиком-сливом. Высота кувшина – 42,4 см, диаметр венчика – 14 см (по линии носика-слива – 16 см), диаметр дна – 11 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения, нанесенными ниже двух горизонтальных желобков, шейка – двумя горизонтальными желобками. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Боковые овально-уплощенные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. В верхней части они украшены шипообразным выступом. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 5).

Помимо них, в обжигательной камере были найдены 5 фрагментов днищ и стенок с боковыми ручками еще двух трехручных кувшинов (рис. 4, 6–10), а к северу от печи – верхняя часть сероглиняного кувшина, вероятно, также трехручного. Его шейка украшена горизонтальным желобком, а тулово – горизонтальной и вертикальными лощеными линиями, прочерченными стеком. Ручка орнаментирована тремя такими же прочерченными стеком лощеными линиями (рис. 4, 11). Поскольку некоторые сероглиняные сосуды из печи имели неравномерный обжиг (с пятнами коричневого цвета), можно предположить, что процесс их обжига (в восстановительной среде) находился на финальной стадии, когда печь прекратила функционировать. Что произошло дальше, можно лишь гадать. Возможно, еще в процессе обжига произошло обрушение свода и стенок обжигательной камеры, после чего из нее были удалены обвалившиеся стенки и часть фрагментов расколовшихся кувшинов (из юго-западного сегмента). По всей видимости, ремонт горна был признан невозможным, оставшиеся в нем фрагменты сосудов (в северо-восточном сегменте) так и не были удалены. Гончарный комплекс был заброшен, а котлован рабочей площадки, превращенный в свалку бытового мусора, постепенно заполнился обломками керамики, костями животных, золистыми отложениями и натечным грунтом.

В заполнении котлована и предгорновой яме № 1 было обнаружено 637 фрагментов керамики – 8 фрагментов стенок гладкостенных красноглиняных амфор, в т.ч. ручка причерноморской амфоры с мелким зональным рифлением (рис. 5, 1), 117 фрагментов коричневоглиняных лощеных сосудов, 266 фрагментов сероглиняных лощеных сосудов, включая обломок трехручного кувшина, украшенного горизонтальными (врезными) и вертикальными полосами лощения (рис. 5, 2), 1 фрагмент стенки красноглиняного сосуда, покрытого белым ангобом, 1 фрагмент сероглиняной полусферической миски, украшенной вертикальными полосами лощения (рис. 5, 3) и 194 фрагмента лепных горшков (из них – 5 черноглиняных, 189 – коричневоглиняных) (рис. 5, 4–10). Венчик одного из горшков украшен «семечковидны-

ми» вдавлениями (рис. 5, 4). Тулово другого горшка – тремя рядами овальных вдавлений, а венчик – прямыми наклонными насечками (рис. 5, 6). Помимо керамики, были найдены 65 кусков глиняной обмазки гончарной печи, 34 куска керамического шлака, 1 обломок керамической плитки и 90 костей животных, в том числе 16 костей коровы, 7 костей свиньи, 3 кости барана, 1 кость лошади, остальные неопределенные. В заполнении ямы № 2 котлована рабочей площадки обнаружено 7 фрагментов коричневоглиняных лощеных сосудов, 11 фрагментов сероглиняных лощеных сосудов, 17 фрагментов лепных горшков (из них 5 – черноглиняных, 12 – коричневоглиняных) и 1 фрагмент красноглиняной амфоры. Помимо керамики, найдены 2 куска глиняной обмазки печи и 6 костей животных, в том числе лопатка коровы, остальные неопределенные. В заполнении ямы № 3 котлована рабочей площадки найдено 5 фрагментов керамики (3 сероглиняных лощеных сосуда и 2 лепных коричневоглиняных горшка) и 3 кости животных.

Что касается относительной хронологии гончарного комплекса № 1 и выявленных рядом с ним объектов, их можно разделить на три строительных периода. К наиболее раннему периоду на этом участке относится дренажная траншея (объект 5) длиной 29,50 м, шириной 1,0–1,50 м и глубиной 0,20–0,30 м, обнаруженная в северо-восточной части раскопа в квадратах 1–6³. В ее заполнении обнаружен развал лепного горшка и крышка, изготовленная из стенки сероглиняного лощеного сосуда.

Ко второму периоду относится прорезавший дренажную траншею котлован рабочей площадки гончарного комплекса. К третьему периоду – хозяйственная яма (объект 23), прорезавшая юго-восточный угол котлована рабочей площадки гончарного комплекса. В ее заполнении, помимо фрагментов лощеных сосудов и лепных горшков, были найдены обломок стенки красноглиняной амфоры, сероглиняная лощеная мисочка и обломок пряслица.

Гончарный комплекс № 2 (объекты 35, 36) расположен в западной части раскопа в квадратах 18, 19, 28, 29, в 22 м к юго-западу от гончарного комплекса № 1. Ориентирован он по длинной оси в направлении ЗЮЗ – ВСВ и состоял из котлована заглубленной рабочей площадки с предгорновой ямой в центре и гончарной печи, врезанной в восточный борт котлована и частично выступающей за его пределы (рис. 6, 1–8).

Котлован рабочей площадки имел аморфную в плане форму, приближенную к трапеции, ориентирован по длинной оси в направлении ЗЮЗ – ВСВ. Его размеры на уровне краев: длина 3,30 м, ширина 3,80 м в западной части и 2,40 м в восточной части. Глубина в западной и центральной части котлована – 0,65–0,77 м, а в восточной части за счет повышения уровня пола – 0,43 м. Стенки котлована наклонные,

³ Канавы не могла служить дренажным сооружением для гончарного комплекса [ср.: Плетнева, Красильников, 1990, с. 100, 102], поскольку уровень ее дна был гораздо выше уровня пола гончарной рабочей площадки и тем более уровня дна предгорновой ямы и топки печи.

сужаются в направлении дна. Заполнен он был суглинистой рыхлой супесью серого оттенка с примесью древесных угольков и золы. На уровне поверхности материка внутри котлована в виде золистого пятна размерами $1,20 \times 0,90$ м прослежено скопление кусков глиняной обмазки печи, костей животных и небольших фракций древесного угля. В центральной части котлована устроена предгорновая яма, благодаря которой обеспечивался свободный доступ воздуха в топочный блок гончарного горна и куда выгребали остатки сожженного топлива. В плане она имела аморфную форму, приближенную к трапеции, ориентирована по длинной оси в направлении ЗЮЗ – ВСВ. Стенки сужаются в направлении дна. Ее размеры на уровне горловины: длина – 2,34 м, ширина – 0,75–1,70 м, глубина – 0,40 м. Дно плоское. На уровне дна зафиксировано компактное скопление фрагментов сероглиняных лощеных сосудов, извлеченных из печи. В северный борт предгорновой ямы врезана овальная в плане яма-подбой размерами – $0,90 \times 0,60$ м и глубиной – 0,29 м. Ее функциональное назначение установить не удалось.

Размещение рабочей площадки комплекса в котловане (как и комплекса № 1) подразумевает наличие над ним какого-то навеса на опорно-столбовых конструкциях с облегченной крышей из природных материалов. В противном случае, котлованы рабочих площадок и гончарные печи периодически заливались бы дождевой водой. Однако вокруг котлованов ямок для столбов конструкции навесов зафиксировано не было.

Гончарная печь комплекса № 2 идентична по конструкции печи гончарного комплекса № 1. Целиком сохранились два ее функциональных блока – топочный и тепловодно-разделительный. От обжигового блока уцелела только нижняя, врытая в материк часть загрузочной камеры. Топочный блок ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ, устьем топочного канала на ЗЮЗ. В составе блока полностью сохранились три спецустройства: камера для размещения и сжигания топлива и камера для первичной концентрации тепла, которая, в свою очередь, имела устройство для распределения тепла по кольцевой траектории, в виде опорного столба в центральной части. Спецустройство для размещения и сжигания топлива – периферийного типа – находилось к ЗЮЗ от камеры первичной концентрации и распределения тепла и выходило устьем на дно предгорновой ямы. Камера для сжигания топлива имела снаружи в плане трапециевидную форму и сохранилась практически полностью, в виде тела и прямоугольного в сечении канала длиной 0,70 м, высотой 0,35 м и шириной 0,44 м. На дне канала по всей длине зафиксирован слой золы и частиц древесных углей толщиной до 5 см. Расширяясь, с постепенным утолщением стенок, он выходил в камеру для первичной концентрации и распределения тепла. Его стенки прокалились на всю толщину и приобрели в результате длительного температурного воздействия красный цвет.

Камера для первичной концентрации и распределения тепла имела в плане округлую форму. Ее диаметр 1,80 м. Свод плоский. Дно в западной и центральной части (вокруг опорного столба) ровное, в восточной части повышается. За счет перепадов

уровней dna высота камеры в западной части и вокруг опорного столба составляет 0,35 м, а в восточной части уменьшается до 0,29 м. Стенки камеры имеют с внешней стороны углубления (для уменьшения объема камеры с целью концентрации тепла), разделенные «ребрами»-утолщениями, внутри которых были размещены теплопроводные отверстия. В центральной части камеры находился цилиндрический опорный столб, выполнявший, помимо этого, функцию обтекателя горячих газов (горизонтально-диагонального распределителя тепловой энергии по кругу). Высота столба – 0,40 м, диаметр – 0,37 м. Как и стенки камеры, его внешняя поверхность при длительном температурном воздействии приняла красный цвет, а внутренний монолит приобрел серый оттенок. Внутренний объем камеры для концентрации и распределения тепла, как и канала камеры для сжигания топлива, был заполнен зачечным суглинком.

Тепловодно-распределительный блок – плоский с двух сторон глиняный монолит диаметром 1,90 м и толщиной 0,35-0,40 м представлен двумя спецустройствами: разделителем топливной и обжигательной камер (самим монолитом) и теплопроводными каналами – 16 цилиндрическими отверстиями, 12 из которых на равных расстояниях расположены по краям монолита, а 4 – в центре, образуя углы условного квадрата вокруг опорного столба. Диаметр отверстий составляет около 5 см, внутренняя их поверхность заглажена. Обжиговый блок сохранился частично в виде нижних участков стенок камеры для размещения изделий, предназначенных для обжига. В разрезе, расширяясь в нижней части и сужаясь кверху, она, вероятно, имела куполообразную форму. Верхняя ее часть с дымо-газоотводным и тяговым отверстием выполняла одновременно функцию загрузочно-разгрузочного устройства. Нижняя часть камеры для обжига изделий имела в плане круглую форму. Ее диаметр на уровне тепловодно-распределительного блока составлял 1,85 м, на уровне верхних участков уцелевших стенок – 2,0 м. Стенки двухслойные, толщиной 5–6 см, сохранились на высоту до 0,30 м. В отличие от камеры для сжигания топлива стенки камеры для обжига изделий по всей толщине имели серый оттенок, что было обусловлено воздействием гораздо более низких температур (исключительно горячих газов). Отпечатков плетеной конструкции из прутьев – основы-каркаса обжиговой камеры – на раслоившихся нижних участках ее стен не выявлено. Не зафиксированы они и на ее отвалившихся кусках.

На полу обжигательной камеры найдено скопление фрагментов лощеных сосудов – последней загрузки печи. В их числе оказались профильные обломки и стенки сероглиняных (167 фрагментов) и коричневоглиняных (недообожженных) кувшинов-пифосов (16 фрагментов). Здесь же была найдена верхняя часть сероглиняного лощеного пифоса (диаметр венчика 20 см), шейка и плечики которого украшены тремя горизонтальными рядами полуовальных вдавлений и тремя рядами «семечкообразных» вдавлений (рис. 7, 1). Помимо них, в камере оказались 60 кусков ее обрушившихся стенок. Когда печь была уже заброшена, а котлован рабочей площадки гончарного комплекса превратили в свалку бытового мусора, в заполнение камеры

попали 1 фрагмент красноглиняного кувшинчика с носиком-сливом, 4 фрагмента лепных коричневоглиняных кухонных горшков, 1 фрагмент стенки красноглиняной амфоры и 6 костей животных, в том числе лопатка свиньи.

Еще одно скопление сероглиняной лощеной посуды из последней загруженной в печь партии было зафиксировано в придонной части котлована рабочей площадки. Некоторые из них удалось реконструировать.

Сосуд № 1. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным туловом. Сужающееся в средней части и расширяющееся кверху горло завершается слабовыраженным венчиком с вытянутым, слегка опущенным вниз носиком-сливом. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу под горлом. Боковые овальные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское. Высота – 57 см, диаметр венчика – 12 см, по оси носика-слива – 15 см, диаметр дна – 16 см. Стенки тулова украшены в нижней части вертикальными лощеными полосами, отделенными от средней части двумя горизонтальными желобками. Средняя и верхняя части тулова – вертикальными налепными валиками и лощеным сетчатым орнаментом. Горло украшено вертикальными полосами лощения, нижняя его часть – двумя горизонтальными желобками. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 2).

Сосуд № 2. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным туловом. Сужающееся в средней части и расширяющееся кверху горло завершается слабовыраженным венчиком с вытянутым и приподнятым вверх носиком-сливом. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу под горлом. Боковые овальные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское. Высота – 60 см, диаметр венчика – 14 см, по оси носика-слива – 18 см, диаметр дна – 15 см. Средняя часть тулова украшена вертикальными прямыми и волнистыми налепными валиками и лощеным сетчатым орнаментом. Верхняя и нижняя часть тулова – вертикальными полосами лощения, при этом средняя часть тулова отделена от нижней 4 лощеными горизонтальными желобками. Горло по бокам носика-слива украшено двумя вертикальными фигурными налестками. Нижняя часть – пятью горизонтальными желобками. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 3).

Сосуд № 3. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным туловом. Горло не сохранилось. Боковые овально-уплощенные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское, с небольшим выступом по окружности. Сосуд сохранился на высоту – 46 см, диаметр дна – 16 см. Стенки тулова украшены в нижней части вертикальными лощеными линиями, отделенными от средней части двумя горизонтальными желобками. Средняя и верхняя части тулова украшены вертикальными волнистыми налепными валиками с насечками и лощеным сетчатым орнаментом. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 4).

Сосуд № 4. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным (более стройным) туловом. Горло не сохранилось. Боковые овально-уплощенные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское. Сосуд сохранился на высоту 38 см, диаметр дна – 15 см. Стенки тулова украшены в нижней части вертикальными лощеными линиями, отделенными от средней части двумя горизонтальными желобками. Средняя и верхняя части тулова украшены вертикальными (прямыми и волнистыми) налепными валиками и лощеным сетчатым орнаментом. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 5).

Помимо кувшинов-пифосов, в камере для обжига была найдена нижняя часть сероглиняного кувшина, украшенного в нижней части тулова вертикальными лощеными полосами, а в месте наибольшего диаметра – двумя горизонтальными лощеными полосами. Дно кувшина плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Обжиг сосуда не завершен – неравномерный, поверхность серого оттенка с коричневыми пятнами (рис. 7, 6). Поскольку некоторые из сосудов имели неравномерный обжиг (24 из 130 фрагментов с пятнами коричневого цвета), можно предположить, что, как и в случае с печью гончарного комплекса № 1, процесс обжига (в восстановительной среде) последней загруженной партии изделий не был полностью завершен. Гончарный комплекс № 2, как и комплекс № 1, был заброшен, а котлован его рабочей площадки, превращенный в свалку бытового мусора, постепенно заполнился обломками керамики, костями животных, золистыми отложениями и натечным грунтом.

В заполнении котлована рабочей площадки, помимо сосудов из последней загрузки печи (130 фрагментов) и 110 кусков стенок обжигательной камеры печи, найдено 52 фрагмента лепных коричневоглиняных и черноглиняных горшков (рис. 7, 7, 8) и 25 костей животных, в том числе 5 – коровы, 2 – свиньи, 1 – барана, остальные неопределенные.

Что касается относительной хронологии гончарного комплекса № 2 и выявленных рядом с ним объектов, их можно разделить на три строительных периода. К первому, наиболее раннему, на этом участке относится хозяйственная яма (объект 45), северный борт которой прорезала гончарная печь. В ее заполнении были найдены фрагменты столовых лощеных сосудов, лепных кухонных горшков, бронзовая ворварка и кости животных. Ко второму периоду относится гончарный комплекс № 2, а к третьему периоду – хозяйственная яма (объект 40), которая прорезала западный борт котлована его рабочей площадки. В заполнении ямы найдены фрагменты столовых лощеных сосудов, лепных кухонных горшков и кости животных.

К сожалению, находок с узкими датами в выделенных комплексах трех строительных периодов не оказалось, но в целом их можно датировать в пределах VII–IX вв. К этому же периоду относятся и все остальные исследованные в 2010–2011 гг. комплексы поселения Варнавинское-3. В 2015 г. на другом участке поселения были изучены слои римского времени и V–IX вв. Там же было открыто 21 захоронение середины V – первой половины VI в. и второй половины VI – рубежа VII–VIII вв. и одно погребение VIII–IX вв. [Суханов, Свиридов, 2018, с.114

– 129]. Что касается верхней хронологической границы исследованного в 2010–2011 гг. участка поселения, она нуждается в уточнении дальнейшими раскопками. В культурном слое и заполнении хозяйственных и производственных комплексов не было найдено ни одного фрагмента высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, датирующихся не ранее второй половины / третьей четверти IX в. [Науменко, 2009, с. 50–57]⁴. «Причерноморские» бороздчатые амфоры, доминировавшие в комплексах второй половины IX в. Сугдеи и поздних комплексах салтово-маяцких поселений Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма [Майко, 2004, с. 185; Науменко, 2009б, с. 46, тип II], были обнаружены только на раскопе II и представлены лишь несколькими фрагментами, включая две ручки. Помимо Крыма, они найдены на салтово-маяцких памятниках степной и лесостепной зон основного ареала салтово-маяцкой культуры. Одну из наиболее многочисленных категорий находок «причерноморские» бороздчатые амфоры составляют и на памятниках VIII–X вв. Таманского полуострова. Ареал их распространения охватывает также степное Предкавказье и Северо-Западный Кавказ, включая Карачаево-Черкесию и Абхазию, но здесь они встречаются гораздо реже и совершенно исчезают по мере продвижения к районам Центрального Кавказа [см. лит.: Супренков, Науменко, Пономарев, 2019, с. 220; Суханов, 2020, с. 166]. Массовое их использование в Таманском регионе наглядно иллюстрирует одна из ям, раскопанных на поселении Балка Лисовицкого-1, в которой было обнаружено 33 амфоры, уложенных в два яруса. К сожалению, комплекс подробно не был опубликован, но на общей его фотографии видно, что среди амфор верхнего яруса, за исключением одной глобулярной византийской, остальные относятся к причерноморским бороздчатым амфорам [Жупанин, Иванов, Кутуков, 2020, с. 293, рис. 4]. На исследованных в 2010–2011 гг. участках поселения Варнавинское-3 импортная транспортная тара представлена в подавляющем большинстве небольшим числом обломков гладкостенных красноглиняных и светло-коричневоглиняных амфор, в том числе с мелким зональным рифлением на плечиках – производившимися во многих средиземноморских центрах т. н. «глобулярными» амфорами первых десятилетий VII – конца VIII / середины IX в. и их крымскими вариациями второй половины VIII – первой половины X в. – «причерноморскими» амфорами с мелким зональным рифлением. Скорее всего, когда в оборот вошли «причерноморские» бороздчатые амфоры и высокогорлые кувшины с плоской ручкой, этот более ранний тип амфор стал выходить из массового употребления [Якобсон, 1979, с. 29–30, 32,

---

⁴ Они найдены на Таманском полуострове, в Абхазии, включая Анакопийскую крепость [см. лит.: Супренков, Науменко, Пономарев, 2020, с. 232], Среднем и Верхнем Прикубанье [Бонин, 2015, с. 323; Биджиев, 1979а, с. 39]. Причем на Хумаринском городище были найдены обломки стенок, покрытые «тонким слоем смоль» – отвердевшей битумообразной фракции перевозившейся и хранившейся в них нефти, добывавшейся в месторождениях Керченско-Таманского нефтегазоносного района [Биджиев, 1979б, с. 160; Кострин, 1965, с. 291–293; Кострин, 1967, с. 285–289; Винокуров, Пономарев, 2022, с. 147–148].

вариант 1, 3; Науменко, 2009б, с. 39–43; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 35–78; Голофаст, 2019, с. 39–40; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416; Сазанов, 2016, с. 178; Нидзельницкая, 2009, с. 257–282; Нидзельницкая, Ильяшенко, 2007, с. 197–198; Голофаст, Евдокимов, 2019, с. 187–189; Науменко, 2020, с. 399–401; Суханов, 2017, с. 93, 95]. Что касается кружальных горшков салтово-маяцкого облика со сплошным или зональным горизонтальным и волнистым рифлением на корпусе, они на поселении Варнавинское-3 также обнаружены в очень небольшом количестве.

Таким образом, если на исследованных его в 2010–2011 гг. участках какие-то комплексы и «дожили» до IX в., то функционировать они, видимо, прекратили не позднее первой половины – середины этого столетия. Соответственно с учетом нижней хронологической рамки поселение можно отнести к предсалтовскому и салтово-маяцкому периодам, но какому из этнических компонентов этого региона – болгарам или аланам [Плетнева, 1997, с. 38–45] среди его жителей отводилось главенствующее место, установить пока не удалось. Решить эту задачу в дальнейшем, возможно, поможет некрополь поселения. На данный же момент из числа открытых в 2015 г. его погребальных комплексов V–IX вв. выделено только одно, очень плохо сохранившееся погребение VIII–IX вв. (объект 138), совершенное в грунтовой могиле. Погребенный был уложен на спине головой на восток. Погребальный инвентарь представлен лощеным кувшином, гладким бронзовым бубенчиком и Т-образной металлической подвеской, имеющими аналогии в салтово-маяцких погребальных комплексах (в том числе Таманского полуострова, левобережья и правобережья Кубани) и погребениях VIII–IX вв. могильника Дюрсо [Суханов, Свиридов, 2018, с. 120–121, рис. 8, Б, 10–13; Свиридов, Язиков, Суханов, 2019, с. 261, рис. 10, 3; 23, 4]. Восточная (восток – юго-восточная и северо-восточная) ориентировка погребенных зафиксирована для большей части ранних захоронений в грунтовых могилах могильника Казазово-1, датированных В. А. Тарабановым концом VII–IX вв. и связанных им с болгарским населением левобережья Кубани. В ногах у некоторых погребенных, как и в погребении могильника Варнавинское-3, были установлены лощеные сосуды [Тарабанов, 1983а, с. 150, 155; Тарабанов, 1983б, с. 95–97; Плетнева, 2000, с. 191].

Что касается функциональной нагрузки изученных комплексов, на исследованном раскопами I и II участках поселения не было открыто жилых построек (котлованов полуземлянок и остатков наземных сооружений) – только хозяйственные ямы и производственные (гончарные) комплексы. Такого рода хозяйственно-производственные участки зафиксированы и на других поселениях салтово-маяцкой культуры, в том числе в соседних регионах, к примеру, на поселении Гора Чиркова-1 (Таманский полуостров) [Супренков, Науменко, Пономарев, 2017, с. 236–280]. К сожалению, гончарные мастерские полностью не попали в пределы исследованной части поселения Варнавинское-3. На раскопе I на расстоянии 22 м друг от друга были обнаружены только две гончарные печи, пристроенные к заглубленным рабочим площадкам, большую часть полезной площади которых занимали предгорновые ямы. Где изготавливались сами сосуды, а также складировались сырье (глина, приме-

си-отошители) и готовая формовочная масса, установить не удалось. Гончары, наверняка, должны были работать в каких-то постройках (заглубленных или наземных турлучных(?) сооружениях) или, по крайней мере, на открытых, но защищенных от дождя навесом, площадках, а сырье и формовочная масса, скорее всего, хранились в ямах⁵, но такого рода основные и вспомогательные производственные сооружения мастерских обнаружены не были, поэтому анализировать на данный момент можно лишь гончарные печи.

Согласно классификации А. А. Бобринского, печи поселения Варнавинское-3 относятся к классу печей с вертикальным ходом горячих газов (класс 1), а по особенностям движения газов в топочном блоке – к подклассу 2 – с периферийной топкой, вынесенной за пределы пространства, расположенного под теплопроводнораспределительным блоком [Бобринский, 1991, с. 96–97, 189]. Условно двухъярусные гончарные печи вертикального типа основного ареала салтово-маяцкой культуры и печи раннесредневековых поселений Северо-Западного Кавказа и Западного Предкавказья разделяются на две конструктивные группы: без опорного столба в топочном блоке и гораздо менее многочисленную – с центральным опорным столбом [Михеев, 1985, с. 83–84]. Среди ближайших к поселению Варнавинское-3 гончарных комплексов VII–IX вв., обнаруженных на окраине раннесредневекового поселения у станицы Змейской Кировского района Республики Северная Осетия-Алания, в одном из курганов могильника Общественный-I у станицы Мингрельской Абинского района Краснодарского края, в кургане у станицы Рязанской Белореченского района Краснодарского края [Ловпаче, 1995, с. 164, табл. LVI], в кургане могильника Холмский-25 у станицы Холмской Краснодарского края, на территории поселения Марьянское-1 у станицы Марьянской Красноармейского района Краснодарского края и на поселении Плетнёва балка у хут. Красная Звезда Новокубанского района Краснодарского края, зафиксирована такая же ситуация.

Только в одной из мастерской, открытой на окраине поселения у станицы Змейской (Кировский район Республики Северная Осетия-Алания), были раскопаны

---

⁵ Такие специализированные помещения (без обжиговых печей) были открыты на Дмитриевском поселении в верховьях Северского Донца [Плетнева, 1989, с. 55–60, рис. 24–25]. Яма с запасом глины обнаружена рядом с гончарными печами в урочище Роганина (бассейн Северского Донца) [Колода, 2001, с. 223, рис. 1,7]. В гончарных мастерских Дмитриевского поселения запас желтой и коричневой отмученной вязкой глины хранился внутри помещений. В одном из них ее складировали в «желобке» на полу, в другом, судя по круглой форме пласта глины, – в деревянной емкости типа «жбан» [Плетнева, 1967а, с. 54; Плетнева, 1989, с. 55, 57]. Слой «беловатой» глины обнаружен также в помещении гончарной мастерской Верхне-Салтовского городища [Бабенко, 1914, с. 468]. В помещениях мастерских Маяцкого поселения запас отмученной и обезжиренной глины хранился в «корытах». Одно из них было выдолблено в меловом полу помещения, два других – представляли собой прямоугольные емкости, сооруженные из дубовых плах или досок [Плетнева, Красильников, 1990, с. 95–96, 104]. Запас готовой формовочной массы – глины, смешанной с шамотом и жерствой, был обнаружен на полу полуземлянки, раскопанной на поселении близ с. Сухая Гомольша [Михеев, Дяченко, 1972, с. 277].

две гончарные печи, практически совершенно аналогичные по конструкции печам поселения Варнавинское-3. Они были врезаны в склон надпойменной террасы и пристроены к заглубленным рабочим площадкам. В их округлой в плане, поддерживаемой центральным опорным столбом плите тепловодно-распределительного блока (размерами $1,84 \times 1,80$ м и диаметром 1,6 м), было соответственно прорезано 16 и 17 цилиндрических отверстий (теплопроводных каналов), 12 и 13 из которых на равных расстояниях располагались по краям монолита, а 4 – в центре, образуя углы условного квадрата вокруг опорного столба. Что особенно интересно в этих печах, как и на поселении Варнавинское-3, также обжигалась сероглиняная лощеная керамика – пифосы-корчаги с двумя вертикальными ручками на тулове, трехручные кувшины-пифосы и кувшины. М. А. Бакушев датировал гончарные комплексы Змейского поселения VII – началом VIII в., опираясь в основном на хронологические рамки памятников, где были обнаружены аналогичные найденным в печах трехручные кувшины-пифосы [Бакушев, 2019, с. 95–116]. Группа погребений, открытых в 2013–2014 гг. на синхронном поселении могильнике, датирована VI–VII вв. [Бакушев, Фризен, 2016, с. 132–135].

Остальные обнаруженные в пределах этого региона гончарные печи относились ко второй группе – без центрального опорного столба в топочном блоке.

В 2013 г. В. Ю. Кононовым на территории меотского могильника IV в. до н. э. поселения Марьянское-1 в окрестностях станицы Марьянской Красноармейского района Краснодарского края раскопана гончарная печь VIII–IX вв., обращенная устьем топочного канала в предгорновую яму заглубленной рабочей площадки. В ее округлой в плане плите тепловодно-распределительного блока (диаметром 1,40 м) прорезано 5 теплопроводных каналов, из них один в центре, 4 – расположены по краям, образуя углы условного квадрата. В печи обжигались лощеные сосуды, в том числе двуручные корчаги. Фрагменты одной из них были зафиксированы в заполнении рабочей площадки. Материалы раскопок печи пока еще не опубликованы.

На поселении Плетнёва балка у хут. Красная Звезда Новокубанского района Краснодарского края в обрыве берега р. Кубань на расстоянии 2 м друг от друга раскопаны две гончарные печи, обращенные устьями топочного канала к сообщающимся между собой предгорновым ямам. В их округлых в плане плитах тепловодно-распределительного блока (диаметром 1,47 м и 1,18 м) прорезано 8 и 10 теплопроводных каналов, из них 7 и 9 по краям и по одному в центре. В печах обжигались кухонные кружальные горшки, котлы с внутренними ручками-ушками и, возможно, миски. Комплекс печей был отнесен к памятникам салтово-маяцкой культуры и датирован VIII–IX вв. [Голубев, Попик, 2005, с. 139–147].

В поле кургана 5 курганного могильника Холмский-25, оказавшегося на территории поселения Хабль-1 (в окрестностях станицы Холмской Краснодарского края), обнаружено еще две примыкавшие к заглубленным рабочим площадкам небольшие гончарные печи. В их округлых в плане плитах тепловодно-распределительного блока (размерами $0,84 \times 0,83$ м и $1,44 \times 1,36$ м) было, соответственно, прорезано 7

и не менее 6 теплопроводных каналов, из них 6 и 5 по краям и по одному в центре. В заполнении обжигательной камеры печи № 1 керамических изделий не оказалось, а в печи № 2 обжигали тарные и кухонные кружальные горшки, котлы с внутренними ручками-ушками и миски, имеющие массовые аналогии на всех памятниках (включая Северный Кавказ и Предкавказье) салтово-маяцкой культуры. Выявленные в кургане жилые, хозяйственные и производственные комплексы разделены на две хронологические группы, датированные в общих пределах VII–VIII вв. [Нечипорук, 2015, с. 187–202; Нечипорук, 2020, с. 402].

И наконец, в окрестностях станицы Мингрельская Абинского района Краснодарского края на территории курганного могильника Общественный-1 В.И.Мельником открыт крупный гончарный комплекс, состоявший из 7 двухъярусных обжигательных печей и двух одноярусных печей неизвестного назначения. Они располагались по кругу компактной группой на склонах холма («кургана 12») и занимали площадь около 50 кв. м. К сожалению, некоторые из них оказались частично разрушены. В их округлых в плане плитах тепловодно-распределительного блока было прорезано от 4 до 7 теплопроводных каналов по краям (иногда немного смещенных по направлению к центру) и по одному каналу – в центре. В печах обжигалась лощеная посуда серого и желтовато-коричневого оттенка. В отчете о раскопках автор датировал ее X–XI вв., но сами печи, по его мнению, были «генетически связаны с салтовскими». В целом же вопрос о хронологических рамках комплекса был оставлен открытым [Мельник, 1986].

Крупные производственные гончарные центры VII–VIII вв. с печами без центрального опорного столба в топочном блоке открыты в Дагестане на Андрей-аульском и Верхнечирюртовском городищах [Магомедов, 1983, с. 108; Мамаев, 1974, с. 173].

В пределах основного ареала распространения салтово-маяцкой культуры (Нижнего, Среднего и Верхнего Подонья) гончарных комплексов выявлено гораздо больше [Плетнева, 2003а, с. 200, рис. 24]. Как и в Предкавказском и Северо-Кавказском регионах, здесь преобладали двухъярусные печи без центрального опорного столба в топочном блоке.

Среди них отметим гончарный комплекс из 4-х печей с предгорновыми ямами в урочище Роганина в верховьях р. Бишкин (правый приток Северского Донца), обжигавших горшки и датированных IX в. [Колода, 1992, с. 127–128; Михеев, Колода, 1992, с. 134–140; Колода, Колода, 2000, с. 117–119; Колода, 2001, с. 219–232]. Примерно в 2 км к северу от Саркельского городища на берегу р. Дон в 1950–1951 гг. было открыто 23 печи. К сожалению, они имели плохую сохранность, но в целом, видимо, отличались большими размерами. Диаметр их топок составлял около 2 м, а диаметр теплопроводных трубок – 15 см. Ассортимент их продукции установить не удалось [Раппопорт, 1959, с. 19, 21; Ляпушкин, 1958б, с. 105]. В этом же районе А. А. Миллером в 1927 г. была раскопана еще одна печь [Миллер, 1927, с. 110, рис. 17; Артамонов, 1935, с. 73]. В нижнем течении Дона гончарная печь раскопана на

Втором Крымском городище у хутора Крымский [Савченко, 1986, с. 70]. Однотипные печи исследованы в бассейне р. Оскол на II Ютановском пункте древней металлургии, селищах Ютановка-2, Столбище-1 и Столбище-2 [Николаенко, Сарапулкин, Степовой, Пашнев, 2006, с. 35–37; Афанасьев, 1987, с. 83–84, рис. 50–51; Николаенко, Степовой, 2005, с. 28–39]⁶, на Верхне-Ольшанском городище [Якименко, 1994, с. 51–66; Сарапулкин, 2003, с. 141–144, рис. 67; 68], Сидоровском городище [Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236, рис. 6; 7; Кравченко, 2011, с. 277, рис. 1, 4; Кравченко, 2020, с. 74, 238, рис. 114], на городище Мохнач [Колода, Квитковский, 2009, с. 175, рис. 5; Колода, 2010, с. 149–163] и Верхнесалтовском селище [Афанасьев, 2013, с. 17]. Три печи в 1951 г. открыты И. И. Ляпушкиным на поселении близ станицы Суворовской на р. Дон. Около печи № 2 был найден слегка деформированный разбитый лощеный кувшин, по мнению И. И. Ляпушкина – производственный брак [Ляпушкин, 1958а, с. 331–336, рис. 11–15; Ляпушкин, 1958б, с. 104–105]. В 2011–2012 гг. на этом же поселении были раскопаны еще две гончарные печи без опорного столба и с общей для них рабочей площадкой. В них обжигали лощеную и нелощеную кухонную и тарную керамику [Кияшко, 2013, с. 363–364; Кияшко, 2016а, с. 14–24; Кияшко, 2016б, с. 67–75; Кияшко, 2016в, с. 137–140]. Гончарная мастерская с пятью гончарными печами исследована К. И. Красильниковым на берегу р. Деркул (левый приток Северского Донца) у с. Подгаевка. Специализировалась она на изготовлении тарных и кухонных горшков и котлов с внутренними ручками-ушками [Красильников, 1976, с. 267–278]. Две гончарные мастерские К. И. Красильников раскопал на поселении Новолимаревка-I на р. Деркул [Красильников, 1981, рис. 8, 3; Красильникова, 2010, с. 175, рис. 2, 1, 2; Красильников, 1979, с. 80, 84]. Еще одну мастерскую с пятью печами он обнаружил на берегу р. Евсуг у с. Рогалик. В ней изготавливали тарные и кухонные горшки [Красильников, 1980, с. 60–69]. Похожая по конструкции печь исследована на поселении у с. Жовтневое на берегу р. Оскол [Пархоменко, 1985, с. 88–89, рис. 2, 2]. Наиболее крупный гончарный центр (по сути изолированный специализированный район) в лесостепной части основного ареала распространения салтово-маяцкой культуры открыт на северо-восточной окраине Маяцкого поселения. В пределах его раскопанного участка на площади 330 кв. м были зафиксированы 4 мастерские с 4 гончарными печами без центрального опорного столба. Они изготавливали кухонную посуду (горшки и котлы с внутренними ручками-ушками) и лощеную – столовую и тарную керамику (пифосы, корчаги, кувшины-пифосы, кувшины, кубышки, кружки и др. сосуды и изделия, в том числе крышки) [Плетнева, Красильников, 1990,

⁶ Кроме того, на II Ютановском пункте черной металлургии обнаружены три гончарные мастерские без печи для обжига. В мастерской № 1 зафиксированы две ямы. Одна из них с конусовидным отверстием интерпретирована как место установки гончарного круга. Вторая – как «лоток» для замеса глины [Николаенко, Гребенюков, Сарапулкин, 2001, с. 230–232]. В гончарной мастерской № 3 выявлены площадка с ямами для осей трех гончарных кругов и углубление-лоток в полу с формовочной массой [Степовой, 2018, с. 356–360].

с. 92–139; Винников, Плетнева, 1998, с. 147–157, рис. 55–63; Плетнева, 2000, с. 59]. Еще одна печь была позднее открыта на самом Маяцком селище. В ней обжигалась кружальная кухонная посуда, составлявшая 81,5% керамического брака, найденного в котловане гончарного комплекса (постройка 52), предгорновой яме и в топке печи [Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999, с. 113–116, рис. 7; Лопан, 2001, с. 107, рис. 2, 3–15; 3, 1–15, 4, 2–4].

Такие же печи выявлены и на поселениях Днестро-Дунайского междуречья. Одна из них открыта на поселении у с. Богатое в дельте Дуная. В ней обжигалась керамика салтовского облика. По мнению А. Т. Смиленко, мастерская специализировалась преимущественно на изготовлении столовой лощеной посуды (в основном горшков) и отчасти – кухонных горшков, возможно также котлов с внутренними ручками-ушками и маслостоек. Само же поселение исследовательница датировала IX – началом X в. и отнесла к салтово-маяцкому кругу древностей (со славянским компонентом), связав его появление с продвижением в начале IX в. болгар на нижний Днестр и в Дунайскую Болгарию [Смиленко, 1991, с. 169–170; Смиленко, Козловский, 1987, с. 112–120, рис. 11; 12; Смиленко, 1988, с. 73–78; Козловский, Симонова, Смиленко, 1996, с. 158–159]. Остальные выявленные в этом регионе печи без опорного столба в топочном блоке относятся к более позднему периоду и к иной этнокультурной среде [Тельнов, Чеботаренко, 1988, с. 72–76; Чеботаренко, 1983, с. 183–192; см. лит.: Рабинович, 1991, с. 105]. Однотипные печи VIII–IX вв. и IX–X вв. выявлены и на территории Болгарии [см. лит.: Рабинович, 1991, с. 106].

Печи с центральным опорным столбом в топочном блоке обнаружены пока только на одном памятнике салтово-маяцкой культуры – около крепостного рва юго-западной стены Саркельского городища. В печи № 1 столб был обычной конструкции – в виде глиняного монолита, а в печи № 2 – сложен из кирпичей и обмазан глиной. Вокруг печи № 2 найдено большое количество фрагментов бракованных сосудов – горшков с врезным линейно-волнистым орнаментом. С. А. Плетнева датировала оба комплекса не позднее 30-х гг. IX в. [Артамонов, 1958, с. 40, рис. 24; Плетнева, 1996, с. 75–78, рис. 29]. Появление в Саркеле печей с опорными столбами И. И. Ляпушкин счел заимствованием, сопоставив их сооружение с пребыванием здесь византийских мастеров, строивших крепость. В качестве же ближайших им конструктивно близких аналогий он привел раннесредневековые печи Крыма [Ляпушкин, 1958б, с. 128]. Однако его точка зрения была ошибочной, поскольку салтово-маяцкие и крымские печи VIII–X вв. имели разительные отличия [Афанасьев, 1987, с. 87; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, рис. 3; 6; 7; 9; 16, 17; 22; 24; 25; 30; 33; 34; 36; 38; 41]. Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с мнением Г. Е. Афанасьева, согласно которому бесстолбовые печи лесостепной и степной зоны салтово-маяцкой культуры были генетически связаны с Северным Кавказом, а печи с центральным опорным столбом Саркела и Канцерской балки в Поднепровье «продолжали северопричерноморскую традицию античного времени» [Афанасьев, 1987, с. 87; ср.: Колода, 2013, с. 153, прим. 1]. Если в отношении печей типа балки Канцерка (вторая половина VII в.–

начало VIII в.) наличие столба пытались объяснить наследованием гончарных традиций населения ареала распространения черняховской культуры [Сміленко 1975, с.146–147]⁷, то каким образом традиции античного времени могли быть сохранены и воплощены строителями Саркельских печей, не совсем ясно, пусть даже это были и византийские мастера, приглашенные строить в Саркел крепостные сооружения [Ляпушкин, 1958б, с. 128].

Как нам кажется, деление гончарных печей по принципу наличия или отсутствия опорного столба в топочном блоке, скорее всего, не имеет в своей основе этнической и региональной составляющей. К пониманию необходимости включения столба в конструкцию печи (с учетом качества использовавшейся при ее строительстве глины) мог прийти любой опытный мастер, поскольку при достаточно большом диаметре обжигательной камеры и значительном весе обжигавшихся в печи сосудов увеличивать толщину теплопроводно-распределительного блока можно было лишь до каких-то хорошо известных пределов, скорее всего, неоднократно выверенных на практике. Устройство столба под ним в таком случае оставалось единственным возможным конструктивным выходом, без него он бы рухнул под собственным весом и весом сосудов уже при первом обжиге. К такому же выводу, видимо, пришли и гончары поселения Варнавинское-3, поскольку диаметр теплопроводно-разделительных блоков печей, в которых должны были обжигаться крупногабаритные и значительные по весу сосуды, составлял 1,7 и 1,9 м. Преобладание же бесстолбовых гончарных печей, диаметр которых в основном не превышал 1,5 м и в которых обжигались небольшие сосуды, объясняется их большей востребованностью в силу небольших размеров (достаточных для небольших партий изделий) и пониженными к ним технологическими и конструктивными требованиями, как при сооружении, так и текущем обслуживании, включая мелкие ремонты. Определенную роль могло также играть качество глины – основного строительного материала печей и плотность грунта, в который они были врезаны [ср.: Володарець-Урбанович, 2013, с. 163].

Что касается последней обжигавшейся в гончарных печах поселения Варнавинское-3 партии сосудов, в печи № 1, помимо одноручного кувшина, оказались трехручные сероглиняные лощеные кувшины высотой 38, 39, 41, 42,4 см. В

⁷ По мнению большинства исследователей, печи типа балки Канцерка были оставлены небольшой группой алан, переселившихся с Кавказа, поэтому, по мнению Я. А. Володарца-Урбановича, у них нет никакого генетического родства с похожими по конструкции печами черняховской культуры. В одной из своих публикаций он предположил, что на Северном Кавказе гончарные печи, генетически близкие Канцерским, должны были быть, но пока еще не обнаружены [Володарець-Урбанович, 2011, с. 40]. Он оказался совершенно прав, к настоящему времени они открыты уже на двух памятниках – поселениях Варнавинское-3 и у станции Змейской. И это речь идет только об опубликованных комплексах, возможно, есть и другие, пока еще не изданные, тем более что изучение раннесредневековых поселений Северного Кавказа и Предкавказья в последние два десятилетия в значительной степени активизировалось, в основном, по причине реализации масштабных строительных проектов и проведения охранно-спасательных раскопок на попавших в зону строительства археологических объектах.

печи № 2, помимо найденной в ней верхней части лощеного пифоса (корчаги), в последнюю (или последние) загруженную партию изделий попали сероглиняные лощеные сосуды высотой 57 см и 60 см с тремя ручками и носиком-сливом, одновременно напоминавшие кувшины и пифосы, которые были обнаружены в виде компактного скопления обломков в заполнении рабочей площадки.

В научных публикациях сосуды гибридной формы, совмещающие морфологические признаки одноручных кувшинов с носиком-сливом и небольших пифосов (корчаг) с двумя вертикальными ручками на тулове, именуется по-разному – кувшинами-пифосами, пифосами-кувшинами, трехручными кувшинами, кувшинообразными сосудами, пифосообразными сосудами, трехручными пифосами-кувшинами, полупифосами-полукувшинами, пифосами, пифосами с узким горлом кувшина и порою, даже очень неудачно, – горшками-корчагами. Таким образом, в их условные названия были заложены морфологические признаки (форма, размеры и соотношение высоты и максимального размера тулова) и попытки осмысления функционального назначения. Не совсем понятна, к примеру, классификация керамики печей типа балки Канцерки, в которой большие трехручные кувшины-пифосы отнесены к группе «тарных» сосудов, а корчаги – к группе «посуды для хранения» [Володарец-Урбанович, 2011, табл. на с. 128]. В статье, посвященной керамическому комплексу Саркела, С. А. Плетнева отнесла трехручные кувшины-пифосы к категории столовой керамики [Плетнева, 1959, с. 217, рис. 6, 2]. В одной из более поздних совместных публикаций исследовательница причислила их вместе с лощеными пифосами к разряду тарных сосудов [Винников, Плетнева, 1998, с. 153], а в другой близкой ей по времени статье оговорила, что богато украшенные «безусловно великолепные большие нарядные сосуды» (пифосы и кувшины-пифосы) «не были обычной хозяйственной принадлежностью. Это была парадная посуда, подававшаяся к столу с вином или брагой» [Плетнева, Красильников, 1990, с. 113]. Согласно В. С. Флерову, трехручные кувшины – это одна из разновидностей сосудов для хранения жидкостей [Флеров, 1981, с. 177]. Учитывая их размеры, объем, наличие дополнительных боковых ручек, толщину черепка (иногда до 1,1–1,4 см), а также свойственный для некоторых из них богатый декор, представляется совершенно справедливым, что подобного рода изделия в зависимости от размера, формы и насыщенности разнообразными элементами декора могли использоваться как тарные, так и столовые изделия⁸. По мнению Д. С. Соловьева и С. А. Котенькова, трудоемкие в изготовлении лощеные, богато орнаментированные кувшины-пифосы имели высокую стоимость и изготавливались «исключительно на заказ», при этом они апеллировали предложенной А. Л. Якобсоном схеме изготовления и реализации таких крупных сосудов, как

---

⁸ Что касается наличия у этих сосудов двух дополнительных ручек на тулове, в начале XX в. П. С. Уварова высказала предположение, что они предназначались для их подвешивания [Уварова, 1900, с. 325]. Этнографически подобные примеры широко известны, сосуды нередко подвешивались на кожаных ремешках, но подобного рода практика возможна лишь для небольших кувшинов.

пифосы [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 309]. Однако с этим утверждением трудно согласиться, поскольку в работах А. Л. Якобсона речь идет исключительно о крымских и византийских (со ссылкой на «Геопоники») мастерских и изготовлявшихся в них пифосах большого размера, для которых приходилось каждый раз строить новую обжигательную камеру [Якобсон, 1979, с. 38]. В отношении же кувшинов-пифосов таких проблем не возникало, как показали результаты раскопок печи № 2 поселения Варнавинское-3, в нее можно было загрузить несколько таких сосудов. Что касается схемы их реализации, она, надо думать, была комбинированной – какая-то часть сосудов изготовлялась на заказ, а какая-то – на продажу (или товарный без денежного эквивалента обмен) обезличенным потребителям. В любом случае работавшие, скорее всего сезонно, гончарные мастерские поселения Варнавинское-3 не могли произвести большого количества однотипных изделий, к тому же нам вряд ли когда-то станет известен еще один такой важный для понимания схемы реализации гончарной продукции маркер, как количество мастерских, одновременно работавших на этом поселении и прилегающем к нему регионе.

Появились трехручные кувшины и кувшины-пифосы в IV–V вв. в Центральном Предкавказье (Верхнем Прикубанье и Северной Осетии) [Минаева, 1961, с. 123–124, рис. 3]. К VII в. ареал их распространения охватил Западное и Восточное Предкавказье. Зафиксированы находки таких сосудов в это время в Среднем Поднепровье и Поворсклье (печи типа балки Канцерка). После переселения в 40-е гг. VIII в. части алан в Донецко-Донское междуречье они распространились в пределах основного ареала салтово-маяцкой культуры и производились здесь до конца IX – начала X в. [Плетнева, 1967б, с. 121–122, тип Е; Флеров, 1981, с. 177–178, рис. 5; Сарапулкин, 2010, с. 31]. Возможно, их изготовляли и в других регионах Хазарского каганата, в частности в нижнем Поволжье.

К числу наиболее ранних их форм можно отнести сосуд из кургана 3 аланского могильника Брут-1 в Северной Осетии первой половины – середины V в. [Габуев, 2014, с. 16–17, рис. 16, 2; 65, 3], необычный по конфигурации ручек сосуд из Гилячского могильника IV–V вв. в Верховьях Кубани [Минаева, 1951, с. 286, рис. 13, 5] и сосуды из катакомб 14, 17 могильника Байтал-Чапкан IV–V вв. на водоразделе р. Кубань и р. Малый Зеленчук в Карачаево-Черкесии [Минаева, 1950, с. 220, рис. 23; Минаева, 1971, рис. 36, 1]. Очень похожий кувшин найден в погребении 1 могильника Мирный-2 в Кисловодской котловине. Датируется комплекс 430/470 – 530/570 гг. [Мастыкова, 2013, с. 142, рис. 7, 2]. Из раскопанных катакомб аланского могильника Мокрая Балка первой половины V – первой половины VIII в. в Кисловодской котловине происходит 6 различных по форме и орнаментации трехручных «кувшинов». Один – из катакомбы I хронологического этапа, еще один – из катакомбы II переходного этапа (конец VI – середина VII в.) и 3 – из катакомб III этапа [Афанасьев, 1980, с. 59, рис. 1, 2–6; Малашев, 1996, с. 152, рис. 84, 5; 85, 32, 33в; Малашев, 2001, с. 9, рис. 7, 1; 11, 1; 21, 1; 28, 1; 30, 8; 50, 118; 51, 117, 21; 52, 82, 11-к; Гавритухин, Малашев, 1998, с. 31, 85, 86, рис. 12; 13]. Проанализировав керамику из могильни-

ков Кисловодской котловины и Верхней Кубани, В. Ю. Малашев отметил, что именно для них преимущественно характерен такой тип декора, как наклепные валики [Малашев, 2001, с. 9], зафиксированные и на кувшинах-пифосах из печи № 2 поселения Варнавинское-3. Найдены трехручные кувшины в могильнике Клинь-Яр III в Кисловодской котловине, один – в катакомбе № 1 второй половины VI в., другой – в дромосе № 8 (без катакомбы) второй четверти – конца VII в. [Малашев, 2000, рис. 7, 2; Флеров, 2000, с. 33, 55, рис. 46, 1; 47, 5]. В Северной Осетии несколько сосудов, найдено в одной из гончарных печей поселения у станицы Змейской, датированных VII – началом VIII в. [Бакушев, 2019, с. 107, 113, рис. 14, 1, 2; 15, 1], еще два – в катакомбах могильника Камунта VI–IX вв. [Уварова, 1900, с. 325, табл. СХХIX, 13] и могильника V–VIII вв. у с. Хазнидон [Кузнецов, 1973, рис. 3, 16]. Трехручный кувшин найден на Верхнечирюртовском городище VI–VIII вв. в Дагестане [Магомедов, 1983, с. 118–119]. Иногда ручки на таких кувшинах, к примеру из аула Красный Восток в Карачаево-Черкесии, были очень небольших размеров и имели, по существу, декоративный характер [Биджиев, 1993, рис. 41].

Производились такие сосуды и в гончарных центрах типа Канцерской балки второй половины VII – начала VIII вв. (печах в балке Канцерка в Среднем Поднепровье и урочище Таранов яр у с. Мачухи в Поворсклье), появление которых большинство исследователей связывает с группой алан, переселившихся с Северного Кавказа. Здесь они оказались в этнически чужом для них окружении, но сумели сохранить традиционные гончарные технологические приемы, свойственные им формы сосудов и их орнаментацию. Большая часть продукции печей типа балки Канцерки соотносится с керамикой периода IIIб (около 650 – 680/720 гг.) могильника Мокрая Балка [Сміленко, 1975, с. 118–157; Брайчевська, 1961, с. 117, рис. 4; Мінаєва, 1961, с. 119–121, 128, рис. 2, 1; Кузнецов, 1992, с. 140–141; Володарець-Урбанович, 2012а, с. 135; Володарець-Урбанович, 2012б, с. 94–97; Володарець-Урбанович, 2014а, с. 51; Володарець-Урбанович, 2014б, с. 327; Макаренко, 1911, с. 117–118, рис. 98; Комар, 2018, р. 54, fig. 8, 2; Обломский, Родинкова, 2014, с. 392; Малашев, 2001, с. 48; Айбабин, 2009, с. 76, 80, 81, рис. 4, 1, 2, 4)⁹.

Три разномерных и различных по форме и декору трехручных кувшина оказались среди погребального инвентаря Галиатского склепа 1935 г. второй / третьей четверти VIII в. [Крупнов, 1938, с. 115; Кузнецов, 1962, рис. 35; Кадиева, 2012, с. 100–111]. Еще один кувшин найден в одном из склепов Джагинского скального могильника конца VII – первой половины VIII в. в окрестностях Кисловодска [Рунич, 1971, с. 169, 171, рис. 4, 3]. Отмечены их находки на Агачкалинском поселении, Верхнечирюртовском городище VII–IX вв. в Дагестане [Гмыря, 1984, с. 81;

---

⁹ Вероятно, к таким же кувшинам могла принадлежать часть фрагментов сероглиняной лощеной керамики с характерным для «канцерской» керамики орнаментом, найденных в юго-западном углу Вознесенского поминального комплекса первой четверти VIII в. в Среднем Поднепровье [Гринченко, 1950, с. 58; Брайчевська, 1961, с. 117–118; Амброз, 1982, с. 205, рис. 1, д].

Соловьев, Котеньков, 2022, с.308], на поселении Аlikононовское-1 в Кисловодской котловине [Афанасьев, 1975, с. 58, рис. 4, 5] и на Хумаринском городище VIII–X вв. в Верхнем Прикубанье [Биджиев, 1979а, с. 45, рис. 11; 11а; Биджиев, 1979б, рис. 4; Биджиев, 1982, с. 102; Биджиев, Соголайнен, 1982, с. 118, рис. 2, 4; Биджиев, 1983, с. 69, рис 44, 4].

На Таманском полуострове место находки одного кувшина-пифоса, найденного вместе с двумя причерноморскими амфорами, неизвестно [Плетнева, 1959, с. 217, прим. 10], другой найден в слое VIII–X вв. Фанагории [Атавин, 1992, с. 180, 197, рис.6, тип 2; Плетнева, 2003б, табл. 71, 14; Чхаидзе, 2012, с. 179, рис. 119, 6].

Один такой же сосуд высотой 60 см найден в Саркеле. С. А. Плетнева атрибутировала его как «специальный пифос для жидкостей» [Плетнева, 1959, с. 217–218, рис.6, 2]. В виде обломков их находки зафиксированы на Правобережном Цимлянском городище [Плетнева, 1994, с. 329, 395, рис. 58, 7, 8]. Два кувшина-пифоса, один из них высотой 70 см, происходят с Карнауховского поселения. Как отметил И. И.Ляпушкин, эти «кувшинообразные сосуды» («трехручные кувшины») были наиболее крупными, из известных ему в составе керамического комплекса салтово-маяцких поселений, имели широкое распространение в быту, предназначались для хранения продуктов и изготавливались из плотной глины с примесью дресвы, приобретшей после обжига черный, красный цвет или серый и светло-коричневый оттенок [Ляпушкин, 1958б, с. 112–114, рис. 8; Ляпушкин, 1958в, с. 273–274, 283–285, рис.13; 25; 26]. Богато украшенный лощеный кувшин-пифос с немного приподнятым носиком-сливом найден в одном из жилищ Сидоровского городища на р. Северский Донец [Кравченко, Петренко, 2010, с. 42; Кравченко, 2020, с. 103, рис. 189]. В гончарных мастерских Маяцкого селища изготавливались два варианта кувшинов-пифосов, отличающихся формой и размерами горла [Плетнева, Красильников, 1990, с. 113–114, рис. 15, в, г; 16, в–е; Винников, Плетнева, 1998, с. 153–155, рис. 61, Г, Д; Комар, 2018, р. 54, fig. 8, 5]. Известны их находки также на городище, селище и могильнике Маяцкого археологического комплекса [Михеев, 1985, с. 124, рис. 15, 19; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 134, рис. 13, 3; 15, 1; Кравченко, Петренко, 2008, с. 40, 43], «могильнике № 2» у с. Маяки [Кравченко, 2022, с. 64, рис.3, 4] и на Верхне-Салтовском городище [Бабенко, 1907, с. 396, рис. 111; Брайчевська, 1961, с.118]. Три подобных сосуда найдены в ямках-грознях Дмитриевского могильника [Плетнева, 1967б, с. 122, рис. 31, 1; Плетнева, 1989, с. 138–139, рис. 77; 79]. В.А.Сарапулкин разделил трехручные «пифосы-кувшины» с Дмитриевского могильника и Маяцкого археологического комплекса на два типа – короткогорлые и длинногорлые [Сарапулкин, 2003, с. 51, рис. 38, 3–5]. Небольшой трехручный лощеный кувшин с носиком-сливом и декоративным налепом на верхней ручке найден на поселении Новолимаревка-1 в степном Подонцовье [Красильников, 2009а, с. 108, тип Т, рис. 9, 2; Красильников, 2009б, с. 381–382, рис. 6, 27]. Два морфологически близких кувшинам-пифосам сосуда, но без следов лощения и принявших после обжига красный цвет, обнаружены на салтово-маяцком поселении Бараний Бугор

в дельте Волги (Камызякский район Астраханской области). Датированы они были концом IX – началом X в. Судя по найденному керамическому шлаку и производственному браку, здесь же они и производились [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 303–307, 309, рис. 1; 2]. Красноглиняные нелощеные трехручные кувшины-пифосы найдены также в г.Астрахани и на Сидоровском городище [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 306–308, рис.3; 2; Кравченко, 2020, с. 103, рис. 190, 1; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 242, рис. 14, 1].

В Крыму один сероглиняный, частично сохранившийся кувшин-пифос высотой не менее 40 см найден пока только на поселении Кордон-Оба [Баранов, 1990, с. 101, рис. 35, 7; Майко, 2020, с. 54, рис. 5, 7], но вопрос о существовании в этом регионе мастерских, где их производили [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 308], собственно как и центров производства лощеной салтово-маяцкой керамики вообще [Красильников, 2009а, с. 126], остается открытым [Пономарев, 2007, с. 243]. Пока что есть возможность предполагать производство в восточных районах Крыма лишь нелощеной салтово-маяцкой керамики [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 462; Пономарев, 2014б, с.239–276].

Зафиксированы находки кувшинов-пифосов и на памятниках VIII–X вв. Северо-Восточной Болгарии. Один из них, опубликованный Б. Д. Борисовым, имеет черепок красного цвета, украшен по корпусу вертикальными валиками, разделенными зонами сетчатого лощения. Боковые ручки, по его мнению, предназначались для подвешивания сосуда [Борисов, 2011, с. 40, табл. 7, в].

Таким образом, появившись на Северном Кавказе не позднее первой половины V в., трехручные лощеные кувшины и их более распространенная крупногабаритная разновидность – трехручные кувшины-пифосы изготовлялись на обширных пространствах еще на протяжении нескольких столетий. Однако и за пределами Кавказа печи, где их изготовляли (типа балки Канцерка и Маяцкое поселение), также были связаны с переселившимися в эти регионы аланами. Что касается сосудов из печей поселения Варнавинское-3, по форме, сочетанию и стилистике элементов декора они могут быть датированы в пределах второй половины (конца) VII – начала / первой половины VIII в.

Помимо кувшинов-пифосов, в последней партии изделий, обжигавшихся в печи № 2 поселения Варнавинское-3, оказался сероглиняный лощеный сосуд, верхняя часть которого была найдена в обжигательной камере. Его шейка и плечики украшены тремя рядами полуовальных вдавлений и тремя рядами «семечкообразных» вдавлений (рис. 1006, 83). Нижняя его часть не сохранилась, но, скорее всего, он относится к одной из разновидностей лощеных сосудов с двумя ручками на тулове (реже без ручек), которые, в зависимости от размеров и формы, именуют пифосы, корчаги, корчаги-пифосы, горшки-корчаги [Плетнева, 1963, с. 40; Плетнева, 1989, с. 137], иногда даже – горшки-вазы [Аксенов, 2009, с. 233, рис. 7, 3]. Такие сосуды появились в Центральном и Восточном Предкавказье уже в первых веках нашей эры. К VII в. ареал их распространения охватил Западное Предкавказье и Среднее Поднепровье (печи типа балки Канцерка). После переселения части алан в Подонье

(40-е гг. VIII в.) они распространились в пределах основного ареала салтово-маяцкой культуры и производились здесь до конца IX – начала X вв. Отмечены их находки также в Крыму и на Таманском полуострове, но в эти регионы они попадали посредством торговых контактов, в основном, видимо, из Прикубанья. В зависимости от морфологических особенностей – размеров, формы и соотношения высоты и диаметра тулова С. А. Плетнева отнесла подобные сосуды салтово-маяцкой культуры к двум видам – корчаги и пифосы, при этом корчаги были разделены на три типа, в основу которых исследовательница положила их размеры, пропорции тулова и морфологические признаки – яйцевидное или практически шаровидное тулово, «покатые или крутые» плечики, сильно или слабо загнутый, иногда вертикальный венчик [Плетнева, 1989, с. 137]. Ее классификацию принял В. А. Сарапулкин, причем к корчагам трех типов им были отнесены горшковидные и шаровидные двуручные сосуды высотой 28–38 см, а к пифосам – большие, емкостью до 60 литров, двуручные сосуды яйцевидной формы [Сарапулкин, 2003, с. 50–51, рис. 35–37, 38, 1, 2; Сарапулкин, 2010, с. 31]. Отличаются они также стилистическими элементами и композицией, нанесенного на их тулово лощеного орнамента и рельефного декора. Сосуд из гончарной печи № 2 поселения Варнавинское-3, к примеру, имел практически горизонтальные плечики, а его низкое горло завершалось сильно отогнутым округлым венчиком.

Что касается их функционального назначения, по мнению В. С. Флерова, лощеные корчаги и пифосы служили для хранения «сухих» продуктов [Флеров, 1981, с. 179]. К разряду тарной керамики они, как правило, относятся и другими исследователями.

Подобного рода сосуды «надежно диагностируют продукцию центральнокавказских гончарных мастерских» уже во II–IV вв. н. э., и, в частности, один из них (но без лощения) найден в кургане 7 Алхан-Калинского могильника в Чечне [Малашев, Мамаев, 2011, с. 241, 245, рис. 21, 3]. Похожие по форме лощеные двуручные сосуды («корчаги») найдены в погребальных комплексах II–III вв. и IV–V вв. могильника Брутского городища в Северной Осетии – Брут-2 [Габуев, 2009, с. 121, рис. 131, 3, 4; Габуев, Малашев, 2009, с. 43, 62, рис. 72, 1; 112, 4; 131, 3, 4; Володарец-Урбанович, 2012а, с. 132, рис. 3, 1, 2]. Пифос, украшенный вертикальными полосами лощения, обнаружен в слое «хазарского» периода (VII–VIII вв.) Андрейаульского городища в Дагестане [Гмыря, 1980, с. 117, рис. 7, 14]. Обнаружены они на памятниках VI–VIII вв. Терско-Сулакского междуречья [Магомедов, 1983, с. 110, 118–119, рис. 30, 15, 16]. Среди памятников более позднего периода, на которых обнаружены двуручные пифосы и корчаги, можно упомянуть поселение Подкумское-1 V–IX вв. в Кисловодской котловине [Афанасьев, 1975, с. 58, рис. 4, 3]. Найдены лощеные корчаги и на Хумаринском городище VIII–X вв. в Верхнем Прикубанье. По мнению Х. Х. Биджиева, они не были свойственны синхронным ему памятникам Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии [Биджиев, 1979б, с. 159; Биджиев, 1982, с. 119, рис. 2, 2;

Биджиев, 1983, с. 70, рис. 44, 2], хотя в другой своей статье он включил лощеные корчаги в перечень керамики, характерной для поселений VIII–X вв. Карачаево-Черкесии и Ставропольской возвышенности [Биджиев, 1989, с. 41].

К VIII–IX вв. лощеные двуручные корчаги и пифосы распространились в пределах основного ареала салтово-маяцкой культуры, а также на территории Таманского полуострова и Крыма, причем повсеместно, помимо преобладающих сероглиняных сосудов, отмечены красноглиняные и коричневоглиняные.

На Таманском полуострове они найдены как в крупных приморских центрах, так и на поселениях VIII–X вв. Сероглиняные, желтоглиняные и коричневоглиняные, украшенные лощеным орнаментом корчаги происходят из слоев VIII–X вв. Таматархи [Плетнева, 1963, с. 40, рис. 25, 4, 5, тип Д] и Фанагории [Атавин, 1992, с. 178, 186–187, рис. 4, 1; 16; 17; Чхаидзе, 2012, с. 177–178, 185, рис. 118; 124]. Сероглиняная корчага, украшенная горизонтальными бороздками и сетчатым врезным орнаментом, обнаружена на городище Кепы [Сокольский, 1963, с. 110–111, рис. 7, 4; Чхаидзе, 2006, с. 493, рис. 10, 8]. На поселении Артюшенко-I найдена оранжевоглиняная корчага, украшенная вертикальными полосами лощения, горизонтальными бороздками и многорядной врезной волной [Виноградов, 2002, с. 80, рис. 5]. Несколько сероглиняных лощеных корчаг обнаружены в хозяйственных ямах поселения Гора Чиркова-1 [Супренков, Науменко, Пономарев, 2018, с. 275–276, рис. 8, 4; Супренков, Науменко, Пономарев, 2019, с. 222, рис. 7, 4; Супренков, Науменко, Пономарев, 2020, с. 233, рис. 13, 5; 15, 10].

В Крыму ареал распространения лощеных корчаг охватил салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма. Зафиксированы их находки и в крупных приморских центрах, в частности в Сугдее [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 453, рис. 1, 1–3; Пономарев, 2014а, рис. 9, 1; Баранов, 1990, с. 101, рис. 35, 6, 9; Баранов, Майко, 2000, с. 87, рис. 7, 22; Майко, 2004, с. 194–195, рис. 107, 11; Майко, 2020, с. 49, рис. 4; 5]. Кроме того, на Керченском полуострове (поселение Героевка-3) был обнаружен такой же по форме, но nelloщенный сосуд, возможно, местная имитация привозного лощеного прототипа [Зинько, Пономарев, 2001, с. 153–154, рис. 4, 3; Пономарев, 2012, рис. 5, 2]. К продукции местных гончарных центров, скорее всего, также относится nelloщенный пифос без ручек высотой 63 см, обнаруженный в южной части Керченского полуострова на поселении «над источником» (г. Опук) [Голенко, 2007, с. 234, 240, рис. 111, 1; Пономарев, Пономарева, 2010, с. 454, рис. 1, 4].

Серией отличающихся по форме сосудов лощеные корчаги и пифосы представлены на памятниках степной и лесостепной зоны основного ареала салтово-маяцкой культуры [Флеров, 1981, с. 179; рис. 6], в том числе в Саркеле [Плетнева, 1959, с. 214, рис. 5; Плетнева, 1967, с. 118, рис. 30, 5], на Втором Крымском городище [Иванов, 2010, с. 258, рис. 8, 21], Волчанском городище [Бабенко, 1905, рис. на с. 356], Мохначанском городище [Колода, 2002, с. 72, рис. 5, 5, 6; Колода, 2005, с. 226, рис. 8, 1–3], Сидоровском городище [Кравченко, 2020, с. 102, рис. 188, 9; 190, 1; 191,

1, 3, 4, 6, 9; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 242, рис. 14, 5; 15, 6; 19, 1; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, рис. 33; 34, 1, 2], Кабановом городище [Свистун, 2013, с. 114, 199, рис. 17, 2], Семикаракорском городище [Флеров, 2017, с. 340, рис. 14, 1; Флеров, 2020, с. 248–249, 269, рис. 141, 1], поселении Пятницкое-I [Квитковский, 2013, с. 64, 158, рис. 10, 10], в гончарной печи № 3 поселения близ станицы Суворовская на р. Дон [Кияшко, 2016в, с. 139, рис на с. 139], на поселении Золотые Горки в нижнем течении Дона [Ключников, 2011, с. 109, рис. 5, 8, 9; Ключников, 2013, с. 168, 170, рис. 6, 4], на одном из поселений в устье р. Кальмиус [Кучугура, 1998, рис. 5], а также в погребальных комплексах (катакомбах, кремациях, тризнах), в том числе Волоконовского могильника [Плетнева, Николаенко, 1976, с.287–288, рис. 7, 12], Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с. 137–138, рис.77–79], могильника Красная Горка [Аксенов, 2004, с. 205, рис. 1, 13; Аксенов, 2005, с.183–185, рис. 1, 2, 4; 4, 3; Аксенов, Михеев, 2009, с. 387–389, рис. 1, 3], Нетайловского могильника [Аксенов, 2009, с. 233, 248, рис. 7, 3], могильника поселения Мохнач-Т [Колода, 2015, с. 98, рис. 1, 1], Сухогомольшанского могильника [Михеев, 1986, с.160, рис. 2, 19, 20; Аксенов, Михеев, 2006, с. 153–154, рис. 91, 8, 9; Брехач, 1999, с. 140, вид 4], Нижнелубянского могильника (Волоконовский район Белгородской области) [Володарець-Урбанович, 2012а, с. 132, рис. 3, 6], Старосалтовского могильника [Аксенов, 1999, рис. 8, 11], Верхне-Салтовского III могильника [Лаптев, 2011, с. 44, рис. 1, 9], Верхне-Салтовского IV могильника [Аксенов, 2003, с. 97, рис. 2, 3; Хоружая, 2012, рис. 6, 10; Хоружая, 2014, с. 103, рис. 6, 10] и Мандровского могильника [Винников, Сарапулкин, 2008, с. 28, 101, рис. 42, 10]. Сосудов без ручек среди них не так уж и много, в частности, лощеный пифос из коллекции Донецкого музея, условия находки которого остаются неизвестными [Кравченко, Шамрай, 2000, с. 77–78, рис 5, 3]. По технологическим и стилистическим особенностям декора (но не хронологически), пифос из печи № 2 поселения Варнавинское-3 наиболее близок двум, частично сохранившимся пифосам из Маяцкого археологического комплекса, которые в верхней части тулова были украшены двумя рядами вдавлений «лунарной» и «семечковидной» формы [Плетнева, Красильников, 1990, с. 112–113, рис. 15, а, б; Винников, Плетнева, 1998, с. 153–154, рис. 61, а, б].

Помимо памятников салтово-маяцкой культуры, фрагмент двуручной корчаги или пифоса был найден также на одновременном им городище Белгородское-I боршевской культуры на р. Воронеж [Колода, 2009, с. 64, рис. 3, 4].

Сосуды такой же формы (в т. ч. черноглиняные, оранжевоглиняные, красноглиняные, иногда без лощения) изготавливались и в более позднее время, в иной этнокультурной среде, в частности, они выявлены в кремационных захоронениях X–XIII вв. на территории Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья, в том числе в могильниках X–XII вв. Ленинохавль-1 и Черноклен [Успенский, 2015, рис.28, 3; 70, 24 71, 1; Успенский, 2016, рис. 5, 4; Пьянков, 2020, с. 165, рис. 2А, 3], Убинском могильнике [Монгайт, 1955, с. 332, 334, рис. 5; Пьянков, 2020, с. 165, рис.2А, 2], могильнике Шизе-IV XII – XIII вв. в Абинском районе Краснодарского края,

курганном могильнике XII–XIII вв. на селище Мухортова Поляна-2 в Лазаревском районе г. Сочи, курганном могильнике конца XII – XIII вв. «Кедровая роща» у пос. Кабардинка (Геленджикский район) и могильнике на р. Пшиш [Армарчук, Дмитриев, 2003, с. 217, табл. 101, 16–19, 23; Успенский, 2009, с. 378–380, рис. 1, 9, 10; Успенский, 2013, рис. 3, 23; Успенский, 2015, рис. 87, 1, 2; 90, 1, 2; 91, 2; Кочкаров, Успенский, 2019, с. 23, 35, 40, 44, 61, 63, 71, 80, рис. 6, 7; 10, 11; 16, 1; 25, 15, 16; 30, 16, 35, 13, 14; Нечипорук, 2019, с. 34, 38, рис. 5, 5; Носкова, 2010, рис. 6, 13; Носкова, 2016, с. 238, 240, рис. 1, 8; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2018, с. 63, 64, 66, рис. 2, 1; 4, 1; 6, 1].

Что касается специализации и ассортимента продукции гончарных мастерских поселения Варнавинское-3, обнаруженные в двух печах лощеные сосуды позволили утверждать, что одновременно загружавшиеся в них однотипные сосуды имели не только морфологические особенности, но и заметно отличались размерами и ни разу не повторенной во всех деталях композицией и стилистикой декора, в основу которых были положены не только различные элементы, мотивы и принципы их размещения, но и технологические приемы, сочетавшие зоны фактурного (не изменяющего толщины стенки сосуда) орнамента в виде лощеных участков и линий с элементами текстурного (вогнуто и выпукло-рельефного) декора – фигурными вдавлениями (оттисками орнамента), фигурными налепами, налепами-валиками, шипообразными выступами, врезными тонкими линиями и желобками¹⁰. Более того, можно даже предположить, что одинаковые по размерам, форме и декору сосуды гончары поселения Варнавинское-3 не производили вообще. Как совершенно верно в отношении салтово-маяцкой лощеной керамики заметила С. А. Плетнева: каждый из ее типов представлен на городищах, поселениях и в погребальных комплексах десятками вариантов – «стандартизации этих сосудов почти не существовало – каждый мастер вкладывал в изготавливаемые сосуды свою индивидуальность» [Плетнева, 1981, с. 73]. При этом В. С. Флеров уточнил, что «сосуды индивидуальных, нетрадиционных форм бытовой посуды гончары Хазарского каганата не изготавливали. Появление таких означало бы, по существу, возникновение гончарного прикладного искусства. В Хазарии гончары до этого уровня не поднялись. Не было и поиска новых орнаментов». Соответственно, за каждым из сосудов, которые пока найдены в одном экземпляре, обязательно должна стоять «серия аналогичных» [Флеров, 2001, с. 161].

Многообразие вариантов форм сосудов и их декора характеризует и лощеную керамику Северного Кавказа предсалтовского и раннесалтовского времени. Такой

---

¹⁰ В качестве основных стилистических элементов фактурного орнамента использовались вертикальная линия и косая «сетка». Фактурный и текстурный декор иногда совмещали. К числу таких его разновидностей относятся желобки с лощеной поверхностью в классификации орнаментов лощеной салтово-маяцкой керамики В. С. Флерова, названные каннелюрами [Флеров, 1990, с. 44].

же практики придерживались, видимо, и гончары поселения Варнавинское-3. Одновременно мелкими партиями они изготавливали сосуды разных форм и назначения и своей продукцией обеспечивали прежде всего жителей самого поселения, оставшаяся ее часть могла сбываться населению ближайшей округи. Какая-то часть продукции могла, конечно, попадать и в отдаленные регионы, в том числе на Таманский полуостров и в Крым. На территории этих регионов гончарные центры, производившие салтово-маяцкую лощеную керамику, пока еще не найдены, но сероглиняная (реже красноглиняная и коричневоглиняная) лощеная посуда фиксируется повсеместно, хотя и в меньшем количестве, при этом число ее находок уменьшается в западном направлении, составляя, к примеру, в Фанагории 4–5% от найденных фрагментов керамики [Атавин, 1992, с. 174; Чхаидзе, 2008, с. 195–200; Чхаидзе, 2012, с. 174–187], а на крымских памятниках – не более 2,4% [Баранов, 1990, с. 100; Зинько, Пономарев, 2009, с. 64; Майко, Сьомин, 2003, с. 49–54; Майко, 2020, с. 44–60; Винокуров, Пономарев, 2022, с. 149]. О торговых (скорее всего, опосредованных) контактах жителей поселения с такими ближайшими к ним крупными приморскими центрами, как Таматарха, Фанагория, Боспор, могут свидетельствовать находки на нем амфор крымского, возможно и средиземноморского производства, и ойнохой скалинстинского (баклинского) типа, которые также производились в Крыму. Отсюда в обмен на сельскохозяйственную и гончарную продукцию они могли получать вино, оливковое масло и другие товары.

К сожалению, все эти рассуждения остаются не более чем рабочими гипотезами и догадками, поскольку характер гончарного ремесла поселения Варнавинское-3 до конца еще не ясен, принадлежали ли гончарные печи двум или одной мастерской, являлось ли гончарство помыслом мужской части жителей поселения в системе хозяйственной деятельности отдельных семей, ориентировались ли гончары исключительно на внутриселищный спрос или уже были завязаны на рыночные отношения, хотя бы в пределах ближайшей округи. Утвердительно можно говорить только об одном, гончарный промысел жителей поселения вряд ли трансформировался к этому времени в самостоятельную отрасль производства, полностью ориентированную на обезличенный рынок. Об этом свидетельствуют как расположение самих печей (на территории поселения, пусть даже и нежилого его участка), так и их небольшие размеры. Не обнаружены рядом с ними и большие скопления производственного брака, лишь развалы сосудов из последней загрузочной партии [ср.: Красильников, Красильникова, 2010, с. 164].

При осмыслении же причин разрушения гончарных печей № 1 и № 2 возможны два сценария развития событий, в основу которых положено допущение одновременности или последовательности функционирования самих гончарных комплексов. Если предположить, что печи функционировали в разное время, то попытка объяснения внезапной остановки технологического процесса обрушением свода и стенок обжигательных камер, в том числе по причине выработки

их технологически временного ресурса прочности, вполне возможна¹¹. Но, если обе печи прекратили функционировать одновременно, такая схема развития событий вряд ли представляется реальной. Внезапная остановка технологического процесса сразу в двух печах может быть возможна только в случае форсмажорных обстоятельств, к примеру, военно-политического характера. Если это так, то спустя какое-то время печи все же попытались отремонтировать. Из них убрали часть разбившейся посуды и большую часть обрушившихся стенок обжигательных камер. Однако, по-видимому, ремонт их оказался невозможным и дальнейшие работы были прекращены. Оба гончарных комплекса были заброшены и превращены в свалки бытового мусора. Со временем, когда местонахождение засыпанных котлованов их рабочих площадок было забыто, их прорезали более поздние хозяйственные ямы.

Обе печи, отнесенные нами ко второму строительному горизонту, могут быть предварительно датированы в пределах второй половины (конца) VII – начала, может быть, и первой половины VIII в., скорее всего, не позднее переселения во второй четверти – середине (40-х гг.) VIII в. части аланского населения Северного Кавказа и Предкавказья в Донецко-Донское междуречье (верховья Дона, Северского Донца и Оскола) [Плетнева, 1989, с. 268; Плетнева, 1997, с.45; Афанасьев, 1981, с. 48–64; Афанасьев, 1992, с. 83; Кузнецов, 1992, с. 161–162; Абрамова, Магомедов, 1980, с. 139; Комар, 1999, с. 133; Албегова, 2012, с. 202–203]. Само же поселение существовало и дальше. Этот период отражают комплексы третьего строительного периода с датирующимися в широких рамках находками, включая немногочисленные фрагменты причерноморских амфор и кружальных горшков салтовского облика с линейно-волнистым врезным орнаментом.

---

¹¹ Справедливости ради отметим, что пятен вторично наложенной глины иной фактуры, которой были бы подмазаны трещины, выкрошившиеся и отвалившиеся участки на стенках и дне обжигательной камеры и стенках топочного блока, обнаружено не было, а такие текущие (сезонные) мелкие ремонты, как свидетельствуют этнографические данные, должны были проводиться каждый год. Следы неоднократных подмазок (до 3–4 раз) были, в частности, зафиксированы в печах у с. Подгаевка, с. Роголик и гончарного центра Маяцкого поселения [Красильников, 1976, с. 269–270; Красильников, 1980, с. 63; Плетнева, Красильников, 1990, с. 109]. Впрочем, на сохранившихся участках стенок обжигательных камер обеих печей поселения Варнавинское-3 зафиксированы вертикальные трещины, однако они, скорее всего, появились уже после того, как они были заброшены. Что касается еще одного слоя глины, наложенного на стенки обжигательной камеры печи № 1, двухслойная их структура могла быть предусмотрена изначально как технологически-конструктивный прием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и средние века / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 123 – 140.
- Айбабин А.И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2009. Т. 8. С. 67–87.
- Аксенов В.С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. Київ, 1999. № 2. С.137–149.
- Аксенов В.С.* К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца. // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2004. Т. 3. С. 204–212.
- Аксенов В.С.* Салтовские кремационные комплексы с конскими начельниками из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4. С. 182–198.
- Аксенов В.С.* Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовый могильник) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 231–258.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2006. Т. 5. 306 с.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 387–406.
- Аксёнов В.С.* Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2. С. 95–102.
- Албегова З.Х.* Забытое сказание о нартах (к вопросу о миграциях алан в эпоху Хазарского каганата) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации / Отв. ред. З.В. Канукова. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 199–214.
- Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-Венгерский сборник / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 204–222.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Курганные могильники. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X – XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.:Наука, 2003. С. 216–224 (Археология).
- Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции // ИГАИМК. Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 131. С. 1–118.
- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. М.-Л., 1958. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. С. 7–84.
- Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. М., 1992. Вып. 1. С. 173–211.
- Афанасьев Г.Е.* Поселения VI–IX вв. в районе Кисловодска // СА. 1975. № 3. С. 53–62.
- Афанасьев Г.Е.* Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 57–78.
- Афанасьев Г.Е.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир (Межвузовский сборник статей) /

- Отв. ред. А.Х. Магометов. Орджоникидзе: СОГУ, 1981. С. 48–64.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 200 с. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2).
- Афанасьев Г.Е.* Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ-Цхинвал: СО-ИГИ, 1992. С. 83–97 (Alanica II).
- Афанасьев Г.Е.* Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. 2013. № 3. С. 13–25.
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С.* Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. 1999. № 2. С. 106–123.
- Бабенко В.А.* Волчанское городище (Опыт исследования его в 1903 году) // Сборник Харьковского Историко-археологического общества. Харьков, 1905. Т. 16: Труды Харьковской комиссии по устройству XIII археологического съезда в г. Екатеринославе / под ред. Е.К. Редина. С. 353–357.
- Бабенко В.А.* Дополнение к докладу «Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове» // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. / под ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1907. Т. I. С. 394–410.
- Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город // Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г. / под ред. П.С. Уваровой. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. Т. I. С. 464–473.
- Бакушев М.А.* Гончарный производственный комплекс раннесредневекового времени у станицы Змейской // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-А, 2019. С. 95–117.
- Бакушев М.А., Фризен С.Ю.* Раннесредневековые погребения у станицы Змейской // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы научной конференции, Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный, 2016. С. 132–135.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 83–99.
- Биджиев Х.Х.* Раскопки городища Хумара в 1977 году (предварительная публикация) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В.И. Марковин. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979а. С. 34–62.
- Биджиев Х.Х.* Средневековая керамика Хумаринского городища (по материалам раскопок 1977 г.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В.И. Марковин. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979а. С. 154–169.
- Биджиев Х.Х.* Крепостные сооружения Хумаринского городища // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура) / Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 84–112.

- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1983. 168 с.
- Биджиев Х.Х.* Поселения древних болгар Северного Кавказа VIII–X вв. (по материалам Карачаево-Черкесии и Ставропольской возвышенности) // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1989. С. 34–45.
- Биджиев Х.Х.* Тюрки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск: Карачаево-Черкесское ПО, 1993. 376 с.
- Биджиев Х.Х., Соголайнен Н.П.* Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н. э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура) / Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 113–133.
- Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). М.: Наука, 1991. 215 с.
- Бонин А.В.* Охранно-спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 323–325.
- Борисов Б.Д.* Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.) // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского форума (19–21 июня 2010 г., Болгар) / Отв. ред. В.Н. Бахматова, Ф.Ш. Хузин. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 35–45 (Археология евразийских степей. Вып. 12).
- Брайчевська А.Т.* Розкопки гончарського горна в балці Канцерка в 1955 р. // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 114–118.
- Брехач М.Г.* Керамический комплекс могильника салтовской культуры Сухая Гомольша // Матеріали міжнародної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лесостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». Дніпропетровськ, 1999. С. 140–142.
- Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1998. 216 с.
- Винников А.З., Сарапулкин В.А.* Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.
- Виноградов Ю.А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. СПб., 2002. Т. I (XXVI). С. 73–81.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Городище Артезиан в эпоху Средневековья. М.: ИНФРА-М, 2022. 343 с.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Гончарні горни балки Канцерка // Археологія. 2011. № 4. С. 32–45.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Витоки та подальша доля Канцерської традиції // Старожитності Левобережного Подніпров'я – 2012. Київ-Полтава, 2012а. С. 128–139.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Хронология бытования канцерской гончарной посуды // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб., 2012б. С. 94–97.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Гончарные горны балки Канцерки: в поисках традиций // Производство керамики в Восточной Европе: позднеримское время – раннее Средневековье – новое время (материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 17–19 сентября 2012 г.). Харьков, 2013. Вып. 2. С. 162–165.

- Володарець-Урбанович Я.В.* Проблеми вивчення гончарних осередків типу балка Канцерка // Археологія. 2014а. № 2. С. 51–59.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Проблема функціонування гончарних осередків VII–VIII ст. басейну Дніпра // Від венедів до Русі. Збірник наукових праць на пошану доктора історичних наук Дениса Никодимовича Козака з нагоди його 70-ліття / Відп. ред. Г.Ю.Івакін. Київ: ІА НАНУ, 2014б. С. 325–338.
- Габуев Т.А.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. 468 с. (Материалы и исследования по археологии России. Вып. 11).
- Габуев Т.А.* Аланские княжеские курганы V в. н. э. у с. Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Гос. музей искусства народов Востока; Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, 2014. 184 с.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН-ТАУС, 2009. 468 с. (Материалы и исследования по археологии России, Вып. 11).
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 28–86.
- Гмыря Л.Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 105–134.
- Гмыря Л.Б.* Из истории ремесленного производства в Дагестане // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М.М. Мамаев. Махачкала: ИИЯЛ им. Г. Цадасы, 1984. С. 73–90.
- Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь: СОНАТ, 2007. 408 с.
- Голофаст Л.В.* Комплекс амфор причерноморского типа из Фанагории // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / Ред.-сост. Э.А. Хайрединаова. Симферополь, 2019. С. 39–41.
- Голофаст Л.В., Евдокимов П.А.* К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
- Голубев Л.Э., Попик Е.В.* Гончарные печи VIII–IX вв. у хут. Красная Заря (Новокубанский район Краснодарского края) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5. С. 139–147.
- Гринченко В.А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. III. С. 37–63.
- Жупанин О.Ф., Иванов А.А., Кутуков Д.В.* Исследования поселения Балка Лисовицкого-1 и усадьба (хут. Воскресенский, юго-западная окраина) в 2018–2019 гг. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2020. Вып. 18. С. 292–305.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 147–158.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь-Керчь: АДФ-Україна, 2009. 320 с. (Боспорские исследования. Supplementum 5).

- Иванов А.А.* Крымский археологический комплекс: исследования 2006–2009 гг. // Хазары: Миф и история / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2010. С. 249–274.
- Кадиева А.А.* Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. 2012. № 1. С. 100–111.
- Квитковский В.И.* Раннесредневековые жилища селища Пятницкое-I // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 58–72.
- Кияшко Я.А.* К вопросу о характере поселения Суворовское-I // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10: Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции (18–21 октября 2013 г.). С. 363–368.
- Кияшко Я.А.* Гончарно-ремесленный центр у станицы Суворовской в структуре поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону // Вестник ВолГУ. 2016а. Т. 21. № 3. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. С. 14–24.
- Кияшко Я.А.* Керамический материал гончарно-ремесленного центра салтово-маяцкой культуры у станицы Суворовской // Вестник ВолГУ. 2016б. № 2. Серия. История. Политология. Социология. С. 67–75.
- Кияшко Я.А.* Новые объекты гончарно-ремесленного производства на памятнике Суворовская I (по материалам раскопок 2012 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2016в. Т. 15. № 1. С. 137–140.
- Ключников В.В.* Золотые Горки – памятник эпохи раннего Средневековья на Нижнем Дону // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию доктора исторических наук профессора А. А. Кудрявцева / под ред. В.А. Шаповалова и др. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 101–120.
- Ключников В.В.* Помещение 2 и яма 18 на памятнике хазарского времени Золотые Горки // Хазарские древности / под ред. В.В. Ключникова, А.А. Кулакова. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 163–175.
- Козловский А.А., Симонова Е.Н., Смиленко А.Т.* Славяне и осевшие кочевники в устье Дуная в IX–X вв. // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв.ред. И. Эрдели, О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1996. С. 142–162.
- Колода В.В.* Некоторые итоги изучения нового ремесленного центра в урочище Роганина // История и археология слободской Украины. К 90-летию XII Археологического съезда (Харьков – Старый Салтов, 19–21 октября 1992 г.). Тезисы докладов конференции. Харьков, 1992. С. 127–128.
- Колода В.В.* Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2: Хазарское время. С. 219–232.
- Колода В.В.* Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 69–78.
- Колода В.В.* Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4. С. 216–233.
- Колода В.В.* Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 61–98.

- Колода В.В. Жилище и мастерская гончара на городище Мохнач // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 149–163.
- Колода В.В. Методика полевых исследований раннесредневековых горнов (на примере керамических горнов салтовской культуры) // Производство керамики в Восточной Европе: познеримское время – раннее Средневековье – Новое время (материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 17–19 сентября 2012 г.). Харьков, 2013. Вып. 2. С. 153–161.
- Колода В.В. Новий могильник салтівської культури на Харківщині // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2015. Київ, 2015. С. 97–110.
- Колода В.В., Квитковский В.И. Археологические исследования Харьковского национального педагогического университета в Харьковской области в 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007 рр. Київ: ІА НАНУ, 2009. С. 172–175.
- Колода В.В., Колода Т.А. Гончарное производство салтовского ремесленного центра в урочище Роганина // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Науч. ред. С.Д. Крыжицкий. Донецк: «Східний видавничий дом», 2000. С.117–119.
- Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ, 1999. Вып. 2. С. 111–136.
- Кострин К.В. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // СА. 1965. № 1. С. 291–293.
- Кострин К.В. Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани // СА. 1967. № 1. С. 285–289.
- Кочкаров У.Ю., Успенский П.С. Средневековый могильник Шизе-IV в Западном Закубанье. М.: ИА РАН, 2019. 160 с. (Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Т. 2).
- Кравченко Э.Е. Постройки археологического комплекса у с. Сидорово (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах. Донецк, 2011. № 25. С. 270–296.
- Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец. Казань 2020. 344 с. (Археология евразийских степей. № 4).
- Кравченко Э.Е. О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец // Поволжская археология. Казань, 2022. № 2 (40). С. 56–71.
- Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2: Хазарское время. С. 233–302.
- Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2005. Т. 4: Хазарское время. С. 261–356.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н. Исследования археологического комплекса Маяки в среднем течении Северского Донца в 2008 году // Святогірський альманах 2008. Донецьк, 2008. С. 39–47.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н. Постройки Сидоровского комплекса хазарского времени // Святогірський альманах 2010. Донецьк, 2010. С. 37–48.
- Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // Донецкая археология. Ростов-на-Дону, 2000. № 3–4. С.70–82.
- Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С.267–278.

- Красильников К.И.* Изделия из кости салтово-маяцкой культуры // СА. 1979. № 2. С. 77–91.
- Красильников К.И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 60–69.
- Красильников К.И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедончья // СА. 1981. № 4. С. 110–125.
- Красильников К.И.* Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009а. Т. 7: Хазарское время. С. 99–152.
- Красильников К.И.* Бурджане (булг-р) степного Подонцовья в составе Хазарии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009б. Т. 7. Хазарское время. С. 371–386.
- Красильников К.И., Красильникова Т.И.* Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2010. С. 153–188.
- Красильникова Т.И.* Грунтовые могильники М1 и М2 у селища салтово-маяцкой культуры Новолимаревка на реке Деркул (обзор источников) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 175–187.
- Крупнов Е.И.* Галиатский могильник как источник по истории аланов-оссов (По материалам Северокавказской экспедиции Государственного исторического музея 1935 г.) // ВДИ. 1938. № 2. С. 113–121.
- Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа / МИА. М., 1962. № 106. 137 с.
- Кузнецов В.А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. № 2. С. 60–74.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан / 2-е изд., дополн. Владикавказ: «Ир», 1992. 392 с.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. № 1. С. 393–429.
- Кучугура Л.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в устье р. Кальмиус (по материалам П.М. Пиневича и Н. Е. Макаренко) // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1998. Вып. 8. С. 44–52.
- Лантев А.А.* Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011. Вип. 1. С. 43–49, 120–124.
- Ловпаче Н.Г.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп: Меоты, 1995. 240 с.
- Лопан О.В.* Новые данные о керамике Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок / Отв. ред. А.С. Смирнов. М.: ИА РАН, 2001. С. 105–121.
- Ляпушкин И.И.* Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. М.-Л., 1958а. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I. С. 323–336.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. М.-Л., 1958б. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I. С. 85–150.
- Ляпушкин И.И.* Карнауховское поселение // МИА. М.-Л., 1958в. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I. С. 263–314.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983. 225 с.
- Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.

- Майко В.В. Лощеная керамика салтово-маяцких памятников Крыма. Анализ источниковой базы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 2020. Т. 6 (72). № 3. Серия «Исторические науки». С. 44–60.
- Майко В.В., Сьомин С.В. Аланский середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X століття // Український керамологічний журнал. Опішне, 2003. № 1 (7). С. 49–54.
- Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов. III. Полтавская губерния. 2. с. Мачехи Полтавского уезда // ИАК. СПб., 1911. Вып. 43. С. 116–118.
- Малашев В.Ю. Приложение 1. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 149–154 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3).
- Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии / Труды Клин-Ярской экспедиции II. М.: Полимедия, 2000. 52 с.
- Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: Б/и, 2001. 149 с.
- Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М.Мамаев. Грозный-Москва: ИА РАН-Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 2011. С. 234–276.
- Мамаев М.М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане // Древности Дагестана / Отв. ред. В.Г. Котович. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР ИИЯЛ, 1974. С. 169–180 (Материалы по археологии Дагестана, Т. 5).
- Мастыкова А.В. Стекланные псевдогеммы эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова / Отв. ред. В.И. Козенкова. М.: ИА РАН, 2013. С. 140–154.
- Мельник В.И. Отчет о раскопках производственного комплекса на кургане № 12 могильника Общественный-I, проведенных Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР в 1985 г. М., 1986. // Научный архив ИА РАН. Ед. хр. Р-1 11604. 92 л.
- Миллер А.А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. Л., 1927. Т. II. С. 59–122.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
- Михеев В.К., Колода В.В. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине // Вестник Харьковского университета. 1992. № 363. Серия «История». Вып. 26. С. 134–140.
- Михеев В.К., Дяченко А.Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Інформаційні повідомлення / Відп. ред. Є.В. Максимов. Київ: Наукова думка, 1972. Вип. IV. С. 275–280.
- Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.-Л., 1951. № 23. С. 273–301.
- Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1950. Вып. 2–3. С. 205–264.
- Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971. 248 с.
- Минаева Т.М. Кераміка балки Канцерки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 119–128.

- Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3. С. 158–173.
- Монгайт А.Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА. 1955. Т. XXIII. С. 321–340.
- Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–Xвв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Україна, 2009а. С. 50–57 (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Україна, 2009б. С.35–50 (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Науменко В.Е. Амфоры «причерноморского» типа на территории средневековой Таврики и Кавказа: проблемы современной атрибуции и хронологии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы и изучения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020. С. 399–401.
- Нечипорук А.А. Материалы хазарского времени кургана 5 курганной группы Холмский 25 // V«Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар, 2015. С. 187–202.
- Нечипорук А.А. Средневековые курганы на селище Мухортова Поляна 2 // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания, 2019. С. 33–66.
- Нечипорук А.А. Раннесредневековый керамический комплекс поселения Хабль-1 в Закубанье // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы и изучения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020. С. 402–404.
- Нидельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX в. (по материалам Донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2009. С. 257–282.
- Нидельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2007. С. 193–215 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
- Николаенко А.Г., Гребенюков В.И., Сарпулкин В.А. Гончарная мастерская № 1 из Ютановки // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 230–232.
- Николаенко А.Г., Сарпулкин В.А., Степовой А.В., Пашнев А.Н. Гончарный горн № 1 из Ютановки // Белогорье: краеведческий альманах. Белгород, 2006. № 5. С. 35–37.
- Николаенко А.Г., Степовой А.В. Булат из Ютановки: быль о Русском каганате и средневековом городе Арса. Волоконовка: Б/и, 2005. 40 с.
- Носкова Л.М. Средневековый могильник в пос. Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. М., 2010. Вып. 5. С. 167–200.
- Носкова Л.М. Адыгская керамика золотоордынского времени в фондах Государственного му-

- зья Востока // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 238–241.
- Обломский А.М., Родинкова В.Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 381–404.
- Пархоменко О.В.* Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология) / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 84–94.
- Паршина О.О., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарні центри Таврики VIII–X ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / Гл. ред. М.І. Гладких. Київ: Стило, 2001. С.52–81.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. М.-Л., 1959. № 75: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. С. 212–272.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
- Плетнева С.А.* Работа Северо-Донецкого отряда // Археологические открытия 1966 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1967а. С. 54–55.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. М., 1967б. № 142. 200 с.
- Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75 (Археология СССР).
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 271–396.
- Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 168 с.
- Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С. 32–63.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2000. 364 с.
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003а. 248 с.
- Плетнева С.А.* Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003б. С. 179–183 (Археология).
- Плетнева С.А., Красильников К.И.* Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1990. С. 92–139.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298.
- Пономарев Л.Ю.* Лощеная керамика салтово-маяцких поселений на городище Тиритака и в окрестностях пос. Эльтиген // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и раннего Средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2007. С. 240–245.

- Пономарев Л.Ю.* Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 67–78, 130–132.
- Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014а. Вып. I. С. 376–399.
- Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2014б. Т. 12: Хазарское время. С. 239–276.
- Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А.* Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2010. Вып. IV. С. 453–464.
- Пьянков А.В.* Абазинская гипотеза происхождения средневековых кремаций Кубано-Черноморского региона // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. А.Х. Тлеуж. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 160–165.
- Рабинович Р.А.* Гончарный горн на поселении X–XII вв. у с. Рудь // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы / Отв. ред. Н.А. Кертрару. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 99–108.
- Раппопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // МИА. М.-Л., 1959. № 75: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. С. 9–39.
- Рунич А.П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.
- Савченко Е.И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1 / Отв. ред. И.С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
- Сазанов А.В.* Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. Москва-Белгород, 2016. С. 176–179.
- Сарапулкин В.А.* Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2003. 203 с.
- Сарапулкин В.А.* Памятники археологии VIII–X веков на территории Белгородской области. Учебное пособие. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 97 с.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В., Суханов Е.В.* Новые средневековые погребения с Таманского полуострова // Боспорские исследования. Керчь-Симферополь, 2019. Вып. XXXVIII. С. 256–298.
- Свистун Г.Е.* Кабаново (Старопокровское) городище // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 107–117, 188–199.
- Смиленко А.Т.* Керамическая мастерская IX в. на левобережье дельты Дуная // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б.А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 73–78.
- Смиленко А.Т.* Спорные вопросы в изучении древностей VIII–X вв. Северо-Западного Причерноморья // Древности Юго-Запада СССР (I – середина II тысячелетия н. э.) / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 166–185.
- Смиленко А.Т., Козловский А.А.* Поселения у сел Шабо и Богатое в Одесской области // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. / Отв. ред. А.Т. Смиленко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 98–121.
- Сміленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ: Наукова думка, 1975. 211 с.

- Сокольский Н.И. Кепы // Античный город / под ред. А.И. Болтуновой. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 97–114.
- Соловьев Д.С., Котеньков С.А. Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // Археология евразийских степей. Казань, 2022. № 3. С. 304–313.
- Степовой А.В. Гончарная мастерская пункта древней металлургии – II у с. Ютановка Белгородской области // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 г.) / Отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород, 2018. С. 356–360.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 236–280.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Северо-восточный участок поселения VIII–X вв. Гора Чиркова-1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.) // Боспорские исследования. Керчь, 2018. Вып. XXXVII. С. 263–301.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. X. С. 205–248.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 2 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2020. Вып. XII. С. 221–268.
- Суханов Е.В. Формы «причерноморских» амфор VIII–X вв. // РА. 2017. № 3. С. 89–104.
- Суханов Е.В. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 годов) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. М.: ИА РАН, 2020. С. 163–192.
- Суханов Е.В., Свиридов А.Н. Новые раннесредневековые погребения с территории Западного Предкавказья // РА. 2018. № 4. С. 114–129.
- Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиция и современность / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983а. Вып. II. С. 148–155.
- Тарабанов В.А. Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии памятников степной зоны Северного Кавказа / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1983б. С. 93–97.
- Тельнов Н.П., Чеботаренко Г.Ф. Гончарная мастерская с поселения у с. Ганск // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 72–76.
- Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Т. VIII. 381 с.
- Успенский П.С. Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 377–381.
- Успенский П.С. Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда) // РА. 2013. № 4. С. 86–98.
- Успенский П.С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 331 с.

- Успенский П.С.* Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей VIII–XIII вв.) // РА. 2016. № 4. С. 30–47.
- Флеров В.С.* Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. София, 1981. Т. 2. С. 170–181.
- Флеров В.С.* Орнаменты салтово-маяцкой лощеной керамики // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 42–61, 188–189.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с. (Труды Клино-Ярской экспедиции I).
- Флеров В.С.* Лощеные миски, блюда, чаши и кубышки Хазарского каганата // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 159–184.
- Флеров В.С.* Местная керамика Семикаракорской крепости // Археология евразийских степей. Казань, 2017. № 1. С. 336–377.
- Флеров В.С.* Фортификация Хазарского каганата на Нижнем Дону. Семикаракорское городище. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 376 с.
- Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю.* Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2012. Т. 11: Золотоордынское время. С. 125–192.
- Хоружа М.В.* Похороня в дромосі катакомб Верхньосалтівського могильника // Археологія. 2014. № 2. С. 99–109.
- Хоружая М.В.* Попытка интерпретации погребений в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника // Восточноевропейские древности / Отв. ред. В.Д. Разуваев. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 219–230 (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. Вып. 2).
- Чеботаренко Г.Ф.* Раскопки на поселении у с. Молешты Кутузовского района // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. / Отв. ред. В.А. Дергачев, И.А. Борзика. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 183–192.
- Чахидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. М., 2006. Т. 10. С. 487–517.
- Чахидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 329 с.
- Чахидзе В.Н.* Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
- Шишилов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.* Особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа в XII–XIII вв. (По материалам курганного могильника «Кедровая роща») // ЛЕПТОН. Сборник статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова / Ред.-сост. Н.В. Малахов. Армавир-Краснодар: Издатель В. Е. Шурыгин, 2018. С. 61–71.
- Якименко Е.В.* Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 51–66.
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
- Komar O.* Archaeological and Archaeomagnetic Dating of Early Medieval Kantsyrka Type Pottery // Archaeologia Bulgarica. Sofia, 2018. Т. XXII. № 3. С. 39–70.

REFERENCES

- Abramova M.P., Magomedov M.G. O proiskhozhdenii kul'tury Andrei-aul'skogo gorodishcha. *Markovin V.I. (Ed.). Severnyi Kavkaz v drevnosti i srednie veka*, Moskva: Nauka Publ., 1980, pp. 123–140.
- Aibabin A.I. Rannie khazarskie arkheologicheskie pamiatniki v Severnom Prichernomor'e. *Khazarskii al'manakh*. Kiev-Khar'kov, 2009, vol. 8, pp. 67–87.
- Aksenov V.S. Starsosaltovskii katakombnyi mogil'nik. *Vita Antiqua*, Kiiv, 1999, vol. 2, pp. 137–149.
- Aksenov V.S. K voprosu o semantike nekotorykh zhenskikh naborov ukrasheniia saltovskogo vremeni iz basseina Severskogo Dontsa. *Khazarskii al'manakh*, Kiev-Khar'kov, 2004, vol. 3, pp. 204–212.
- Aksenov V.S. Saltovskie krematsionnye komplekсы s konskimi nachel'nikami iz basseina Severskogo Dontsa. *Khazarskii al'manakh*, Kiev-Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 182–198.
- Aksenov V.S. Issledovaniia rannesrednevekovykh zakhoroneniia bliz sela Metallovka v 2006 godu (Netailovskii gruntovyi mogil'nik). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, Donetsk, 2009, vol.7: Khazarskoe vremia, pp. 231–258.
- Aksenov V.S., Mikheev V.K. Naselenie Khazarskogo kaganata v pamiatnikakh istorii i kul'tury. «Sukhogomol'shanskii mogil'nik VIII–X vv.». *Khazarskii al'manakh*, Kiev-Khar'kov, 2006, vol. 5, 306 p.
- Aksenov V.S., Mikheev V.K. Pogrebeniia so slozhnosostavnymi lukami biritual'nogo mogil'nika Krasnaia Gorka saltovskoi kul'tury. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, Donetsk, 2009, vol.7: Khazarskoe vremia, pp. 387–406.
- Aks'onov V.S. Sidiache pokhovannia z alans'kogo katakombnogo mogil'niki bilia s. Verkhonii Saltiv. *Arkheologichnii litopis Livoberezhnoi Ukraini*, Poltava, 2003, vol. 2, pp. 95–102.
- Albegova Z.Kh. Zabytoe skazanie o nartakh (k voprosu o migratsiia khazanov v epokhu Khazarskogo kaganata). *Kanukova Z.V. (Ed.). Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*, Vladikavkaz: IPO SOIGSI Press, 2012, pp. 199–214.
- Ambroz A.K. O Voznesenskom komplekse VIII v. na Dnepre – vopros interpretatsii. *Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Ed.). Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov. Sovetsko-Vengerskii sbornik*. Moskva: Nauka Publ., 1982, pp. 204–222.
- Armarchuk E.A., Dmitriev A.V. Kurgannye mogil'niki. Pamiatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X – XIII vv. *Makarova T.I., Pletneva S.A. (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV–XIII veka*. Moskva: Nauka Publ., 2003, pp. 216–224 (Arkheologiya).
- Artamonov M.I. Srednevekovye poseleniia na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoi ekspeditsii. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*. Leningrad: OGIZ Publ., 1935, vol. 131, pp. 1–118.
- Artamonov M.I. Sarkel – Belaia Vezha. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. I, pp. 7–84.
- Atavin A.G. Loshchenaiia keramika srednevekovoi Fanagorii. *Bosporskii sbornik*. Moskva, 1992, vol. 1, pp. 173–211.
- Afnas'ev G.E. Poseleniia VI–IX vv. v raione Kislovodska. *Sovetskaia arkheologiya*, 1975, vol. 3, pp. 53–62.
- Afnas'ev G.E. Keramika Mokroi Balki. *Pletneva S.A. (Ed.). Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei*, Moskva: Nauka Publ., 1980, pp. 57–78.
- Afnas'ev G.E. K voprosu o proiskhozhdenii alanskogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury //

- Magometov A. Kh. (Ed.). *Antichnye gosudarstva i varvarkii mir (Mezhvuzovskii sbornik statei)*. Ordzhonikidze: SOGU Press, 1981, pp. 48–64.
- Afanas'ev G.E. *Naselenie lesostepnoi zony basseina srednego Dona v VIII–Kh vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury)*. Moskva: Nauka Publ., 1987, 200 p. (Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh, vol. 2).
- Afanas'ev G.E. Etnicheskie aspekty genezisa katakombnogo obriada pogrebenii v saltovo-maiatskoi kul'ture. *Tmenov V. Kh. (Ed.). Alany i Kavkaz*. Vladikavkaz-Tskhinval: SOIGI Press, 1992, pp. 83–97 (Alanica II).
- Afanas'ev G.E. Kukhonnaia posuda saltovo-maiatskoi kul'tury – etnomarkiruiushchii priznak? *Rossiiskaia arkheologiia*, 2013, vol. 3, pp. 13–25.
- Afanas'ev G.E., Zot'ko M.R., Korobov D.S. Pervye shagi «kosmicheskoi arkheologii» v Rossii (k deshifrovke Maiatskogo selishcha). *Rossiiskaia arkheologiia*, 1999, vol. 2, pp. 106–123.
- Babenko V.A. Volchanskoe gorodishche (Opyt issledovaniia ego v 1903 godu). Redin E.K. (Ed.). *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-arkheologicheskogo obshchestva*. Khar'kov, 1905, vol. 16: Trudy Khar'kovskoi komissii po ustroistvu XIII arkheologicheskogo s"ezda v g.Ekaterinoslave, pp. 353–357.
- Babenko V.A. Dopolnenie k dokladu «Chto dali novogo raskopki v Verkhnem Saltove». *Uvarova P.S. (Ed.). Trudy XIII arkheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave v 1905 g.* Moskva: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1907, vol. I, pp. 394–410.
- Babenko V.A. Pamiatniki Khazarskoi kul'tury na iuge Rossii. Kamennyi gorod. *Uvarova P.S. (Ed.). Trudy XV arkheologicheskogo s"ezda v Novgorode, 1911 g.* Moskva: Tipografia G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1914, vol. I, pp. 464–473.
- Bakushev M.A. Goncharnyi proizvodstvennyi kompleks rannesrednevekovogo vremeni u stanitsy Zmeiskoi. *Fidarov R.F. (Ed.). Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii*. Vladikavkaz: Institut istorii i arkheologii RSO-A Press, 2019, pp. 95–117.
- Bakushev M.A., Frizen S.Iu. Rannesrednevekovye pogrebeniia u stanitsy Zmeiskoi. *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediiia narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, Groznyi, 18–21 aprelia 2016 g.* Groznyi, 2016, pp. 132–135.
- Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*, Kiev: Naukova dumka Publ., 1990. 168 p.
- Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizonty Sudakskogo gorodishcha serediny VIII – pervoi poloviny X v. *B"lgarite v Severnoto Prichernomorie*. Veliko T"rnovo, 2000, vol. VII, pp. 83–99.
- Bidzhiev Kh.Kh. Raskopki gorodishcha Khumara v 1977 godu (Predvaritel'naia publikatsiia). *Markovin V.I. (Ed.). Voprosy srednevekovoi istorii narodov Karachaevo-Cherkessii*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII ekonomiki, istorii, iazyka i literatury Press, 1979a, pp. 34–62.
- Bidzhiev Kh.Kh. Srednevekovaia keramika Khumarinskogo gorodishcha (Po materialam raskopok 1977 g.). *Markovin V.I. (Ed.). Voprosy srednevekovoi istorii narodov Karachaevo-Cherkessii*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII ekonomiki, istorii, iazyka i literatury Press, 1979a, pp. 154–169.
- Bidzhiev Kh.Kh. Kepostnye sooruzheniia Khumarinskogo gorodishcha. *Alekseeva E.P. (Ed.). Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkessii (Material'naia i dukhovnaia kul'tura)*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki Press, 1982, pp. 84–112.
- Bidzhiev Kh.Kh. *Khumarinskoe gorodishche*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva Publ., 1983, 168 p.

- Bidzhiev Kh.Kh. Poseleniia drevnikh bolgar Severnogo Kavkaza VIII–X vv. (po materialam Karachaevo-Cherkessii i Stavropol'skoi vozvyshechnosti). *Khalikov A. Kh. (Ed.). Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope*. Kazan': IILi KF AN SSSR Publ., 1989, pp. 34–45.
- Bidzhiev Kh.Kh. *Tiurki Severnogo Kavkaza (Bolgary, khazary, karachaevtsy, balkartsy, kумыki, nogaitsty: voprosy istorii i kul'tury)*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe PO Publ., 1993, 376p.
- Bidzhiev Kh.Kh., Sovolainen N.P. Keramika Khumarinskogo gorodishcha VIII–X vv. n. e. *Alekseeva E.P. (Ed.). Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkessii (Material'naia i dukhovnaia kul'tura)*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki Press, 1982, pp. 113–133.
- Bobrinskii A.A. *Goncharnye masterskie i gorny Vostochnoi Evropy (po materialam II–V vv. n. e.)*. Moskva: Nauka Publ., 1991, 215 p.
- Bonin A.V. Okhranno-spatatel'nye raboty 2010–2013 gg. v Anape, Novorossiiske i Krymskom raione Krasnodarskogo kraia. *Lopatin N.V. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 godov*. Moskva: IA RAN Publ., 2015, pp. 323–325.
- Borisov B.D. Keramika Dunaiskoi Bolgarii (VIII–X vv.). *Bakhmatova V.N., Khuzin F. Sh. (Ed.). Bolgarskii forum I. Materialy Mezhdunarodnogo Bolgarskogo foruma (19–21 iunია 2010, Bolgar)*. Kazan': OOO «Foliant» Publ., 2011, pp. 35–45 (Arkheologiia evraziiskikh stepei, vol. 12).
- Braichevs'ka A.T. Rozkopki gonchars'kogo gorna v baltsi Kantserka v 1955 r. *Arkheologiia*, 1961, vol. XIII, pp. 114–118.
- Brekhach M.G. Keramicheskii kompleks mogil'nika saltovskoi kul'tury Sukhaia Gomol'sha. *Materiali mizhnarodnoi konferentsii «Etnichna istoriia ta kul'tura naseleunia stepu ta lesostepu Evrazii (vid kam'ianogo viku po ranne seredn'ovichchia)»*. Dnipropetrovs'k, 1999, pp. 140–142.
- Vinnikov A.Z., Pletneva S.A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Press, 1998, 216 p.
- Vinnikov A.Z., Sarapulkin V.A. *Bolgary v Pooskol'e (Mandrovskii mogil'nik)*. Voronezh: VGPU Press, 2008, 107 p.
- Vinogradov Iu.A. Saltovo-maiatskie komplekсы poseleniia Artiushchenko I na Tamanskom poluostrove. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaia seriia*. Sankt-Peterburg, 2002, vol. I (XXVI), pp. 73–81.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. *Gorodishche Artezian v epokhu srednevekov'ia*. Moskva: INFRA-M Publ., 2022, 343 p.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Goncharni gorni balki Kantserka. *Arkheologiia*. 2011, vol. 4, pp. 32–45.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Vitoki ta podal'sha dolia Kantsers'koi traditsii. *Starozhitnosti Levoberezhnogo Podniprovia – 2012*. Kiiv-Poltava, 2012a, pp. 128–139.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Khronologiia bytovaniia kantserskoi goncharnoi posudy. *Slaviane vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia Ivana Ivanovicha Liapushkina (1902–1968)*. Sankt-Peterburg, 3–5 dekabria 2012 g. Sankt-Peterburg, 2012b, pp. 94–97.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Goncharnye gorny balki Kantserki: v poiskakh traditsii. *Proizvodstvo keramiki v Vostochnoi Evrope: pozdnerimskoe vremia – rannee srednevekov'e – novoe vremia (materialy polevogo seminara na baze ekspeditsii vogle s. Voitenki 17–19 sentiabria 2012 g.)*. Khar'kov, 2013, vol. 2, pp. 162–165.

- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Problemi vivchennia goncharnikh oseredkiv tipu balka Kantserka. *Arkheologiya*, 2014a, vol. 2, pp. 51–59.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Problema funktsionuvannia goncharnikh oseredkiv VII–VIII st. baseinu Dnepra. *Ivakin G. Iu. (Ed.). Vid venediv do Rusi. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu doktora istorichnikh nauk Denisa Nikodimovicha Kozaka z nagodi iogo 70-littia*. Kiiv: IA NANU Publ., 2014b, pp. 325–338.
- Gabuev T.A. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moskva: TAUS Publ., 2009, 468 p. (Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii, vol. 11).
- Gabuev T.A. *Alanskie kniazheskie kurgany V v. n. e. u s. Brut v Severnoi Osetii*. Vladikavkaz: Gos. muzei iskusstva narodov Vostoka; Institut istorii i arkheologii Respubliki Severnaia Osetiia-Alaniia Press, 2014, 184 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Iu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moskva: IA RAN-TAUS Publ., 2009, 468 p. (Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii, vol. 11).
- Gavritukhin I.O., Malashev V.Iu. Perspektivy izuchennia khronologii rannesrednevekovykh drevnostei Kislovodskoi kotloviny. *Stashenkov D.A. (Ed.). Kul'tury Evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n. e. (voprosy khronologii). Materialy II Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii 17–20 noiabria 1997 g.* Samara, 1998, pp. 28–86.
- Gmyria L.B. Stolovaia keramika Andreiaul'skogo gorodishcha (tipologiya i stratigrafia). Pletneva S.A. (Ed.). *Srednevekoveye drevnosti evraziiskikh stepei*. Moskva: Nauka Publ., 1980, pp. 105–134.
- Gmyria L.B. Iz istorii remeslennogo proizvodstva v Dagestane. *Mammaev M.M. (Ed.). Drevnie promysly, remeslo i trgovlia v Dagestane*. Makhachkala: IIIaL im. G. Tsadasy Press, 1984, pp. 73–90.
- Golenko V.K. *Drevnii Kimmerik i ego okruga*. Simferopol': SONAT Publ., 2007, 408 p.
- Golofast L.V. Kompleks amfor prichernomorskogo tipa iz Fanagorii. *Khairidinova E.A. (Ed.). Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A. I. Aibabina*. Simferopol', 2019, pp. 39–41.
- Golofast L.V., Evdokimov P.A. K voprosu o vremeni bytovaniia amfor s melkim zonal'nym rifleniem (po materialam raskopok v Fanagorii). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2019, vol. XXIV, pp. 186–216.
- Golubev L.E., Popik E.V. Goncharnye pechi VIII–IX vv. u khut. Krasnaia Zoria (Novokubanskii raion Krasnodarskogo kraia). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*. Armavir, 2005, vol. 5, pp. 139–147.
- Grinchenko V.A. Pam'iatka VIII st. kolo s. Voznesenki na Zaporizhzhii. *Arkheologiya*. 1950, vol. III, pp. 37–63.
- Zhupanin O.F., Ivanov A.A., Kutukov D.V. Issledovaniia poseleniia «Balka Lisovitskogo 1» i «usad'ba (khut. Voskresenskii, IuZ okraina)» v 2018–2019 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*. Armavir, 2020, vol. 18, pp. 292–305.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Issledovanie rannesrednevekovykh pamiatnikov v okrestnostiakh poselka Geroevskoe. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol', 2001, vol. I, pp. 147–158.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina Publ., 2009, 320 p. (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Ivanov A.A. Krymskii arkheologicheskii kompleks: issledovaniia 2006–2009 gg. *Petrukhin V. Ia. (Ed.).*

- Khazary: Mifi istoriia*. Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2010, pp. 249–274.
- Kadieva A.A. Khronologicheskie indikatory v pogrebal'nom inventare Galiatskogo sklepa 1935 g. v Digorskom ushchel'e (Severnaia Osetiia). *Rossiiskaia arkhologiia*, 2012, vol. 1, pp. 100–111.
- Kvitkovskii V.I. Rannesrednevekoveye zhlisshcha selisshcha Piatnitskoe-I. *Saltovo-maiats'ka arkhologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2013, vol. 3, pp. 58–72.
- Kiiashko Ia.A. K voprosu o kharaktere poseleniia Suvorovskoe I. *Arkheologiia Vostochno-Evropeiskoi stepi*. Saratov, 2013, vol. 10: Materialy IV Nizhnevolzhskoi mezhdunarodnoi arkhologicheskoi konferentsii (18–21 oktiabria 2013 g.), pp. 363–368.
- Kiiashko Ia.A. Goncharno-remeslennyi tsentr u stanitsy Suvorovskoi v strukture poselenceskikh pamiatnikov saltovo-maiatskoi kul'tury na Nizhnem Donu. *Vestnik VolGU*, 2016a, vol. 21, №3, Serii 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 14–24.
- Kiiashko Ia.A. Keramicheskii material goncharno-remeslennogo tsentra saltovo-maiatskoi kul'tury u stanitsy Suvorovskoi. *Vestnik VolGU*. 2016b, № 2, Serii 4: Istoriia, Politologiia, Sotsiologiia, pp. 67–75.
- Kiiashko Ia.A. Novye ob'ekty goncharno-remeslennogo proizvodstva na pamiatnike Suvorovskaia I (po materialam raskopok 2012 g.). *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik*. Volgograd, 2016v, vol. 15, № 1, pp. 137–140.
- Kliuchnikov V.V. Zolotyie Gorki – pamiatnik epokhi rannego srednevekov'ia na Nizhnem Donu. *Shapovalov V.A. i dr. (Ed.). Materialy i issledovaniia po otechestvennoi i zarubezhnoi istorii: K 70-letiiu doktora istoricheskikh nauk professora A. A. Kudriavtseva*. Stavropol': Izd-vo SGU Press, 2011, pp. 101–120.
- Kliuchnikov V.V. Pomeschenie 2 i iama 18 na pamiatnike khazarskogo vremeni Zolotyie Gorki. *Kliuchnikov V.V., Kulakov A.A. (Ed.). Khazarskie drevnosti*. Aksai: Aksaiskii voenno-istoricheskii muzei Press, 2013, pp. 163–175.
- Kozlovskii A.A., Simonova E.N., Smilenko A.T. Slaviane i osevshie kochevniki v ust'e Dunaia v IX–Kh vv. *Erdeli I., Prikhodniuk O.M. (Ed.). Materialy I tys. n. e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1996, pp. 142–162.
- Koloda V.V. Nekotorye itogi izucheniia novogo remeslennogo tsentra v urochishche Roganina. *Istoriia i arkheologiia slobodskoi Ukrainy. K 90-letiiu XII Arkheologicheskogo s'ezda (Khar'kov – Staryi Saltov, 19–21 oktiabria 1992 g.). Tezisy dokladov konferentsii*. Khar'kov, 1992, pp. 127–128.
- Koloda V.V. Saltovskoe goncharnoe proizvodstvo (po materialam remeslennogo tsentra v urochishche Roganina). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2: Khazarskoe vremia, pp. 219–232.
- Koloda V.V. Usad'ba srednevekovogo kuznetsa na Mokhnachanskom gorodishche. *Khazarskii al'manakh*. Khar'kov, 2002, vol. 1, pp. 69–78.
- Koloda V.V. Novye materialy k probleme osedaniia srednevekovykh kochevnikov: kriterii vydeleniia i podkhody k resheniiu (na primere issledovaniia gorodishcha Mokhnach). *Khazarskii al'manakh*. Kiev-Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 216–233.
- Koloda V.V. Vliianie traditsii saltovskogo goncharnogo proizvodstva na keramicheskii kompleks borshevskoi kul'tury Podon'ia. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009, vol. 7: Khazarskoe vremia, pp. 61–98.
- Koloda V.V. Zhilishche i masterskaia gonchara na gorodishche Mokhnach. *Verkhnedonskoi arkhologicheskii sbornik*. Lipetsk, 2010, vol. 5, pp. 149–163.
- Koloda V.V. Metodika polevykh issledovaniia rannesrednevekovykh gornov (na primere

- keramicheskikh gornov saltovskoi kul'tury). *Proizvodstvo keramiki v Vostochnoi Evrope: pozdnerimskoe vremia – rannee srednevekov'e – novoe vremia (materialy polevogo seminara na baze ekspeditsii vozle s. Voitenki 17–19 sentiabria 2012 g.)*. Khar'kov, 2013, vol. 2, pp.153–161.
- Koloda V.V. Novii mogil'nik saltiv'skoï kul'turi na Kharkivshchini. *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovia – 2015*. Kiïv, 2015, pp. 97–110.
- Koloda V.V., Kvitkovskii V.I. Arkheologicheskie issledovaniia Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta v Khar'kovskoi oblasti v 2007 g. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2006–2007 rr.* Kiïv: IA NANU Publ., 2009, pp. 172–175.
- Koloda V.V., Koloda T.A. Goncharnoe proizvodstvo saltovskogo remeslennogo tsentra v urochishche Roganina. *Kryzhitskii S.D. (Ed.). Arkheologiia i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii*. Donetsk: «Skhidnii vidavnicnii dom» Publ., 2000, pp. 117–119.
- Komar A.V. Predsaltovskii i rannesaltovskii gorizonty Vostochnoi Evropy (voprosy khronologii). *Vita Antiqua*. Kiïv, 1999, vol. 2, pp. 111–136.
- Kostrin K.V. Issledovanie nefiti iz srednevekovykh amfor, naidennykh bliz stanitsy Proletarskoi. *Sovetskaia arkheologiia*, 1965, vol. 1, pp. 291–293.
- Kostrin K.V. Issledovanie smolistogo veshchestva iz «chernosmolennykh» kuvshinov srednevekovoi Tmutarakani. *Sovetskaia arkheologiia*, 1967, vol. 1, pp. 285–289.
- Kochkarov U.Iu, Uspenskii P.S. *Srednevekovyi mogil'nik Shize-IV v Zapadnom Zakuban'e*. Moskva: IA RAN Publ., 2019, 160 p. (Trudy Severo-Kavkazskoi (Donskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. 2).
- Kravchenko E.E. Postroiки arkheologicheskogo kompleksa u s. Sidorovo (srednee techenie Severskogo Dontsa). *Arkheologicheskii al'manakh*. Donetsk, 2011, vol. 25, pp. 270–296.
- Kravchenko E.E. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets*. Kazan', 2020, 344 p. (Arkheologiia Evraziiskikh stepei, vol. 4).
- Kravchenko E.E. O zakhoroneniakh po obriadu krematsii v srednem techenii r. Severskii Donets. *Povolzhskaia arkheologiia*. Kazan', 2022, vol. 2 (40), pp. 56–71.
- Kravchenko E.E., Davydenko V.V. Sidorovskoe gorodishche. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2: Khazarskoe vremia, pp. 233–302.
- Kravchenko E.E., Miroshnichenko V.V., Petrenko A.N., Davydenko V.V. Issledovaniia arkheologicheskogo kompleksa u s. Sidorovo (materialy ekspeditsii 2001–2003 gg.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2005, vol. 4: Khazarskoe vremia, pp. 261–356.
- Kravchenko E.E., Petrenko A.N. Issledovaniia arkheologicheskogo kompleksa Maiaki v srednem techenii Severskogo Dontsa v 2008 godu. *Sviatogirs'kii al'manakh 2008*. Donetsk, 2008, pp.39–47.
- Kravchenko E.E., Petrenko A.N. Postroiки Sidorovskogo kompleksa khazarskogo vremeni. *Sviatogirs'kii al'manakh 2010*. Donetsk, 2010, pp. 37–48.
- Kravchenko E.E., Shamrai A.V. Pogrebal'nye komplekсы khazarskogo vremeni s baklagami s territorii Donskoi oblasti. *Donetskaia arkheologiia*. Rostov-na-Donu, 2000, vol. 3–4, pp. 70–82.
- Krasil'nikov K.I. Goncharnaia masterskaia saltovo-maiatskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiia*, 1976, vol. 3, pp. 267–278.
- Krasil'nikov K.I. Izdeliia iz kosti saltovo-maiatskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiia*, 1979, vol.2, pp. 77–91.
- Krasil'nikov K.I. Novye dannye o goncharnom proizvodstve v saltovskoe vremia na Severskom

- Dontse. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1980, vol. 160, pp. 60–69.
- Krasil'nikov K.I. Voznikovenie osedlosti u parbolgar Srednedonech'ia. *Sovetskaia arkheologiia*, 1981, vol. 4, pp. 110–125.
- Krasil'nikov K.I. Loshchenaia keramika iz stepnogo massiva saltovo-maiatskoi kul'tury (tipologiia, tekhnologiia, ornamentika, kleima). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009a, vol. 7: Khazarskoe vremia, pp. 99–152.
- Krasil'nikov K.I. Burdzhane (bulg-r) stepnogo Podontsov'ia v sostave Khazarii. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009b, vol. 7: Khazarskoe vremia, pp. 371–386.
- Krasil'nikov K.I., Krasil'nikova T.I. Identifitsiruiushchie priznaki naseleniia stepnogo Podontsov'ia v strukture Khazarskogo kaganata. *Nosenko-Shtein E.E., Petrukhin V.Ia. (Ed.). Khazary: mifi i istoriia*. Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2010, pp. 153–188.
- Krasil'nikova T.I. Gruntovye mogil'niki M¹ i M² u selishcha saltovo-maiatskoi kul'tury Novolimarevka na reke Derkul (obzor istochnikov). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*, Lipetsk, 2010, vol. 5, pp. 175–187.
- Krupnov E.I. Galiatskii mogil'nik kak istochnik po istorii alanov-ossov (Po materialam Severokavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 1935 g.). *Vestnik Drevnei istorii*, 1938, vol. 2, pp. 113–121.
- Kuznetsov V.A. Alanskie plemena Severnogo Kavkaza. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva, 1962, vol. 106, 137 p.
- Kuznetsov V.A. Alanskaia kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza i ee lokal'nye varianty v V–XIII vv. *Sovetskaia arkheologiia*, 1973, vol. 2, pp. 60–74.
- Kuznetsov V.A. *Ocherki istorii alan, 2-e izd., dopoln.* Vladikavkaz: «Ir» Publ., 1992, 392 p.
- Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2010, vol. 1, pp. 393–429.
- Kuchugura L.I. Pamiatniki saltovo-maiatskoi kul'tury v ust'e r. Kal'mius (po materialam P. M. Pinevicha i N. E. Makarenko). *Donetskii arkheologicheskii sbornik*. Donetsk, 1998, vol. 8, pp. 44–52.
- Laptev A.A. Trizny v kul'turnom sloe saltovskikh katakombnykh mogil'nikov. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vivchennia na Kharkivshchini*. Kharkiv, 2011, vol. 1, pp. 43–49, 120–124.
- Lovpache N.G. *Khudozhestvennaia keramika srednevekovoi Adygei*. Maikop: Meoty Publ., 1995, 240 p.
- Lopan O.V. Novye dannye o keramike Maiatskogo selishcha. *Smirnov A.S. (Ed.). Praktika i teoriia arkheologicheskikh issledovaniia. Trudy otdela okhrannykh raskopok*. Moskva.: IA RAN Publ., 2001, pp. 105–121.
- Liapushkin I.I. Srednevekovoe poselenie bliz st. Suvorovskoi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958a, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii vol. I, pp. 323–336.
- Liapushkin I.I. Pamiatniki saltovo-maiatskoi kul'tury v basseine r. Dona. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958b, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. I, pp. 85–150.
- Liapushkin I.I. Karnaukhovskoe poselenie. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958v, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. I, pp. 263–314.
- Magomedov M.G. *Obrazovanie Khazarskogo kaganata. Po materialam arkheologicheskikh issledovaniia i pis'mennym dannym*. Moskva: Nauka Publ., 1983, 225 p.

- Maiko V.V. *Srednevekovee gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu*. Kiev: Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
- Maiko V.V. Loshchenaiia keramika saltovo-maiatskikh pamiatnikov Kryma. Analiz istochnikovoi bazy. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*, 2020, vol. 6 (72), № 3, Seriiia «istoricheskie nauki», pp. 44–60.
- Maiko V.V., S'omin S.V. Alans'kii seredn'ovichnii posud Krimu VIII – pershoi polovini X stolittia. *Ukrains'kii keramologichnii zhurnal*. Opishne, 2003, vol. 1 (7), pp. 49–54.
- Makarenko N.E. Arkheologicheskie issledovaniia 1907–1909 godov. III. Poltavskaiia guberniia. 2. s. Machekhi Poltavskogo uezda. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*. Sankt-Peterburg, 1911, vol. 43, pp. 116–118.
- Malashev V.Iu. Prilozhenie I. Keramika kak osnova periodizatsii mogil'nika Mokraia balka. *Gavritukhin I.O., Oblomskii A.M. Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst*. Moskva: IA RAN Publ., 1996, pp. 149–154 (Rannelslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei, vol. 3).
- Malashev V.Iu. *Rannelsrednevekovaia keramika mogil'nika Klin-Iar III. Voprosy khronologii*. Moskva: Polimediia Publ., 2000, 52 p. (Trudy Klin-Iarskoi ekspeditsii II).
- Malashev V.Iu. *Keramika rannelsrednevekovoego mogil'nika Mokraia Balka*. Moskva: B/i, 2001, 149 p.
- Malashev V.Iu., Mamaev Kh.M. Alkhan-Kalinskii mogil'nik (materialy raskopok 1937–1938gg.). *Mamaev Kh.M. (Ed.). Voprosy drevnei i srednevekovoii arkheologii Kavkaza*. Grozni-Moskva: IA RAN-Institut gumanitarnykh issledovaniia AN ChR Publ., 2011, pp. 234–276.
- Mammaev M.M. Nekotorye voprosy organizatsii remesla v rannelsrednevekovom Dagestane. *Kotovitch V.G. (Ed.). Drevnosti Dagestana*. Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR IIIaL, 1974, pp. 169–180 (Materialy po arkheologii Dagestana, vol. 5).
- Mastykova A.V. Stekliannye psevdogemmy epokhi velikogo pereseleniia narodov na Severnom Kavkaze. *Kozenkova V.I. (Ed.). Ocherki srednevekovoii arkheologii Kavkaza: k 85-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Kuznetsova*. Moskva: IA RAN Publ., 2013, pp. 140–154.
- Mel'nik V.I. Otchet o raskopkakh proizvodstvennogo kompleksa na kurgane № 12 mogil'nika Obshchestvennyi I, provedennykh Severo-Kavkazskoi ekspeditsiei IA AN SSSR v 1985 g. Moskva, 1986. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*, Ed. khr., R-1 11604. 92 l.
- Miller A.A. Arkheologicheskie raboty Severo-Kavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury v 1926 i 1927 gg. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*. Leningrad, 1927, vol. II, pp. 59–122.
- Mikheev V.K. *Podon'e v sostave Khazar'skogo kaganata*. Khar'kov: Vishcha shkola Publ., 1985, 148 p.
- Mikheev V.K., Koloda V.V. Novye nakhodki goncharnykh pechei saltovskoi kul'tury na Khar'kovshchine. *Vestnik Khar'kovskogo universiteta*, 1992, № 363, Seriiia «Istoriia», vol. 26, pp. 134–140.
- Minaeva T.M. Arkheologicheskie pamiatniki na r. Giliach v verkhov'iakh Kubani. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1951, vol. 23, pp. 273–301.
- Minaeva T.M. Mogil'nik Baital-Chapkan. *Materialy po izucheniiu Stavropol'skogo kraia*. Stavropol', 1950, vol. 2–3, pp. 205–264.
- Minaeva T.M. *K istorii alan Verkhnego Prikuban'ia po arkheologicheskim dannym*. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971, 248 p.

- Minaeva T.M. Keramika balki Kantserki v svitli arkeologichnikh doslidzhen' na Pivnichnomu Kavkazi. *Arkheologiya*, 1961, vol. XIII, pp. 119–128.
- Mikheev V.K. Sukhogomol'shanskii mogil'nik. *Sovetskaia arkeologiya*, 1986, vol. 3, pp. 158–173.
- Myhjeev V.K., Djachenko A.G. Doslidzhennja rann'osered'ovichnogo poselennja poblyzu s.Suha Gomol'sh. *Maksymov Je. V (Ed.). Arheologichni doslidzhennja na Ukrai'ni v 1969 r. Informacijni povidomlennja*. Kyi'v: Naukova dumka Publ., 1972, vol. IV, pp. 275–280.
- Mongait A.L. Nekotorye srednevekovye arkeologicheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Kavkaza. *Sovetskaia arkeologiya*, 1955, vol. XXIII, pp. 321–340.
- Naumenko V.E. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Simferopol'-Kerch'*: ADEF-Ukraina Publ., 2009a, pp. 50–57 (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Naumenko V.E. Amfory. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Simferopol'-Kerch'*: ADEF-Ukraina Publ., 2009b, pp. 35–50 (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Naumenko V.E. Amfory «prichernomorskogo» tipa na territorii srednevekovoi Tavriki i Kavkaza: problemy sovremennoi atributsii i khronologii. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy i izucheniiia. XXXI Krupnovskie chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Derbentskoi arkeologicheskoi ekspeditsii. Makhachkala, 20–25 apreliia 2020 g.* Makhachkala, 2020, pp. 399–401.
- Nechiporuk A.A. Materialy khazarskogo vremeni kurgana 5 kurgannoi gruppy Kholm'skii 25. *V «Anfimovskie chteniia» po arkeologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeistviia narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Krasnodar, 26–28 maia 2015 g.)*. Krasnodar, 2015, pp. 187–202.
- Nechiporuk A.A. Srednevekovye kurgany na selishche Mukhortova Poliana 2. *Fidarov R.F. (Ed.). Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii. Vladikavkaz: Institut istorii i arkeologii RSO-Alaniia Press, 2019, pp. 33–66.*
- Nechiporuk A.A. Rannesrednevekovyi keramicheskii kompleks poseleniia Khabl' 1 v Zakuban'e. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy i izucheniiia. XXXI Krupnovskie chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Derbentskoi arkeologicheskoi ekspeditsii. Makhachkala, 20–25 apreliia 2020 g.* Makhachkala, 2020, pp. 402–404.
- Nidzel'nitskaia L.Iu. Vizantiiskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym ornamentom V – nachala IX vv. (po materialam Donskikh muzeev). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia. Sbornik statei po materialam XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Rostov-na-Donu, 2009, pp. 257–282.
- Nidzel'nitskaia L.Iu., Il'iashenko S.M. Rannesrednevekovoe poselenie na territorii Tanaisa. *Guguev Iu.K. (Ed.). Srednevekovye drevnosti Dona*. Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2007, pp. 193–215 (Materialy i issledovaniia po arkeologii Dona, vol. II).
- Nikolaenko A.G., Grebeniukov V.I., Sarapulkin V.A. Goncharnaia masterskaia № 1 iz Iutanovki. *Verkhnedonskoi arkeologicheskii sbornik*. Lipetsk, 2001, vol. 2, pp. 230–232.
- Nikolaenko A.G., Sarapulkin V.A., Stepovoi A.V., Pashnev A.N. Goncharnyi gorn № 1 iz Iutanovki. *Belgor'e: kraevedcheskii al'manakh*. Belgorod, 2006, vol. 5, pp. 35–37.
- Nikolaenko A.G., Stepovoi A.V. *Bulat iz Iutanovki: byl' o Russkom kaganate i srednevekovom gorode Arsa*. Volokonovka: B/i, 2005, 40 p.
- Noskova L.M. Srednevekovyi mogil'nik v pos. Kabardinka bliz Gelendzhika (po materialam

- raskopok 1990 goda). Material'naia kul'tura Vostoka. Moskva, 2010, vol. 5, pp. 167–200.
- Noskova L.M. Adygskaia keramika zolotoordynskogo vremeni v fondakh Gosudarstvennogo muzeia Vostoka. *Bocharov S.G., Sidikov A.G. (Ed.). «Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordyy». Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G. A. Fedorova-Davydova.* Kazan'-Ialta-Kishinev, 2016, pp. 238–241.
- Oblomskii A.M., Rodinkova V.E. Etnokul'turnyi perelom v Podneprov'e v VII v. n. e. *Khronologiiia sobytii. Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, 2014, vol. 235, pp. 381–404.
- Parkhomenko O.V. Poselenie saltovskoi kul'tury u s. Zhovtnevoe. *Tolochko P.P. (Ed.). Zemli Iuzhnoi Rusi v IX–XIV vv. (Istoriia i arkheologiiia).* Kiev: Naukova dumka Publ., 1985, pp. 84–94.
- Parshina O.O., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharni tsentri Tavriki VIII–X st. *Gladkikh M.I. (Ed.). Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor'ї.* Kiiv: Stilos Publ., 2001, pp. 52–81.
- Pletneva S.A. Keramika Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva-Leningrad, 1959, vol. 75: Trudy Volgo-Don'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. II, pp. 212–272.
- Pletneva S.A. Srednevekovaia keramika Tamanskogo gorodishcha. *Rybakov B.A. (Ed.). Keramika i steklo drevnei Tmutarakani.* Moskva: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, pp. 5–72.
- Pletneva S.A. Rabota Severo-Donetskogo otriada. *Rybakov B.A. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1966 goda.* Moskva: Nauka Publ., 1967a, pp. 54–55.
- Pletneva S.A. Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva, 1967b, vol. 142, 200 p.
- Pletneva S.A. Saltovo-maiatskaia kul'tura. Pletneva S.A. (Ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia.* Moskva: Nauka Publ., 1981, pp. 62–75 (Arkheologiiia SSSR).
- Pletneva S.A. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks.* Moskva: Nauka Publ., 1989, 288 p.
- Pletneva S.A. Pravoberezhnoe Tsimlianskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 1994, vol. IV, pp. 271–396.
- Pletneva S.A. *Sarkel i «shelkovyi» put'.* Voronezh: Izd-vo VGU Press, 1996, 168 p.
- Pletneva S.A. Drevnie bolgary v vostochnoevropskikh stepiakh. *Tatarskaia arkheologiiia.* Kazan', 1997, vol. 1, pp. 32–63.
- Pletneva S.A. *Ocherki khazarskoi arkheologii.* Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2000, 364 p.
- Pletneva S.A. *Kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu srednevekov'ia (IV–XIII veka): Uchebnoe posobie.* Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta Publ., 2003a, 248 p.
- Pletneva S.A. Fanagoriia. *Makarova T.I., Pletneva S.A. (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichornomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV–XIII veka.* Moskva: Nauka Publ., 2003b, pp. 179–183 (Arkheologiiia).
- Pletneva S.A., Krasil'nikov K.I. Goncharnye masterskie Maiatskogo kompleksa. Pletneva S.A. (Ed.). *Maiatskii arkheologicheskii kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii.* Moskva: Nauka Publ., 1990, pp. 92–139.
- Pletneva S.A., Nikolaenko A.G. Volokonovskii drevnebolgarskii mogil'nik. *Sovetskaia arkheologiiia,* 1976, vol. 3, pp. 279–298.
- Ponomarev L.Iu. Loshchenaia keramika saltovo-maiatskikh poselenii na gorodishche Tiritaka i v okrestnostiakh pos. El'tigen. *VIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i rannego srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob"ekty.*

- Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2007, pp. 240–245.
- Ponomarev L.Iu. Khoziaistvennaia deiatel'nost' naseleniia saltovskoi kul'tury Kerchenskogo poluostrova (kratkii obzor arkheologicheskikh istochnikov). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2012, vol. 2, pp. 67–78, 130–132.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskoe poselenie Geroevka-3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A. V. Gadlo v 1963 g.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2014a, vol. I, pp. 376–399.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie gorshki iz poselenii Kerchenskogo poluostrova. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2014b, vol. 12: Khazarskoe vremia, pp. 239–276.
- Ponomarev L.Iu., Ponomareva I.A. Redkie formy saltovo-maiatskoi neloshchenoi keramiki iz rannesrednevekovykh poselenii Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naia informatsiia). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev-Sudak, 2010, vol. IV, pp. 453–464.
- P'iankov A.V. Abazinskaia gipoteza proiskhozhdeniia srednevekovykh krematsii Kubano-Chernomorskogo regiona. *Tleuzh A. Kh. (Ed.). Voprosy arkheologii Adygei*. Maikop: Izd-vo Magarin O.G. Publ., 2020, pp. 160–165.
- Rabinovich R.A. Goncharnyi gorn na poselenii X–XII vv. u s. Rud'. *Kertraru N.A. (Ed.). Khoziaistvennye komplekсы drevnikh obshchestv Moldovy*. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1991, pp. 99–108.
- Rappoport P.A. Krepostnye sooruzheniia Sarkela. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1959, vol. 75: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. II, pp. 9–39.
- Runic A.P. Skal'nye zakhoroneniia v okrestnostiakh Kislovodska. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1971, vol. 2, pp. 167–178.
- Savchenko E.I. Krymskii mogil'nik. *Kamenetskii I.S. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoi ekspeditsii)*, vol. 1. Moskva: Nauka Publ., 1986, pp. 70–101.
- Sazanov A.V. Rannevizantiiskaia keramika Severnogo Prichernomor'ia: itogi i novye problem. *Imperiia romeev vo vremeni i prostranstve: tseñtr i periferiia. Tezisy dokladov XXI Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov*. Moskva-Belgorod, 2016, pp. 176–179.
- Sarapulkin V.A. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury: Dis. ... kand. ist. nauk*. Lipetsk, 2003, 203 p.
- Sarapulkin V.A. *Pamiatniki arkheologii VIII–X vekov na territorii Belgorodskoi oblasti. Uchebnoe posobie*. Belgorod: Izd-vo BelGU Publ., 2010, 97 p.
- Sviridov A.N., Iazikov S.V., Sukhanov E.V. Novye srednevekovye pogrebeniia s Tamanskogo poluostrova. *Bosporskii issledovaniia*. Kerch'-Simferopol', 2019, vol. XXXVIII, pp. 256–298.
- Svistun G.E. Kabanovo (Staropokrovskoe) gorodishche. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2013, vol. 3, pp. 107–117, 188–199.
- Smilenko A.T. Keramicheskaia masterskaia IX v. na levoberezh'e del'ty Dunaia. *Timoshchuk B.A. (Ed.). Drevnosti slavian i Rusi*. Moskva: Nauka Publ., 1988, pp. 73–78.
- Smilenko A.T. Spornye voprosy v izuchenii drevnostei VIII–X vv. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. *Byrnia P.P. (Ed.). Drevnosti Iugo-Zapada SSSR (I – seredina II tysiacheletiiia n. e.)*. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1991, pp. 166–185.
- Smilenko A.T., Kozlovskii A.A. Poseleniia u sel Shabo i Bogatoe v Odesskoi oblasti. *Smilenko A.T. (Ed.). Dnestro-Dunaiskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1987, pp. 98–121.

- Smilenko A.T. *Slov'iani ta ikh susidi v Stepovomu Podniprov'i (II–XIII st.)*. Kiiv: Naukova dumka Publ., 1975, 211 p.
- Sokol'skii N.I. Kepy. *Boltunova A.I. (Ed.). Antichnyi gorod*. Moskva: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, pp. 97–114.
- Solov'ev D.S., Koten'kov S.A. Nakhodki rannesrednevekovykh pifosov-kuvshinov v del'te Volgi. *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei*. Kazan', 2022, vol. 3, pp. 304–313.
- Stepovoi A.V. Goncharnaia masterskaia punkta drevnei metallurgii – II u s. Iutanovka Belgorodskoi oblasti. *Sarapulkin V.A. (Ed.). Arkheologiiia vostochnoevropeiskoi lesostepi: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu so dnia rozhdeniia A. G. Nikolaenko (g. Belgorod, 14–16 dekabria 2017 g.)*. Belgorod, 2018, pp. 356–360.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove (kratkie obzory po rezul'tatam raskopok 2015 g.). *Khazarskii al'manakh*. Moskva, 2017, vol. 15, pp. 236–280.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Severo-vostochnyi uchastok poseleniia VIII–Xvv. Gora Chirkova 1: khoziaistvennye komplekсы gruppy 3 (po itogam raskopok 2015 g.). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2018, vol. XXXVII, pp. 263–301.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove: khoziaistvennye komplekсы gruppy 4 (po itogam raskopok 2015 g.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2019, vol. X, pp. 205–248.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove: khoziaistvennye komplekсы gruppy 2 (po itogam raskopok 2015 g.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2020, vol. XII, pp. 221–268.
- Sukhanov E.V. Formy «prichernomorskikh» amfor VIII–X vv. *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2017, vol. 3, pp. 89–104.
- Sukhanov E.V. Keramika Khumarinskogo gorodishcha (materialy raskopok 2007–2017 godov). *Kochkarov U.Iu. (Ed.). Khumarinskoe gorodishche. Itogi mezhdistsiplinarnykh issledovaniia*. Moskva: IA RAN Publ., 2020, pp. 163–192.
- Sukhanov E.V., Sviridov A.N. Novye rannesrednevekoveye pogrebeniia s territorii Zapadnogo Predkavkaz'ia. *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2018, vol. 4, pp. 114–129.
- Tarabanov V.A. Srednevekovi mogil'nik u aula Kazazovo. *Its R.F. (Ed.). Istoricheskaia etnografiia: traditsiia i sovremennost'*. Leningrad: Izd-vo LGU Publ., 1983a, vol. II, pp. 148–155.
- Tarabanov V.A. Etnicheskaia prinalozhnost' rannei gruppy pogrebenii Kazazovskogo mogil'nika. *Kiiashko V.Ia. (Ed.). Problemy khronologii pamiatnikov stepnoi zony Severnogo Kavkaza*. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta Publ., 1983b, pp. 93–97.
- Tel'nov N.P., Chebotarenko G.F. Goncharnaia masterskaia s poseleniia u s. Gansk. *P.P. (Ed.). Srednevekoveye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia*. Kishinev: Shtiintsa, 1988, pp. 72–76.
- Uvarova P.S. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza*. Moskva, 1900, 381 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, vol. VIII).
- Uspenskii P.S. Issledovaniia srednevekovogo mogil'nika Shize IV v 2008 g. *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia. Materialy konferentsii*. Krasnodar, 2009, pp. 377–381.
- Uspenskii P.S. Mogil'niki s truposozhzheniiami VIII–XIII vv. na Severo-Zapadnom Kavkaze (dinamika areala pogrebal'nogo obriada). *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2013, vol. 4, pp. 86–98.
- Uspenskii P.S. *Krematsionnye pogrebeniia Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. kak*

- istoricheskii istochnik. Diss. ... kand. ist. nauk.* Moskva, 2015, 331 p.
- Uspenskii P.S. Pogrebeniia vsadnikov na territorii Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam krematsionnykh nekropolei VIII–XIII vv.). *Rossiiskaia arkheologiya*, 2016, vol. 4, pp. 30–47.
- Flerov V.S. Rasprostranenie loshchenoi keramiki na territorii saltovo-maiatskoi kul'tury. *Pliska-Preslav. Prab"lgarskata kultura. Materiali ot b"lgaro-s"vetskata sreshcha*. Shumen, 1976. Sofiia, 1981, vol. 2, pp. 170–181.
- Flerov V.S. Ornamenty saltovo-maiatskoi loshchenoi keramiki. Iz istorii oblasti. *Ocherki kraevedov*. Penza, 1990, vol. II, pp. 42–61, 188–189.
- Flerov V.S. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V–VIII vekov: obriad obevrezhivaniia pogrebennykh*. Moskva: Polimedia Publ., 2000, 164 p. (Trudy Klin-Iarskoi ekspeditsii I).
- Flerov V.S. Loshchenye miski, bliuda, chashi i kubyshki Khazarского kaganata. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol', 2001, vol. I, pp. 159–184.
- Flerov V.S. Mestnaia keramika Semikarakorskoi kreposti. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*. Kazan', 2017, vol. 1, pp. 336–377.
- Flerov V.S. *Fortifikatsiia Khazarского kaganata na Nizhnem Donu. Semikarakorskoe gorodishche*. Moskva: Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2020, 376 p.
- Khodzhaiov T.K., Shvetsov M.L., Khodzhaiova G.K., Frizen S.Iu. Naselenie Podontsov'ia epokhi Zolotoi Ordy (po materialam mogil'nikov u s. Maiaki). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2012, vol. 11: Zolotoordynskoe vremia, pp. 125–192.
- Khoruzha M.V. Pokhovannia v dromosi katakomb Verkh'n'osaltivs'kogo mogil'nika. *Arkheologiya*. 2014, vol. 2, pp. 99–109.
- Khoruzhaia M.V. Popytka interpretatsii pogrebenii v dromosakh katakombnykh zakhronenii Verkhne-Saltovskogo mogil'nika. *Razuvaev V.D. (Ed.). Vostochnoevropeiskie drevnosti*. Voronezh: IPTs «Nauchnaia kniga» Publ., 2012, pp. 219–230 (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia im. I. N. Kramskogo, vol. 2).
- Chebotaenko G.F. Raskopki na poselenii u s. Moleshty Kutuzovskogo raiona. *Dergachev V.A., Borziak I.A. (Ed.). Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1979–1980 gg.* Kishinev: Shtiintsa Publ., 1983, pp. 183–192.
- Chkhaidze V.N. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy. *Drevnosti Bospora*. Moskva, 2006, vol. 10, pp. 487–517.
- Chkhaidze V.N. *Tamarkha. Rannesrednevekovi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moskva: TAUS Publ., 2008, 329 p.
- Chkhaidze V.N. *Fanagoriia v VI–X vekakh*. Moskva: Triumf print Publ., 2012, 590 p.
- Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V. Osobennosti pogrebal'nogo obriada plemen pribrezhnyi zony Severo-Zapadnogo Kavkaza v XII–XIII vv. (Po materialam kurgannogo mogil'nika «Kedrovaia roshcha»). *Malakhov N.V. (Ed.). LEPTON. Sbornik statei v chest' arkheologa Alekseia Vasil'evicha P'iankova*. Armavir-Krasnodar: Izdatel' V. E. Shurygin Publ., 2018, pp. 61–71.
- Iakimenko E.V. Issledovaniia Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia na Ol'shanskom arkheologicheskom komplekse saltovo-maiatskoi kul'tury v 1988–1992 gg. *Trudy Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia*. Voronezh, 1994, vol. 2, pp. 51–66.
- Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoii Tavriki*. Leningrad: Nauka Publ., 1979, 164 p.
- Komar O. Archaeological and Archaeomagnetic Dating of Early Medieval Kantsyrka Type Pottery. *Archaeologia Bulgarica*. Sofia, 2018, vol. XXII, № 3, pp. 39–70.

Резюме

В 2010–2011 гг. экспедиция ООО «Южно-Российский центр археологических исследований» дважды провела раскопки центральной части раннесредневекового поселения Варнавинское-3, расположенного на правом берегу р. Сухой Аушедз (левый приток р. Кубань) в Абинском районе Краснодарского края. В пределах раскопа I были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы и две гончарные печи. Жилых построек зафиксировано не было. Предварительно этот участок поселения датирован VII–VIII (IX) вв., при этом верхняя хронологическая граница нуждается в уточнении дальнейшими раскопками. Что касается гончарных печей, они относятся к классу печей с вертикальным ходом горячих газов (класс 1 по А. А. Бобринскому), а по особенностям движения газов в топочном блоке – к подклассу 2 – с периферийной топкой, вынесенной за пределы пространства, расположенного под теплопроводно-распределительным блоком. На Северном Кавказе и Предкавказье такие же по конструкции печи обнаружены пока только на поселении у станицы Змейской в Северной Осетии. М. А. Бакушев датировал их VII – началом VIII в. За пределами кавказского региона такие же печи раскопаны в балке Канцерка в Поднепровье. Датируются они второй половиной VII – началом VIII в. и, по мнению большинства исследователей, были оставлены переселившейся с Северного Кавказа группой алан. Еще две печи с опорным центральным столбом открыты у юго-западной стены Саркельского городища, но они относятся к более позднему периоду. Остальные, открытые на Северном Кавказе и в Предкавказье гончарные печи относятся к бесстолбовой конструкции топочного блока и в основной массе датируются VIII–IX вв. Что касается продукции гончарных мастерских поселения Варнавинское-3, в последнюю загрузку их печей попали сероглиняные лощеные сосуды – трехручные кувшины, трехручные кувшины-пифосы и пифос. Обе печи, отнесенные нами ко второму строительному горизонту, могут быть предварительно датированы в пределах второй половины (конца) VII – начала / первой половины VIII в.

Ключевые слова: река Кубань, Кавказ, поселение Варнавинское-3, гончарная печь, лощеная керамика, аланы, салтово-маяцкая культура.

Summary

In 2010 – 2011 the expedition of the South Russian Center for Archaeological Research explored the central part of the early medieval settlement of Varnavinskoye-3, located on the right bank of the Sukhoi Aushedz River (left tributary of the Kuban River) in the Abinsky district of Krasnodar region with two excavations. Numerous utility pits and two pottery kilns were found within Excavation I. No residential buildings were recorded. Previously, this section of the settlement is dated to the VII–VIII (IX) centuries, while the upper chronological boundary needs to be clarified by further excavations. As for pottery furnaces, they belong to the class of furnaces with a vertical course of hot gases (class 1 according to A. A. Bobrinsky), and according to the peculiarities of the movement of gases in the furnace block, they belong to subclass 2 – with a peripheral furnace placed outside the space located under the heat-conducting distribution block. In the North Caucasus and the Pre-Caucasus, similar furnaces have been found so far only at the settlement near the village of Zmeyskaya in North Ossetia. M. A. Bakushev dated them to the VII - beginning of the VIII centuries. Outside the Caucasus region, the same furnaces were excavated in the Kanzerka beam

in the Dnieper region. They date from the second half of the VII – beginning of the VIII centuries and, according to most researchers, were left by a group of Alans who migrated from the North Caucasus. Two more furnaces with a supporting central pillar were opened at the southwestern wall of the Sarkel settlement, but they belong to a later period. The rest, discovered in the North Caucasus and in the Pre-Caucasus, pottery furnaces belong to the column-free design of the furnace block and, in the bulk, date back to the VIII–IX centuries. As for the products of the pottery workshops of the settlement of Varnavinskoye-3, the last loading of their furnaces included gray clay polished vessels – three-handed pitchers, three-handed pitchers-pythos and pythos. Both furnaces, assigned by us to the second construction horizon, can be tentatively dated within the second half (end) of the VII – beginning / first half of the VIII centuries.

Key words: Kuban River, Caucasus, Varnavinskoe-3 settlement, pottery kiln, polished ceramics, Alans, Saltovo-Mayak culture.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кононов Валерий Юрьевич – научный сотрудник
ООО «Крымский региональный
центр археологических исследований»,
г. Керчь Республика Крым, РФ.
kononov1978@mail.ru

Пonomarev Леонид Юрьевич, научный сотрудник
Центра археологических исследований
БФ «Деметра», г. Керчь, Республика Крым, РФ.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kononov Valery Yurievich – Researcher,
LLC «Crimean Regional Center
for Archaeological Research»,
Kerch, Republic of Crimea, Russian Federation.
kononov1978@mail.ru

Leonid Yuryevich Ponomarev, Researcher
the Center for Archaeological Research
of the Demeter Foundation,
Kerch, Republic of Crimea, Russian Federation.
l_ponomarev@mail.ru

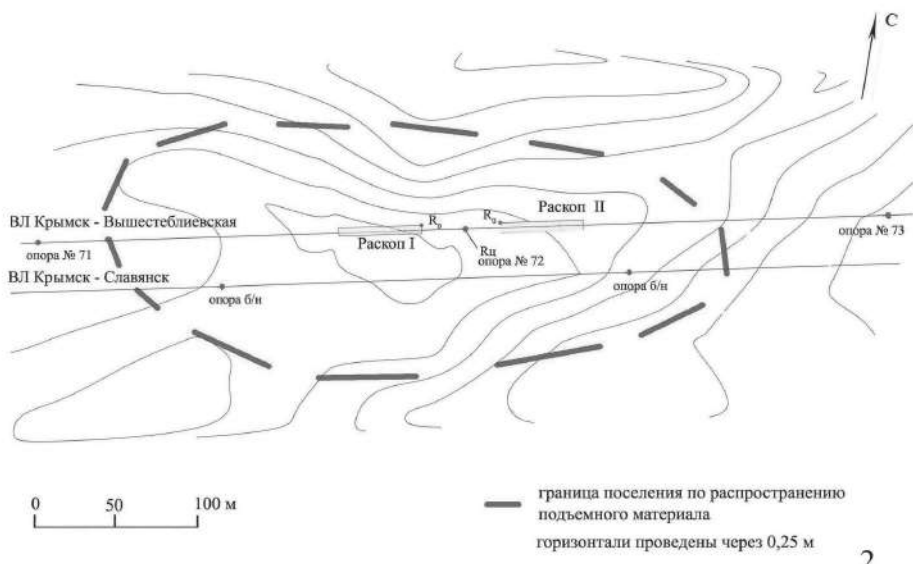
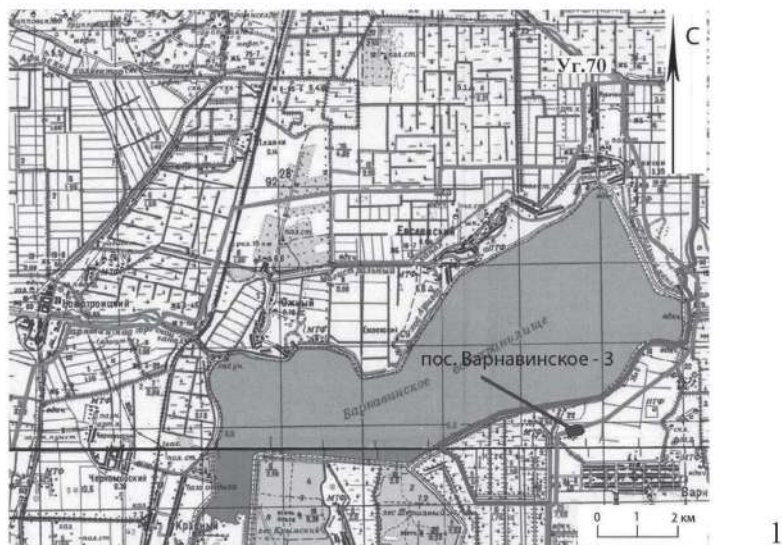
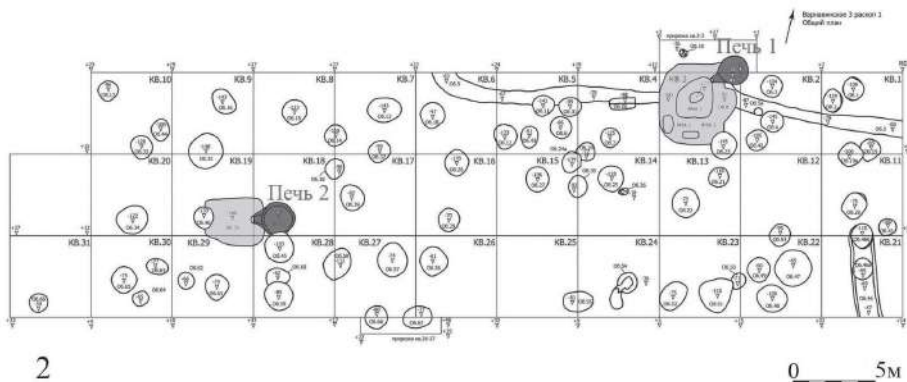

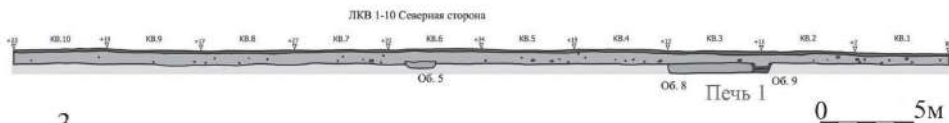
Рис. 1. 1 – месторасположение поселения Варнавинское-3; 2 – границы поселения, границы трассы «ВЛ 220 кВ Крымская – Вышестеблиевская» и «ВЛ 220 кВ Славянская – Крымская 2» и местоположение раскопов I, II.

1

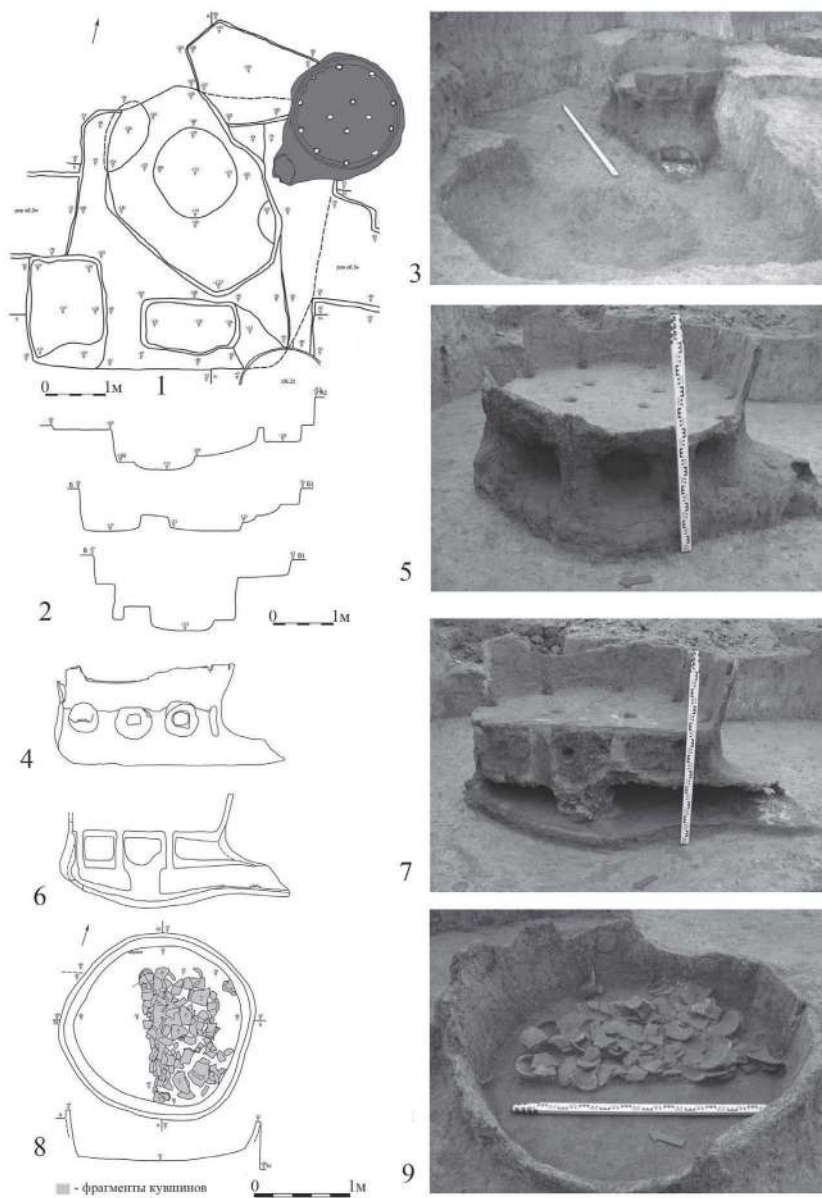
2

3

Рис. 2. 1 – раскоп I. Вид с востока; 2 – раскоп I. План; 3 – стратиграфия северного борта раскопа I.

Рис. 3. Гончарный комплекс (котлован рабочей площадки с предгорновой ямой) и печь № 1. 1 – план; 2 – разрезы; 3 – вид комплекса с юга; 4 – печь, вид с запада; 5 – печь, вид с запада; 6 – печь, разрез по линии север – юг; 7 – печь в разрезе. Вид с северо-запада; 8 – загрузочная камера печи, план и разрез; 9 – загрузочная камера печи с остатками продукции. Вид с юго-запада.

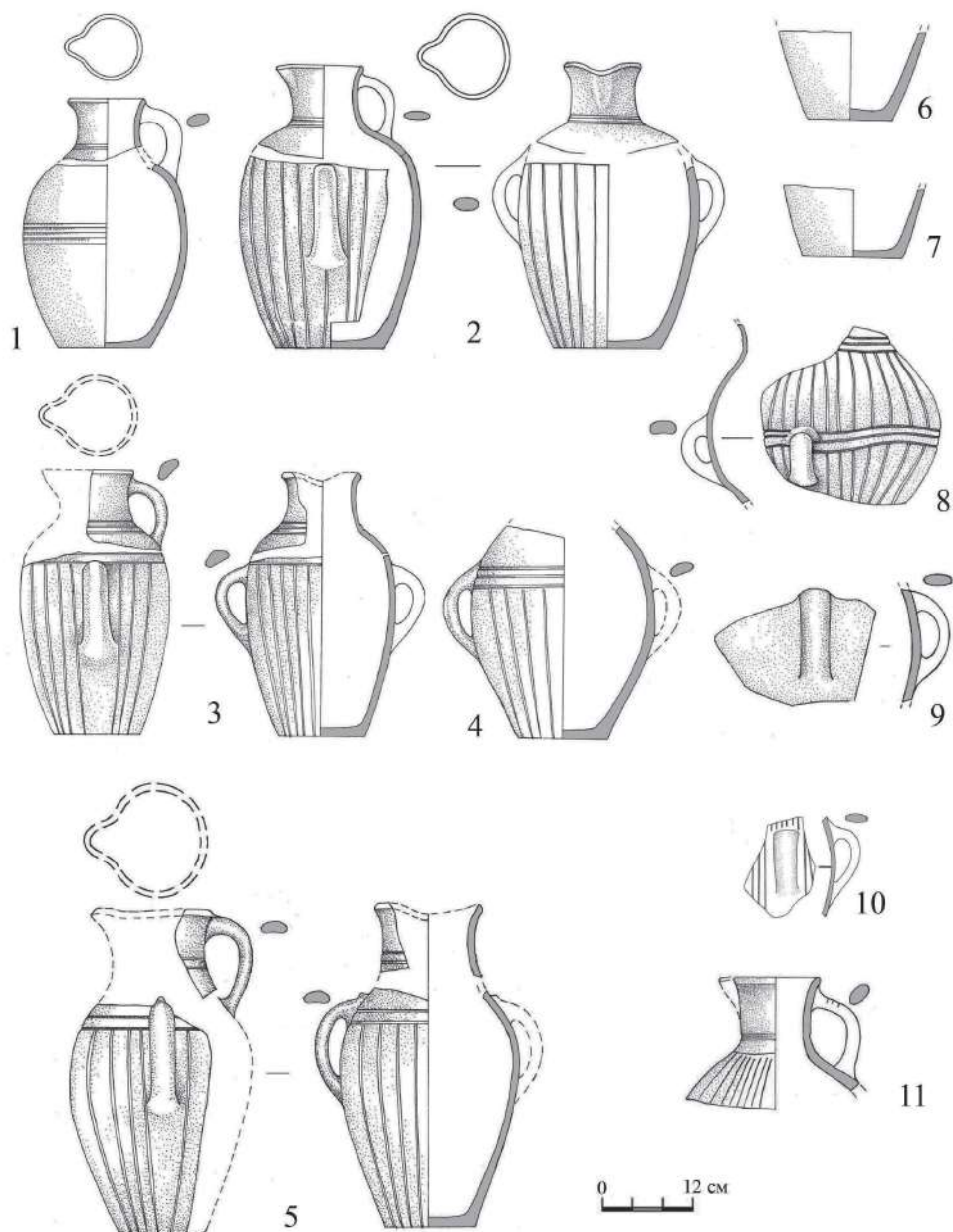

Рис. 4. 1–10 – лощеные сосуды из загрузочной камеры печи № 1; 11 – лощеный кувшин, найденный к северу от печи.

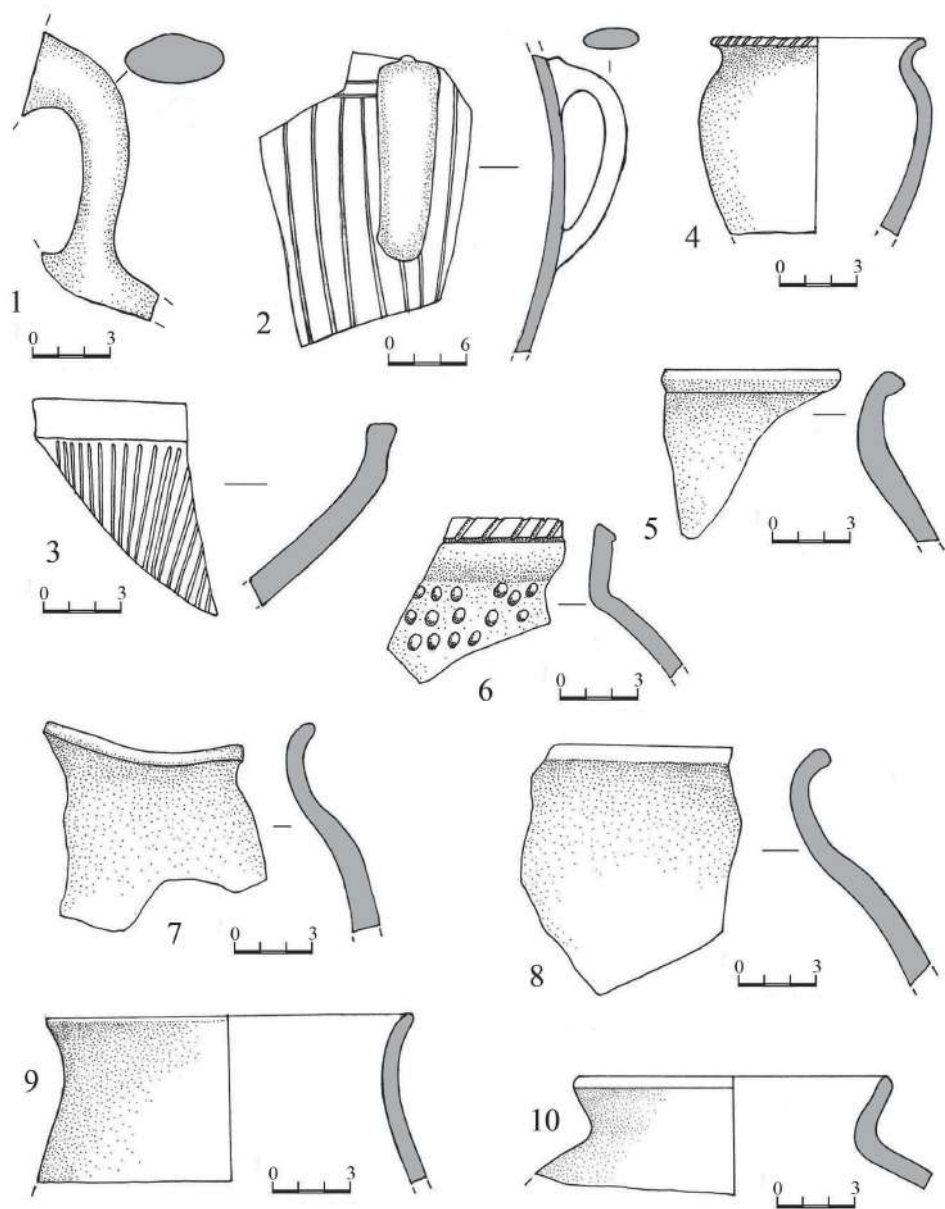
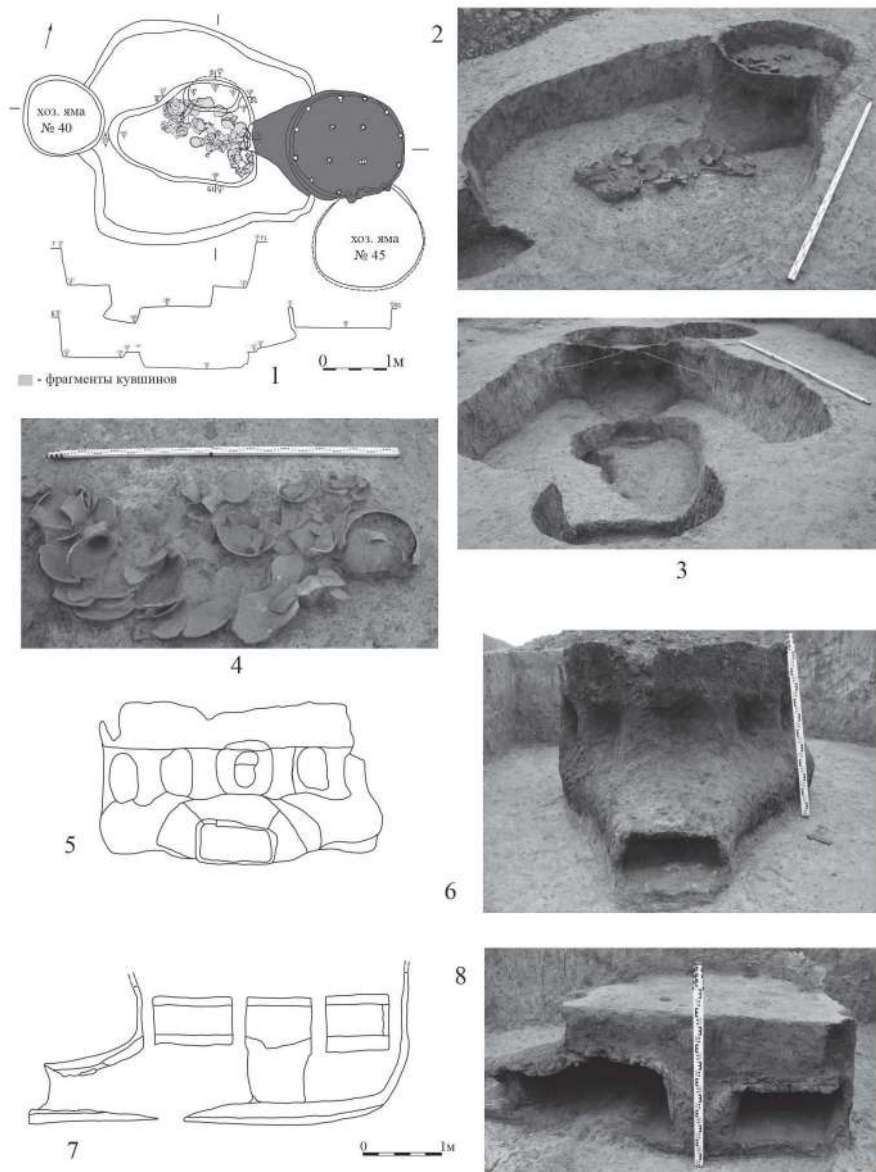
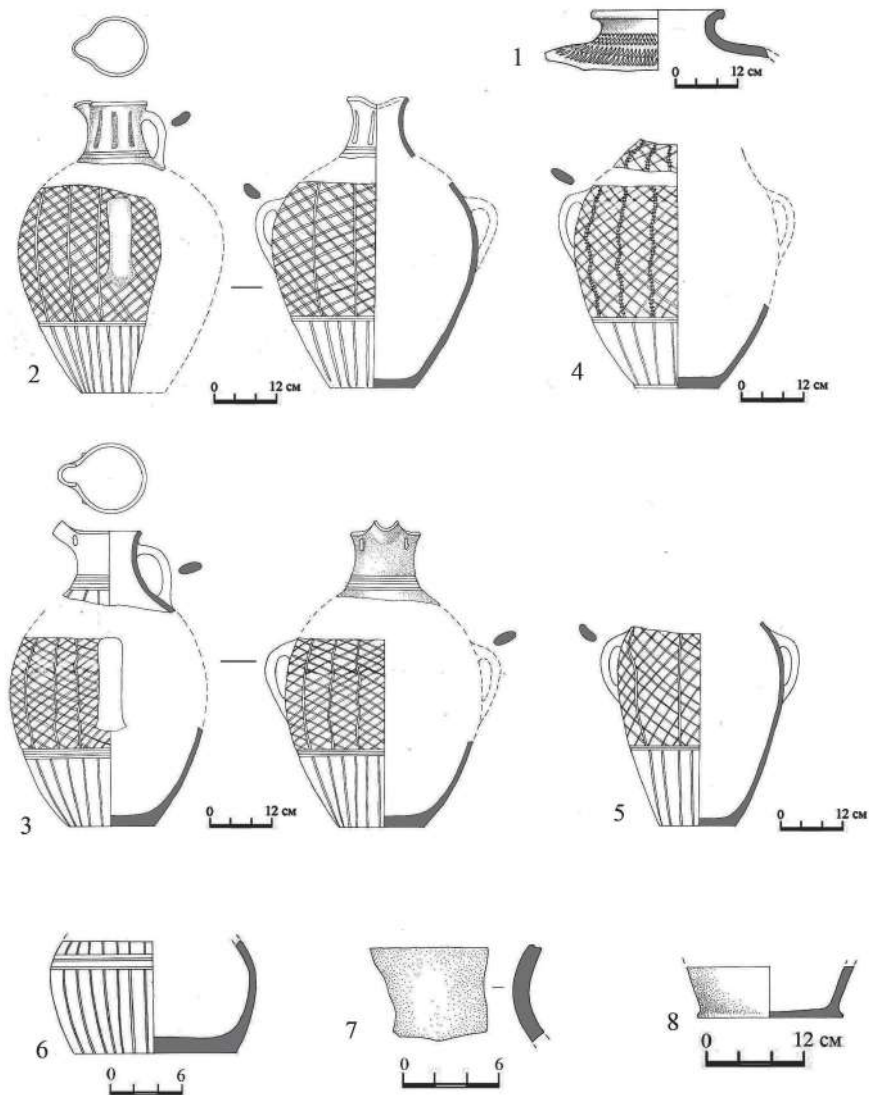

Рис. 5. Керамика из котлована рабочей площадки и предгорновой ямы № 1 гончарного комплекса № 1.

Рис. 6. Гончарный комплекс (котлован рабочей площадки с предгорновой ямой) и печь № 2. 1 – план и разрезы в комплексе; 2 – вид с юго-запада на уровне скопления фрагментов лощенной керамики (последней загрузки печи); 3 – вид комплекса с запада; 4 – скопление фрагментов лощенной керамики (последней загрузки печи); 5 – печь, вид с юго-запада; 6 – печь, вид с юго-запада; 7 – разрез печи по линии запад – восток; 8 – разрез печи по линии запад – восток, вид с юга.

Рис. 7. 1. – лощеный сосуд из загрузочной камеры печи № 2; 2–6 – лощеные сосуды из придонной части котлована гончарного комплекса № 2; 7–8 – лепные горшки из придонной части котлована гончарного комплекса № 2.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

L. IU. PONOMAREV

СОБРАНИЕ АНТИЧНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ В ЕНИ-КАЛЕ: СУДЬБА НАХОДОК (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII – XX вв.)

COLLECTION OF ANCIENT ANTIQUITIES IN YENI-KALE: THE FATE OF THE FINDS (THE LAST QUARTER OF THE XVIII – XX CENTURIES)

С третьей четверти XVIII в. Крым стал своего рода «Меккой» для русских и европейских ученых и путешественников, привлеченных его природой, античными древностями и «азиатской» экзотикой. Многие из них побывали в Керчи, оставив в своих травелогах и трудах описание найденных античных надгробий, скульптур, барельефов и архитектурных деталей как в самом городе и его окрестностях, так и на Таманском полуострове.

В их числе неоднократно упоминались и «антики», собранные в крепости Ени-Кале и ее форштадте. Первым о них в 1786 г. упомянул Шарль Жильбер Ромм, сопровождавший в поездке по Крыму в качестве домашнего учителя юного графа П.А.Строганова. У стены юго-западного («Водяного», «Водного») бастиона, фланкирующего «Черноморские» ворота, он обратил внимание на «общественный фонтан», вода из которого стекала в перевернутую крышку мраморного саркофага – «большой мраморный бассейн... Он был привезен сюда из Тамани, где служил тому же назначению; это – покрытие с могилы такой же формы, как и древнегреческие». На берегу, к востоку от крепости, рядом с карантинными строениями¹ он увидел «две колонны, две капители, пьедестал, двух львов – все это из белого мрамора и также привезено из Тамани»². И, наконец, в доме обер-коменданта (крепостей Керчь, Ени-Кале и

---

¹ Речь идет о Еникальской карантинной заставе, функционировавшей вместе с Керченской карантинной заставой (южнее мыса Ак-Бурун) со второй половины 1770-х гг. В 1821 г., с учреждением торгового порта в Керчи, Керченская карантинная застава была переименована в карантин, начальнику которого подчинили Таманскую и Еникольскую карантинные заставы. В 1834 г. Еникольская карантинная застава была расформирована [Полное собрание..., 1835, с. 205].

² Найдены они были, вероятно, при строительстве полевого («земляного») укрепления – «малой неправильной крепости из двух полных бастионов и нескольких оборонительных углов с узкими рвами» с домом коменданта и гауптвахтой [Паллас, 1999, с. 126] в приморской части турецкой крепости Тамань на территории Таманского городища – Гермонассы-Таматархи. А. Л. Бертье-Делагард описал его как полевое укрепление с тремя бастионными фортами длиной по 55 саж. с ломаными куртинами, малым прикрытым путем, узкими рвами и открытой горжей, но полагал, что строительство его было начато в 1787 г. Ранее, по его словам, «едва ли что строили в Тамани» [Бертье-Делагард, 1918, с. 69–71, 73]. Зброшено оно было в начале XIX в. после того, как восточнее него была построена Фанагорийская

Фанагория, с 1 января 1783 по 1794 гг.) генерал-поручика А. Г. Розенберга³ ему показали надгробие из белого мрамора, по его словам, более «достойный внимания... барельеф, изображавший греческую женщину в античном костюме; подле нее – ребенок. Оба помещаются в нише под фронтоном, посреди которого находится круглое окно. Эта композиция до некоторой степени напоминает ежегодно совершавшийся в фанагорийском храме обряд» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 99].

П. С. Паллас, совершивший путешествие по Крыму с 8 марта по 18 июня 1794г., уточнил и дополнил описание античных древностей Ени-Кале Ш. Ж. Ромма. Под «малым бастионом» крепости он тоже обратил внимание на крышку саркофага у «фонтана» – «Мраморный саркофаг, взятый из Тамани, составляет водоем этого водопровода». Около карантинной заставы ему показали «два туловища львов, которые по высшему приказанию были привезены сюда из Тамани», однако он ошибочно принял их за «памятники бывшего там венецианского владычества». Рядом со львами он увидел «три прекрасные колонны из мрамора с правильно, как по линейке, проложенными в длину серыми прожилками» и две капители «высеченные грубой работой». В доме обер-коменданта на момент его приезда находилось уже «несколько древних камней», которые по его настоянию были «заделаны в стены для их лучшей сохранности» [Паллас, 1883, с. 58–60; Паллас, 1999, с. 124]. Рисунки двух из них – надгробий – он привел в своем сочинении [Pallas, 1801, fig. 3; 4].

После отъезда П. С. Палласа небольшое «собрание» античных древностей в крепости и карантинной заставе Ени-Кале стало распадаться. В дальнейшем их судьба сложилась по-разному, но до нынешнего времени ее удалось проследить лишь для некоторых из находок.

Надгробия из обер-комендантского дома

В 1794 г., уже после П. С. Палласа, в Керчи и Ени-Кале побывал Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Спустя три года он анонимно издал небольшое сочинение «О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива», в которое включил и два надгробия, которые П. С. Паллас попросил «заделать» для сохранности в стены крепостных сооружений [Биберштейн, 1797, с. 35–50; Тункина, 2010, с. 595, рис. 22; 24].

Первое из них – надгробие Гезуса, сына Аполлониды – с изображением всадника

крепость [Бертье-Делагард, 1918, с. 68–69, 71]. В 1802 г. П. И. Сумароков увидел в Таманской «земляной крепости» лишь «поврежденные батареи, окопы... еще существующий мост через ров» и «три... покрывшиеся постройками... в оной». Кстати, на территории крепости он нашел еще один, ставший впоследствии известным и неоднократно публиковавшийся, эпиграфический памятник – надпись дуки Херсона Евпатерия, построившего на Боспоре «кесарское здание» [Сумароков, 1805, с. 127–128]. А.Л.Бертье-Делагард считал, что укрепление разоружили и покинули по окончании русско-турецкой войны 1787–1791 г., но в 1812 г. оно еще было отмечено на морской карте И. М. Будищева 1812 г. [Бертье-Делагард, 1918, с. 68, 71].

³ В начале XIX в. дом коменданта находился на нижней террасе в юго-восточной части крепости (рис. 10,2) [Белик, Ткачук, 2007, рис. 3, 5].

и стоящего на коленях мужчины перед ним, воздевшего руки (молящего о пощаде) (рис.2,2) [Pallas, 1801, fig. 3; КБН, 1965, с. 636–637, № 1095], вполне ожидаемо, он обнаружил в стене во дворе «обер-комендантского» дома, куда его поместили по просьбе П. С. Палласа. Согласно Ф. К. Маршалу фон Биберштейну, изначально найдено оно было среди «розвальней при Фанагории» [Тункина, 2002, с. 564; Тункина, 2010, с. 596; рис. 24–25]. Однако, что означает в понимании автора словосочетание «розвальни Фанагории», не совсем понятно – городище Фанагорию или Фанагорийскую крепость, которая в 1794 г. только начинала строиться [Паллас, 1999, с. 126]. Скорее всего, речь идет о Таманском городище, на месте которого на протяжении всего XIX в. часто помещали Фанагорию. В 1802 г. надписи, опубликованные Ф. К. Маршалом фон Биберштейном, включая надгробие Гезуса, переиздал Мэтью Гатри [Gouthrie, 1802, p. 323].

В 1801 и 1803 гг. надгробие Гезуса опубликовал Л. С. Ваксель, посетивший Керчь и Ени-Кале в 1797 или 1798 гг. (рис. 2,3) [Ваксель, 1801, №№ 12; Waxel, 1803, p. 9, № 12; Тункина, 2002, с. 53–54]. А. Б. Ашик, издавший его в 1848 г., упоминает, что находилось оно «в стене одного из крепостных строений» Ени-Кале [Ашик, 1848, II, с. 80, № 5]. В 1856 г. его в числе прочих похищенных англичанами керченских древностей вывез майор Уэстмакотт. Ныне оно хранится в Отделе греческих и римских древностей Британского музея, регистрационный № 1856,0710.24 [КБН, 1965, с. 637; Быковская, Кучеревская, 2022, с. 89–90, 117, № 22, рис. 22].

Второе надгробие – с изображением стоящих фигур мужчины и мальчика или слуги(?) без надписи (или с очень плохо сохранившейся и нечитаемой надписью), вероятно, один из «нескольких древних камней», упомянутых в обер-комендантском доме в 1794 г. П. С. Палласом. В 1801 и 1803 гг. его опубликовал Л. С. Ваксель, указав в качестве местонахождения Ени-Кале. На месте, где должна быть надпись, на его рисунке изображена пустая рамка (рис. 2,4) [Ваксель, 1801, №№ 11; Waxel, 1803, p. 9, №11]. Дальнейшая его судьба неизвестна, возможно, оно также было вмонтировано в стену обер-комендантского дома и в 1856 гг. вывезено вместе с надгробием Гезуса в Британию, но среди других похищенных англичанами в Керчи надгробий из коллекции Британского музея его идентифицировать не удалось [Быковская, Кучеревская, 2022].

Третье надгробие – Наны, матери Менодора и его сестры Демостратей, которое первым упомянул Ш. Ж. Ромм, а впоследствии зарисовал и попросил в числе других «заделать» в стену П. С. Паллас (рис. 1,1) [Pallas, 1801, fig. 4; КБН, 1965, с.208, №285; Тункина, 2010, рис. 8], в 1794 г. Ф. К. Маршал фон Биберштейн нашел уже в стене керченской церкви Иоанна Предтечи [Тункина, 2010, с. 596, рис.22; ср.; Gouthrie, 1802, p. 321]. В церковной стене его увидел и Л. С. Ваксель (рис. 1,2) [Ваксель, 1801, № 8; Waxel, 1803, p. 8, № 8]. Но почему одно из надгробий оставили в крепости Ени-Кале, а второе перевезли в Керчь и вмонтировали в стену церкви, наверняка навсегда останется загадкой⁴. Можно лишь предположить,

⁴ По мнению И. В. Тункиной, П. С. Паллас ошибся, указав в качестве его местоположения Ени-Кале

что на это П.С.Палласа подвигло уже имевшееся «собрание антиков» в храме.

В 1786 г. Ш. Ж. Ромм обнаружил среди мраморных плит его пола два мраморных фриза⁵. Еще один, гораздо лучше сохранившийся фриз, был, по его словам, вмонтирован в лестницу северного входа, а в кладке северной стены церкви он нашел надгробие с надписью «ΘΕΟΝΑ ΥΙΕ | ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ | ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ, | ΧΑΙΡΕ» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97]. Об античных древностях церкви упомянул и юный граф П.А.Строганов. В письме своему отцу – А. С. Строганову, отправленном 13 апреля 1786 г. из Симферополя, он написал: «В Керчи, кроме церкви, ничего нет достойного примечания; она очень стара, и на починку оной употреблено много остатков древности» [Великий князь..., 1903, с. 348].

К сожалению, куда именно в 1794 г. по просьбе П. С. Палласа поместили надгробие Наны и Демостратеи, неизвестно. Возможно, в западную стену, которая была разобрана при строительстве западной пристройки⁶. Период, в который она была построена – 1801–1804 гг., неоднократно оговорен в справочных изданиях XIX в. – начала XX в. [Приходы..., 1885, с. 1333; Справочная..., 1886, с. 249; Гермоген, 1887, с.386; Ставровский, 1910, с. 811] и надежно подтверждается свидетельствами английского путешественника Э. Д. Кларка, заставшего в 1800 г. подготовительный этап строительных работ [Clarke, 1816, p. 119], и акварельным рисунком И.А.Иванова (сопровождавшего Н. А. Львова в поездке по югу России), изобразившего уже практически достроенную пристройку в августе 1803 г. (рис. 4,1) [Тункина, 2002, с. 67; Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2012, рис. 1; Пономарев, Бейлин, 2016, с. 305–306; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 28; Никитина, 2006, рис. 3; Тункина, 2011, рис. 55; Філас, 2019, с. 130, 131, 416, № 86]⁷.

[Тункина, 2010, с. 596]. Однако в Ени-Кале это же надгробие за несколько лет до него увидел и описал Ш. Ж. Ромм [Петрова, Прохорова, 2011, с. 99].

⁵ Мраморные плиты пола хорошо видны на акварели У. Симпсона 1867 г., исполненной по карандашному рисунку художника, датированному 7 июня 1855 г. На одной из плит изображен крест с расширяющимися концами, видимо, это плита перекрытия могилы (скорее всего, священника) (рис. 3,1).

⁶ Ее фундамент был обнаружен при раскопках Ф. А. Фронджуло в 1956 г. [Майко, 2017, с. 41; Майко, 2020, с. 108].

⁷ Как нам кажется, давно уже назрела необходимость рассмотреть вероятность еще одного, наиболее раннего, строительного периода церкви, в пользу которого свидетельствует ряд косвенных данных. Видимо, в 1770-е гг. она была капитально отремонтирована, тогда же, вероятно, поменяла и своего небесного покровителя. Эмиддио Дортелли д'Асколи, который посетил Керчь между 1624–1634 гг., упомянул о ней как о церкви во имя Св. Георгия [Дортелли д'Асколи, 1902, с. 122]. Впервые как церковь «Рождества Иоанна Предтечи», «Святого Иоанна» и «Иоанно-Предтеченская» она стала упоминается только с 70-х гг. XVIII в., причем в первое время исключительно в официальных документах, в частности в реестре церковью Павловского духовного правления, составленном священником Андреем Коваленским в 1777 г., и реестре церковного имущества, составленном священником Дмитрием Триполитом в 1778 г. [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 303; Пономарев, 2019, с. 278–279]. Возможно, тогда же был перестроен ее престол, в качестве одного из столпов которого приспособили мусульманское надгробие с надписью, что было бы немыслимо в османский период функционирования церкви, т. е. до июня 1771 г. [Авдеев, 1887, с. 383; Матвеева, 2002, с. 185]. Когда же Керчь вошла в состав Российской

Накануне начала ее строительства летом 1800 г. Э. Д. Кларк обратил внимание на множество «греческих барельефов, собранных для ремонта церкви» и, хотя был возмущен «варварским отношением к ним со стороны местных жителей», к сожалению, не счел нужным подробно описать их [Кларк, 1999, с. 27; Clarke, 1816, p. 119].

По завершении строительства пристройки надгробие Наны и Демостратеи вновь вмонтировали, но уже в южную ее стену рядом с другим надгробием. Еще два надгробия поместили в ее северную стену (рис. 1,3). Все они неоднократно упоминались в XIX в. в литературе [см.: Феодосеев, Пономарев, 2016, с. 127–129]. В 1825 г. четыре барельефа, из которых два «высокой работы, с именами усопших и окончанием – радуйся», насчитал в стенах храма П. П. Свиньин [Свиньин, 1826, с.458]. В 1836 г. с лапидарными памятниками церкви ознакомился Н. Н. Мурзакевич. В северной стене западной пристройки он увидел два надгробия с изображениями и надписями – «Феонайя (дочь) Дионисия радуйся», «Публий Косса радуйся», а в южной стене – еще два надгробия, но почему-то написал, что оба они были без надписей [Мурзакевич, 1837, с. 682–683]. Наиболее полная сводка античных лапидарных памятников из церкви была приведена в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство», изданном в 1848–1849 гг. В их числе оказались надгробия Метродора, Наны и Демостратеи, Лисимаха, Публия, сына Коссы и Феоны, сына Дионисия [Ашик, 1848, I, с. 87, № 25; II, 60–62, 64, № 4, 5, 6, 8, 15]. В 1890 г. некоторые надгробия из стен церкви были изданы В. В. Латышевым (IOSPE, II, № 40, 115, 192, 200, 285).

В процессе реставрации церкви (1972–1980 гг.) надгробия из северной стены были извлечены, а два надгробия, в том числе Наны и Демостратеи, оставлены на своих местах [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2012, с. 134; Феодосеев, Пономарев, 2016, с. 131]. Их и поныне можно увидеть над центральным парным окном южной стены западной пристройки (рис. 2, 1).

Архитектурные детали и пьедестал у карантинной заставы

В отличие от надгробий, небольшое собрание античных древностей (согласно Ш. Ж. Ромму и П. С. Палласу – 2 или 3 колонны из мрамора с серыми прожилками, две капители «грубой работы» и «постамент»), собранное у карантинной заставы Ени-Кале, представляет собой полную загадку. После П. С. Палласа о нем

империи, участки, на которых находились брошенные мусульманские кладбища, стали постепенно застраивать, а большую часть надгробий использовали в качестве строительного материала. Тогда же, возможно, в стены церкви вмонтировали первые античные надгробия, о которых в 1786 г. упомянул Ш.Ж. Ромм. Можно предположить, что церковь была отремонтирована в 1777 г. (когда впервые фиксируется новое название церкви), одновременно со строительством вокруг старой турецкой крепости в Керчи дополнительного вала с бастионно-реданным профилем, а к югу от нее – фортификационного сооружения с тенальным профилем («крепостью в виде интершанца» в «форме звезды») [Пономарев, 2022, с. 297]. Единственный рисунок, на котором церковь изображена до сооружения западной пристройки 1801–1804 гг. – «Церковь Иоанна Предтечи в Керчи, в древнем ее виде», хранился до революции в музее ООИД и был опубликован Н. Н. Мурзакевичем (рис. 3,2) [Мурзакевич, 1837, с. 682; Мурзакевич, 1881, с. 32, № 60].

на этом месте уже никто не упоминал. Впрочем, есть основания предполагать, что через год или несколько позже после его отбытия из Керчи, оно было вновь перевезено в Тамань. В пользу этого свидетельствуют архивные документы 1793–1795 гг. Кубанского войскового архива, хранившиеся в начале XX в. в губернском архиве Ставропольского края. Речь идет о переписке должностных лиц относительно сохранения, найденного в Тамани «Тмутараканского камня», которая была опубликована Л. Я. Апостоловым и Г. Н. Прозрителевым в «Трудах» XV археологического съезда в Новгороде (1911 г.) [Прозрителев, 1914, с. 401–405; Апостолов, 1914, с. 406–410]⁸ и переиздана А. С. Орловым в 1952 г. [Подлинное..., 1952, с. 167–182].

В рапорте от 9 сентября 1793 г. вице-губернатору Таврической области К.И.Габлицу командир 1-го батальона Таврического егерского корпуса премьер-майор Христофор Карлович Розенберг написал из Тамани, что «над найденным на острове Фанагория камнем... по силе Высочайшего Ея Императорского Величества повеления, приличное ограждение присланным от вашего высокородия архитекторским помощником Баженовым построено» [Апостолов, 1914, с.408–409]. К сожалению, как выглядело оно, неизвестно, но для его строительства К. И. Габлиц приказал отправить 3,5 кубических сажени камня, 75 возов глины и 15 возов песка, а для покрытия крыши Феодосийскому городничему секунд-майору Ф. Ю.Лаушеву было предписано дополнительно доставить 1500 черепиц. Судя по смете, «ограждение» камня представляло собой каменное сооружение («домик» со слов П. С. Палласа) [Паллас, 1999, с. 130] с побеленными стенами и черепичной кровлей, уложенной на балочно-стропильную конструкцию. Возводили его 6,5 дня 17 служащих из 1-го батальона Таврического егерского корпуса [Прозрителев, 1914, с. 402–403].

Однако спустя два года по ряду причин «ограждение», сооруженное над «Тмутараканским камнем», решили перенести. В рапорте от 29 марта 1795 г. войсковой судья Черноморского казачьего войска полковник А. А. Головатый пояснил причины такого решения Таврическому губернатору С. С. Жегулину: «сделанный над мрамурным камнем с надписью деяний князя Глеба, поставлен от Тамани без малого на версту, близ разрушенного фонтала, а к тому между частыми пещаными курганами, и на самом низменном месте, так что в рассуждении очень песковатого туды расстояния, редко кто и любопытствовать к нему приходит». В этом же рапорте А. А. Головатый предложил построить новое «ограждение» камня и перенести его в сад (оставшийся еще с турецкого периода) недавно построенной

⁸ Эта переписка была обнаружена в делах Ставропольского губернского архива председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г. Н. Прозрителевым. Свое сообщение «Камень с надписью деяний князя Глеба» (в виде копий с оригинала дела из архива) Л. Я. Апостолов прислал в Комитет съезда в январе 1913 г. Опубликовано оно было как дополнение к докладу Г. Н. Прозрителева «К истории Тмутараканского камня», в основу которого также были положены документы 1793–1795 гг. из Ставропольского губернского архива [Прозрителев, 1914, с. 401–405].

в Тамани⁹ церкви Покрова Пресвятой Богородицы: «а по сим обстоятельствам сужу я за способнее перенести оной монумент к выстроенной в Тамани в прекрасном саду каменной церкви, и при оной выстроить тот монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен, и внутри темной; но так чтобы оной камень лежал по середине онаго монумента на четырех столбах, как бы на ашафоте, с порядочною крышею...» [Апостолов, 1914, с. 409–410; Прозрителев, 1914, с. 404–405].

17 апреля 1795 г. А. А. Головатый в письме С. С. Жегулину пишет, что его повеление, позволяющее перенести «монумент над мрамурным камнем с надписью деяний князя Глеба» от фонтана к «новосооруженной» церкви Покрова Пресвятой Богородицы (рис. 4, 2), он получил. И далее, что особенно важно для нас, попросил разрешения использовать для устройства нового «монумента» античные архитектурные детали, которые еще на тот момент находились у карантинной заставы Ени-Кале: «для постановления под оной камень столбов есть в Ениколе при берегу, и других местах воинскими командами с Тамана перевезенные разные мрамурные столбы и фигуры соответствующие древности, находящиеся без употребления. Ежели для б такова достопамятного дела возможно их получить, покорно Вашего превосходительства прошу об отдаче кому надлежит писать, и о последующем меня резолюцией не оставить» [Апостолов, 1914, с. 409; Прозрителев, 1914, с. 405].

К сожалению, последовавшей за этим переписки среди архивных дел не обнаружилось [Прозрителев, 1914, с. 405], поэтому неизвестно, разрешил ли С. С. Жегулин использовать античные мраморные детали для сооружения нового «монумента» над «Тмутараканским камнем». В пользу того, что разрешение все-таки на это последовало, свидетельствует тот факт, что после П. С. Палласа никто уже более не упоминал об «антиках» у карантинной заставы Ени-Кале. Но, если их вновь перевезли в Тамань, а новый монумент над «Тмутараканским камнем» так и не построили, как сложилась их судьба?

Летом 1802 г. П. И. Сумароков нашел «Тмутараканский камень» у стен церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Он «лежал» здесь вместе с мраморным львом и двумя мраморными капителями [Сумароков, 1805, с. 126–127]. На этом же месте, «заваленным в церковной ограде другими мраморными отломками», в августе 1803г. его увидел Н. А. Львов и решил включить в конструкцию «памятника древнейшей русской истории», проект которого сам и разработал. Со слов А. Н. Оленина: «решился он с помощью бывших с ним спутников знаменитый сей камень торжественно перенести во внутренность храма, и собрав разные примечания достойные остатки других древних камней, составил памятник, означающий прехождение острова Тамана под владение разных народов» [Оленин, 1806, с. 29]. На фронтисписе своего сочине-

---

⁹ Рапорт о разрешении построить за свой счет «на каменном фундаменте деревянную церковь А.А.Головатый подал 17 июля 1793 г. Освящена она была в праздник Покрова в 1794 г. войсковым протоиереем Романом Порохней [Орлов, 1912, с. 16, 202; Бертье-Делагард, 1918, с. 91; Береговина, Устаева, 2013, с. 605–606].

ния А. Н. Оленин поместил рисунок памятника, исполненный в 1803 г. спутником Н.А. Львова – И. А. Ивановым (рис. 5,1)¹⁰. Среди использованных в его конструкции «антиков» он упомянул фрагмент статуи¹¹, «камень» с надписью и барельефными изображениями «в виде двух крылатых гениев с лавровыми венками в руках» (надпись Евпатерия, найденные в Тамани в 1802 г. П. И. Сумароковым), две «генуэзские» капители и обломок колонны из проконесского мрамора [Оленин, 1806, с. 29–30; Майофис, 1999, с. 136–137]. Но были ли в конструкции использованы «антики» из карантинной заставы Ени-Кале (капители и колонна), это уже установить никогда не удастся, поскольку их подробного описания и рисунков никто не привел.

К примеру, А. С. Раевский при обсуждении доклада Л. Я. Апостолова на археологическом съезде в Новгороде предположил, что «проект перевезти в Тамань барельефы и плиты из Еникале по-видимому осуществился», но, по его мнению, они были использованы при сооружении церкви Покрова Пресвятой Богородицы, «пороги и отчасти стены которой... состоят из античных памятников, покрытых скульптурой и надписями», изданные, как он отметил, частично В. В. Шкорпилом [Известия..., 1911, с. 94–95]¹². Однако А. С. Раевский допустил в своих рассуждениях хронологическую ошибку – церковь была построена в 1793–1794 гг., а перевезти «антики» из Ени-Кале А. А. Головатый испросил разрешение у С. С. Жегулина только 17 апреля 1795 г. Иными словами, для сооружения церкви были использованы другие, уже найденные на тот момент в Тамани античные мраморы¹³. Некоторые из них и опубликовал В. В. Шкорпил, в том числе надгробие, найденное 27 марта 1907 г. при осмотре порогов Покровской церкви вместе с двумя другими мраморными плитами без надписей [Шкорпил, 1908, с. 48–49, № 6], и ножку мраморного кресла с частично сохранившейся надписью, изъятую из стены церкви при ее реконструкции в 1911 г. [Шкорпил, 1912, с. 63–64, № 1; КБН, 1965, с. 601, № 1040]. В стене церкви оказался также постамент с надписью Тиберия Юлия Савромата [КБН, 1965, с.607–608, №1048].

Поэтому логичнее будет допустить, что если при сооружении «памятника древ-

¹⁰ В 1821 г. его зарисовал архитектор Эжен (Евгений Францевич) Паскаль, спутник Е. Е. Кёлера в поездке по Крыму. 4 января 1822 г. он его отослал из Севастополя в Петербург [Тункина, 2013, с. 207], но, насколько нам известно, он так и не был опубликован.

¹¹ Согласно А. Н. Оленину, это был обломок статуи «из коей осталось одно туловище, покрытое броню и часть хламиды» [Оленин, 1806, с. 29]. В 1794 г. эту статую П. С. Паллас нашел в «развалинах старой Тамани» – «я увидел также между остатками древних скульптурных работ половину торса фигуры воина в латах и одеянии, довольно грубого исполнения» [Паллас, 1999, с. 126].

¹² В 1837 г., побывав в Тамани, А. Н. Демидов со своими спутниками осмотрел и церковь. С его слов, «церковь эта деревянная, возведена на древнем фундаменте и в нижней части ее странным образом перемешаны с простыми камнями мраморные плиты, украшенные греческими надписями» [Демидов, 1853, с. 483].

¹³ Со слов Н. А. Львова: «Тамань начали разламывать в /17/93 году... на церковь и на постройку других зданий разломан стар/ый/ Тамань» [Тункина, 2011, с. 37].

нейшей русской истории» Н. А. Львовым в 1803 г. «антики» из карантинной заставы Ени-Кале так и не были использованы (или были употреблены только некоторые из них), они (или оставшиеся) могли быть сложены у церкви Покрова Пресвятой Богородицы вместе с другими древностями [Тункина, 2013, с. 201; Тункина, 2002, рис. 14]¹⁴. Так, к примеру, возле церкви (в церковном саду) в августе – сентябре 1804г. Е. Е. Кёлер увидел постаменты с посвянительными надписями Местора, сына Гиппосфена, Федимы, жены Стратия, царя Тиберия Юлия Савромата и постамент с почетной надписью [Köhler's, 1805; Кёлер, 1850, с. 99–132; КБН, 1965, с. 600–601, 602–603, 604–605, №№ 1039, 1043, 1045, 1046, 1049; Тункина, 2002, с. 73]. Вторично приехав в Тамань в 1821 г., Е. Е. Кёлер несколько дней (с 30 августа по 4 сентября) уделил уточнению и дополнению списка античных памятников с надписями из Тамани. В церкви священник показал ему вплетенный в Евангелие список принадлежащих церкви античных мраморов, в том числе колонн и капителей, которые ей подарил Н. А. Львов. Руководствуясь своей «миссией», с согласия начальства Черноморского казачьего войска и священника Покровской церкви, Е. Е. Кёлер распорядился «чтобы прекрасные мраморные памятники, которые находятся вне церкви» были установлены внутри нее (в притворе), что и помогли сделать матросы с судна «Лаокоон», на котором ученый прибыл в Тамань [Тункина, 2002, с. 570].

В 1811 г. древние барельефы с надписями у стен церкви увидели профессор минералогии Дерптского университета М. Ф. Энгельгардт и студент Ф. Паррот [Engelhardt, Parrots, 1815, s. 78].

В 1820 г. копии надписей, хранившихся в Покровской церкви, снял для И.П.Бларамберга П. А. Дюбрюкс [Дюбрюкс, 2010, I, с. 83; Тункина, 2002, с. 152], которого в этом же году Е. Е. Кёлер в своей записке конференции Академии наук предлагал назначить на должность «смотрителя древностей», поручив ему доставку найденных эпиграфических памятников в Феодосийский музей древностей и Таманскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы [Тункина, 2002, с. 77–78].

В 1825 г. П. П. Свињин упомянул о «значительном собрании памятников» внутри церкви, причем, судя по его описанию, часть из них ранее Н. А. Львов включил в конструкцию своего монумента, который, получается, уже к 1825 г. был разрушен или намеренно разобран. Среди них он перечислил две «коринфские капители необыкновенного вкуса», «бюст воина», обломки двух колонн из «Архипелажского мрамора», три колонны «по четыре аршина» длиной, «шесть белых плит Паросского

---

¹⁴ Впрочем, по мнению А. Л. Бертъе-Делагарда, спроектированный Н. А. Львовым памятник высотой 4,5 аршина так и не был построен. В этом его убедил рисунок И. А. Иванова, который вряд ли был сделан с натуры, а скорее, так и остался проектом. Помимо таких ошибок, как невероятных размеров шлема и дважды повторенная надпись на блоке в основании монумента и на лежащей на нем колонне, А. Л. Бертъе-Делагард отметил, что проект памятника в таком виде не мог быть реализован, поскольку, будучи собран из многих, различных по весу, форме и размерам, мраморным деталям, его не удалось бы собрать в устойчивую долговременную конструкцию [Бертъе-Делагард, 1918, с. 90].

мрамора», «стержень колонны из серого гранита»(?), «Еллинский надгробный памятник», «сероватого мрамора куб с надписью», «обломок надгробного монумента с надписью» и два обломка «коринфских колонн» [Свиньин, 1826, с. 452–453]¹⁵.

В этом же году более двадцати плит с надписями у стен Покровской церкви насчитал английский путешественник доктор Роберт Лайелл [Layall, 1825, p. 386]. За два года до него их увидел его соотечественник, капитан королевского флота Джордж Мэтью Джонс [Jones, 1827, p. 191]. О собрании в «самой церкви» «достопамятностей», включая Тмутараканский камень, в своей книге «О Кавказской линии» упомянул генерал-майор И. Л. Дебу, сведения для которой он собирал между 1816–1826 гг. [Дебу, 1828, с. 426].

В 1832 г. Ф. Дюбуа де Монпере обнаружил «Тмутараканский камень» вместе с «античными камнями» под особым, построенным для него навесом у стены

¹⁵ Особый интерес среди перечисленных им «антиков» представляют две «коринфские капители» и «стержень колонны из серого гранита». Напомним, что в 1794 г. П. С. Паллас упомянул среди античных древностей, сложенных у карантинной заставы Ени-Кале, «три прекрасные колонны из мрамора с правильно, как по линейке, проложенными в длину серыми прожилками» и две мраморные капители «высеченные грубой работой». Может быть, речь идет об одних и тех же находках? Их описание, приведенное П. С. Палласом, дает возможность предположить, что речь идет о колоннах из проконесского мрамора (с характерными для него параллельными темно-серыми прожилками) и капителях средневизантийского времени. И те и другие могли быть частью внутреннего убранства базилики VI в. и церкви Богородицы (X в.) в Гермонассе-Таматархе. В 1802 г. П. И. Сумароков увидел у стен Покровской церкви в Тамани «2 капители с арабесковыми выпуклостями» [Сумароков, 1805, с. 126–127]. Однотипные им две капители (если даже не капители «грубой работы» из Ени-Кале), судя по рисунку И. А. Иванова, были использованы Н. А. Львовым при сооружении монумента в Тамани, названные А. Н. Олениным капителями «генуэзской работы» [Оленин, 1806, с. 30]. В 1926 г. похожие по стилю две капители из проконесского мрамора осмотрел и сфотографировал в Тамани А. С. Башкиров. По его мнению, изготовлены они были «на территории Тмутараканского княжества» между VIII–IX вв. и XII в. К сожалению, они были утрачены во время Великой Отечественной войны [Ендольцева, Чхаидзе, 2016, с. 60–62, рис. 3, 1, 2]. Одна из них хранилась до войны в колокольне Таманской Покровской церкви. Изготовлена она была из вторично использованного мрамора с надписью 247 г. н. э. Н. П. Розанова датировала капитель VI в. и привела в качестве аналогий находки из Керчи, Тиритаки и Херсонеса (рис. 5, 2) [Розанова, 1947, с. 174–175, рис. 2; КБН, 1965, с. 639–640, № 1101]. Вместе с капителью в звоннице церкви хранились 4 колонны из проконесского мрамора, которые в 1987–1988 гг. были перенесены в Таманский археологический музей. В X в. их вторично использовали при сооружении церкви Богородицы в Таматархе, которая, возможно, была разрушена только в XVIII в. [Чхаидзе, 2014, с. 37; Чхаидзе, Виноградов, Ёлшин, 2017, рис. 7]. Таким образом, есть все основания предполагать, что у карантинной заставы Ени-Кале какое-то время хранились мраморные детали базилики и церкви Богородицы в Таматархе. Подробно архитектурные детали ранневизантийского периода, найденные в станице Тамань, рассмотрены в статье Е. Ю. Ендольцевой и В. Н. Чхаидзе [Ендольцева, Чхаидзе, 2016а, с. 78–81; Ендольцева, Чхаидзе, 2016б, с. 55–66].

По мнению П. В. Новикова, упомянутые в перечне древностей Таманской церкви П. П. Свиньина обломки колонн и три колонны по 4 аршина длиной могли быть подняты незадолго до этого со дна Керченского пролива в районе косы Чушка, где их примерно в километре от ее юго-восточной оконечности в 1822 г. зафиксировал П. А. Дюбрюкс. В своей статье П. В. Новиков попытался проследить их судьбу [Новиков, 2014, с. 153–167].

Покровской церкви [Dubois de Montpre ux, V, p. 86–88]. О «древностях и надписях... вокруг церкви» сообщает Ш. Монтандон в своем «Путеводителе путешественника по Крыму», изданном в 1834 г. [Montandon, 1834, p. 267; Монтандон, 2011, с. 203].

В конце 1830 г. Керчь-Еникальский градоначальник З. С. Херхеулидзе обратился с ходатайством к атаману Черноморского войска Н. С. Завадовскому о передаче в Керченский музей древностей всех древних памятников, находящихся при Покровской церкви в Тамани [Тункина, 2002, с. 578]. 15 сентября 1834 г., после длительной переписки, его разрешение было получено, но с условием, что мраморные колонны без надписей будут оставлены, поскольку принадлежат Таманской церкви и внесены в реестр ее имущества. 19 октября 1834 г. архиепископ Новочеркасский Афанасий своим указом дозволил приходскому священнику Таманской церкви передать хранившиеся в ней древности, кроме колонн [Новиков, 2014, с. 161]. В июле 1835 г. по распоряжению З. С. Херхеулидзе «Тмутараканский камень» вместе с 20-ю античными изделиями из мрамора (включая «9 памятников каменных с древними надписями») директор Керченского музея А. Б. Ашик перевез на транспорте «Шалун» в Керчь, поскольку Покровскую церковь в Тамани стало заносить песком [Спицын, 1915, с. 3–4, 13; Тункина, 2002, с. 578; Медынцева, 1979, с. 7; Захаров, 2002, с. 154–165, 167–168].

В 1852 г. П. В. Беккер сообщил, что «по обеим сторонам каменной стены» ограды Таманской церкви «на дворе коей во времена Дюбуа сохранялись некоторые чрезвычайно любопытные древности... песку нанесло больше чем на сажень, так что теперь, не входя в ворота, можно ходить чрез стену... теперь кроме некоторых камней с неясными надписями, вделанных в стены церкви, и нескольких обломков разбитых мраморных колонн, вы не встретите ничего замечательного. И внутри церкви также нет ничего любопытного» [Беккер, 1858, с. 378].

В 1851 г. «Тмутараканский камень» был перевезен в Эрмитаж [Беккер, 1858, с.378], а дальнейшую судьбу большинства «достопамятных знаков, мраморов, камней» из Покровской церкви в Тамани, среди которых, возможно, оказались и некоторые «антики» из карантинной заставы в Ени-Кале, проследить не удалось. Если последние перевезли в Керчь, то оказаться они могли только «вне музеяма... под колоннами» его «внешних стен», где уже задолго до этого и вплоть до оккупации Керчи «союзниками» размещались наиболее крупные находки из мрамора и известняка: надгробия, постаменты, архитектурные детали и проч. [Беккер, 1858, с. 354]. Перевозка в Керчь «Тмутараканского камня» и небольшой лапидарной коллекции из Тамани в 1835 г. наверняка была документально оформлена, возможно, был составлен и подробный список предметов, но, к сожалению, «археологический архив» Керченского музея, включая инвентарные описи, был почти полностью уничтожен во время Великой Отечественной войны [Иванова, 1948, с. 185; Чуистова, 1952, с.241; Федосеев, 2002, с. 172–173].

Две статуи львов у карантинной заставы

Что касается «двух львов... из белого мрамора», которых в 1786 и 1794 гг. уви-

дели у карантинной заставы Ени-Кале Ш. Ж. Ромм и П. С. Паллас, позднее их на этом месте уже никто более не упоминал, в частности, побывавшие здесь спустя несколько лет после П. С. Палласа – Э. Д. Кларк (1800 г.), П. И. Сумароков (1799 г., 1802 г.) и Жан де Рейи (1803 г.) [Reuilly, 1806, p. 141]. Дальнейшую судьбу этих двух статуй проследить очень сложно, поскольку, во-первых, Ш. Ж. Ромм и П. С. Паллас не оставили их подробного описания и рисунков, во-вторых, в последней четверти XVIII в. или позднее на Таманском полуострове были найдены еще, как минимум, три скульптуры львов [Тункина, 2011, с. 89]. Еще одна с 1786 г. по 1803 г. упоминалась у главных ворот Керченской турецкой крепости Ш. Ж. Роммом, П. С. Палласом, П. И. Сумароковым и Жаном де Рейи [см. лит.: Пономарев, 2021, с. 238–240; Пономарев, 2022, с. 290–291]. Четыре из них, оказавшиеся между 1810–1816 гг. в Феодосии, всегда позиционировались как парные скульптуры, они-то и заслуживают особого внимания, поскольку Ш. Ж. Ромм и П. С. Паллас сообщили о двух львах в Ени-Кале.

Видимо, статуи львов из карантинной заставы Ени-Кале вместе с хранившимися там же мраморными архитектурными деталями после 1795 г. вновь перевезли на Таманский полуостров.

В 1800 г. Э. Д. Кларк сообщил, что два льва «в натуральную величину» украшали вход в дом инженер-генерала Ван дер Вейде (Вандервейде, Van der Veide), два других находились у церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Скульптуры львов (сколько, неизвестно) он увидел и на морском берегу [Clarke, 1816, p. 89–90; Тункина, 2002, с. 563].

18 августа 1803 г. станицу Тамань и Фанагорийскую крепость посетил Н. А. Львов. В путевой тетради № 2 он сделал запись о двух львах из «паросского мрамора», которых он увидел у крепостных ворот: «На босфорском проливе построена кре[пость] Фанагория в 1793, кончена построением в 1796 г. ... на пристани находившиеся ворота украшены были двумя львами древней греческой работы из паросского мрамора. ... Львы длиною по 2 аршина с $\frac{1}{4}$ по вышине». Их краткое описание он сопроводил схематическим наброском одной из скульптур (рис. 6,1) [Тункина, 2011, с. 37–38, рис. 51; Тункина, 2002, рис. 10].

Позднее четыре скульптуры львов перевезли в Феодосию. Две из них были установлены у входа в бывшую мечеть, в которой с 1811 г. до 1871 г. размещался Феодосийский музей древностей. Однако, когда они там оказались, документально установить пока не удалось. Во всяком случае, в «Описи...» Феодосийского музея из архива А. Н. Оленина, датируемой 1816 г., львы среди его экспонатов не упоминаются [Латышев, 1889а, с. 110; Тункина, 2002, с. 209], возможно, потому что были установлены у входа и, собственно, как часть музейного собрания не рассматривались. Нет документальных свидетельств и о том, что они были куплены городским головой Феодосии и первым заведующим Феодосийского музея древностей А. В. Галлерой (Галерой), направленным в 1811 г. феодосийским градоначальником С. М. Броневским в Керчь и Ени-Кале для приобретения предметов древно-

сти [Гейман, 1916, с. 103–104; Тункина, 2011, с. 98, прим. 7]. То же самое касается и П.А.Дюбрюкса, которому в этом же году С. М. Броневский поручил пополнить музейную коллекцию находками из Керчи [Латышев, 1889б, с. 136; Тункина, 2002, с.209; Дюбрюкс, 2010, I, с. 135; Тункина, 2011, с. 98, прим. 7]. Возможно, какие-то сведения о львах содержались в архиве следующего после А. В. Галлеры заведующего Феодосийским музеем доктора И. И. Грапперона (Граперона), но он был вывезен после его смерти Э.В.Тетбу де Мариньи [Колли, 1905, с. 47] и бесследно исчез. Тем не менее, факт остается фактом: четыре парные скульптуры львов были перевезены из Фанагорийской крепости в Феодосию между 1810–1816 гг., в период, когда феодосийским градоначальником был С. И. Броневский.

У входа в музей о них в 1819 г. упоминает П. И. Кёппен. Он сообщил о том, что их привезли из Ени-Кале, но о том, что они какое-то время находились в Фанагорийской крепости, он, видимо, сведениями не располагал: «два льва, огромной величины, оба лежащие и головами в левую сторону обращенные. Находятся пред входом в музей. На улице. Перевезены в Феодосию из Еникале» [Тункина, 2011, с. 106; Тункина, 2002, с. 93]. В 1820 г. о львах, «хранящихся в Музеуме Феодосии», написал И. М.Муравьев-Апостол, но ошибочно посчитал, что речь идет о львах, находившихся до этого у ворот керченской крепости [Murawiew-Apostol, 1825, s. 208; Муравьев-Апостол, 1823, с. 262]. В 1825 г. П. П. Свиньин тоже обратил внимание на установленных в «преддверии» музея (бывшей «небольшой турецкой мечети») двух мраморных львов, но, в отличие от своих предшественников, сообщил, что их «вытащили в Фанагории из моря» [Свиньин, 1826, с. 464]. Перед этим же среди «значительного собрания» античных древностей Таманской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (архитектурных деталей, надгробий, скульптур и проч.) он увидел еще одного «колоссального льва», единственного из пяти(?), не вывезенного из Тамани в Феодосию [Свиньин, 1826, с. 452–453]¹⁶. Дальнейшую судьбу его проследить не удалось.

В 1825 г. о львах у входа в Феодосийский музей упомянул Минас Медичи (Бжшкьянц, настоятель армяно-католической церкви в Карасубазаре, 1820–1846 гг.), но вслед за И. М. Муравьевым-Апостолом посчитал, что они «стояли прежде у ворот керченской крепости, после перевезены сюда» [Тункина, 2011, с. 106]. Такой же точки зрения придерживался Хр. Штир, инженер-капитан, командир Еникальской инженерной команды, составивший 17 марта 1827 г. «Описание древним зданиям в крепостях Еникольской и бывшей Керченской и вообще на крымском берегу Таврического или Воспорского пролива». По его ошибочному утверждению, из Керчи происходили «два льва, высеченные на камнях, ..., ныне хранящиеся в Феодосийском музее» и «другие два льва, высеченные из белого мрамора, находящиеся также в Феодосии»

---

¹⁶Этого же льва «из белого мрамора с отломленными ногами длиной 1 аршин 12 вершков, вышиною 1 аршин 2 вершка» у стен церкви в 1802 г. увидел П. И. Сумароков [Сумароков, 1805, с. 126–127].

[Дюбрюкс, 2010, I, с. 55–56]. Ф. Дюбуа де Монпере, поместивший в своем сочинении их изображения, указал, что установлены они были «слева и справа от двери» музея, но Фанагорийская крепость, откуда их привезли, трансформировалась у него в Фанагорию (рис. 6,2,3) [Дюбуа де Монепере, 2009, с. 86]. Н. Н. Мурзакевич, посетивший музей в 1836 г., указал в качестве места их находки, вслед за Е. Е. Кёлером, Ени-Кале: «при входе в мечеть поставлены два древние льва, открытые в Эни-кале» [Мурзакевич, 1837, с. 671].

Что касается первой пары львов, установленных у входа в старое здание Феодосийского музея (бывшей мечети), они оставались здесь до 1871 г., потом их установили у входа в новое здание музея на г. Митридат, построенное на средства И.К.Айвазовского (рис. 7,1). В отличие от него, они пережили Великую Отечественную войну и до сих пор находятся во дворике нынешнего здания Феодосийского музея древностей (рис. 7,2). По мнению И. В. Тункиной, именно их описал в 1803 г. Н. А. Львов (что вполне справедливо, сравнивая статуи с его рисунком), затем их перевезли в Ени-Кале, а оттуда в 1811 г. в Феодосию [Тункина, 2011, с. 108]. Но действительно ли это та пара львов, которых увидели в Ени-Кале Ш.Ж.Ромм и П. С. Паллас, на этот вопрос пока ответить однозначно нельзя, хотя все имеющиеся свидетельства не противоречат этой точке зрения. Если это в действительности так, получается, что за короткий период (между 70-ми – 80-ми гг. XVIII в. и 1810–1816 гг.) они были трижды перевезены через Керченский пролив: из Тамани в Ени-Кале (между второй половиной 1770-х гг. и 1786 г.), затем обратно, но уже в Фанагорийскую крепость (после 1795 г.), где их увидел в 1800 г. Э. Д. Кларк, а в августе 1803 г. – Н. А. Львов, затем снова в Ени-Кале (между 1810–1816 гг.), откуда, в конечном итоге, они попали в Феодосию.

К сожалению, никак не проясняет, если еще больше не запутывает ситуацию попытка проследить судьбу второй пары львов, вывезенных из Фанагорийской крепости между 1810–1816 гг. Они были установлены в воротах сада С. М. Броневского, в котором, со слов Г. В. Геракова (1820 г.), «много милого... в приятном беспорядке», в том числе «остатки колонн Паросского мрамора... камни с надписями» [Гераков, 1828, с. 122–123]. В этом же году П. П. Свињин описал его следующим образом: «в прекрасном саду сего почтенного мужа есть несколько мраморов и статуй, полученных им из здешних окрестностей и из Фанагории, в том числе и два огромные льва» [Свињин, 1826, с. 464–465].

В 1832 и 1834 гг. в Крыму дважды побывал Ф. Дюбуа де Монпере. В своем сочинении он упомянул о пяти статуях львов, вывезенных из крепости Фанагория по приказу С. М. Броневского. Одну из них, наиболее «обезображенную» (ту, которую в 1802 г. и 1825 г. упомянули П. И. Сумароков и П. П. Свињин), оставили в Тамани в ограде церкви Покрова Пресвятой Богородицы, две установили у входа в Феодосийский музей и еще две он приказал установить в воротах своего сада. Далее Ф. Дюбуа де Монпере сообщил, что С. М. Броневского «подвергли суду и присудили вернуть» установленные им в своем саду колонны и львов, но те и другие на 1834 г.,

со слов путешественника, еще «оставались в его саду» [Dubois de Montperéux, 1843, V, p. 68–69; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83, 86; Тункина, 2011, с. 89].

В 1837 г., после смерти С. М. Броневского, скульптуры львов из его сада были перевезены в Керчь и установлены у входа в музей на г. Митридат. В 1852 г. уже на новом месте «двух львов, лежащих у входа в музей» увидел П. В. Беккер [Тункина, 2011, с. 89–90; Беккер, 1858, с. 355]¹⁷. В 1856 г. их в числе некоторых других, не эвакуированных в силу громоздкости, экспонатов музея, похитили англичане, оккупировавшие вместе с французским и турецким контингентами Керчь, хотя в начальный период оккупации их успел на одном из своих рисунков изобразить Уильям Симпсон (29 мая 1855 г.) (рис. 9,1) и другой неизвестный художник, рисунок которого был помещен в одном из номеров Парижской иллюстрированной газеты «L'illustration journal universel» за 1855 г. (рис. 8,1) [Быковская, Кучеревская, 2022, рис. 5]. Статуи львов вывез и передал Британскому музею майор Уэстмакотт [McPherson, 1857, P.73, № 47]. 6 декабря 1856 г. в Лондонской иллюстрированной газете «The Illustrated London news» была опубликована его небольшая заметка с рисунками (рис. 8, 2, 3) [Lions ..., 1856, p. 566]. Ныне они хранятся в Отделе греческих и римских древностей, регистрационный № 1856,0710.45 и 1856,0710.46 (рис. 9,2,3) [Быковская, Кучеревская, 2022, с. 81–82, 114, № 10–11, рис. 10–11]. Военный врач Д. Мак-Ферсон, назначенный членом созданного английскими оккупационными властями в Керчи комитета «для определения ценности сохранившихся реликвий» (вместе с майором Уэстмакоттом и инженер-майором Крисом), в своем сочинении изложил отчасти ошибочную версию их истории: «Вместе с другими античными реликвиями генуэзцы перевезли львов из Фанагории в Каффу во времена ее процветания... Создавая музей в Керчи, русские хотели собрать в одном месте все сокровища, разбросанные по стране. Корабль, перевозивший львов и другие статуи, при входе в Керченский пролив попал на мель и затонул. Тринадцать лет спустя рыбацьи сети запутались в скульптурах, и тогда льва и львицу подняли из воды. Их поврежденный вид свидетельствовал о воздействии времени и стихий» [McPherson, 1857, p. 51; Мак-Ферсон, 2008, с. 73–74]¹⁸. Прав он в одном, судя по сглаженным формам, статуи львов из сада С. М. Броневского действительно могли какое-то время находиться в воде, возможно, похожую историю услышал в свое время П. П. Свињин, но ошибочно посчитал, что «из моря» «вытащили в Фанагории» пару львов, установленных у входа в Феодосийский музей [Свињин, 1826, с. 464].

К сожалению, где и когда была найдена вторая пара львов, когда их перевезли в Феодосию, и действительно ли они какое-то время находились под водой, неиз-

---

¹⁷ П. С. Савельев, побывавший в Феодосии в сентябре 1856 г., ошибочно указал их прежнее местоположение – «в саду Котляревского (Броневского – авт.) под городом» [Жизнь..., 1871, с. 111].

¹⁸ Статуя одного из этих львов оказалась на рисунке (своего рода коллаже), помещенном на титуле книги Д. Мак-Ферсона, за который автор принес благодарность господам Колнахи [McPherson, 1857; Мак-Ферсон, 2008, с. 20].

вестно. Вероятно, о них в 1800 г. упомянул Э. Д. Кларк, но из его сообщения нельзя понять, какие это из нескольких львов, которых он увидел. Были ли они установлены у входа в дом инженер-генерала Ван дер Вейде, находились ли у церкви Покрова Пресвятой Богородицы или на морском берегу [Clarke, 1816, p. 89–90; Тункина, 2002, с. 563]. Не находит документальных подтверждений и история о кораблекрушении, рассказанная Д. Мак-Ферсоном¹⁹. По мнению Н. Ф. Федосеева, корабль, на борту которого находились мраморные львы, возможно, потерпел крушение у Ени-Кале. Помимо львов, он мог перевозить и другие «антики», в том числе фрагментированную статую мужчины, которая была в 1949 г. найдена в море против Ени-Кале [Федосеев, 2017, с. 22–23]. Однако это не более чем догадка, подтвердить которую могут лишь документальные источники. Находки мраморных античных изделий в Керченском проливе не редкость, но далеко не все из них связаны с кораблекрушениями, часть из них оказалась под водой в силу геологических причин – трансгрессии моря и затопления некоторых прибрежных античных городищ и поселений. Свою роль сыграла и прибрежная абразия, в результате которой многие античные поселения и городища частично, иногда и полностью обрушились в море. Что касается находок античных мраморов под водой из ближайших к Ени-Кале, достаточно вспомнить т. н. «колонны храма Ахилла», зафиксированные в 1822 г. П. А. Дюбрюксом на глубине одного аршина у юго-восточной оконечности косы Чушка [Дюбрюкс, 2010, II, рис. 40; Новиков, 2014, с. 153–167]. Учитывая местоположение их находки, речь, несомненно, идет о грузе погибшего корабля, который, возможно, должен был доставить колонны из Тамани в Ени-Кале, но по какой-то причине (шторм, туман) его отнесло к отмелям у косы Чушка, где он и затонул.

Мраморная крышка саркофага у «фонтана» «Водного» бастиона

Последний, привезенный в третьей четверти XVIII в. в Ени-Кале из Тамани «антик», представлял собой мраморную крышку саркофага, которой, в отличие от других, нашли практическое применение, используя в перевернутом виде для стирки белья и в качестве поилки для скота. Ее установили около «фонтана» у западной стены юго-западного («Водяного», «Водного») бастиона, фланкирующего с юга «Черноморские» ворота [Белик, Ткачук, 2007, рис. 3, 15]. «Фонтан» подпитывался за счет воды, поступавшей по керамическому водопроводу из дер. Баксы к северу от крепости [Томилов, 1868, с. 189; Белик, Ткачук, 2007, рис. 10] в цистерну, в качестве которой использовалось внутреннее пространство самого бастиона. Таким образом, он не был самостоятельной водозаборной скважиной, а представлял собой зависимый от водопроводной магистрали вывод воды на поверхность, оформленный труб-

¹⁹ По версии Л. П. Колли, два мраморных льва из Феодосийского музея, найденных в 1820-е гг. «в море у берегов острова Тамани», оказались под водой в результате трансгрессии моря – они стали «свидетелями постепенных завоеваний суши морским прибоем и присутствовали при внезапном или постепенном погружении в морскую пучину... жилищ, храмов, памятников» [Колли, 1909, с. 126, 129, 137].

кой в западном фланке бастиона [Белик, 2007, с. 15; Белик, 2008, с. 315–316, рис. 3; Белик, 2010, с. 442; Белик, 2015, с. 82; Белик, 2016, с. 95, рис. 55, 3; Белик, Ткачук, 2007, с. 536].

Первым, напомним, об «общественном фонтане» и крышке саркофага рядом с ним в 1786 г. упомянул Ш. Ж. Ромм [Петрова, Прохорова, 2011, с. 99], а в 1794 г. – П. С. Паллас: «Под малым бастионом находится цистерна, достаточная для снабжения водой гарнизона в течение трех дней, получающая воду из водопровода. Мраморный саркофаг, взятый из Тамани, составляет водоем этого водопровода». По «рассказам жителей», он был найден на Таманском полуострове в нескольких верстах от татарской дер. Шемардан в гробнице одного из самых крупных курганов могильника на берегу моря «в пятьдесят-шестьдесят насыпей» [Паллас, 1883, с. 59; Паллас, 1999, с. 123, 132].

В 1799 и 1802 гг. в Ени-Кале дважды побывал П. И. Сумароков. К сожалению, в своем первом сочинении он не упомянул об античных древностях, а во втором – привел описание крышки саркофага у «фонтана» крепости: «у Черноморских ворот оной, лежит выдолбленная внутри штука белого мрамора о четырех ножках длиной $3 \frac{1}{4}$ аршин, вышиной 15 вершков, и я полагаю, что это саркофаг, то есть гробница древних» [Сумароков, 1805, с. 120].

В 1800 г. Э.-Д. Кларк описал крышку, как «мраморный сорос... блок весом две-три тонны», служивший «емкостью для общественной стирки». От местных греков он узнал, что найден он был в одном из «могильников острова Тамань» (между Таманью и Темрюком) и безуспешно попытался прочесть надпись, которая, как считал, «должна была быть выгравирована» на нем. По его мнению, именно эту «крышку гробницы» упомянул Обри де ла Мотре в описании своего путешествия из Тамани в Темрюк в 1711 г.²⁰ В своем сочинении Э. Д. Кларк поместил рисунок крышки Джозефа Скелтона (рис. 10,1) [Clarke, 1816, p. 83–84, 102–103; Кларк, 1999, с. 16; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 336].

В августе 1803 г. чертежи крышки (вид сверху, сбоку, с торца, в аксонометрической проекции) и с указанием ее размеров в путевой тетради № 3 привел Н. А. Львов (рис. 11,1) [Тункина, 2002, с. 72, рис. 15; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 337], но на рисунке, на котором он с западной стороны изобразил юго-западный бастион, «фонтан» и крышка саркофага по какой-то причине показаны им не были (рис. 11,2) [Гуковский, 1933, с. 129; Глумов, 1980, рис. на вклейке].

В 1821 г. в Ени-Кале побывали Е. Е. Кёлер и Э. Паскаль. В своем дневнике Е.Е.Кёлер поместил описание мраморной крышки саркофага, привезенной из крепости Фанагория, которая использовалась на тот момент как поилка для скота [Тункина, 2018, с. 329].

В 1822 г. «фонтан» с крышкой осмотрел английский путешественник Роберт

---

²⁰ С декабря 1711 г. по февраль 1712 г. он жил в крепости Ени-Кале [Путешествие..., 2006, с. 202].

Лайелл, но упомянул лишь, что до этого о нем писали Э.-Д. Кларк и П. С. Паллас [Layall, 1825, p. 380]. Несколько слов ему уделил и П. П. Свиньин (1825 г.): «Городской фонтан бьет в прекрасный мраморный саркофаг» [Свиньин, 1826, с. 461].

Судя из «Описания древним зданиям в крепостях Еникольской и бывшей Керченской и вообще на крымском берегу Таврического или Воспорского пролива», составленного 17 марта 1827 г. инженер-капитаном, командиром инженерной команды крепости Ени-Кале Хр. Штиром, крышка, как и за несколько лет до этого во время приезда Е. Е. Кёлера, служила «для поила скота». Числилась она за военно-инженерным ведомством – «в приходе по инженерным шнуровым книгам, ценою в 100 рублей», значительная по тем временам сумма. Далее он уточняет, что высечена она была «из одного куска белого паросского мрамора». По его мнению, «саркофаг служил, конечно, гробницей какому-либо знаменитому лицу древней Пантикапеи», но в «керченских курганах никогда не находили подобных саркофагов». В качестве места его находки Хр. Штир ошибочно указал Керчь [Тункина, 2002, с. 88; Дюбрюкс, 2010, I, с. 55–56, 331, прим. 27].

Ш. Монтандон в своем «Путеводителе путешественника по Крыму», изданном в 1834 г., ничего нового к сказанному о фонтане его предшественниками не добавил: «у входа стоит древнегреческий саркофаг, который служит бассейном для фонтана» [Montandon, 1834, p. 265; Монтандон, 2011, с. 202].

Упоминает о «фонтане» и мраморной крышке в своей рукописи (не позднее 1833г.) и П. А. Дюбрюкс: «в Еникале весьма любопытным объектом называют мраморный саркофаг, служащий бассейном для воды, поступающей из цистерны. Саркофаг поместили в основание одного из бастионов вне крепости, ближе к морю; но я не усматриваю в нем ничего примечательного». Выше он привел описание и самой цистерны: «Здесь устроена большая цистерна, куда вода поступает по подземным трубам из источника, расположенного за упоминавшимся мной акведуком; цистерна снабжает городок водой, а когда по какой-либо причине ее нет в цистерне, жители вынуждены посылать за ней на пять верст в сторону Керчи» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 280]. Упомянутый им акведук находился на одном из участков водопровода (в балке), проложенного от источника в дер. Баксы (ныне с. Глазовка) к крепости Ени-Кале. К 1794 г. он уже был частично разрушен [Паллас, 1999, с. 124]. Согласно П.И.Сумарокову, которого он очень впечатлил и назвавшего его «почтенным памятником мусульман», длина этого гидротехнического сооружения достигала 166 сажень [Сумароков, 1805, с. 122]. Опоры многоарочной конструкции акведука изображены на рисунках П. А. Дюбрюкса (не позднее 1833 г.) и Эдуарда (Евграф) Ниппа, в первой половине 1830-х гг. учителя черчения и рисования Керченского уездного училища, затем чиновника для особых поручений при Керчь-Еникальском градоначальнике по Азовскому береговому надзору [Тункина, 2002, рис. 62; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 339–341]. Полностью разобраны они были только в первой половине XX в. [Белик, 2008, с. 323–324, рис. 5–6; Веселов, 2005, с. 20].

В 1837 г. описание «фонтана» оставил А. Н. Демидов, он же впервые упомянул

об изображенных на крышке саркофага птицах: «у подошвы башни есть два фонтана, устроенные турками. Один из них совершенно обвалился и воды в нем уже нет, но из другого еще бьет весьма чистая вода, падающая в прекрасный резной саркофаг из белого мрамора, служащий ему бассейном. Резьба на этом саркофаге почти изгладилась, но еще видно, что на нем были изображены две птицы» [Demidoff, 1853, p. 228; Демидов, 1853, с. 481]. Под двумя фонтанами он имел в виду две трубки, выведенные из стены бастиона-резервуара.

С 13 мая 1855 г. и до 8 июня 1856 г. в г. Ени-Кале и его окрестностях размещалась основная часть оккупационных войск «союзников». Английский контингент сопровождал художник У. Симпсон, на двух карандашных рисунках которого, датированных 30 мая 1855 г., оказались юго-западный бастион крепости, «фонтан» и крышка саркофага (рис. 12,1,2). Уильям Симпсон привел их описание (по тексту из сочинения А. Н. Демидова) в пояснении к своему рисунку «Крепость Еникале с видом на Азовское море (рис. 13,1), помещенном в альбоме «The Seat of War in the East»: «У основания этой башни /бастиона – авт./ можно увидеть два фонтана, построенных турками. Один из этих фонтанов в руинах и бесполезен – стена обвалилась и иссяк источник; но журчащие воды другого все еще изливаются в великолепный греческий саркофаг из белого мрамора, служащий как бассейн. Скульптура, которой он украшен, стерлась, но две фигуры птиц еще можно различить» [Simpson, 1856, p. 168]. Литография с еще одного рисунка неизвестного автора была помещена в одном из номеров Лондонской иллюстрированной газеты «The Illustrated London news» (рис. 13,2).

К счастью, крышка саркофага не привлекла внимание членов созданного английскими оккупационными властями в Керчи комитета «для определения ценности сохранившихся реликвий», а поэтому с уходом «союзников» осталась на месте, хотя сам водопровод в крепость был ими поврежден.

К ремонту водопровода и «фонтана» приступили только спустя два года. В 1858 г. на эти нужды было выделено 200 руб., после этого при нем уже содержался сторож, получавший содержание от города 100 руб. в год [Полицейский листок., 1858, № 9, 2 марта; Полицейский листок., 1859, № 49, 6 декабря]. В январе 1859 г. Керчь-Еникальский градоначальник выразил благодарность городскому голове И. Г. Салатичу за принятие на свой счет «передержанных» на исправление Еникальского водопровода «сверх сметного назначения» 788 руб. 62коп. [Полицейский листок., 1859, № 3, 18 января]. Ремонтные работы продолжались и два последующих года, на исправление водопровода и фонтана в 1859 г. и 1860г. было выделено еще по 200 руб. [Полицейский листок., 1859, № 50, 13 декабря; Полицейский листок., 1860, №19, 8 мая].

Однако восстановить подачу воды в «фонтан» у бастиона удалось, по-видимому, не в полном объеме, о чем в 1868 г. упомянул генерал-майор и писатель И. Р. фон дер Ховен. «Выезжая из ворот крепостной стены» он остановился у «мраморного резервуара, имеющего вид огромной ванны», на его вопрос о назначении этой кон-

струкции ему ответили, что «когда-то сюда была подведена вода, постоянный приток которой, переполняя через край этот резервуар, уходил дальше в море. Во время англо-французского нашествия в Крым жители Керчи и Ени-Кале, выселяясь и желая лишить неприятеля воды, испортили подземный тоннель и трубы и отвели струю прямо в море. Неприятелю не представилось большого труда восстановить прежнее течение и исправить незначительное повреждение тоннеля, и он все время мог пользоваться водой²¹. Но по окончании войны англо-французы так попортили этот же тоннель, что возвратившиеся жители сами остались без воды. Все предпринятые ими и казной работы по возобновлению канала остались тщетными» [Ховен фон дер, 1871, с. 287].

Проблема подачи воды в г. Ени-Кале неоднократно обсуждалась на заседаниях Керчь-Еникальской городской думы. Позднее его жители стали получать воду и из других источников, но до какого времени функционировал «фонтан» у «Водного» бастиона, неизвестно. Во всяком случае, свое былое значение он утратил, поэтому крышка саркофага стала упоминаться гораздо реже, в основном в путеводителях, которые рекомендовали ее как «любопытный» для путешественников объект. Так, к примеру, в «Путеводителе по Крыму для путешественников» М. А. Сосногоровой указано, что по пути к нефтяным источникам желающие «могут обратить внимание на один из фонтанов в Еникале, любопытный по древнему саркофагу, в который падает вода» [Сосногорова, 1871, с. 342–343; Сосногорова, 1874, с. 354]. Этот же текст позднее слово в слово был повторен в «Путеводителе по Крыму...» Ф. В. Ливанова [Ливанов, 1875, с. 2] и в перефразированном виде в «Путеводителе по Крыму» Н. А. Головкинского (бывший М. А. Сосногоровой) [Головкинский, 1894, с. 506]. В других путеводителях «фонтан» и крышка были упомянуты, более того в «Практическом путеводителе по Крыму» Анны Москвич и в нескольких более поздних изданиях путеводителя Г. Г. Москвича отмечено, что «крепость Еникале не представляет теперь ничего выдающегося» [Москвич, 1889, с. 80]. Стало забывать о крышке и научное сообщество, в 1886 г. В. Н. Юргевич даже не знал, где он находился на тот момент, написав в своей статье, что в Керченском музее [Юргевич, 1886, с. 35].

Последним о крышке саркофага и действующем «фонтане» в 1894 г. в своей книге «Керчь в прошедшем и настоящем» упоминает преподаватель истории и географии Керченской мужской гимназии Хр. Хр. Зенкевич: «достопримечательностей в

²¹ Тем не менее, этого и других источников для размещенного в Ени-Кале англо-турецкого контингента не хватало. На это обстоятельство указал подполковник королевской артиллерии Джон Миллер Адай, посетивший по приказу союзных главнокомандующих Керчь и Ени-Кале 11 января 1856 г. Он писал: «самая большая потребность заключается в воде – очень желательно установить здесь водоочистительную паровую машину наподобие той, что стоит на Павловском мысе. В настоящий момент вода поступает в основном издалека по трубам, и ее поступление может быть перекрыто. Остальная часть /воды – авт./ завозится из Старого Карантина, расположенного в нескольких милях» [Миргородский, 2021, с. 141].

Еникале почти никаких, если не считать нескольких могильных курганов, нефтяных источников, группы сопок... маяка, да полуразвалившейся крепости; ко всему этому можно еще прибавить фонтан, вода которого падает в древний саркофаг» [Зенкевич, 1894, с. 91].

В дальнейшем каких-либо свидетельств о «фонтане» и крышке саркофага найти не удалось, нет упоминаний о них и в путеводителях начала XX в. По мнению В.Ф. Санжаровца, они сохранялись, по крайней мере до Великой Отечественной войны [Санжаровец, 2011, с. 367, прим. 19]. К сожалению, крышки саркофага на имеющихся в распоряжении автора фотографиях 1920-х – 1930-х гг. не видно, правда, все они были сняты с неудачного ракурса (рис. 14,1). То же самое можно сказать и о фотографиях юго-западного бастиона Ени-Кале 1942–1944 гг. (рис.14,2). Впрочем, если допустить, что крышка саркофага оставалась на месте до войны (а не была, к примеру, перевезена в музей или Царский курган, о чем нет никаких свидетельств), она вне всяких сомнений была бы уничтожена во время войны, поскольку крепость Ени-Кале дважды – в мае 1942 г. и декабре 1943 г. становилась ареной ожесточенных боев. В первые послевоенные годы, начиная с 1946 г., крепость неоднократно обследовал В. В. Веселов, но о крышке саркофага или ее обломках он не упомянул, хотя оба «фонтана» (обрамления трубок вывода воды в стене) в западном фланке бастиона сохранились, о чем свидетельствует его чертеж 1953 г. [Белик, 2016, рис. 55, 3].

Таким образом, на сегодняшний день от небольшого собрания «антиков» в крепости и карантинной заставе Ени-Кале сохранились лишь несколько изделий из мрамора. В их числе надгробие Наны и Демостратеи в южной стене керченской церкви Иоанна Предтечи, одно (или два) надгробия, хранящиеся в Британском музее и, скорее всего, две статуи львов, установленные во внутреннем дворе Феодосийского музея древностей. Небольшое собрание архитектурных мраморных деталей из карантинной заставы Ени-Кале, видимо, после 1795 г. было вновь перевезено в станцию Тамань, где оно «растворилось» среди других таких же находок с Таманского городища, которые никто в то время не удосужился подробно описать и зарисовать. Возможно, некоторые из них в 1835 г. оказались в Керчи, если это так, то здесь их следы окончательно затерялись.

В завершение отметим, что на данном этапе работы публикация, которую можно рассматривать как предварительный обзор, оказалась насыщенной множеством хронологических и информационных «лакун» и, как следствие, предположениями, допущениями, возможно, ошибочными суждениями и «тупиковыми» направлениями поиска. Устранить эти недостатки отчасти помогут архивные материалы, но восстановить судьбу античного собрания Ени-Кале во всех деталях вряд ли когда удастся, учитывая, что часть находок безвозвратно утрачена, а наиболее информативный пласт документов находился в архиве Керченского музея древностей, который был практически полностью утрачен во время Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев А.А.* Церковь Св. Иоанна Предтечи в Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 год / под ред. Н.П. Кондакова. Одесса: Типография А. Шульце, 1887. Ч. III. С. 382–386.
- Апостолов Л.Я.* Камень с надписью деяний князя Глеба // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911 / под ред. П.С. Уваровой. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. Т. I. С. 406–410.
- Ашик А.Б.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Типография Т. Неймана и К^о, 1848–1849. Ч. I. 117 с.; Ч. II. 88 с.; Ч. III. 96 с.
- Беккер П.В.* Керчь и Тамань в июле месяце 1852 года // ПроPILEI. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М.: Типография Каткова и К^о, 1858. Кн. 3. Изд. 2-е. Отд. 1. С. 349–382.
- Белик Ю.Л.* Элементы гидротехнической системы крепости Ени-Кале // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Отоқ. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2008. С. 15–18.
- Белик Ю.Л.* Некоторые вопросы водоснабжения крепости Ени-Кале в XVIII–XIX в. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II. С. 312–338.
- Белик Ю.Л.* Крепость Еникале в конце XVIII – начале XIX вв. // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. I. С. 437–444.
- Белик Ю.Л.* Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 120 с. (Керченская старина. Вып. II).
- Белик Ю.Л.* Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.
- Белик Ю.Л., Ткачук Г.В.* Крепость Ени-Кале на рубеже XVIII–XIX вв. // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 523–540.
- Береговина Н.Б., Устаева Э.Р.* Казачья церковь Покрова Пресвятой Богородицы в станице Таманской Краснодарского края: историко-архитектурный аспект изучения // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 605–608.
- Бертье-Делагард А.Л.* Заметки о Тмутараканском камне // ИТУАК. Симферополь, 1918. №55. С. 45–96.
- [Биберштейн Ф.К.]* О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива // Месяцеслов исторический и географический на 1797 год. СПб., 1797. С. 37–50.
- Быковская Н.В., Кучеревская Н.Л.* К вопросу о памятниках Керченского музея древностей, утраченных в годы Крымской войны // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2022. Вып. VI. С. 60–123.
- Ваксель Л.С.* Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря и принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах. С приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретыены с древними наименованиями. СПб.: Печатано у И. К. Шнора, 1801. 8 с.
- Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817).* Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. Т. I. 386 с.

- Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М.: ИА РАН, 2005. 266 с. (Древности Боспора. Supplementum. Т. II.).
- Гейман В. [Д.] Из Феодосийской старины (архивные справки) // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 96–110.
- Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям 1820. Петроград: Типография Императорского воспитательного дома, 1828. 172 с.
- [Гермоген] Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии Гермогена, епископа Таврического, (ныне Псковского). Симферополь: Таврическая губернская типография, 1886. 271 с.
- [Гермоген] Таврическая епархия Гермогена, епископа Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков: Типография Губернского правления, 1887. 520 с.
- Глумов А.Н. Н. А. Львов. М.: Искусство, 1980. 208 с. (Серия «Жизнь в искусстве»).
- Головкинский Н. [А]. Путеводитель по Крыму (бывший Сосногоровой). 6-е изд. Симферополь: Типография Спира, 1894. 537 с.
- Гуковский Г. [А.] Солдатские стихи XVIII в. // Литературное наследство. М., 1933. № 9–10. С. 112–152.
- Дебу Л.И. О Кавказской линии к присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб.: Типография К. Крайя, 1828. 463 с.
- Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году, Анатолием Демидовым. М.: Типография Александра Семена, 1853. 543 с.
- [Дортелли д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / пер. Н.Н. Пименова, изд. с прим. почетн. чл. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV. Отд. 1. С. 89–180.
- Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. 1: Тексты. 726 с.; Т. 2: иллюстрации. 310 с.
- Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6 / пер. с фр., пред. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
- Ендольцева Е.Ю., Чхаидзе В.Н. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации средневековых рельефов // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов (Белгород, 20–23 апреля 2016 г.). Москва-Белгород, 2016а. С. 78–81.
- Ендольцева Е.Ю., Чхаидзе В.Н. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016б. Т. 21. № 5. С. 55–66.
- Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним В.В. Григорьева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1871. 306 с.
- Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152). С. 154–179.

- Зенкевич Х.Х.* Керчь в прошлом и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К^о (бывш. Холева), 1894. 162 с.
- Иванова А.П.* Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина // ВДИ. 1948. № 1. С. 185–187.
- Известия XV Археологического съезда в г. Новгороде.* М.: Типография В. И. Воронова, 1911. 185 с.
- Кёлер Е.Е.* Рассуждение о памятнике царицы Комоссарии // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно, изданный Григорием Спасским. М.: Университетская типография, 1850. С. 99–132.
- Кларк Э.-Д.* Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III. С. 11–38.
- Колли Л.П.* Иван Иванович Грапперон. Биографический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1905. № 38. С. 38–47.
- Колли Л.П.* Следы древней культуры на дне морском. Современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников // ИТУАК. Симферополь, 1909. Вып. 43. С. 125–137.
- Корпус боспорских надписей (КБН)* / отв. ред. В.В. Струве. М.-Л.: Наука, 1965. 950 с.
- Латышев В.В.* К истории археологических исследований в Южной России. Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. Одесса, 1889а. Т. XV. Отд. 1. С. 61–115.
- Латышев В.В.* Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817–1818 годах // ЗООИД. Одесса, 1889б. Т. XV. Отд. 1. С. 116–149.
- Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М.: Типография Т. Рис, 1875. 519 с.
- Майко В.В.* Раскопки храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Археология средневекового храма. Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 41–43.
- Майко В.В.* Археологические исследования храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения» / отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2020. С. 107–125.
- Майофис М.Л.* Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII – начала XIX века // Философский век. Санкт-Петербург-Новгород-Торжок-Гвель-Москва, 1999. Вып. 10: Философия как судьба. Российский философ как социокультурный тип: Материалы II Международной летней школы по истории идей, 8–29 августа 1999 г. С. 132–139.
- Мак-Ферсон Д.* Древности Керчи / пер. с англ. О.Н. Герардини; коммент. А.Д. Тимиргазина. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 176 с.
- Матвеева Л.В.* Юлиан Кулаковский. Киев: Стилос, 2002. 484 с.
- Медынцева А.А.* Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979. 55 с.
- Миргородский А.В.* Союзные оборонительные сооружения в Ени-Кале // Материалы IX

- Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения», г.Керчь, 1–4 марта 2021 г. Симферополь: Бизнес-информ, 2021. С. 137–142.
- Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с фр. В.В. Орехова. Киев: Стилос, 2011. 416 с.
- Москвич А.* Практический путеводитель по Крыму: с приложениями алфавитного указателя местностей, карты гористой части Крыма, плана гор. Севастополя, плана гор. Ялты, поясненного списком дачевладельцев, расписания движения пароходов и поездов и проч. Издание второе. Ялта: Типография Н. Р. Петрова, 1889. 280 с.
- Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.
- Мурзакевич Н.Н.* Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 13. № 3. Отд. 4. С.625–691.
- Мурзакевич Н.Н.* Каталог картам, планам, чертежам, видам, хранящимся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даникана, 1881. 56 с.
- Никитина А.Б.* Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 529 с.
- Новиков П.В.* Мраморные колонны, обнаруженные П. А. Дюбрюксом в начале XIX в. у северо-западной оконечности Таманского полуострова: к вопросу о дальнейшей судьбе и современном местонахождении // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в Древности и Средневековье: материалы международной научной конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014г.). Краснодар, 2014. С. 153–167.
- О[ленин] А.[Н.]* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. С описанием картин к письму приложенных. СПб.: Медицинская типография, 1806. 51 с.
- Орлов П.* Описание торжеств в станице Таманской по поводу открытия 5 октября 1911 г. памятника, сооруженного Кубанским казачьим войском первым запорожцам, прибывшим 25 августа 1792 г. к берегам Тамани и высадившимся здесь. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1912. 202 с.
- Паллас П.С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. Отд. 1. С. 35–107.
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С.Л. Беляевой и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство; Т. 27).
- Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
- Подлинное дело о Тмутараканском камне. Приложение // Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 167–182.
- Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.* 1858. № 9. 2 марта.
- Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.* 1859. № 3. 18 января.
- Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.* 1859. № 49. 6 декабря.
- Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.* 1859. № 50. 13 декабря.
- Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.* 1860. № 19. 8 мая.
- Полное собрание законов Российской империи.* СПб.: Типография 2-го Отделения Собствен-

- ной Его Императорского Величества канцелярии, 1835. Собр. II. Т. 9. Отд. I. 891 с.
- Пономарев Л.Ю.* Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский периоды (обзор источников и дискуссионные вопросы) // БИ. Керчь, 2019б. Вып. XXXIX. С. 275–309.
- Пономарев Л.Ю.* Античные древности в контексте изучения средневековых памятников Керчи (предварительный обзор) // БИ. Керчь-Симферополь, 2021. Вып. XLII. С. 234–270.
- Пономарев Л.Ю.* Османская Керчь в описании участников «Керченского похода» 1699 г.: фортификационные, гражданские и культовые сооружения и их дальнейшая судьба // БИ. Керчь, 2022. Вып. XLIV. С. 278–370.
- Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В.* Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – XX вв.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 300–343.
- Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А.* Греческая церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – начало XX вв.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800 летию города Судака / Археологический альманах. Донецк: «Донбасс», 2012. № 26. С. 123–140.
- Приходы и храмы на Крымском полуострове (продолжение) // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1885. № 24. 15 декабря. С. 1331–1339.*
- Прозрителев Г.Н.* К истории Тмутараканского камня // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. Т. I. С. 401–405.
- Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т. д. / пер. с франц. Н.Н. Хлебко и Н.Н. Шульгиной; предисл. и коммент. И.И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 12–13. С. 184–207.*
- Розанова Н.П.* Неизданные надписи Таманского музея // ВДИ. 1947. № 2. С. 173–179.
- Санжаровец В.Ф.* Маршрут «G». Керчь. Ени-Кале. Экскурсия в Азию // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с фр. В.В. Орехова. Киев: Стилос, 2011. С. 361–374.
- Свиньин П.П.* Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году, относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. XXV. Кн. LXXI. С. 440–467.
- Сосногорова М.[А].* Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса: Типография Л. Нитче, 1871. 370 с.
- Сосногорова М.[А].* Путеводитель по Крыму для путешественников. Второе исправленное издание. С приложением статьи «Берег Крыма от Феодосии до Евпатории как климатолечебная местность». Одесса: Типография Л. Нитче, 1874. 362 с.
- Спицын А.А.* Тмутараканский камень. Петроград: Типография М. А. Александрова, 1915. 30 с.
- Ставровский Я.Ф.* Горный Крым и Керченский полуостров // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1910. Т. 14: Новороссия и Крым. С. 689–817.
- Сумароков П.И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. Ч. I. 238 с.

- Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография, 1805. Ч. II. 244 с.
- [Томилов Р.Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года // ЗООИД. Одесса, 1868. Т. VII. Отд. 2. С. 166–198.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Тункина И.В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / под ред. И.С. Каменецкого и А.Н. Сорокина. М.: Гриф и К, 2010. С. 588–610.
- Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
- Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214.
- Тункина И.В. Путешествие академика Е. Е. Кёлера по Восточному Крыму в 1821 г. (по архивным материалам) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2018. Ч. 2. С. 327–332.
- Федосеев Н.Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.
- Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 124–136.
- Філас В.М. Живопис так графіка як джерело з історії південної України останньої чверті XVIII – середини XIX ст. Діс. ... докт. іст. наук. Київ, 2019. 531 с.
- Ховен И.Р. фон-дер. Несколько дней в Керчи. Из путевых записок (1868 г.) // Русский вестник. М., 1871. Т. 94. № 7. Июль. С. 273–292.
- Чуистова Л.И. Фонды Керченского музея // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. I. С. 239–252.
- Чхаидзе В.Н. Христианский храм в Тамани в X–XVIII вв. // Великая схизма. Религии мира до и после разделения церквей. XVI Международная конференция по истории религии и религиоведению. Севастополь 26–31 мая 2014 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 37–38.
- Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Ёлишин Д.Д. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. Т. 86: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. С. 257–286.
- Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1907 году // ИАК. СПб., 1908. Вып. 27. С. 42–54.
- Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1912 году // ИАК. СПб., 1912. Вып. 49. С. 63–74.

- Юргович В.Н.* Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. XIV. Отд. 1. С. 27–51.
- Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. Fourth edition. London: Printed for T. Cadell and W. Davies, 1816. Vol. II. 524 p.
- Demidoff A.* Travels in Southern Russia and the Crimea: Through Hungary, Wallachia, & Moldavia, during the Year 1837. London John Mitchell, Royal library, Old Bond street, Boorseller & publisher to her Majesty, 1853. Vol. II. 335 p.
- Dubois de Montperéux F.* Voyage autour du Caucase ches les tcherkesses et les abkhases en Colchide en Géorgie en Arménie et en Crimée. Paris: Librairie de Gide, 1843. T. V. 464 p.
- Engelhardt M., Parrot F.* Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1815. 204 s.
- Guthrie M.* A tour performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. 446 p.
- Jones G.M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey; also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea. London: John Murray, 1827. Vol. II. 594 p.
- Köhler's H.K.* E. Dissertation le monument de la reine Comosarye. St. Petersburg: L'imprimerie imperiale, 1805. 86 p.
- Lions* from Kerch // The Illustrated London news. 1856. 6 December. P. 566.
- Layall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. Vol. 1. 528 p.
- McPherson D.* Antiquities of Kertch and Researches in the Crimea and Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea. London: Smith, Elder & Co., 1857. 102 p.
- Montandon C.H.* Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. Odessa: imprimerie de la ville, 1834. 384 p.
- Murawiew-Apostol I.M.* Reise durch Taurien im jahre 1820. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin, 1825. 249 s.
- Pallas P.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. Bd. II. 524 s.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi. Paris: ches Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
- Simpson W.* The Seat of War in the East. London: Day & Son; P. & D. Colnaghi & Co, 1856. 214 p.
- Waxel L.* Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie. Dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin: Ches J. Fr. Schüppel, 1803. 30 s.

REFERENCES

- Avdeev A.A. Tserkov' Sv. Ioanna Predtechy v Kerchi. *Kondakov N.P. (Ed.). Trudy VI Arkheologicheskogo s"ezda v Odesse, 1884 god.* Odessa: A. Shul'tse Publ., 1887, Vol. III, pp. 382–386.
- Apostolov L.Ia. Kamen' s nadpis'iu deianii kniazia Gleba. *Uvarova P.S. (Ed.). Trudy XV Arkheologicheskogo s"ezda v Novgorode. 1911.* Moskva: G. Lissner i D. Sobko Publ., 1914, Vol. I, pp. 406–410.
- Ashik A.B. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami.* Odessa: T. Neiman i K° Publ., 1848–1849, Vol. I, 117 p.; Vol. II, 88 p.; Vol. III, 96 p.
- Bekker P.V. Kerch' i Taman' v iiule mesiatse 1852 goda. *Propilei. Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti, izdavaemyi P. Leont'evym.* Moskva, 1858, Vol. 3, pp. 349–382.
- Belik Iu.L. Elementy gidrotekhnicheskoi sistemy kreposti «Eni-Kale». *VII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Oikoč. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2008, pp. 15–18.
- Belik Iu.L. Nekotorye voprosy vodosnabzheniia kreposti Eni-Kale v XVIII–XIX vv. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kerch', 2008. Vol. II, pp. 312–338.
- Belik Iu.L. Krepost' Enikale v kontse XVIII – nachale XIX vv. *Tunkina I.V. (Ed.). Diubriuks P. Sbornie sochinenii.* Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010. Vol. I, pp. 437–444.
- Belik Iu.L. *Kreposti Kerchenskogo poluostrova (XVII–XIX vv.).* Simferopol': Biznes-Inform, Publ. 2015, 120 p. (Kerchenskaia starina, Vol. II).
- Belik Iu.L. *Osmanskii oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.).* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani Press, 2016, 236 p.
- Belik Iu.L., Tkachuk G.V. Krepost' «Eni-Kale» na rubezhe XVIII–XIX vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2007. Vol. XIII, pp. 523–540.
- Beregovina N.B., Ustaeva E.R. Kazach'ia tserkov' Pokrova Presviatoi Bogoroditsy v stanitse Tamanskoii krasnodarskogo kraia: istoriko-arkhitekturnyi aspekt izucheniia. *Molodoi uchenyi.* 2013, № 6 (53), pp. 605–608.
- Bert'e-Delagard A.L. Zametki o Tmutarakanskom kamne. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1918, № 55, pp. 45–96.
- [Bibershtein F.K.] O drevnikh grecheskikh nadgrobnnykh kamniakh, vstrechaiushchikhsia okolo Tavricheskogo proliva. *Mesiatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1797 god.* Sankt-Peterburg, 1797, pp. 37–50.
- Bykovskaia N.V., Kucherevskaia N.L. K voprosu o pamiatnikakh Kerchenskogo muzeia drevnostei, utrachennykh v gody Krymskoi voiny. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Simferopol', 2022. Vol. VI, pp. 60–123.
- Vaksel' L.S. *Izobrazheniia raznykh pamiatnikov drevnosti, naidennykh na beregakh Chernogo moria prinadlezhashchikh Rossiiskoi imperii. Sniatye s podlinnikov v 1797-m i 1798-m godakh. S prilozheniem geograficheskoi karty tekhn. mest, gde onye pamiatniki obretyeny s drevnimi naimenovaniiami.* Sankt-Peterburg: I. K. Shnor Publ., 1801, 8 p.
- Velikii Kniaz' Nikolai Mikhailovich. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov (1774–1817). Istoricheskoe issledovanie epokhi imperatora Aleksandra I.* Sankt-Peterburg: Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1903, Vol. 1, 386 p.
- Veselov V.V. *Svodnaia vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg.* Moskva: IA RAN Publ., 2005, 266 p. (Drevnosti Bospora. Supplementum, Vol. II.).

- Geiman V.D. Iz Feodosiiskoi stariny (Arkhivnye spravki). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1916, № 53, pp. 96–110.
- Gerakov G.V. *Putevye zapiski po mnogim Rossiiskim guberniiam 1820*. Petrograd: Imperatorskogo Vospitatel'nogo doma Publ., 1828, 172 p.
- Germogen Spravochnaia knizhka o prikhodakh i khramakh Tavricheskoi eparkhii Germogena, Episkopa Tavricheskogo, (nyne Pskovskogo). Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1886. 271 p.
- Germogen *Tavricheskaia eparkhiia. Germogena, episkopa Pskovskogo i Porkhovskogo, byvshego Tavricheskogo i Simferopol'skogo*. Pskov: Gubernskogo pravleniia Publ., 1887, 520 p.
- Glumov A.N. *N. A. L'vov*. Moskva: Iskusstvo Publ., 1980, 208 p. (Serii «Zhizn' v iskusstve»).
- Golovkinskii N.A. *Putevoditel' po Krymu (byvshii Sosnogorovoi). 6-e izd.* Simferopol': Spiro Publ., 1894, 537 p.
- Gukovskii G.A. *Soldatskie stikhi XVIII v. Literaturnoe nasledstvo*. Moskva, 1933, № 9–10, pp. 112–152.
- Debu L.I. *O Kavkazskoi linii k prisoedinennom k nei Chernomorskom voiske ili Obshchie zamechaniia o poselennykh polkakh, ograždaiushchikh Kavkazskuiu liniu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh. S 1816 po 1826 god*. Sankt-Peterburg: K. Kraiia Publ., 1828, 463 p.
- Demidov A.N. *Puteshestvie v Iuzhnnuiu Rossiiu i Krym, cherez Vengriiu, Valakhiuu i Moldaviuu, sovershennoe v 1837 godu, Anatoliiem Demidovym*. Moskva: Aleksandra Semena Publ., 1853, 543 p.
- Dortelli d'Askoli E. *Opisanie Chernogo moria i Tatarii, sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634 g. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1902, Vol. XXIV, pp. 89–180.
- Tunkina I. V. (Ed.). *Diubriuks P. Sobranie sochinenii*. Sankt-Peterburg: Kolo, 2010, Vol. 1: Teksty, 726 p.; Vol. 2: Illiustratsii, 310 p.
- Diubua de Monpere Frederik *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym: v 6 t. Parizh, 1843. Vol. 5, 6 / per. s fr., pred. i prim. T.M. Fadeevoi*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
- Endol'tseva E.Iu., Chkhaidze V.N. Lapidarnaia kolleksiia Tamanskogo gorodishcha: varianty identifikatsii srednevekovykh rel'efov. *Imperiia romeev vo vremeni i prostranstve: tsentr i periferiia. Tezisy dokladov XXI Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov (Belgorod, 20–23 apreliia 2016 g.)*. Moskva-Belgorod, 2016a, pp. 78–81.
- Endol'tseva E.Iu., Chkhaidze V.N. Lapidarnaia kolleksiia Tamanskogo gorodishcha: varianty identifikatsii vizantiiskikh rel'efov. *Vestnik VolGU. Serii 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2016b, Vol. 21, № 5, pp. 55–66.
- Zhizn' i trudy P. S. Savel'eva preimushchestvenno po vospominaniiam i perepiske s nim V.V.Grigor'eva*. Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1871, 306 p.
- Zakharov V.A. Zametki o Tmutarakanskom kamne. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Moskva, 2002, Vol. 4 (152), pp. 154–179.
- Zenkevich Kh.Kh. *Kerch' v proshedshem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatel'ia i statisticheskikh svedenii i s risunkami*. Kerch': Kh. N. Lago i K° (byvsh. Kholeva) Publ., 1894, 162 p.
- Ivanova A.P. Kerchenskii gosudarstvennyi istoriko-arkheologicheskii muzei im. A. S. Pushkina. *Vestnik drevnei istorii*. 1948, № 1, pp. 185–187.

- Izvestiia XV Arkheologicheskogo s"ezda v g. Novgorode*. Moskva: V. I. Voronova Publ., 1911, 185 p.
- Keler E.E. Rassuzhdenie o pamiatnike tsaritsy Komossarii. *Arkheologo-numizmaticheskii sbornik, sodержashchii v sebe sochineniia i perevody otnositel'no Tavridy voobshche i Bosfora Kimmeriiskogo chastno, izdannyi Grigoriem Spasskim*. Moskva: Universitetskaia Publ., 1850, pp. 99–132.
- Clark E.-D. Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turtsii. Glava XVIII. Ot Bospora Kimmeriiskogo do Kaffy / per. N. Ivankevich, N. Busarevoi. *Arkheologiya i istoriia Bospora*. Kerch', 1999, Vol. III, pp. 11–38.
- Kolli L.P. Ivan Ivanovich Grapperon. Biograficheskii ocherk. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1905, № 38, pp. 38–47.
- Kolli L.P. Sledy drevnei kul'tury na dne morskome. Sovremennoe polozhenie voprosa o nakhozhenii v more antichnykh pamiatnikov. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1909, Vol. 43, pp. 125–137.
- Struve V.V. (Ed.). *Korpus Bosporskikh nadpisei (KBN)*. Moskva-Leningrad: Nauka Publ., 1965, 950 p.
- Latshev V.V. K istorii arkheologicheskikh issledovaniy v iuzhnoi Rossii. Iz perepiski A. N. Olenina. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1889a, Vol. XV, pp. 61–115.
- Latshev V.V. Neizdannaiia rukopis' Diubriuksa: Izvlechenie iz dnevnika raskopok, proizvedennykh v neskol'kikh kerchenskikh kurganakh v 1817–1818 godakh. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1889b, Vol. XV, pp. 116–149.
- Livanov F.V. *Putevoditel' po Krymu: s istoricheskim opisaniem dostoprimechatel'nostei Kryma*. Moskva: T. Ris Publ., 1875, 519 p.
- Maiko V.V. Raskopki khrama Ioanna Predtechi v Kerchi 1956–1957 gg. *Arkheologiya srednevekovogo khrama. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha*. Sevastopol', 2017, pp. 41–43.
- Maiko V.V. Arkheologicheskie issledovaniia khrama Ioanna Predtechi v Kerchi 1956–1957 gg. *Maiko V.V., Iashaeva T.Iu. (Ed.). Vladimirskaia sbornik II. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «III Sviato-Vladimirskaia chteniia»*. Sevastopol': Teleskop Publ., 2020, pp. 107–125.
- Maiofis M.L. Tmutarakanskii kamen' v kul'turnom stroitel'stve kontsa XVIII – nachala XIX veka. *Filosofskii vek*. Sankt-Peterburg-Novgorod-Torzhok-Tver'-Moskva, 1999, Vol. 10: *Filosofia kak sud'ba*. Rossiiskii filosof kak sotsiokul'turnyi tip: Materialy II Mezhdunarodnoi letnei shkoly po istorii idei, 8–29 avgusta 1999 g., pp. 132–139.
- Mak-Ferson D. *Drevnosti Kerchi*. Simferopol': OAO «Simferopol'skaia gorodskaiia tipografiia» Publ., 2008, 176 p.
- Matveeva L.V. *Iulian Kulakovskii*. Kiev: Stilos, 2002, 484 p.
- Medyntseva A.A. *Tmutarakanskii kamen'*. M.: Nauka Publ., 1979, 55 p.
- Mirgorodskii A.V. Soiuznye oboronitel'nye sooruzheniia v Eni-Kale. *Materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Voenna-istoricheskie chteniia», g. Kerch', 1–4 marta 2021 g.* Simferopol': Biznes-inform Publ., 2021, pp. 137–142.
- Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennymi vvedeniami o raznykh sposobakh perezda iz Odessy v Krym / per. s fr. V.V. Orekhova*. Kiev: Stilos Publ., 2011, 416 p.
- Moskvich A. *Prakticheskii putevoditel' po Krymu: s prilozheniiami alfavitnogo ukazatel'ia mestnostei, karty goristoi chasti Kryma, plana gor. Sevastopolia, plana gor. Ialty, poiasnennogo spiskom dachevladel'tsev, raspisaniia dvizheniia parokhodov i poezdov i proch.* Izdanie vtoroie. Ialta: N. R. Petrova Publ., 1889, 280 p.

- Murav'ev-Apostol I.M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 godu*. Sankt-Peterburg: Osobennoi kantseliarii Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1823, 337 p.
- Murzakevich N.N. Poezdka v Krym v 1836 g. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. Sankt-Peterburg, 1837, Vol. 13, № 3, pp. 625–691.
- Murzakevich N.N. *Katalog kartam, planam, chertezham, vidam, khраниashchimsia v muzee Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa: Franko-Russkaia L.Danikana Publ., 1881, 56 p.
- Nikitina A.B. *Arkhitekturnoe nasledie N. A. L'vova*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2006, 529 p.
- Novikov P.V. Mramornye kolonny, obnaruzhennyye P. A. Diubriuksom v nachale XIX v. u severo-zapadnoi okonechnosti Tamanskogo poluostrova: k voprosu o dal'neishei sud'be i sovremennom mestonakhozhdenii. *IV «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyi Kavkaz v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii v drevnosti i srednevekov'e: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Krasnodar, 28–30 maia 2014 g.)*. Krasnodar, 2014, pp. 153–167.
- O[lenin] A.[N.] *Pis'mo k grafu Alekseiu Ivanovichu Musinu-Pushkinu o kamne tmutarakanskom, naidennom na ostrove Tamani v 1792 godu. S opisaniem kartin k pis'mu prilozhennykh*. Sankt-Peterburg: Meditsinskaia Publ., 1806, 51 p.
- Orlov P. *Opisanie torzhestv v stanitse Tamanskoi po povodu otkrytiia 5 oktiabria 1911 g. pamiatnika, sooruzhennogo Kubanskim kazach'im voiskom pervym zaporozhtsam, pribyvshim 25 avgusta 1792 g. k beregam Tamani i vysadivshimsia zdes'*. Ekaterinodar: Kubanskogo oblastnogo pravleniia Publ., 1912, 202 p.
- Pallas P.S. Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman'. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1883, Vol. XIII, pp. 35–107.
- Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnykh namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh / per. s nem. S.L. Beliaevoi i A.L. Bert'e-Delagarda*. Moskva: Nauka, 1999, 246 p. (Nauchnoe nasledstvo, Vol. 27).
- Petrova E.B., Prokhorova T.A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu»*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2011, 168 p.
- Podlinnoe delo o Tmutarakanskom kamne. Prilozhenie. Orlov A. S. Bibliografiia russkikh nadpisei XI–XV vv.* Moskva-Leningrad: AN SSSR Publ., 1952, pp. 167–182.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. 1858, № 9, 2 marta.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. 1859, № 3, 18 ianvaria.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. 1859, № 49, 6 dekabria.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. 1859, № 50, 13 dekabria.
- Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. 1860, № 19, 8 maia.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Sankt-Peterburg: 2-go Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1835, Sobr. II, Vol. 9, 891 p.
- Ponomarev L.Iu. Kerchenskaia tserkov' Ioanna Predtechi v genuezskii i osmanskii periody (obzor istochnikov i diskussionnye voprosy). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2019b, Vol. XXXIX, pp. 275–309.
- Ponomarev L.Iu. Antichnye drevnosti v kontekste izucheniia srednevekovykh pamiatnikov Kerchi (predvaritel'nyi obzor). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch'-Simferopol', 2021, Vol. XLII, pp. 234–270.
- Ponomarev L.Iu. Osmanskaia Kerch' v opisaniu uchastnikov «Kerchenskogo pokhoda» 1699 g.:

- fortifikatsionnye, grazhdanskie i kul'tovye sooruzheniia i ikh dal'neishaia sud'ba. *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2022, Vol. XLIV, pp. 278–370.
- Ponomarev L.Iu., Beilin D.V. Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – XX vv.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2016, Vol. III, pp. 300–343.
- Ponomarev L.Iu., Beilin D.V., Beilina S.A. Grecheskaia tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – nachalo XX vv.). *Drevniia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posviashchennyi 1800 letiiu goroda Sudaka / Arkheologicheskii al'manakh*. Donetsk: Donbass Publ., 2012, № 26, pp. 123–140.
- Prikhody i khramy na Krymskom poluostrove (Prodolzhenie). *Tavrisheskie eparkhial'nye vedomosti*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1885, № 24, 15 dekabria, pp. 1331–1339.
- Prozritelev G.N. K istorii Tmutarakanskogo kamnia. *Uvarova P.S. (Ed.). Trudy XV Arkheologicheskogo s»ezda v Novgorode. 1911*. Moskva: G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1914, Vol. I, pp. 401–405.
- Puteshestvie g-na O. de lia Motre po Evrope, Azii i Afrike; geograficheskie i politicheskie issledovaniia v Italii, Gretsii, Turtsii, v Tartarii (Krymu) i t. d. / per. s frants. N.N. Khlebko i N.N. Shul'ginoi; predisl. i komment. I.I. Vdovichenko. *Istorieskoe nasledie Kryma*. Simferopol', 2006, № 12–13, pp. 184–207.
- Rozanova N.P. Neizdannnye nadpisi Tamanskogo muzeia. *Vestnik drevnei istorii*. Moskva. 1947, №2, pp. 173–179.
- Sanzharovets V.F. Marshrut «G». Kerch'. Eni-Kale. Ekskursiia v Aziiu. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh perezda iz Odessy v Krym* / per. s fr. V.V. Orekhova. Kiev: Stilos Publ., 2011, pp. 361–374.
- Svin'in P.P. Obozrenie puteshestviia izdatelia Otechestvennykh zapisok po Rossii, v 1825 godu, otноситel'no arkheologii. *Otechestvennye zapiski*. Sankt-Peterburg, 1826, Vol. XXV, Kn. LXXI, pp. 440–467.
- Sosnogorova M.A. *Putevoditel' po Krymu dlia puteshestvennikov*. Odessa: L. Nitche Publ., 1871, 370 p.
- Sosnogorova M.A. *Putevoditel' po Krymu dlia puteshestvennikov. Vtoroe ispravlennoe izdanie. S prilozheniem stat'i «Bereg Kryma ot Feodosii do Eypatorii kak klimato-lechebnaia mestnost'»*. Odessa: L. Nitche Publ., 1874, 362 p.
- Spitsyn A.A. *Tmutarakanskii kamen'*. Petrograd: M. A. Aleksandrova Publ., 1915, 30 p.
- Stavrovskii Ia.F. Gornyi Krym i Kerchenskii poluostrov. *Semenov-Tian-Shanskii V.P. (Ed.). Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei*. Sankt-Peterburg: A. F. Devriena Publ., 1910, Vol. 14: Novorossiia i Krym, pp.689–817.
- Sumarokov P.I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekh mest*. Moskva: Universitetskaia, u Ridigera i Klaudiiia Publ., 1800, Vol. I, 238 p.
- Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Publ., 1805, Vol. II, 244 p.
- Tomilov R.N. Topograficheskoe opisanie dostavshimsia po mirnomu traktatu ot Ottomanskoi Porty vo vladenie Rossiiskoi imperii zemliam, 1774 goda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1868, Vol. VII, pp. 166–198.
- Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.)*. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 2002, 676 p.

- Tunkina I.V. Arkheologo-epigraficheskie issledovaniia F. K. Marshala fon Bibershteina v Vostochnom Krymu i na Kavkaze v kontse XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam). *Kamenetskii I.S., Sorokin A.N. (Ed.). Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)*. Moskva: Grif i K Publ., 2010, pp. 588–610.
- Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izuchenii Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnosti. 1771–1871 gg.* Kiev: Bolero Publ., 2011, 240 p.
- Tunkina I.V. Akademicheskaiia arkheologicheskaiia ekspeditsiia v Novorossiiskii krai 1821 g. pod rukovodstvom akademika E. E. Kelera (Novye arkhivnye materialy). *Vestnik drevnei istorii*. Moskva, 2013, № 1, pp. 197–214.
- Tunkina I.V. Puteshestvie akademika E. E. Kelera po Vostochnomu Krymu v 1821 g. (po arkhivnym materialam). *Bosporskii fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Sankt-Peterburg, 2018, Vol. 2, pp. 327–332.
- Fedoseev N.F. Kerchenskii muzei drevnosti. *Vestnik drevnei istorii*. Moskva, 2002, № 1, pp. 154–178.
- Fedoseev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriiskom: 200 let issledovaniia*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2017, 320 p.
- Fedoseev N.F., Ponomarev L.Iu. Antichnye drevnosti tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi (istoriograficheskii obzor). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»*. 2016, Vol. 2 (68), № 2, pp. 124–136.
- Filas V.M. *Zhivopis tak grafika iak dzherelo z istorii pivdennoi Ukraini ostann'oi chverti XVIII – seredini XIX st. Dis. ... dokt. ist. nauk*. Kiïv, 2019, 531 p.
- Khoven I.R. fon-der. Neskol'ko dnei v Kerchi. Iz putevykh zapisok (1868 g.). *Russkii vestnik*. Moskva, 1871., Vol. 94, № 7, Iiul', pp. 273–292.
- Chuistova L.I. Fondy Kerchenskogo muzeia. *Arkheologiiia i istoriia Bospora*. Simferopol', 1952, Vol. I, pp. 239–252.
- Chkhaidze V.N. Khristianskii khram v Tamani v X–XVIII vv. *Velikaia skhizma. Religii mira do i posle razdeleniia tserkvei. KhVI Mezhdunarodnaia konferentsiia po istorii religii i religiovedeniiu Sevastopol' 26–31 maia 2014 g. Tezisy dokladov i soobshchenii*. Sevastopol', 2014, pp. 37–38.
- Chkhaidze V.N., Vinogradov A.Iu., Elshin D.D. Srednevekovyi khram na Tamanskom gorodishche i ego arkhitekturnyi kontekst. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Sankt-Peterburg, 2017, Vol. 86: Monumental'noe zodchestvo Drevnei Rusi i Vostochnoi Evropy epokhi srednevekov'ia, pp. 257–286.
- Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, naidennye v 1907 godu. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*. Sankt-Peterburg, 1908, Vol. 27, pp. 42–54.
- Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, naidennye v 1912 godu. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*. Sankt-Peterburg, 1912, Vol. 49, pp. 63–74.
- Iurgevich V.N. Ob arkheologicheskikh razyskaniiax i otkrytiiakh v Iuzhnoi Rossii, predshestvovavshikh uchrezhdeniiu Odesskogo Obshchestva istorii i drevnosti. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti*. Odessa, 1886, Vol. XIV, pp. 27–51.
- Clarke E.D. *Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. Fourth edition*. London: Printed for T. Cadell and W. Davies Publ., 1816, Vol. II, 524 p.
- Demidoff A. *Travels in Southern Russia and the Crimea: Through Hungary, Wallachia, & Moldavia*,

- during the Year 1837. London John Mitchell, Royal library, Old Bond street, Boorseller & publisher to her Majesty Publ., 1853, Vol. II. 335 p.
- Dubois de Montperéux F. *Voyage autour du Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide en Géorgie en Arménie et en Crimée*. Paris: Librairie de Gide Publ., 1843, Vol. V, 464 p.
- Engelhardt M., Parrot F. *Reise in die Krym und den Kaukasus*. Berlin: Realschulbuchhandlung Publ., 1815, 204 s.
- Guthrie M. *A tour performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition Publ., 1802. 446 p.
- Jones G.M. *Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey; also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea*. London: John Murray Publ., 1827, Vol. II, 594 p.
- Köhler's H.K. E. *Dissertation le monument de la reine Comosarye*. St. Petersburg: L'imprimerie imperiale Publ., 1805, 86 p.
- Lions from Kerch. *The Illustrated London news*, 1856, 6 December, p. 566.
- Layall R. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia*. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh Publ., 1825, Vol. 1, 528 p.
- McPherson D. *Antiquities of Kertch and Researches in the Crimea and Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea*. London: Smith, Elder & Co. Publ., 1857, 102 p.
- Montandon C.H. *Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée*. Odessa: imprimerie de la ville Publ., 1834, 384 p.
- Murawiew-Apostol I.M. *Reise durch Taurien im jahre 1820*. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin Publ., 1825, 249 p.
- Pallas P. *Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Leipzig: Gottfried Martini, 1801, Bd. II, 524 p.
- Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi*. Paris: chez Bossange, Masson et Besson Publ., 1806, 302 p.
- Simpson W. *The Seat of War in the East*. London: Day & Son; P. & D. Colnaghi & Co Publ., 1856, 214 p.
- Waxel L. *Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie. Dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798*. Berlin: Ches J. Fr. Schüppel Publ., 1803, 30 p.

Резюме

В статье предпринята попытка проследить судьбу античных древностей, собранных в конце XVIII в. в Ени-Кале. Впервые их описали Ш. Ж. Ромм и П. С. Паллас в 1786 г. и 1794 г. Они упомянули о надгробиях в доме обер-коменданта, крышку мраморного саркофага около «фонтана» в стене юго-западного бастиона, а также постамент для статуи, две или три колонны, две капители и две статуи львов у карантинной заставы Ени-Кале. Все эти антики

были привезены в Ени-Кале из Тамани. После 1795 г. небольшое собрание древностей в Ени-Кале стало распадаться. Сохранились лишь некоторые из них. В том числе надгробие Наны и Демостратеи, вмонтированное по просьбе П. С. Палласа в стену керченской церкви Иоанна Предтечи, одно (или два) надгробия, похищенные англичанами в 1855–1856 гг. и ныне находящиеся в собрании Британского музея, а также две мраморные статуи львов, привезенные между 1810–1816 гг. в Феодосийский музей древностей, во двореике которого они находятся и теперь. Небольшое собрание архитектурных мраморных деталей из карантинной заставы Ени-Кале, вероятно, после 1795 г. было вновь перевезено в Тамань. Возможно, некоторые из них в 1835 г. были привезены в Керчь, где если они и оказались, то их следы здесь окончательно затерялись.

Ключевые слова: Керчь, крепость Ени-Кале, Тамань, античные древности, античные надгробия.

Summary

The article attempts to trace the fate of ancient antiquities collected at the end of the XVIII century in Yeni-Kale. They were first described by S. J. Romm and P. S. Pallas in 1786 and 1794 years. They mentioned the tombstones in the house of the Commander-in-chief, the lid of a marble sarcophagus near the fountain in the wall of the south-western bastion, as well as a pedestal for a statue, two or three columns, two capitals and two statues of lions at the Yeni-Kale quarantine. All these antiques were brought to Yeni-Kale from Taman. After 1795 year, the small collection of antiquities in Yeni-Kale began to disintegrate. Only a few of them have been preserved. Including the tombstone of Nana and Demostratea, mounted at the request of P. S. Pallas in the wall of the Kerch church of John the Baptist, one (or two) tombstones stolen by the British in 1855–1856 years and now in the collection of the British Museum, as well as two marble statues of lions brought between 1810–1816 years to the Feodosian Museum of Antiquities, in the courtyard of which they are still there. A small collection of architectural marble details from the quarantine of the Yen-Kale, probably after 1795 year, was again transported to Taman. Perhaps some of them were brought to Kerch in 1835 year. If they ended up in Kerch, their traces were finally lost here.

Key words: Kerch, Yen-Kale fortress, Taman, ancient antiquities, ancient tombstones.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарев Леонид Юрьевич,
научный сотрудник.

Центр археологических исследований
БФ «Деметра», г. Керчь, Республика Крым.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid Yuryevich Ponomarev, Researcher
at the Center for Archaeological Research
of the Demeter Foundation, Kerch,
l_ponomarev@mail.ru

1

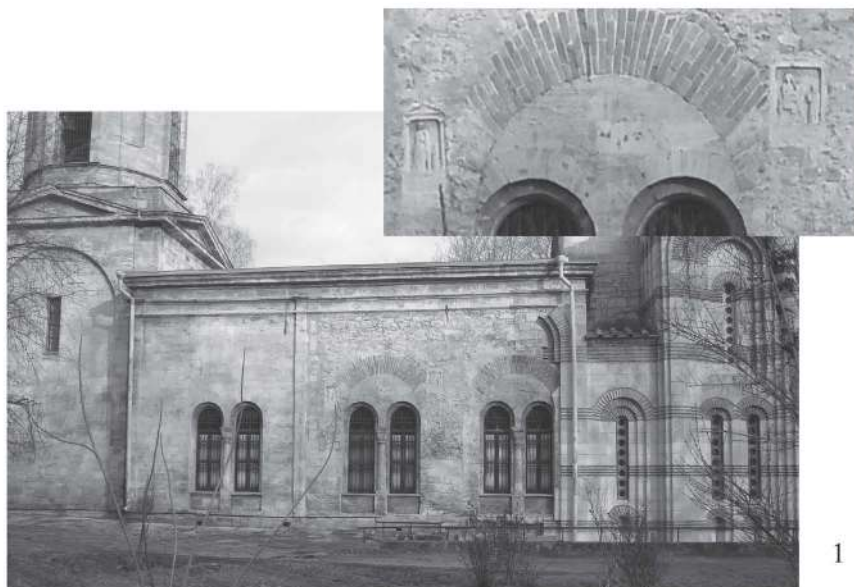
2

3

Рис. 1. 1 – надгробие Наны и Демостратеи (по Pallas, 1801, fig. 4); 2 – надгробие Наны и Демостратеи (по Waxel, 1803, № 8); 3 – надгробие Наны и Демостратеи в южной стене церкви Иоанна Предтечи (фото В. В. Сокирко, 1973 г.).

1

2

3

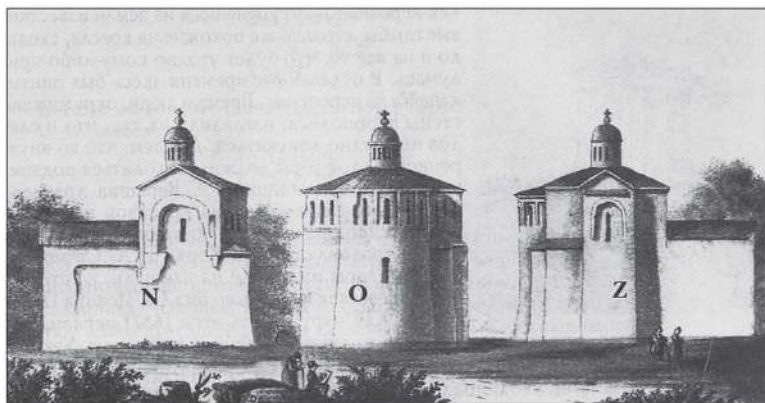

4

Рис. 2 1 – надгробия в южной стене церкви Иоанна Предтечи (фото автора, 2008 г.); 2 – надгробие Гезуса (по Pallas, 1801, fig. 3); 3 – надгробие из Ени-Кале (по Waxel, 1803, № 12); 4 – надгробие из обер-комендантского дома Ени-Кале (по Waxel, 1803, № 11).

1

2

Рис. 3. 1 – William Simpson «Greek Church, Kertch, Crimea» / Интерьер церкви Иоанна Предтечи. Акварель У. Симпсона 1867 г., исполненная по карандашному наброску 7 июня 1855 г. (фото с сайта галереи «Chris Beetles Gallery», Лондон); 2 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с трех сторон до 1801 г. Рисунок неизвестного автора (по Мурзакевич, 1837).

1

2

Рис. 4. 1 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с севера. Рисунок И. А. Иванова. Август 1803 г.; 2 – церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Тамани. Рисунок из «Кавказского альбома». Неизвестный художник, 1842 г. Бумага, акварель. ГИМ.

1

2

Рис. 5. 1 – проект монумента «русской истории» Н. А. Львова, Тамань, август 1803 г. Рисунок И. А. Иванова, гравюра А. И. Ермолаева. Август 1803 г. (по Оленин, 1806); 2 – капитель из колокольни церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Тамани (по Розанова, 1947).

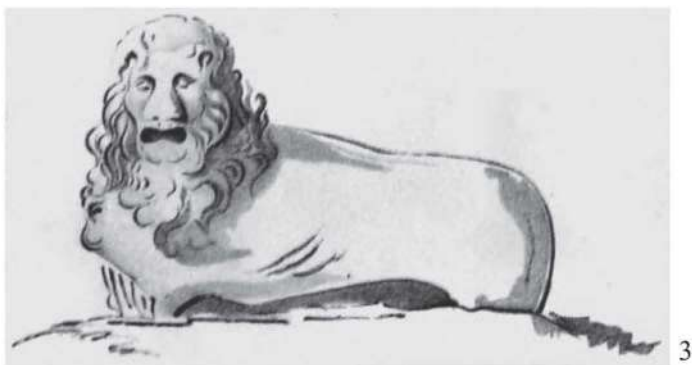
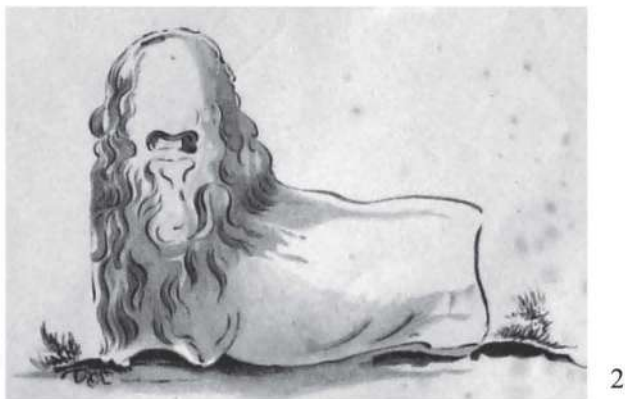
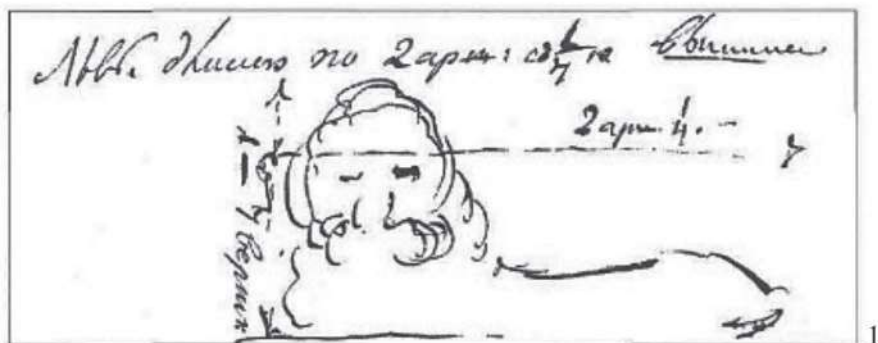

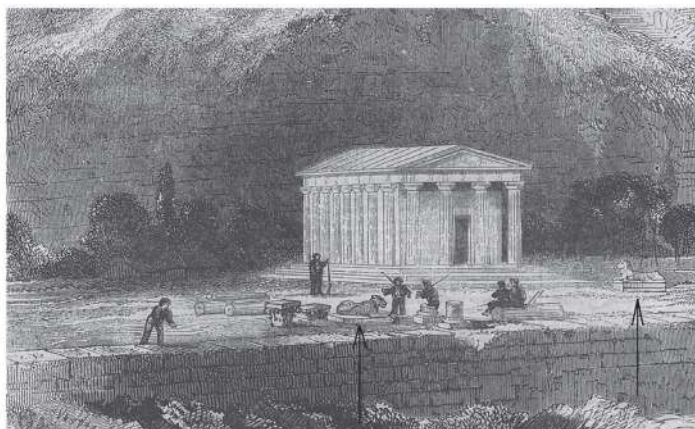
Рис. 6. 1 – мраморный лев у ворот Фанагорийской крепости. Рисунок из путевой тетради №2 Н. А. Львова. Август 1803 г. (по Тункина, 2011); 2, 3 – мраморные львы у входа в Феодосийский музей древностей. Литография 1843 г. (по Dubois de Montperéux, 1843).

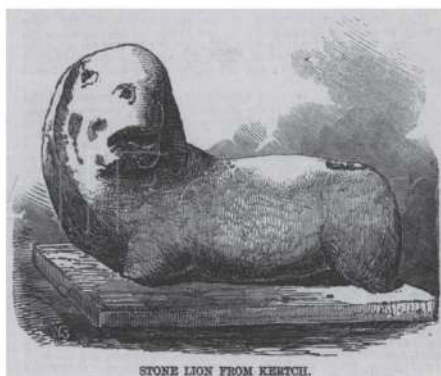

Рис. 7. 1 – мраморные львы у входа в здание Феодосийского музея древностей на г. Митридат. Фото начала XX в.; 2 – мраморные львы во внутреннем дворике Феодосийского музея древностей. Современное фото.

1

STONE LION FROM KERCH.

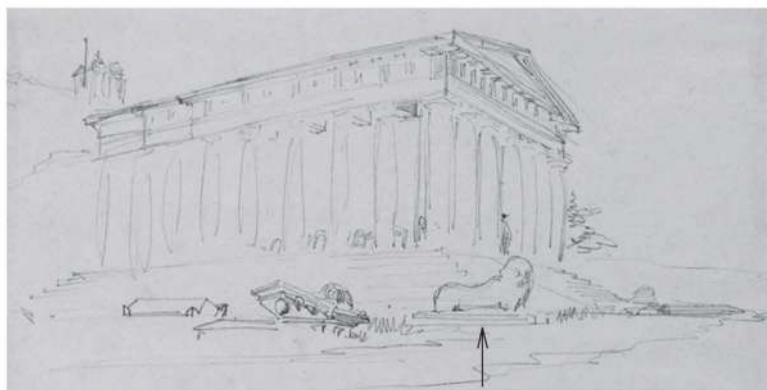
2

STONE LION FROM KERCH.

3

Рис. 8. 1 – Керченский музей древностей на г. Митридат (на переднем плане мраморные львы). Фрагмент литографии с рисунка неизвестного художника, 1855 г. Иллюстрация из газеты «L'illustration journal universal»; 2, 3 – мраморные львы из Керченского музея древностей. Литографии с рисунков неизвестного автора из газеты «The Illustrated London news». 1856. 6 December.

1

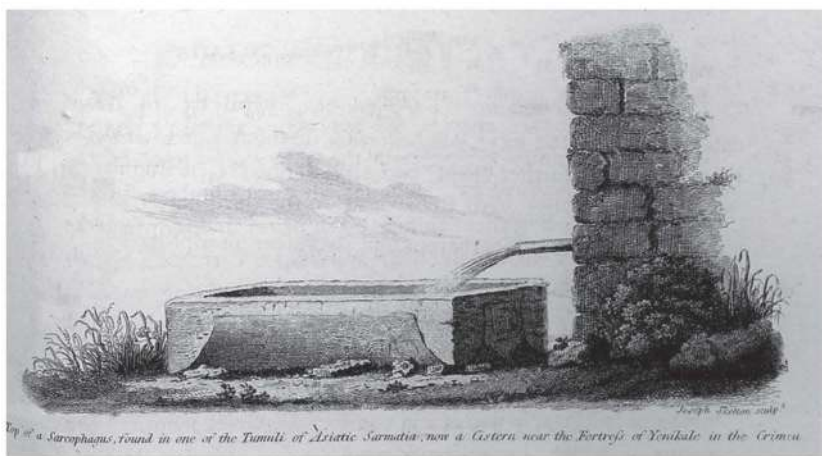

2

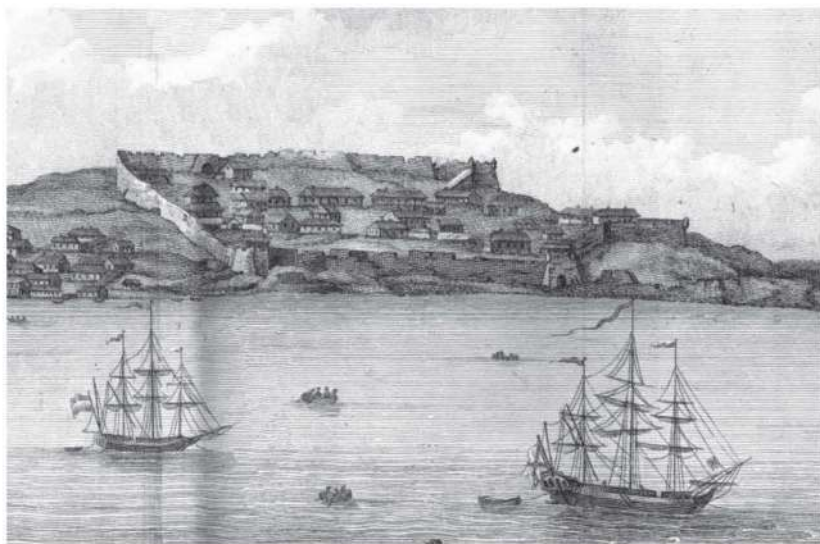

3

Рис. 9. 1 – Керченский музей древностей на г. Митридат. Перед ним мраморная скульптура льва. Рисунок У. Симпсона 29 мая 1855 г.; 2, 3 – мраморные львы, похищенные англичанами из Керченского музея древностей. Коллекция Британского музея, современное фото.

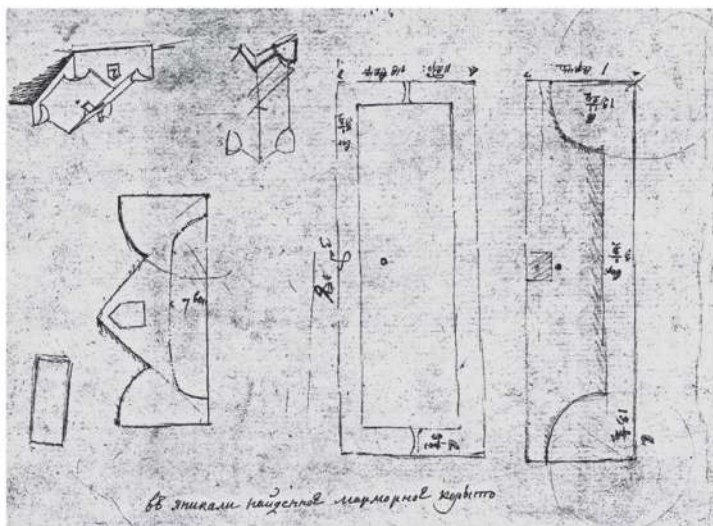

1

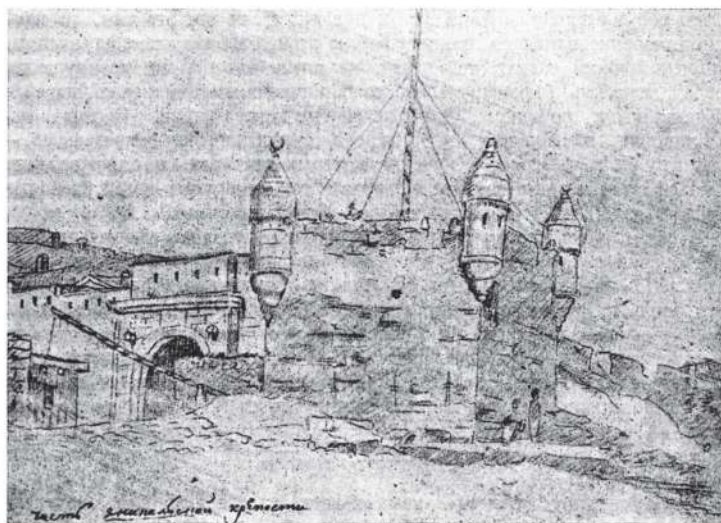

2

Рис. 10. 1 – мраморный саркофаг и «фонтан» у «Водного» бастиона крепости Ени-Кале. Литография по рисунку Джозефа Скелтона из сочинения Э.-Д. Кларка (Clarke, 1816); 2 – крепость Ени-Кале, 1802 г. Фрагмент гравюры Н. Я. Саблина с рисунка Афанасия ди Палдо из книги П. И. Сумарокова (Сумароков, 1805).

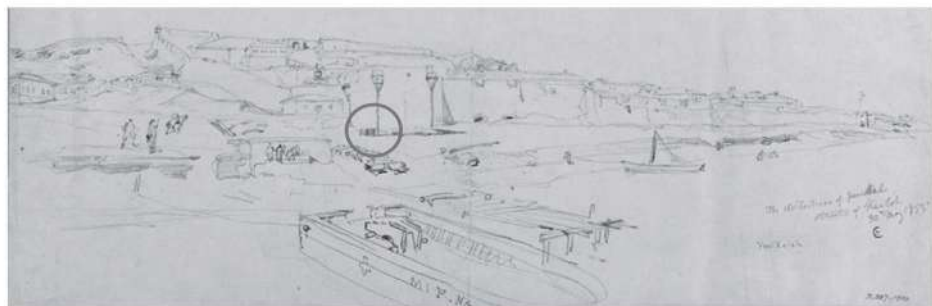

1

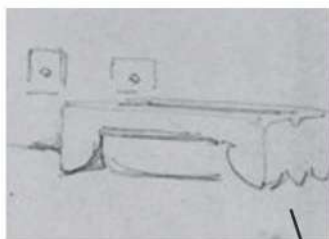

2

Рис. 11. 1 – крышка саркофага у «фонтана» крепости Ени-Кале. Рисунок из путевой тетради № 2 Н. А. Львова. Август, 1803 г. (по Тункина, 2002; Дюбрюкс, 2010); 2 – «Черноморские» ворота и «Водный» бастион крепости Ени-Кале. Рисунок Н. А. Львова. Август, 1803 г.

1

2

Рис. 12. 1 – вид на крепость Ени-Кале с юго-запада. Рисунок У. Симпсона 30 мая 1855 г.; 2 – крепость Ени-Кале: вид на «Черноморские» ворота, «Водный» бастион и «фонтан» с крышкой саркофага. Рисунок У. Симпсона 30 мая 1855 г.

Рис. 13. 1 – крепость Ени-Кале со стороны Керченского залива. Акварель У. Симпсона (по Simpson, 1856, pl. 42); 2 – вид на «Водяной» бастион, «фонтан» с мраморной крышкой и главную улицу западного предместья Ени-Кале. Литография с рисунка неизвестного автора из газеты «The Illustrated London news», 1855 г.

1

2

Рис. 14. 1 – «Водный» бастион крепости Ени-Кале. Фото 1920-х – 1930-х гг.; 2 – «Водный» бастион крепости Ени-Кале. Фото 1942 или 1943 г.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

К.К. ГЁРЦ. ПИСЬМА С БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО¹

K.K. GERTS. LETTERS FROM THE CIMMERIAN BOSPORUS

Имя Карла Карловича Гёрца хорошо известно в истории отечественной археологии – биография ученого и педагога изложена в весьма содержательной монографии А.И. Малеина, увидевшей свет более 110 лет назад [Малеин, 1912]. О нем с немалым уважением вспоминают и в наши дни [Тункина, 2002, с. 558; Басаргина, Застрожнава, 2010]. Основная заслуга К.К. Гёрца перед археологической наукой заключается в том, что в 1859 г. он провел масштабные раскопки Фанагории [см. Малеин, 1912, с. 79–86; Кобылина, 1956, с. 6–7; Виноградов, 2012, с. 41–45; 2019. С. 362–369; Застрожнава, 2019, с. 63–73]. Отчёт об этих раскопках (весьма далекий от современных требований к сочинениям такого рода) был опубликован только в 1870 г. [Гёрц, 1870, с. 76–87, 88–98], но не о нём сейчас речь. Исследователи, занимающиеся историей боспорской археологии, почти не вспоминают, что в 1859 г. К.К. Гёрц регулярно писал письма председателю Императорской археологической комиссии С.Г. Строганову², в которых рассказывал о поездке в Крым и, естественно, о пребывании в Керчи и на Тамани [Малеин, 1912, с. 80–82]. Эти послания, являющиеся, на мой взгляд, замечательными документами своего времени, заслуживают полной публикации. В Рукописном архиве ИИМК РАН их насчитывается 13, хотя нет сомнения, что писем было больше, по крайней мере, на одно из них, отсутствующее в архиве, имеется ссылка³.

Я решил назвать свою статью «К.К. Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского», хотя не все они были написаны именно на Боспоре. Два последних (№ 12 и 13) были составлены в Москве, они касаются обстоятельств, связанных с завершением археологической экспедиции. В первом (одном из самых больших по объёму) о Боспоре вообще не говорится, в нем описаны впечатления от путешествия из

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: рода, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Помимо этого, К.К. Гёрц посылал письма своей сестре Эрнестине Карловне. Судя по опубликованным фрагментам, по содержанию они мало отличаются от посланий С.Г. Строганову [Застрожнава (Панкратова), 2017, с. 144].

³ В седьмом письме К.К. Гёрц напоминал С.Г. Строганову о своём послании от 21 июля 1859 г., но оно, касающееся денежных вопросов, в архивном деле отсутствует.

Москвы в Керчь. Тем не менее, все эти письма по-своему интересны и важны, по-этому исключение их из публикации, на мой взгляд, недопустимо.

Первое письмо датировано 9 июля 1859 г., т.е. оно было составлено после недельного пребывания автора в Керчи, куда он прибыл, как явствует из этого и следующего послания, 2 июля. В столь дальнее путешествие Карл Карлович отправился из Москвы 20 июня вместе с братом, художником Константином Карловичем. До Керчи они добрались за 12 дней. Путевые заметки археолога читаются с большим интересом. Некоторые их сюжеты, связанные с описанием повседневной жизни российской провинции того времени, очерчены автором очень живо и ярко. В этом отношении они мало уступают «Письмам из Италии и Сицилии», над которыми К.К.Гёрец работал во время своего заграничного путешествия 1851–1856 гг. [см. Гёрец, 1899]. У меня нет сомнения, что современный читатель найдет в этом письме кое-что интересное [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 15–18]:

«Ваше Сиятельство!

Пользуясь позволением, столь благосклонно Вами мне данным, приступаю к рассказу моего путешествия в Крым и на Таманский полуостров, с полной откровенностью и тою подробностью, которая, опасаясь, иногда утомит внимание Вашего Сиятельства.

20-го июня в 8 ½ часов вечера выехал я с братом из Москвы. После прохладной ночи, мы ехали до Тулы в палящей обстановке, но, начиная с этого города, погода странно изменялась: за малыми исключениями, чем более приближались мы к югу, тем становилась она холоднее. Нужно было переменить летние одежды на зимние и завернуться в тёплую шинель. Мало разнообразия представляют как природа, так и города, лежащие от Москвы до Харькова. Шоссе, приятное для езды, не даёт никакой пищи для наблюдений. Впрочем, оно не доведено (и теперь, вероятно, никогда не доведётся) до Харькова, но оканчивается у Белгорода, 70 вёрст не доезжая <до> первого города. Харьков, где останавливался на полдня, привлекателен своими довольно значительными зданиями, в числе которых занимает первое место здание Университета, и очень оживлён торговлею. Но с этого города и начинается в собственном смысле моё путешествие⁴: дорога, до тех пор гладкая и ровная, получает разнообразный характер, открываются до тех пор невиданные ландшафты, сменяются разные редкие национальности, и в столкновениях с людьми приобретаем опытность, до тех пор <нам> недостававшую. Именно, два опыта сделал я на этом пути: во-первых, жизнь в Южной России, начиная от Харькова до Керчи, гораздо дороже, чем в Москве. Эти дороговизны начались со времени последней войны, где по той дороге, по которой я проехал, временные огромные потребности создали необыкновенно высокие цены, которые с тех пор упорно держатся и вовсе не предвидится, когда они упадут. На Украине, в стране рогатого скота, теперь платят

⁴Здесь и далее все подчеркнутые слова выделены таким образом в источнике.

за стакан молока те же цены, которые платили в то время, когда по этой дороге тянулись стотысячные армии. И в этой <...> пропорции держатся цены всех жизненных потребностей на всём юге России, начиная, напр[имер], с мебели, по ценам почти недоступным небогатым людям, и кончая салом, нужным для смазки колёс тарантаса, которое в стране чумаков дороже, чем в Москве. Вообразить себе, что жизнь на Юге дешева и идилически удобна, есть чистая иллюзия, которая исчезает при первом знакомстве с этими превосходными по климату странами. Далее, на этой же дороге познакомился я с систематически организованным притеснением многих станционных смотрителей и евреев-содержателей станций, которые, опираясь на то, что в иных местах тяжёлая дорога действительно требует припряжки одной лошади сверх означенного в подорожной числа, принуждают путешественников припрягать её и по хорошей в <...> летнюю пору дороге. Споры с этим классом людей только портят путевые впечатления, и потому подчиняемся их требованиям, чтобы спокойно наслаждаться новыми картинами.

В самом деле, нельзя не любоваться Харьковскою губернию: какая прекрасная растительность, сколько живописных местностей, какая плодоносная почва, сколько, по-видимому, везде довольства. Совершенно другой характер имеет Екатеринославская губерния. Днепр поразил меня шириною, и мне, видевшему Дунай, Рейн и Темзу, осталось только пожалеть, что его широкие воды не оживлены до сих пор пароходами и другими большими судами. То же думал я, глядя и на Оку. Много сил в России, но они спят ещё, скованные тысячелетним сном. Впрочем, как мало развита у нас даже и теперь в провинции потребность в самых первоначальных условиях умственной жизни, доказывается следующим любопытным наблюдением: на пространстве 1500 вёрст я только в Екатеринославле нашёл в одной гостинице газеты; даже в Харькове, не говоря о небольших городах, их не было в гостиницах. Значит, не только местные жители не заботятся о великих современных вопросах и интересах, но даже проезжающие из Москвы забывают об них в путешествии. Если бы <они> газеты непрерывно спрашивали, то содержатели гостиниц под конец принуждены были бы ими обзавестись. В Екатеринославле в день Св. Петра и Павла была ярмарка, и город, живописно лежащий, но с грязными улицами, <был> весьма оживлён. Пробыв там несколько часов, я поехал дальше и тут впервые ознакомился со степями Южной России. Эти степи в Екатеринославской губернии имеют оригинальный и весьма приятный характер: горизонт их не очень обширен, они обработаны, и только людское жильё встречается редко. Тут же встретились первые Немецкие колонии, столь чистые и опрятные⁵. В одной из них – Неиштад – накануне моего приезда шел столь сильный град, что уничтожил всю жатву и выбил окна всех домов: дома стояли с закрытыми ставнями, как будто вся деревня вымерла. Тут же увидел я впервые и кочевья бродячих цыганов, и длинный

⁵ Непонятно, почему К.К. Гёрц в написании слова «немецкие» употребил латинскую букву N. Подобная вольность встречается у него и чуть ниже.

ряд курганов, или тянувшихся вдоль почтовой дороги, или рассеянных в значительном от неё отдалении. Странное впечатление производит эта масса их, которая, впрочем, редет по мере приближения к Азовскому морю. Снова встречаются они в значительном количестве опять на сев[ерном] берегу Крыма. Весьма важно было бы составить топографическую карту этих любопытнейших памятников древности.

Совершенно иной характер имеют степи Таврической губернии: горизонт их гораздо обширнее, но в летнюю пору года трава их совершенно погорела, вид их безотраден. Здесь все говорит о Востоке: и татары, их населяющие, и стада на воле пасущихся верблюдов. Но и в этой степи есть свой счастливый уголок: это колонии меннонитов⁶, расположенные по реке Молочной, числом 52. Нельзя налюбоваться этим оазисом: в садах стоят изящно построенные домики; все хозяйство содержится с необыкновенною опрятностью. Все дышит единогласием, довольством и тишиною. Последняя станция на твёрдой земле – селение Геническ с укреплениями, на которых лежит печать последней войны⁷. Мы приехали сюда поздно вечером: полный месяц освещал длинную полосу земли, разделяющую два моря: Гнилое, от которого ветер нёс миазмический запах, и Азовское море. Арабатская стрелка (так называется эта узкая полоска земли) есть дикая и безотрадная пустыня.

С обеих сторон земля или, лучше сказать, морской песок и раковины, её образовавшие, воздвигли два вала, которые препятствуют видеть оба моря: только по временам одно из них появлялось, чаще Гнилое. Дорога по Арабатской стрелке в начале песчаная, вообще очень хорошая, но ландшафт этой местности в высшей степени пустынный. Высохшие или наполненные водой солончаки тянутся преимущественно по сторонам Гнилого моря: тут приволье морским птицам, и журавли стаями расхаживают по берегам.

Там, где Арабатская стрелка соединяется с Крымским полуостровом, стоит селение Арабат. Отсюда и до самой Керчи дорога малозамечательна: она поражает своим безлесием, как и вся видимая мною часть Крымского полуострова. Только курганы, часто встречающиеся, говорят о древнем населении этой страны. В Керчь приехал я 2-го июля, в третьем часу ночи; но рассказ об этом городе отлагаю до следующего письма.

К. Гёрц».

Совсем не удивительно, что во время путешествия К.К. Гёрц обратил внимание на многочисленные степные курганы. Любопытно, что он высказал идею «составить топографическую карту этих любопытнейших памятников древности», реализовать которую на практике в то время было вряд ли возможно.

⁶ Меннониты – одна из групп христианских протестантских общин. В России появились во второй половине XVIII в. по приглашению Екатерины II. Для заселения им были выделены пустующие земли Украины.

⁷ Имеется в виду Крымская война, во время которой, в мае 1855 г., вражеская эскадра совершила нападение на Геническ.

Второе письмо было послано на следующий день после первого, 10 июля 1859 г. В нём К.К. Гёрц изложил свои первые впечатления от знакомства с Керчью [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 19–22]:

«Ваше сиятельство!

2-го июля, ночью в третьем часу, прибыл я в Керчь, в прекрасную лунную ночь. По улицам не было ни души. Долго стучались мы у дверей лучшей гостиницы, находящейся в доме Гущина, но, увы! Все номера ея были так заняты, что четверо холостых занимали одну комнату. Нужно было искать другой квартиры и, наконец, в гостинице, носящей громкое имя “Европейской”, мы нашли себе помещение в каком-то коридоре, разделённом на клетки, помещение дорогое и столь неудобное, что за разговором соседей и шумом трактирной жизни нельзя было ни читать, ни писать и даже спать. Поутру 3-го июля я тотчас отправился осматривать город и делать необходимые визиты. Возвышенности, окружающие Керчь, и ея ровные места своим безлесием производят печальное впечатление: все деревья и сады, некогда окружавшие город, истреблены в последнюю войну. Вообще весь город сильно от нея пострадал: сердцу больно смотреть на эти разорённые улицы и дома. Бог знает, когда город снова отстроится и приобретёт свой прежний вид. Обилие камня создало здесь особый архитектурный стиль, нелишённый своего рода изящества. Кирпичные постройки почти не встречаются. Тёсаный камень придаёт домам простоту и солидность и позволяет изобретать архитектурные члены, вовсе неупотребляемые в наших кирпичных постройках. Дома в Керчи, большею частью, одноэтажные, с весьма разнообразными фронтонами, которые, наверное, суть изобретение не архитекторов, но здешних каменотёсов. В зданиях Керчи не высказывается желание выдать себя за столицу: в них проявление стремления к скромному удобству и сознание своей достаточности. Керчь характером своих зданий живо напоминает Юг Европы. И все эти прекрасные здания сильно потерпели в последнюю войну: третья часть города разрушена. В особенности грустно смотреть на дома длинной, а в прежние времена изящной набережной: во внутренних покоях растёт трава; нет ни одного окна, крыши или дверей, и доказательством, что Керчь ещё не скоро возникнет из пепла, служит то обстоятельство, что только весьма немногие здания начинают исправлять, а в большей части все входы и отверзтия (так в источнике – Ю.В.) заложены огромными камнями. Здание Музея на горе Митридата сильно пострадало, также и лестница, к нему ведущая: растений и ваз, ее некогда украшавших, нет и следа. По окончании войны прежние жители Керчи возвратились и даже, говорят, ещё в большем числе, в свой город, но вследствие разрушения значительной его части, оказался сильный недостаток в помещении; квартиры и за ними вся жизнь в городе сильно вздорожала, так что в Керчи необходимые предметы стоят гораздо дороже, чем в Москве. Напр[имер], <за> рукомытник, стоящий в Москве от 30–40 к[опеек] с[еребром], здесь заплачен мною 1

р[убль] 20 к[опеек] с[еребром]. Самое народонаселение Керчи состоит преимущественно из греков, татар и евреев, и уличная жизнь представляет живописную-жанристу множество интересных сюжетов.

Я представился г. Керчь-Еникальскому градоначальнику⁸ и г. директору Керченского Музея и его помощнику⁹. Последние оказали мне и брату весьма радужный приём, и я обязан им как многими указаниями на здешние древности, так и местными полезными сведениями о моём будущем месте пребывания на Таманском полуострове. Керченский музей ныне помещается в одноэтажном, не обширном частном доме, но изящной наружности¹⁰. Градоначальник, заботящийся об украшении Керчи, очень желает скорого построения нового здания на площади. В нынешнем музее нет капитальных <экспонатов>, найденных на здешней почве, да и библиотека его далеко не богата специальными сочинениями, необходимыми для изучения истории и древностей Боспора. Необходимо было бы увеличить её новыми приобретениями. Так, напр[имер], здесь нет “Записок Петербургского Археологического Общества”, сочинений Кёлера, изданных Стефани¹¹, последнего большого труда Кёне¹² и множества других пособий, необходимых как для здешних раскопок, так и для будущих учёных, которые будут производить раскопки на Крымском и Таманском полуостровах. Очень важно иметь всю специальную литературу на месте, под руками. Г. директор с большою готовностью сообщил мне находящиеся здесь книги, необходимые для той местности, куда я отправляюсь. В главной зале Музея хранятся дублиеты золотых вещей, собрание монет, терракоты и т.п.; в побочной комнате <хранятся> произведения из стекла, разные фрагменты и несколько весьма любопытных черепов, в том числе макроцефала. Не знаю, известен ли последний академику Беру, которого статья о собрании черепов в С.Петербургской Академии Наук была недавно напечатана в “Русском Вестнике”¹³.

Немногими днями, мною здесь проведенными, я воспользовался как для осмотра Митридатовой горы, столь изрытой во всех направлениях, так и некоторых замечательных гробниц. Изучить со вниманием последние потребовало бы много време-

⁸ Керчь-еникальским градоначальником в 1857–1875 гг. был А.П. Спицын [Санжаровец, 2017, с. 100–102].

⁹ Директором Керченского музея в это время был А.Е. Люценко, а его заместителем – К.Р. Бегичев.

¹⁰ Поскольку здание Музея, расположенное на горе Митридат, сильно пострадало от действий оккупантов, то после завершения Крымской войны для его нужд был арендован частный дом [Марти, 1926, с. 23; Тункина, 2002, с. 307; Федосеев, 2017, с. 65].

¹¹ Имеется в виду посмертное издание трудов академика Е.Е. Кёлера, подготовленное к печати Л.Э. Стефани. Было издано шесть томов его избранных исследований [Тункина, 2002, с. 237].

¹² Имеется в виду описание музея В.В. Кочубея [Кёне, 1857].

¹³ К.К. Гёрц упоминает о статье академика К.Э. Бэра, в которой тот изложил свои взгляды на антропологию (и краниологию, в частности), но о макроцефалах в ней специально не говорилось [Бэр, 1859]. Доклад К.Э. Бэра на эту тему был прочитан в Академии Наук в декабре 1859 г. [см. Райков, 1961. С. 296], а большая публикация, в которой рассказано и о керченских находках такого рода, появилась в 1860 г. [Ваер, 1860].

ни, а моё было занято всякого рода приготовлениями к отъезду на Таманский полуостров, потому я успел бросить только беглый взгляд на последние, напр[имер], на недавно открытую гробницу с египетским сводом на Солонцах (близ Глинища)¹⁴, на Золотой и Царский курганы и т.д. Тем не менее, и этот поверхностный обзор был для меня в высшей степени любопытен, нов и поучителен. Эти памятники известны Вашему Сиятельству и по рисункам, и по описаниям. Описывали их, и весьма подробно, очень часто разные учёные, и мне нечего повторять здесь или списывать здесь эти Вам известные описания. Тем не менее, никто ещё, если не ошибаюсь, не посмотрел на них в связи с теми великими памятниками Греции, не посмотрел на них в связи с историей античного искусства. А между тем этот вопрос, в высшей степени любопытный, единственно указывающий на место, которое эти памятники занимают в истории искусства. До сих пор рассматривали и описывали эти памятники отдельно, каждый порознь, часто весьма подробно и отчётливо, но подобный метод исследования не даёт никакого ответа на выше изложенный вопрос. Но одно беглое рассмотрение этих древнейших греческих памятников на здешней почве породило во мне столько сомнений, недоумений и новых вопросов, что эти древнейшие памятники Пантикапеи решительно ниспровергают многие теории, созданные о происхождении греческого искусства новейшими <исследователями> и стариками. Влияние Востока, и именно Египта, на них неоспоримо-очевидно. Это доказывается устройством сводов, галерей или коридоров, ведущих к погребальной камере, и пирамидальною формою Золотого кургана, тем не менее обнесённого циклопическими стенами, что противоречит египетским постройкам. Золотой курган никогда не был простою земляною насыпью, но совершенною постройкою из камня, подобно пирамидам близ деревни Джизе¹⁵, только опять с тою разницею, что пространство между погребальною камерою и наружною стеною не было, как в Египте, сложено из тёсаного камня, а наполнено отёсками. Далее, под внешним видом египетской пирамиды в Золотом кургане скрывалась погребальная камера, построенная на совершенно ином принципе, который встречается в Греции в так называемом казнохранилище Атрея и других подобного рода зданиях, которые все очевидно были погребальные памятники. Как объяснить слитие (слияние – Ю.В.) в одно этих различных строительных стилей? – Еще другой, весьма интересный вопрос: встречаются ли на здешней почве первые опыты этого искусства? Потому как дошедшие до нас выше названные памятники никак не могут быть приняты за первые, слабые попытки возводить подобного рода здания. Напротив, здешние древнейшие гробницы, все описанные и все известные, таковы напр[имер], Куль Оба, Золотой и Царский курганы, гробница на Солонцах и проч. представляют во-

---

¹⁴ Курган на Солонцах (или на Солончаке) сейчас известен под названием Мелек-Чесменского. Гробница в нём была открыта в 1858 г. [Виноградов, 2017а. С. 38, табл. 1; 214].

¹⁵ Имеются в виду великие пирамиды Гизы.

все не первые, слабые опыты сооружения подобного рода памятников, но суть высшая точка развития, до которой достигло искусство на этой первой ступени. Где же искать происхождения этого рода памятников? В одной ли Греции? Нет ли сродственных памятников и на Востоке? Вот трудный вопрос, на который может дать ответ только подробное изучение памятников Малой Азии.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и почтении к Вам. Ваш всеподданнейший слуга К. Гёrcь».

В этом письме К.К. Гёrcь не ограничился изложением впечатлений от осмотра Керчи, сильно пострадавшей от действий оккупантов, но и поделился своими впечатлениями от знакомства с монументальными гробницами знаменитых керченских курганов. Не удивительно, что исследователь обратился к поиску истоков этих архитектурных форм. Он указал на известное сходство боспорских склепов с гробницами, известными на территории Греции, наиболее знаменитой среди которых является так называемая Сокровищница Атрея в Микенах. На это сходство обращали внимание исследователи более позднего времени, и в середине XX в., как известно, была сделана попытка проследить на Боспоре развитие микенских традиций [Кауфман, 1947], но её нельзя признать удачной.

К.К. Гёrcь взглянул на эту проблему несколько иначе, высказав догадку, что боспорские курганы есть продукт смешения различных культурных традиций; во втором письме они обозначены как греческая и египетская. Надо признать, что его отсылки к памятникам древнего Египта сейчас выглядят несколько надуманными, но их можно объяснить тем, что в 1858 г. в «Отечественных записках» вышла большая статья автора, посвященная погребальным обрядам древних египтян [Гёrcь, 1858; 1900, с. 28–85], так что он вполне мог ещё раз продемонстрировать широту своего научного кругозора. В дальнейшем Карл Карлович продолжал размышлять об истоках боспорских монументальных гробниц, и его суждения по этому вопросу стали более определёнными (см. следующее письмо).

Третье письмо было написано через два дня после второго – 12 июля [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 23–24]:

«Ваше Сиятельство!

Известно, что Пантикапея, как и бóльшая часть греческих поселений на Крымском и на Таманском полуостровах, были колониями города Милета, следовательно, колониями ионийскими. Как же объяснить присутствие архитектурных форм египетского искусства в ионийских колониях? Если бы эти греческие поселения в Крыму были дорийского происхождения, то эти архитектурные формы, как и всю цивилизацию дорян, можно было бы, вместе со многими современными историками, вывести из Египта. Но родиною цивилизации ионийской была Малая Азия и тут-то следует, если я, пишущий без всяких учёных пособий, не ошибаюсь, искать начало искусства, которого последними результатами являются царские гробницы Пантикапея. Ближайшим соседом Милета была Лидия, страна с глубочайшей древности весьма образованная и до последнего дня наполненная бесчисленным мно-

жеством надгробных памятников в форме курганов. Неудивительно после того, если курганами же наполнены ионийские поселения в европейском и азиатском Босфоре. Но курганы Лидии пока мало исследованы, хотя о них и писали Тексье¹⁶ и Гамильтон¹⁷, <так> что решение вопроса о развитии пантикапейских царских гробниц может быть произведено только после подробного знакомства с курганами Лидии, которых, к сожалению, кроме весьма незначительного числа, мы не имеем ни планов, ни изображений. Известно только, что в Лидии встречаются все роды курганов, начиная с земляных насыпей до совершенно циклопических построек, каковы, напр[имер], так наз[ываемая] гробница Тантала и преимущественно гробница царя Алиатта, которая, говорят, есть здание с галереями и погребальными камерами и проч. Все озеро Гигеса окружено множеством курганов, из которых многие принадлежат царям лидийским, тут был их некрополис. Устройство этих памятников, преимущественно гробницу Алиатта, необходимо бы сравнить с памятниками Пантикапеи. Замечательно, что даже время построения царских гробниц пантикапейских совпадает с царскими курганами Лидии. Первые не могут восходить выше времени основания Пантикапеи; вторые относятся к 7-му и 6-му ст. до Р.Х. Это обстоятельство и объясняет, почему мы вовсе не находим в Пантикапее первых опытов развития этого строительного искусства, а только высшие его образцы: жители Милета нашли в Лидии уже совершенно развитую систему, которую они целиком перенесли на свою новую родину. Богатство строительного материала позволило им создать прекраснейшие образцы в этом <...> стиле. Из собственной Греции эта система построения сводов посредством выступки <...> не может быть вынесена, потому что в эпоху основания Пантикапеи она там была уже совершенно оставлена, забыта, давно уже вышла из употребления.

С грустью видел я, как эти почтенные памятники древности глубокой, открытые в наши дни, вследствие отсутствия всяких мер для их сохранения в несколько лет потерпели более, чем в течение тысячелетий, когда были покрыты землёю. Недостаточно только открывать памятники, необходимо и сберегать их. Задачу Императорской Археологической Комиссии (осмелюсь откровенно высказать эту мысль) должно быть непременно принятие энергичных мер для сохранения любопытнейших остатков древнейших образцов греческой архитектуры в нашем отечестве¹⁸. Иначе эти здания, то служащие стойлами, то разрушаемые на камень,

---

¹⁶ Тексье Х. – автор многотомного труда с описаниями восточной части Малой Азии и прилегающих к ней областей Кавказа и Персии [Жебелёв, 1923, с. 44].

¹⁷ Вероятно, Гамильтон В. – английский посланник в Неаполе, собравший богатую коллекцию произведений древнего искусства [Жебелёв, 1923, с. 20]; муж знаменитой леди Гамильтон.

¹⁸ Надо признать, что задача охраны памятников древних культур для Императорской Археологической Комиссии первоначально вообще не была обозначена [Альтшуллер, Пескарёва, Турусова и др. (составители), 1978, с. 10, 63–68], но уже в 1859 г. о необходимости спасения боспорских монументальных склепов в Петербург писал А.Е. Люценко [см. Виноградов, 2012, с. 39; 2019, с. 359]. С каждым годом необходимость действенных мер по охране древних памятников становилась все более и более очевидной, и ИАК принимал некоторые меры в этом направлении [Виноградов, 2012, с. 155–165; 2019, с. 406].

*исчезнут совершенно с лица земли в несколько десятков лет. Куль Оба уже больше не существует; в Золотом кургане уже проваливается вся галерея, в Царском половина ея и, если не будут приняты какие бы то ни были меры, то и новооткрытую, в высшей степени важную гробницу на Солонцах постигнет та же участь*¹⁹.

Высказанные мною в этом письме предположения суть только налету сделанные замечания, требующие более основательного рассмотрения, и потому я прошу Ваше Сиятельство принять их с большим снисхождением. С глубочайшим уважением имею честь быть

Вашего Сиятельства всеподданнейший слуга К. Гёрц.

В третьем письме вновь следует обратить внимание на рассуждения К.К. Гёрца относительно происхождения монументальных гробниц Боспора. Он справедливо считал, что искать на берегах Керченского пролива истоки этой традиции недопустимо, она явно пришла сюда во вполне сформировавшемся виде. По мысли исследователя, прототипы таких памятников находятся на территории древней Лидии. Исходя из общих представлений об античной истории, никак нельзя исключать возможности того, что с традицией возведения лидийских монументальных гробниц ознакомились греки-ионийцы Малой Азии, которые принесли ее в Северное Причерноморье. Делая такое предположение, К.К. Гёрц отметил плохую изученность погребальных сооружений Лидии, назвав при этом гробницы Тантала и царя Алиата. С большим сожалением надо признать, что и в наши дни знания об этих важнейших археологических памятниках остаются далеко не достаточными [Брайцева, 1970, с. 250–253]. К тому же среди них вряд ли представлены склепы, свод которых имитирует двускатную кровлю, что было характерно для боспорских гробниц с уступчатым перекрытием [см. Ratté, 1994]. Тем не менее, в Малой Азии действительно можно найти погребальные памятники с уступчатым перекрытием, которые относятся к концу VI в. до н.э., к примеру, гробница в Троаде [Seveinç, Treister, 2003]. Не исключено, что этот тип погребальных сооружений распространился на Боспор из Малой Азии, вероятнее всего, через Фракию [Виноградов, 2017в, с. 129–131], и в этом К.К. Гёрц был по-своему прав.

Четвертое письмо датировано 13 июля. В нём К.К. Гёрц рассказал С.Г.Строганову о своем участии в раскопках, которые проводил директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко. Стоит отметить, что для будущего руководителя археологического изучения Фанагории это был первый опыт непосредственного знакомства с предприятиями такого рода [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 25–26]:

«Ваше Сиятельство!

7-го июля я имел счастье присутствовать при открытии неразорённой гробницы, находившейся в одном кургане на Глинице. Это была одна из лучших находок

¹⁹ Имеется в виду курган, который сейчас называется Мелек-Чесменский. См. прим. 14.

нынешнего года. В три часа пополудни г-н директор Музея прислал ко мне через г-на Бегичева приглашение тотчас же туда приехать. Шёл сильный дождь и дул неприятный ветер. Тем не менее, я с братом тотчас же отправился на место. Приехав на курган, находящийся в довольно значительном расстоянии от города, мы нашли г-на директора сидящим на мокрой земле: плита, покрывавшая тщательно сложенную из камней гробницу, была уже удалена, и мы увидели слой земли, в котором тотчас же при нас началось отыскивание вещей и опись их. Костей не найдено никаких: все давно истлели, даже череп. Три перстня: один бронзовый, другой массивный золотой, без всяких украшений, и третий с камнем, на котором вырезан лев, разбитые вазы и патеры – вот вещи, найденные в гробнице, которая вместе с остатками деревянного саркофага по стилю принадлежит эпохе полного развития греческого искусства²⁰. Для меня самый процесс вскрытия ее был необыкновенно привлекателен и поучителен, и я очень рад счастливому случаю, позволившему мне при нём присутствовать. Я научился, каким образом поступать самому в подобных случаях: такая практика полезнее всех описаний.

Рассмотрение вещей и орнаментов саркофага этой гробницы подарили мне мысль, что в Пантикапее можно хронологически проследить все эпохи греческого искусства, отразившиеся на погребальных обрядах и вещах, окружавших покойника. Материалы для подобного историко-художественного труда только отчасти находятся теперь здесь на месте; бо́льшая же часть их должна быть в архивах Эрмитажа, Канцелярии Министерства Императорского Двора и Археологической Комиссии, где, вероятно, сохранились и рисунки всех когда-либо открытых гробниц (?), если только первые открыватели делали рисунки открываемых ими гробниц. Так, напр[имер], в одном отчёте Бларамберга, напечатанном в Записках Одесского Общества Истории и Древностей я нашёл, что он в одном году открыл более 30 деревянных саркофагов²¹. Если рисунки с них или с фрагментов их сохранились, то это драгоценнейший материал для <изучения> орнаментики греческого искусства, не говоря уж об истории погребальных обрядов у этого народа. На почве Пантикапеи, по собранным мною сведениям, существовали гробницы всех эпох: циклопической, полного развития греческого искусства, римской эпохи, катакомбы в скалах и даже гробницы христианских времён²². Все эти памятники вместе с найденными в них вещами могли бы послужить материалом для весьма любопытной монографии.

---

²⁰ Более подробное описание раскопок этого кургана содержится в «Отчете Императорской археологической комиссии» [ОАК за 1859 г., с. VIII–IX]. В частности, там говорится, что полуистлевший деревянный саркофаг с двускатной крышкой был украшен резьбой, а также шестью свинцовыми акротериями [Сокольский, 1969, с. 29, № 20].

²¹ Возможно, имеется в виду отчет о раскопках 1843 г., но в нем говорится, что «одры из кипарисового дерева» были обнаружены в 20 гробницах, перекрытых каменными плитами, при этом лишь некоторые из «одров» «имели вид саркофагов» [Бларамберг, 1850, с. 315–316].

²² Это перечисление позволяет считать, что К.К. Гёрц изучил публикации, посвященные керченским гробницам [ДБК, т. I, с. LXXXVI; Линевич, 1854; см. также Виноградов, 2010].

Предмет этот мог быть обработан с совершенно новой точки зрения. К крайнему сожалению, кажется, что множество важнейших и любопытнейших фактов погибли для науки вследствие прежней системы раскопок, имевшей единственной целью приобретение разных вещей, без всяких научных интересов и неумения описывать разные манеры погребения.

Я осмотрел и здешнюю греческую церковь, известную из описания Дюбуа²³: это любопытный памятник византийской архитектуры, страшно обезображенный новейшими пристройками. Но Сумароков в своих “Досугах крымского судьи” сообщает любопытные сведения о прежнем ее наружном виде²⁴, который, по-видимому, не сохранился даже и в рисунках. Фасады ее были, по-видимому, покрыты скульптурами, которые, вероятно, были бы драгоценнейшим материалом для византийской иконографии. Старинная византийская церковь в Феодосии тоже, говорят, совершенно обезображена новейшими реставраторами.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства всеподданнейшим слугою К. Гёрц».

Обращает на себя внимание, что К.К. Гёрц в этом письме выступил против устаревшей системы раскопок, «имевшей единственной целью приобретение разных вещей». С сожалением приходится признать, что никакой новой, более прогрессивной системы он предложить не сумел, да и вряд ли это тогда было возможно.

Пятое письмо датировано 14 июля [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 27–29]. Оно, в частности, знакомит нас с особенностями пароходной связи между двумя берегами Керченского пролива, существовавшей в то время. Чрезвычайно любопытна также характеристика Таманского полуострова как почти совершеннейшей пустыни, где было невозможно найти рабочих для производства раскопок. Ранее подобные суждения были высказаны А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей [Застрожнова (Панкратова), 2017, с. 143–144]. К.К. Гёрц лишь повторил их информацию:

«Ваше Сиятельство!

8-го числа²⁵ намеревался я переехать на пароходе на Таманский полуостров, чтобы предварительно познакомиться с местностью будущих моих исследований, но буря, бывшая ночью, и сильный ветер, который дул утром, принудили капитана парохода отказаться от взятия с собою баржи, на которую должен был быть поставлен тарантас и инструмент, необходимый для производства земляных работ.

²³ Имеется в виду описание керченской церкви Иоанна Предтечи [Montpreux, 1843, p. 113–114]. См. также письмо № 7.

²⁴ Описание храма, сделанное П.И.Сумароковым [Сумароков, 1805, с. 108–109], нельзя считать сколько-нибудь подробным и основательным. Относительно наружного вида церкви он отметил: «На наружных стенах оной представляются грубо высеченные выпуклостью (т.е. рельефно – Ю.В.) изображения, и вокруг всей церкви встречаешь частицы мраморных колонн, капителей и не обработанные оного куски» [там же].

²⁵ Если эта дата точна, то следует признать, что К.К. Гёрц собирался отбыть из Керчи на Тамань до составления двух первых писем.

Этот отказ очень меня огорчил, потому что в день отъезда парохода (он отходит в Тамань только дважды в неделю: в среду и субботу) мы должны были много хлопотать и встали очень рано. Оставалось одно – провести ещё неделю в Керчи и употребить это время для приискания рабочих. Это сопряжено с большими хлопотами и переговорами. Все описывают нам наше будущее положение в Тамани как весьма затруднительное: это пустыня, говорят все, где ничего нельзя достать и нужно запастись решительно всем, что сопряжено с большими издержками и, если явится в чём-либо потребность, то необходимо опять посылать в Керчь, что по редкому плаванию парохода, опять сопряжено с значительными издержками и потерей времени. Не говоря уже о разных запасах провизии, напр[имер], картофеля, муки и т.д., мы принуждены запастись и топливом для приготовления кушанья: каменным и древесным углём и даже дровами, нужными для растопки угля. Хотя г. директор и даёт нам некоторую мебель, тем не менее, намереваясь провести на Сенной около трёх месяцев, я купил ещё два самые простые стола, разную деревянную хозяйственную посуду и т.д. Без деятельного содействия моего брата я никак бы не мог управиться с устройством нашего будущего местопребывания.

Другое, и в высшей степени хлопотливое затруднение представляет отыскание рабочих в Керчи. Без производства раскопок на месте древней Фанагории я не буду в состоянии представить Вашему Сиятельству отчёт о моей экспедиции, в котором бы содержались новые данные для науки²⁶. Поэтому я решился произвести раскопки, несмотря на возвышенные цены на рабочих в настоящее время в Керчи. Упадка этих цен не предвидится, но потому что требование на труд здесь на данное время огромное, что при здешней дороговизне жизни, невероятной со времени последней войны, чрезвычайно возвысило цены на рабочих. Кроме того, рабочие, отправляющиеся в Тамань, принуждены взять с собой на долгое время большой запас провианта; кроме того, им трудно покидать свои семейства, и они неохотно идут в пустыню. Они лучше довольствуются меньшей платою в Керчи. Так надсмотрщику Сурикову, уже прежде в разное время работавшему на Таманском полуострове при Ашике, Карейше, Бегичеве и т.д., и поэтому по знанию местности и бывших раскопок для меня драгоценному человеку (он, кроме того, был надсмотрщиком у П.М.Леонтьева в Тамани)²⁷, я плачу ежемесячно жалованье 25 р[ублей] с[еребром]. Ныне постройка крепости близ Керчи, где рабочие получают, правда, в каменистом грунте по 5 р[ублей] с[еребром] за кубическую сажень, построение набережной, нагрузка и выгрузка кораблей, возобновление домов, а в будущем месяце разработка соли на 250 000 р[ублей] с[еребром] занимают в здешнем малолюдном крае столько рук,

²⁶ Стоит напомнить, что отчет о раскопках в Фанагории С.Г. Строганову так и не был направлен.

²⁷ П.М. Леонтьев – профессор Московского университета [Тункина, 2002, с. 248; Фролов, 2006, с. 184–186]. К.К. Гёрц ошибочно посчитал, что он проводил раскопки в Тамани. П.М. Леонтьев известен исследованиями Недвиговского городища (Танаиса) в 1853 г. Надсмотрщиком над землекопами тогда был поставлен керчь-еникальский мешанин Суриков [Тункина, 2002, с. 603].

что для археологических разысканий, для нынешнего поколения рабочих по ценам более непривлекательным, в будущем будет трудно приискывать рабочих. Поэтому я стараюсь прежде, нежели откроется добывание соли, найти хотя <бы> небольшое число рабочих, чтобы несколько разведать местность Фанагории. Если мне удастся заключить с ними выгодное условие, то я уведомлю Ваше Сиятельство тотчас же о ценах и о дате моего отъезда на Тамань. Найти же рабочих на безлюдном Таманском полуострове, по уверению тамошних жителей, нет никакой возможности. Как со времени войны здесь поднялись цены даже для продовольствия низшего класса, можно судить из того, что пуд муки до войны стоил от 50 до 60 к[опеек] сер[ебром], а в настоящее время стоит 1 р[убль] с[еребром] 20 к[опеек] сер[ебром]. С этими ценами всё возросло пропорционально. Инструменты для рабочих я получил отчасти от г-на директора Музея, отчасти должен сам купить. Мне важно получить здешних, уже опытных в раскрытии древностей рабочих: неопытные мало полезны, а в иных случаях даже вредны. Эти трудные обстоятельства меня очень волнуют и озабочивают и, хотя я уже целую неделю живу в Керчи, но беспокойное расположение духа вовсе лишает меня возможности посвятить более внимания пантикапейским гробницам.

P.S. Я мог найти только семь человек рабочих, с которыми и заключил условие для производства работ на Таманском полуострове при следующих ценах: 1) за работу без отвозки откапываемой земли на тачках по 2 р[убля] с[еребром] за кубическую сажень; 2) с отвозкой земли на тачках по 2 р[убля] 50 к[опеек] сер[ебром] за кубическую сажени и в 3) если свойство раскопок потребует подённой работы – по 1 р[ублю] с[еребром] за день каждому рабочему. Уже до войны цены работ на Таманском полуострове были 1 р. 50 и 2 р[убля] с[еребром]. Надеюсь, что сообразя все выше изложенные обстоятельства, Ваше Сиятельство найдёт цены заключённого мною условия умеренными. Пароход отходит завтра, в среду, и я с рабочими отправляюсь завтра же, где начну раскопки, сообразные с настоящим числом рабочих, сам познакомлюсь предварительно с местностью и возвращусь в субботу обратно в Керчь, чтобы в Воскресный день, когда свободные рабочие собираются на базаре, собрать вторую, гораздо большую партию.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою К. Гёрц.

Шестое письмо было написано 17 июля уже не из Керчи, а с Таманской стороны, из казенного дома близ станции Сенной. Этот дом был построен по инициативе графа Л.А. Перовкого в 1852 г. [см. Застрожнова (Панкратова), 2017, с.143–144; Застрожнова, 2019, с. 66, рис. 24] и ликвидирован в 1884 г. [Застрожнова (Панкратова), 2017, с. 147]. Это письмо К.К. Гёрца любопытно во многих отношениях [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 30–33]:

«Ваше Сиятельство!

Накануне моего отъезда из Керчи, 14-го июля, я имел снова удовольствие получить утром от г-на директора Музея приглашение – присутствовать при вскры-

тии гробницы, показавшейся в одном большом кургане по дороге на Павловскую батарею. Курган этот уже разрывался в прошлом году, и, после долгих усилий, найдено одно пепелище. В настоящем году г. директор продолжил свои разыскания и при мне, в особой каменной оболочке, сложенной из нескольких стянутых свинцом камней, найдена была бронзовая урна, некогда позолоченная, с прахом покойника и только одним резным, пострадавшим от огня камнем²⁸. находка, по своей новости, была для меня в высшей степени любопытна.

15-го июля, в 8 часов утра я с рабочими и инструментами для раскопок отправился на пароходе «Родимый» из Керчи в Тамань. Погода была превосходная, но теперь стоит постоянно чрезвычайно жаркая, и только сев[еро]-вост[очный] ветер смягчает удушливый жар. Мы переехали со всем нашим хозяйством, мебелью, запасами провианта, рабочими и инструментами. На пароходе разговаривал с кавказскими офицерами, которые сообщили мне любопытные подробности об Адагуме: для укрепления срублены там целые леса, на пушечный выстрел со всех сторон, и под этими лесами найдены курганы. Над семью из них построены уже укрепления: при постройке их не раскапывали. Впрочем, поездка туда, несмотря на недалекое расстояние отсюда, сопряжена с опасностью со стороны черкесов: <путешественников> обыкновенно сопровождает конвой с пушками.

Уже на пароходе заметили мы тучи саранчи, которая опустошает теперь Черноморию. Здесь почти ежечасно мы видим ее бесконечными стаями, перелетающей с одного места на другое.

Приближаясь к <...> восточному берегу, на котором стоит Тамань, я был удивлен, увидав расположившихся на нём в палатках со всем имуществом черкесов в самых живописных костюмах, с женами, детьми и т.д. Вскоре я узнал от кавказских офицеров, что эти закубанские черкесы, из которых одни в настоящее время переселяются в пределы России, другие, по их желанию, в Турцию.

Тамань есть очень жалкий город: все прежние, вероятно, очень порядочные его дома в последнюю войну разорены, и владельцы их, по-видимому, не имеют возможности снова отстроить их. Ныне обитаемые дома больше ходят (похожи – Ю.В.) на хижины. Так как нужно было хлопотать о перевозке всего нашего имущества на волах на станцию Сенную, то я не имел времени осмотреть Таманскую церковь, где хранятся разные древности: надеюсь это сделать в одну из моих ближайших поездок в Керчь. Суворовская крепость Фанагория есть груда самых жалких развалин, в которой не видно ни души. Отсюда вся страна до Сенной решительно голая степь.

В 3 часа пополудни приехал я с братом к хутору г. Семянки, лежащему на берегу Таманского залива, за валами древней Фанагории и окружённому деревьями. Глаза впервые отдохнули на зелени дерев. В ста шагах от него находится казённый дом,

---

²⁸ Речь идет о раскопках Первого кургана Юз-Обы, в котором был обнаружен каменный «футляр», заключавший бронзовую погребальную урну [Виноградов и др., 2012, с. 36–42, рис. 17–19].

назначенный Вашим Сиятельством для нашего жилища: он тоже обращён к морю и ныне приводится в порядок после запустения, в котором оставался в последнюю войну, когда все жители отсюда бежали. Дом очень поместителен, построен солидно и <представляет> истинное благодеяние для меня в этой пустыне. Г. Семеняка, непредуведомлённый о нашем приезде, не успел его окончить: в зале разбито много окон и т.п. Всё это будет на днях исправлено, так что я надеюсь прожить здесь весьма удобно, тем более, что у весьма учтливого смотрителя станции я, к счастью, нашёл возможность покупать всё то, что нужно для нашей скромной трапезы.

Вечером я с г. Семенякою обошёл всю ему превосходно известную местность Фанагории, в высшей степени меня изумившую. Наблюдения, ежедневно мною сделанные, я сообщу в последствии Вашему Сиятельству. Теперь скажу Вам только, что такой гигантской насыпи я никогда не встречал в Европе: это походит на насыпь Ниневи²⁹. Для раскопок ей нужны сотни рук и – десяток лет, а, может быть, и более. Пока это для меня огромная загадка.

Не успев несколько устроиться, я на другой же день, т.е. вчера поутру, пошёл с моим надсмотрщиком обозреть те места, где можно было найти занятие тому небольшому числу рабочих, которых я на первый раз собрал. С семью человеками раскапывать огромную насыпь Фанагории было бы совершенно неуместно, и поэтому я избрал в ряду курганов, тянувшихся от станции Сенной по берегу Таманского залива и сильно раскопанных Ашиком, Карейшею и Бегичевым, два небольших, которые своею формою или, лучше сказать, целостью наружного вида подавали некоторую надежду найти в них неразорённые гробницы. Сверх всякого ожидания, один из них осуществил эту надежду даже сегодня утром, на другой день раскопок. Подробности открытия небольшой гробницы и находки, мною сделанные, Ваше Сиятельство найдёт в журнале, который я в своё время буду иметь честь представить Вам³⁰. Сегодня скажу только, что ориентировав раскопку по вероятным соображениям, я почти у подошвы второго кургана нашёл небольшую гробницу и в ней очень простую глиняную лампочку и тщательно уставленную т.н. этрусскую расписную вазу (пепельную урну) с прахом покойника, но без всяких вещей. Ваза имеет 23 ½ сантиметра вышины; на чёрном фоне красные фигуры; с одной стороны три, с другой – две.

Недостаток в учёных пособиях не позволяет мне с точностью определить главную сцену. Ваза под моим наблюдением была вынута из земли с величайшею осторожностью, так что она почти целая; только земля, окружавшая её в течение двух тысячелетий, несколько попортила живопись. По стилю она принадлежит време-

²⁹ Самой Ниневи К.К. Гёрц, конечно, не видел, и по поводу ее раскопок знал только из археологической литературы.

³⁰ В Археологическую комиссию были представлены три журнала, озаглавленные «Археологические исследования на предполагаемой местности древней Фанагории в окрестностях станции Сенной» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 49–140].

ни, последовавшему за высшим процветанием искусства. По общему уверению, это первая цельная ваза, открытая в Фанагории. Я должен отдать справедливость опытности и старанию надсмотрщика Сурикова, работавшего над вскрытием гробницы³¹.

Теперь осмеливаюсь обратиться к Вашему Сиятельству в ожидании следующих приказаний: удовно ли Вам будет, чтобы я находимые мною удобопересылаемые предметы тотчас же пересылал в Москву на имя Вашего Сиятельства или удовно будет Вам назначить другое место, куда отсылать их? Что же касается до других находок, каковы, напр[имер], архитектурные и скульптурные фрагменты или слишком тяжеловесные предметы, то я осмеливаюсь испросить предписание у Вашего Сиятельства: отправлять ли мне их в Керченский Музей или оставлять здесь в казённом доме, который будет состоять под надзором г. Семеняки, и на какие суммы делать мне эту пересылку в первом случае? С нетерпением ожидаю на все эти запросы приказаний Вашего Сиятельства. Жаль также, что в казённом доме нет решительно ничего, ни шкапа с замком, ни полок для временного хранения находимых вещей, из которых могут быть золотые, так что я каждую минуту опасаясь как за сохранность, так и их цельность.

Завтра, в субботу, я поеду снова в Керчь, чтобы приискать как можно большее число опытных рабочих и заключить с ними условие для продолжения столь счастливо начатых раскопок. Первая счастливая находка привела меня в величайший восторг.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и почтении к Вам Вашего всепокорнейшего слуги К. Гёрца.

Адрес: Станция Сенная, на Таманском полуострове, в земле Черноморского войска».

Шестое письмо, помимо прочего, любопытно упоминанием некоторых деталей, не имеющих особого отношения к археологии. К примеру, о стаях саранчи, опустошавших поля Таманского полуострова. К.К. Гёрц не обошёл вниманием и исторический факт – переселение черкесов в Османскую империю.

Тамань, по его впечатлениям, была очень жалким городком, дома в котором были похожи на хижины. Суворовская крепость Фанагория вообще представляла собой грудку развалин. Садов и виноградников, характерных для современных пейзажей Таманского полуострова, тогда попросту не существовало. Зелень деревьев была замечена только на хуторе Семеняки. В общем, есть все основания считать, что вид района проведения археологических работ не произвел на К.К. Гёрца отрадного впечатления. Тем не менее, раскопки были начаты незамедлительно, и находка первой краснофигурной вазы привела исследователя в полный восторг.

Седьмое письмо было написано из Сенной 30 июля [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1.

---

³¹ Керчь-еникальский мещанин Суриков действительно был замечательным полевым археологом [Тункина, 2002, с. 336]. См. также прим. 27.

Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 34–35]. В нем особенно интересно описание нравов обитателей г. Керчи, куда К.К. Гёргс приезжал нанять дополнительных рабочих:

«Ваше Сиятельство!

18-го июля приехал я в Керчь, чтобы найти снова рабочих и в течение двух праздников заключил условие с 17 новыми рабочими. Вторым надсмотрщиком избрал я Петра Летвеева, знатока первостепенного по части курганов, которого опытность я с тех пор узнал вполне. Неприятнейшим зрелищем в Керчи в эти дни было для меня пьянство низших классов, далеко превосходящее всё мною виданное в этом роде до сих пор, потому что оно сопровождается самыми низменными сценами на улицах, начиная с раннего утра. Само собою разумеется, что это зло деморализирует в высшей степени низший класс керченского населения. Мне рассказывали, что в месяц после раздачи вспоможений пострадавшим от войны Керченский винный откуп получил 45 тыс. сер[ебром] дохода – половину розданной суммы. Оттого между керченскими курганиками встречаются испорченные индивидуумы, из которых иные, к сожалению, попали и ко мне; они заставляют меня скоро отпустить их отсюда.

Во время моего пребывания в Керчи я посетил во второй раз старинную Греческую церковь³². Дюбуа, основываясь на надписи, находящейся на одной из колонн, относит постройку к 757 году³³. Это очень не точно и показывает незнание истории развития архитектурных форм. В самом деле, четыре ея колонны могут относиться к этой эпохе; нынешняя же церковь (помимо новейших пристроек) есть произведение XII или XIII века, если не позже³⁴. Говорят, что под церковью находится склеп с саркофагами, весьма древний; при перестройке церкви в начале нынешнего столетия намеревались открыть его и испрашивали на то позволения у Синода, но получили отрицательный ответ. Любопытно было бы узнать, современен ли он с древнейшею постройкою, которой единственным остатком я считаю четыре мраморные колонны.

Во время моего пребывания в Керчи жара доходила до 27° Реом[юра] в тени³⁵. Сегодня у нас настоящая африканская атмосфера.

По возвращении моём на Сенную, я приступил к новым работам с увеличенным числом рабочих, которое теперь, с прибытием разных черноморских рабочих, увеличилось до 40 человек. Но счастье, улыбнувшееся мне сначала, теперь, по-видимому, покинуло меня, потому что в аллее курганов, тянущихся вдоль Таманского залива, я, кроме детской гробницы с незначительными сосудами, нахожу только гробницы разорённые в глубокой древности людьми, знакомыми с похоронными обычаями сво-

³² О первом посещении церкви Иоанна Предтечи см. письмо № 4.

³³ De Montrégeux, 1843, p. 114. См. также: Латышев, 1896, с. 93–95.

³⁴ Как показывают материалы археологических раскопок, церковь была построена на рубеже IX–X вв. [Макарова, 1982, с. 103; 1998, с. 391].

³⁵ Это почти 34° по Цельсию.

ей страны. Я намерен перенести разыскания на курганы другой местности; но все здешние курганы вообще подают мало надежды, потому что нетронутых курганов, по-видимому, вовсе нет, а все вообще имеют впадины – признаки разграбления в древности. Я вовсе не приписываю всех разграблений генуэзцам³⁶. Незначительные предметы можно надеяться найти в присыпях или столь невысоких насыпях, что они ускользали от внимания грабителей. Большие по высоте и объёму курганы раскопаны в новейшее время Ашиком, Карейшею, Бегичевым и Лазаревским³⁷: эти копки можно узнать с первого взгляда. Исследования же на местности Фанагории доказывают мне, что для нахождения следов греческого города нужно очень углубиться в землю, что сопряжено с огромными издержками. Здесь часто встречаются монеты, настолько окислише, что не могут служить мне даже указателем времени слоя, в котором найдены.

В последнем письме моём к Вашему Сиятельству от 21-го июля³⁸ я просил Вас отдать приказание о немедленной высылке мне 1000 р[ублей] сер[ебром] из сумм, Вами назначенных для моих археологических разысканий. Осмеливаюсь надеяться, что эти деньги уже отправлены, потому что я при значительном числе рабочих очень в них нуждаюсь.

Надсмотр над производством работ, в одно время производимых на многих пунктах, занимает меня так сильно, что я в настоящем письме должен ограничиться самыми общими известиями о моих раскопках.

С глубочайшим уважением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою. К. Гёрц».

Восьмое письмо датировано 10 августа 1859 г. В нём К.К. Гёрц продолжил свой рассказ о ходе раскопок [там же. Л. 36–37]:

«Ваше Сиятельство!

С перенесением моих раскопок на другую местность, я имел счастье найти две нетронутые гробницы, хотя и здесь нет недостатка в ограблениях. Именно, с прошлой недели произвожу я раскопки на Солонцах, возле сопки, называемой здесь жителями Блевака, где насыпь отличается необыкновенною твёрдостью, которая замедляет ход работ и очень утомляет рабочих³⁹. В последнем раскопанном мною

---

³⁶ В то время точка зрения, что генуэзцы были главными грабителями древних курганов, была очень популярной. К примеру, ее придерживался П.М. Леонтьев [Леонтьев, 1851, с. 69–70].

³⁷ В отличие от А.Б. Ашика, Д. В. Карейши и К.Р. Бегичева, имя Я.М. Лазаревского в сочинениях, посвященных истории боспорской археологии, вспоминается не часто. Между тем он был включен в штат Керченского музея в 1853 г. вместе с А.С. Линевичем (см. прим. 51) в качестве «чиновника для раскопок» [Тункина, 2002, с. 303; Федосеев, 2017, с. 64]; в мае 1855 г. Я.М. Лазаревский был очевидцем захвата Керчи неприятельским десантом [Виноградов, 2017б, с. 38]. Ему принадлежит статья о курганах Таманского полуострова [Лазаревский, 1861].

³⁸ Это письмо в Архиве ИИМК РАН отсутствует.

³⁹ Скорее всего, в силу своей неопытности, К.К. Гёрц принял за курган один из расположенных на этой местности грязевых вулканов.

кургане на берегу Таманского залива, в котором находилось несколько гробниц, на-
 чисто расхищенных, я имел удовольствие найти раздавленную землю расписную
вазу, которой фрагменты тщательно мною собраны, так что искусный рестав-
 ратор, надеюсь, будет в состоянии восстановить ее довольно удовлетворительно.
 По стилю и исполнению она принадлежит временам упадка. На ней изображена
 женщина, стоящая на колеснице, запряженной конями, и перед нею находится еще
 другая колесница. Впрочем, описать теперь подробно эту вазу я не в состоянии, по-
 скольку она лежит в черепках.

В одной жжёной, нетронутой гробнице на Солонцах я имел счастье найти: 1)
 22 бусы из дутого золота, составлявшие ожерелье, которые некогда связаны были
 золотой же проволокою; 2) две серьги из дутого золота, довольно изящные по ри-
 сунку; 3, <4>) серебряные кольцо и браслет и, наконец, 5) небольшой расписанный
 сосуд, к сожалению, без горла, на котором изображена танцующая женщина. О
 сосудах без рисунков и других мелочных находках умалчиваю. Весьма замечательна
 здесь же, на Солонцах, в одном разграбленном кургане сделанная находка 22 мед-
 ных монет, сильно окисших, по-видимому, пантикапейских; вообще монеты часто
встречаются.

На местности древней Фанагории, где в разных местах провожу траншеи для
 исследования слоя греческой насыпи, найдены немногие архитектурные фрагмен-
 ты. Но из всех моих находок самая замечательная, сделанная 4-го августа, есть,
 без сомнения, открытие мраморной плиты, к сожалению, сильно поврежденной,
 найденной мною в фундаменте татарского жилища, некогда существовавшего возле
 того места, где г. Семеняка открыл памятник Кассалии⁴⁰.

На этом мраморе низкого качества, имеющем в длину 1 аршин и 1 ½ [ершка],
 в ширину 13 ½ верш. и толщину 9 верш., находится следующая историческая над-
 пись⁴¹:

ΒΑ]ΣΙΛΙΣΣΑΝΔΥΝΑΜΙΝΦΙΛΟΡΩΜ[Α
 ΝΕΚΒΑΣΙΛΕΩΣΜΕΓΑΛΟΥΦΑΡΝΑ
 ΚΟΥΕΚΒΑΣΙΛΕΩΣΒΑΣΙΛΕΩΝΜΙΘ[ΡΑΔΑ
 ΤΟ]ΥΕΥΠΑΤΟΡΟΣ ΝΥΣ Υ
 ΝΓΑΥΤΩΝΕ ΑΙΕΥ[
 Ν ΑΗΜ ΤΕΩ

т.е.

⁴⁰ Весь верхний слой местности древней Фанагории покрыт следами татарских жилищ [примечание
 К.К. Гёрца].

Посвящение Афродите Урании, сделанное Кассалией, дочерью Посия, было найдено в апреле 1853г.
 [КБН. 972].

⁴¹ Постамент статуи Динамии сейчас хранится в Гос. Эрмитаже [КБН. 979].

Царицу Динамиду, дружную с народом римским,
дочь великого царя Фарнака,
внучку царя царей Митридата
Евпатора .....

.....
.....
.....
Ясно, что эта надпись принадлежит к благодарственным (<...> Ehreinschrift), но едва ли удастся проницательности самого Бёка⁴² удовлетворительно восстановить изглаженные (вспомните место её нахождения) её слова, в которых упомянут был повод сооружения и имена граждан, воздвигнувших этот памятник. Тем не менее, и в этом испорченном виде он, по моему мнению, в высшей степени важен, потому что есть монументальное свидетельство как родословной этой царицы, так и нового факта в босфорской истории, о котором я в последствии надеюсь предоставить мои соображения Вашему Сиятельству⁴³. Точный рисунок и оттиск на бумаге надписи я привезу с собою. Ныне ожидаю распоряжений Вашего Сиятельства относительно его хранения: так как этот кусок мрамора около 15–20 пудов весу, то угодно ли будет Вам, чтобы он был перевезён в Москву или прикажете Вы его хранить в здешнем казённом доме в ожидании дальнейших распоряжений? Я начал, насколько позволяют раскопки, обзор памятников древности в здешних окрестностях посещением двух курганов, известных под именем Близнацы; они находятся на расстоянии 5 или 6 вёрст отсюда и версты на 3 от станицы Стеблеевки и одинокие стоят на длинном кряже. Без сомнения, эти величественные памятники суть царские гробницы, но для раскопки хотя <бы> одного, напр[имер], большого необходимо от 4 до 5 месяцев, большое число рабочих и разные облегчения для рабочих, напр[имер], доставка воды из Стеблеевки и т.д. Недалеко от них находятся четыре кургана, которые обещают замечательные находки⁴⁴.

Чем дальше знакомюсь я с Таманским полуостровом, тем более нахожу здесь следов греческих поселений, которых имена даже не дошли до нас. Почва классическая на каждом шагу. Вот почему я считаю необходимым обратить внимание Вашего Сиятельства на новый проект, при исполнении которого, полагаю, должен присутствовать кто-либо из лиц, имеющих честь служить в Императорской Археологической Комиссии. Именно, нынешний наместник Кавказский намерен провести от Ахтанизовского лимана к Таманскому заливу канал для пароходного сообщения Кубани с Крымом. Ныне приступили уже к измерению уровня этих вод, и, если проект этот осуществится, то, если не ошибаюсь, необходимо, чтобы при рытье канала присутствовал археолог, потому что здесь могут быть найдены раз-

---

⁴² Август Бёк (1785 – 1867) – немецкий филолог-классик, составитель свода «Corpus Inscriptionum Graecarum» (1824–1859), положившего начало современной эпиграфике.

⁴³ Такого исторического сочинения К.К. Гёрц не составил.

⁴⁴ Очевидно, К.К. Гёрц обратил внимание на курганы, расположенные на вершине Васюринской горы.

ные древности, которые иначе погибнут для науки⁴⁵. Когда слой греческий будет снят и дойдут до материка, то надзор может прекратиться.

На прошлой неделе я уволил совершенно одну артель рабочих, которая доставляла мне много неудовольствия; другие, непривычные к земляной работе, возвратились в Керчь, так что я в настоящую минуту имею только 24 человека. Впрочем, так как полевая работа подходит к концу, то я надеюсь скоро найти других. Погода у нас прекрасная.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства вернопокорнейшим слугою

К.Гёрц».

В этом письме особое внимание привлекает информация о находке постамента статуи Динамии. К.К. Гёрц даже скопировал высеченную на нем надпись (рис. 1). Стоит отметить, что он не заметил некоторые имеющиеся на ней буквы и, соответственно, предложил не полный ее перевод [ср. КБН. 979]. Впрочем, такая эпиграфическая работа требовала специальной подготовки, которой Карл Карлович не имел.

Девятое письмо было направлено С.Г. Строганову 24 августа 1859 г. [там же. Л.38–40]:

«Ваше Сиятельство!

Спешу изъяснить Вам мою искреннюю и глубочайшую признательность за пересылку денег для продолжения раскопок, о чём я получил вчера извещение от Таманского почтового отделения. Завтра еду я в Тамань, чтобы взять их с почты и при этом случае намерен осмотреть греческие надписи, находящиеся в таманской церкви, преимущественно же описать одну, имеющую важное отношение к открытой мною надписи с именем царицы Динамисы⁴⁶.

Раскопки наши в курганах продолжаются непрерывно. Желая приобрести опытность в этом трудном и многосложном деле, требующем много наблюдательности, я начал раскопки с небольших курганов и насыпей, сперва на берегу Таманского залива, близ станции Сенной, а потом близ сопки Блеваки. Но эти исследования, весьма важные в практическом отношении, не привели к тем результатам, которые я ожидал: возвышенности эти большею частью оказались совершенно расхищенными предположительно в древние времена, потому что не представляли больших затруднений грабителям. Недавно приезжал сюда на два дня г-н директор Керченского Музея и присутствовал при вскрытии трёх гробниц на последней из выше названных местностей: все три оказались совершенно расхищенными. Поэтому, приобретя в известной степени некоторую опытность в системах раскапывания курганов, я решился оставить раскопку небольших курганов и перенес работы на местность, где хотя и видны следы

⁴⁵ Канал от Ахтанизовки до Керченского пролива прорыт не был. По этой причине проект первых новостроечных археологических исследований на Таманском полуострове осуществить не удалось.

⁴⁶ Нет сомнения, что К.К. Гёрц имел в виду ныне утерянный постамент статуи, установленной царицей Динамией [КБН. 1046].

прежних искателей золота, но находятся большие курганы, почти нетронутые новейшими исследованиями. Эта местность находится вдоль берега Таманского залива и простирается от хутора Чижевского к Шимарданской бухте. Здесь раскапывают в настоящее время более 20 рабочих 4 большие кургана, и хотя расстояние от казённого дома до места раскопок для ежедневных моих наблюдений значительно, но я забываю усталость и труды в надежде достичь только счастливого результата.

Раскопки на предполагаемой местности древней Фанагории тоже продолжаются, хотя я за недостатком рабочих не могу дать им тех размеров, как бы желал. Я надеялся набрать в Черномории хотя <бы> небольшую партию рабочих, но разработки соли в Тамани, где рабочие получают по 1 р[ублю] сер[ебром] в день, отняли у меня последнюю надежду. Тем не мене, и 5–6 человек, работающие на этом месте, делают не меньшего интереса открытия. Так в последнее время найдено множество черепиц, покрывавших какое-то здание времён римских императоров, на которых находится весьма странное греческое клеймо. Там же найдена часть пьедестала, на которой стояла мраморная плита с надписью, долженствующая тоже находиться где-либо близко; рельеф, изображающий какого-то государственного мужа, оратора или т.п., но у которого верхняя часть отшиблена, вероятно, татарами. Кроме того на хуторе Чижевского я нашёл опущенными в землю две надгробные плиты с рельефами⁴⁷; а его (Чижевского – Ю.В.) рабочими найден при выделке кирпича на месте древней Фанагории огромный глиняный кувшин или, лучше сказать, род бочки, имеющей в высоту более 1 1/2 аршина⁴⁸.

В заключение этого письма могу весьма приятно уведомить Ваше Сиятельство о новом счастливом открытии, мною сделанном в одном из больших курганов, о котором я говорил выше, при обстоятельствах, заставляющих удивляться спасению этого прекрасного памятника греческого искусства. В насыпи, а не в материке (потому как в этом раскопе до материка ещё не дошли), около сажени от поверхности земли, 20-го августа была открыта большая расписанная ваза, имеющая 9 вершков вышины, которая по сюжету есть чисто аттическое произведение, не имеющее ничего себе подобного в Керченском отделении Императорского Эрмитажа, а по прекрасному исполнению принадлежащая 3-му, если не 4-му веку до Р.Х. Но, по причине нахождения ея не в каменной гробнице и не в материке, а на насыпи, где в течение двух тысяч лет лежала на ней, кроме того, двухсаженная насыпь, её, к сожалению, нельзя было спасти из глинистой земли в совершенной целостности. Тяжесть, лежавшая на ней, уже давно раздавила её в некоторых частях, но, к счастью, при чрезвычайно осторожном освобождении ея, продолжавшемся более часу с половиною, пострадал только тот бок ея, где изображены орнаменты, и горло; главная же сцена, кроме некоторых мест, осталась

⁴⁷ Рельефные изображения на этих надгробиях состояли из двух ярусов. В верхнем были представлены фигуры двух всадников, стоящих напротив друг друга [Гёрц, 1876; 1900, с. 147–151].

⁴⁸ Нет сомнения, что рабочие Чижевского обнаружили вкопанный в землю пифос, высота которого составляла немногим более 1 м. См. также письмо № 11.

в сохранности. При реставрации ея, реставратор должен будет тяжеловесное горло сосуда укрепить деревянными подставками. На главной стороне изображён юноша с длинными локонами, в богатой одежде, увенчанный лавровым венком. Над головой его парит гений победы; у ног находится большая ваза – приз, полученный им на публичных играх. С благоговением простирает он руки к Афине, которая, окружённая сонмом богинь, в числе которых Гера занимает первое место, возлагает на главу победителя золотую тению. Позы богов исполнены необыкновенного величия и красоты: так Геру характеризует гордость, Афина отличается спокойствием и т.д. Некогда все женские украшения на богинях, как то: ожерелья, браслеты, серьги, были вызолочены, но золото теперь исчезло. Если бы эта ваза была найдена в каменной гробнице, которые так многочисленны в Керчи, то её можно было бы сохранить в целостности. Здесь же, к сожалению, каменные гробницы редки, и все найденные мною до сих пор вазы стояли ничем не защищённые, просто в земле, отчего они пострадали уже в недрах земли прежде, нежели появились второй раз на свет божий. Замечу ещё, что курган, в котором я имел счастье найти это прекрасное произведение, в числе немногих на этом пространстве был уже отчасти раскопан Карейшею.

Поручение Вашего Сиятельства относительно подлинного местонахождения мраморной плиты с надписью Ксеноклида⁴⁹ я исполню, насколько возможно узнать о том в здешнем крае, равно как и при сортировке находимых мною древностей буду руководствоваться Вашим предписанием.

С глубочайшим почтением и уважением имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою К. Гёрц».

К сожалению, исследователь не поделился своими впечатлениями от осмотра надписей, хранившихся в таманской церкви. Трудно сказать, составил ли он описание находившегося там посвящения царицы Динамии. Напомню, что К.К. Гёрц обещал С.Г. Строганову подготовить сочинение об этом периоде боспорской истории (см. предыдущее письмо), но свое обещание он, скорее всего, не исполнил.

Десятое письмо датировано 8 сентября [там же. Л. 41–42]:

«Ваше Сиятельство!

Исследования мои как на месте древней Фанагории, так и в курганах, окружающих этот город, продолжают, благоприятствуемые превосходною погодою (у нас до сих пор 20° по Реомюру в тени⁵⁰), непрерывно, в настоящую минуту с бóльшим, против прежнего, числом рабочих, потому что некоторые из здешних жителей, окончив свои полевые занятия, приходят на время ко мне, что позволяет мне теперь делать разведки на разных пунктах. В субботу, 5-го сентября, на пути из Астраханской губернии уехал отсюда в Керчь после однодневного пребы-

⁴⁹ Посвящение Ксеноклида, сына Посия, было найдено около станицы Ахтанизовской в 1818 г. [КБН. 1014].

⁵⁰ 20° по Реомюру соответствует 25° по Цельсию.

вания А.С. Линеви⁵¹. Я показывал ему все мои раскопки, места, его интересовавшие, а также и открытые мною древности. В числе последних я имел счастье открыть в вечер приезда Александра Станиславича прекрасную большую бронзовую урну с тремя ручками, вышиною около 10 вершков. К сожалению, она пострадала в земле, потому что была, как колпаком, накрыта тяжеловесным конусом большой и грубой глиняной амфоры⁵², которая вследствие давления земли и собственной тяжести испортилась в верхней части. Если бы в Фанагории были не земляные, а каменные гробницы, то находимые здесь вещи сохранились бы гораздо лучше.

Но к самым моим удивительным, странным и до сих пор единственным в археологическом мире открытиям принадлежит исследование одного кургана, открытого мною за хутором Чижевского. По разным⁵³, собранным мною от здешних жителей сведениям об этом кургане, я, не приступая ещё к его раскопкам, вывел предположение, что это должен быть скифский курган. Под этим названием я и указал на него г. директору Керченского Музея во время его посещения <станции Сенной>, г. Семеняке и сообщил эти предположения и некоторым другим лицам. Раскопки, произведённые до сих пор в одной северной части кургана, блистательным образом оправдали мою догадку. Под греческою, каменною, к сожалению, разрушенною гробницею я нашел на 5 аршинах от поверхности материка катакомбу, весьма оригинально устроенную, тоже расхищенную, но в ней в кипарисовых саркофагах, кроме и некоторых оставленных грабителями вещей, каковы: медная монета, медные браслеты и два сосуда из тёмной глины, открыты остатки мужской одежды, именно: многочисленные фрагменты шерстяного верхнего платья (кафтана?), при прикосновении распадавшегося в куски; платок или большой кусок шерстяной материи, полосатый, сложенный в четверо, находившийся под изголовьем усопшего и – самое замечательное – шапка⁵⁴ из верблюжьей шерсти, сшитая из нескольких кусков, очень хорошо сохранившаяся, даже с частью волос покойного. Чтобы дать Вашему Сиятельству понятие о форме этой шапки и почему я её называю скифскою, я должен был бы приложить рисунок с неё. Но это совершенно лишнее: точное её изображение находится на скифах, представленных на разных предметах, найденных в знаменитой царской гробнице Куль-Оба и изданных в атласе Дюбуа и в «Древностях Боспора Киммерийского». Эта шапка – ипсит и, может быть, подобное открытие не повторится вторично. Чтобы предотвратить эти вещи от воздуха, губительно на них действующего, и от прикосновения рук любопытных, ещё более

⁵¹ А.С. Линеви⁵¹ в 1853–55 гг. работал в Керченском музее [Тункина, 2002, с. 303; Федосеев, 2017, с. 64], но ушёл отсюда по болезни и домашним обстоятельствам. С созданием Императорской археологической комиссии он стал ее делопроизводителем [Виноградов, 2012. С. 34]. Его перу принадлежит весьма содержательная статья о керченских гробницах [Линеви⁵¹, 1854].

⁵² Имеются все основания считать, что бронзовая урна была накрыта нижней частью остродонной амфоры. В этом убеждает рисунок, имеющийся в архивном деле [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 132 об.].

⁵³ В рукописи к подчеркнутому слову поставлен знак вопроса.

⁵⁴ Над словом «шапка» карандашом написано «башлык».

вредного, я тотчас отправил нарочного в Керчь, который купил картонны и стёкла, и теперь эти предметы находятся в футлярах под стеклом. Замечательно ещё, что эта скифская катакомба входом своим обращена на север, что совершенно противоречит погребальным обычаям Греции. Я перенёс теперь раскопки с северной стороны этого кургана на восточную, в надежде найти там нетронутую гробницу, а если нет, то соединить эти раскопки с северной стороной и потом, если позволят обстоятельства, пойти на центр, который, если он, судя по всем признакам, и будет разорён, то, может быть, сообщит новый факт об устройстве этого загадочного кургана.

Я посетил берега Ахтанизовского лимана и гору Бориса и Глеба (мыс Рахмановский по Дюбуа), где рассматривал местность и ясно видимый храм Дианы Агротеры⁵⁵. Но раскопки, которые необходимо <провести> на этом месте, потребовали бы моего личного непрерывного надзора, а по причине отдалённости этого места от Сенной и здешних моих многочисленных занятий, я от этих в высшей степени интересных исследований, к сожалению, в нынешнем году должен отказаться.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёrcа.

Этот курган⁵⁶ не скифский, а греческий, т.к. в центре его найдена каменная греческая гробница. Катакомба была сделана в нём впоследствии, она принадлежит VI или VII в. по Р.Х.

Отвечать Гёrcу некогда, т.к. в октябре он должен окончить раскопки.

1 октября 1859 г. Линевицн.

Катакомба, открытая в одном из фанагорийских курганов и столь взволновавшая К.К. Гёrcа, заслуживает особого рассмотрения⁵⁷. Исследователь уверенно посчитал ее скифской, основываясь на находке характерной для скифов шапки. Достаточно ли этого для столь ответственного заключения? Вероятнее всего, нет. Прежде всего, следует обратить внимание, что катакомба была впущена в насыпь кургана на глубине около 3,5 м от его поверхности. Ее перекрывала какая-то каменная гробница, признанная К.К. Гёrcем греческой. Как явствует из следующего письма, насыпь была изрыта грабительскими минами, идущими к центру кургана, где, как представляется, находилось основное погребальное сооружение. В одной из этих мин были найдены два куса мрамора, которые, по мнению исследователя, принадлежали саркофагу погребенного здесь, т.е. в центре кургана, мужчины. Там же была найдена терракотовая статуэтка в форме черепахи. Стратиграфия кургана, о которой можно судить на основании этих обрывочных замечаний, не позволяет считать катакомбу особенно ранней, а значит, и скифской. Сделанные в ней находки (медные монеты и пр.) тоже никак не вяжутся с нашими представлениями

⁵⁵ Надпись с упоминанием Артемиды Агротеры была обнаружена около станицы Ахтанизовской в 1818 или 1819 г. [ДБК. 1014].

⁵⁶ Приписка А.С. Линевица сделана синим карандашом.

⁵⁷ Более подробно катакомба описана в «Журнале археологических исследований» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 116–118].

о скифской культуре. В этом отношении более обоснованным представляется заключение А.С. Линевича, хотя предложенная им дата является чисто умозрительной.

Между тем следует отметить, что К.К. Гёрц и в дальнейшем интересовался вопросом существования скифской культуры на берегах Боспора Киммерийского [Гёрц, 1868; 1900, с. 152–164], хотя о фанагорийской катакомбе при этом не упоминал. Его суждения по затронутому вопросу не отличались особенной глубиной. К примеру, исследователь полагал, что «цивилизация так тесно слила туземцев и пришельцев, греков и скифов, что исследователь не в состоянии отличить, по одним внешним признакам, могилы греков от могил скифских». Так что «только изобилие и богатство украшений в известных гробницах, их, так сказать, азиатская роскошь заставляет предполагать, что они принадлежат эллинизированным скифам высших сословий» [Гёрц, 1900, с. 154].

Одиннадцатое письмо К.К. Гёрца было составлено в Сенной 2 октября 1859 г. (это последнее письмо с берегов пролива) [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 43–44 об.], но приписка к нему была сделана уже в Москве 27 октября [там же. Л. 44 об. – 45]:

«Ваше Сиятельство!

С 15-го сентября погода очень мало благоприятствовала моим археологическим исследованиям: две недели работы производились с большими перерывами, и были такие дурные дни, что я подобных нигде не видал. Вследствие этой перемены в не-топленном казённом доме с этого времени господствует страшный холод. Не много счастья имел <я> в последние три недели и в археологических находках, хотя работал с увеличенным числом рабочих: иногда число их доходило до 50. Три большие кургана, стоявшие столько труда, времени и значительных издержек, оказались в центральных гробницах совершенно разорёнными. Курган, которому я дал наименование скифского, буквально изрыт минами, идущими на центр. Вероятно, в нём находился мужской саркофаг, потому что в одной из мин, с терракотой, изображающею черепашу⁵⁸, найдены были два куса мрамора.

Гораздо большим успехом увенчались в эти последние дни мои исследования на месте древней Фанагории. Там, кроме второй глиняной бочки⁵⁹, я открыл стены акрополиса, сложенные из нежжённых кирпичей, на которых я не видел следов по-жара⁶⁰. И недалеко от прежде найденной надписи царицы Динамисы я имел счастье

---

⁵⁸ Терракотовые статуэтки, изображающие черепа, в греческих городах Северного Причерноморья встречаются не часто. Все они датируются V в. до н.э. Такие находки отмечены на Березани [Клейман и др., 1970, с. 32, кат. 6, табл. 8, 5], в Ольвии [Леви, Славин, 1970, с. 40, кат. 11, табл. 11, 5; Скуднова и др., 1970, с. 50, кат. 18, табл. 28, 9], Пантикапее [Силантьева, 1974, с., 17, кат. 22, табл. 4, 5] и Фанагории [Кобылина, 1974, с. 24, кат. 29, табл. 21, 2].

⁵⁹ О первом пифосе см. письмо № 9.

⁶⁰ Как показали новейшие исследования, древние оборонительные стены Фанагории действительно были построены из сырца, при этом даже без каменного основания [Кузнецов, 2018а. С. 136–137; 2018б].

открыть большую каменную плиту с греческой надписью, состоящую из 12 строк и относящуюся к царю Реметалку⁶¹. Обширный и мною почти совершенно восстановленный текст этой надписи, равно как точный рисунок, я буду иметь честь представить в своё время Вашему Сиятельству⁶². Эта вторая надпись, довольно хорошо вообще сохранившаяся, служила для фундамента и была покрыта отчасти известью и только в двух местах очень пострадавшая, в высшей степени важна и принадлежит к счастливейшим моим открытиям⁶³. Следуя приказанию Вашего Сиятельства, на днях мною полученному, я должен был бы переслать обе надписи в Керчь, но г. Семеняка, единственный помещик, имеющий здесь плотника, отказался изготовить необходимые для пересылки этих мраморов ящики, потому что не имеет для того необходимой толщины досок. Поэтому я принуждён оставить оба камня здесь в казённом доме и просить А.Е. Люценко заказать для них ящики в Керчи.

Я посетил Фонтан, курганы и весьма замечательные т.н. батареи Киммерийского полуострова, был также на Дубовом рынке (Apaturion); найти на последнем месте остатки храма Афродиты Апатурийской будет весьма затруднительно.

Сегодня окончил я мои раскопки, составил опись найденным мною предметам, из которых одни, уложенные в ящик, перевозжу в Керчь, где, следуя предписаниям Вашего Сиятельства, передам его для временного хранения г. директору Музея, а другие оставляю здесь. Эту опись прилагаю при сём письме. Найденные же мною золотые вещи и монеты я считаю более удобным переслать Вашему Сиятельству по почте вместе с рисунками и журналами, которые я могу привезти <u>переслать только по окончании их (т.е. рисунков и журналов – Ю.В.) в Москве.

Несмотря на чрезвычайную кратковременность учёной экспедиции, которую Вашему Сиятельству угодно было возложить на меня, и затруднениям, предоставленным местными условиями для приискания достаточного числа рабочих, ныне уже можно обозреть число открытых мною памятников, обогащающих как новыми фактами науку, так и новыми сокровищами искусства Императорский Эрмитаж. В два с половиною месяца я имел счастье открыть: стены акрополиса Фанагории; многочисленные архитектурные и скульптурные фрагменты; золотые вещи; две мраморные плиты с важными историческими надписями; много монет; четыре расписные вазы, из которых одна принадлежит к великолепным произведениям греческого искусства; скифскую одежду, единственную в мире; бронзовую урну; стеклянные и глиняные вещи и т.д. Мне будет весьма лестно, если труды моей экспедиции удостоятся благосклонного внимания Вашего Сиятельства.

Москва, 27-го октября 1859 г.

К этому письму, которое я не успел отправить из Тамани, осмеливаюсь доба-

⁶¹ В этой надписи [КБН. 976], датированной 151 г. н.э., говорится о землях, дарованных храму.

⁶² Сочинение об этой надписи С.Г. Строганову не было предоставлено, во всяком случае в Архиве ИИМКРАН оно отсутствует.

⁶³ Год, означенный на надписи, до сих пор не встречался на монетах Рескупорида (прим. К.К. Гёрца).

вить приписку. 3-го октября сдал вместе с описью оставленные мною в казённом доме-сторожке предметы г. Семеняке, и с рабочими, инструментами и ящиками с найденными в Фанагории предметами переехал в Керчь, где сдал казённые инструменты и ящики вышеназванные г. директору Музея. 6-го числа уехал я из Керчи и, после четырнадцатидневного путешествия, благополучно прибыл вечером 20-го октября в Москву, но теперь не совершенно здоров вследствие утомительной дороги. Впрочем, надеюсь в непродолжительном времени выздороветь, привести к окончанию журнал моих раскопок и потом приступить к моим обыкновенным занятиям. Я бесконечно сожалею, что по возвращении в Москву лишён счастья видеть лично Ваше Сиятельство и передать Вам на словах результаты моих изысканий.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёрц.

В Трёхпрудном переулке, за Глазною больницею, в доме Осинава.

Двенадцатое письмо было написано С.Г. Строганову из Москвы 14 ноября. В нем речь идет в основном о передаче наиболее важных находок и экспедиционной документации [там же. Л. 46–47]. Сверху к этому посланию имеется приписка, сделанная рукой А.С. Линевича:

«Его Сиятельство оставил у себя золотую монету Евпатора и медную Фофорса с обыкновенными годами 1-ой, которые, как я доложил, находятся в Эрмитаже».

Письмо К.К. Гёрца носит сугубо деловой характер; в нем, в частности, упоминаются монеты, заинтересовавшие С.Г. Строганова:

«Ваше Сиятельство!

Имею честь переправить к Вам два ящика, в которых заключаются следующие предметы:

В первом ящике:

1. Две золотые серьги. }
2. Золотые бусы. } Найдены в кургане № 15
3. Золотая пуговка. }
4. Серебряное кольцо. }

Золотая монета босфорского царя Евпатора, мною купленная, и большое собрание медных монет, как купленных мною, так и найденных в раскопках сего года. Последние вложены в особые бумажонки с означением места нахождения.

Во втором ящике заключаются:

5. № журнала раскопок, произведённых как на месте древней Фанагории, так и в окружающих её курганах. Приложенный к перовой тетради приблизительный план местности древней Фанагории и окружающих её курганов есть особый опыт, мною сделанный, и потому я прошу Ваше Сиятельство быть к нему весьма снисходительным. Подробный <...> план этого рода требует искусного топографа; к сожалению, я не могу найти такого человека в Черномории и потому должен был сам сделать этот опыт, который может послужить к уяснению местностей, описываемых в моём журнале.

Наконец, во втором ящике находится 21 рисунок различных местностей древней

Фанагории, курганов, её окружающих, и предметов, найденных на этих местностях и оставленных для хранения в казённом доме близ станции Сенной. Все эти рисунки сделаны с природы и с подлинников моим братом. Рисунков же с вещей, назначенных для отправления в С. Петербург и переданных мною в Керченский музей, напр[имер], с ваз, брат мой не делал, потому что вазы должны быть для этой цели реставрированными и потому рисунки с них могут быть сняты только в Петербурге. Под рисунком каждого предмета выставлена страница моего журнала, в которой он описан.

Здоровье мое еще не совершенно исправилось, и потому я еще не начал мои лекции в Университете.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёrcу».

План Фанагории и окружающих ее курганов, выполненный К.К. Гёrcем (рис. 2), автор назвал приблизительным и просил С.Г. Строганова «быть к нему весьма снисходительным». По всей видимости, Карл Карлович при этом немного пококетничал, поскольку план безусловно имеет большое, можно сказать, историческое значение.

Тринадцатое письмо было написано из Москвы 21 декабря 1859 г. Это последнее послание К.К. Гёrcа С.Г. Строганову, находящееся в Архивном деле. Если первое письмо было одним из самых длинных, то последнее – самое краткое. Речь в нем, однако, идет об очень важных вопросах, связанных с финансовыми расходами экспедиции [там же. Л. 48]:

«Ваше Сиятельство!

В шнуровой книге, данной для моей экспедиции, значится: в приходе: 2400 р[ублей] с[еребром], в расходе: 2433 <руб.> 46. Таким образом я выдал рабочим из собственных средств 33 <руб.> 46 к[опеек] с[еребром]. Но, кроме того, брату моему художнику Гёrcу ещё следует получить 200 р[ублей] с[еребром], а ныне я имею честь препроводить к Вашему Сиятельству список особых расходов, не вписанных в шнуровую книгу и уплаченных мною из собственных сумм, всего на 125 <руб.> 36 <коп.>, и всепокорнейшее прошу Вас его утвердить и всю следующую по этим статьям сумму 358 <руб.> 82 к[опейки] с[еребром] переслать мне в Москву. Незнакомый также с этого рода делами, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Сиятельству с вопросом, нужно ли по утверждению вышеупомянутого прилагаемого при сём письме списка, внести его в шнуровую книгу? По получении ответа Вашего Сиятельства я буду иметь честь переслать к Вам и шнуровую книгу. Наконец, мне следует ещё получить суточные деньги за целый месяц.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёrcу».

Сразу следует отметить, что председатель Императорской Археологической Комиссии простил К.К. Гёrcу перерасход денежных средств и выдал ему пособие в размере 500 руб. серебром [Малеин, 1912, с. 85], но это обстоятельство для нас не столь важно. Намного важнее составить представление о том, с каким багажом специальных знаний К.К. Гёrc отправился на Боспор Киммерийский,

какие исследовательские задачи он перед собой ставил и, наконец, что он сумел сделать и как сам оценивал результаты своих работ.

Вряд ли можно сомневаться в том, что знания К.К. Гёрца об археологии были весьма широкими. Его заграничная поездка, знакомство с крупнейшими европейскими музеями, прослушанные им лекции знаменитых западных ученых, конечно, сыграли здесь очень большую роль. Другое дело, что эти знания были сугубо книжными, не имевшими особого отношения к практике проведения археологических раскопок. Более того, полученная им теоретическая база была весьма далека, так сказать, от современного понимания археологии, сводясь к «археологии искусства». Этой увлекательной теме посвящены главные публикации К.К. Гёрца того времени [Гёрц, 1857а; 1857б; 1900, с. 1–15; 1901, с. 1–6; 92–120]. В них он выступил как убежденный последователь идей выдающихся теоретиков искусства И.И. Винкельмана и Г.Э. Лессинга [Гёрц, 1857б, с. 453; 1900, с. 1; 1901, с. 92].

Грандиозные раскопки на территории Эллады, Египта, Месопотамии и пр. развивались именно в этом русле. Не удивительно, что городище Фанагория К.К. Гёрцу напомнило ассирийскую столицу Ниневию [письмо № 6]. Столь же закономерен интерес Карла Карловича к поиску истоков традиции возведения боспорских монументальных гробниц (Греция, Египет, Лидия) [№ 2 и 3]. Эти памятники в какой-то степени позволяли поставить Боспор в ряд стран, подаривших миру великие археологические открытия тех лет. Почти нет сомнения, что, намереваясь провести раскопки Фанагории, К.К. Гёрц мечтал получить столь же блестящий результат. Да и какой археолог в глубине души не надеется на то же самое?

Практическая экспедиционная работа, однако, всегда сопряжена с немалыми трудностями, столкнулся с ними и Карл Карлович. На некоторые такие моменты он неоднократно обращал внимание С.Г. Строганова. Прежде всего, это касалось дороговизны всего – от продуктов питания до рукомошников [письма № 1, 2] и рабочей силы [№ 5]. Выделенных средств, однако, вполне хватало, чтобы справиться с этой напастью. К тому же Карлу Карловичу помог А.Е. Люценко, поделившись с ним казенной мебелью и необходимыми инструментами [№ 5]. Более того, А.Е. Люценко преподавал ему уроки раскопок древних гробниц – на Глинице [№ 4] и на Юз-Обе [№ 6]. К.К. Гёрц признал, что «такая практика полезнее всех описаний» [№ 4].

Первые впечатления от знакомства с памятниками боспорской археологии убедили К.К. Гёрца, «что в Пантикапее можно хронологически проследить все эпохи греческого искусства (выделено мною – Ю.В.), отразившиеся на погребальных обрядах и вещах, окружавших покойника» [№ 4]. Исследователь даже подумал о написании монографии на этих материалах, но дальше благого намерения дело, к сожалению, не пошло. Позднее его взволновала тема, связанная с царицей Динамией и ее временем, Карл Карлович обещал С.Г. Строганову подготовить научное сочинение по этому вопросу [№ 11], но сделать этого опять же не смог. Очевидная непоследовательность, вероятно, объясняется особенностями характера ученого, который легко увлекался новыми идеями, но со временем напрочь забывал о них. Такие предположения, однако, пока не

приближают нас к реалиям боспорской археологии тех лет, а они весьма любопытны.

Серьезной проблемой для К.К. Гёрца оказался недостаток свободной рабочей силы. Поскольку Тамань представлялась ему почти настоящей пустыней, то рабочих надо было подобрать в Керчи. Исследователь так и сделал, полагая при этом, что именно здесь можно найти опытных людей, уже участвовавших в раскопках, тогда как малоопытный контингент может оказаться не просто бесполезным, а даже вредным [№ 5]. Набрав керченскую артель, состоявшую всего из 7 человек, К.К. Гёрц смело отправился в Сенную, намереваясь увеличить число рабочих в ближайшие дни. И это ему вполне удалось, но поразившее Карла Карловича керченское пьянство [№ 7] стало причиной того, что часть рабочих была уволена, поскольку доставляла ему «много неудовольствия» [№ 8]. Положение было исправлено благодаря притоку освободившихся от полевых работ жителей Черноморрии, надо думать, и Таманского полуострова [№ 7, 9, 10]. Складывается впечатление, что представление о пустынности Тамани и невозможности найти там рабочих для проведения раскопок было результатом определённого преувеличения, исходившего от керченских жителей.

Кратковременное знакомство с приемами раскопок А.Е. Люценко, конечно, нельзя назвать настоящей школой полевых исследований. К.К. Гёрцу приходилось учиться этому делу на ходу. В одном из писем он отметил: «Желая приобрести опытность в этом трудном и многосложном деле, требующем много наблюдательности, я начал раскопки с небольших курганов и насыпей» [№ 9], что следует признать вполне логичным. Раскопки этих курганов, конечно, не могли дать замечательных произведений античного искусства, и, «приобретая в известной степени некоторую опытность в системах раскапывания курганов», Карл Карлович перенес исследования «на местность, где хотя и видны следы прежних искателей золота, но находятся большие курганы, почти нетронутые новейшими исследованиями» [№ 9].

К.К. Гёрц писал, что забывал о трудностях и усталости «в надежде достичь только счастливого результата [№ 9], и в этих словах, скорее всего, нет никакого преувеличения. Но что же он считал «счастливым результатом»? К ответу на этот вопрос позволяет приблизиться сообщение о находке первой краснофигурной вазы в одном из курганов, приведшая Карла Карловича «в величайший восторг» [№ 6]. Такая реакция с полной очевидностью демонстрирует его искусствоведческий подход к проведению археологических раскопок. Не удивительно, что в дальнейшем К.К. Гёрц всегда выделял находки подобного рода [№ 7, 9], сетуя при этом на плохую сохранность расписных сосудов, которую он объяснял отсутствием в Фанагории каменных гробниц [№ 9, 10]. «О сосудах без рисунков и других мелочных находках» исследователь умалчивал [№ 8]. Счастливейшей находкой Карл Карлович признал также надпись времени царя Рескупорида [№ 11]. Такой артефакт и в наши дни произвел бы огромное впечатление, а в те годы раскопки боспорских городищ вообще были нацелены на поиски эпиграфических документов, статуй, мраморных рельефов и т.п. Работы на городище в сравнении с раскопками некрополя представлялись очень трудными, требующими немалого времени и большого числа рабочих [№ 6, 7, 9]. Тем не менее, в одном из последних писем

К.К. Гёрц признал своим большим успехом открытие оборонительных стен древней Фанагории [№ 11], а несколькими строками ниже в перечне результатов проведенных раскопок поставил упоминание о них на первое место. Можно считать, что он осознавал важность изучения археологических объектов, имеющих непосредственное отношение к пониманию истории боспорских городов, каковыми, безусловно, являлись оборонительные сооружения. Другое дело, что предложить их адекватную интерпретацию или даже обосновать хронологическую атрибуцию таких памятников в то время было абсолютно невозможно. Все это требовало десятилетий целенаправленных поисков.

Наконец, стоит задаться вопросом: почему К.К. Гёрц не продолжил исследования Фанагории в последующие годы? Неужели во всем виновата относительная скромность сделанных находок? Да, раскопки городища и курганного некрополя в 1859 г. не привели к открытиям мирового уровня, каковыми они представлялись в середине XIX в. Но ведь Таманский полуостров был и остается богатым памятниками античного времени. «Почва классическая на каждом шагу», – как признавал сам Карл Карлович [№ 8]. Любопытно, что, осмотрев остатки храма Артемиды Агротеры, он заявил о невозможности провести здесь раскопки «в нынешнем году» [№ 10], т.е. возможность его изучения в будущем, по крайней мере, не исключалась.

На К.К. Гёрца большое впечатление произвели большие курганы Таманского полуострова. В их ряду он выделил Большую и Малую Близницы и признал «эти величественные памятники» царскими гробницами [№ 8], т.е. имелась надежда открыть в них несметные сокровища, но для этого, по его расчетам, требовалось большое число рабочих и от 4 до 5 месяцев работы. Недалеко от Близниц Карл Карлович заметил четыре насыпи, вероятнее всего, расположенные на Васюринской горе, которые тоже обещали «замечательные находки» [№ 8]. В своих догадках К.К. Гёрц оказался полностью прав, и открытия, сделанные в названных курганах позднее, вошли в сокровищницу мирового культурного наследия. Но все они были осуществлены без его участия!

В 1864 г., когда И.Е. Забелин собирался начать раскопки Большой Близницы, К.К.Гёрц отговаривал его от этого мероприятия, указывая, что почва Таманского полуострова бедна древностями и что надо обладать особым везением, чтобы рассчитывать на успех [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1964 г. Д. 14. Л. 8]. Не стоит говорить, что «везение» И.Е. Забелина оказалось просто феноменальным! Мы не знаем, как отреагировал Карл Карлович на это событие, – сожалел ли о том, что не сумел провести раскопки этого кургана и т.п.? Однако имеются веские основания считать, что сезона 1859г. хватило, чтобы он охладел к археологическим раскопкам. И дело здесь, надо думать, не только в том, что мечты исследователя разошлись с результатами его деятельности. Огромные трудности, связанные с проведением раскопок, которые из года в год переносили керченские археологи А.Е.Люценко, К.Р. Бегичев, Ф.И. Гросс и др., для К.К. Гёрца, скорее всего, оказались слишком велики. Он предпочел другой путь в науке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтшуллер Р.Е., Пескарёва К.М., Турусова Н.С. и др. (составители).* Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начала XX вв. М.: АН СССР, 1978. 355 с.
- Басаргина Е.Ю., Застрожнава Е.Г.* Премии имени К.К. Гёрца // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокина. М.: Гриф и К., 2010. С. 642–653.
- Бларамберг М.* Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. 1850. Т. II. Отд. 2 и 3. С. 815–820.
- Брайцева О.И.* Архитектура Фригии, Пафлагонии, Лидии, Ликийи и Кариийи // Всеобщая история архитектуры. Т. 1. Архитектура Древнего Мира / отв. ред. О.Х. Халпахчян. М.: Изд-во литературы по строительству, 1970. С. 248–253.
- Бэр К.Э.* Известия о собрании черепов разных народов в Императорской С.-Петербургской Академии Наук // Русский вестник. 1859. Т. 21. С. 3–28.
- Виноградов Ю.А.* К истории изучения древних гробниц Боспора // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб: Издательский дом «Коло», 2010. С. 524–525.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). Би. Вып. XXVII. Симферополь; Керчь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2012. 368 с.
- Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Боспорские исследования. Supplementum 17. Симферополь-Керчь: Изд-во ООО «Соло-Рич», 2017а. 310 с.
- Виноградов Ю.А.* Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / отв. ред. В.А. Горнчаровский. СПб: Изд-во РХГА, 2017б. С. 23–44.
- Виноградов Ю.А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // Би. 2017в. Вып. 34. С. 112–223.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. I / науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 354–536.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2012. (Би. Supplementum 9). 288 с.
- Гёрц К.К.* Археология и современное искусство // Русский вестник. 1857. Февраль. Т. VII. Кн. 1. С. 269–273.
- Гёрц К.К.* Нынешнее состояние истории и археологии искусства в Германии // Отечественные записки. 1857. Июнь. С. 453–472.
- Гёрц К.К.* Погребальные обряды древних египтян // Отечественные записки. 1858. Июнь. Т. CXVIII. С. 401–442.
- Гёрц К.К.* Два надгробные камня, открытые на Таманском полуострове // Древности. Вестник МАО. 1867. Т. I. Март-апрель. С. 54–56.
- Гёрц К.К.* Погребальные обряды греков и скифов Боспора Киммерийского // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, изд. В. Дашковым. Кн. I. М.: Университетская типография., 1868. С. 144–151.
- Гёрц К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М.: Изд-во МАО, 1870. 128 с.
- Гёрц К.К.* Собрание сочинений, изданное Императорской Академией Наук на средства капитала имени профессора К.К. Гёрца. Вып. 3. Письма из Италии и Сицилии. 1871–1872. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1899. 163 с.
- Гёрц К.К.* Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук на средства капитала имени профессора К.К. Гёрца. Вып. 5. Статьи по археологии восточной, классической и древне-христианской. 1856–1882. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1900. 338 с.
- Гёрц К.К.* Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук на средства капитала име-

- ни профессора К.К. Гёрца. Вып. 7. Археологическая и художественная хроника. Ч. I (1857–1865). СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1901. 384 с.
- Жебелёв С.А. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. 196 с.
- Застрожнава (Панкратова) Е.Г. Труды и дни: организация и быт археологической экспедиции в Фанагории (XIX – первая половина XX в.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6 / ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: Институт археологии, 2017. С. 142–153.
- Застрожнава Е.Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). М.; СПб: Нестор-История, 2019. 308 с.
- Кауфман С.А. Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры. 1947. Вып. 6. С. 1–32.
- Кёне Б.В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея. СПб: Типография Экспедиции заготовки гос. бумага, 1857. Т. 1–2, 450 и 422 с.
- Клейман И.Б., Скуднова В.М., Славин Л.М. Описание терракот с о. Березань // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 31–33.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–101.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Г. 1-11. М.: Наука, 1974. С. 20–30.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: заметки по планировке города // ДБ. 2018. Т. 22. С. 133–140.
- Кузнецов В.Д. Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 215–219.
- Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // Известия Императорского археологического общества. Т. II. СПб, 1961. С. 28–32.
- Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времён из Южной России. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1896. 143 с.
- Леви Е.И., Славин Л.М. Описание терракот Ольвийской агоры // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 38–42.
- Леонтьев П.М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Чёрного моря // Пропилеи. 1851. Книга I. С. 67–101.
- Линевич А.С. О керченских гробницах // Пропилеи. 1854. IV. С. 537–550.
- Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.
- Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Малешин А. Карл Карлович Гёрц (1820–1883). Биографический очерк. СПб: Императорская АН, 1912. 244 с.
- Марти Ю. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь: Крымполиграфтрест, 1926. 94 с.
- Райков Б.Е. Карл Бэр. Его жизнь и труды. М.; JL: Изд-во АН СССР, 1961. 520 с.
- Санжаровец В.Ф. Керчь-Еникале и её градоначальники // Керченская старина. Вып. I / ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. С. 86–113.
- Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. САИ. Вып. Г-11. М.: Наука. С. 5–37.
- Скуднова В.М., Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот из Ольвии (города и некрополя) // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 49–56.
- Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–17. М.: Наука, 1969. 191 с.
- Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб: Императорская типография, 1805. 244 с.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб: Наука, 2002. 676 с.
- Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.

- Фролов Э.Д. Русская наука об Античности. Историографические очерки. 2-ое изд. СПб: Гуманитарная Академия, 2006. 608 с.
- Baer K.E. Die Makrokephalen im Boden der Krym und Osterreichs // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg. 1860. T. II. № 6. S. 1–78.
- De Montpéroux Dubois. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris: Libraire de Gide, 1843. 461 p.
- Sevinç N., Treister M. Metalwork from the the Dardanos Tumulus // Studia Troika. 2003. Bd. 13. P. 215–260.
- Ratté C. Not the tomb Gyges // JHS. 1994. Vol. 114. P. 157–161.

REFERENCES

- Al'tshuller R.E., Peskarova K.M., Turusova N.S. i dr. (sostaviteli). Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii XVIII – nachala XX vv. Moscow: AN SSSR, 1978. 355 s.
- Baer K.E. Die Makrokephalen im Boden der Krym und Osterreichs // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg. 1860. T. II. № 6. S. 1–78.
- Basargina E.Yu., Zastrozhnova E.G. Premii imeni K.K. Gertsy // Chelovek i drevnosti. Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) / otv. red. I.S. Kamenetskiy, A.N. Sorokina. Moscow: Grif i K., 2010. S. 642–653.
- Blaramberg M. Arkheologicheskiye razyskaniya v Kerchi // ZOOID. 1850. T. II. Otd. 2 i 3. S. 815–820.
- Braytseva O.I. Arkhitektura Frigii, Paflogonii, Lidii, Likii i Karii // Vseobschaya istoriya arkhitektury. T.1. Arkhitektura Drevnego Mira / otv. red. O.Kh. Khalpakch'yan. Moscow: Izd-vo literatury po stroitel'stvu, 1970. S. 248–253.
- Ber K.E. Izvestiya o sobranii cherepov raznykh narodov v Imperatorskoy S.-Peterburgskoy Akademii Nauk // Russkiy vestnik. 1859. T. 21. S. 3–28.
- De Montpéroux Dubois. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris: Libraire de Gide, 1843. 461 p.
- Fedoseyev N.F. Greki na Bospore Kimmeriyskom: 200 let issledovaniy. Simferopol': Biznes-Inform, 2017. 320 s.
- Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskiye ocherki. 2-oye izd. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2006. 608 s.
- Gerts K.K. Arkheologiya i sovremennoye iskusstvo // Russkiy vestnik. 1857. Fevral'. T. VII. Kn. 1. S. 269–273.
- Gerts K.K. Nyneshneye sostoyaniye istorii i arkheologii iskusstva v Germanii // Otechestvennye zapiski. 1857. Iyun'. S. 453–472.
- Gerts K.K. Pogrebal'nyye obryady drevnikh egiptyan // Otechestvennye zapiski. 1858. Iyun'. T. CXVIII. S.401–442.
- Gerts K.K. Dva nadgrobnyye kamnya, otkrytye na Tamanskom poluostrove // Drevnosti. Vestnik MAO. 1867. T. I. Mart-aprel'. S. 54–56.
- Gerts K.K. Pogrebal'nyye obryady grekov i skifov Bospora Kimmeriyskogo // Sbornik antropologicheskikh i etnograficheskikh statey o Rossii i stranakh ey prilozhashchikh, izd. V. Dashkovym. Kn. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya:, 1868. S. 144–151.
- Gerts K.K. Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova. Moscow: Izd-vo MAO, 1870. 128 s.
- Gerts K.K. Sobranie sochineniy, izdannoye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk na sredstva kapitala imeni professora K.K. Gertsy. Vyp. 3. Pis'ma iz Italii i Sitsilii. 1871–1872. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1899. 163 s.
- Gerts K.K. Sobraniye sochineniy, izdannoye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk na sredstva kapitala imeni professora K.K. Gertsy. Vyp. 5. Stat'i po arkheologii vostochnoy, klassicheskoy i drevnekhristianskoy. 1856–1882. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1900. 338 s.
- Gerts K.K. Sobraniye sochineniy, izdannoye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk na sredstva kapitala imeni professora K.K. Gertsy. Vyp. 7. Arkheologicheskaya i khudozhestvennaya khronika. Vyp. I (1857–1865). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1901. 384 s.

- Kaufman S.A. Ob ustupchatykh sklepkh Bospora // Soobshcheniya Instituta istorii i teorii arkhitektury. 1947. Vyp. 6. S. 1–32.
- Kene B.V. Opisanie muzeuma pokoynogo knyazya Vasiliya Viktorovicha Kochubeya. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovki gos. bumag, 1857. T. 1–2, 450 i 422 s.
- Kleyman I.B., Skudnova V.M., Slavin L.M. Opisanie terrakot s o. Berezan' // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1-11. Moscow: Nauka, 1970. S. 31–33.
- Kobylyina M.M. Fanagoriya // Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR. 1956. № 57. S. 5–101.
- Kobylyina M.M. Terrakotovyye statuetki Fanagorii // Terrakotovyye statuetki. Ch. IV. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov. SAI. G. 1-11. Moscow: Nauka, 1974. S. 20–30.
- Kuznetsov V.D. Fanagoriya: zametki po planirovke goroda // Drevnosti Bospora. 2018. T. 22. S. 133–140.
- Kuznetsov V.D. Oboronitel'nyye sooruzheniya Fanagorii // Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii. 2018. Vyp. 250. S. 215–219.
- Latyshev V.V. Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1896. 143 s.
- Lazarevskiy YA.M. Kurgany Tamanskogo poluostrova // Izvestiya Imperatorskogo arkhelogicheskogo obshchestva. T. II. SPb, 1961. S. 28–32.
- Leont'yev P.M. Obzor issledovaniy o klassicheskikh drevnostyakh severnogo berega Chernogo morya // Propilei. 1851. Kniga I. S. 67–101.
- Levi E.I., Slavin L.M. Opisanie terrakot Ol'viyskoy agory // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1-11. Moscow: Nauka, 1970. S. 38–42.
- Linevich A.S. O kerchenskikh grobnitsakh // Propilei. 1854. IV. S. 537–550.
- Makarova T.I. Arkheologicheskiye dannyye dlya datirovki tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi // Sovetskaya arkhologiya. 1982. № 4. S. 91–106.
- Makarova T.I. Arkheologicheskiye raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii. 1998. Vyp. VI. S. 344–393.
- Malein A. Karl Karlovich Gerts (1820–1883). Biograficheskiy ocherk. St. Petersburg: Imperatorskaya AN, 1912. 244 s.
- Marti Yu. Sto let Kerchenskogo muzeya (istoricheskiy ocherk). Kerch': Krympoligrafrest, 1926. 94 s.
- Ratté C. Not the tomb Gyges // JHS. 1994. Vol. 114. P. 157–161.
- Raykov B.E. Karl Ber. Yego zhizn' i trudy. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. 520 s.
- Sanzharovets V.F. Kerch'-Eenikale i yeyo gradonachal'niki // Kerchenskaya starina. Vyp. I / red.-sost. N.V.Bykovskaya, N.V.Nebozhayeva, V.F. Sanzharovets. Simferopol': Biznes-Inform, 2017. S. 86–113.
- Sevinç N., Treister M. Metalwork from the the Dardanos Tumulus // Studia Troika. 2003. Bd. 13. P. 215–260.
- Silant'yeva P.F. Terrakoty Pantikapeya // Terrakotovyye statuetki. Ch. III. Pantikapey. SAI. Vyp. G-11. Moscow: Nauka. S. 5–37.
- Skudnova V.M., Slavin L.M., Kleyman I.B. Opisyayeye terrakot iz Ol'vii (goroda i nekropolya) // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1-11. Moscow: Nauka, 1970. S. 49–56.
- Sokol'skiy N.I. Antichnyye derevyannyye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1–17. Moscow: Nauka, 1969. 191 s.
- Sumarokov P. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroye puteshestviye v Tavridu. Ch. II. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 1805. 244 c.
- Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – sredina XIX v.). St.Petersburg: Nauka, 2002. 676 s.
- Vinogradov Yu.A. K istorii izucheniya drevnikh grobnits Bospora // Pol' Dyubryuks. Sobraniye sochineniy. T. I. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Kolo", 2010. S. 524–525.
- Vinogradov Yu.A. Stranitsy istorii bosporskoy arkhologii. Epokha Imperatorskoy arkhelogicheskoy komissii (1859 – 1917). Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXVII. Simferopol'; Kerch': TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2012. 368 s.
- Vinogradov Yu.A. Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN). Bosporskiye issledovaniya. Supplementum 17. Simferopol'; Kerch': Izd-vo OOOO "Solo-Rich", 2017a. 310 s.

- Vinogradov Yu.A. Kerchenskiye arkheologi vo vremya Krymskoy voyny // Rossiyskiye arkheologi XIX – nachala XX v. i kurgannye drevnosti evropeyskogo Bospora / otv. red. V.A. Goroncharovskiy. St. Petersburg: Izd-vo RKHGA, 2017b. S. 23–44.
- Vinogradov Yu.A. Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh // Bosporskie issledovaniya. 2017c. Vyp. 34. S. 112–223.
- Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo // Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy. T.I / nauch. redaktory-sostaviteli A.E. Musin, M.V. Medvedeva. 2-ye izd. St. Petersburg: IIMK RAN, 2019. S. 354–536.
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Yuz-Oba. Kurganny nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istoriya izucheniya i topografiya. Simferopol'; Kerch': Mayster Knig, 2012. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 9). 288 s.
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G. Trudy i dni: organizatsiya i byt arkheologicheskoy ekspeditsii v Fanagorii (19 – pervaya polovina 20 v.) // Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 6 / red. V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin. Moscow: Institut arkheologii, 2017. S. 142–153.
- Zastrozhnova E.G. Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII – seredina XX v.). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 308 s.
- Zhebelov S.A. Vvedeniye v arkheologiyu. Ch. I. Istoriya arkheologicheskogo znaniya. Petrograd: Nauka i shkola, 1923. 196 s.

Резюме

Имя К.К. Гёрца хорошо известно в научной литературе о Боспоре Киммерийском. В 1859г. он провёл раскопки городища Фанагория и примыкающего к нему курганного некрополя. Эти раскопки были предприняты по инициативе председателя Императорской Археологической Комиссии С.Г. Строганова. В статье опубликованы 13 писем, которые К.К. Гёрц адресовал ему. В них он сообщал свои впечатления от знакомства с Керчью и Таманью, а также рассказал об организации и проведении раскопок.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Керчь, Тамань, письма К.К. Гёрца.

Summary

Name K.K. Gertz is well known in the scientific literature about the Cimmerian Bosphorus. In 1859, he carried out excavations of Fanagoria and the barrow necropolis adjoining it. These excavations were undertaken on the initiative of the Chairman of the Imperial Archaeological Commission S.G. Stroganov. The article contains 13 letters that K.K. Gertz addressed him. In them, he reported his impressions of getting to know Kerch and Taman, and also spoke about the organization of the expedition and the main results of his excavations.

Key words: Bosphorus of Cimmeria, Kerch, Taman, letters of K.K. Görtz.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С-Петербург),
(812) 764 85 71.
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vinogradov Iurii Alekseevich, doctor
of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg),
(812) 764 85 71.
vincat2008@yandex.ru

36a

На стелу динамии, издана в 1859 г., и в 1859 г. в ширину 1 3/4 верста и в высоту 9 верста. издана в 1859 г. в ширину 1 3/4 верста и в высоту 9 верста. издана в 1859 г. в ширину 1 3/4 верста и в высоту 9 верста.

ΒΑΣΙΛΙΣΣΑΝΔΥΝΑΜΙΝΦΙΛΟΡΩΜΑ
 ΉΝΕΚΒΑΣΙΛΕΩΣΜΕΓΑΛΟΥΦΑΡΝΑ
 ΚΟΥΕΚΒΑΣΙΛΕΩΣΒΑΣΙΛΕΩΝΜΙΘΡΑΔΑ
 ΤΟΥΕΥΠΑΤΟΡΟΣ ΝΥΣ Υ
 ΝΓΑΥΤΩΝΣ ΧΙΕΥΕ
 Ν ΧΗΜ ΤΕΣΧ

m.e.

Царица Динамида, дружина и народы Римские,
 дочь Великого Царя Фарнака,
 вилу Царя Царей Митридата
 Евпатора . . . . .

Эта надпись принадлежит к динамиде (Diana und Eheninschrift), но едва ли является прописью восточной (или восточной) формы. Возстановить надпись (составить вместе с надписью) отсюда, в то время, когда она была

*) Сопоставить прописью восточной формы не следует, потому что она не имеет надписи.

Рис.1. Надпись на постаменте Динамии, скопированная К.К. Гёрцем (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 36a).

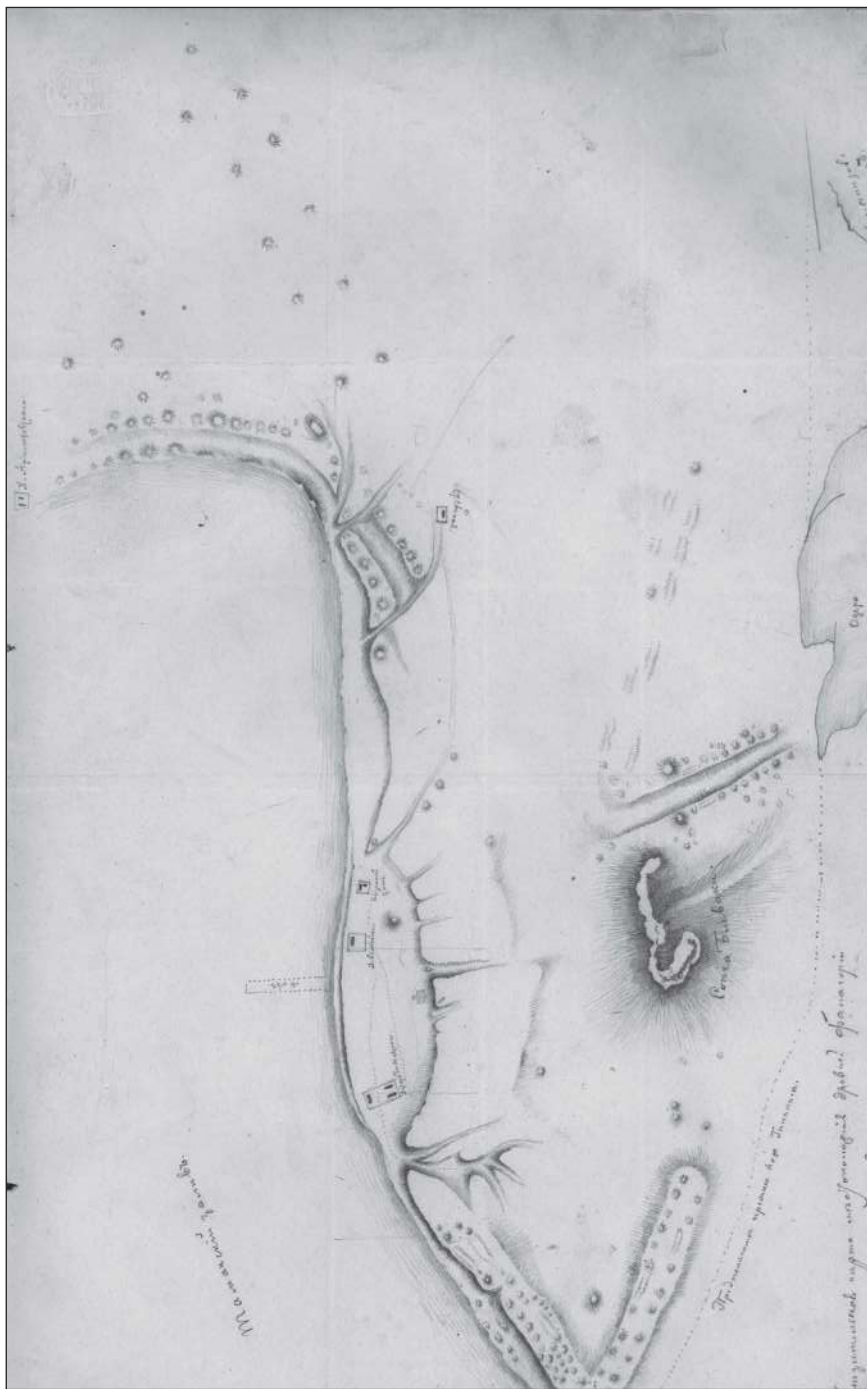

Рис. 2. План Фанатории и прилегающих к ней курганов, выполненный К.К. Герцем (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 50 об.).

Н. С. ДРУЖИНИНА
N. S. DRUZHININA

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КЕРЧИ В ИЮНЕ 1944 ГОДА КОМИССИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

INSPECTION OF THE MONUMENTS OF KERCH IN JUNE 1944 BY THE COMMISSION OF THE STATE HERMITAGE

Для восстановления отдельных сюжетов в исторической науке важным является введение в научный оборот ранее неизвестных источников. К одной из актуальных тем современных крымоведческих исследований относится вопрос охраны культурного наследия в послевоенный период. Первоочередной задачей после окончания боевых действий стало определение состояния памятников, установление степени разрушения. Сведения об этом содержатся в актах их обследования.

На территории Керчи расположены многочисленные памятники прошлого. Вопросы их состояния в послевоенные годы нашли свое отражение в ряде публикаций, среди которых можно выделить статьи А.Ю. Бауковой, Н.В.Быковской, А.Ю.Манаева, А.А. Соколова, Н.Ф. Федосеева. В исторической литературе известна работа двух комиссий на территории Керчи. В июне 1944 г. обследования проводились экспедицией отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете народных комиссаров РСФСР под руководством А.И.Припускова, А.И.Абрамова, Б.И. Аверинцева¹. Летом 1944 г. также работала Керченско-Таманская экспедиция Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (ИИМК), в состав которой входили В.Д. Блаватский и И.Б.Зеест².

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) выявлены документы, характеризующие работу комиссии от Государственного Эрмитажа в этот период. Ее возглавлял Марк Матвеевич Худяк, сфера научных интересов которого была связана с историей античных городов Северного Причерноморья. В 1939 г. ученого назначили руководителем Нимфейской археологической экспедиции, которую он возглавлял до 1958 г. [Соколова, 2016, с. 451]. Сам обнаруженный документ имеет название «Акты по обследованию археологических памятников г. Керчи и докладная записка обследования». Он хранится в ф. 962, оп. 6, д. 1176. Дело содержит 10 листов. Текст данного источника ранее не был доступен широкому кругу исследователей.

---

¹ Комиссией были обследованы храм Иоанна Предтечи, мавзолеем Стемповского, склеп Деметры (см. подробнее: Манаев, 2014, с. 55).

² Комиссия обследовала курганную цепь Юз-Оба, Мелек-Чесменский и Царский курганы, раскопки на горе Митридат, городища Мирмекий, Камыш-Бурун и Нимфей (см. подробнее: Тараканова, 1947, с. 161–163).

Начальнику отдела музеев И.В. Ламцову³

№ 407

[26 июля] 1944 г.

Согласно Вашей договоренности Худяк М.М. [командированный] в Крымскую АССР для обследования археологических памятников Керчи – пересылаем Вам копию краткого предварительного отчета, представленного в Комиссию по учету и охране памятников искусств академику Грабарю И.Э.

Директор Филиала Гос[ударственного] Эрмитажа – Левинсон-Лессинг⁴[л. 1].

Копия

Председателю Комиссии по учету и охране памятников искусства Комитета по делам искусств при СНК СССР

Академику И.Э. Грабарю

копия зав[едующему] отделом музеев Комитета по делам искусств И.В. Ламцову

Предварительный краткий отчет по обследованию археологических памятников Керчи

Ст[аршего] науч[ного] сотрудника Государственного Эрмитажа Худяка М.М.

По заданию комиссии 13 июня с. г. я выехал в Керчь для обследования состояния археологических памятников Керчи и близ лежащих древних городищ после освобождения Крыма Красной армией от немецких захватчиков. В Керчь приехал 19 июня с. г. В беседах с комендантом города, первым секретарем горкома ВКП(б), председателем горсовета и начальником отдела Госбезопасности выяснил положение дела на месте.

Выдающиеся древние архитектурные памятники Керчи – курганы Царский и Мелек-Чесменский оказались в хорошем состоянии. Роспись склепа Деметры пострадала от взрыва ручной гранаты, брошенной немцами. Ухудшило состояние росписи и штукатурки последующее несоблюдение теплового режима в погребальной камере.

Необходимо, как представляется нам, срочно провести работы по реставрации росписи склепа. Следует по возможности реставрировать разбитую крышку Таманского мраморного саркофага. Саркофаг необходимо вывезти из погребальной камеры Мелек-Чесменского кургана.

В целях дальнейшего сохранения Царского, Мелек-Чесменского курганов и склепа Деметры необходимо восстановить сторожки при них и наладить сторожевую службу.

---

³ Иван Васильевич Ламцов (1899–1989) – архитектор, художник. В 1942 г. был назначен начальником отдела музеев Главного комитета по делам искусств при СНК СССР. В 1945 г. занимал должность начальника Государственного комитета по делам архитектуры (Каждан, 2003, с. 13).

⁴ Владимир Францевич Левинсон-Лессинг (1893–1972) – искусствовед, историк искусства, музейный работник. В годы Великой Отечественной войны – директор филиала Эрмитажа в Свердловске, куда были эвакуированы коллекции музея. Руководил реэвакуацией в 1945 г. С декабря 1945 г. по 1967 г. – заместитель директора Эрмитажа по научной работе.

Огромное значение в деле изучения истории Боспора имеют раскопки некрополя столицы Пантикапея на горе Митридат. Их нельзя отделять от деятельности Керченского историко-археологического музея.

В комиссию по музею будет представлен акт, составленный представителями общественности г. Керчи. Керченский музей разграблен. Предателем, бывшим при немцах директором музея Шевелевым Алексеем Алексеевичем⁵, вывезены все ценные коллекции музея. Имеется только небольшая коллекция предметов домашнего обихода римского времени.

В связи с предстоящей расчисткой кварталов Керчи Керченскому музею надо будет вести археологическое обслуживание расчищаемых участков. Обстановка планировки и застройки Керчи заставит провести раскопочные работы и на горе Митридат. В данном случае нельзя будет упустить ни один участок, в противном случае памятники будут навсегда потеряны для науки.

Техническую консультацию по проведению раскопок на горе Митридат, удалению насыпи любезно согласился вести подполковник военный инженер И.А.Смирнов, который оказал большую помощь [л. 2] как в доступе на многие археологические объекты, так и в осмотре их в настоящем археологическом обследовании.

М. Худяк [л. 2 об.]

Осмотр памятников проводился в составе старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Марка Матвеевича Худяка, начальника инженерного отделения Керченской военно-морской базы Черноморского флота подполковника Ивана Андреевича Смирнова и делопроизводителя того же инженерного отделения Александры Андреевны Варгановой⁶. Все акты обследования были составлены в трех экземплярах, которые направлялись председателю городского совета Керчи, в Комиссию по учету и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств, Филиалу Государственного Эрмитажа.

Акт

20 июня 1944 г.

село Эльтиген

[...] осмотрев раскопки городища Нимфея, произведенные Государственным Эрмитажем в 1939, 1940, 1941 гг., нашли их состояние хорошим.

Святылище Деметры на нижней террасе – все цело, за исключением позднейшего алтаря, тесаные камни которого найдены в немецком блиндаже. Блиндаж был устроен за северной стеной священной округи святилища.

На верхнем плато городища у южного склона целиком сохранилась оборонительная стена Нимфея.

---

⁵ Алексей Алексеевич Шевелев занимал пост директора Керченского музея в период оккупации, с 1941 г. до конца 1943 г. (Абрамзон, Быковская, 2019, с. 29).

⁶ Состав комиссии при осмотре всех памятников был одинаковый.

У северного склона сохранился большой дом римского времени.

Немецкие захватчики устроили ходы сообщения и блиндажи, главным образом на мысу юго-восточной оконечности городища. Здесь в обрезах траншей кладок стен не обнаружено и залегание культурного слоя – незначительно.

Поврежденным оказался единственный раскоп «С» на юго-восточной оконечности городища, где были открыты небольшие остатки стен римского времени. Этот раскоп немецкими захватчиками был расширен и в нем был устроен блиндаж. Стены его были выстроены из камней ближайших домов населения.

Таким образом, как раскопки, так и не вскрытая еще площадь городища оказались хорошей сохранности.

На городище в настоящее время расположена воинская часть, весь личный состав которой бережно относится к открытым памятникам [л. 3].

Акт

21 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев Царский курган, нашли состояние его хорошим. Дромос – стены и перекрытия целы. Погребальная камера – стены и перекрытия целы. Часть стен дромоса, ближе ко входу в погребальную камеру, и стены погребальной камеры оказались заколоченными ввиду того, что помещения эти служили укрытием для бойцов переднего края обороны десанта Красной армии. В некоторых местах плит стен дромоса вырезаны фамилии бойцов.

Из плит-надгробий, находившихся ранее в дромосе, были устроены каморки, в которых спали бойцы. Еще до начала Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками значительная часть надгробий находилась у входа в дромос под навесом. Их состояние тогда было крайне тяжелое, так как крыша навеса была неисправна. Это указывалось директору Керченского музея Ю.Ю. Марти⁷, но последний мер к исправлению ее не принимал. Артиллерийским обстрелом сторожка, навес и многие надгробия оказались разбитыми.

Необходимо привести дромос и погребальную камеру в порядок, очистить их от хлама, надгробия перевести на территорию Керченского музея, выстроить сторожку и поставить сторожа [л. 4].

Акт

21 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев площадь раскопок на городище Мирмекий, нашли только один участок – винодельню эллинистического времени в удовлетворительном состоянии.

---

⁷Юлий Юльевич Марти – директор Керченского музея с 1921 г., заместитель директора по науке с 1939 г. Во время Великой Отечественной войны занимался эвакуацией музейных ценностей в Армавир (Федосеев, 2001, с. 25).

Остальные раскопочные участки не сохранились, так как еще в 1940 году вся территория городища была отведена под военные нужды [л. 5].

Акт

21 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев Мелек-Чесменский курган, нашли его состояние хорошим. Дромос – стены и перекрытия – целы. Погребальная камера – стены и перекрытия – целы. В кургане расположена военная часть. Личный состав бережно относится к этому памятнику [л. 6].

Акт

21 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев Таманский мраморный саркофаг⁸, находящийся в камере Мелек-Чесменского кургана, нашли его состояние хорошим. Крышка саркофага разбита на многие части, которые лежат внутри саркофага. Обстановка не разрешает рассмотреть все обломки крышки, но, вероятно, крышку возможно будет реставрировать. Наружная поверхность корпуса саркофага загрязнена. У некоторых розеток не сохранилась выпуклая сердцевина. Командный состав указал, что перед входом в курган в земле закопаны обломки мрамора. Эти обломки – части крышки извлечены из земли и помещены внутрь саркофага.

В свое время подполковником Смирновым было отдано распоряжение Таманского станичного совета – закопать саркофаг на территории музея. Подполковником Смирновым для этой цели были выделены соответствующие материалы и выделены бойцы-саперы, но председатель стансовета не выполнил распоряжения.

При вторичном занятии Керчи немецкими захватчиками предатель – директор Шевелев /Керченский музей/ перевез саркофаг в Керчь и поместил его в Мелек-Чесменский курган. Шевелеву не удалось вывезти саркофаг из Керчи, как это он успел сделать с коллекциями музея.

Необходимо принять срочные меры для перевозки саркофага в помещение Керченского музея и по возможности приступить к реставрации его крышки [л. 7].

Акт

22 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев раскопки на склонах горы Митридат, обнаружили следующее: рас-

---

⁸ По инициативе директора музея из разоренного Таманского музея был перевезен мраморный саркофаг, обнаруженный в кургане Лысая гора возле Тамани. Он был установлен в склепе Мелек-Чесменского кургана, но при отступлении немцев разбит на мелкие куски. Отреставрированный саркофаг хранится в Государственном историческом музее (Федосеев, 2005, с. 168).

копки Думберга⁹ 1895-го года хранились удовлетворительно. Части карниза и [...колонны] от эллинистического дома, открытого Думбергом, находятся в ближайшем блиндаже, устроенном немцами. Удовлетворительная сохранность и раскопок 1930 и 1931 гг. Уцелела и траншея, прорытая, вопреки принятой [в] советской археологии методике, научными сотрудниками Керченского музея в июне 1941-го года в направлении от первого кресла Митридата до раскопок Думберга.

Немецкие захватчики везде [нарыли] траншеи, устроили блиндажи. Во всех траншеях в обрезах кладок стен не обнаружено. В одной залегают три погребения. Захоронения конца XIX и начала XX века. Только в одной траншее обнаружена часть кладки из больших блоков, которая, возможно, увяжется с большими блоками фундаментов стены, открытыми у площадки раскопок Думберга. Возможно, что обнаруженная кладка даст наконец стену Акрополя. Это предложение находит подтверждение свое, как в рельефе местности, так и открытыми уже остатками фундамента стены и площади раскопок Думберга.

В связи с предстоящей застройкой Керчи представляется крайне важным проведение раскопок в данном месте на горе Митридат уже осенью этого года.

Подполковник тов. Смирнов согласен вести техническую консультацию на производстве раскопочных работ на горе Митридат [л. 8].

Акт

22 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев склеп Деметры /Зайцевская катакомба/, обнаружили следующее: роспись [...] свода и левая от входа сторона фриза сильно пострадали от разрыва ручной гранаты, брошенной в склеп немецкими захватчиками. Штукатурка с изображением головы Деметры в центре свода грозит обвалом. Обнажились следы реставрации – полоски материи, наложенные немцем, которого привел в склеп Шевелев. По свидетельству технического сотрудника – сторожа Гуран /внучка Зайцева/ немец работал над всей живописью и резко критиковал работу советских реставраторов. Роспись сцены с похищением Плутоном Персефоны также грозит обвалом. Здесь вбиты два больших гвоздя, которые поддерживали роспись. Внизу под росписью вбиты ряд гвоздей. Сильно пострадала левая от входа сторожа сторона фриза по боковой стене. Правая сторона фриза другой боковой стены, а также гирлянда над входом в склеп лучше сохранились. Хорошо сохранились фигуры Гермеса и Калипсо на боковых сторонах входа в склеп [...].

Требуется срочная реставрация росписи склепа. Необходимо выстроить новую

---

⁹ Карл Евгеньевич Думберг – директор Керченского музея с 1891 г. по 1901 г. Под его руководством были организованы первые крупные археологические исследования Пантикапея. К.Е. Думбергу принадлежит заслуга в организации борьбы с несанкционированными разорениями раскопок (Непомнящий, 2016, с. 332–333).

сторожку, т. к. старая разбита снарядами, а сторож Гуран, являющаяся стразу после занятия Керчи Красной армией охранять склеп, живет с 2-мя маленькими детьми в развалинах [л. 9].

Акт

23 июня 1944 г.

г. Керчь

[...] осмотрев городище Дия-Тиритака на территории Камыш-Буруна, обнаружил следующее: городская крепостная стена сохранилась удовлетворительно, поваленные блоки верхних рядов могут быть поставлены на место. Крайняя левая башня стены хорошо сохранилась. Находящиеся за городской стеной восемь рыбозасолочных цистерн – хорошо сохранились.

Площади раскопок последних лет сохранились – удовлетворительно. Возведенные стены дома на древних стенах винодельни в целях ее сохранности – сохранились. Все части винодельни хорошо сохранились. Все другие рыбозасолочные цистерны частично разрушены немецкими захватчиками, частично удовлетворительно сохранились.

Разрушен большой раскоп с открытыми в нем домами V и II вв. до н. э. Почти все древние стены на этом раскопе разобраны немецкими захватчиками для устройства громадного укрытия.

Необходимо произвести реставрационные работы на этом городище в целях прекращения дальнейшего разрушения открытых памятников [л. 10].

Итоги обследования комиссии под председательством М.М. Худяка дополняют известные сведения о состоянии памятников Керчи после окончания военных действий. Ряд рекомендаций, указанных в актах обследования и предварительном отчете, нашли свое отражение в дальнейшей деятельности по отношению к упоминаемым объектам.

Рабочей комиссией Ученого совета Главного управления по охране памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при СНК СССР 5 марта 1945 г. было принято постановление о выделении заповедной территории, включив в нее г. Митридат с остатками древнего города и склепами, курганы Золотой, Мелек-Чесменский и Юз-Оба, склеп Деметры, городище Мирмекий, церковь Иоанна Предтечи, древний вал. В нем указывалось на необходимость проведения археологических разведок на северном и южном склонах Митридата для определения охраняемых границ, что поручалось ИИМК АН СССР. Охрана памятников архитектуры возлагалась на главного архитектора города, а памятников археологии – на Керченский музей, который находился в ведении Комитета культпросветучреждений [Андросов, 2004, с. 178; ГАРК, ф. Р 3385, оп. 2, д. 1, л. 1–2].

Важное значение для работы Керченского музея имело назначение 21 марта 1945г. его директором В.И. Юдина. До этого момента частая смена руководства, невнимательное отношение к подбору присылаемых научных работников отрицательно сказывались на деятельности учреждения, на его взаимодействии с местными орга-

нами власти. Вопросы приведения в порядок памятников оставались без внимания. По инициативе директора музея исполком Керченского городского совета 12 июня 1945 г. заслушал его доклад «Об охране археологических и архитектурных памятников» и вынес постановление, запрещавшее отдельным лицам и учреждениям производить порчу памятников, укрывать, присваивать археологические находки и производить хищение стройматериалов [Шестакова, 2012, с. 130–131; ГАРФ, ф.Р-10010, оп. 5, д. 269, л. 2–3].

В послевоенный период вопрос финансирования Керченского музея являлся сложным. В отчете о его работе за 1945 г. указывалось на необходимость иметь не менее 60 тыс. руб. на деятельность, связанную с ремонтом и восстановлением охраняемых объектов. Инспектором Отдела охраны памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при СНК РСФСР З.Г. Аристовой по итогам посещения Керчи отмечалось, что сотрудниками музея проводились необходимые мероприятия, несмотря на материальные трудности. В результате проверки было установлено, что главный архитектор города не выделил 18 тыс. руб., предназначенные на ремонт памятников. Благодаря действиям инспектора удалось добиться в Москве получения дополнительных средств в размере 25 тыс. руб. на восстановительные работы [ГАРФ, ф. Р-10010, оп. 5, д. 269, л. 10–10 об.].

В 1948 г. для полноценного функционирования учреждения утвержденная смета являлась недостаточной. Затруднения возникали из-за прекращения отпуски средств на нештатных работников, резкого сокращения лимитов на временных рабочих. К сложностям также относилось то, что Керчь не располагала необходимыми строительными материалами, кроме местного камня, в городе отсутствовали строительные организации и мелкооптовые базы, которые могли бы быть использованы для ремонтно-восстановительных работ [ГАРФ, ф. Р-10010, оп. 5, д. 269, л. 26; д. 270, л.11]. В этот период областные органы власти профинансировали работы по сооружению ограды Царского кургана на 19 тыс. руб., ремонту склепа Деметры – 8 тыс. руб. [Манаев, 2021, с. 102].

Сотрудники Керченского музея в 1945 г. несколько памятников привели в состояние, позволившее открыть их для экскурсионного осмотра. Эти работы включали в себя засыпку траншей и окопов, очистку склепов, дромосов и ведущих к памятникам дорожек от строительного камня, рельс, железа, колочей проволоки, снарядов, патронов, мусора. Лежавшие в три ряда в дромосе и в склепе Царского кургана каменные надгробья подняли, разобрали и расставили к стенам. На Мелек-Чесменском кургане восстановили две каменные скамьи перед входом в дромос (рис. 1, 2). Возле склепа Деметры прорыли канавы для водостока, заделали штучным камнем часть ограды, выходившей на улицу. В 1947 г. началась работа по составлению научных паспортов на памятники [ГАРФ, ф. Р 10010, оп. 5, д. 269, л. 5–6 об., 36; Зинько, 2001, с. 140].

Особое внимание уделялось склепу Деметры. Сотрудниками музея систематически велись наблюдения за состоянием фресок, фиксировались основные повреж-

дения. В склепе был установлен психрометр, делались записи температуры и уровня влажности [ГАРФ, ф. Р-10010, оп. 5, д. 269, л. 5–6, 15–16, 32]. В 1945 г. проводились укрепительные работы его штукатурного основания [Зинько, 2001, с. 140]. Для снижения уровня влажности выставлялись ящики с поваренной солью в камерах склепа. Однако этот метод не принес необходимого результата. Вскоре штукатурка под действием солей стала разрушаться, увеличился объем грунтовых вод. Сектором истории и археологии Крымского филиала АН СССР (КФ АН СССР) в Керчь был направлен О.И. Домбровский для обследования состояния фресок склепа. По итогам обсуждения его доклада 5 сентября 1949 г. приняли постановление о необходимости немедленной детальной фиксации фресок и ходатайстве перед Президиумом АН СССР о проведении реставрации [Соколов, 2015, с. 192; ГАРК, ф. Р-3383, оп. 1, д. 38, л. 39].

Большой проблемой являлась нехватка сторожевой охраны. Руководство музея несколько раз ходатайствовало перед вышестоящими органами об увеличении ее штата. Однако этот вопрос оставался без положительного ответа [ГАРФ, ф. Р-10010, оп. 5, д. 269, л. 25–26]. К 1949 г. в организации работали 7 сторожей, которые однако не могли в полной мере обеспечить охрану всех объектов. Сотрудникам музея удалось восстановить сторожки у склепа Деметры, Царского и Мелек-Чесменского курганов [Манаев, 2016, с. 422].

Многие памятники не имели ограждений. В 1945 г. на территории Тиритаки и Мирмекия были построены хозяйственные и жилые помещения, что приводило к разрушению и захламлению древних городищ. Из их раскопов выбирался камень местными жителями и воинскими частями [Соколов, 2012, с. 212; ГАРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 4, л. 27]. На городище Мирмекий предприятие «Керчьгражданстрой» проводило взрывные и строительные работы. Городские власти отказались повлиять на сложившуюся ситуацию. Для ее разрешения потребовалось обращение в областные и союзные органы власти вплоть до Президиума Академии наук СССР, в результате чего последовало распоряжение председателя Комитета культуры о приостановке работ [Манаев, 2016, с. 421].

Большое значение имело возобновление археологических исследований. Сотрудники Керченского музея в 1944 г. проводили спасательные работы в котловане на ул. Р. Люксембург, где были обследованы остатки рыбозасолочной цистерны. В 1945 г. музеем и строительными организациями города был заключен договор о наблюдении и выполнении охранных раскопок. Выделенных средств на производство данных работ не хватало, поэтому музей ограничивался силами своих сотрудников при небольших масштабах исследований [Баукова, 2008, с. 185–187].

С лета 1945 г. начала свою деятельность Боспорская экспедиция под руководством В.Д. Блаватского. Помимо научных задач, данные исследования были связаны с необходимостью обследования траншей военного времени на Митридате, разработкой новой планировки города, уточнением границ археологических объектов (рис. 3). Сотрудники музея в ходе проведения предварительной работы в течение

апреля–июня 1945 г. определили местонахождение двенадцати расписных склепов на северном склоне г. Митридат, которые во время военных действий использовались населением города как бомбоубежища, были повреждены снарядами [Быковская, 2015, с. 28].

Исследования Боспорской экспедиции осуществлялись совместными усилиями Института истории материальной культуры и Государственного музея изобразительных искусств, в ходе которых были обследованы южный склон Долгой скалы, восточная покатость 1-го кресла Митридата и северный склон недалеко от Эспланадной улицы. Территория у южного склона Долгой скалы по проекту планировки отводилась под индивидуальное жилищное строительство. Обследования этого участка показали, что застройка может быть разрешена, за исключением прилегающих к данной местности курганов [Блаватский, 1947, с. 105–106]. На заседании Сектора античной археологии ИИМК указывалось, что проведенные в Керчи в 1945 г. археологические исследования способствовали разработке топографии города с составлением карты. Эта работа должна была стать материалом для руководства как для археологических исследований Керчи, так и для планировки при новой застройке [Тараканова, 1947, с. 166].

В 1946 г. сотрудниками музея проводились самостоятельные археологические разведки некрополя на Карантинном шоссе. При обследовании было установлено его аварийное состояние из-за размывания обрушившегося от оползня берега Керченской бухты и разрушений вследствие возведения оборонительных сооружений немцами во время войны. В апреле–мае 1947 г. экспедиция под руководством В.И. Юдина провела раскопки некрополя на участке, ограниченном с севера ул.Кирова. В ходе работ были исследованы десять грунтовых могил, из которых только две сохранились полностью (рис. 4). Недостаток средств не позволил музею развернуть эту работу в более широком объеме. В 1947 г. охранные работы музея на некрополе на северном склоне Митридата привели к открытию нового склепа, который был ограблен еще в древности, но дал ценный погребальный инвентарь для определения поздней культуры Боспорского царства [Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. 239, л. 2–3; ГАРФ, ф. Р-10010, оп. 5, д. 269, л. 19–20, 34].

Нимфейская экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.М.Худяка в 1946–1947 гг. занималась исследованием святилища Деметры на территории городища. Зимой 1947 г. там был поставлен военный пост и вырыт котлован. Руководителю экспедиции удалось достичь договоренности о том, чтобы дальнейшие земляные работы велись с уведомлением соответствующих организаций [Архив ИА РАН, Р 1, д. 118, л. 2–3; д. 181, л. 8–9].

Проблемы, связанные с недостатком финансирования, нехваткой сторожевой охраны, сложностями взаимодействия Керченского музея с местными органами власти, ситуацией со склепом Деметры и строительными работами на городище Мирмекий, неоднократно поднимались на областном уровне. Им было уделено внимание на совещании по вопросам сохранения культурного наследия Крыма 10 июня 1948 г., в

ходе которого в дискуссии участвовал директор музея В.И. Юдин. Также эти темы обсуждались на заседании Сектора истории и археологии КФ АН СССР 29 ноября 1949 г. [Манаев, 2016; 2021].

Таким образом, выявленные в РГАЛИ документы показывают результат работы комиссии под руководством М.М. Худяка по обследованию памятников Керчи в июне 1944 года. Они дополняют известную информацию о состоянии охраняемых объектов в этот период. Данный источник является свидетельством взаимодействия Керченского музея, местных органов власти и Государственного Эрмитажа в сфере охраны культурного наследия. В дальнейшем необходимо продолжение исследований, связанных с введением в научный оборот ранее неизвестных документов, которые способны расширить представление о ситуации в памятникоохранной сфере как в Керчи, так и в целом в Крыму в послевоенный период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Быковская Н.В.* Античные монеты. Довоенная коллекция, возвращенная Федеративной Республикой Германии (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника). Т. 3. Нумизматическая коллекция. Керчь, 2019. 160 с.
- Акты* по обследованию археологических памятников г. Керчи и докладная записка обследования // РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1176. Л. 1–10.
- Андросов С.А.* Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. 2004. № 6/7. С. 171–180.
- Баукова А.В.* Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – у 50 рр. ХХ ст. // Науч. сб. Керченского заповедника / Керченский историко-культурный заповедник. Керчь, 2008. Вып. 2. С. 181–193.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1945 г. // КСИИМК. М.; Л.: изд-во АН СССР 1947. Вып. 17. С. 105–115.
- Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках в Пантикапее в 1945 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р 1. Д. 29. Л. 26 [электронный ресурс].
- Быковская Н.В.* Раскопки Пантикапея 1945 г.: памятникоохранный аспект (по материалам архива Восточно-крымского заповедника) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в Античности: к 70-летию В.П. Толстикова / отв. ред. Д.В. Журавлев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 24–36.
- Зинько Е.А.* К вопросу о сохранении склепа Деметры // 175 лет Керченскому музею древностей: мат. межд. конференции / гл. ред. П.И. Иваненко; Керченский историко-культурный заповедник, Благотворительный фонд Деметра, Министерство культуры Республики Крым. Керчь, 2001. С. 139–141.
- Каждан Я.Ш.* Иван Васильевич Ламцов // Архитектура и строительство Москвы. 2003. № 4. С. 10–15.
- Манаев А.Ю.* К вопросу о состоянии архитектурных памятников Крыма в 1944 году // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». 2014. № 4. С. 54–64.

- Манаев А.Ю.* «На местах нет должного внимания к вопросам охраны историко-культурного хозяйства городов и районов Крыма»: итоговый доклад совещания о проблемах сохранения памятников полуострова в 1948 г. // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». 2021. № 4. С. 80–106.
- Манаев А.Ю.* Докладная записка П.Н. Шульца о состоянии памятников культуры Крымской области и о мероприятиях по улучшению их охраны // История и археология Крыма. 2016. № 3. С. 417–430.
- Непомнящий А.А.* Директор Керченского музея древностей Карл Думберг: по новым архивным документам // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: исследователи и исследования / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: Соло-Рич, 2016. С. 331–338.
- Отчет* о работе за 1948 год Государственного Керченского историко-археологического музея // ГАРФ. Ф. Р-10010. Оп. 5. Д. 270. Л. 11.
- Отчеты* о работе за 1945–1947 гг., за 1951 год Государственного Керченского историко-археологического музея // ГАРФ. Ф. Р-10010. Оп. 5. Д. 269. Л. 2–34.
- Переписка* с Министерством культуры РСФСР, Исполнительным комитетом Крымского областного совета депутатов трудящихся о работе музеев Крымской области. Справка о [...] состоянии археологических памятников // ГАРК. Ф. Р-3319. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.
- Переписка* с научно-исследовательскими учреждениями по вопросам научной деятельности отдела истории и археологии за 1949 год // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 38. Л. 39.
- Решения, положения, приказы* комитета по делам архитектуры при СНК СССР и областном отделе, списки памятников архитектуры, технические инструкции по охране, эксплуатации и ремонту памятников архитектуры // ГАРК. Ф. Р-3385. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2.
- Соколов А.А.* Изучение и организация охраны памятника «Склеп Деметры» в Керчи (40 – 80-е гг. XX века) // Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. матер. XI Всероссийской науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов / ред. А.Б. Бирюкова, Е.П. Макаров, Е.Ю. Семенова. Самара, 2015. Вып. 3. С. 192–195.
- Соколов А.А.* Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». 2012. № 2. С. 204–216.
- Соколова О.Ю.* «Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать...» (П.Ф. Силантьева, М.М. Худяк, В.М. Скуднова) // Боспорские исследования / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько; Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского, Центр археологических исследований БФ «Деметра». Керчь, 2016. Вып. 27. С. 448–456.
- Тараканова С.А.* Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в 1944 году. Обследование археологических памятников // КСИИМК. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1947. Вып. 14. С. 162–165.
- Тараканова С.А.* Институт материальной культуры им. Н.Я. Марра в 1945 г. (работа секторов) // КСИИМК. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1947. Вып. 14. С. 165–167.
- Федосеев Н.Ф.* Пантикапей и «охрана памятников» // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 155–170.
- Федосеев Н.Ф.* Судьба керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей: мат. межд. конференции / гл. ред. П.И. Иваненко; Керченский историко-культурный заповедник, Благотворительный фонд Деметра, Министерство культуры Республики Крым. Керчь, 2001. С. 18–29.

- Худяк М.М. Отчет о работе Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 181. Л. 8–9 [электронный ресурс].
- Худяк М.М. Отчет о работах Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1946 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 118. Л. 2–3 [электронный ресурс].
- Шестакова Н.Д., В.И. Юдин – директор Керченского музея: персоналия // XII Таврические научные чтения: сб. мат.: в 2 ч. Ч. 2 / ред.-сост. Е.Б. Вишневская; Министерство культуры Автономной Республики Крым, Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды». Симферополь, 2012. С. 129–138.
- Юдин В.И. Отчет о разведках Керченского государственного историко-археологического музея в 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 239. Л. 2–3, 42 [электронный ресурс].

REFERENCES

- Abramzon M.G., Bykovskaia N.V. *Antichnye monety. Dovoennaia kolleksiia, vozvrashchennaia Federativnoi Respublikoi Germanii (Iz sobraniia Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika)*. Kerch', 2019. 160 p.
- Androsov S.A. *Muzei Kryma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2004, vol. 6/7, pp. 171–180.
- Akty po obsledovaniuu arkheologicheskikh pamiatnikov g. Kerchi i dokladnaia zapiska obsledovaniia. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva*. F. 962. Op. 6. D. 1176. L. 1–10.
- Baukova A.V. Arkheologichna diial'nist' Kerchens'kogo muzeiu u drugii polovini 40-kh – u 50 rr. XX st. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Kerch', 2008, vol. 2, pp. 181–193.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1945 g. *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury*. Moskva – Leningrad, 1947, vol. 17, pp. 105–115.
- Blavatskii V.D. Otchet o raskopkakh v Pantikapee v 1945 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. 1. Op. R 1, D. 29. L. 26 [elektronnyi resurs].
- Bykovskaia N.V. Raskopki Pantikapeia 1945 g.: pamiatnikookhrannii aspekt (po materialam arkhiva Vostochno-krymskogo zapovednika). *Zhuravlev D.V. (Ed.). S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti: k 70-letiiu V.P. Tolstikova*. Moskva, Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke, 2015, pp. 24–36.
- Zin'ko E.A. K voprosu o sokhraneniі sklepa Demetry. *Ivanenko P.I. (Ed.). 175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei*. Kerch', 2001, pp. 139–141.
- Kazhdan Ia.Sh. Ivan Vasil'evich Lamtsov. *Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvу*, 2003, vol. 4, pp. 10–15.
- Manaev A.Iu. «Na mestakh net dolzhnogo vnimaniia k voprosam okhrany istoriko-kul'turnogo khoziaistva gorodov i raionov Kryma»: itogovi doklad soveshchaniia o problemakh sokhraneniia pamiatnikov poluoostrova v 1948 g. *Uchenye zapiski Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serii: Istoricheskie nauki*, 2021, vol. 4, pp. 80–106.
- Manaev A.Iu. Dokladnaia zapiska P. N. Shul'tsa o sostoianii pamiatnikov kul'tury Krymskoi oblasti i o meropriiatiiakh po uluchsheniuu ikh okhrany. *Istoriia i arkheologiiia Kryma*, 2016, vol. 3, pp. 417–430.
- Manaev A.Iu. K voprosu o sostoianii arkhitekturnykh pamiatnikov Kryma v 1944 godu. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serii: Istoricheskie nauki*, 2014, vol. 4, pp. 54–64.

- Nepomniashchii A.A. Direktor Kerchenskogo muzeia drevnostei Karl Dumberg: po novym arkhivnym dokumentam. *Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.). XVII Bosporskie chteniia: Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia*. Kerch', Solo-Rich, 2016, pp. 331–338.
- Otchet o rabote za 1948 god Gosudarstvennogo Kerchenskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. F. R-10010. Op. 5. D. 270. L. 11.
- Otchety o rabote za 1945–1947 gg., za 1951 god Gosudarstvennogo Kerenskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. F. R 10010. Op. 5. D. 269. L. 2–34.
- Perepiska s Ministerstvom kul'tury RSFSR, Iсполnitel'nym komitetom Krymskogo oblastnogo soveta deputatov trudiashchikhisia o rabote muzeev Krymskoi oblasti. Spravka o [...] sostoianii arkhheologicheskikh pamiatnikov. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym*. F. R 3319. Op. 1. D. 4. L. 27.
- Perepiska s nauchno-issledovatel'skimi uchrezhdeniiami po voprosam nauchnoi deiatel'nosti otdela istorii i arkheologii za 1949 god. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym*. F. R 3383. Op. 1. D. 38. L. 39.
- Resheniia, polozheniia, prikazy komiteta po delam arkhitektury pri SNK SSSR i oblastnom otdela, spiski pamiatnikov arkhitektury, tekhnicheskie instruksii po okhrane, ekspluatatsii i remontu pamiatnikov arkhitektury. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym*. F. R 3385. Op. 2. D. 1. L. 1–2.
- Sokolov A.A. Izuchenie i organizatsiia okhrany pamiatnika «Sklep Demetry» v Kerchi (40-e – 80-e gg. XX veka). *Kirillo-Mefodievskie chteniia*. Samara, 2015, vol. 3, pp. 192–195.
- Sokolov A.A. Pamiatniki istorii i kul'tury Kryma: sostoianie, okhrana, restavratsiia (1944–1953). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serii: Istoricheskie nauki*, 2012, vol. 2. pp. 204–216.
- Sokolova O.Iu. «My ekhali siuda, chtob grad Nimfei kopat'...» (P.F. Silant'eva, M.M. Khudiak, V.M. Skudnova). *Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.). Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2016, vol. 27, pp. 448–456.
- Taranova S.A. Institut istorii material'noi kul'tury im. N.Ia. Marra v 1944 godu. Obsledovanie arkhheologicheskikh pamiatnikov. *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury*. Moskva – Leningrad, 1947, vol. 14, pp. 162–165.
- Taranova S.A. Institut material'noi kul'tury im. N.Ia. Marra v 1945 g. (rabota sektorov). *Kratkie soobshcheniia instituta istorii material'noi kul'tury*. Moskva – Leningrad, 1947, vol. 14, pp. 165–167.
- Fodoseev N.F. Sud'ba kerchenskikh arkheologov // *Ivanenko P.I. (Ed.). 175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei*. Kerch', 2001, pp. 18–29.
- Fodoseev N.F. Pantikapei i «okhrana pamiatnikov». *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2005, vol. 9, pp. 155–170.
- Khudiak M.M. Otchet o rabote Nimfeiskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha 1947 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. 1. Op. R 1. D. 181. L. 8–9 [elektronnyi resurs].
- Khudiak M.M. Otchet o rabotakh Nimfeiskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 1946 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. 1. Op. R 1. D. 118. L. 2–3 [elektronnyi resurs].
- Shestakova N.D. V.I. Iudin – direktor Kerchenskogo muzeia: personaliia *Vishnevskaiia E.B.*

(Ed.). *XII Tavricheskie nauchnye chteniia*. Simferopol', 2012, pp. 129–138.

Иudin V.I. Otchet o razvedkakh Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia v 1947 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. 1. Op. R 1. D. 239. L. 2–3, 42 [elektronnyi resurs].

Резюме

В Российском государственном архиве литературы и искусства были выявлены документы, расширяющие представление о состоянии сферы охраны культурного наследия в Крыму в послевоенный период. К ним относятся акты обследования и докладная записка по итогам деятельности комиссии Государственного Эрмитажа, которую возглавлял Марк Матвеевич Худяк. В ходе ее работы в Керчи в июне 1944 года было проверено состояние Нимфея, Мирмекия, Тиритаки, склепа Деметры, раскопок на склоне горы Митридат, Царского и Мелек-Чесменского курганов.

Ключевые слова: М. М. Худяк, Государственный Эрмитаж, памятники Керчи, акты обследования.

Summary

Documents were found in the Russian State Archive of Literature and Art that expand the understanding of the state of the sphere of protection of cultural heritage in the Crimea in the post-war period. These include inspection acts and a memorandum on the results of the activities of the commission of the State Hermitage, which was headed by Mark Matveyevich Khudyak. In the course of her work in June 1944 in Kerch, the state of Nymphaeum, Myrmekion, Tiritake, the Demeter crypt, excavations on the slope of Mount Mithridates, the Tsarsky and Melek-Chesmensky barrows were checked.

Key words: M. M. Khudyak, State Hermitage Museum, monuments of Kerch, inspection acts.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дружинина Надежда Сергеевна,
аспирантка кафедры истории России
исторического факультета
института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
nadya_1995@mail.ru,
+79787902731

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Druzhinina Nadezhda Sergeevna,
postgraduate student of the Department
of History of Russia,
Faculty of History of the Institute Taurida Academy,
Crimean Federal University V. I. Vernadsky,
295007, Simferopol, Prospekt Vernadskogo, 4.
nadya_1995@mail.ru,
+79787902731

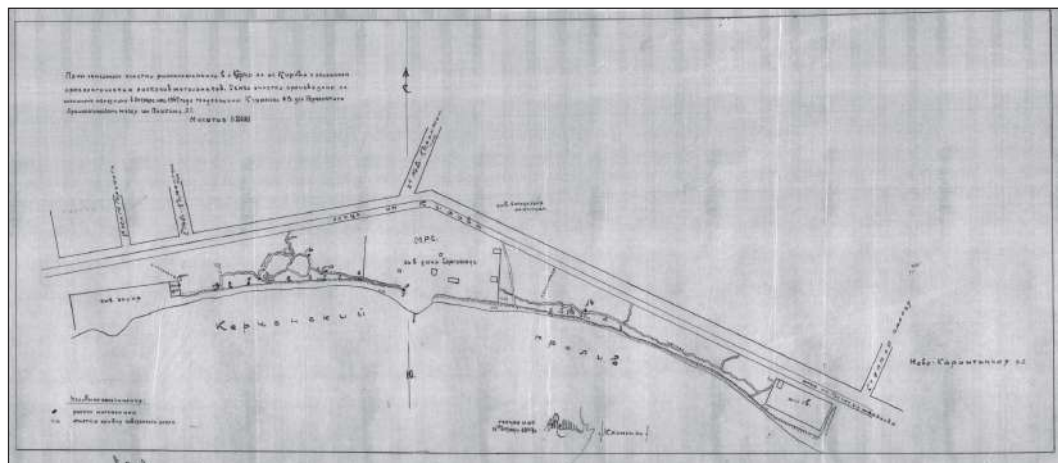
Рис. 1. Царский курган. Фото Ю. Панютина. 1945–1949 гг.
(По материалам <https://pastvu.com/p/1631881>).

Рис. 2. Мелек-Чесменский курган. Фото Ю. Панютина. 1945–1949 гг.
(По материалам <https://pastvu.com/p/1631888>).

Рис. 3. Немецкая траншея на горе Митридат. 1945 г. (Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Пантикапее в 1945 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 29. Л. 26).

Рис. 4. План земельного участка, расположенного в Керчи по ул. Кирова с указанием археологических раскопок могильников (Юдин В.И. Отчет о разведках Керченского государственного историко-археологического музея в 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 239. Л. 42).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ – Боспорские исследования. Симферополь-Керчь
- БЧ – Боспорские чтения. Керчь
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
Санкт-Петербург
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского
археологического общества. Новая серия. Санкт-Петербург
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии.
Санкт-Петербург (Петроград)
- ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной
культуры. Москва-Ленинград
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.
Симферополь
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН.
Москва
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
Симферополь
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
Москва-Ленинград
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.
Москва-Магнитогорск-Новосибирск
- РА – Российская археология. Москва
- СА – Советская археология. Москва
- СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории
материальной культуры. Ленинград
- MSAN – Memoires de la Société d'archéologie et de numismatique
de St-Peterburge.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Суворова Н.И.</i> К вопросу о местонахождении Паниардиса и Патарвы	3
<i>Колесников М. А.</i> Пожар в Дельфах в 548/47 гг. и его последствия	30
<i>Котина А.В.</i> Ритуальный комплекс рубежа VI –V вв. до н.э. из Тиритаки	81
<i>Супренков А.А.</i> Акмонайский вал в свете историографии и новых археологических исследований	103
<i>Шонов И.В.</i> О монограммах на монетах скифских царей в Добруджи 154 –116 гг. до н.э.....	117
<i>Сидоренко В.А.</i> Хан Мамаевой Орды Мухаммед Тулак	133
<i>Симонов В.В.</i> Воинский некрополь Аджимушкая (к постановке проблемы подсчетов захоронений и останков, найденных в каменоломнях)	149

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Кононов В.Ю., Пономарев Л.Ю.</i> Гончарные комплексы раннесредневекового поселения Варнавинское-3 на левобережье Кубани (по итогам работ на раскопе I в 2010 – 2011 гг.).....	178

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Пономарев Л.Ю.</i> Собрание античных древностей в Ени-Кале: судьба находок (последняя четверть XVIII – XX вв.)	242
<i>Виноградов Ю.А.</i> К.К. Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского	292
<i>Дружинина Н.С.</i> Обследование памятников Керчи в июне 1944 года комиссией Государственного Эрмитажа	332
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	349

CONTENTS

ARTICLES

<i>Suvorova N. I.</i> On the question of the location of Paniardis and Patarva	3
<i>Kolesnikov M.A.</i> The fire at Delphi in 548/47 bc and its consequences.....	30
<i>Kotina A.V.</i> The ritual complex of the turn of the 6th – 5th century bc from Tyritake	81
<i>Suprenkov A.A.</i> Akmonaisky rampart in the wake of historiography and new archaeological research	103
<i>I. V. Shonov</i> About monograms on coins scythian kings in Dobrudzha 154 –116 bc.....	117
<i>V.A. Sidorenko</i> Khan of the Mamay Horde Muhammad Tulak.....	133
<i>Simonov V.V.</i> Military necropolis of Ajimushkay (with reference to the formulation of the problem of calculations of burials and remains found in quarries)	149

PUBLICATION

<i>Kononov V. Iu., Ponomarev L. Iu.</i> Pottery complexes of the early medieval settlement of Varnavinskoye-3 on the left bank of the Kuban (based on the results of excavation I in 2010 – 2011).....	178

HYSTORY

<i>L. Iu. Ponomarev</i> Collection of ancient antiquities in Yeni-Kale: the fate of the finds (the last quarter of the XVIII – XX centuries).....	242
<i>Vinogradov YU.A.</i> K.K. Gerts. Letters from the Cimmerian Bosphorus	292
<i>Druzhinina N. S.</i> Inspection of the monuments of Kerch in june 1944 by the commission of the State Hermitage	332

LIST OF ABBREVIATIONS	349

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XLVII

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год

Сайт журнала: <http://bospor-issled.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук:
5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки).

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *Г.Н. Хлебникова*

Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 20.11.2023 г.

Дата выхода в свет 29.12.2023 г.

Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 28,6.

Тираж 300 экз. Заказ 506.

Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.